

ИСТОРИЯ **США** В ЛИЦАХ

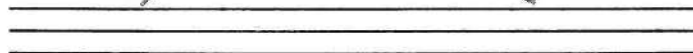
Авраам ЛИНКОЛЬН

И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США

Роберт ИВАНОВ

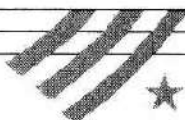
БОРЬБА ВОКРУГ
ЕГО ИМЕНИ И ВЕЛИКИХ
СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НИМ, ПРОДОЛЖАЕТСЯ
И В НАШИ ДНИ

ЭКСМО

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ИСТОРИЯ США В ЛИЦАХ

Н. Яковлев

«БРАТЬЯ КЕННЕДИ»

Братья Джон и Роберт Кеннеди были чрезвычайно популярными политиками в США. Однако оказались неудобными воротилам страны, и их убрали. Почему?

А. Уткин

«ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ»

Книга о наиболее «интеллектуальном» президенте США, которым восхищались А. Конан Дойл, Герберт Уэллс, Марк Твен, Джек Лондон и другие выдающиеся личности.

Н. Яковлев

«ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН»

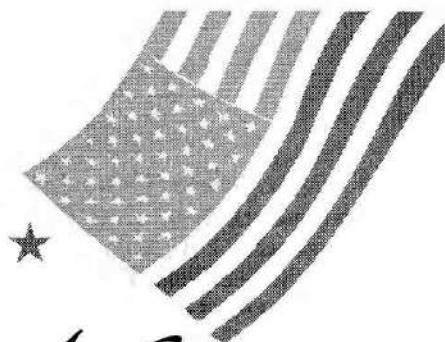
Повествование о первом президенте США, который наряду с другими «отцами Америки» заложил основы ее демократического устройства.

А. Уткин

«ВУДРО ВИЛЬСОН»

Еще одна книга об американском президенте, который немало поработал на национальные интересы своей страны, разумеется, не всегда совпадавшие с интересами других стран.

Авраам
ЛИНКОЛЬН

И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США

**Роберт
ИВАНОВ**

МОСКВА
«ЭКСМО»,
«АЛГОРИТМ-КНИГА»
2004 год

Общественно-редакционный совет:

Аннинский Л. А., Кара-Мурза С. Г., Латышев И. А.,
Николаев С. В., Палиевский П. В., Панарин А. С.,
Поляков Ю. М., Сироткин В. Г.,
Третьяков В. Т., Ульяшов П. С., Уткин А. И.

Иванов Р. Ф.

И 20 Авраам Линкольн и Гражданская война в США. — М.:
Изд-во Эксмо, 2004. — 448 с., илл. (История США в лицах).

ISBN 5-699-04561-9

Гражданская война в США 1861—1865 годов — крупнейшее событие в истории этой страны, она наложила глубокий отпечаток на все последующее развитие Соединенных Штатов Америки. В ходе кровопролитных сражений в США было уничтожено рабство негров. Выдающуюся роль в борьбе за уничтожение рабства сыграл великий гражданин Америки Авраам Линкольн.

Книга основана на анализе широкого круга источников: неопубликованных архивных материалов, документов конгресса США, прессы, работ зарубежных и отечественных историков.

ББК 63.3(7)-8

© Р. Иванов, 2004
© ООО «Алгоритм-Книга», 2004
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2004

ISBN 5-699-04561-9

Глава первая

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЛИНКОЛЬНА

1. «Коротка и проста летопись бедных»

Авраам Линкольн родился в трудовой семье фермера, одного из тех пионеров, которые первыми прокладывали путь на Запад. Его отец, Томас Линкольн, был потомком первых поселенцев Америки. Это был безграмотный человек, весь смысл жизни которого сводился к тяжелой, изнурительной борьбе за кусок хлеба для себя и своей семьи. Томас Линкольн отличался большим трудолюбием, завидным спокойствием, был прекрасным семьянином.

Неутомимый и искусный работник, он был типичным для того времени фермером-переселенцем, который в суровой борьбе с природой мог рассчитывать только на свои руки¹. Когда в 1806 г. вместе со своей женой Томас Линкольн поселился в штате Кентукки, ему пришлось преодолеть огромные трудности, чтобы расчистить тридцатиакаровый участок земли и сделать его пригодным для земледелия. В хозяйстве Линкольнов все было сделано их руками, начиная от хижины и кончая примитивной мебелью.

Неизменной помощницей Томаса Линкольна была его жена Нэнси Хенкс. С мягким добрым сердцем, отзывчивая, отличавшаяся большим природным умом, Нэнси Хенкс умело воспитывала детей, прививая им любовь к труду².

Авраам, родившийся 12 февраля 1809 г., был вторым ребенком в семье. Вместе со своей сестрой, которая была старше его на дни года, он рано познал все трудности тяжелой жизни фермеров-пионеров, на всю жизнь запомнил леденящую стужу долгих зимних ночей.

Фактически все необходимое для жизни семьи давал обраба-

¹ J. S c r i p p s. Life of Abraham Lincoln. Bloomington, 1961, p. 30.

² Ibid., p. 30 — 32.

тываемый ими участок земли и окружающий лес. Пища была грубая и простая. Нэнси Хенкс сама пряла и ткала и из полученной домотканой материи шила для всей семьи. Важным подспорьем была охота: мясо убитых Томасом Линкольном зверей шло в пищу, из шкур шилась верхняя одежда.

Детство Линкольна прошло на лоне природы. Он полюбил суровую красоту лесных просторов Кентукки, прекрасно знал богатый животный и растительный мир родного края. Уже в его первых школьных сочинениях отразилась любовь к природе, большой интерес к окружающему миру.

Хозяйство Томаса Линкольна было довольно зажиточным. Когда родился Авраам, Томас Линкольн владел двумя земельными участками в 586,5 акра, но обрабатывался только небольшой участок в 30 акров. Он постоянно имел одну-две лошади, а на протяжении некоторого времени, как показывают налоговые ведомости, был владельцем четырех лошадей.

В налоговой ведомости за 1814 г. Томас Линкольн по стоимости своего хозяйства занимал пятнадцатое место среди 98 хозяйств, имевшихся в данном районе. Томас Линкольн пользовался уважением у местных жителей, состоял в патрульной службе графства и был смотрителем тюрьмы. Несколько раз он заседал в суде присяжных, был оценщиком собственности и смотрителем дороги, проходившей недалеко от его фермы. Дом, построенный Томасом Линкольном, не отличался красотой и комфортабельностью, но был значительно лучше тех примитивных хижин, в которых жило большинство пионеров, осваивавших лесные дебри Кентукки.

Благополучие семьи Линкольников держалось на их собственном труде. С детских лет Авраам выполнял в доме самую различную работу: помогал отцу обрабатывать участок, пропалывал огород, следил за садом, собирал в лесу дикие ягоды и даже охотился. И уже в те ранние годы для Линкольна было характерно исключительное трудолюбие, настоящая любовь и уважение к труду, которые сохранились в нем на всю жизнь.

Мать Линкольна умела читать, что было в то время для ее круга редким явлением, и по ее настоянию дети были отданы в школу.

Первым учителем Линкольна был их сосед Захарий Райни, человек малообразованный, но тем не менее державший у себя на дому маленькую школу. Когда Линкольну исполнилось семь лет, он стал посещать эту первую в своей жизни школу. Однако учеба продолжалась недолго. Сосед-плантатор, через владения которого проходила дорога в школу, возненавидел маленького Эйба за то, что он нашел себе друга среди негров. Вскоре плантатор перенес свою антипатию на всю семью Линкольников, которая, как и

многие баптисты, относилась с сочувствием к неграм. Отношения с богатым соседом настолько обострились, что Томас Линкольн вынужден был продать за бесценок ферму и в 1816 г. переехал с семьей в Индиану.

Индиана была еще менее обжитым краем, чем Кентукки. Линкольны поселились на территории нынешнего округа Спенсер, где в то время на четыре квадратные мили в среднем приходилась одна семья. На протяжении многих миль сплошной стеной стояли вековые деревья. «Леса, леса, леса, уходящие до самого края света!» — так описывал эту округу один из местных жителей. В стихотворении, написанном двадцать лет спустя, Линкольн писал, что, когда они поселились в Индиане, там проходила порочническая линия с индейцами. Это был глухой район, вспоминал Линкольн, по ночам возле хижины были пантеры, домашний скот Линкольновых нередко становился добычей диких зверей.

На новом месте все пришлось начинать заново. Томас Линкольн соорудил ветхий шалаш из кольев, вбитых в землю, без пола и закрытый только с трех сторон, на месте четвертой стены развалился костер, который обогревал это убогое жилище. Целый год семья прожила в этом шалаше, пока Томас Линкольн не срубил небольшой бревенчатый дом. Это была крохотная избушка в одну комнату, с земляным полом. В новом жилище не было никакой мебели, за исключением грубой деревянной кровати и нескольких табуретов, сделанных Томасом Линкольном.

Суровые испытания выпали на долю Линкольнов, вся их жизнь сводилась к изнурительной борьбе за существование. В 1860 г., когда Линкольн был выдвинут кандидатом в президенты Соединенных Штатов, Джон Скрипс, его первый биограф, попросил кандидата в президенты рассказать о своем детстве. «Скрипс, — ответил Линкольн, — было бы большой глупостью пытаться перечислить что-либо из моей ранней жизни. Всю ее можно кратко изложить в одной фразе, и вы найдете ее в элегии Грея: «Коротка и проста летопись бедных»¹.

Линкольн с детства отличался большой любознательностью, прекрасной памятью и исключительной тягой к знаниям, к учебе. Краткое посещение школы в Кентукки дало Аврааму очень скудный багаж знаний: он едва научился читать по слогам и немного писать. Это был первый, небольшой, но очень важный шаг на пути к знаниям; семена, заложенные в Кентукки, попали на благодатную почву. Каждую свободную минуту Линкольн отдавал учебе. После окончания трудового дня он занимал свое любимое место возле горящего очага, размещал на коленях грубо отесан-

¹ В. Thomas. Abraham Lincoln. New York, 1952, p. 4.

ную доску и практиковался углем в «чистописании». У Линкольна рано пробудилась страсть к чтению, утолить которую было серьезной проблемой, так как домашняя библиотека семьи состояла всего из трех книг: библии, катехизиса и азбуки. Катехизис и азбука вскоре были выучены наизусть, так же, как и многие главы из Библии. Позднее Линкольн часто поражал слушателей безошибочным цитированием многих изречений из Библии.

Через год после переезда Линкольных в Индиану на их семью обрушилось большое несчастье. В те годы на Западе свирепствовала эпидемия инфекционной болезни, которую называли молочной лихорадкой. Родители Линкольна заболели одновременно. Томас Линкольн, физически очень сильный человек, довольно быстро встал на ноги, а мать через несколько дней скончалась.

В таежной глуши Индианы на много километров вокруг не было пастора. Глубоко религиозный Томас Линкольн тяжело переживал, что пришлось похоронить жену без соблюдения церковных обрядов. И тут впервые Авраам смог применить на практике полученные им знания. Впечатлительный мальчик глубоко переживал потерю любимой матери, и он решил воздать ей последний долг. Авраам написал письмо пастору с просьбой приехать и отслужить панихиду на могиле матери. До сих пор Томас Линкольн снисходительно смотрел на занятия сына, считая их не больше как простой забавой. Но он был несказанно удивлен, когда через несколько недель в их доме появился пастор. Томас Линкольн поверил в силу учения и в дальнейшем всемерно поощрял стремление сына к учебе.

Со смертью матери на плечи Авраама и его сестры легли новые заботы по хозяйству. Сара, двенадцатилетняя сестра Линкольна, готовила теперь пищу на всю семью и убирала дом. Десятилетний Линкольн выполнял любую посильную работу, в частности был погонщиком лошадей. Тогда и произошел случай, который чуть не стоил ему жизни. Лошадь, сильно ужаленная оводом, нанесла копытами страшный удар своему маленькому погонщику. Обливающегося кровью Авраама отнесли в дом, обмыли и уложили на постель, всю ночь он не приходил в сознание. «В десятилетнем возрасте его (Линкольна. — *Р. И.*) ударила лошадь и в течение некоторого времени казалось, что он убит... Но он не умер, как ожидалось, а пришел в себя, сказав: «Ты, старая кляча». Это был конец фразы, которую он начал перед тем, как получил удар и потерял сознание»¹.

Большую роль в воспитании Линкольна сыграла Сара Буш

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln. The Prairie Years and the War Years. One Volume Edition. New York, 1954, p. 12.

Джонстон, которая 2 декабря 1819 г. стала женой Томаса Линкольна. Сара Буш Джонстон пришла в семью Линкольнов вместе со своими тремя детьми, оставшимися после смерти ее первого мужа. С приходом в дом новой хозяйки многое изменилось в убогом жилище Линкольнов. В доме впервые появилась настоящая мебель, и Авраам был приятно поражен, когда увидел себя в новом хорошем платье.

Сара Джонстон была исключительно энергичной женщиной, обладавшей природным педагогическим талантом. Умело руководя воспитанием пятерых детей, она сумела создать настоящую семью, в которой дети разных родителей не чувствовали никакой неприязни друг к другу. И спустя много лет, став уже взрослыми людьми, они продолжали поддерживать друг с другом искренние родственные отношения. Сара Джонстон, добрая и умная женщина, быстро нашла путь к сердцу своего приемного сына, и он принялся к ней настоящей сыновней любовью. На всю жизнь Линкольн сохранил самые теплые чувства к своей приемной матери, которая пережила его на несколько лет.

Сара Джонстон была грамотной и всемерно старалась помочь Аврааму в его стремлении к учебе. Используя свои довольно скудные знания и ориентируясь больше на богатый жизненный опыт, она отвечала на бесчисленные вопросы своего приемного сына. А вопросов становилось все больше по мере того, как Авраам рос и расширял свои познания. Вскоре библиотека Линкольнов пополнилась двумя новыми книгами — «Странствие христианина» Беньяка и «Басни Эзопа». С особым восторгом Авраам перечитывал «Басни Эзопа». Персонажи этих басней из близкого и понятного ему животного мира глубоко врезались в память впечатлительного мальчика¹.

Через некоторое время после появления в доме Линкольнов Сары Джонстон Авраам во второй раз в жизни получил возможность приобщиться к систематическим занятиям. Авраам учился с настоящим вдохновением и в короткие сроки добился значительных успехов в арифметике и письме. Но через несколько недель школа закрылась, и только через четыре года Линкольн получил возможность вновь посещать школу. Частые переезды семьи помешали Линкольну получить даже элементарное начальное образование. Позднее он говорил, что «в целом... посещал школу менее года»².

Самые различные книги попадались под руку Линкольну в детстве и юности, первыми из них были Библия и катехизис. Отец

¹ J. Scripps. Op. cit., p. 35.

² C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 13.

Линкольн был глубоко религиозным человеком, активным членом баптистской церкви.

Сара Буш Линкольн также вступила в местную церковь. Характерно, что ни религиозные воззрения родителей, ни чтение церковных книг не оказали воздействия на Линкольна. Он никогда не вступал ни в какую церковь.

Постепенно округа, в которой жили Линкольны, «все более заселялась в основном выходцами из южных штатов. Но условия жизни населения оставались по-прежнему очень тяжелыми. Земля обрабатывалась примитивным плугом; грубый серп, заступ, топор были единственными орудиями труда. Плохо обрабатываемая земля приносила бедные урожаи, и поселенцы голодали. Фермеры жили в небольших избушках, состоявших, как правило, из одной комнаты, где готовили пищу, ели, спали, работали. Врач в этих районах был очень редким явлением, и больные пользовались услугами знахарей. Широкое распространение среди населения получили суеверия. Пьянство было поголовным явлением, причем пили не только мужчины, но и многие женщины, даже среди пасторов пристрастие к крепким напиткам не считалось пороком.

Поселенцы, как правило, носили одежду, изготовленную дома, грубые сапоги и мокасины были основной обувью, а ботинки являлись большой редкостью. Что касается женщин и детей, то они большую часть года ходили босиком.

Хозяйство поселенцев в значительной мере имело натуральный характер, и в обращении находилось ничтожное количество валюты, которая к тому же не пользовалась доверием. Свины, шкуры енота, оленя, лани и другая пушнина обменивались на порох, пули, дробь, кофе, сахар и одежду.

Такова была среда, в которой рос молодой Линкольн. В полутора километрах от их фермы находилось поместье самого богатого хозяина округа, Джеймса Джентри. В Джентривиле была лавка, и вскоре он превратился в главный торговый центр всех окрестных ферм. Здесь по вечерам, после окончания работы, собиралась молодежь, и неизменными посетителями этого своеобразного клуба были Авраам и Денис Хенкс. Линкольн был прекрасным рассказчиком и обладал поразительной памятью. Побывав на каком-либо митинге, он почти дословно запоминал произнесенные речи и любил их пересказывать, часто собирая вокруг себя не только сверстников, но и взрослых. Уже в те годы в нем чувствовался прирожденный оратор. Линкольн умело владел аудиторией, просто и вместе с тем очень занимательно излагая свои мысли. У него был настоящий талант мимического актера, и он часто изображал в лицах выступление того или иного деятеля, вызывая дружный хохот своих благодарных слушателей. Мягкий юмор, беззлобные

шутки, многочисленные забавные истории, вычитанные из книг или услышанные где-либо, были обычным украшением этих выступлений Линкольна.

Денис Хенкс, вспоминая годы, проведенные с Линкольном, говорил позднее: «Мы схватывали все на лету — слухом, нюхом, зрением. Мы слушали все, что говорила по какому-нибудь вопросу, и обсуждали его со всех сторон, пока он не был совершенно исчерпан. Ходили на политические и другие митинги, выслушивали разные стороны и мнения, обсуждали их, спорили. Эйб произносил речи, проповеди, читал нам, объяснял и так далее... веселый, живой это был мальчик; всегда отличался юмором — впрочем, изредка на него находила грусть... В городке Джентри-вилль, с милю от фермы отца, он часто потешал народ своими смешными рассказами и шутками. Вокруг него собиралась целая толпа и, слушая его, не расходилась до полуночи...»¹

2. «Мой лучший друг — человек, давший мне книгу, которую я еще не читал»

Линкольн только урывками посещал школу, но учился с огромным интересом, никто из его школьных товарищей не мог равняться с ним в знаниях. С большой охотой он выполнял в доме всю работу, связанную с перепиской, никогда не отказывал соседям в просьбе написать письмо, прошение или какую-нибудь другую бумагу. Все, знавшие Линкольна, поражались его горячему стремлению к учебе, глубокими для его возраста и, главное, для условий, в которых он рос, познаниями. Линкольну предсказывали блестящую будущность. К этим предсказаниям молодой Авраам относился с присущим ему юмором. Сохранилась тетрадь школьных лет (первый известный образец его почерка), в которой Линкольн начертил следующие вирши: Авраам Линкольн, его перо и рука, они добьются многого, но бог знает когда².

Восторженные отклики окружающих о талантах молодого Линкольна не вскружили ему голову. Линкольн был куда более сдержан в оценке своих способностей и знаний. «Бесспорно, что когда я достиг совершеннолетия, — говорил он позднее, — я знал немного. Однако я кое-как читал, писал и считал по математическому тройному правилу, и это было все, что я мог»³.

Авторитету Линкольна среди сверстников, да и среди взрос-

¹ Каменский А. А. Линкольн. СПб., 1891, с. 14 — 15.

² В. Thomas. Op. cit., p. 15.

³ Ibidem.

лых, способствовали не только его знания, но и недюжинная физическая сила. В шестнадцать лет он уже почти достиг своего полного роста — 193 см. Это был высокий, худой и угловатый юноша, с непропорционально длинными руками и ногами. Внешне Линкольн не производил впечатления физически сильного человека. Однако никто в округе не мог равняться с ним, когда начинались состязания на силу и выносливость. В Индиане, в краю лесорубов и скотников, было широко распространено испытание силы мужчин в упражнениях с топором. Линкольн всегда одерживал верх в таких соревнованиях. Он мог легко взять тяжелый топор за конец длинной рукоятки и держать его горизонтально дольше, чем кто-либо. Ловкий, исключительно подвижный, Линкольн быстро завоевал в Джентривиле славу самого сильного человека¹.

Интерес Линкольна к чтению с годами все более усиливался. Линкольн буквально не мог жить без книг. Денис Хенкс, родственник матери Линкольна и его сверстник, который жил у Линкольников в годы детства Авраама, вспоминал, что он не помнил случая, чтобы Линкольн, начиная с двенадцатилетнего возраста, когда-нибудь расставался с книгами. Любовь к книгам сохранилась у Линкольна на всю жизнь. Уже став взрослым человеком, он говорил: «Все, что я хочу знать, есть в книгах. Моим лучшим другом является тот, кто дал мне книгу, которую я еще не читал»².

Книги были для Линкольна настоящей святыней. Характерен случай, имевший место в его ранней юности. Недалеко от фермы Линкольников в Индиане проживал некий Эндрю Крофорд. Когда Авраам узнал, что у него есть книга «Жизнь Джорджа Вашингтона», он упросил Крофорда дать ему книгу на несколько дней. С огромным интересом молодой Линкольн читал жизнеописание выдающегося государственного деятеля и полководца. Книга еще не была прочитана, когда случилось несчастье. Плохо спрятанная книга попала под проливной дождь и пришла почти в полную негодность. Трудно описать переживания Линкольна. С тяжелым сердцем пришел он к владельцу книги, рассказал всю правду и предложил Крофорду отработать на его участке за испорченную книгу столько, сколько тот посчитает нужным. Крофорд не замедлил воспользоваться представленной возможностью получить бесплатного работника. «Хорошо, Эйб, — заявил он, — поскольку это касается тебя, я буду строг. Приезжай и вози для меня фураж в течение двух дней, и мы будем считать наши расчеты за-

¹ R. Luthin. The Real Abraham Lincoln. Englewood Cliffs, 1960, p. 21 — 22; J. Scripps. Op. cit., p. 39 — 40.

² C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 13.

конченными». Линкольн добросовестно выполнил все предъявленные условия и приобрел, хотя и испорченную, но первую собственную книгу¹. В домах поселенцев книги были очень редким явлением, и если Линкольн узнавал, что где-либо в округе появилась новая книга, он не успокаивался до тех пор, пока не получал ее. Биографы Линкольна отмечают, что, помимо «Жизни Джорджа Вашингтона» Виимза и «Басен Эзопа», он зачитывался в эти годы «Робинзоном Крузо», «Прогрессом пилигрима», «Историей Соединенных Штатов» Гримшоу, «Кентуккским наставником».

Знания, почерпнутые из книг, постепенно приобретаемый жизненный опыт расширяли кругозор Линкольна и одновременно ставили перед ним целый ряд вопросов. И он поднимал эти вопросы везде, в том числе и в школе. Учителя бывали немало удивлены, когда их ученик ставил, например, такой вопрос: «У кого больше оснований быть недовольными: у индейцев или у негров»². Еще больше они поражались, когда Линкольн начинал бессторонне аргументировать выдвигавшиеся им положения.

Каждую свободную минуту Линкольн использовал для чтения, он читал по ночам, в перерывах между работой. Но времени для чтения становилось все меньше, так как по мере роста хозяйства Линкольников на долю Авраама выпадали все новые заботы. Еще подростком он начал батрачить у соседей, которые, зная большую физическую силу и сноровку молодого Линкольна, с большой охотой приглашали его на работу.

В 1825 г. Линкольн выполнял подовые работы у соседа — поселенца Джеймса Тейлора. Круг его обязанностей был исключительно широк: обрабатывать землю, следить за лошадьми, молоть зерно, топить печи и иногда даже стряпать. Линкольн безотказно выполнял любое поручение, но особое удовольствие он получал, работая у Тейлора паромщиком на переправе через реку Огайо. Молодой Линкольн встречался с новыми людьми, получал огромное удовлетворение от бесед со своими пассажирами, некоторые из них немало путешествовали и могли многое рассказать любопытному паромщику.

Каждый интересный собеседник был для Линкольна настоящим кладом. «Он пытался читать людей с такой же жадностью, как и книги»³. Линкольн высоко ценил в людях природный ум, образную речь, знание жизни. Люди, окружающая жизнь были для него, так же как и книги, важнейшим источником познания.

¹ J. Barrett. Life of Abraham Lincoln. New York, 1865, p. 26; J. Scripps. Op. cit., p. 36.

² C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 14.

³ Ibid, p. 15.

Спустя много лет он писал, что в годы своей юности «подбирал» знания везде, где это было возможно¹. Тесная дружба связывала юного Линкольна с кузнецом из Джентривилля Джоном Болдвинном, который был неисчерпаемым кладом пословиц, поговорок, являлся прекрасным рассказчиком и знатоком народного фольклора. Общение с такими людьми привило ему любовь к яркой, живой, простой и всем понятной народной речи, которая была так характерна для Линкольна.

В 1827 г. Авраам впервые попробовал свои силы в публицистике. В местной газете появились две его первые статьи. В одной из них Линкольн призывал к беспощадной борьбе с пьянством, бывшим в их округе настоящим бедствием, другая статья была посвящена политическому вопросу.

Линкольна мало удовлетворяла спокойная и размеренная жизнь на ферме отца, привычный круг обязанностей и интересов, с которыми он сталкивался. Живая натура юноши искала нового поприща для применения бившей ключом энергии. В нем пробудилось желание путешествовать, увидеть новые места, познакомиться с новыми людьми. Работа на переправе через Огайо подсказала Линкольну новую идею. По собственным чертежам он построил небольшое судно и, нагрузив его продуктами, совершил плавание вниз по Огайо на один из ближайших рынков.

Это было первое самостоятельное путешествие Линкольна, которое придало ему уверенность в свои силы.

Удачное плавание молодого Линкольна с продуктами фермы вниз по Огайо привлекло к нему внимание самого богатого хозяина в округе Джеймса Джентри. В начинании молодого Линкольна он увидел возможность сделать хороший бизнес. В марте 1828 г. Джентри предложил Линкольну сопровождать большой плот с грузом свинины и других продуктов по реке Огайо и далее вниз по Миссисипи до Нового Орлеана. Линкольн с радостью принял предложение посетить один из крупнейших городов Соединенных Штатов.

Плавание в Новый Орлеан было заманчиво, но очень рискованно: предстояло проделать огромный путь, без малого в 2500 км. Выполнение этой задачи было по плечу только отважным и физически крепким людям, так как плот был без паруса и плыть надо было все время на веслах, зачастую против сильного ветра. На плоту не было никакого укрытия, нельзя было разводить огонь, и путники нередко мокли под проливным дождем. Однако Линкольн был доволен путешествием. Плот медленно плыл по «Отцу вод», и, созерцая живописные берега великой Миссисипи, Лин-

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 15.

кольн представлял, насколько огромна и прекрасна его родина. Путешественникам пришлось преодолеть немало трудностей и опасностей. Возле берегов Луизианы спящая команда подверглась нападению семи беглых негров. Линкольн, вооружившись большой дубиной, не колеблясь, вступил в бой. Несколько человек он сбил в воду, а остальные бежали. В этой схватке Линкольн получил глубокую рану, и до конца жизни над правым глазом у него остался заметный шрам.

Прибыв в Новый Орлеан, путешественники продали свой груз и плот и, прежде чем отправиться и обратный путь, несколько дней знакомились с городом. Впервые в жизни Линкольн увидел огромный город, где проживали 40 тыс. человек. Большой порт, в гавани которого стояли корабли из многих стран мира, грузившиеся хлопком, сахаром, табаком, произвел огромное впечатление на Линкольна. Его поразили разноразличные толпы на улицах Нового Орлеана, англичане, французы, испанцы, мексиканцы, креолы, необычная одежда горожан, их манеры и обычаи — все было ново и удивительно. В Новом Орлеане он впервые увидел, как на городском рынке вместе с продуктами, сельскохозяйственным инвентарем и скотом торговали людьми. Аукцион негров-рабов произвел на Линкольна гнетущее впечатление. Неприятие к рабству, проявившаяся в детские годы, еще больше усилилась после посещения Нового Орлеана¹.

Прожив в Индиане четырнадцать лет, Линкольны продали 20 февраля 1830 г. ферму, стадо свиней, запасы хлеба и 1 марта того же года двинулись в штат Иллинойс. Причиной переезда была новая угроза эпидемии молочной лихорадки. Иллинойс был избран новым местом жительства, так как здесь жил со своей семьей Джон Хенкс, дядя Дениса Хенкса. После двухнедельного путешествия, преодолев расстояние в 200 с лишним миль, Линкольны обосновались в штате Иллинойс, на правом берегу реки Сантимон, в 4 милях от городка Декатур. С переездом в Иллинойс наступил новый важный этап в жизни Линкольна, именно здесь он впервые испробовал свои силы в политической деятельности.

Заботы, связанные с устройством на новом месте, поглощали все свободное время Линкольна. Вновь пришлось вместе с отцом строить дом, возводить пристройки, расчищать и огораживать земельный участок. Жизнь на новом месте мало чем отличалась от тех условий, в которых семья жила в Кентукки и Индиане, те же обязанности, тот же круг интересов. Монотонная и размеренная жизнь нарушилась одним важным событием — летом 1830 г. он произнес свою первую речь. Линкольн говорил о необходимости

¹ J. Scripps. Op. cit., p. 50 — 51; R. Luthin. Op. cit., p. 13.

проведения ирригационных работ на реке Сангамон, чтобы улучшить условия для навигации.

Быстро прошло лето, а осенью вся семья Линкольнов заболела тяжелой формой малярии, которая в те годы была настоящим бедствием для Иллинойса. Было принято решение, дождавшись окончания зимы, переехать на новое место.

Нерадостно встретил Иллинойс новых поселенцев. Весной началось сильное наводнение, затопившее всю округу. Дождавшись, пока подсохнут дороги, Линкольны снова отправились в путь. На этот раз они поселились в округе Колс того же штата, находившемся приблизительно в 100 км к востоку от первого местожительства Линкольнов в Иллинойсе.

Во время переезда в Колс Линкольн не сопровождал свою семью, так как отправился в новое плавание по Миссисипи. Конечным пунктом этого путешествия опять был Новый Орлеан. Предложение совершить эту поездку исходило от Дентона Оффата, торговца из Нью-Салема. Весной 1831 г. на большом плоту, груженном свининой, кукурузой и другими сельскохозяйственными товарами, Линкольн, Офат, Джон Хенкс и еще один из родственников Линкольна отправились вниз по Миссисипи.

Вторичное пребывание в Новом Орлеане на всю жизнь запомнилось Линкольну — он стал свидетелем массовой распродажи негров на аукционе. Линкольн видел, как пригнали партию рабов, закованных в цепи, надсмотрщики истязали негров бичами, демонстрируя покупателям покорность своего живого товара. Линкольн не мог без содрогания вспоминать дикие сцены, творившиеся на аукционе, где стоял душераздирающий крик матерей-рабынь, которых разлучали с детьми. Многочисленные объявления о продаже рабов свидетельствовали о том, что торговля людьми в Новом Орлеане шла полным ходом. «Имеются в продаже несколько красивых девушек в возрасте от 10 до 18 лет, женщина 24 лет, женщина 25 лет большой стоимости, с тремя очень красивыми детьми». «Куплю 25 красивых негров, мужчин и женщин, в возрасте от 18 до 25 лет. Готов заплатить за них наличными самую высокую цену». Такими объявлениями пестрел весь город. Гнетущее впечатление на Линкольна произвел негр с отрубленной рукой. Когда он спросил, отчего этот негр стал калек, ему разъяснили, что непокорным рабам рубят руки, и это обычная мера наказания и устрашения. Джон Хенкс писал позднее, что Линкольн, потрясенный всем увиденным на аукционе, сказал: «Если когда-нибудь мне представится возможность ударить по рабству, я сокрушу его»¹.

¹ В. Thomas. Op. cit., p.24.

После возвращения из Нового Орлеана Авраам не вернулся больше в дом отца, а начал самостоятельную жизнь. Оффат, получивший возможность за время длительного путешествия по достоинству оценить своего молодого компаньона, предложил Линкольну заведовать торговым складом в Нью-Салеме.

Это было типичное для того времени поселение на границе с индейскими племенами — небольшая деревня, где проживало всего 25 семей. Среди жителей Нью-Салема был бондарь, сапожник, колесный мастер, столяр, трактирщик, шляпник и два врача; в деревушке имелось два кабака и две лавки, станок для прядения шерсти. Почти все необходимое для жизни производилось здесь же, земледелие было главным источником существования жителей поселка. Жизнь в Нью-Салеме мало чем отличалась от тех условий, с которыми Линкольн был знаком в Индиане.

1 августа 1831 г. в Нью-Салеме Линкольн впервые принял участие в голосовании. Голосование проходило в доме Джона Камрона, у хозяйки которого Линкольн находился на пансионе и где он познакомился с одиннадцатью дочерьми Камрона, которые немало потешались над добродушным, чрезмерно длинноногим и длинноруким постояльцем. Голосование проходило довольно своеобразно — каждый избиратель, входя в дом Камрона, называл свою фамилию и кандидата, за которого голосовал. Результаты опроса заносились в «избирательную ведомость». Линкольн голосовал за кандидата в конгресс Генри Клея — известного деятеля партии вигов. В дальнейшем он неоднократно говорил, что считает себя учеником этого выдающегося деятеля вигов. И действительно, по ряду важнейших вопросов внутренней и внешней политики его взгляды совпадали с точкой зрения Генри Клея. Почти весь день голосования Линкольн провел на «избирательном участке», беседуя с избирателями, завязывая новые знакомства, живо интересуясь проблемами, которые волновали их. За один день он познакомился почти со всеми избирателями окрестных ферм.

В сентябре 1831 г. Линкольн приступил к исполнению своих новых обязанностей у торговца Оффата. Он должен был вести учет и всемерно помогать хозяину в реализации его товаров. Новая работа вполне устраивала Линкольна, и главным образом потому, что он имел возможность постоянно общаться с жителями близлежащих ферм. Молодой помощник Оффата быстро завоевал популярность у населения Нью-Салема и окрестностей. Заходя в лавку за товарами, каждый стремился поговорить с приветливым и добродушным приказчиком, готовым всегда дать дельный совет в самых различных вопросах. Работа у Оффата была для Линкольна хорошей жизненной школой: постоянно

встречаясь со многими людьми, он входил в курс всех событий, изучал нужды и запросы населения¹.

Позднее, когда Линкольн вышел на арену активной политической деятельности и начал дискуссию с известным лидером рабовладельцев Стефаном Дугласом, последний в одном из своих выступлений в 1858 г. презрительно заявил, что Линкольн в Нью-Салеме «был бакалейщиком». Линкольн ответил, что это «прискорбная ошибка», что он «никогда и нигде не был бакалейщиком», но если бы это и было так, то он не видит в этом большого греха². Этот ответ характерен для Линкольна. Получив общенациональную известность, став президентом, он никогда не скрывал своего трудового прошлого, а гордился им.

Работая у Оффата, Линкольн показал себя честным, правдивым человеком, всегда прямо выражавшим свои мысли. В немалой степени росту его авторитета среди жителей способствовала и огромная физическая сила молодого приказчика. В этой пограничной полосе приходилось вести тяжелую изнурительную борьбу за существование, население жило в постоянном страхе перед набегами индейцев, которые самоотверженно боролись с белыми пришельцами. И в первую очередь здесь ценили в человеке силу, находчивость, храбрость. Линкольн не раз имел возможность продемонстрировать все эти качества. Когда Авраам два раза подряд победил самого сильного борца в округе Даниэля Нидгема, слава о нем разнеслась далеко за пределы Нью-Салема.

Молодой помощник Оффата прекрасно справлялся с новыми для него обязанностями. Хозяин отзывался о нем как об исключительно честном, способном и трудолюбивом работнике. Исключительно высокого мнения был Оффат о знаниях молодого Линкольна, по его мнению, «он знал больше, чем любой человек в Соединенных Штатах». Оффат относился к своему работнику с большой симпатией и, по мнению биографов Линкольна, оказывал на него большое положительное влияние, в частности способствовал тому, что он стал больше верить в свои силы³. Линкольн с большой теплотой отзывался об Оффате и, уже став известным политическим деятелем, всегда выступал против тех, кто порицал Оффата. Позднее Линкольн писал, что Оффат был расположен к нему «и верил, что может сделать его полезным»⁴.

Деятельность Линкольна в Нью-Салеме началась в период, когда предпринимались первые важные шаги в колонизации За-

¹ J. Scripps. Op. cit., p. 54 — 55.

² J. Barrett. Op. cit., p. 36; R. Luthin. Op. cit., p. 198.

³ C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 24.

⁴ «Collected Works», Vol. IV, p. 64.

пада. Поселения пограничной полосы, изолированные от промышленных и торговых центров страны огромными расстояниями, испытывали острую нужду в самом необходимом. Торговцы широко использовали в своих интересах большие трудности, с которыми сталкивались первые поселенцы Запада. Они беззастенчиво обкрадывали покупателей, часто назначая баснословные цены за свои товары.

За время работы Линкольна в Нью-Салеме не было случая, чтобы кто-либо пожаловался на молодого помощника Оффата. Исключительная честность Линкольна как в делах, так и в повседневной жизни прочно укрепила за ним прозвище «честный Эйб», которое так и осталось за ним на всю жизнь. Каждый, кто приходил к Линкольту, знал, что он получит у него бескорыстный и дельный совет, всемерную помощь. По словам человека, писавшего Линкольту во время его проживания в Нью-Салеме, «он был судьей, посредник с решающим голосом во всех спорах, чего бы они ни касались; примиритель во всех ссорах, всеобщий друг, самый добродушный, разумный, сведущий, скромный, добрый и в то же время самый неуклюжий и сильный молодой парень во всем Нью-Салеме и его окрестностях»¹.

Самостоятельная жизнь в Нью-Салеме позволила Линкольту уделить больше внимания самообразованию. Период жизни Линкольна в Нью-Салеме является началом его настоящего самообразования, той неустанной, упорной борьбы за знания, которую он продолжал на протяжении всей своей жизни. Линкольн придавал огромное значение самообразованию. В 1855 г., когда он был уже известным политическим деятелем, его спросили, как можно стать адвокатом. «Возьмите книги, — ответил Линкольн, — читайте и изучайте их до тех пор, пока вы не поймете то главное, что в них содержится. И это основное. Не имеет никакого значения, если вы читаете книги в небольшом городе. Я читал в Нью-Салеме, где никогда не проживало трехсот человек. Книги и ваша способность понимать их всюду одинаковы»².

Линкольн посещал все собрания и не упускал ни одного случая послушать ораторов и испытать свои собственные силы. Он живо интересовался всеми политическими вопросами, особенно его волновали проблемы, непосредственно затрагивавшие жизнь населения Нью-Салема и окрестностей. Он стал постоянным подписчиком на газету, хотя, по свидетельству биографов Линкольна, у него не хватало средств на то, чтобы купить более или менее приличный костюм, а ведь подписка стоила в то время значительных денег.

¹ Каменский А. Указ. соч., с. 23 — 24.

² «Collected Works», Vol. II, p. 327.

И по-прежнему важнейшим источником познания для него служили люди. В беседе с каждым новым человеком он стремился понять его характер, образ мыслей, почерпнуть от него то, что ему было неизвестно. Большинство жителей Нью-Салема и близлежащих поселков и ферм были выходцами из южных штатов, с соответствующими привычками, интересами, с широко распространенными среди них антинегритянскими настроениями. Но были среди знакомых Линкольна и янки, приехавшие на Запад из северных штатов. Это были по тому времени прогрессивно настроенные люди, носители буржуазной идеологии, многие из них с сочувствием относились к неграм. Общение с ними оказало значительное влияние на формирование политических взглядов молодого Линкольна.

Некоторые из выходцев с Севера были образованными людьми, и беседы с ними доставляли огромное удовлетворение Аврааму. Одновременно с Линкольном в Нью-Салем из Вермонта приехал доктор Джон Аллен, закончивший медицинскую школу Дортмунта. Это был опытный врач, с богатой практикой, пользовавшийся в Нью-Салеме большим авторитетом. В любое время дня и ночи, в любую погоду Аллен отправлялся к больному, готовый всегда выполнить свой долг врача. Всю плату за визиты к больным в воскресные дни он жертвовал на нужды церкви, больных и бедняков. Честность Аллена, его упорство в отстаивании антирабовладельческих взглядов сразу же завоевали ему любовь и расположение Линкольна.

Среди знакомых Линкольна в Нью-Салеме было несколько ветеранов войны за независимость и англо-американской войны 1812 — 1814 гг. Это были живые участники тех исторических событий, о которых он читал с таким захватывающим интересом в дни своего детства и юности.

Значительным событием в жизни Линкольна явилось первое знакомство в Нью-Салеме с адвокатской деятельностью, которая позднее заняла в его жизни столь важное место. С помощью своего друга судьи Боулина Грина Линкольн занялся изучением юриспруденции и правил составления юридических документов. В конце 1831 — начале 1832 г. он выступил в качестве свидетеля при разборе четырех дел, собственноручно составил несколько юридических документов и участвовал в разборе имущественных исков.

3. «Таковы мои убеждения и политические принципы»

В жизни Линкольна Нью-Салем сыграл исключительно большую роль — здесь началась его политическая деятельность. 9 марта 1832 г. газета «Сангамо джорнэл», издававшаяся в Спрингфилде,

опубликовала сообщение о том, что Авраам Линкольн примет участие в избирательной кампании по выборам депутатов в легислатуру — законодательное собрание штата Иллинойс. Газета напечатала обращение Линкольна к избирателям округа Сангамо. Этот документ показывает, как молодой Линкольн понимал обязанности депутата, какие вопросы, по его мнению, надо было решить в законодательном собрании штата. «Время и практика, — писал Линкольн, — наглядно показали большую общественную пользу внутренних улучшений. Никто не будет отрицать, что бедные и слабозаселенные провинции много выигрывают от создания хороших дорог и расчистки рек, пригодных для навигации. Но было бы неразумно начинать подобные или какие-либо иные работы, не выяснив предварительно, что мы в состоянии завершить их, так как обычно наполовину законченные работы являются пустой растратой труда»¹.

Большое внимание начинающий политический деятель уделял вопросам образования, морали. «Каждый человек может получить по крайней мере незначительное образование, — писал Линкольн, — что поможет ему познакомиться с историей своей и других стран и должным образом оценить достоинства наших свободных институтов».

Линкольн отмечал, что в Нью-Салеме процветает практика «одолживания денег под непомерно высокие проценты... ежегодно каждый округ облагается прямым налогом в несколько тысяч долларов, что отвечает интересам только немногих лиц». Он указывал на настоятельную необходимость издания закона о борьбе с ростовщичеством.

В обращении к избирателям Линкольн заверял, что если он будет избран, то все мероприятия легислатуры, направленные на решение этих вопросов, будут им «одобрены и поддержаны». Линкольн подчеркивал, что рассчитывает «исключительно на неписимых избирателей округа». «Со дня своего рождения, — писал он, — и на протяжении всего времени я занимаю самое скромное положение в обществе. Я не имею ни богатства, ни влиятельных родственников, которые могли бы рекомендовать меня». Обращение Линкольна к избирателям было значительным событием в его жизни. «Он сделал первый реальный шаг в своей политической деятельности»².

Однако Линкольну пришлось отложить реализацию своих планов — началась война с индейцами. Мелкие стычки с индейскими племенами были обычным явлением в жизни поселенцев

¹ «Collected Works», Vol. I, p. 5 — 9.

² C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 28.

пограничных районов. На этот раз началась настоящая война. В апреле 1832 г. индейцы переправились через Миссисипи и стали совершать массовые набеги на пограничные районы Иллинойса. Поселенцы-пионеры огнем и мечом прокладывали себе путь на запад. Индейские племена, постоянно теснимые белыми пришельцами, вынуждены были покидать свои родные места. Договоры о пограничной линии между индейцами и переселенцами постоянно нарушались последними: они вторгались на индейскую территорию и истребляли плохо вооруженные индейские племена. Белые пришельцы действовали по принципу: «Хороший индеец — мертвый индеец».

Разобщенные племена индейцев не могли оказать сопротивления все более усиливавшемуся давлению с востока.

Объединившись под руководством 67-летнего вождя Черного Сокола, команчи, сауки, осеги и другие индейские племена начали войну.

Индейцы, прекрасно знавшие район военных действий, были неуловимы, они совершали неожиданные набеги на населенные пункты, разбросанные на большом расстоянии друг от друга, сжигали фермы, угоняли скот. Паника охватила всю округу. По распоряжению губернатора Иллинойса Рейнольдса началось формирование отрядов добровольцев. Линкольн в это время не имел никакой работы: его хозяин запутался в темных спекуляциях, разорился и закрыл свою торговлю. Когда началось формирование отрядов добровольцев, он принял самое активное участие в создании отряда в округе Менард. Линкольн, несмотря на свою молодость, был избран капитаном. Первый раз в жизни Линкольн занял выборную должность; как он признавал много лет спустя, это избрание льстило его самолюбию. Линкольн говорил, что никакие, даже самые большие, успехи на политическом поприще не доставляли ему такого удовлетворения, как избрание в командиры его товарищами по оружию.

Против небольших отрядов индейцев действовали несколько полков волонтеров численностью более 3 тыс. человек и регулярные воинские части. Но, несмотря на большой перевес сил, разбить индейцев не удавалось. На протяжении всей войны не было ни одного крупного сражения, однако непрерывные переходы по бездорожью в погоне за неуловимым противником изматывали людей. Многие волонтеры потянулись домой, и Линкольну стоило больших усилий удержать в повиновении своих солдат. Через три месяца война закончилась сражением у Бэд-Акса, где индейцы были разбиты превосходящими силами белых, вождь индейцев Черный Сокол оказался в плену.

В войне с Черным Соколом участвовали несколько генералов.

Среди командиров был и будущий президент США Захарий Тейлор, который имел чин полковника.

Война не принесла лавров ни регулярной армии, ни волонтерам. Позднее, будучи членом палаты представителей конгресса США, Линкольн с присущим ему юмором оценивал свое участие в этой бесславной кампании. 27 июля 1848 г. в конгрессе обсуждался вопрос о президентских выборах, ряд членов конгресса превозносили военные подвиги участника войны с Черным Соколом генерала Кесса, которого прочили в президенты. Линкольн в своем выступлении заявил: «Между прочим, мистер спикер, разве вы не знали, что я тоже герой войны?.. Если генерал Кесс и превознес меня в охоте за черникой, то ему пришлось спасовать передо мной в атаках на дикий лук. Если он встречался с живыми сражающимися индейцами, то это больше того, что сделал я. Но я выдержал много кровопролитных сражений с москитами, и хотя я никогда не терял сознание от потери крови, скажу откровенно, я частенько голодал»¹.

Линкольн был немало удивлен, когда после окончания войны, возвратившись в Нью-Салем, он был встречен как настоящий герой. Участие в войне с индейцами укрепило авторитет Линкольна среди избирателей, которые выдвинули его кандидатом в члены легислатуры Иллинойса. Для 23-летнего юноши, без какого-либо прочного общественного положения, не имевшего в тот момент никакой работы, это была большая честь. Линкольн с большим удовлетворением принял это предложение.

Первая избирательная кампания, в которой участвовал Линкольн, была проиграна, он не был избран в легислатуру. Однако результаты выборов принесли Линкольну и большое удовлетворение: в своем избирательном округе в Нью-Салеме он получил 277 голосов из 284². Подавляющее большинство голосов, полученных в Нью-Салеме, придало Линкольну уверенность в своих силах.

Результаты голосования в Нью-Салеме были тем более приятны для Линкольна, что большинство избирателей стояло на позициях демократической партии, а Линкольн отражал точку зрения вигов, соперничавших с демократами. И безусловно, что успех в Нью-Салеме был исключительно следствием большого личного авторитета Линкольна среди избирателей³.

Политические взгляды Линкольна в эти годы с предельной полнотой отразились в его кратком выступлении перед избирателями, приводившемся выше. Национальный банк, протекцио-

¹ «Collected Works», Vol. I, p. 509 — 510.

² J. Barrett. Op. cit., p. 49.

³ R. Luthin. Op. cit., p. 37; J. Scripps. Op. cit., p. 63.

нистский тариф, внутренние улучшения — это была позиция партии вигов, в значительной мере отражавшая интересы растущего класса буржуазии. Здесь еще не определена позиция Линкольна ни по вопросу о рабстве, ни по вопросу о гомстедах, ничего не сказано о его внешнеполитической программе. В это время еще не сформировались взгляды Линкольна по всем этим важнейшим проблемам. Это был период становления его политических взглядов.

Поражение на выборах в легислатуру со всей остротой поставило перед Линкольном вопрос о выборе дальнейшего пути; у него не было ни профессии, ни семьи, он не имел никакого определенного занятия. Линкольн продолжал самостоятельно изучать право, но все чаще подумывал, не посвятить ли себя более практическому делу — стать кузнецом. Неожиданно для себя Линкольн оказался втянутым в авантюру, за которую ему пришлось долго и дорого расплачиваться. Некий Берри предложил Линкольну на паях открыть в Нью-Салеме лавку. Не имея в это время никакого определенного занятия, Линкольн дал согласие на это предложение. 125 долларов, полученных за трехмесячную службу в войне с индейцами, почти полностью были потрачены, и Линкольн, пользовавшийся исключительным доверием жителей, начал свою деятельность на торговом поприще в кредит. Его компаньон запутался в долгах и скрылся. Вскоре Берри умер от пьянства, и Линкольну, как печальное напоминание о его неспособности к торговым махинациям, остался огромный долг его компаньона — 1100 долл., который ему пришлось выплачивать на протяжении почти пятнадцати лет.

Линкольну было чуждо стремление к обогащению. Уильям Херндон, несколько лет совместно с Линкольном занимавшийся юридической практикой, а позднее его биограф, писал, что «Линкольн не видел смысла в деньгах»¹. Будучи компаньоном Берри, Линкольн больше времени уделял чтению, чем торговым операциям. Линкольн интересовался историей, тщательно изучил «Всемирную историю» Роллина, «Упадок и крах Римской империи» Гиббона, «Крушение империи» Волнея и многие другие работы по истории. По укоренившейся с детства привычке Линкольн составлял краткий конспект прочитанных книг и надолго запоминал то, что было выписано. Линкольн прекрасно знал и очень ценил Шекспира, Роберта Бернса, Томаса Пейна, Вольтера. Зная наизусть многочисленные места из произведений любимых авторов, он часто цитировал их в своих речах.

Интересы Линкольна были чрезвычайно разносторонни; помимо права, истории, филологии, он самостоятельно изучал также

¹ G. Charnwood. Abraham Lincoln. New York, 1950, p. 74.

и математику. Интерес к математике и механике у Линкольна проявился еще в юности, когда он по собственным чертежам строил плот. Сохранилось прошение Линкольна от 10 марта 1849 г., в котором он обращается с просьбой выдать ему патент на изобретенный им новый оригинальный способ транспортировки судов. Линкольн приложил к прошению подробный чертеж, раскрывающий принцип его изобретения¹. В трудное для Линкольна время, когда сбежал его компаньон Берри, на помощь к Линкольну пришел его знакомый Джон Калоун, который был землемером в Сингамоне. Он взял к себе в помощники незадачливого лавочника, вновь оставшегося без всяких средств к существованию. Получив приглашение от Калоуна, Линкольн тщательно изучил «Триктат по геометрии, тригонометрии и прямоугольному межеванию» Флинта, купил компас и измерительный инструмент, приобрел в кредит лошадь с седлом и приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Должность землемера была в большом почете на Западе, так как все время прибывали новые поселенцы и каждому из них надо было выделить участок. Линкольн целые сутки проводил в седле, разъезжая по огромному краю, занимаясь межеванием участков для постоянно прибывавших эмигрантов. Плата помощника землемера была мизерной, и часто его услуги оплачивались не деньгами, а натурой. За одно из своих первых межеваний Линкольн получил две пары брюк из оленьей шкуры. Позднее он писал в автобиографии: «Эта работа обеспечивала только хлеб и соли сохраняла душу в теле»².

В 1833 г. параллельно с исполнением обязанностей помощника землемера Линкольн приступил к новой работе: он стал почтмейстером Нью-Салема. В обязанности почтмейстера входило подсчитывание количества страниц в письмах и расстояния, которые они прошли, исходя из этого определялась плата за пересылку (почтовых марок в то время еще не существовало). Корреспонденция была очень невелика, и новая должность не отнимала у Линкольна много времени³.

В 1834 г. Линкольн вновь баллотировался в депутаты легислатуры. Учтя опыт своей первой избирательной кампании, он был теперь более активен, он много ездил по избирательному округу и не упускал ни одного случая выступить перед избирателями. Мило что изменилось в жизни Линкольна за два года: он по-прежнему не имел ни богатства, ни влиятельных друзей, которые

¹ «Collected Works», Vol. II, p. 32.

² Ibid., p. 65.

³ R. Luthin. Op. cit., p. 32 — 33.

могли бы помочь ему в избирательной борьбе, рассчитывать можно было только на свои силы, на свой собственный авторитет.

Линкольн убеждал избирателей голосовать за его кандидатуру не столько красноречием, сколько конкретными делами. Показателен случай, который произошел во время одного митинга. Линкольн выступал перед небольшой группой избирателей-фермеров. Когда кандидат в депутаты окончил свою речь, слово взял один из слушателей и заявил, что фермеры будут голосовать только за того, кто не уступит им в работе. Линкольн не стал ждать дополнительного предложения. Он вместе с фермерами принялся убирать урожай, и никто не мог угнаться за ним.

4 августа 1834 г. Линкольн был значительным большинством избран в законодательное собрание штата Иллинойс¹. Двадцатипятилетний Линкольн одержал свою первую победу на политическом поприще.

Глава вторая

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Законодатель из округа Сангамо

Избрание в члены законодательного собрания не изменило социального и имущественного положения Линкольна. Он по-прежнему должен был зарабатывать себе на существование, выполняя обязанности помощника землемера и почт-мейстера.

В легислатуре Линкольн тесно сблизился с депутатом законодательного собрания Иллинойса Джоном Стюартом, с которым он был знаком еще со времен войны с индейцами. Тесное общение со Стюартом, известным адвокатом и лидером вигов, оказало благотворное влияние на Линкольна — именно в этот период с его помощью он занялся непосредственной подготовкой к сдаче экзамена на право заниматься адвокатской практикой².

Приехав в столицу штата Вандалию, Линкольн поселился в одной комнате со Стюартом. Значительное влияние, которым Стюарт пользовался среди вигов Иллинойса, способствовало тому, что комната Стюарта и Линкольна превратилась в своеобразный политический центр фракции вигов в легислатуре.

Участие в работе законодательного собрания явилось для

¹ J. Scripps. Op. cit., p. 67.

² R. Luthin. Op. cit., p. 39.

Линкольна хорошей школой политической деятельности. Он познакомился здесь с опытными политиками, многие из которых сделали впоследствии карьеру, став губернаторами, сенаторами, конгрессменами. Именно здесь довелось Линкольну впервые встретиться со Стефаном Дугласом, дебаты с которым в 50-х годах принесли Линкольну общенациональную известность. Небольшого, почти карликового роста, очень полный, с массивной головой, Дуглас уже в то время получил прозвище «маленький гигант». Прекрасный оратор, энергичный и волевой человек, Дуглас, несмотря на свою молодость (ему был 21 год), уже пользовался большим влиянием среди членов демократической партии Иллинойса.

5 декабря Линкольн произнес свою первую речь в законодательном собрании; он внес билль, ограничивавший права мирового судьи. На протяжении первой сессии законодательного собрания Линкольн внес еще два законопроекта, оба они предусматривали улучшение средств сообщения в округе, от которого он был избран¹. В ходе работы законодательного собрания Линкольн внес также резолюцию по другому, исключительно важному для населения Иллинойса вопросу — об общественных землях. Резолюция гласила, что конгрессмены и сенаторы Иллинойса в конгрессе США должны добиваться решения о том, чтобы не менее 20% доходов, получаемых от продажи общественных земель штата, оставались в распоряжении властей Иллинойса.

В деятельности Линкольна как депутата вопрос об улучшении средств сообщения занимал очень видное место. Для жителей Иллинойса это была проблема исключительной важности. Шестнадцать лет назад Иллинойс был принят в Союз США в качестве штата. «Так же, как и Линкольн, Иллинойс был огромен, силен, необитаем и обладал возможностями для большого развития»². Население штата, достигавшее 200 тыс., занималось в основном сельским хозяйством. Отдельные районы были изолированы друг от друга, на местах производилось фактически все необходимое для жизни населения. Перспективы дальнейшего развития экономики штата во многом определялись состоянием путей сообщения. Особое значение улучшение дорог имело для продвижения продуктов сельскохозяйственного производства на новые рынки. Решение этой проблемы сулило очень большие выгоды. Так, например, пшеница в Буффало стоила в три раза дороже, чем в Иллинойсе. Экономика штата набирала темпы в своем развитии, и вполне естественно, что вопросы об улучшении путей сообщения, о создании банков, о благоустройстве населенных

¹ «Collected Works», Vol. I, p. 29 — 35.

² В. Thomas. Op. cit., p. 46.

пунктов занимали преобладающее место в работе законодательного собрания.

Бурные дебаты велись и по проблемам, имевшим общенациональное значение. С большим вниманием прислушивался Линкольн к горячим спорам по вопросу о национальном банке, необходимом для развития промышленности и торговли. В 30-х годах эта проблема занимала важное место в политической жизни страны. Генри Клей, Даниэль Вебстер и другие лидеры вигов, отстаивая интересы буржуазии, требовали положительного решения этого вопроса. Демократы во главе с президентом Джексоном были решительными противниками национального банка, ущемлявшего интересы рабовладельцев. Одержав на выборах победу над Клеем, Джексон столкнулся в конгрессе с сильной оппозицией, которая выступала за создание национального банка. Сенат признал действия Джексона противоречащими конституции и отказался опубликовать в своих официальных отчетах резкий протест президента.

При обсуждении вопроса о национальном банке Линкольн вместе с вигами, которых в легислатуре было меньшинство, голосовали против Джексона. Только в одном случае Линкольн высказал точку зрения, отличную от мнения вигского меньшинства. Он заявил, что сенат США не должен был возражать против опубликования протеста Джексона в своих официальных отчетах. Эта оговорка показательна. Линкольн на протяжении всей своей политической деятельности всегда выступал за демократические методы обсуждения и разрешения спорных вопросов. При решении таких вопросов он не руководствовался эгоистическими партийными интересами и считал, что надо дать противнику возможность беспрепятственно высказать свою точку зрения.

За два с половиной месяца работы законодательного собрания Линкольн зарекомендовал себя с самой положительной стороны. Простые по форме, но логичные, глубоко продуманные выступления молодого депутата обратили на себя внимание многих известных деятелей Иллинойса. Он был избран в комиссию общественных расчетов и расходов, принимал участие в работе ряда других комиссий. Большое впечатление на депутатов произвел Линкольн своей простотой, душевностью, мягким юмором. Один из лоббистов следующим образом излагал свое впечатление о Линкольне: «Костлявый, угловатый, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, некрасивый, почти неуклюжий... и тем не менее какой-то магнетизм и энергия делали этого человека всеобщим любимцем»¹.

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 44.

В середине февраля 1835 г. сессия закончила свою работу. Линкольн возвратился в Нью-Салем, приобретя опыт парламентской борьбы, расширив свой политический кругозор, установив контакт со многими выдающимися деятелями Иллинойса. Признание, наконец, было найдено, Линкольн посвятил себя политической деятельности.

По возвращении в Нью-Салем Линкольн вновь приступил к исполнению обязанностей почтмейстера и помощника землемера и все свободное от работы время отдавал изучению права. Линкольн писал в автобиографии, что книги по праву были отложены в сторону на время работы законодательного собрания, но тотчас же после окончания сессии он «возвратился к ним»¹.

Линкольн занимался с поразительным упорством. «Решив изучить право, он страшно перегружался. Друзья беспокоились о его здоровье»². Избрание в законодательное собрание несколько поправило его материальное положение: за два с половиной месяца работы легислатуры Линкольн получил 258 долл. депутатского вознаграждения. Это позволило рассчитаться с неотложными долгами и создать некоторую материальную базу для продолжения изучения права.

В это время Линкольна постигло большое личное горе — 25 августа 1835 г. умерла Анна Рутледж, близкий друг и горячо любимый человек. Линкольн пережил тяжелое нервное потрясение. Жители Нью-Салема вспоминали, что он почти помешался, много уходил в лес, разговаривал сам с собой, никого не замечал. «Линкольн восстановил свое душевное равновесие. Позднее он женился, но Анна Рутледж была единственная женщина, которую он действительно любил. Память о ней оказывала большое мистическое влияние на Линкольна в продолжение всей его жизни»³.

Линкольн нашел в себе силы преодолеть обрушившееся на него горе и вернулся к исполнению своих обязанностей. В декабре 1835 г. он принял участие в работе чрезвычайной сессии законодательного собрания, созванной для того, чтобы ускорить разрешение вопроса о строительстве канала между рекой Иллинойс и озером Мичиган. Линкольн внес в законодательное собрание проект строительства канала недалеко от Нью-Салема. Он был материально заинтересован в разрешении этого вопроса, так как купил в этом районе участок в 47 акров. В своей речи в Питсбурге он агитировал избирателей покупать акции компании, созданной для реализации этого проекта. Впрочем, надо отметить, что это

¹ «Collected Works», Vol. IV, p. 65.

² C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 44.

³ B. Thomas. Op. cit., p. 51.

был один из немногих случаев, когда Линкольн занимался куплей-продажей земельных участков и акций.

В связи с приближавшимися в 1836 г. президентскими выборами в законодательном собрании развернулась упорная борьба. Немногочисленная группа депутатов-вигов начала энергичную кампанию в поддержку Даниэля Вебстера, который был выдвинут кандидатом на пост президента. Линкольн принимал в этой кампании самое активное участие. Более того, в отсутствие своего друга Стюарта, которого часто отвлекали дела в адвокатуре, он исполнял обязанности лидера вигов в законодательном собрании.

В 1836 г. Линкольн был вновь избран в законодательное собрание Иллинойса. В этом же году произошло еще одно крупное событие в его жизни — 9 сентября он сдал экзамен и получил право заниматься частной адвокатской практикой.

Профессия юриста давала ему огромное удовлетворение: занимаясь разбором судебных дел, Линкольн много ездил, изучал вопросы, волновавшие население штата, получал все большую известность среди избирателей¹.

5 декабря 1836 г. началась трехмесячная сессия законодательного собрания Иллинойса. Большинство в обеих палатах легислатуры по-прежнему принадлежало демократам, и небольшая группа депутатов-вигов, руководимая Линкольном, сталкивалась с большими трудностями в своей парламентской деятельности. Однако, несмотря на свою малочисленность, виги вели довольно успешную борьбу, зачастую добиваясь решения ряда важных вопросов. Они, в частности, добились перевода столицы штата из Вандалии на север, где быстро росло население и развивалась экономика. Столицей штата стал город Спрингфилд. В решении этого вопроса большую роль сыграл Линкольн, который к этому времени был уже общепризнанным лидером вигов в законодательном собрании.

В апреле 1837 г. Линкольн покинул Нью-Салем и переехал в новую столицу штата. Спрингфилд насчитывал в 1837 г. 1400 жителей, из них 78 свободных негров, 20 законтрактованных слуг и шесть рабов. Небольшой городок был экономическим и торговым центром округа с населением в 18 тыс. человек. Спрингфилд снабжал окрестных фермеров сельскохозяйственными орудиями, бакалейными товарами, мануфактурой — всем необходимым для их существования. В Спрингфилде фермеры продавали зерно, свинину, все, что производилось на их фермах.

Переезд в Спрингфилд благотворно отразился и на юридичес-

¹ W. King. Lincoln's Manager David Davis. Cambridge, 1960, p. 78 — 79, 94.

кой практике Линкольна, которая значительно расширилась, и на его политической деятельности. Здесь он был постоянно в курсе всех политических вопросов, встречался с руководящими политическими деятелями Иллинойса, получил возможность более внимательно следить за общенациональными проблемами.

В своей деятельности в законодательном собрании Линкольн продолжал уделять исключительно большое внимание вопросам улучшения путей сообщения, благоустройства населенных пунктов, общественных земель. Это были проблемы, волновавшие самые широкие слои населения Иллинойса.

13 июня 1836 г. Линкольн писал редактору «Сангамо джорнэл», что в своей деятельности в качестве члена законодательного собрания он будет стремиться к тому, чтобы средства, вырученные от продажи общественных земель, использовались на нужды населения штата, чтобы в Иллинойсе строили каналы и железные дороги¹. Линкольн был среди тех, кто подписал петицию, в которой указывалось на необходимость улучшений состояния дорог. По мнению петиционеров, быстрее решение этого вопроса в значительной степени способствовало бы развитию и сельского хозяйства, и торговли².

Экономические вопросы заняли особенно большое место в политической деятельности Линкольна в 1837 г., когда страна оказалась охваченной тяжелым экономическим кризисом. Волна кризиса докатилась и до глухих уголков Иллинойса. «Сангамо джорнэл» писала, что «отголоски тяжелого времени эхом перекапывались от одного конца провинции к другому»³. Была созвана специальная сессия законодательного собрания Иллинойса для обсуждения положения, сложившегося в штате в связи с разразившимся кризисом. Линкольн вместе с остальными депутатами-инганами выступил за принятие энергичных мер для улучшения экономического положения штата. В частности, он голосовал в поддержку банка Спрингфилда, который в условиях начавшегося кризиса оказался в чрезвычайно тяжелом положении.

2. Проблема рабства в канун гражданской войны

И тогда, когда Линкольн выходил на арену активной политической деятельности, в жизни страны все большую роль начинал играть вопрос о рабстве негров. В пламени революционной войны североамериканских колоний Англии против британского гос-

¹ «Collected Works», Vol. I, p. 48.

² Ibid., p. 50 — 51.

³ C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 60.

подства 1775 — 1783 гг. родилось первое независимое государство Американского континента — Соединенные Штаты Америки.

Американская революция была событием огромного исторического значения. Много нового и поучительного принесла с собой эта революция, на весь мир провозгласившая торжество прогрессивных для того времени буржуазных идей. Американская буржуазия доказала, что появился новый молодой класс, полный сил и энергии, способный сокрушить власть самой могучей империи мира; класс, который поднял на борьбу широкие слои фермеров, ремесленников, торговцев — подавляющее большинство населения колоний.

Американская буржуазная революция 1775 — 1783 гг. была поучительна и с другой точки зрения. Она показала, что «свобода, равенство и братство», провозглашенные буржуазией, носят далеко не универсальный характер. Еще не закончились сражения войны за независимость, а буржуазия уже успела доказать, что может подавлять революционные выступления масс не менее жестокими методами, чем английские колонизаторы. Не много потребовалось времени, чтобы буржуазия продемонстрировала и свое умение эксплуатировать народные массы еще более беззастенчиво, чем это делали английские лендлорды. В успешном завершении войны за независимость негритянское население колоний сыграло немалую роль, но рабство негров на Юге США не было отменено. Многие причины помешали уничтожению в ходе войны за независимость самой вопиющей социальной несправедливости — рабства негров. Среди них важную роль играл вопрос о соотношении сил между плантаторами и буржуазией. Последняя была не настолько сильна, чтобы не считаться с интересами плантаторов, заинтересованных в сохранении рабства. Но решающую роль сыграли интересы самой буржуазии, которая была экономически тесно связана с рабовладельцами и получала большую долю дохода от эксплуатации негров-рабов. Все это и явилось причиной того, что буржуазия сохранила позорный институт рабства.

Рабство противоречило идеям, провозглашенным революцией, и некоторые идеологи буржуазии робко и стыдливо осуждали его, другие закрывали глаза на жесточайшую эксплуатацию рабов, но большинство оправдывало и защищало это позорное наследие колониального прошлого. А рабство тем временем росло и крепло, распространяясь на все новые и новые территории.

Изобретение в 1793 г. хлопкоочистительной машины дало мощный толчок развитию рабовладельческой системы. Производительность труда при очистке хлопка увеличилась в 50 раз, а в дальнейшем еще более возросла¹.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 358.

Разумеется, не чудодейственная хлопкоочистительная машина Уитни влила новые силы в рабство, которое в конце XVIII в. переживало серьезный кризис и стало постепенно хиреть. Само изобретение машины явилось следствием изменившихся социально-экономических условий. Дальнейшее развитие текстильной промышленности задерживалось из-за недостатка сырья, нужна была машина, которая решила бы проблему очистки хлопка. И эта машина была изобретена. Хлопок стал теперь экономически выгодной культурой и в короткие сроки занял ведущее место в рабовладельческой экономике южных штатов.

Рабство негров в США являлось чрезвычайно своеобразным социально-экономическим явлением. Кажется парадоксальным, что победившая в Америке буржуазная революция не только не уничтожила рабство, но и способствовала развитию системы хозяйства, основанной на наемном труде как основе производства. Но это парадоксальность только внешняя. Конкретные исторические условия того периода породили важные социальные и экономические факторы, обеспечившие возможность и в определенной мере необходимость существования рабства на Юге США. Чтобы выяснить эти факторы, необходимо остановиться на характеристике рабства, месте, которое оно занимало в экономической и политической жизни страны.

Экономическая структура Соединенных Штатов отличалась большой сложностью. На огромной территории страны имелось патриархальное фермерское хозяйство, мелкое товарное производство, рабовладельческое плантационное хозяйство, капиталистическое производство. Патриархальное фермерское хозяйство и мелкое товарное производство не имели четко очерченной географической границы. Что же касается рабовладельческого хозяйства и капиталистического производства, то они были четко разграничены географически. Северо-Восток был промышленным центром страны, на Юге безраздельно господствовала рабовладельческая система хозяйства. Различия в экономической структуре обуславливали и различные пути и темпы развития этих двух важнейших экономических районов страны. Начавшийся на Северо-Востоке в конце XVIII в. промышленный переворот особенно усилился в результате англо-американской войны 1812 — 1814 гг.

Параллельно с развитием промышленного переворота на Северо-Востоке на Юге шел процесс дальнейшего развития и укрепления рабовладельческой системы хозяйства. В южных штатах рабовладельческая система хозяйства была господствующей¹.

¹ Маркс К. Капитал. М., 1963, т. I, с. 247, 769; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 368—369.

Это был своеобразный гибрид рабства с капитализмом: плантатор обладал полной собственностью не только на орудия и средства производства, но и на производительную силу — негра-раба. Право плантатора на раба фактически ничем не отличалось от соответствующих прав рабовладельца в эпоху античного рабства; плантатор мог подвергать негров жесточайшим физическим наказаниям, имел право купли-продажи, мог даже убить раба. Условия труда на плантациях Юга также фактически ничем не отличались от античного рабства — тот же жесточайший принудительный труд и право полной собственности рабовладельца на продукцию, произведенную рабом. Так же, как и во времена далекого прошлого, рабам можно было доверить только самые примитивные орудия труда, потому что «на плантациях рабы всегда стремились ломать все орудия труда»¹.

Но на этом внешнее сходство между рабством негров в США и античным рабством заканчивалось. Между двумя системами рабства имелось принципиальное различие, заключавшееся в том, что рабство негров в Америке породила капиталистическая система хозяйства, оно было неразрывно связано с этой системой и служило ее интересам. Маркс писал, что в США на плантациях, «которые с самого же начала рассчитаны на торговлю, на производство для мирового рынка, — существует капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами капиталисты, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему. В этом случае капиталист и земельный собственник — одно лицо»².

Рабовладельцев Юга и промышленно-торговую буржуазию Севера связывала самая тесная общность экономических интересов. «Наши интересы и процветание тесно связаны с судьбой хлопка», — писал в 1856 г. орган буржуазии Севера «Джорнэл оф коммерс». И действительно, буржуазия Нью-Йорка, например, получала 40 центов с каждого доллара, вырученного плантаторами от продажи хлопка³.

В 50-х годах XIX в. хлопок составлял 56% перевозок США за границу⁴. И активная участница аболиционистского движения

¹ A. Hart. Slavery and Abolition, 1831 — 1841. New York — London, 1906, p. 99.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 329.

³ Ph. Foner. Business and Slavery. The New York Merchants and the Irrepressible Conflict. Chapel Hill, 1941, p. 7.

⁴ A. Nevins. Ordeal of the Union, Vols I — II. New York, 1947, Vol. I, p. 466.

А Тримке не без оснований заявляла, что рабство, «представляя многочисленные выгоды для Севера, являлось по существу национальнoй, а не секционной системой»¹.

Сенатор от штата Огайо Морис говорил, что союз «рабовладельческой верхушки Юга и банковских кругов Севера зиждется на общности их цели, заключающейся в том, чтобы жить за счет неоплаченного труда других»².

Таким образом, рабство и капиталистическое производство были взаимно зависимы, дополняли друг друга, причем рабство носило подчиненный характер, являлось придатком капиталистического способа производства. Рабство не играло решающей роли в экономике страны — к 1860 г. доля Юга в национальном доходе страны составляла всего 25%³, — однако рабовладельцы занимали господствующие позиции в центральных органах власти. Руководитель негритянского освободительного движения Фредерик Дуглас писал: «Хозяева рабов были хозяевами республики. Их власть была почти неоспорима, а их сила непреодолима»⁴. С начала возникновения США и до гражданской войны 1861 — 1865 гг. рабовладельцы играли преобладающую роль в политической жизни страны. За 72 года, прошедшие со времени президентства Вашингтона до избрания Линкольна, 50 лет на посту президента находились ставленники рабовладельцев. За эти годы 20 из 35 членов верховного суда были южане, 13 из 23 спикеров палаты представителей конгресса были рабовладельцы⁵.

Отношения между буржуазией и рабовладельцами носили далеко не мирный характер. Между ними была большая общность экономических и политических интересов, но в борьбе за власть они являлись непримиримыми антагонистами. Маркс писал, что борьба между Севером и Югом была «характерной чертой истории Соединенных Штатов с начала текущего столетия (XIX в. — P. II)»⁶.

Весь ход экономического и политического развития страны неопровержимо доказывал, что рабство все более становилось тормозом на пути дальнейшего развития капитализма.

Противоречия между рабством и капитализмом проявлялись

¹ A. Nevins. Ordeal of the Union, Vols I — II. New York, 1947, Vol. II p. 141.

² «Congressional Globe», 25-th Congress, 3-d Session, Appendix, p. 168.

³ W. Foster. History of the Communist Party of the United States. New York, 1952, p. 36 — 37.

⁴ Ph. Foner. (ed.). Fr. Douglass. Selections from his Writings. New York, 1945, p. 33.

⁵ Фостер. У. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 416.

⁶ Маркс К. и Энгельс. Ф. Соч., т. 15, с. 314.

как в области внутренней, так и внешней политики. Рабовладельцы были одержимы идеей форсирования экспансии на юг, где можно было захватить земли, пригодные для выращивания хлопка. Для плантаторов экспансия в этом направлении имела жизненное значение, так как рабство в силу хищнического использования земли не могло существовать без постоянного распространения на новые территории. Буржуазия, наоборот, была заинтересована в экспансии на север, что имело важное значение для развития промышленного Северо-Востока. Однако противоречия по внешнеполитическим вопросам оказались вполне разрешимой проблемой, выход был найден в осуществлении экспансии и в том, и в другом направлении. Правда, основным направлением экспансии стал Юг; причиной этого являлось господствующее положение рабовладельцев в центральных органах власти. Важную роль сыграло и то обстоятельство, что в своей экспансии на север США сталкивались с непосредственными интересами могущественной Англии, в то время как на юге соседом США была Мексика, слабая и в военном, и в экономическом отношении.

Противоречия между рабовладельцами и буржуазией в области внешней политики были незначительными по сравнению с теми сложными проблемами, которые разделяли их в вопросах внутренней политики. Буржуазия была заинтересована в создании единого прочного национального рынка, в введении высокого таможенного тарифа, чтобы защитить молодую промышленность США от иностранной конкуренции, в создании на западных землях фермерского хозяйства. Решение всех этих проблем являлось необходимым условием для дальнейшего развития капиталистического способа производства. Однако осуществление этих мероприятий противоречило экономическим интересам рабовладельцев. Более того, в вопросе о колонизации Запада резко сталкивались и политические интересы двух господствующих классов страны. Соотношение сил в конгрессе зависело от того, будут ли на Западе созданы рабовладельческие или свободные штаты.

Спорные вопросы между рабовладельцами и буржуазией решались путем компромисса, однако каждый такой компромисс приводил к очередной капитуляции буржуазного Севера перед рабовладельческим Югом. Именно такой характер носил Миссурийский компромисс 1820 г. К этому времени в свободных штатах Севера проживало 5152 тыс. человек, в рабовладельческих — 4485 тыс. В соответствии с численностью населения свободные штаты имели в палате представителей 105 депутатов, рабовладельческие — 81 депутата. Население свободных штатов росло неизмеримо быстрее, чем население рабовладельческого Юга; подавляющее большинство эмигрантов, приезжавших в США, оседало в

свободных штатах. На плодородные земли Запада из северных штатов мощным потоком двигались переселенцы, и плантаторы опасались, что этот обширный район мог быть потерян для рабовладельческой колонизации. В 1820 г. южане предложили строго разграничить сферы колонизации на Западе: территория к югу от 36° 30' с. ш. объявлялась открытой для рабства, а к северу — для свободных фермеров. По мере заселения этих районов предусматривалось, что здесь будут создаваться новые штаты, к северу от разграничительной линии — свободные, к югу — рабовладельческие. Имелось также в виду, что в состав Союза США будут и в дальнейшем приниматься одновременно один рабовладельческий и один свободный штат. Это соглашение получило название Миссурийского компромисса¹.

Компромисс 1820 г. отвечал интересам рабовладельцев. Его принятие объяснялось тем, что «те силы, которые могли быть главными противниками рабовладения и стали ими в дальнейшем — рабочий класс и фермерство, — еще не начали решительной борьбы против рабовладельцев. Рабочие были недостаточно организованы, сплочены, а фермеры еще не пришли в столкновение с плантаторами из-за западных земель»².

В 30-х годах, когда Линкольн стал известным политическим деятелем Иллинойса, вопрос о рабстве занял видное место в политической жизни США. Это были годы, когда рабовладельцы занимали прочные позиции в политической жизни страны, но эти позиции постепенно расшатывались под напором негритянского освободительного движения на Юге и все более активизирувшегося аболиционистского движения на Севере.

В 20-х годах в условиях тяжелой экономической депрессии происходила активизация негритянского освободительного движения в южных штатах. Кульминационным пунктом этого движения было восстание, подготовленное в Южной Каролине свободным негром Денмарком Вези. «По некоторым данным, в восстание было вовлечено до 10 тысяч рабов. Мятежные настроения распространились далеко по окружающей местности»³. Предательство помешало реализации подготовленного плана восстания, руководители заговора, в том числе и Вези, были арестованы. Начались жесточайшие репрессии, 35 заговорщиков во главе с Денмарком Вези были повешены.

Но репрессии не дали желаемого результата. После расправы

¹ H. Commager (ed.). Documents of American History, Vols I — II. New York, 1958, Vol. I, p. 224 — 227.

² Ефимов А. В. Очерки истории США. М., 1958, с. 195.

³ Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 138.

над участниками заговора Вези мелкие выступления рабов продолжались по всему Югу. А в августе 1831 г. в Виргинии произошло новое крупное антирабовладельческое выступление — восстание негров под руководством Ната Тернера. Восстание было подавлено, 120 негров убито, несколько сот арестовано.

Восстание Тернера вызвало многочисленные отклики в южных штатах. Охваченные паникой плантаторы предпринимали чрезвычайные меры, чтобы предотвратить возможность повторения подобных выступлений. «После 1831 г. и восстания Ната Тернера, — писал Фостер, — рабовладельческий Юг превратился в настоящий вооруженный лагерь с пушками, направленными на беспокорных рабов»¹.

В 30-е годы активизировалось аболиционистское движение, которое охватило многие штаты Севера. В этом движении участвовали представители различных классов: передовая интеллигенция, буржуазия, фермеры, рабочие, деятели негритянского освободительного движения, но всех их объединяла одна общая цель — уничтожение рабства. Руководящую роль в аболиционистском движении играли умеренные круги, возглавлявшиеся Уильямом Ллойдом Гаррисоном, которые считали, что с рабством можно бороться только моральными средствами, не прибегая к революционным методам вооруженной борьбы.

Несмотря на все свои слабости, аболиционизм сыграл большую положительную роль, развернув широкую агитационную кампанию, направленную против рабства. Начало организованному этапу в аболиционистском движении было положено в 1833 г. созданием Американского общества борьбы с рабством. О значительных масштабах движения свидетельствует тот факт, что общество объединяло 250 тыс. человек и располагало 25 газетами и журналами.

Помимо агитации против рабства, аболиционисты содействовали бегству рабов из южных штатов. Огромную страну с севера на юг пересекали многочисленные линии так называемой подземной железной дороги. На тщательно законспирированных станциях этой дороги беглые рабы получали пищу, медицинскую помощь, прятались от охотников за неграми и с провожатым переправлялись на Север и дальше, в Канаду.

Восстания негров-рабов, широкий размах аболиционистского движения привлекли к рабству внимание всей страны. В конгрессе, в законодательных собраниях штатов, в избирательных кампаниях, в выступлениях прессы, в церковных проповедях — всюду эта проблема занимала первостепенное место.

¹ Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 142.

Именно к этому времени относится первое публичное выступление Линкольна по вопросу о рабстве. Оценка взглядов Линкольна на проблему рабства имеет исключительно важное значение, так как отношение к рабству было в то время важнейшим критерием в оценке любого политического деятеля.

В Иллинойсе часто появлялись охотники за беглыми рабами, которые рыскали по штату в поисках «собственности», сбежавшей от плантаторов. Нередко были случаи, когда в Иллинойсе хватали свободных негров и продавали на Юг в рабство. Эти действия рабовладельцев вызывали энергичные протесты населения. В Иллинойсе, как и в других штатах Севера и Запада, все более активизировались аболиционисты, начинавшие оказывать довольно действенное влияние на политическую жизнь.

Активизация аболиционистов серьезно обеспокоила рабовладельцев, которые обратились к свободным штатам с меморандумом, предлагавшим запретить деятельность аболиционистов. Соответствующий документ был получен и губернатором Иллинойса Данкэном, который переслал его в легислатуру. Комиссия, занимавшаяся рассмотрением этого вопроса, внесла в законодательное собрание резолюцию, осуждавшую деятельность аболиционистов. Резолюция гласила: *«Генеральная ассамблея¹ штата Иллинойс постановляет:*

Мы резко осуждаем создание аболиционистских обществ и провозглашенные ими доктрины.

Постановляет, что федеральная конституция объявляет право собственности на рабов в рабовладельческих штатах неприкосновенным и что эти штаты не могут быть лишены этих прав без их согласия.

Постановляет, что федеральное правительство не может запретить рабство в округе Колумбия...»²

Резолюция была принята 77 голосами против шести. Среди голосовавших против был Линкольн. 3 марта 1837 г. Линкольн и Дэн Стоун в знак протеста против этого решения внесли резолюцию, которая гласила:

«На текущей сессии обеими палатами генеральной ассамблеи принята резолюция по вопросу о рабстве. Нижеподписавшиеся протестуют против принятия указанной резолюции.

Они считают, что институт рабства основан на несправедливой и плохой политике. Однако распространение аболиционист-

¹ Генеральная ассамблея — совместное заседание сената и палаты представителей законодательного собрания штата.

² «Collected Works», Vol. I, p. 75.

ских доктрин скорее ведет к усилению, а не ослаблению зол рабства.

Они считают, что согласно конституции конгресс США не имеет права вмешиваться в институт рабства, существующий в различных штатах.

Они считают, что конгресс США согласно конституции имеет право запретить рабство в округе Колумбия, но это право не может быть осуществлено без просьбы населения названного округа.

Различия между данными точками зрения и теми, которые содержатся в указанной резолюции, явились причиной внесения данного протеста.

*Дан Стоун
А. Линкольн»¹.*

Линкольн писал в автобиографии, что этот протест кратко определял его «позицию по вопросу о рабстве»². Суть этой позиции сводилась к следующему: рабство — зло, но борьба с рабством — не меньшее зло, это нарушение конституции и прав штатов. По существу, это была позиция непротивления злу насилием. Склонность к компромиссу, лавированию отчетливо проявилась уже в раннем периоде политической деятельности Линкольна. Но в то же время для него было характерно стремление открыто выступать и отстаивать свою точку зрения. Несмотря на то, что подавляющее большинство членов законодательного собрания занимало прорабовладельческие позиции, Линкольн выступил с осуждением рабства, хотя конфликт с большинством мог иметь для начинающего политического деятеля очень нежелательные последствия.

3. Законодатель и адвокат

Переезд в Спрингфилд, где находилась легислатура, позволил Линкольну успешно заниматься и политической деятельностью и юридической практикой.

Юридическая практика Линкольна представляет значительный интерес. И не только потому, что ее изучение дает возможность судить о его ораторском искусстве, о методах работы. Изучение деятельности Линкольна как адвоката имеет важное значение и для определения его политических взглядов.

¹ «Collected Works», Vol. I, p. 74 — 75.

² Ibid., Vol. IV, p. 65.

Адвокатура была для Линкольна не только профессией, дававшей возможность зарабатывать на жизнь, но и средством познания жизни, людей, расширения кругозора. Линкольн был в постоянных разъездах, часто он покидал Спрингфилд на несколько месяцев, отправляясь в самые глухие уголки Иллинойса. О Линкольне говорили, что он «был единственный адвокат, который разъезжал по всему судебному округу... взял себе за правило присутствовать на каждом заседании суда и оставаться на них до конца»¹. Линкольн останавливался в трактирах или у своих клиентов, где по вечерам вел долгие беседы, охватывавшие самый широкий круг вопросов. Многочисленные разъезды и беседы с жителями штата были для Линкольна хорошей школой, никто из членов законодательного собрания Иллинойса не был так тесно связан с избирателями и не знал так хорошо их настроений и нужд, как депутат от округа Сангамо. Линкольн широко использовал свои поездки и для политических выступлений на митингах, и для решения многих вопросов в качестве депутата законодательного собрания.

Линкольн приобретал все больший авторитет как преуспевающий адвокат. Прекрасное знание законов, внимательное отношение к своим клиентам, логичность и убедительность выступлений молодого адвоката быстро выдвинули его в число наиболее известных юристов штата². Выступления Линкольна не блистали внешними эффектами, у него был слабый голос, медлительная манера речи, объяснение этому ряд биографов видит в тяжелой травме, полученной Линкольном в детстве. И тем не менее его выступления производили огромное впечатление на слушателей. Известный юрист Дэвид Дэвис, хорошо знавший Линкольна, замечал, что «как оратор он обладал величайшей силой»³. В выступлениях Линкольна слушателей привлекала простота изложения, он говорил о самых злободневных делах, волновавших широкие слои населения Иллинойса. Очевидец одного из выступлений Линкольна, состоявшегося 11 июля 1836 г. в Спрингфилде, говорил: «С самого начала и до конца многочисленные жители часто прерывали м-ра Линкольна громовыми аплодисментами»⁴.

Известны многочисленные высказывания Линкольна о месте и роли юриста в обществе, о большой ответственности, которая ложится на человека, призванного судить других людей. Лин-

¹ J. Randall. Lincoln the President, Vol I — 4. New York, 1945, Vol. I, p. 14.

² J. Scripps. Op. cit., p. 77 — 79, 92 — 93.

³ W. King. Op. cit., p. 47.

⁴ «Collected Works», Vol. I, p. 50.

когда считал, что адвокат может браться за ведение дела только тогда, когда убежден в правоте своего подзащитного или считает, что он заслуживает снисхождения. Из юридической практики Линкольна можно привести многочисленные случаи, когда он, убедившись в неправоте своего клиента, отказывался вести дело, если оно и обеспечивало получение большого гонорара. Один из друзей Линкольна говорил: «Не в его привычках было поддерживать ложную позицию. Он в первую очередь отказывался от (ведения. — *Р. И.*) дела»¹.

С особым желанием Линкольн брался за ведение тех дел, в которых мог выступить в защиту людей, пострадавших от притеснений. Подобные дела он часто вел без всякого вознаграждения. Показателен следующий эпизод. Однажды к его услугам обратился один из жителей Иллинойса. Выслушав все обстоятельства дела, Линкольн заявил ему: «Да, я без сомнения выиграю ваше дело. Я могу поселить раздор в целом околоте и, обездолив вдову с шестью ребятами, взыскать в вашу пользу шестьсот долларов, на которые, мне кажется, эта женщина с детьми имеет столько же права, сколько и вы. Вы должны знать, что не все то нравственно, что правильно по закону. Я не возьмусь за ваше дело, но дам вам бесплатно один совет, который, может быть, вам и пригодится: попробуйте раздобыть эти шестьсот долларов каким-нибудь другим способом»².

В связи с широко распространенными антинегритянскими настроениями многие юристы отказывались в то время выступать в защиту негров. Защитник негра не только рисковал своей репутацией, но, как правило, не мог рассчитывать на приличное вознаграждение, так как негры были не в состоянии оплачивать большие судебные издержки. Линкольн был одним из немногих юристов, кто не отказывался вести дела негров³. Однажды по просьбе старой негритянки Линкольн взялся за почти безнадежное дело. Свободный негр, сын этой негритянки, был арестован в Новом Орлеане и продан в рабство. В те времена это было очень частым явлением, и всегда судебные органы в таких конфликтах выступали против негров. Линкольн приложил огромные усилия, чтобы выиграть процесс, он даже обратился за помощью к губернатору штата, но все усилия были тщетны. Тогда Линкольн и его компаньон на собственные средства выкупили этого негра и вернули его матери.

Уже в первые годы своей юридической практики Линкольн

¹ J. Randall. Lincoln the President, Vol. I, p. 38.

² Каменский А. Указ. соч., с. 34.

³ R. Luthin. Op. cit., p. 73 — 76.

выиграл ряд крупных дел, которые создали ему славу выдающегося адвоката. Особенно мастерски он провел дело Армстронга. Армстронг, единственный сын престарелых родителей, был обвинен в убийстве. В годы своей юности Линкольн был работником в этой семье и знал ее только с лучшей стороны. Когда ему стало известно об обвинениях, предъявленных сыну Армстронга, он явился бесплатно вести это дело. Уже первое знакомство с материалами следствия убедило Линкольна в невиновности молодого Армстронга. В день суда главным свидетелем против обвиняемого выступил личный враг Армстронга, который пошел на прямое ложесвидетельство, заявив суду присяжных, что при ярком лунном свете он видел, как во время уличной драки обвиняемый совершил убийство. Свидетель точно указал время преступления — половина десятого вечера. Линкольн очень тщательно подготовился к процессу, с неопровержимыми фактами в руках отводил одно обвинение за другим. Самый сильный аргумент он оставил к концу судебного заседания. Неожиданно для всех присутствующих защитник потребовал календарь и объявил, что в этот день луна взошла только в одиннадцать часов. Аргумент был неопровержимый, на судей и присутствовавших в зале суда он произвел потрясающее впечатление. Процесс был сразу же прекращен, присяжные вынесли оправдательный приговор¹.

Безупречная честность молодого адвоката, его готовность оказать помощь любому, кто обратится к нему, активные выступления в защиту экономических и политических требований населения штата способствовали быстрому росту авторитета Линкольна.

В 1840 г. его в четвертый раз избирают членом законодательного собрания Иллинойса, и он прочно занимает место лидера либералов в легислатуре. Депутаты-либералы выдвигают Линкольна в кандидаты палаты представителей, но демократическое большинство легислатуры помешало ему занять этот пост.

В своих выступлениях в легислатуре Линкольн неоднократно возвращается к вопросу об общественных землях. Он заявлял, что «общественные земли попали в руки крупных спекулянтов», так как практика их распродажи противоречит «интересам бедных поселенцев». Линкольн требовал скорейшего изменения условий распродажи общественных земель, иначе «спекулянты захватят лучшие из этих земель, прежде чем бедняки смогут узнать об этих нововведениях»².

Линкольн неоднократно высказывался по вопросам налоговой политики, которая затрагивала интересы самых широких слоев

¹ R. Luthin. Op. cit., p. 165 — 167.

² Ibidem.

населения. 26 декабря 1839 г., выступая в легислатуре, Линкольн говорил, что в налоговой политике правительство руководствуется соображениями, сводящимися к тому, что «годовой доход должен быть собран и храним в железных ящиках, пока правительство не захочет использовать его для расчетов. Использование годового дохода таким образом ведет к ограблению народа, в то время как само правительство не нуждается в этих деньгах, и они выполняют одну благородную функцию — ржавеют в железных ящиках». Линкольн указывал, что подобная налоговая политика может привести к одному результату — «сокращению количества денег в обращении»¹. В этой большой речи Линкольн глубоко проанализировал финансовое положение США, подчеркнул, что налоговая политика правительства противоречит интересам широких слоев населения, и внес предложения, направленные на ее реорганизацию. Указав на антидемократический характер налоговой системы, Линкольн, обращаясь к депутатам законодательного собрания, заявил: «Разве когда-либо ранее священное имя демократии использовалось для того, чтобы одобрять столь чудовищное преступление против прав народа?»²

Являясь лидером вигов законодательного собрания, Линкольн отражал в своих выступлениях точку зрения этой партии на важнейшие экономические и политические вопросы, в частности он неоднократно возвращался к проблеме создания национального банка, что занимало видное место в программе партии. «Мы показали, — говорил Линкольн, — что верховный суд, этот трибунал, созданный самой конституцией, чтобы решать конституционность вопросов, торжественно решил, что такой банк — конституционен»³.

В выступлениях Линкольна привлекала искренность, убежденность в правоте своей точки зрения, отсутствие даже малейшего налета демагогии. Один из биографов Линкольна пишет: «Трюки агитатора или демагога были чужды натуре Линкольна. Он избегал эмоциональных разглагольствований. Это избегание было полным; ему не были присущи манеры возбудителя толпы, пылкого оратора, профессионального патриота. В нем было больше от Эвклида, чем от Демосфена»⁴.

В ноябре 1842 г. произошло крупное событие в личной жизни Авраама Линкольна — он женился на Мэри Тодд, отец которой был сенатором в соседнем штате Кентукки и президентом Банка

¹ R. Luthin. Op. cit., p. 160.

² Ibid., p. 162.

³ Ibid., p. 170 — 171.

⁴ J. Randall. Lincoln the President, Vol. I, p. 49.

Кентукки в г. Лексингтоне. Мэри Тодд была образованной по тем временам женщиной, хорошо знала французский язык. Линкольн не мог уделять семье значительного внимания, так как его целиком поглощали заботы, связанные с политической деятельностью и работой в адвокатуре. У Линкольна было три сына: двое умерли в детском возрасте и только один остался в живых. Он рекомендовал себя способным политическим деятелем и впоследствии занимал пост посла США в Лондоне.

В 40-х годах Линкольн достиг больших успехов в адвокатской деятельности: только в декабре 1841 г. он защищал в верховном суде 14 дел, из которых проиграл всего четыре. Из 24 дел, по которым Линкольн выступал в верховном суде на протяжении 1842 — 1843 гг., он выиграл 17.

Слава Линкольна как адвоката быстро росла, теперь он был желанным гостем в самых известных и уважаемых домах. Линкольн писал в это время, что прибыл в Сангамо «двенадцать лет назад... чужим, одиноким, необразованным, безденежным парнем, работавшим плотогоном за 10 долларов в месяц», и был удивлен, узнав, что его «считают кандидатом гордых, состоятельных, известных своим аристократизмом семей»¹.

Линкольн выступал также и в качестве адвоката компаний. Он успешно провел дело Центральной иллинойской железной дороги, за что получил большой гонорар — 5 тыс. долл. Он был также среди адвокатов, нанятых группой предпринимателей, боровшихся против компании по изготовлению сельскохозяйственных машин, возглавлявшейся Мак-Кормиком².

Линкольну не было чуждо чувство честолюбия. В феврале 1843 г. он откровенно писал известному деятелю вигов Ричарду Томасу: «Если вы услышите от кого-либо, что Линкольн не хочет попасть в конгресс, я хотел бы, чтобы вы, как мой личный друг, явили ему, что у вас есть причины считать, что он ошибается»³. И когда руководство партии вигов высказалось за выдвижение его кандидатуры в конгресс, Линкольн дал согласие баллотироваться. Во время кампании по выборам в конгресс, в марте 1843 г. Линкольн на основании решения конклава вигов написал предвыборное «Обращение к народу Иллинойса», в котором подробно анализировались важнейшие национальные, политические и экономические проблемы, большое внимание уделялось вопросу о создании Национального банка, указывалось на не-

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 80.

² J. Randall. Lincoln the President, Vol. I, p. 33; R. Luthin. Op. cit., p. 158; W. King. Op. cit., p. 90 — 91.

³ «Collected Works», Vol. I, p. 307.

обходимость урегулирования вопроса о продаже общественных земель, укрепления единства в партии вигов¹.

В политической жизни 40-х годов важное место занимал вопрос об ограничении прав избирателей по религиозным мотивам. Отношение Линкольна к этой проблеме наиболее полно отразилось в его выступлении на митинге в Спрингфилде в начале 1844 г. В резолюции митинга, написанной Линкольном, говорилось: «Как гласит конституция, гарантия права совести является наиболее священной и неприкосновенной. Это относится к католикам не в меньшей степени, чем к протестантам. Все попытки ограничить или вмешаться прямо или косвенно в эти права как католиков, так и протестантов всегда вызовут с нашей стороны самое эффективное противодействие»².

Высказанной в этой резолюции точки зрения Линкольн последовательно придерживался на протяжении всей своей жизни, он всегда был противником ограничения избирательных прав по религиозным мотивам и являлся убежденным сторонником свободы религии³.

4. Конгрессмен от штата Иллинойс

Линкольн никогда не был членом какой-либо церкви, но было бы ошибкой считать его атеистом. Сэндберг пишет: «Линкольн был «деистом», верящим в бога, но он не относился благосклонно ни к Христу, ни к доктринам искупления и наказания. Он говорил: «Христос — подделка»⁴. Тесная связь между политикой и религией, особенно в тот период, определяет важность рассмотрения вопроса о религиозных воззрениях Авраама Линкольна. Он очень редко публично высказывался о своих религиозных взглядах, и это вполне естественно, так как подобные выступления могли принести ему значительный ущерб в борьбе со своими политическими противниками. И тем больший интерес представляет одно из его публичных заявлений по этому вопросу, относящееся к 40-м годам, которое, по мнению Сэндберга, наиболее полно отражает религиозные воззрения Линкольна. «В некоторых районах избирательного округа распространились слухи, что я откровенный безбожник... — говорил Линкольн. — То, что я не являюсь членом какой-либо христианской церкви, — это правда. Но я никогда не отрицал истинность Священного писания и преднаме-

¹ «Collected Works», Vol. I, p. 309 — 318.

² Ibid., p. 338.

³ R. Luthin. Op. cit., p. 120.

⁴ C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 83.

юнно не высказывался неуважительно о религии в целом или о какой-либо христианской церкви в частности. Правильно то, что в ранний период моей жизни я был склонен верить в то, что, как я понимаю, называется «доктриной необходимости». Суть ее заключается в том, что человеческий разум побуждается к действию или сохраняется в покое силами, которые сам разум не контролирует. И я несколько раз... пытался подтвердить это мнение аргументами. Однако склонность дискутировать таким образом я почти полностью утратил более пяти лет назад. Хочу добавить здесь, что я всегда соглашался с теми мнениями, которых придерживаются некоторые христианские церкви. Вышеизложенное является полной кратко сформулированной правдой о моем отношении к этому вопросу.

Я не думаю, чтобы я сам мог поддержать (избрание. — Р. И.) ни какой-либо пост человека, известного мне как противника религии, безбожника»¹.

Политические противники Линкольна широко использовали тот факт, что он не был членом какой-либо церкви и не исполнял религиозных обрядов. Однако даже в период избирательных кампаний Линкольн, не желая отказываться от своих убеждений, откровенно высказывался по религиозным вопросам. Когда Линкольна выдвинули кандидатом в конгресс, в ходе избирательной кампании он присутствовал на одном из религиозных собраний. После окончания проповеди пастор Картрайт, соперник Линкольна, обратился к присутствующим с заявлением: «Все, кто хочет отдать свое сердце господу богу и попасть на небеса, встаньте». Поднялись женщины, старики, дети — все присутствующие, за исключением Линкольна. Такая же реакция последовала и на новое предложение: «Все, кто не хочет попасть к дьяволу, встаньте». Вновь поднялись все присутствующие, кроме Линкольна. Картрайт, желая скомпрометировать Линкольна в глазах религиозных избирателей, спросил, куда же хочет попасть он. Последовал ответ: «Я хочу попасть в конгресс»².

Желание Линкольна исполнилось: на выборах в конгресс он одержал победу над Картрайтом и был избран членом палаты представителей конгресса США³. Партия вигов предоставила Линкольну на ведение этой избирательной кампании 200 долл. После выборов Линкольн возвратил 199 долл. 25 центов, заявив, что он потратил всего 75 центов.

Избрание Линкольна в конгресс совпало с началом захватнической войны Соединенных Штатов против Мексики. Агрессия против южного соседа подготавливалась на протяжении 25 лет, с

¹ R. Luthin. Op. cit., p. 100.

² C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 84.

³ W. King. Op. cit., p. 55.

того момента, когда в 1821 г. правительство Мексики дало согласие на население мексиканской территории Техаса выходцами из США. По мере увеличения числа американских переселенцев все более росли аппетиты рабовладельцев, стремившихся захватить эту огромную территорию и расширить тем самым границы рабовладения. Агрессивные устремления плантаторов из южных штатов, открыто поддержанные федеральными властями, порождали многочисленные инциденты между американскими поселенцами и мексиканскими властями.

В 1844 г. президентом США был избран демократ Полк, активный поборник рабовладельческой экспансии. Победа Полка на выборах явилась мощным толчком к усилению американской экспансии на юг, война за захват Техаса стала теперь только вопросом времени. В мае 1846 г. конгресс объявил войну Мексике, использовав в качестве предлога вооруженные инциденты, спровоцированные американцами. Американская армия под командованием Захария Тейлора перешла реку Рио-Гранде и оккупировала северные районы Мексики. В августе 1847 г. другая американская армия под командованием генерала У. Скотта заняла исходные позиции на подступах к столице Мексики — Мехико. Войска Скотта, поддержанные частями армии Тейлора, разбили плохо вооруженную мексиканскую армию и вступили в г. Мехико. 2 февраля 1848 г. под угрозой американских штыков Мексика вынуждена была подписать мирный договор.

Параллельно с оккупацией Техаса развивалась американская агрессия и в Калифорнии, самой северной провинции Мексики. В июне 1846 г. в Калифорнии вспыхнул мятеж под руководством Фримонта, ставшего в дальнейшем известным деятелем республиканской партии. Мятежники, поддержанные американским флотом, свергли мексиканские власти и провозгласили независимость Калифорнии. В 1849 г. американские поселенцы в Калифорнии обратились к конгрессу США с просьбой принять эту огромную территорию в состав США в качестве нового штата. Петиции калифорнийских мятежников была принята большинством конгресса, и Калифорния вошла в состав США.

По мирному договору, навязанному Мексике, к США перешла Калифорния, Аризона, Новая Мексика и Техас. Мексика лишилась таким образом более половины всей своей территории. Уплатив мексиканскому правительству 15 млн. долл. и взяв на себя удовлетворение некоторых претензий американских граждан к мексиканскому правительству, США аннексировали территорию большую, чем Германия и Франция, вместе взятые¹.

¹ См. «Очерки новой и новейшей истории США», т. I — II. М., 1960, т. I, с. 177 — 182; «Очерки новой и новейшей истории Мексики» (1810 — 1945). М., 1960, с. 131 — 158.

В декабре 1847 г. начал свою работу 30-й конгресс, который уделил большое внимание американо-мексиканской войне. Линкольн приступил к исполнению обязанностей члена палаты представителей конгресса США 6 декабря 1847 г., и его первое выступление в законодательном органе страны было посвящено этому самому важному в то время вопросу. Некоторые деятели вигов выступали в поддержку захватнической войны против Мексики — в этом сказывалась заинтересованность буржуазии в проведении экспансионистской внешней политики. Да и сама партия вигов не была чисто буржуазной политической партией, это был, по существу, блок торгово-промышленной буржуазии Севера и Запада с плантаторами пограничных рабовладельческих штатов. Но решающую роль в этом блоке играла буржуазия, и, когда в ходе начавшейся войны стало ясно, что она отвечает в первую очередь интересам рабовладельцев, большинство деятелей вигов выступило с ее осуждением. Сенатор-виг Томас Кортовин заявил: «Если бы я был мексиканцем, я сказал бы вам: «Разве вы не имеете места в собственной стране, чтобы хоронить своих мертвецов? Если вы придете в мою страну, мы встретим вас с окровавленными руками и проводим в гостеприимные могилы»»¹.

Линкольн поддерживал подобные выступления. 22 декабря 1847 г. он внес резолюцию, в которой разоблачалось утверждение президента Полка о том, что мексиканцы пролили американскую кровь на американской земле и это якобы явилось причиной войны. В резолюции говорилось, что территория, на которой начались военные действия, не принадлежала Соединенным Штатам, следовательно агрессию совершила не Мексика, а США².

12 января 1848 г. Линкольн выступил по своей резолюции с большой речью, посвященной американо-мексиканской войне³. «Хорошие граждане и патриоты», по его мнению, должны были выступить с осуждением этой войны. «Я не могу молчать», — заявил Линкольн.

Линкольн выступил с гневным осуждением действий правительства Соединенных Штатов, которое вмешалось во внутренние дела другого народа. «Что касается страны, о которой сейчас идет речь, — говорил он, — то мы купили ее в 1803 г. у Франции и продали в 1819 г. Испании, соответственно заявлению президента. После этого вся Мексика, включая Техас, революционно выступила против Испании, а позднее Техас выступил революционно против Мексики». Линкольн подчеркнул, что Соединенные Штаты в этом конфликте показали, что они являются противни-

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 85.

² «Congressional Globe», 30-th Congress, 1-st Session, p. 64.

³ «Collected Works», Vol. I, p. 431 — 442.

ками права народов на революцию. «Везде, — говорил Линкольн, — любой народ, имея желание и власть, обладает правом восстать и свергнуть существующее правительство и создать новое, которое его больше устраивает. Это — наиболее ценное, наиболее священное право...» В своей речи Линкольн подверг уничтожающей критике деятельность президента Полка.

21 мая 1848 г. Линкольн писал Джону Пеку: «Это факт, что армии Соединенных Штатов, направляясь к Рио-Гранде, вступили в мирные мексиканские поселения и... изгнали жителей из домов...»¹

Для определения отношения Линкольна к войне с Мексикой важное значение имеет его речь в Клинтоне, штат Иллинойс, произнесенная 27 июля 1858 г. В этой речи Линкольн заявил, что в принципе он был против этой войны, но, когда решались вопросы, связанные со снабжением американской армии в Мексике, и другие практические проблемы, касающиеся войны, он голосовал за².

Линкольн в принципе относился отрицательно к захватнической войне против Мексики, но во время избирательной кампании, когда он баллотировался в конгресс, не выступил против этой агрессивной войны. В конгрессе он осуждал войну, но голосовал за ассигнование средств на ее ведение, за выплату компенсации техасским волонтерам, понесшим материальные потери, голосовал за вынесение благодарности активным участникам войны³. И тем не менее сам факт осуждения Линкольном захватнической войны против Мексики серьезно подорвал его позиции среди консервативных и умеренных политических кругов Севера⁴.

Деятельность Линкольна-конгрессмена дает яркое представление о его политических взглядах в этот период, о политических и экономических вопросах, которым он придавал первостепенное значение. Линкольн выступал за введение более благоприятной для широких масс поселенцев системы распределения общественных земель. Этот вопрос был поднят им в конгрессе 11 мая 1848 г. во время обсуждения билля о приеме Висконсина в состав США в качестве нового штата и в ряде других случаев⁵.

Особое значение имеет вопрос о том, как относился Линкольн-конгрессмен к рабству. 27 июля 1848 г. он произнес в конгрессе речь, в которой заявил, что на предстоящих президентских выборах будет голосовать против кандидата демократов генерала

¹ «Collected Works», Vol. I, p. 473.

² Ibid., Vol. II, p. 527.

³ См. «Collected Works», Vol. II, p. 527; J. Barrett. Op. cit., p. 113.

⁴ W. King. Op. cit., p. 57.

⁵ См. «Congressional Globe», 30-th Congress, 1-st Session, p. 755; «Collected Works», Vol. I, p. 469.

Кесса и за представителя вигов Тейлора, так как избрание Кесса привело бы к распространению рабства на всю территорию страны. Линкольн заявил, что он выступает против демократов, «политический курс которых ведет к новым войнам, территориальным захватам, к дальнейшему распространению рабства»¹.

Это выступление Линкольна имело тем большее значение, что он высказывал не только свою личную точку зрения, но и отражал взгляды избирателей, направивших его в конгресс. «Я человек Севера, — говорил Линкольн, — или, точнее, государственный деятель свободного Запада, где избиратели... я уверен, выступают против распространения рабства»².

Как и большинство вигов, Линкольн выступал за запрещение рабства в столице США. 10 января 1849 г. он внес в конгресс билль об отмене рабства в федеральном округе Колумбия³. Умеренность, консервативность взглядов Линкольна на вопрос об освобождении рабов убедительно проявились в этом билле. Требуя запрещения рабства в Вашингтоне, он выдвигал три условия: 1) освобождение должно быть осуществлено постепенно; 2) предусматривалась выплата компенсации рабовладельцам; 3) закон об освобождении рабов мог вступить в силу только после его одобрения населением федерального округа.

Более того, § 5 билля, внесенного Линкольном, обязывал власти федерального округа «предпринимать активные и эффективные меры для ареста и передачи владельцам всех рабов, бежавших в названный округ».

Таким образом, позиция Линкольна в вопросе о рабстве, изложенная в его выступлениях в конгрессе, фактически ничем не отличалась от официальной доктрины партии вигов. Он выступал с осуждением рабства как аморального явления, требовал запрещения распространения рабовладения на новые территории, но не поднимал вопроса об уничтожении, хотя бы постепенном, этого позорного института на всей территории страны.

На 30-м конгрессе Линкольн был единственным представителем вигов Иллинойса⁴. Среди конгрессменов и сенаторов 30-го конгресса было много политических деятелей, хорошо известных всей стране, многим из них предстояло в будущем сыграть значительную роль в политической жизни США. В составе фракции вигов в палате представителей Линкольн сразу же обратил внимание на худого, болезненного вида, низкорослого человека, кон-

¹ «Collected Works», Vol. I, p. 505.

² Ibidem.

³ «Congressional Globe», 30-th Congress, 2-nd Session, p. 212.

⁴ R. Luthin. Op. cit., p. 101.

грессмена от штата Джорджия Александра Стефенса, будущего вице-президента мятежной Конфедерации. На Линкольна произвели большое впечатление его красноречивые выступления. Место рядом со Стефенсом занимал его коллега из Джорджии Роберт Тумбс, краснощекий здоровяк, будущий государственный секретарь Конфедерации и бригадный генерал. Среди вигов — членов палаты представителей был и Келэб Смит из Индианы, ставший впоследствии министром внутренних дел в правительстве Линкольна. Наиболее почетное место занимал один из самых выдающихся вождей вигов седовласый Джон Куинси Адамс, бывший президент США, которому в то время было уже 80 лет.

Из демократов-конгрессменов 30-го конгресса выделялся своей яростной защитой рабовладения и прав штатов Роберт Ретт из Южной Каролины, ставший позднее одним из лидеров-рабовладельцев. Скромное место в составе конгрессменов-демократов занимал угрюмый Эндрю Джонсон из Теннесси, будущий вице-президент США в правительстве Линкольна, ставший президентом после убийства Авраама Линкольна. Выходец из «белых бедняков», Джонсон впоследствии занял крайне реакционные позиции и в годы реконструкции, по характеристике Маркса, превратился в *«грязное орудие рабовладельцев»*¹.

Много выдающихся деятелей было среди сенаторов 30-го конгресса. Видное место среди них занимал известный лидер вигов Даниэль Вебстер. Штат Миссисипи представлял в сенате богатый плантатор Джефферсон Дэвис, будущий президент Конфедерации мятежных штатов. Среди сенаторов был Симон Кameron, ставший впоследствии военным министром в правительстве Линкольна.

И наконец, в сенате заседал старый знакомый Линкольна Стефан Дуглас, уже в то время ставший одним из его самых непримиримых политических врагов. Линкольн и Дуглас, находясь рядом, представляли собой комическое зрелище: Линкольн был самым высоким человеком в конгрессе, Дуглас — самым низкорослым. Столь же противоположны были и их политические взгляды: Дуглас яростно защищал рабовладение, Линкольн все больше склонялся к антирабовладельческим позициям.

Линкольн с большим чувством ответственности относился к своим обязанностям конгрессмена. Редко кто из впервые избранных в конгресс принимал столь активное участие в его работе. Он посещал все заседания, вел большую работу в двух комиссиях: первая из них занималась делами почты, вторая — расходами военного департамента. Среди членов конгресса Линкольн быстро

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXV, с. 494.

инвоевал популярность способного и энергичного политического деятеля. Все более возрастала роль Линкольна в партии вигов, и в начале июня 1848 г. его направляют в Филадельфию для участия в работе национального съезда вигов, решавшего вопрос о кандидате партии на пост президента. При решении этого вопроса Линкольн показал себя зрелым политическим деятелем, прекрасно ориентировавшимся в сложном лабиринте межпартийных отношений. Кандидатом вигов на пост президента был выдвинут активный участник войны с Мексикой генерал Тейлор. Многие виги выступали против его кандидатуры, ссылаясь на то, что Тейлор был рабовладельцем, выступал за аннексию мексиканской территории, не разделял многих доктрин вигов. Линкольн, трезво оценивая соотношение сил, пришел к выводу, что ставка на Тейлора — единственная возможность помешать избранию кандидата крайне рабовладельческих кругов¹.

После окончания первой сессии конгресса Линкольн остался в Вашингтоне. В августе — сентябре 1848 г. он выступил с рядом речей в столице и окрестных городах штата Мэриленд, а после этого по решению Национального комитета вигов отправился в турне по штату Массачусетс.

В этих выступлениях Линкольн уделял большое внимание вопросу о взаимоотношениях между вигами и фрисойлерами (новая партия, возникшая в 1848 г.). За этим движением Линкольн увидел большое политическое будущее. Создание партии фрисойлеров, выступавшей за «свободную землю» (free soil), явилось отражением борьбы широких масс фермеров и рабочих за аграрную реформу, за предоставление гомстедов — бесплатных участков на государственных землях. Наряду с негритянским освободительным движением², игравшее важную роль в подготовке революционной ситуации, назревавшей в США в канун гражданской войны. Партия фрисойлеров, в создании которой активно участвовали аболиционисты, решительно выступала за запрещение рабства на землях Запада. Самым слабым местом в деятельности этой буржуазной партии являлось то, что она шла по пути полумер, не ставила вопроса о полном и немедленном уничтожении рабовладения.

Несмотря на все недостатки партии фрисойлеров, ее возникновение явилось значительным прогрессивным событием.

В ходе избирательной кампании 1848 г. фрисойлеры выступили в качестве третьей партии, выставив своим кандидатом на пост президента Мартина Ван-Бурена. Во время турне по Массачусет-

¹ В. Thomas. Op. cit., p. 122.

² См. У. Фостер. Негритянский народ в истории Америки, с. 154.

су Линкольн вновь продемонстрировал качества опытного политического деятеля, придававшего большое значение сплочению всех близких политических группировок в борьбе с главным противником. Линкольн подчеркивал, что вигов и фрисойлеров объединяет общее отношение к вопросу о распространении рабства, и они должны координировать свои действия, выступать единым фронтом против демократов. Линкольн указывал, что выдвижение фрисойлерами кандидатуры на пост президента приведет к расколу фронта, выступающего против демократов, и облегчит победу на выборах кандидата демократов Кесса.

Во время турне Линкольна по Массачусетсу пресса демократов много иронизировала по поводу выступлений конгрессмена от Иллинойса. «Бристол саунти демократ» писал, например: «Его неуклюжая жестикуляция, нелепые модификации голоса и комическое выражение лица — все заставляло слушателей хохотать в ожидании шуток еще до того, как они появлялись»¹. Однако выступления Линкольна производили большое впечатление на аудиторию. Во всяком случае, в тех местах, где он выступал, кандидат вигов Тейлор одержал убедительную победу; в этом, несомненно, была большая заслуга Линкольна.

В декабре 1849 г. Линкольн вновь приехал в Вашингтон, чтобы принять участие в работе второй сессии 30-го конгресса. Окончание войны с Мексикой и присоединение к США новых огромных территорий поставило в повестку дня вопрос о том, будут ли они рабовладельческими или свободными. Еще в 1846 г. в конгресс было внесено «Условие Уилмота», предусматривавшее создание на этих территориях свободных правительств. Причем Уилмот подчеркивал, что его предложение ни в коей мере не затрагивает вопроса о существовании рабства в южных штатах². Вместе с депутатами-вигами Линкольн активно выступал в поддержку «Условия Уилмота». Позднее он говорил, что не менее сорока раз в различных формах голосовал за это предложение.

В 1849 г. истек срок депутатских полномочий Линкольна. На второй срок он не был переизбран, причиной чего в немалой степени были его выступления против войны с Мексикой³. Линкольн возвратился в Спрингфилд к исполнению своих адвокатских обязанностей. Наступил период некоторого затишья в политической деятельности Линкольна.

По возвращении в Спрингфилд Линкольн большое внимание

¹ «Collected Works», Vol. II, p. 7.

25

² См. «Congressional Globe», 29-th Congress, 1-st Session, p. 1217; 2-nd Session Appendix, p. 315, 318.

³ R. Luthin. Op. cit., p. 106.

уделяет расширению своих знаний в области права. Он проявлял поразительную работоспособность и усидчивость, которые поражали всех, кто знал его. Херндон, компаньон Линкольна по адвокатуре, а впоследствии один из его первых биографов, писал: «Выносливость и сила Линкольна поразительны. Он мог сидеть и заниматься умственной деятельностью без еды и отдыха больше, чем кто-либо, кого я до этого встречал». Херндон приводит характерные подробности из жизни Линкольна. Когда Линкольн появился в Спрингфилде, пишет этот биограф, «первое, что он сделал, — это брал газеты, располагался на старом диване, положив одну ногу на стул, и читал вслух, чем доставлял мне большое неудобство». «Когда я читаю вслух, — говорил Линкольн, — в этом двойной смысл: во-первых, я вижу, что читаю, во-вторых, слышу и поэтому лучше запоминаю»¹.

Для Линкольна было характерно огромное трудолюбие, настойчивость в достижении поставленной цели. Он заявлял, что «лучшим способом добиться чего-либо «имеет большее значение, чем что-либо другое»².

Линкольн терпеть не мог праздности и лени. Всегда готовый оказать помощь каждому, кто обратится к нему, Линкольн категорически отказался выслать своему сводному брату Джону Джонстону 80 долл. Сводный брат Линкольна, мягко выражаясь, не отличался трудолюбием, любил выпить и поухаживать за женщинами. Линкольн писал ему: «Вы не ленивы, но тем не менее не жуже бездельник. Я сомневаюсь, чтобы с тех пор, как я знаю вас, вы в течение одного полного дня занимались какой-либо полезной работой... Все ваши трудности заключаются в привычке бесполезно тратить время»³.

Линкольн не обладал способностью быстро, на лету схватывать прочитанное или увиденное. Когда один из знакомых Линкольна в беседе с ним приписал ему эту способность, он ответил: «Я медленно познаю, но и медленно забываю. Моя память, как кусок стали: на ней очень трудно выцарапать что-либо, и после того, как вы сделали это, почти невозможно стереть»⁴.

Пребывание Линкольна в конгрессе расширило его политический кругозор, пробудило интерес к международным проблемам. Он выступал в поддержку революций 1848 г. во Франции и Венгрии, приветствовал национального героя Венгрии Кошута,

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 112.

² P. Horgan. Citizen of New Salem. New York, 1962, p. 134.

³ C. Sandburg. Abraham Lincoln... One Volume Edition, p. 108.

⁴ Ibid., p. 113.

посетившего США в 1825 г., с большой симпатией относился к революционному движению в Германии и Ирландии¹.

Все большее значение в жизни страны приобретала проблема рабства. Рабовладельцы, приободренные бездеятельностью и уступчивостью своих политических противников, перешли в наступление, которое развернули на идеологическом, политическом и экономическом фронте. Недалек был и день, когда в Канзасе должна была произойти первая проба сил в вооруженной борьбе между сторонниками и противниками рабовладения. Идеологи плантаторов беззастенчиво пропагандировали свои расистские теории, стремясь обосновать законность и неизбежность существования и расширения рабства. Особую активность проявлял старый политический противник Линкольна Стефан Дуглас. С поразительным цинизмом Дуглас заявлял, что, когда ему приходится выбирать между белым и негром, он высказывается в пользу белого; а когда ему приходится делать выбор между крокодилом и негром, его симпатии на стороне последнего.

Люди, подобные Дугласу, играли главную роль при решении политических вопросов. В 1850 г. конгресс принял закон о беглых рабах, который давал полное право плантаторам охотиться за беглыми неграми на всей территории Соединенных Штатов².

Этот закон вызвал резкие протесты антирабовладельческих кругов. Известный поэт и прогрессивный общественный деятель Эмерсон заявлял: «Никто не сможет подчиняться (закону о беглых рабах. — *Р. И.*)... не потеряв самоуважения, не перечеркнув самого имени человека»³.

В 1854 г. был принят билль «Канзас — Небраска», отменивший Миссурийский компромисс 1820 г., запрещавший распространение рабства севернее 36°30'. Всем противникам рабства стало ясно, что плантаторы не будут довольствоваться теми значительными уступками, которых добились, они теперь открыто требовали распространения рабства на территории Запада, а наиболее экстремистские круги ставили даже вопрос о введении рабовладения на всей территории Союза.

В 1854 г. в конгрессе обсуждался вопрос о принятии в Союз в качестве новых штатов двух территорий — Канзаса и Небраски. Конгресс постановил, что население Небраски и Канзаса само должно решить, будут ли новые штаты свободными или равола-

¹ J. Pressly. Bullets and Ballots: Lincoln and the «Right of Revolution». — «American Historical Review», New York, April, 1962, Vol. 67, № 3, p. 647 — 662; «Collected Works», Vol. I, p. 62.

² H. Commager (ed.). Documents..., Vol. I, p. 321 — 323.

³ A. Nevins. Ordeal of the Union, Vol. I, p. 351.

цельческими. Это полностью отвечало интересам плантаторов, так как обе территории были в непосредственной близости от рабовладельческих штатов, что обеспечивало рабовладельцам самые широкие возможности для вмешательства. После принятия билля «Канзас — Небраска» начались вооруженные столкновения между противниками и сторонниками рабовладения. Упорная борьба развернулась в Канзасе, где избирательная кампания 1854 г. скорее напоминала военную. Из соседнего рабовладельческого штата Миссури в Канзас прибыли вооруженные сторонники рабовладельцев, которые силой заставляли население голосовать за принятие рабовладельческой конституции. Они терроризовали население Канзаса, избивали и убивали противников рабства, сжигали населенные пункты и фермы.

В поддержку населения Канзаса выступили аболиционисты Индиана и Севера, приступившие к формированию вооруженных отрядов, отправлявшихся в Канзас для поддержки свободного населения. На Севере и Западе начался массовый сбор средств для вооружения и экипировки этих отрядов. Становилось все более очевидным, что война в Канзасе, как писал Маркс, будет прологом гражданской войны в США. Рейды партизанского отряда Джона Брауна в Канзасе, выступления рабочих и фермеров Севера и Запада в поддержку свободного населения Канзаса и Небраски — все это приковало внимание страны к разворачивавшимся здесь событиям.

Борьба в Канзасе была кровопролитной и упорной. Противники рабовладения одержали в этой борьбе победу, и тем не менее сенат США признал законной конституцию, выработанную для Канзаса плантаторами. И только после победы Линкольна на президентских выборах, 29 января 1861 г., Канзас был признан свободным штатом.

События в Канзасе явились хорошим уроком для всех противников рабовладения. Они показали, что политика уступок только поощряла рабовладельцев на новые авантюры, которые неизбежно должны были привести к возникновению гражданской войны в масштабах всей страны. Война в Канзасе всколыхнула антирабовладельческие силы, даже в самых глухих уголках страны активизировались выступления, направленные против рабовладельцев.

5. Великие дебаты

Шесть недель в конгрессе продолжались бурные дебаты, завершившиеся непрерывным 17-часовым заседанием сената, на котором был принят билль «Канзас — Небраска», внесенный Сте-

фаном Дугласом. Это произошло 4 марта 1854 г. Линкольн узнал об этих событиях в Урбане, куда он выехал для ведения очередного дела в суде. Полученные сообщения произвели на него огромное впечатление. Линкольну стало ясно, что наступил важный этап в борьбе с экстремистскими кругами рабовладельцев, угрожавших вовлечь страну в пучину кровопролитной гражданской войны. Он вновь возвращается к активной политической деятельности.

28 февраля 1854 г. в Рипоне, штат Висконсин, собралась группа вигов, демократов и фрисойлеров, высказавшаяся за создание новой партии, если билль «Канзас — Небраска» получит силу закона. Цель партии должна была заключаться в том, чтобы воспрепятствовать распространению рабства на новые территории. Такое же решение было принято 9 мая в Вашингтоне группой конгрессменов, противников расширения рабства на новые территории. Решения о необходимости создания новой партии, объединяющей всех противников расширения территории рабовладения, принимались на многочисленных митингах, проходивших в то время на Севере. Повсеместно высказывалось мнение, что новую партию надо назвать республиканской, по определенной исторической аналогии с демократическо-республиканской партией Томаса Джефферсона.

Республиканская партия была создана в это время также и в Иллинойсе, но ее создание ни в коей мере не привело к объединению всех антирабовладельческих сил штата, что было характерно не только для Иллинойса, но и для многих других штатов Севера и Запада. Фрисойлеры, виги и другие антирабовладельческие элементы тяготели к своим старым, обжитым политическим квартирам, опасаясь растерять влияние среди избирателей, приобретенное на протяжении многих лет упорной борьбы.

Рабовладельцы широко использовали не только раскол своих политических противников, но и вражду между иммигрантами, большинство которых стояло на антирабовладельческих позициях, и населением, родившимся в Соединенных Штатах. Большинство иммигрантов-ирландцев и значительная часть немцев были католиками, и они враждебно встречались коренным населением, которое в основном принадлежало к протестантам. В 40-х годах возникли многочисленные тайные объединения, ставившие своей задачей борьбу с иммигрантами и католиками, которые, по их мнению, угрожали интересам США и принципам религиозных свобод. В начале 50-х годов эти общества объединились в американскую партию, которая была больше известна под названием партии «ничего не знающих», так как члены этой партии на вопрос о принципах и целях своей организации были обязаны отвечать, что они ничего не знают об этом.

Противоречия, которые разделяли вигов, фрисойлеров, аболлиционистов и «ничего не знающих», ярко проявлялись и в политической жизни Иллинойса.

Возвратившись к активной политической деятельности, Линкольн не преследовал никаких целей в интересах своей личной политической карьеры. Он активно включился в избирательную кампанию, добиваясь переизбрания в конгрессе от Иллинойса Ричарда Уэтса, убежденного противника билля «Канзас — Небраска». Как раз в это время в Иллинойсе резко активизировал свою деятельность Стефан Дуглас, который доказывал необходимость проведения в жизнь билля «Канзас — Небраска», выступал с открытой апологией рабовладения. Линкольн развил бурную деятельность: он неотступно следовал за своим политическим противником и неоднократно выступал в тех же местах и в тех же аудиториях, что и Дуглас¹.

По существу, именно в это время начались знаменитые дебаты между Линкольном и Дугласом, которые вскоре приковали к себе внимание всей страны и сыграли большую роль в консолидации сил, выступавших против рабовладения.

В своих многочисленных выступлениях в 1854 — 1855 гг. Линкольн первостепенное внимание уделял вопросу о рабстве, о сути и значении билля «Канзас — Небраска». Он резко выступал против утверждений о том, что плантаторы заботятся о неграх, заинтересованы в сохранении их здоровья и работоспособности.

Интересна оценка Линкольном позиции республиканской партии в вопросе о рабстве. В одном из своих писем, датированном 27 ноября 1854 г., он писал: «Я полагаю, что моя оппозиция к принципам рабства столь же сильна, как и у любого члена республиканской партии. Но я также полагаю, что мера (этой оппозиции. — *Р. И.*), которая, по моему мнению, должна вести к ее практическому (осуществлению. — *Р. И.*), ни в коей мере не является удовлетворительной у этой партии»².

Особое значение имела речь Линкольна в Пеории, произнесенная 16 октября 1854 г. Полемизируя с Дугласом, Линкольн подробно остановился на истории рабства негров в Америке и всесторонне изложил свои взгляды на рабовладение³. «Я ненавижу рабство, — говорил Линкольн, — потому, что рабство само по себе чудовищно несправедливо. Я ненавижу его потому, что оно

¹ R. Harger. Lincoln and the Press. New York, 1951, p. 16 — 17; H. Stutler. Abraham Lincoln and John Brown — a Parallel. — «Civil War History». Iowa City, Vol. VIII, № 3, September 1962, p. 293.

² «Collected Works», Vol. II, p. 288.

³ Ibid., p. 247 — 283.

лишает наш образец республиканизма заслуженного влияния в мире; дает благовидную возможность врагам свободных институтов насмехаться над нами как над лицемерами; заставляет убежденных друзей свободы сомневаться в нашей искренности. И особенно потому, что рабство заставляет столь многих действительно хороших людей быть в состоянии открытой войны с самыми основными принципами гражданской свободы».

Возвращаясь к вопросу об угнетении негров в США, Линкольн говорил: «Когда белый человек управляет собой — это самоуправление. Но когда он управляет собой, а также другим человеком, это более чем самоуправление, это — деспотизм... Хозяин не только управляет рабом без его согласия, но и управляет при помощи свода правил, полностью отличных от тех, которые он предписал для себя. Предоставьте всем управляемым равный голос в правительстве, и только это является самоуправлением».

Подвергнув уничтожающей критике билль «Канзас — Небраска», Линкольн отметил, что этот билль является грубейшим нарушением Миссурийского компромисса 1820 г. и несет в себе угрозу раскола страны, начала гражданской войны. Здесь Линкольн изложил свою точку зрения по вопросу о единстве страны и о рабстве, которую он неоднократно высказывал позднее, уже будучи президентом. Суть этой точки зрения сводилась к одному: пусть рабство сохранится, лишь бы не нарушать единства страны. «Не смотря на то, что я ненавижу рабство, — говорил Линкольн, — я скорее соглашусь на его расширение, чем увижу Союз распушенным, точно так же, как я согласен на большое зло, чтобы избежать еще большего».

Это была программная установка, которой Линкольн продолжал придерживаться и на первом этапе гражданской войны, что явилось главной причиной всех его колебаний и непоследовательности в вопросе об освобождении рабов.

Проанализировав закон, принятый на основании билля Дугласа, Линкольн говорил: «Народ должен решить для себя вопрос о рабстве. Но когда он должен решить его, и как решить? Если наконец вопрос будет решен, останется ли это решение в силе или оно станет объектом неопределенной преемственности новых судов? Закон не говорит об этом. Должен ли вопрос о рабстве быть решен первой дюжиной поселенцев, прибывших туда? Или же надо ждать прибытия сотни? Должен ли он быть решен голосованием народа, или голосованием легислатуры, или вообще голосованием какого-либо рода? На все эти вопросы закон не дает ответа».

Суть программной речи в Пеории сводилась к тому, что рабство — неизбежное зло и единственное, что можно сделать, чтобы не усугублять это зло, — воспрепятствовать расширению террито-

рии рабовладения. Линкольн по-прежнему не ставит вопроса о необходимости уничтожить рабство. Но в его речи заключался и большой положительный смысл — она призывала к решительной борьбе против закона, разрешавшего распространение рабства севернее 36°30'. В конкретных исторических условиях того периода это было радикальное выступление, так как в борьбе против этого закона сплачивались все антирабовладельческие силы. И выступление Линкольна способствовало решению этой наиболее важной в то время политической задачи.

Линкольн поддерживал реакционную идею о колонизации негров, переселении их в Африку, где Американское колонизационное общество создало негритянскую республику Либерию. Но вместе с тем он понимал невозможность осуществления, тем более быстрого осуществления, этих планов. В письмах Линкольна в эти годы нередко проскальзывает неудовлетворение своей позицией в негритянском вопросе, понимание того, что она не согласуется с его чувствами, убеждениями. В письме к Д. Спиду 24 августа 1855 г. он писал: «Я признаюсь, что меня охватывает ненависть, когда вижу, как охотятся за бедными созданиями, хватают их и возвращают под удары бичей к тяжелой неоплачиваемой работе, но я прикусил губы и молчу. В 1841 г. мы вместе с вами совершили на пароходе утомительную поездку вниз по реке от Луизвилла до Сент-Луиса. Вы, как и я, должны помнить, что во время пути от Луизвилла до устья Огайо на борту находилось десять или двенадцать рабов, скованных друг с другом железом. Это зрелище было для меня постоянным источником мучения. И я видел подобное этому всякий раз, когда оказывался в... рабовладельческом краю»¹.

Активная деятельность Линкольна сыграла большую роль в укреплении позиций противников демократической партии. Под его руководством виги, объединенные в недавно созданной республиканской партии, одержали решительную победу в Иллинойсе; Линкольн дал согласие вновь стать членом законодательного собрания штата. Его кандидатура была выдвинута от Иллинойса в сенат США. Линкольн с удовлетворением принял такое почетное предложение, но, учитывая партийные интересы, отказался от этого поста в пользу своего коллеги по партии, что позволило одержать победу над кандидатом демократов Стефаном Дугласом².

Спустя некоторое время после возвращения в 1854 г. к актив-

¹ «Collected Works», Vol. II, p. 320.

² The Lincoln Papers. The Story of the Collections with Selections to July 4, 1861, Vols I — II. David C. Mearns. New York, 1948, Vol. I, p. 201 — 203 (далее «Lincoln Papers»).

ной политической деятельности Линкольн становится общепризнанным лидером республиканской партии Иллинойса.

Демократы — сторонники рабства — видят в нем теперь своего главного политического врага, они обрушиваются на него со злобными нападками и нередко рядом с его фамилией появляется слово «аболиционист». Линкольн отрицал свою принадлежность к аболиционистам. 24 августа 1855 г. он писал Д. Спиду: «Я виг, но говорят, что нет вигов и я аболиционист. Когда я был в Вашингтоне, то голосовал почти сорок раз за предложение Уилмота и никогда не слышал, чтобы кто-либо пытался в связи с этим утверждать, что я не виг. Я выступаю сейчас не больше как с протестом против расширения рабства»¹.

В этом же письме Линкольн подверг резкой критике взгляды «ничего не знающих»: «Я не являюсь «ничего не знающим». Это вполне определено. Как я мог бы им быть? Как может кто-либо, питающий отвращение к угнетению негров, быть благосклонным к деградации классов белых людей? Наш прогресс в вырождении кажется мне изрядно быстрым. Как нация мы начали с декларации, что «все люди созданы равными». Сейчас мы на практике читаем это как «все люди созданы равными, за исключением негров». Когда контроль получают «ничего не знающие», это будет читаться, как «все люди созданы равными, за исключением негров, иностранцев и католиков». Когда дело придет к этому, я предпочту эмигрировать в какую-нибудь страну, где не претендуют на то, что любят свободу. Например, в Россию, где деспотизм в чистом виде, без подлой примеси лицемерия»².

Линкольн по-прежнему не высказывается за уничтожение рабства, но он все больше склоняется к мысли о том, что сосуществование рабства и «свободы» не может долго продолжаться. 15 августа 1855 г. Линкольн пишет Джорджу Робертсону: «Наша политическая проблема заключается сейчас в следующем: можем ли мы как нация продолжать вечно существовать наполовину рабовладельческими, наполовину свободными? Эта проблема слишком трудна для меня»³.

Не менее трудной была эта проблема и для руководящих деятелей республиканской партии. Все более очевидной становилась необходимость сформулировать новые программные положения, направленные на борьбу с рабовладельцами. Однако партия продолжала ограничиваться требованием запрещения распространения рабства на новые территории. Именно с такой программой

¹ «Collected Works», Vol. II, p. 323.

² Ibidem.

³ Ibid., Vol. II, p. 318.

республиканская партия выступила на президентских выборах 1856 г.. Кандидатом на пост президента от республиканцев баллотировался Фримонт. Линкольн был выдвинут кандидатом в вице-президенты. Его кандидатура не была утверждена. Но сам факт выдвижения кандидатуры Линкольна явился признанием его больших заслуг в борьбе с партией демократов. Это было началом общенациональной известности¹.

В избирательной кампании 1856 г., проходившей в условиях начавшейся в Канзасе гражданской войны, важнейшее значение приобрел вопрос о рабстве².

Республиканцам противостояли демократы и партия «ничего не знающих». Демократическая партия выступала в защиту рабовладения, против протекционистского тарифа и других мероприятий, отвечавших интересам буржуазии. «Ничего не знающие» требовали введения высокого протекционистского тарифа, урегулирования банковского дела и проведения ряда других мероприятий в интересах капиталистического развития страны. «Ничего не знающие» выступали под лозунгом борьбы за «американскую демократию»³. Суть этой шовинистической «демократии» сводилась к всемерному ограничению прав иммигрантов, в первую очередь католиков.

В ходе избирательной кампании республиканцы потребовали восстановления Миссурийского компромисса и принятия Канзаса в Союз в качестве свободного штата. Демократам удалось расколоть антирабовладельческие силы — за них голосовали многие фермеры, опасавшиеся, что протекционистский тариф приведет к резкому росту цен на промышленные товары и ухудшит их материальное положение. Часть рабочих, дезориентированных пропагандой поборников «американской демократии», усматривала причину своих трудностей в конкуренции иммигрантов. Они пошли за «ничего не знающими» и отдали свои голоса кандидату этой партии. Демократы одержали на выборах победу. Президентом был избран кандидат демократов Д. Бьюкенен, получивший 1,8 млн. голосов, кандидат республиканцев собрал 1,3 млн. голосов.

Линкольн принимал самое активное участие в избирательной борьбе. В центре внимания Линкольна в ходе избирательной кампании стоял вопрос о рабстве. Его позиция в основном оставалась неизменной: рабство — зло, но единственная возможность бороться с ним заключается в запрещении распространения его на новые территории. Однако все чаще Линкольн высказывает со-

¹ J. Scipps. Op. cit., p. 122.

² Очерки новой и новейшей истории США, т. I, с. 211; Ефимов А.В. Очерки истории США, с. 316.

³ H. Commager (ed.). Documents..., Vol. I, p. 337 — 338.

мнение в возможности мирного решения проблемы рабства. 15 августа он писал Джорджу Робертсону, что «опыт показывает невозможность мирного отмирания рабства. Самодержец всес Руси скорее отречется от трона и провозгласит своих подданных свободными, чем наши американские хозяева добровольно откажутся от рабов»¹.

Избрав на пост президента своего ставленника, рабовладельцы активизировали деятельность, направленную на укрепление позиций рабства. В 1857 г. верховный суд принял решение по делу негра Дреда Скотта. Суть этого дела заключалась в следующем: раб Д. Скотт вместе со своим хозяином на протяжении некоторого времени проживал на территории свободного штата. На основании этого Скотт обратился в суд с просьбой объявить его свободным гражданином США. Под давлением рабовладельцев верховный суд принял решение, гласившее, что конгресс не имеет права запрещать рабство на территориях США, что Миссурийский компромисс не конституционен, что рабовладелец сохраняет все права собственности на рабов, находящихся с ним в свободных штатах, что рабы и свободные негры, предки которых были рабами, не могут быть гражданами США. Определяя значение решения верховного суда по делу Дреда Скотта, Маркс писал, что «федеральные власти провозгласили распространение рабства законом американской конституции»².

Решение верховного суда по делу Дреда Скотта вызвало в США повсеместные протесты. В речи, произнесенной 26 июня 1857 г. в Спрингфилде, Линкольн заявил, что решение по делу Дреда Скотта является «открытым нарушением ясного, безошибочного языка Декларации независимости»³.

В июне 1858 г. конвент республиканской партии Иллинойса выдвинул кандидатуру Линкольна в сенат США. От демократической партии баллотировался на этот пост Стефан Дуглас. Между двумя претендентами началась упорная борьба. Линкольн и Дуглас разъезжали по Иллинойсу и выступали с многочисленными речами, в которых излагали свои точки зрения на важнейшие политические проблемы. Инициатором этих дебатов был Авраам Линкольн⁴. Дебаты начались вскоре после решения верховного суда по делу Дреда Скотта, в период, когда в «истекающем кровью Канзасе» происходили ожесточенные схватки между сторонниками и противниками рабовладения. И вполне естественно, что важнейшее место в этих дебатах вновь занял вопрос о рабстве.

На следующий день после выдвижения кандидатуры Линкольна

¹ «Collected Works», Vol. II, p. 318.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 315.

³ «Collected Works», Vol. II, p. 405.

⁴ J. Scripps. Op. cit., p. 135.

в сенат он выступил в Спрингфилде с речью, которая носила программный характер, наиболее полно отражала его взгляды в тот период на проблему рабства. «Если бы мы с самого начала знали, где находимся и куда стремимся, — говорил Линкольн, — то могли бы лучше решить, что нам делать и как делать. Прошло более пяти лет со времени принятия политики, открыто признанная цель которой, подтвержденная самоуверенными обещаниями, заключалась в том, чтобы положить конец волнениям, связанным с рабством. По мере осуществления этой политики волнения не только не прекратились, но и постоянно усиливались. По моему мнению, они не прекратятся до тех пор, пока мы не окажемся в состоянии кризиса и не преодолеем его. Дом, раздираемый ссорами, не может устоять. Я уверен, что нынешнее правительство не может быть устойчивым, оставаясь наполовину рабовладельческим, наполовину свободным. Я не ожидаю, что Союз будет расторгнут, что дом рухнет, я считаю, что раздоры в нем прекратятся. Он станет или полностью свободным, или полностью рабовладельческим»¹.

Выступление Линкольна имело огромный резонанс, о нем сообщали многие газеты США, отмечая, что лидер республиканцев Иллинойса сумел схватить главную суть проблемы: страна не может больше оставаться в неопределенном положении, наполовину рабовладельческой, наполовину свободной². «Раздор в доме» — так называли эту речь в Соединенных Штатах. Линкольн не предлагал какого-либо конструктивного решения проблемы рабства, но он открыто заявлял о том, что продолжение нынешнего состояния будет иметь для страны катастрофические последствия. Линкольн прямо сказал о том, что беспокоило и волновало самые широкие слои американского народа, и его речь не могла не привлечь к себе внимания. Ход событий подтверждал опасения Линкольна, который, выступая в октябре 1854 г. в Пеории, говорил о том, что «первая капля крови, пролитая в Канзасе, может оказаться похоронным колоколом для американского Союза»³.

Когда Дугласу стало известно, что его соперником на выборах в сенат будет Линкольн, он заявил: «Из всех проклятых мошенни-

¹ «Collected Works», Vol. II, p. 461.

² Многие республиканцы считали подобную постановку вопроса слишком радикальной. От Линкольна настойчиво требовали отказаться от этой формулировки или смягчить ее, но он решительно отверг эти требования (H. White. Lincoln Campaigns against Douglass. — In: «The Tragic Conflict. The Civil War and Reconstruction». Selected and ed. with Introduction and Notes by W. B. Hesseltine. New York. Braziller, 1962, p. 68 (далее: «The Tragic Conflict»).

³ «Collected Works», Vol. II, p. 247.

ков-вигов Спрингфилда Эйб Линкольн самый способный и наиболее честный... Он сильный человек своей партии, умный, владеющий многочисленными фактами... Линкольн с забавными манерами и невозмутимыми шутками является лучшим оратором Запада»¹.

Дуглас и Линкольн встречались не в первый раз, они неоднократно вели острые политические дискуссии, но впервые им пришлось бороться за право быть избранным на одно и то же место. Силы в этой борьбе были неравными. Дуглас имел большой опыт политической деятельности, был несравненно более известен в стране, чем Линкольн. Обладал он и еще одним важным для избирательной борьбы преимуществом — Дуглас был очень состоятельным человеком.

В декабре 1856 г. Линкольн писал о Дугласе: «Судья Дуглас и я впервые познакомились 22 года назад. Мы оба были тогда молоды, он чуть-чуть моложе, чем я. Уже тогда мы оба были честолюбивы. Я, очевидно, был честолюбив в такой же мере, как и он. Для меня состязание в честолюбии закончилось неудачей, полной неудачей. Для него — блестящим успехом. Его имя широко известно нации и даже в других странах»².

Вся страна с напряженным вниманием следила за дебатами между Линкольном и Дугласом. Борьба между ними не была обычной избирательной потасовкой между провинциальными политиками, стремившимися занять почетное место сенатора США. Это была борьба двух идеологий, двух противоположных политических направлений, и предвыборные дебаты между Линкольном и Дугласом приняли характер общенациональной дискуссии по вопросу о рабстве, о путях и средствах решения этой жизненно важной проблемы.

В своих спорах с Дугласом Линкольн не злоупотреблял полемическими приемами и никогда не переходил грани, за которой следовало извращение взглядов оппонента. Дуглас не страдал такой шепетильностью, он пользовался любым предлогом, чтобы извратить высказывания и взгляды своего политического противника. Выступая 27 июля 1858 г., Линкольн говорил: «Я прошу моих друзей и всех, стремящихся к правде, только об одном: когда они слышат обо мне, что я сказал или имею в виду что-либо необычное, пусть они обратятся к моим собственным словам и изучат их для себя. Я не хочу, чтобы Дуглас вкладывал слова в мои уста. Я не хочу, чтобы он истолковывал мои высказывания, как ему нравится, а затем представлял меня как думающего то, что он

¹ S. Loran. Life of Abraham Lincoln. New York, 1954, p. 76.

² «Collected Works», Vol. II, p. 382 — 383.

хотел бы. Я хочу, чтобы народ сам и для себя толковал и решал (мой высказывания. — Р. И.)»¹.

Свою первую речь в избирательной кампании 1858 г. маленький гигант, как называли Дугласа, произнес 9 июля в Чикаго. Дуглас обрушился на Линкольна со всей яростью убежденного сторонника рабовладения. Он заявил, что в течение 82 лет в стране существует рабство и свободное предпринимательство, и попытки сделать Союз универсальным, покушаясь на права работников, приведут к гражданской войне. Дуглас с предельной откровенностью сформулировал в этой речи свои расистские взгляды. «Линкольн, — говорил он, — возражает против решения по делу Дреда Скотта, потому что оно не предоставляет негру права гражданства на равной основе с белым человеком. Я против равенства негров»².

На следующий день Линкольн выступил в Чикаго с большой речью, в которой подверг резкой критике расистские взгляды Дугласа. Чикагская пресса, комментируя речь Линкольна, писала, что она произвела огромное впечатление, что аудитория, собиравшаяся слушать его, была всего на три четверти больше той, которая присутствовала при выступлении Дугласа, но «с точки зрения энтузиазма она в четыре раза превышала ее»³.

Такого огромного интереса избиратели не проявляли ни к одной избирательной кампании. Во время дебатов, которые происходили 21 августа в Оттаве, штат Иллинойс, присутствовало 10 тыс. человек, спустя неделю в Фрипорте послушать Линкольна и Дугласа собралось 15 тыс. человек. Речи продолжались по нескольку часов, но слушатели не расходились, с напряженным вниманием следя за каждым словом ораторов, за каждым новым аргументом. Линкольн получал многочисленные письма с просьбами выступить перед избирателями⁴.

На протяжении всего лета и осени 1858 г. продолжались эти дебаты. Линкольн за это время выступал в Клинтоне, Гаване, Оттаве, Фрипорте, Пекине, Джонсборо, Гринвилле, Чарлстоне, Гейлсберге, Олтоне, Питсберге и во многих других городах и населенных пунктах Иллинойса. Всего им было произнесено около 60 речей⁵. В ходе этих дебатов были подвергнуты всестороннему обсуждению все важнейшие аспекты проблемы рабства. Определенное значение этой дискуссии, Линкольн заявил: «Реальное значение спора заключается в том, что один класс рассматривает ин-

¹ «Collected Works», Vol. II, p. 525.

² J. Barrett. Op. cit., p. 154.

³ S. Lorant. Op. cit., p. 76.

⁴ «Lincoln Papers», Vol. I, p. 205.

⁵ J. Scripps. Op. cit., p. 160.

ститут рабства как зло, а другой не считает его таковым». Республиканская партия в противоположность демократической, говорил Линкольн, считает рабство «моральным, социальным и политическим злом»¹. Линкольн доказывал, что создатели американской конституции, провозглашая лозунг: «Все люди созданы равными», имели в виду и негров².

Однако позиция Линкольна в этом вопросе была неопределенна, а высказывания часто противоречивы. Так, например, выступая в Пеории, Линкольн ставил вопрос, что же делать с рабами. «Освободить их и сделать в политическом и социальном положении равными нам? — спрашивал Линкольн. — Мои чувства против этого. Если бы мои чувства были за это, мы хорошо знаем, что огромное большинство белых было бы против этого». Позднее, выступая в Спрингфилде, он заявил: «Разделение рас является единственным безупречным средством предотвращения их слияния»³.

Определяя свое личное отношение к проблеме рабства и позицию республиканской партии, Линкольн замечал, что рабство в конечном счете должно быть уничтожено. Но тут же оговаривался, что это должно быть сделано мирным путем и он не имеет ни малейшего намерения вмешиваться в дела тех штатов, где существует институт рабовладения. 17 июля Линкольн выступил в Спрингфилде: «Я снова и снова заявляю, что не буду вмешиваться (в дела. — *Р. И.*) штатов, где существует институт рабства»⁴.

Линкольн был убежден, что запрещение распространения рабства на новые территории должно привести к самоуничтожению этого института. В 1856 г. он говорил: «Давайте воздвигнем, так сказать, кордон вокруг рабовладельческих штатов, и этот ненавистный институт погибнет подобно рептилии, жалящей себя...»⁵

В ходе дискуссии с Дугласом Линкольн убедительно показал, что он разделяет воззрения республиканцев, признававших «священное право» рабовладельцев на живую собственность, высказывался за соблюдение закона о беглых рабах. Он только предлагал исправить некоторые наиболее жестокие статьи этого закона. «Ни сейчас и никогда ранее я не выступал за безоговорочную отмену закона о беглых рабах»⁶, — заявил Линкольн. Он высказался также за отмену рабства в федеральном округе Колумбия, но с предоставлением компенсации рабовладельцам. Кроме того,

¹ J. R and a l l. Lincoln the President, Vol. I, p. 118.

² «Collected Works», Vol. II, p. 501.

³ W. Du Bois. Black Reconstruction, p. 146.

⁴ «Collected Works», Vol. II, p. 513.

⁵ D. Dumond. Antislavery Origins of the Civil War in the United States. The University of Michigan Press, 1959, p. 108.

⁶ «Collected Works», Vol. II, p. 504.

Линкольн выдвигал еще два условия: постепенная отмена рабства и согласие на это большинства населения округа. «При выполнении этих трех условий, — заявил Линкольн, — я, признаюсь, буду чрезвычайно рад увидеть, что конгресс отменил рабство в округе Колумбия. Как говорил Генри Клей (надо. — *Р. И.*) «вымести из столицы это грязное пятно на нашей нации»¹.

Исключительно большое внимание в выступлениях Линкольна уделялось самым злободневным в то время вопросам — событиям в Канзасе и решению по делу Дреда Скотта. Суть споров, связанных с этими вопросами, сводилась к следующему: обладает ли правительство конституционным правом узаконить или отменить рабство на присоединяемых территориях. Линкольн заявил, что он поддерживает решение по делу Дреда Скотта с той точки зрения, что собственность должна быть возвращена хозяину, но решительно выступает против него как политического курса, дающего право вводить рабство на свободных территориях. Он высказался за пересмотр решения верховного суда по этому делу².

Определяя свое отношение к институту рабства, Линкольн категорически заявил: «Я всегда ненавидел рабство и, по-моему, столь же сильно, как любой аболиционист»³.

Именно поэтому аболиционисты поддерживали Линкольна в борьбе с Дугласом⁴.

Подобная позиция Линкольна в вопросе о рабстве приобретала принципиальный характер в то время, когда сторонники рабства, напуганные размахом антирабовладельческого движения, решительно требовали уничтожения «тысяч разрушительных «измов»... от социализма до аболиционизма»⁵.

В ходе избирательной борьбы 1858 г. Линкольн не мог рассчитывать на победу и стать сенатором. Сделать это было очень трудно, по существу, даже невозможно, так как вопрос об избрании в сенат решали не избиратели, а законодательное собрание штата, где большинство принадлежало сторонникам рабства. Задача заключалась в том, чтобы, доказав опасность для интересов страны и бесперспективность доктрины рабовладения, расшатать и ослабить устои рабства, подготовить позиции для перехода в решительное наступление против рабовладельцев. Линкольн трезво оценивал свои шансы на избрание в сенат. На заданный ему в ходе дебатов вопрос, надеется ли он одержать победу над Дугласом, Линкольн ответил, что не рассчитывает на победу. «Нельзя

¹ J. Barrett. Op. cit., p. 181.

² «Collected Works», Vol. II, p. 495.

³ Ibid., p. 492.

⁴ «Lincoln Papers», Vol. II, p. 207.

⁵ «Congressional Globe», 31-st Congress, 1-st Session, Appendix, p. 242.

перевернуть пирамиду, — заявил он, — но ее можно подорвать. Это как раз то, что я и стараюсь сделать»¹.

Сторонники Дугласа стремились оглушить избирателей шумом и треском рекламы, поразить их воображение огромной блестящей свитой, которая сопровождала маленького гиганта во время его предвыборного турне. Дуглас разъезжал по Иллинойсу в специальном поезде, в сопровождении многочисленных почитателей и политических соратников, за ним возили даже пушку, из которой салютовали в местах, куда прибывал кандидат демократов. 50 тыс. долл. потратил Стефан Дуглас на проведение своей избирательной кампании.

Линкольн был решительным противником подобной парадной шумихи, да и не располагал средствами, чтобы устраивать богатые выезды. Его единственным оружием в борьбе с Дугласом была убежденность в правоте своего дела, непоколебимая логика аргументов, личное обаяние, простота и скромность. И повсюду кандидата республиканцев встречали с огромным энтузиазмом². Линкольн предложил продолжить дебаты, но Дуглас, опасаясь окончательно потерять авторитет в глазах избирателей, «не дал м-ру Линкольну возможность встретиться с ним»³.

В ходе избирательной борьбы Дуглас одержал победу, законодательное собрание Иллинойса 54 голосами против 46 (поданных за Линкольна) избрало его в сенат конгресса США. Однако число голосов, собранных республиканцами среди избирателей штата, было на 4 тыс. больше, чем у демократов. Для Линкольна избирательная кампания 1858 г. имела большое значение. Он получил общенациональную известность и выдвинулся в число наиболее влиятельных лидеров республиканской партии США.

Сторонники рабовладения торжествовали, считая, что в дебатах между Линкольном и Дугласом победу одержал их кандидат. В действительности «оказалось, что победу в этой ожесточенной полемике одержал Линкольн. Она расчистила ему путь к выдвижению его кандидатуры в президенты от республиканской партии в 1860 г.»⁴.

Дебаты между Линкольном и Дугласом еще раз показали, что рабство заняло главное место в политической жизни страны. Они свидетельствовали о том, что никакие политические дискуссии и аргументы не могли уничтожить рабство, превратившееся в глав-

¹ S. Lorant. Op. cit., p. 79.

² «Lincoln Papers», Vol. I, p. 217, 222; J. Scripps. Op. cit., p. 134, 141; H. White. Lincoln Campaigns... — In: «The Tragic Conflict», p. 70.

³ J. Scripps. Op. cit., p. 116.

⁴ Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 279.

ное препятствие на пути экономического и политического развития страны. Надвигался «неотвратимый конфликт», ему предстояло взорвать пирамиду рабовладения, поколебать которую пытался Линкольн во время своих дебатов с Дугласом.

Глава третья

ИЗБРАНИЕ ЛИНКОЛЬНА ПРЕЗИДЕНТОМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

1. Обострение политической борьбы в канун избирательной кампании 1860 г.

Дебаты между Линкольном и Дугласом были лишь проявлением резкого обострения борьбы по вопросу о рабстве в канун президентских выборов 1860 г.. Создание республиканской партии и ее первое успешное выступление в 1856 г. на национальной политической арене были свидетельством быстрого организационного оформления антирабовладельческой коалиции.

В эту коалицию, возглавлявшуюся буржуазией промышленных штатов Северо-Востока, входили представители различных классов и групп населения. Республиканскую партию поддерживали фермеры Запада, рабочие Северо-Востока, прогрессивная интеллигенция, деятели негритянского освободительного движения. Немало сторонников этой партии было и среди нерабовладельческого населения Юга.

После избирательной кампании 1856 г. программа республиканской партии, в частности в вопросе о рабстве, не претерпела никаких серьезных изменений. Партия по-прежнему выступала с очень умеренных позиций — не допускать распространения рабства на новые территории, но и не вмешиваться в дела тех штатов, где рабство существует. Эта умеренная программа явно не соответствовала той степени революционного брожения, которым была охвачена страна.

Республиканская партия только что появилась на свет, не успела еще полностью оформиться организационно, но уже была поражена глубокими внутренними противоречиями, которые, как в фокусе, концентрировались прежде всего в вопросе об отношении к рабству.

Экономическая несостоятельность рабства к концу 50-х годов стала полностью очевидна. На Северо-Востоке происходил промышленный переворот, быстрыми темпами росла тяжелая индустрия.

стрия и легкая промышленность, железнодорожный и водный транспорт. Значительных успехов добилось фермерское хозяйство нерабовладельческих штатов. Несмотря на периодические кризисы, в целом экономика США развивалась по довольно крутой восходящей линии: доля США в мировом промышленном производстве увеличилась с 6 % в 1820 г. до 15 % в 1860 г.¹ По общему объему промышленного производства США вышли в 1860 г. на четвертое место в мире, а по темпам роста их экономика значительно опережала все другие государства.

Дальнейшее экономическое развитие страны и создание единого национального рынка упирались в проблему рабства. Становилась все более очевидной необходимость скорейшего уничтожения рабовладения как важнейшее условие экономического прогресса Соединенных Штатов.

С политической точки зрения уничтожение рабства было для буржуазии единственным средством покончить с политической гегемонией рабовладельцев в Союзе. Для буржуазии, уже игравшей решающую роль в экономической жизни страны, было ясно, что только уничтожение рабства обеспечит переход всей полноты политической власти в ее руки.

Таким образом, и с экономической, и с политической точки зрения буржуазия была заинтересована в уничтожении рабства. Однако ряд факторов заставлял буржуазные круги занимать сдержанную позицию в этом вопросе. Экономическая заинтересованность буржуазии как класса в уничтожении рабства была бесспорна, но часть буржуазии была тесно связана с рабовладельческой экономикой Юга. Это в первую очередь относилось к текстильным фабрикантам Севера, для которых рабовладельческие хлопковые плантации Юга были дешевым, а главное, единственным рынком сырья. Значительные прибыли от реализации продуктов рабского труда получала торговая буржуазия Севера.

Эта часть буржуазии не только не была заинтересована в уничтожении рабства, но и всемерно защищала его. Их взгляды хорошо сформулировал нью-йоркский бизнесмен в беседе с аболиционистом: «Мы не можем согласиться, сэр, разрешить вам и вашим единомышленникам попытаться свергнуть рабство. Это для нас не вопрос принципа. Этот вопрос является делом экономической необходимости... Мы думаем, сэр, повергнуть на обе лопатки ваших аболиционистов, применив хорошие средства, если мы сможем, или плохие, если мы будем к этому вынуждены»².

Рабовладельцы понимали, что промышленность Севера заинтересована в поставках хлопка из южных штатов, и усиленно за-

¹ Кучинский Ю. Условия труда в США. М., 1948, с. 84.

² Ph. Foner. Business and Slavery..., p. 14.

путивали буржуазию, доказывая экономическую нецелесообразность уничтожения рабства. Комментируя заинтересованность Севера в рабстве, русская газета писала: «Ужели для того, чтобы носить нанковые панталоны и бумазейные юбки, несколько миллионов созданий, подобных нам же, должны оставаться хуже чем скоты? Хуже, потому что скот может не есть вредного, не дышать тлетворным воздухом, а тут людей, таких же, как все прочие, гонят на верную смерть, довольствуясь десятым процентом остающихся в живых»¹.

Плантаторы стремились доказать, что производство хлопка нельзя организовать с помощью наемного труда, что негр привык и будет работать только под бичом надсмотрщика. И эта пропаганда рабского труда давала свои результаты: значительная часть буржуазии Севера считала, что отмена рабства приведет если не к краху, то к серьезному кризису экономики страны.

Даже та часть буржуазии, которая не получала непосредственной экономической выгоды от рабства, опасалась, что в антирабовладельческое движение могли быть втянуты широкие массы рабочих и фермеров. Перспектива революционной борьбы за уничтожение рабства страшила буржуазию, оказывала на нее парализующее влияние. Социальные и политические условия существования рабочих и фермеров объективно способствовали развитию в их среде антирабовладельческих взглядов. В первую очередь это относится к рабочему классу США. Передовые рабочие все больше склонялись к мысли, которую подчеркивал в обращении к рабочим выдающийся американский поэт У. Уитмен: «Или вы уничтожите рабство, или рабство уничтожит вас!»²

Однако многие рабочие, главным образом неквалифицированные, опасались, что освобождение рабов приведет к появлению на рынке труда сотен тысяч негров, произойдет резкое понижение заработной платы и ухудшение материального положения рабочих. Подобные настроения были особенно широко распространены среди ирландцев, большинство из них не имело квалификации и боялось, что освобожденные негры будут конкурировать в первую очередь с ними.

Распространению антинегритянских настроений среди трудящихся масс Севера способствовала и шовинистическая пропаганда. Прорабовладельческая пресса Севера без устали рекламировала расистские теории, доказывая неполноценность негров, убеждая белых рабочих в том, что они якобы во всех отношениях стоят выше негров и должны соответствующим образом держать себя по отношению к ним. Конечно, факты из повседневной

¹ «Северная пчела», 6. VII. 1860.

² A. Schlesinger. The Age of Jackson. Boston, 1948, p. 479.

жизни трудящихся разоблачали эту шовинистическую пропаганду. Рабочие убеждались, что в условиях наемного капиталистического рабства их превосходство над неграми имело довольно призрачный характер.

Многие рабочие, но далеко не большинство, понимали необходимость уничтожения рабства. «В самом деле, — пишет Фонер, — до гражданской войны большинство рабочих никогда не отстаивало положения, что «рабство должно быть уничтожено». Лишь постепенно все большее и большее количество рабочих уяснило себе, благодаря опыту, что, исходя из своих собственных классовых интересов, они должны идти «на прямую и беспощадную борьбу с чудовищем (рабством. — Р. И.)»¹.

В 50-х годах деятельность abolitionистов активизировалась. Революционное крыло этого движения все более поворачивало влево, решительно требовало уничтожения рабства. В последнее десятилетие, предшествовавшее гражданской войне, важное значение приобретала деятельность ведущего лидера революционного крыла abolitionистов Фредерика Дугласа. Уже в 1849 г. он активно выступил за революционные методы борьбы с рабством: «Я был бы рад услышать завтра сообщение, что рабы Юга восстали и что те черные руки, которые раньше были заняты украшением Юга, теперь сеют там смерть и разрушение»².

Отвергая сектантство Гаррисона, Дуглас начал борьбу за объединение всех сил, выступавших против рабства. Фредерик Дуглас в своих выступлениях резко критиковал позицию республиканцев в вопросе о рабстве, однако выступил в поддержку республиканской партии на президентских выборах 1856 г. Когда в мае 1856 г. съезд abolitionистов в Сиракузах выдвинул Дугласа кандидатом в вице-президенты, он без каких-либо колебаний снял свою кандидатуру, чтобы не раскалывать фронт республиканцев. Уже в период становления республиканской партии Дуглас увидел то, что не могли различить другие, — неизбежность резкого полевения республиканцев в условиях обостряющейся борьбы против рабства. «Мы, — заявлял Дуглас, — сделали вигов и демократов республиканцами и сможем превратить республиканцев в abolitionистов»³.

Дуглас был не только убежденным пропагандистом антирабовладельческого движения. В первую очередь он являлся сторонником прямых активных действий, направленных на уничтожение рабства. И неслучайно, что одно из крупнейших событий в антирабовладельческом движении США, восстание Джона Брауна, было связано с деятельностью Фредерика Дугласа. Он был

¹ Фонер Ф. Указ. соч., т. I, с. 315.

² Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 188.

³ Ph. Foner (ed.). The Life and Writings of Frederic Douglass, Vol. II, p. 85.

одним из тех немногих деятелей аболиционистского движения, кто пользовался полным доверием Джона Брауна в период подготовки восстания.

Дуглас «становится главным доверенным лицом Джона Брауна среди негров; в его доме фактически была начата и в основном подготовлена восточная кампания» (восстание Джона Брауна. — *Р. И.*)¹.

Восстание Джона Брауна не было массовым народным выступлением против рабства. Всего 22 человека, пятеро из которых были негры, приняли участие в захвате правительственного арсенала в Харперс-Ферри, штат Виргиния. Выступление Джона Брауна, начавшееся 16 октября 1859 г., не получило широкой поддержки со стороны негров-рабов. Причин для этого было много. Харперс-Ферри находился далеко от основных плантационных районов Юга, где восстание могло получить активную поддержку рабов. Подготовка к восстанию проводилась в глубокой тайне, и негритянское население Юга не имело ни малейшего представления об этом выступлении. В силу ряда тактических ошибок восстание было подавлено в кратчайшие сроки, и негры не имели никакой возможности присоединиться к небольшому отряду Брауна.

В истории негритянского освободительного движения были восстания, которые по числу участников, по своему размаху значительно превосходили восстание Джона Брауна. И тем не менее в истории США оно занимает исключительно важное место. Заслуга Брауна заключалась в том, что он первым среди белых противников рабства выступил руководителем вооруженного восстания против рабовладельцев.

Личная храбрость Джона Брауна, героически сражавшегося вместе со своими сыновьями в Харперс-Ферри, мужественное поведение Брауна на суде, жестокая расправа рабовладельцев над тяжело раненным стариком, повешенным по приговору суда, — все это произвело огромное впечатление на американский народ, на прогрессивных деятелей многих стран мира.

Восстание Джона Брауна дало мощный толчок антирабовладельческому движению, заставило все классы и партии занять более четкие позиции в вопросе о рабстве. «Рейд Брауна и его последствия... превратили нацию в два вооруженных лагеря. Орудийный гром у Харперс-Ферри сделал больше... для начала конфликта 1861 г., чем множество других событий»².

Политические противники республиканцев не замедлили ис-

¹ Дьюба. У. Джон Браун. М., 1960, с. 316.

² B. Stutler. Abraham Lincoln and John Brown — a Parallel. — «Civil War History», September, 1962, Vol. VIII, № 3, p. 296.

пользовать восстание Джона Брауна для резких нападок на руководство республиканской партии, обвиняя его в соучастии в восстании Брауна. Лидеры республиканцев и даже аболиционистов решительно отмежевались от Брауна, отрицали всякую связь с его восстанием. Еженедельник «Либерејтор», издававшийся Гаррисоном, заявил: «Нет ни малейшей связи между принципами или действиями партии и безумным вторжением Брауна в Виргинию»¹.

Русский посланник в Вашингтоне сообщал, что восстание Брауна приковало внимание всех американцев к проблеме рабства. Стеклъ писал 16(28) ноября, что «сенсация, которую оно (восстание Брауна. — Р. И.) вызвало, кажется, растет изо дня в день. Это событие, совершившееся в момент, когда умы занимал вопрос о рабстве, дало новую пищу страстям и ненависти обеих соперничающих частей Конфедерации (Союза. — Р. И.)»².

Революционное выступление Джона Брауна вызвало большие опасения не только среди правящих кругов Юга, но и Севера. Срочно была пущена в ход версия о том, что Джон Браун сумасшедший, а поднятое им восстание — выступление кучки фанатиков. Эта версия взята на вооружение современными американскими историками, которые, стремясь затушевать революционный, классовый характер восстания Брауна, объясняют все его действия безумием. Подобная точка зрения с особой настойчивостью проводится Р. Уорреном и Д. Малиным³.

Эта версия не получила одобрения современников, внимательных наблюдателей происходящих событий. Стеклъ, например, докладывал 19(31) октября Горчакову: «Во всяком случае, очень сомнительно, что этот взрыв был актом нескольких отдельных лиц, толкаемых фанатизмом, и тем беспокойным умом, который столь характерен для американцев...»⁴.

В том же сообщении Стеклъ писал о том, что выступление Брауна уходило своими корнями в аболиционистское движение Севера. «Несколько писем, найденных у Брауна, заставляют подозревать о существовании связей у него с аболиционистами Севера и даже с некоторыми сенаторами их партии. Газеты Юга обвиняют этих последних в том, что они были главными инициаторами попытки восстания, предпринятой в Харперс-Ферри, и

¹ «Liberator», 28. X. 1859.

² Архив внешней политики России (далее АВПР), ф. Канцелярия 1859 г., д. 206, л. 202.

³ R. Warren. John Brown. Making of Martyr. New York, 1929; J. Malin. John Brown and the Legend of Fifty Six. Philadelphia. 1942. (см. статью М.Н. Захаровой «Восстание Джона Брауна в американской буржуазной историографии». — «Новая и новейшая история», 1960, № 5).

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 206, л. 200.

утверждают, что эта попытка связана с разветвленной организацией abolitionистов Севера»¹.

Героическое выступление Брауна дало мощный толчок негритянскому освободительному движению на Юге. В ночь на 4 ноября произошло волнение негров Виргинии. 12 ноября в Вашингтоне были арестованы лица, подозреваемые в соучастии с Брауном². После подавления восстания Джона Брауна значительно усилилось бегство рабов на Север³. На протяжении ближайших месяцев после восстания Джона Брауна попытки восстаний рабов, заговоры, поджоги поместий плантаторов и другие выступления негров-рабов происходили в Виргинии, Миссури, Техасе, Алабаме, Миссисипи, Джорджии, Южной Каролине. В ряде случаев в этих волнениях принимали участие и белые⁴.

Маркс придавал исключительно большое значение этим выступлениям. В 1860 г. он писал: «По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти [Джона] Брауна, с другой стороны, — движение рабов в России»⁵.

Восстание Джона Брауна насмерть перепугало рабовладельцев. Стекло сообщал Горчакову 19(31) октября: «Жители, полагая, что это было всеобщее восстание, были охвачены паникой. Одни бежали, другие спрятались по домам... Хотя это дело было легко подавлено, оно тем не менее произвело глубокое впечатление на Юге, и особенно в рабовладельческих штатах, пограничных со свободными штатами»⁶.

Восстание Джона Брауна всколыхнуло также и северные штаты. Во всех крупных городах прошли многочисленные митинги и собрания, население Севера высказывало свое решительное одобрение выступлению Брауна.

Две антирабовладельческие волны поднимались в противоположных концах страны. Одна двигалась с Юга, где происходили многочисленные выступления рабов, вторая — с Севера. В истории США это был первый случай, когда антирабовладельческое движение на Севере и на Юге происходило одновременно и в столь значительных масштабах.

Вокруг республиканской партии накануне гражданской войны группировались основные антирабовладельческие элементы страны. Но руководство республиканской партии было явно не

¹ Ibid.,

² «Liberator», 8. XI. 1859.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 206, л. 200., 13. II. 1860.

⁴ Н. Apthekeг. Toward Negro Freedom. New York, 1956, p. 56 — 59.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, с. 474.

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 206, л. 199 — 200.

на высоте, его позиция в вопросе о рабстве ни в коей мере не отвечала тем требованиям, которые выдвигались революционной ситуацией. Обвинения в адрес лидеров республиканской партии в том, что они являлись идейными вдохновителями и чуть ли не организаторами восстания Джона Брауна, были совершенно беспочвенны¹. Партия прочно стояла на позициях невмешательства в дела рабовладельческих штатов, ее радикализм в вопросе о рабстве не шел дальше требования запрещения рабовладения на новых территориях. Руководство партии выступало за конституционное разрешение проблемы рабства и было решительным противником решения этого вопроса путем народного вооруженного восстания.

После восстания Джона Брауна были опубликованы многочисленные заявления лидеров партии, осуждавшие его выступление. В своей платформе 1860 г. республиканская партия предала анафеме героический подвиг Брауна. Партия квалифицировала восстание Джона Брауна как «одно из тяжчайших преступлений»².

Точка зрения Линкольна на восстание Джона Брауна не отличалась от взглядов лидеров республиканской партии.

19 февраля 1860 г., выступая в Нью-Йорке, Линкольн говорил: «С начала президентской кампании я придерживаюсь позиции, суть которой — молчать, избегать публичных речей, избегать выступать в печати. Я поступаю так потому, что с полным основанием считаю, что соответствующий курс — это то, чему мне надо следовать»³. Однако в тех случаях, когда Линкольну приходилось выступать, он неоднократно касался вопроса о восстании Джона Брауна и не считал нужным скрывать свое критическое отношение к нему.

В своих публичных выступлениях Линкольн называл восстание Брауна безумием, утверждал, что подобные выступления не способствуют разрешению проблемы рабства. Он отвергал обвинения в адрес республиканской партии в причастности к восстанию Джона Брауна. Линкольн говорил, обращаясь к демократам: «Вы обвиняете нас в том, что мы инспирируем восстания среди ваших рабов. Мы отрицаем это. Каковы ваши доказательства? Харперс-Ферри! Джон Браун!! Джон Браун не был республикан-

¹ Report of the Senate Committee Appointed to Inquire into the Late Invasion and Seizure of Public Property at Harpers Ferry, 36-th Congress, 1-st Session, p. 7 — 8, 24 — 25.

² J. Rhodes. History of the United States from the Compromise of 1850 to the Final Restoration of Home Rule at the South in 1877. Vols I — VII. New York — London, 1920, Vol. 2, p. 413.

³ «Collected Works», Vol. IV, p. 230.

цем. Вам не удалось впутать ни одного республиканца в предприятие Джона Брауна в Харперс-Ферри...»¹

Линкольн осуждал восстание Брауна потому, что был противником вмешательства в дела рабовладельческих штатов. «Линкольн, хотя и был противником рабства, одновременно был и противником... революционных методов борьбы с этим институтом»².

Определенную роль играли и тактические соображения. Выступление Брауна было слишком радикальной мерой, которую не могли понять и одобрить умеренные круги избирателей, чьи голоса должны были сыграть важную роль во время предстоящих выборов.

Отрицательное отношение Линкольна к восстанию Джона Брауна, его умеренная позиция в вопросе о рабстве явились важной причиной, обеспечившей выдвижение его кандидатуры на пост президента США на съезде республиканской партии, который состоялся в мае 1860 г. В канун съезда Линкольн еще раз публично изложил свою точку зрения на проблему рабства. Он говорил: «Рабство является большим национальным вопросом. Хотя все хотят его разрешения, он все еще остается всеохватывающим вопросом дня. Он был таковым особенно на протяжении последних шести лет. В действительности он старше, чем революция. Он обострялся, утихал, затем вновь обострялся — вплоть до 1854 г., когда вопрос о рабстве начал постоянно разрастаться»³.

С присущим ему юмором Линкольн высмеивал угрозы демократов расколоть Союз, если президентом будет избран республиканец: «Вы не потерпите избрания президентом республиканца! Вы заявляете, что в этом случае разрушите Союз, а затем утверждаете, что тяжелое преступление за разрушение Союза падает на нас! Это наглость. Разбойник с большой дороги приставил мне к уху пистолет и пробормотал сквозь зубы: «Стой и сдавайся, или я убью тебя, и тогда ты будешь убийца!»⁴

С полным основанием Линкольн утверждал, что вся история Соединенных Штатов свидетельствует о том, что полумеры в борьбе с рабством явились главной причиной, не позволившей добиться разрешения этой проблемы. «Наши лучшие и величайшие люди... постоянно использовали слабодействующие лекарства для лечения тяжелого недуга. Пластырь был слишком мал, чтобы закрыть рану»⁵.

Но сам Линкольн не предлагал никакого нового лекарства для борьбы с рабством, никаких сильнодействующих средств.

¹ «Collected Works», Vol. III, p. 538.

² J. Pressly. Op. cit., p. 651.

³ «Collected Works», Vol. IV, p. 8 — 9.

⁴ Ibid. Vol. III, p. 546 — 547.

⁵ Ibid. Vol. IV, p. 15.

Более того, он призывал внимательно отнестись к требованиям южан и по возможности удовлетворить их. «Если даже южане, — говорил Линкольн, — не пожелают выслушать нас, нам следует спокойно рассмотреть их требования, уступить им... в чем можно...»¹

Это был определенный шаг назад по сравнению с той точкой зрения, которой Линкольн придерживался ранее, особенно в период обострения гражданской войны в Канзасе.

В отношении общей оценки рабства и в вопросе о его распространении на новые территории позиция Линкольна оставалась неизменной. «Хотя мы и считаем, что рабство — зло, мы все же можем разрешить себе оставить его в том положении, в каком оно сейчас находится, так как мы не можем игнорировать его существование. Но можем ли мы, располагая такой силой, как голосование, позволить ему распространиться на новые национальные территории и захлестнуть нас в свободных штатах? Если чувство долга запрещает нам сделать это, тогда выполним наш долг бесстрашно и результативно»².

Такова была позиция Линкольна в вопросе о рабстве в канун выборов 1860 г. Следует признать, что она, мягко говоря, не страдала излишним радикализмом. В период обострения революционной ситуации, вызванного восстанием Джона Брауна, Линкольн прочно занимал центристские позиции в республиканской партии. Центр партии выступал против революционных мер в борьбе с рабством, против использования вооруженной силы, а тем более народного восстания, для свержения власти рабовладельцев. Умеренные круги республиканской партии были заинтересованы в том, чтобы ввести народное движение против рабства в спокойное русло конституционной борьбы, использовать его для победы над демократами в ходе приближавшихся выборов. Именно эти соображения определяли позицию республиканской партии в вопросе о рабстве, которую полностью разделял будущий кандидат республиканцев на пост президента страны.

2. Выдвижение кандидатуры Линкольна на съезде республиканской партии

Общими усилиями рабовладельцев Юга и буржуазных кругов Севера революционное брожение, возникшее в связи с восстанием Джона Брауна, было приглушено. Положение несколько стаби-

¹ «Collected Works», Vol. III, p. 547.

² Ibid., p. 550.

лизировалось, и главные политические партии страны смогли уделить все внимание приближавшимся национальным выборам.

Первой выступила демократическая партия, съезд которой состоялся 23 апреля 1860 г. в Чарлстоне, штат Южная Каролина¹. Центральной фигурой на съезде был Стефан Дуглас. Еще во время дебатов с Линкольном крайне правые круги демократов встретили в штыки теорию Дугласа о «народном суверенитете», так как считали ее недостаточно отвечающей интересам плантаторов Юга.

На съезде южные демократы решительно выступили против кандидатуры Дугласа на пост кандидата в президенты. «Южане, закусив удила, заняли воинственную, наступательную позицию. Они в это время уже замыслили отделение от Союза...»² Дуглас же возглавлял те круги демократов, которые выступали в поддержку рабства, но были противниками отделения рабовладельческих штатов от Союза.

Умеренные круги демократической партии не поддерживали требований южных делегаций, и последние покинули съезд. Это были делегации главных рабовладельческих штатов — Миссисипи, Луизианы, Флориды, Техаса, Алабамы, Джорджии и Северной Каролины. Отколовшаяся часть съезда выдвинула кандидатом в президенты Джона Брекинриджа и в вице-президенты Джозефа Лейна³.

Работа съезда была перенесена на июнь месяц в Балтимору, где после ожесточенной борьбы Стефан Дуглас был выдвинут кандидатом в президенты, а Бенджамен Фицпатрик — в вице-президенты⁴.

Демократы фактически раскололись на две партии, каждая из которых выступала на выборах и со своим списком, и со своей платформой. Это был показатель кризиса партии рабовладения, кризиса рабства. В ряде вопросов избирательные программы обеих партий были идентичны — о соблюдении закона о беглых рабах, о приобретении Кубы, о строительстве железной дороги от Миссисипи до Тихоокеанского побережья.

Вопрос, расколовший съезд партии в Чарлстоне, нашел различное отражение в избирательных платформах. Сторонники Брекинриджа считали, что ни конгресс, ни правительства присо-

¹ R. Luthin. Op. cit., p. 225 — 226.

² Фостер. У. Негритянский народ в истории Америки, с. 284.

³ B. Catton. The Coming Fury, 1961, p. 77.

⁴ Ph. Klein. President James Buchanan. Pennsylvania State University Press, 1962, p. 340 — 344.

единенных территорий не могут препятствовать введению здесь рабства.

19 мая в Балтиморе открылся съезд партии «ничего не знающих». Вернее, это были остатки партии, которая в 40 — 50-х годах объединяла вокруг своего шовинистического знамени довольно влиятельные реакционные силы. Со времени своего возникновения в 1843 г. партия последовательно придерживалась принципа «Америка для американцев» и всячески травила американцев иностранного происхождения, католиков, евреев. Изощренным методом антинегритянской пропаганды «ничего не знающих» могли позавидовать самые реакционные лидеры демократов. В стране массовой иммиграции партия, строившая свою политику на ненависти к гражданам иностранного происхождения, не могла иметь сколь-либо прочной социальной базы. Постепенно партия распадалась, и в избирательной кампании 1860 г. принимали участие только ее жалкие остатки. «Это была лебединая песня партии «ничего не знающих», которая окончательно развалилась на выборах 1860 г.»¹

На съезде в Балтиморе кандидатом в президенты от этой партии был избран Джон Белл, в вице-президенты — Эдвард Эверст. Съезд принял платформу, в которой не было ничего, кроме расплывчатых абстрактных рассуждений о патриотизме².

16 мая 1860 г. в Чикаго начал работу съезд республиканской партии. На съезде были представлены все свободные штаты, а также Делавэр, Мэриленд, Виргиния, Кентукки, Миссури, округ Колумбия и территории Канзас и Небраска³. Основное противоречие, разделявшее партию на три группировки, вызвал подход к проблеме рабства. Левые, главными лидерами которых были Стивенс, Самнер и Фредерик Дуглас, требовали полного уничтожения рабства. Центр составляли сторонники Линкольна, которые фактически придерживались взглядов фрисойлеров, выступали против распространения рабства на новые территории, считали рабство аморальным явлением и надеялись на то, что оно изживет себя само и исчезнет без борьбы. Правые, возглавляемые Сьюардом, признавали нежелательным распространение рабства на новые территории, но не считали нужным в какой-либо форме осуждать рабовладение.

Расстановка сил внутри партии была такова, что центр и правое крыло располагались очень близко друг к другу, в то время как левые были фактически изолированы от основной части партии.

¹ Фостер. У. Негритянский народ в истории Америки, с. 281.

² H. Greeley. Op. cit., Vol. I, p. 319.

³ Ibidem.

Несмотря на противоречия, разделявшие различные группировки партии, съезд без какой-либо серьезной борьбы принял избирательную платформу. Сославшись на Декларацию независимости, платформа констатировала, что ни конгресс, ни законодательные органы территорий не могут объявить рабство законным ни на какой территории Соединенных Штатов.

В платформе осуждалось решение верховного суда по делу Дреда Скотта, которое на практике означало «распространение рабовладения на любую или на все территории Соединенных Штатов».

Съезд резко выступил против правительства демократов за то, что, несмотря на «протесты населения Канзаса, ему была силой навязана позорная Лекомптанская конституция».

Фактически платформа обещала все и всем. Съезд постановил добиваться введения высоких защитительных тарифов, чтобы обеспечить увеличение прибылей буржуазии. Одновременно эта мера, по мнению авторов платформы, должна была привести к повышению заработков рабочих и обеспечить достаточно высокие цены на сельскохозяйственные товары. Съезд требовал принятия в интересах фермеров закона о гомстедах. Партия обещала активно бороться за проведение в жизнь программы широкого внутреннего благоустройства, настоятельно подчеркивалась необходимость скорейшего создания трансконтинентальной железной дороги.

В платформе особо оговаривалось, что партия будет активно бороться за права граждан иностранного происхождения¹.

Вопрос о необходимости ликвидации рабовладения совершенно не поднимался. С точки зрения подхода к проблеме рабства партия делала даже некоторый шаг назад по сравнению с платформой 1856 г. Руководство партии было напугано восстанием Джона Брауна, что не могло не наложить отпечатка на отношение партии к этому вопросу.

По вопросу о выдвижении кандидатов на пост президента развернулась ожесточенная борьба. Огромная аудитория в 12 тыс. человек, находившаяся в «вигваме», где заседал съезд, и еще большая толпа собравшихся вне его с напряженным вниманием следили за выдвижением кандидатур, начавшимся утром 18 мая. Всего было представлено, в соответствующем порядке, семь кандидатов: Уильям Х. Сьюард (Нью-Йорк), Авраам Линкольн (Иллинойс), Уильям Л. Дейтон (Нью-Джерси), Симон Камерон (Пенсильвания), Сэлмон П. Чейз (Огайо), Эдвард Бейтс (Миссури) и Джон Маклин (Огайо).

¹ Н.Yreeley. Op. cit., Vol. I, p. 319 — 321.

При первом голосовании Сьюард получил 173 голоса, Линкольн — 102, Камерон — 50, Чейз — 49, Бейтс — 48, Дейтон — 24, Маклин — 12. По существующему регламенту необходимо было собрать простое большинство голосов, чтобы быть утвержденным съездом; минимум голосов определялся в 233.

При втором голосовании Сьюард получил 184 голоса, Линкольн — 181. Третья баллотировка дала еще большее изменение голосов в пользу Линкольна — 231 за его кандидатуру и 180 за Сьюарда¹.

Без дальнейшего голосования несколько штатов отдали свои голоса Линкольну, и он, получив большинство голосов, был избран кандидатом республиканской партии на пост президента страны, кандидатом в вице-президенты был выдвинут Хэмлин.

Во время первого голосования Линкольна поддержал в основном центр республиканской партии, а при перебаллотировках к нему перешли голоса многих левых делегатов. Победе Линкольна в значительной мере способствовало то, что его главный соперник Сьюард к началу избирательной кампании дискредитировал себя в глазах широких кругов республиканской партии и в конце концов оказался не способен конкурировать с Линкольном.

Позиция Линкольна в вопросе о рабстве не была последовательной, но из всех кандидатов на пост президента он занимал наиболее радикальную позицию. Этот факт не мог не быть принят во внимание рабочими, которые играли в предвыборной кампании 1860 г. значительно более активную роль, чем в 1856 г.

Линкольн завоевал симпатии и поддержку рабочих еще в 50-х годах своим выступлением против шовинистической пропаганды «ничего не знающих». В канун избирательной кампании 1860 г. он объявил себя решительным противником этой реакционной партии. 17 мая 1859 г. в письме к доктору Т. Канзису, известному деятелю немецко-американского движения, Линкольн писал, что он решительно выступает против так называемой Массачусетской поправки, которая предлагала лишить на два года избирательных прав всех иммигрантов, значительная часть которых была рабочими.

В том же письме Линкольн заявлял: «В некоторой степени я известен как человек, сочувствующий угнетенному положению негров. И было бы страшной непоследовательностью, если бы я содействовал какой-либо попытке уменьшить права белых людей хотя бы и родившихся в других странах и говорящих на языках, отличающихся от моего»². Это высказывание Линкольна стало

¹ J. Barrett. Op. cit., p. 191 — 192; W. King. Op. cit., p. 141.

² «Collected Works», Vol. III, p. 380.

широко известно, и оно в значительной мере способствовало укреплению его авторитета среди рабочих.

Трудовое прошлое Линкольна наложило отпечаток на его политические воззрения, он навсегда сохранил горячие симпатии к людям труда, выступал в защиту их интересов. Никто из политических лидеров того периода не занимал в этом вопросе такой благожелательной для рабочих позиции, как Линкольн.

В Хартфорде, штат Коннектикут, 5 марта 1860 г. Линкольн заявил, что он решительно выступает в защиту «системы труда, при которой можно бастовать». Обращаясь к рабочим, он говорил: «Если вы откажетесь от своих убеждений и признаете, как они (южане. — *Р. И.*), право на рабство, вы навяжете себе рабство. Вместо белых рабочих, которые могут бастовать, вы скоро будете иметь черных рабочих, которые не могут бастовать»¹.

На следующий день Линкольн, обращаясь к рабочим Новой Англии, говорил: «Я рад видеть, что в Новой Англии преобладает такая система труда, при которой рабочие могут бастовать, когда это необходимо для них»².

В сентябре 1859 г. Линкольн в одной из своих речей выступил как открытый защитник прав рабочих. Он подверг уничтожающей критике рабовладельцев, для которых «слепая лошадь, движущая мельничное колесо, является прекрасной иллюстрацией того, каким должен быть рабочий». Он обрушился на тех, кто считал, что «образование для рабочих не только бесполезно, но и пагубно и опасно»³.

В избирательной кампании 1860 г. республиканская партия большое внимание уделяла борьбе за голоса широких слоев избирателей, в первую очередь рабочих. Это сыграло немаловажную роль в выдвижении кандидатуры Линкольна на съезде партии. Никто из кандидатов партии на пост президента не мог рассчитывать на более активную поддержку рабочих, чем Авраам Линкольн.

Кандидатуру Линкольна активно поддерживало и молодое социалистическое движение Соединенных Штатов. В частности, его убежденными сторонниками были последователи Маркса Вейдемейер, Дуэ и др.

Значительная работа была проделана марксистами среди немецких рабочих Нью-Йорка, Чикаго и других промышленных городов, где марксисты пользовались большим влиянием.

За два дня до открытия съезда республиканской партии в Чикаго состоялась национальная немецко-американская конферен-

¹ Ibid., Vol. IV, p. 12.

² Ibid., Vol. IV, p. 24.

³ Ibid., Vol. III, p. 479.

ция. На конференции было представлено все немецкое население Соединенных Штатов, но решающая роль принадлежала рабочим. В работе конференции приняли активное участие Вейдемейер, Дуэ и другие марксисты, под их влиянием конференция обратилась к съезду республиканцев с заявлением, что избиратели немцы отдадут свои голоса на выборах кандидату, который выступит против рабства¹.

Подобные обращения не могли не оказать влияния на делегатов съезда республиканской партии, в первую очередь на тех, кто представлял широкие слои избирателей.

Таким образом, в выдвижении кандидатуры Линкольна в президенты важную роль сыграла поддержка, оказанная кандидату республиканцев широкими слоями избирателей, в том числе передовыми кругами рабочих, руководимыми марксистами. И нельзя согласиться с известным биографом Линкольна Ренделлом, когда он пишет, что в числе главных причин выдвижения Линкольна кандидатом в президенты были успешная деятельность руководителей избирательной кампании республиканцев, правильная «стратегия управляющих Линкольна»².

Выдвижение кандидатом в президенты Линкольн рассматривал как большую честь для себя. В канун открытия чикагского съезда республиканской партии Линкольн в письме одному из делегатов, имея в виду возможность выдвижения его кандидатуры, писал: «Я не самый подходящий человек... Когда не очень известный деятель выдвигается на важный пост, у него начинается легкое головокружение»³. Став официальным кандидатом партии, Линкольн трезво оценивал свое место в политической жизни страны и прямо указывал, что не личные достоинства, а сложившиеся обстоятельства явились причиной выдвижения его кандидатом в президенты. Он часто повторял фразу: «Только события выдвигают президента».

Это не была ложная скромность, а трезвый взгляд на вещи трезвого политического деятеля и действительно скромного человека. У Линкольна не закружилась голова от успеха, он полностью сознавал, что впереди еще предстоит упорная борьба и что от выдвижения в кандидаты до занятия поста президента дистанция огромного размера.

Одну из своих важнейших задач он видел в том, чтобы по возможности отмежеваться от тех нечистоплотных приемов, которыми действовали политики обеих партий в избирательной борьбе. Это было нелегкой задачей. Традиции политической жизни страны складывались на протяжении многих десятилетий, и они

¹ Фонер. Ф. Указ. соч., с. 330.

² J. Randall. Lincoln the President, Vol. I, p. 168.

³ «Collected Works», Vol. IV, p. 36.

были таковы, что честный человек мог чувствовать к ним только отвращение. В арсенал политической борьбы входили все средства — подкуп и спаивание избирателей и должностных лиц, торговля прибыльными должностями, шантаж и клевета на своих политических противников. Трудно сказать, кто более широко использовал эти грязные методы политической борьбы. Во всяком случае, республиканцы, партия буржуазии, применяли их более беззастенчиво, с большим цинизмом, чем их политические противники. Политика рассматривалась буржуазией как большой бизнес, а в деловых вопросах американская буржуазия, даже на заре своего возникновения, никогда не отличалась щепетильностью в выборе средств.

Линкольн оказался в очень противоречивом положении. Лично он был человек кристальной честности и не мог принять методы и средства, которыми партия стремилась провести его в президенты. Однако как трезвый политический деятель он понимал, что других путей в Белый дом не было и не могло быть. Единственное, что можно было сделать, — это не запятнать своего имени личным участием в сомнительных политических комбинациях и не санкционировать мероприятий, которые противоречили его взглядам на права и обязанности гражданина. Попытаться если не прекратить, то приуменьшить количество злоупотреблений.

На протяжении всей избирательной кампании Линкольн последовательно придерживался этой линии поведения. Характерен следующий эпизод. Группа политиков-республиканцев обратилась к Линкольну с предложением купить голоса кандидатов на республиканский съезд от Пенсильвании, обещав предоставить их лидеру Симону Камерону портфель министра финансов. Линкольн ответил категорическим отказом. Он телеграфировал: «Я не санкционирую никаких сделок и не считаю себя связанным ими»¹.

Линкольну неоднократно обещали поддержку на выборах, но требовали за это денежной компенсации². В ответ на одно из предложений, исходившее от канзасского лидера Марка Делаяга, он ответил: «Я не могу войти в компанию на денежной основе. Во-первых, потому, что это неправильно с принципиальной точки зрения. Во-вторых, я не располагаю деньгами и не могу их достать. Я говорю, что это принципиально неправильно, однако для достижения определенных целей в политической борьбе использовать определенную сумму и правомерно и необходимо... В случае вашего избрания в Чикаго (на съезд республиканской партии. — *Р. И.*) я предоставляю Вам 100 долл. для покрытия дорожных расходов»³.

¹ «Collected Works», Vol. III, p. 413.

² «Lincoln Papers», Vol. I, p. 289.

³ «Collected Works», Vol. IV, p. 32.

Победа Линкольна на съезде республиканской партии получила высокую оценку современников, которые квалифицировали ее как новое и очень своеобразное явление в политической жизни страны. В июне 1860 г. Гуровский¹ писал из Соединенных Штатов о выдвижении кандидатуры Линкольна на пост президента: «То была победа, одержанная народом над политиками, обыкновенно занимающимися общественными делами, влияющими на выборы и направляющими общественное мнение в пользу того или другого кандидата... Это кандидатство и, я твердо уверен, это президентство можно считать единственным с самого основания Союза, потому что с ним, быть может, в первый раз истинный элемент, по преимуществу национальный, или его представитель, его олицетворение вступит в управление делами народа. Этот живой элемент народный составляет трудящийся класс народа, небольшие фермеры, ремесленники, поденщики и другие труженики... Из этого слоя вышел и Линкольн, который душой и телом принадлежит народу»².

Итак, была одержана первая важная победа — республиканская партия высказалась за кандидатуру Линкольна. Но впереди предстояла упорная борьба за пост президента со сторонниками рабовладения, и Линкольн не имел оснований быть полностью уверенным в ее положительных результатах. Кроме того, на президента, избранного в период быстро надвигавшегося революционного кризиса, возлагалась очень большая ответственность. Как писал очевидец, Линкольн после объявления результатов голосования на съезде республиканской партии «выглядел сильно расстроганным и довольно печальным... чувствуя тяжелую ответственность, возложенную на него»³.

3. Победа Линкольна на выборах

После выдвижения партиями кандидатур в президенты наступил важный этап избирательной кампании. На суд общественности теперь были представлены не только политические программы, но и кандидаты партий на пост президента, которым, в случае победы на выборах, предстояло воплотить эти программы в жизнь.

¹ Гуровский был активным участником польского восстания 1830 г. После поражения восстания он эмигрировал в Соединенные Штаты. Одно время работал в Госдепартаменте. Опубликовал ряд работ, в которых критиковал коррупцию правящих кругов Соединенных Штатов. В годы гражданской войны корреспонденции Гуровского публиковались во многих русских газетах.

² «Московские ведомости», 10. XI. 1860.

³ J. R and all. Lincoln the President, Vol. I, p. 174.

Решающую роль теперь играл вопрос о соотношении сил между партиями в национальном масштабе. Лидеры двух соперничающих партий развили лихорадочную деятельность по вербовке новых союзников, стремясь заручиться поддержкой наиболее широких слоев избирателей.

В центре внимания страны оказалась избирательная кампания. 16 (28) мая 1860 г. Стеклъ сообщал Горчакову: «Среди выборной горячки, которая волнует страну от одного конца Союза до другого, почти не занимаются событиями в Европе. Газеты, колонки которых наполнены панегириками в адрес поддерживаемых ими кандидатов и едкой критикой по адресу их противников, довольствуются приведением новостей, полученных с последним пароходом, не сопровождая их комментариями»¹.

Важным преимуществом республиканцев являлось то, что они выступали в избирательной кампании единым фронтом. Противоречия, разделявшие различные группировки партии, не были и не могли быть разрешены на предвыборном съезде. Однако лидеры всех трех группировок левых, центра и правых были заинтересованы в победе кандидата партии на предстоящих выборах, и внутрипартийные противоречия отошли на второй план. Решающее значение приобретал теперь вопрос о сплочении, мобилизации всех сил партии на решающую борьбу за пост президента.

Положение демократической партии с этой точки зрения было очень тяжелым. После окончания съездов обеих фракций партии и выдвижения каждой из них своего кандидата на пост президента, раскол партии еще более углубился. Наиболее дальновидные лидеры обеих фракций понимали необходимость уладить внутрипартийные разногласия, найти какой-то компромисс и выступить на выборах единым списком.

Издававшаяся в Виргинии газета демократов «Петэрсбэрг интеллиджэнс» выступала даже за блок между «ничего не знающими» и демократами. Газета писала: «Если оппозиционные избирательные бюллетени Дугласа, Брекинриджа и Белла не будут объединены, избрание Линкольна станет неизбежным. В таком случае почему бы вам не объединиться?»²

Однако все попытки сгладить противоречия хотя бы на период избирательной кампании потерпели провал. Это было еще одно свидетельство острого кризиса рабовладения. Что же касается третьей партии, участвовавшей в борьбе, то и после раскола де-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 195, л. 94.

² «New York Daily Tribune», 20. VII 1860.

мократов было ясно, что она не имеет никаких шансов на успех в борьбе за пост президента.

Эти три партии и должны были стать официальными участниками избирательной кампании 1860 г. Все остальные политические группировки не могли оказать существенного влияния на ход борьбы.

Своеобразную характеристику, например, давал вигам Гуровский: «Партия дряхлая по возрасту и с отсталыми убеждениями, партия политических ископаемых, полагающая, что лучше всего было бы не касаться прямо вопроса о невольниках»¹.

Русский посланник в Вашингтоне Стеклок докладывал 20 июня (2 июля) Горчакову: «Г-н Белл не имеет никаких шансов на успех, его поддерживают лишь несколько изолированных борцов. Г-н Дуглас и г-н Брекинридж разделят голоса демократов, но ни один, ни другой не смогут набрать необходимого для избрания количества голосов.

При таком положении вещей очень вероятно, что г-н Линкольн станет будущим верховным правителем республики»².

Дав таким образом довольно точный прогноз исхода избирательной борьбы, Стеклок переходит к изложению своих взглядов на возможную политику будущего президента: «Я не смог бы предсказать, какое влияние на южные штаты окажет приход к власти аболиционистской (республиканской. — *Р. И.*) партии. Г-н Линкольн возьмет бразды правления в момент кризиса. Время решит, обладает ли он необходимой умеренностью и энергией, чтобы успокоить умы и спасти страну от опасности, которая ей угрожает»³.

Раскол демократов, а также большая популярность Линкольна среди широких кругов избирателей вселяли уверенность в победу кандидата республиканцев на предстоящих выборах.

На многочисленных митингах, проводившихся по всей стране, выступавшие говорили, «что Линкольн должен быть следующим президентом Соединенных Штатов»⁴.

Газета «Нью-Йорк дейли трибюн», активно выступавшая в поддержку кандидатуры Линкольна, выражала твердую уверенность в победе республиканского кандидата. «Несомненно, — писала газета, — что имя того, кто будет избран в нынешнем 1860 году, — Авраам Линкольн»⁵.

¹ «Московские ведомости», 10. XI. 1860.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 195, л. 123.

³ Там же.

⁴ «New York Daily Tribune», 17. VII. 1860.

⁵ Ibid., 18. VII. 1860.

Корреспонденты русских газет также сообщали из США о больших шансах на победу Линкольна. Корреспондент «Северной пчелы» писал из Нью-Йорка 15 сентября, что «все говорит в пользу Линкольна»¹. Корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» 22 сентября писал из Соединенных Штатов: «Судя по направлению общественного мнения, по-прежнему кажется, что более всего шансов в пользу г. Линкольна». В этой же корреспонденции сообщалось, что приход к власти республиканцев не приведет к разрешению в стране негритянской проблемы: «Даже если бы на Юге не было рабов, то все-таки останутся негры, а так как всеобщее чувство в Соединенных Штатах отвергает их политическое и социальное сравнение с белыми, то они составят класс презренных париев, патриархальные отношения, существующие теперь между обеими расами на Юге, исчезнут, ненависть рас, вероятно, заступит их место»².

Даже политические противники республиканской партии вынуждены были признать неизбежность победы Линкольна. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала, что президент Бьюкенен «смотрит на вопрос как на решенный, без какой-либо возможности изменения. Надо только подождать, — сказал он, — формального решения избирательной урны. А это решение, как он думает, будет в пользу Линкольна»³. По мнению Бьюкенена, победа Линкольна означала бы национальную катастрофу. В одном из своих интервью президент, явно стремясь оказать влияние на ход голосования, заявил: «Если м-р Линкольн будет нашим следующим президентом, он разрушит страну»⁴.

Этот прием часто использовали противники Линкольна. Надеясь повлиять на решение избирателей, они утверждали, что избрание Линкольна приведет к гражданской войне, неизбежному расколу, к ликвидации Соединенных Штатов как единого государства.

Орган рабовладельцев газета «Чарлстон меркури» заявляла, что в случае поражения демократов на выборах Южная Каролина и Миссисипи выйдут из Союза; сенаторы и члены конгресса от этих штатов получили указание не принимать участия в работе конгресса в Вашингтоне, если Линкольн станет президентом страны⁵.

Пресса рабовладельцев призывала Юг готовиться к воору-

¹ «Северная пчела», 28. XI. 1860.

² «С.-Петербургские ведомости», 11. X. 1860.

³ «New York Daily Tribune», 15. IX. 1860.

⁴ Ibid., 3. VII. 1860.

⁵ Ibid., 30. VII. 1860.

женной борьбе с Севером, если Линкольн будет избран президентом. Издававшаяся в Алабаме газета «Монтгомери мейл» писала: «Пусть парни вооружаются. Каждый, кто может целиться из ружья или револьвера, должен иметь его. Пусть каждая община обеспечит себя военным снаряжением и хранит его в безопасности. Аболиционизм с факелом и ножом в руке возле вашего дома!»¹

Один из лидеров рабовладельцев, Янси, заявил: «Я один из многочисленной партии Юга, которая, если даже Линкольн будет избран с соблюдением всех требований конституции и закона, не совершит никакого другого агрессивного действия, за исключением своего избрания, принудит... противников Союза и сецессионистов двинуться на Вашингтон, чтобы разгромить это правительство...»²

Собственные корреспонденты «Северной пчелы» сообщали: «Выбор президента из республиканской партии, долженствующий, по-видимому, состояться, подаст повод к исполнению того, что издавна всех пугает, именно, к отпадению южных штатов от Союза»³.

Будущий президент рабовладельческой Конфедерации Джефферсон Дэвис еще 6 июня 1859 г. говорил: «Что касается меня, то я заявляю... что в случае избрания президента на основе платформы, изложенной в речи м-ра Сьюарда в Рочестере, пусть Союз будет расторгнут»⁴. Многочисленные факты свидетельствовали о том, что рабовладельцы готовили покушение на Линкольна⁵.

Призывы к сецессии раздавались и в конгрессе. 24 января 1860 г. один из наиболее оголтелых сторонников сецессии, сенатор Тумбс, заявил: «Свободные люди Джорджии, выполните свой обет... Ваша честь оскорблена, вы связаны обещанием. Никогда не допустите, чтобы федеральное правительство перешло в предательские руки партии черных республиканцев»⁶.

Алабама, Южная Каролина и Миссисипи провели через свои легислатуры решения о подготовке к выходу из Союза, если президентом будет избран республиканец. Инициатором был штат Алабама. Газета «Норз Каролина стандарт» писала: «На случай избрания Авраама Линкольна губернатор Алабамы получил от легислатуры полномочия издать предписание о выборах и созвать народный конвент штата в течение сорока дней, чтобы определить, какого курса лучше придерживаться при этом бедствии».

¹ «New York Daily Tribune», 22. VII. 1860.

² Ibid., 27. XI. 1860.

³ «Северная пчела», 17. VII. 1860.

⁴ D. Potter. Op. cit., p. 4.

⁵ «Lincoln Papers», Vol. I, p. 293, 294, 296, 301 — 307, 310.

⁶ «Congressional Globe», 36-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 93.

Газета выражала уверенность, что «Южная Каролина, а также Миссисипи предпримут такую же меру»¹. Соответствующие решения действительно были приняты и тем и другим штатами.

Угроза сепаратизма была очевидной, и тем не менее многие руководящие деятели страны отказывались верить в ее реальность. Ссылались на исторический опыт и, указывая на угрозу сепаратизма в президентство Джексона, констатировалось, что страна осталась единой. Цитировали слова Бьюкенена, который говорил: «Мы так часто кричали «волк», что сейчас, когда волк у дверей, трудно заставить народ поверить в это»². Даже орган республиканской партии «Нью-Йорк дейли трибюн» высказывала сомнение в реальность сепаратизма. Газета писала: «Объединение Юга на программе сепаратизма не более вероятно, чем заговор компании лунатиков с целью разгрома сумасшедшего дома»³.

Угрозы расколота Союз звучали все чаще по мере того, как становилось очевидным, что широкие народные массы активно выступают в поддержку кандидатуры Линкольна. Особенно прочными были позиции Линкольна в промышленных штатах Севера. Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщал, например, из Пенсильвании: «Народ за Линкольна... у него будет подавляющее большинство (голосов. — Р. И.)»⁴. Для поддержки кандидата республиканцев на Севере были созданы «Клубы Линкольна»⁵.

В корреспонденции об одном из митингов молодых республиканцев Нью-Йорка говорилось, что народные массы, «несущие Линкольна в своем сердце, намерены взять его на руки и водрузить на самую высокую должность в государстве»⁶.

Активную деятельность за избрание Линкольна развернул комитет «бдительных», организация республиканской партии, которая занималась проведением митингов, демонстраций и других политических мероприятий республиканцев. «Бдительные» выступали в избирательной кампании под лозунгом: «Линкольн — кандидат народа». Участники многолюдной демонстрации, проведенной «бдительными» в Хорнелсвиле, штат Нью-Йорк, призывали голосовать за «честного, старого Эйба Линкольна, кандидата фермеров в Белый дом»⁷.

Но особенно настойчиво деятели республиканской партии подчеркивали, что Линкольн, по их мнению, являлся кандидатом

¹ «New York Daily Tribune», 27. X. 1860.

² D. Potter. Op. cit., p. 14.

³ «New York Daily Tribune», 28. VII. 1860.

⁴ Ibid., 4. VIII 1860.

⁵ «Lincoln Papers», Vol. I, p. 258 — 259.

⁶ «New York Daily Tribune», 29. VIII. 1860.

⁷ Ibid., 22. X. 1860.

рабочих. Эта настойчивость была вполне естественна, так как рабочим предстояло сыграть в исходе голосования очень важную роль¹.

Известный деятель республиканской партии, участник революции 1848 г. в Германии Карл Шурц, принадлежавший к умеренным кругам республиканцев, заявил на массовом митинге в Нью-Йорке: «Почему бы свободным рабочим Севера не проголосовать за сторонника билля о гомстедах, который навечно предоставит каждому свободному человеку и его детям свободное жилище, если он решит направиться на Запад»². Член конгресса республиканец Волдрэн говорил об избирательной кампании, что на передний план она выдвигает республиканскую партию, «подчеркивая достоинство свободного труда и подтверждая права миллионов трудящихся, в то время как ее антагонистами выступают фальшивые демократы, третирующие трудящихся как рабов и prostituteующие себя во имя интересов олигархии»³.

Бесспорно, что рабовладельцы были «фальшивыми демократами», в их партии не было ничего демократического, за исключением названия, но и республиканцы не были партией, защищавшей интересы рабочего класса. Более того, классовые интересы буржуазии и рабочих были прямо противоположны. Но имелся важный фактор, сближавший два антагонистических класса, — и буржуазия, и рабочий класс были заинтересованы в борьбе против рабства. Эта общая заинтересованность создавала условия для совместных политических действий.

Демократическая партия всемерно стремилась оторвать рабочих-избирателей от республиканской партии. С этой целью было пущено в ход старое, испытанное временем оружие — натравливание белых на негров.

Пресса демократов, рядясь в тогу защитников интересов рабочих, заявляла, что республиканцы стремятся освободить рабов на Юге, но не проявляют никакой заботы о тяжелом положении рабочих на Севере. Подобные утверждения подкреплялись ссылками на многочисленные примеры жесточайшей эксплуатации трудящихся на Севере.

Запугивая рабочих и играя на антинегритянских настроениях среди части рабочего класса, пресса демократов заявляла, что республиканцы освободят рабов, сотни тысяч негров, готовых за бесценок продать свои руки, хлынут на Север, следствием чего будет резкое понижение заработной платы белых рабочих⁴. Торговые

¹ B. Mandell. Labor: Free and Slave. Workingmen and Anti-Slavery Monument in the United States. New York, 1955, p. 161 — 164.

² «New York Daily Tribune», 18. X. 1860.

³ «Congressional Globe», 36-th Congress, 1-st Session, p. 1873.

⁴ B. Mandell. Op. cit., p. 164 — 165.

фирмы Нью-Йорка, тесно связанные с рабовладельцами, призывали рабочих отдать свои голоса демократам. В одном из таких обращений говорилось: «Поступая таким образом, вы позаботитесь о себе и своей семье... Если же в президенты будет избран кандидат республиканцев, Юг прекратит закупки товаров (на Севе-ре. — *Р. И.*) и у вас будет мало работы, а цены резко увеличатся»¹.

Предприниматели угрожали уволить рабочих, которые будут голосовать за Линкольна².

Вопрос о том, за кого должны голосовать рабочие, широко дискутировался на всех предвыборных собраниях.

В Институте Купера, в Нью-Йорке, выступавшие говорили, что Линкольн пользуется «симпатией трудящихся классов» и он «гордится этим». Ораторы-республиканцы заверяли избирателей, что Линкольн, находясь «в высших сферах, защитит интересы американского рабочего»³.

Становилось все более очевидным, что трудящиеся массы поддерживают кандидатуру Линкольна. Корреспондент русской газеты писал 15 июня из Соединенных Штатов: «Все черноработчие и мужики смотрят на Линкольна как на своего брата»⁴.

Выступая на предвыборных собраниях, республиканские ораторы заявляли, что избрание президентом представителя рабочих, Линкольна, будет поворотным пунктом в истории страны. Г. Гроу из Пенсильвании говорил: «Эти два человека (Линкольн и Хэмлин. — *Р. И.*) являются достойными представителями свободного труда страны. 4 марта следующего года мы могли бы закрыть книгу, содержащую самую черную главу в истории нашей страны, которую наши дети будут читать, краснея от стыда»⁵.

В избирательной кампании республиканцы широко использовали личные положительные качества Линкольна. Корреспондент русской газеты писал из Соединенных Штатов накануне выборов: «Линкольн — человек с большой энергией, твердостью воли и в то же время самой испытанной честности и благородства. Прозвище (честный Эйб. — *Р. И.*), которое дал ему наш народ, служит ему в этом случае дипломом, свидетельством его заслуг и гражданских доблестей, а народ никогда не ошибается, когда дает кому-нибудь прозвище»⁶.

В избирательной кампании 1860 г. рабочие проявили значи-

¹ Ph. Foner. *Business and Slavery...*, p. 206.

² K. Obermann. *Joseph Weydermeyer. Pioneer of American Socialism*, New York, 1947, p. 109.

³ «New York Daily Tribune», 20. IX. 1860.

⁴ «Северная пчела», 2. VII. 1860.

⁵ «New York Daily Tribune», 2. XI. 1860.

⁶ «Московские ведомости», 10. XI. 1860.

тельно большую активность, чем на выборах 1856 г. Во всех населенных пунктах проходили многолюдные митинги и демонстрации, в которых участвовало много рабочих. Так, например, в сравнительно небольшом населенном пункте Гален, штат Иллинойс, в предвыборном митинге республиканцев участвовало 15 — 20 тыс. человек. После окончания митинга состоялась большая демонстрация, во главе которой двигалось шесть оркестров¹. «Во всех городах Севера руководители рабочих создали республиканские рабочие клубы, проводившие массовые митинги в поддержку Линкольна...»²

В поддержку Линкольна особенно активно выступали иностранные рабочие. Объяснялось это тем, что иностранные рабочие были лучше организованы, среди них было особенно велико влияние социалистов, многие иностранные рабочие были активными участниками революционных боев 1848 г. в Европе. Определенное значение имело и то обстоятельство, что Линкольн выступал в защиту интересов натурализованных граждан США, в том числе и рабочих.

О том, насколько активно поддерживали Линкольна немецкие рабочие, свидетельствует тот факт, что из 87 газет, выходивших в США на немецком языке, 69 выступали за его избрание, причем за Линкольна выступали и газеты, поддерживавшие демократическую партию. Это было характерно, в частности, для штата Висконсин, что оказало большое влияние на избирателей. «Немцы этого штата, которые раньше голосовали за избирательный список демократов, тысячами переходят в ряды республиканцев»³.

Американские марксисты сыграли исключительно важную роль в победе Линкольна на выборах. В частности, немецкий коммунистический клуб вел большую работу среди рабочих, пропагандируя аболиционистские идеи⁴. Выдающийся последователь Маркса И. Вейдемейер, активно участвуя в избирательной кампании 1860 г., призывал рабочих бороться за уничтожение рабства⁵. «Наиболее стойким антирабовладельческим элементом в немецко-американском рабочем движении были социалисты»⁶. Организации социалистов сыграли важную роль в обеспечении Линкольну поддержки рабочих.

Кандидатура Линкольна не получила поддержки со стороны

¹ «New York Daily Tribune», 19. IX. 1860.

² B. Mandell. Op. cit., p. 169.

³ «New York Daily Tribune», 3. VIII. 1860.

⁴ H. Schlüter. Lincoln, Labor and Slavery. New York, 1913, p. 77.

⁵ K. Oberman. Op. cit., p. 103 — 104.

⁶ B. Mandell. Op. cit., p. 167.

ряда левых деятелей республиканской партии и известных абolicционистов.

Выдающийся борец за освобождение рабов Уэнделл Филлипс критиковал половинчатую позицию Линкольна в вопросе об освобождении рабов и считал, что его избрание президентом страны не соответствует интересам абolicционистского движения. Выступая 30 мая на антирабовладельческом конвенте штата Массачусетс, Филлипс говорил, что Линкольн всего-навсего «провинциальный адвокат, не знающий, есть ли у него какое-нибудь мнение о рабстве»¹.

Филлипс не стеснялся в выражениях, он очень прозрачно намекал, что Линкольн, по его мнению, занимает беспринципную позицию в вопросе о беглых рабах, стремясь этим усилить свои шансы на избрание президентом. «Кто сам или с помощью шерифа, — писал он, — охотится за беглыми рабами, тот является гончей, вне зависимости от тех соображений, которые руководят им — спасение страны, получение должности, или сохранение Союза»².

Однако следует заметить, что столь резкое выступление против Линкольна носило исключительный характер, и оно получило отрицательную оценку со стороны Самнера, Гаррисона и других известных общественных деятелей.

Тем не менее Гаррисон в издаваемом им журнале неоднократно публиковал резко критические материалы в адрес Линкольна.

Выступая против кандидатуры Линкольна, деятели абolicционистского движения руководствовались самыми лучшими побуждениями. Но, независимо от этого, их позиция на практике приносила большой вред делу освобождения рабов. Рабовладение переживало тяжелый кризис, однако оно было еще достаточно сильно, для того чтобы продолжать борьбу за сохранение господствующих позиций в федеральных органах власти. Необходимо было в первую очередь вырвать власть из рук рабовладельцев, а потом уже решать все остальные вопросы сложной проблемы эмансипации рабов.

Обстановка сложилась таким образом, что республиканская партия и ее кандидат Авраам Линкольн явились средоточием всех сил, оппозиционных рабовладению.

Восстание Джона Брауна и массовые антирабовладельческие выступления после его казни явились кульминационным пунктом революционной ситуации в канун гражданской войны. Напряжение усиливалось с каждым днем, угрожая перерасти в ре-

¹ «Liberator», 8. VI. 1860.

² Ibid., 22. VI. 1860.

шительную народную борьбу за полное уничтожение рабства. «Либереитор» писал в эти дни: «Кажется, что «неотвратимый конфликт» начался...»¹

Однако революционная ситуация не достигла той остроты, когда массы берутся за оружие. Потребовалось еще почти полтора года ожесточенной борьбы между противниками и сторонниками рабства, чтобы революционная ситуация переросла в гражданскую войну. Победа республиканцев на выборах в ноябре 1860 г., сецессия рабовладельческих штатов, вооруженное нападение южан на форт Самтер в апреле 1861 г. — вот основные этапы дальнейшего развития революционной ситуации.

Важной причиной, помешавшей перерастанию революционной ситуации в вооруженную борьбу сразу же после восстания Джона Брауна, явилось отсутствие силы, которая смогла бы взять на себя руководство антирабовладельческим движением, слить воедино антирабовладельческие выступления на Юге и Севере, использовать мощный толчок, который дало общественному мнению восстание Брауна. Выступление против кандидатуры Линкольна неизбежно вело к расколу антирабовладельческой коалиции, к укреплению позиций сторонников рабства.

Это прекрасно понимал Фредерик Дуглас. Он критиковал непоследовательную позицию Линкольна, но без колебаний выступил в поддержку его кандидатуры на пост президента страны. Определяя политическую линию аболиционистов, Дуглас смотрел далеко вперед.

В 1860 г. Дуглас, давая оценку позиции умеренных кругов республиканской партии, к которым принадлежал Линкольн, указывал, что они обладают необходимой силой для уничтожения рабства, но не имеют желания использовать эту силу. В этих кругах преобладали настроения, которые Дуглас характеризовал как «сентиментальный аболиционизм»². Дуглас твердо верил, что давление народных масс заставит республиканскую партию встать на путь решительной борьбы за уничтожение рабства.

Дуглас считал, что аболиционисты должны были поддержать республиканцев на выборах и использовать политический блок с ними для того, чтобы всемерно подталкивать партию влево. Он заявлял, что, поддерживая республиканскую партию, негры «меняют только тактику, но не отстаивают платформу радикального аболиционизма». Республиканская партия объединяла многочисленные прогрессивные элементы, и, исходя из этого, Дуглас приходил к выводу, что дело борьбы против рабства выиграет, если «мы будем с ней в избирательной борьбе, а не против нее»³.

¹ «Liberator», 28. X. 1859.

² Ph. Foner (ed.). The Life and Writings..., Vol. II, p. 522.

³ Ibid., p. 397 — 400.

Дуглас предсказывал, что республиканцы неизбежно перейдут на позиции аболиционизма¹.

К такому же выводу пришел и Уэнделл Филлипс: «Республиканская партия взялась за проблему, разрешение которой заставит ее стать на нашу позицию»².

Сомнений и колебаний было немало, но большинство левых республиканцев и аболиционистов проголосовало за Линкольна. Это было продиктовано стремлением не допустить раскола сил антирабовладельческой коалиции. Многие надеялись на неизбежность полевения руководства партии. Важную роль сыграл и тот факт, что рабовладельцы открыто готовились к вооруженному мятежу в случае избрания Линкольна. Это было еще одним аргументом, и довольно сильным, в пользу кандидата, выдвинутого на съезде республиканской партии.

Информация о ходе избирательной кампании на Юге заставляла настораживаться. Здесь было немало сторонников Линкольна, но в условиях жесточайшего террора рабовладельцев они были лишены свободы голосования. В письме из графства Александрия, штат Виргиния, сообщалось, что многие поддерживают кандидатуры Линкольна и Хэмлина, но репрессии рабовладельцев не дадут возможности свободно выразить волю избирателей. В заключении письма автор просил не публиковать его фамилию, иначе его жизнь будет в опасности. «Проклятье деспотизму, — писал корреспондент, — при котором человек не может сказать правду, не подвергнувшись гонениям»³.

Подобные опасения были полностью оправданы. Рабовладельцы считали лучшим аргументом в борьбе со своими политическими противниками виселицу. В Техасе, например, рабовладельцы почти полностью сожгли город Хендерсон, 22 аболициониста, среди них священник, были повешены. Аналогичные события произошли в это же время в Джорджии⁴.

С Юга сообщали о том, что рабовладельцы «живут под постоянным страхом восстания негров»⁵. Плантадоры с тревогой ждали, «когда рабы поднимутся против хозяев, сожгут города и жилища, переубьют хозяев и их семьи»⁶.

На Севере во всех городах и населенных пунктах проходили многочисленные митинги, демонстрации, выступали республиканцы и демократы, противники и сторонники рабства.

¹ Ph. Foner (ed.). The Life and Writings..., Vol. II, p. 85.

² C. Martyn. Wendell Philips — the Agitator. New York — London, 1890, p. 303.

³ «New York Daily Tribune», 3. X. 1860.

⁴ «Liberator», 28. VIII. 1860.

⁵ «Lincoln Papers», Vol. II, p. 402.

⁶ J. Randall. Lincoln the President..., Vol. I, p. 190.

На Юге же фактически не было никаких внешних признаков предвыборного оживления. Только время от времени поступали сообщения о свирепых расправах с противниками рабства, которые рискнули подать голос в защиту своего мнения. В газетах, издававшихся в южных штатах, много писалось о том, что избрание президентом республиканца означало бы для Юга катастрофу.

Иногда, правда, раздавались голоса о том, что победа на выборах Линкольна была бы наименьшим злом. С любопытным заявлением выступил один из крупных рабовладельцев Юга: «Избрание Линкольна будет для Юга самым счастливым событием, какое только может произойти. В руках таких людей, как Сьюард или Линкольн, права Юга будут в большей безопасности, чем они когда-либо были под властью демократов. Они по необходимости будут препятствовать распространению рабства на свободные территории, но в то же время будут скрупулезно защищать права рабовладельческих штатов и оказывать на Север моральное воздействие, благоприятное точному исполнению закона о беглых рабах»¹.

Но подобные высказывания были чрезвычайно редким явлением. Подавляющее большинство рабовладельцев рассматривало возможное избрание Линкольна как катастрофу и готовилось к вооруженной борьбе за сохранение своих привилегий. Трезво оценивая соотношение сил, лидеры рабовладельцев не надеялись на успехи в борьбе с Севером и еще до выборов приступили к поискам союзников в Европе, запросив императора Франции, согласится ли он в случае раскола Союза защищать торговый нейтралитет Чарлстона и других южных портов².

Террор, господствовавший на Юге во время избирательной кампании, являлся неизбежным следствием узости социальной базы рабовладения, которое могло держаться только при условии жесточайшего подавления негров и белого нерабовладельческого населения.

Основу экономики Юга составляло производство хлопка, где решающую роль играли рабовладельческие плантации. В 1860 г. белые фермеры южных штатов вырастили всего 12% собранного урожая хлопка, весь остальной хлопок был выращен и собран руками негров-рабов³. Занимая господствующие экономические позиции, плантаторы обладали и всей полнотой политической власти на Юге.

¹ «Liberator», 24. VIII. 1860.

² «New York Daily Tribune», 3. XI. 1860.

³ E. Coulter. The South during Reconstruction, 1865 — 1877. Louisiana State University Press, 1947, p. 93.

Социальная структура рабовладельческих штатов представляли собой типичную олигархию. Во всех рабовладельческих штатах, включая пограничные, которые не участвовали в сецессии, проживало 9 млн. белых и около 4 млн. негров, в том числе 140 тыс. свободных негров. Число рабовладельцев не превышало 100 тыс. человек. Причем для класса рабовладельцев была характерна очень большая дифференциация. Из общего числа рабовладельцев 77 тыс. имели только по одному рабу, 200 с лишним тысяч рабовладельцев — не более 10 рабов каждый. Число крупных плантаторов, имевших более чем 100 рабов, составляло всего 2300 человек. Иными словами, 7% населения южных штатов владели 3 млн. рабов из 3 953 696 и «олигархия в восемь тысяч рабовладельцев в действительности управляла всем Югом»¹.

Эта небольшая кучка рабовладельцев безраздельно господствовала на Юге. Свободные негры, не говоря о рабах, не имели никаких прав. Не в лучшем положении было и нерабовладельческое белое население, которое не играло никакой роли при решении политических и экономических вопросов. Маркс писал, что число рабовладельцев на Юге не превышало 300 тыс. человек — «ограниченная олигархия, которой противостоят многие миллионы так называемых «белых бедняков»².

На эту же сторону вопроса обращал внимание и Чернышевский, который писал в 1860 г., что на Юге США «господствует аристократия: вся власть фактически принадлежит нескольким десяткам тысяч богатых плантаторов, которые держат в невежестве и нищете не только своих негров, но и массу белого населения этих штатов»³.

Державшаяся на насилии рабовладельческая система хозяйства Юга породила большую паразитическую прослойку. Для плантаций требовались сотни тысяч погонщиков, надсмотрщиков и охранников рабов. Все они жили за счет эксплуатации негров-рабов и составляли единственную социальную, если можно так выразиться, опору рабовладельческой олигархии.

Труд на Юге не был в почете. «Я никогда не слышал, — писал плантатор из Миссури, — чтобы какой-либо рабовладелец разрешил своему сыну обучаться ремеслу. Для них это считается позором...»⁴ В значительной степени труд был уделом только негров, и вполне естественно, что на благодатной почве Юга, отравленной

¹ W. Du Bois. Black Reconstruction, p. 26, 32; «Congressional Globe», 19-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 109.

² Маркс К. и Энгельс. Ф. Соч., т. 15, с. 345.

³ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, с. 228.

⁴ A. Nevins. Ordeal of the Union, Vol. I, p. 491.

рабовладением, пышным цветом распустились тунеядство, воровство, пьянство и другие пороки. В южных штатах было много лиц без определенных занятий и без каких-либо постоянных источников существования. Но на Юге были силы, оппозиционные рабству, с которыми рабовладельческая олигархия не могла не считаться, особенно в период проведения избирательных кампаний. К их числу относились мелкие белые фермеры, которые были политически бесправны и не заинтересованы в рабстве с экономической точки зрения.

Много противников рабовладения было среди лиц свободных профессий — врачей, журналистов, юристов и др. Граждане иностранного происхождения, проживавшие на Юге, подвергались дискриминации, и многие из них были убежденными противниками рабства. В частности, в Техасе проживало большое число немцев, которые поселились здесь еще в 40-е годы. Среди немецкого населения этого штата были очень широко распространены аболиционистские настроения.

И, наконец, на Юге, где не было значительных промышленных предприятий, имелось много всевозможных мастерских, мелких фабрик и заводов. Имелись рабочие на железнодорожном и водном транспорте. Среди этой группы населения также было много противников рабства. В канун выборов 1860 г. в южных штатах активизировались противники рабства. Среди избирателей нерабовладельческого населения южных штатов было много сторонников Линкольна. Грили писал в издаваемой им газете: «Я твердо уверен, что четверть избирателей рабовладельческих штатов надеются на избрание Линкольна и что еще большее число поступило бы так же, если бы только они поняли нас»¹.

Однако избиратели на Юге были лишены всех возможностей свободно дискутировать, республиканцы не могли выступать ни в прессе, ни на предвыборных митингах.

Брекинридж, имевший мощную поддержку и на Юге, и на Севере, вел предвыборную кампанию довольно пассивно, выступал не очень часто и стремился избегать острых вопросов. Сторонники Брекинриджа в своих предвыборных выступлениях резко критиковали Дугласа, но их основной огонь был направлен, конечно, против Линкольна.

Наиболее рьяные реакционеры в пылу полемики доходили до абсурдных обвинений Линкольна и республиканской партии в том, что они ставят своей задачей обеспечить победу социализма в Соединенных Штатах. Одна из газет, поддерживавшая Брекинриджа, писала: «Логическая цепочка идеи, которая проистекает

¹ «New York Daily Tribune», 7. IX. 1860.

из ...существа черного республиканизма — социализм в худшей форме, включая права женщин, раздел земли, свободную любовь и возвышение желаний индивидуума над ... семьей, принудительное равенство всех людей в фаланстерах»¹.

В противоположность Брекинриджу Дуглас развил во время избирательной кампании бурную деятельность. Не довольствуясь выступлениями своих сторонников и прессы, он, проявляя кипучую энергию, метался из конца в конец огромной страны. Дуглас посетил и по многу раз выступал почти во всех северных штатах, не боясь появляться даже в тех местах, где избиратели были враждебно настроены лично по отношению к нему.

В отличие от сторонников Брекинриджа Дуглас вел избирательную полемику на «джентльменских» началах, во всяком случае, не допускал никаких оскорбительных выпадов в адрес Линкольна. Более того, он неоднократно с большим уважением отзывался о своем оппоненте. Генри Вильсон, один из лидеров республиканцев, говорил: «Я спросил Дугласа, что представляет собой Линкольн как человек. Он сказал, что это человек исключительной честности и что он 16 лет был в конгрессе и не встречал никого, кто превосходил бы его... когда Линкольн был выдвинут (кандидатом в президенты. — *Р. И.*) в Чикаго, — сказал Дуглас. — Они избрали самого лучшего, кого только могли, чтобы нанести мне поражение»².

Дуглас по-прежнему выступал с позиций защиты рабства, но тем не менее значительная часть лидеров южан видела в нем не союзника, а врага. Дуглас был для них слишком радикальной фигурой, и в первую очередь потому, что он выступал против сецессии. На одном из митингов Дуглас прямо заявил, что он бы «в соответствии с законом перевешал сецессионистов»³.

Одного этого высказывания было достаточно, чтобы большинство рабовладельцев возненавидело Дугласа. Он не мог рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку в южных штатах. Что же касается северных штатов, то Дуглас продолжал сохранять здесь довольно прочные позиции среди демократов, но было очень трудно конкурировать с Линкольном, который пользовался большим авторитетом среди широких слоев избирателей.

Для избирательной кампании была характерна исключительно большая активность партий. На организацию митингов, собраний, демонстраций, банкетов тратились огромные суммы.

Республиканская партия в предвыборной кампании уделяла

¹ J. Randall. Lincoln the President..., Vol. I, p. 182.

² «New York Daily Tribune», 31. VIII. 1860.

³ J. Randall. Lincoln the President..., Vol. I, p. 186.

исключительно большое внимание пропаганде гомстеда и протекционистского тарифа, особенно последнего. Влиятельные круги республиканской партии усиленно пропагандировали высокий таможенный тариф как панацею от всех зол, залог экономического процветания страны¹. Внутри партии имелись и противники защитительного тарифа, считавшие, что только свободная международная торговля может обеспечить решение всех экономических проблем страны. В основном этой точки зрения придерживались бывшие демократы. Что касается Линкольна, то он выступал за «умеренный, тщательно отрегулированный протекционистский тариф»².

В своей избирательной кампании республиканцы претендовали на то, что они являются единственной партией, представляющей национальные интересы страны. Докладчик на конвенте республиканской партии Коннектикута говорил: «Мы представляем здесь... единственную действительно национальную партию в Соединенных Штатах. (Бурные аплодисменты)». Докладчик выражал твердую уверенность в «триумфальном успехе кандидатов, которых мы наметили, Линкольна и Хэмлина (бурные продолжительные аплодисменты), по моему мнению, мы будем иметь правительство, на которое мы и наши дети будут оглядываться с гордостью и патриотическим удовлетворением»³.

Важно подчеркнуть, что в ходе избирательной кампании ни одна партия не выступала за уничтожение рабства. Требования республиканцев в этом вопросе не шли далее запрещения распространения рабства на новые территории.

Руководство республиканской партии стремилось рассеять все сомнения насчет позиции партии в вопросе об освобождении рабов. Грили заявлял на страницах своей газеты: «Никогда республиканская партия не предлагала использовать силу федерального правительства, чтобы уничтожить рабство. Отдельные лица могли предлагать это, а республиканская партия — никогда. Цель партии в отношении рабства проста, открыта, пряма — ограничение существующих рабовладельческих штатов»⁴.

Такова была точка зрения умеренных кругов республиканской партии на важнейший вопрос избирательной кампании, разумеется, она не могла удовлетворить всех, кто шел за республиканской партией⁵. «Для многоязычной армии древнего императо-

¹ B. Mandell. Op. cit., p. 164.

² J. Randall. Lincoln the President..., Vol. I, p. 188.

³ «New York Daily Tribune», 31. VIII. 1860.

⁴ Ibid., 7. IX. 1860.

⁵ B. Mandell. Op. cit., p. 156.

ри никогда не была характерна большая разнородность, чем та, которая была присуща республиканской партии в 1860 г. В ее многочисленных рядах были радикалы и аболиционисты, которые хотели уничтожения всех следов рабства; умеренные, которые довольствовались бы ограничением его распространения на территории; виги, фрисойлеры, демократы — противники рабства, мануфактуристы Запада, надеявшиеся на протекционистский тариф, и западные фермеры, которые выступали за свободную торговлю; бесчувственные политиканы, действовавшие, как машины, и мечтательные реформаторы»¹.

Вполне естественно, что для этих разнородных элементов не могло быть универсальной точки зрения на проблему рабства. Однако умеренным и консервативным кругам, игравшим в партии решающую роль, импонировала сдержанная позиция в вопросе о рабстве, занятая ведущей газетой республиканцев «Нью-Йорк дейли трибюн». Этой же точки зрения придерживался и кандидат партии в президенты Авраам Линкольн.

С учетом шансов на победу в избирательной борьбе это была наиболее перспективная позиция, обеспечивавшая получение наибольшего количества голосов, так как сторонники полного и немедленного уничтожения рабства не составляли большинства среди избирателей.

В бурной избирательной кампании 1860 г. поведение Линкольна обращало на себя внимание сдержанностью, необычной для нравов американской политической жизни. До официального выдвижения кандидатов партий на пост президента Линкольн был довольно активен. Он много ездил по стране, часто выступал, вел большую переписку с руководством партии, принимал личное участие в решении важнейших вопросов избирательной кампании².

После того как его кандидатура была выдвинута на пост президента, активность Линкольна резко сократилась, все ведение избирательной борьбы взяли в свои руки политиканы партии, а кандидат в президенты уехал в Спрингфилд и с олимпийским спокойствием, во всяком случае внешним, наблюдал за всеми перипетиями избирательной борьбы. «По всей стране выступали батальоны ораторов. Они спорили, угрожали, обещали, приводили статистические данные, исторические факты, напоминали о случаях взрыва народных страстей. Но самому главному оратору партии нечего было сказать или почти нечего. Изредка он писал письма, пожимал руки ораторам, репортерам, политическим дея-

¹ T. Williams. Lincoln and Radicals. Madison, 1960, p. 4.

² R. Luthin. Op. cit., p. 205 — 212.

телям, которые приходили к нему десятками в дом на Восьмой улице»¹.

Линкольна буквально бомбардировали письмами². Простые избиратели, политические и общественные деятели, журналисты задавали, как правило, один вопрос — какова будет его позиция в вопросе о рабстве. Письма оставались без ответа. В тех немногих случаях, когда Линкольн касался этого вопроса, он недвусмысленно заявлял, что выступает только за ограничение распространения рабства на новые территории. На письмо председателя национального съезда республиканской партии Джорджа Ашмана Линкольн ответил, что вся его деятельность, в том числе и в вопросе о рабстве, будет направлена только на то, чтобы добиться «практического успеха принципов, изложенных съездом» (республиканской партии. — *Р. И.*)³.

Специальный комитет, избранный на съезде республиканской партии, посетил Линкольна в Спрингфилде. Член этого комитета Карл Шурц писал в своих мемуарах: «М-р Линкольн принял нас в гостиной своего скромного дома... Республиканский кандидат в президенты стоял в гостиной, высокий и неуклюжий, в черном, плохо подогнанном костюме, его длинная, цвета дубленой кожи шея торчала из загнутого воротничка, грустные глаза глубоко запали на изможденном лице. Большинство членов комитета никогда ранее не видели Линкольна и смотрели на него с удивлением и любопытством. У него не было внешности государственного деятеля... Поднявшись, со сложенными руками, он спокойно слушал важную речь м-ра Ашмана... а затем ответил несколькими подходящими, хорошо сформулированными предложениями... Последовал небольшой информационный разговор, в котором проявилась сердечная простота Линкольна, а затем комитет уехал...»⁴.

Партийные лидеры стремились всемерно разрекламировать своего кандидата весьма характерными методами. Так, были изготовлены медали, на одной стороне которых был изображен Линкольн, а на другой рекламировалось мыло. Только в Истоне (Пенсильвания) один купец продал за короткий срок 3300 таких медалей⁵.

Вскоре после выдвижения кандидатуры Линкольна в президенты он написал свою краткую автобиографию, в которой было

¹ Сэндберг К. Линкольн. М., 1961, с. 158 — 159.

² «Lincoln Papers», Vol. I, p. 245, 250, 252, 256 — 257, 277, 289.

³ «Collected Works», Vol. IV, p. 53.

⁴ Reminiscences of Carl Schurz, II, p. 187 — 188 (цит. по J. Randall. Lincoln the President, Vol. I, p. 175.)

⁵ «New York Daily Tribune», 15. IX. 1860.

всего 2500 слов¹. Это был краткий, но точный, без каких-либо наслоений и украшений рассказ о жизни Авраама Линкольна, который и в наши дни является главным и наиболее надежным источником, освещающим его жизнь и деятельность в ранний период.

В ходе избирательной кампании было издано еще несколько биографий Линкольна, но они откровенно преследовали одну цель — рекламу республиканского кандидата — и ни в коей мере не давали объективного освещения жизни и политических взглядов Линкольна.

Журналист Джон Скрипс из чикагской «Трибуны» подготовил автобиографию Линкольна к печати, которая была выпущена в свет огромным по тому времени тиражом — 1 млн. экземпляров.

Линкольн был политиком-реалистом и прекрасно понимал, что поддержки широких кругов избирателей недостаточно для избрания, что надо было иметь на своей стороне в первую очередь деловые круги Севера, которые играли решающую роль в политической жизни страны. И Линкольн предпринял немало усилий для того, чтобы расположить к себе эти круги.

Линкольн мог рассчитывать на поддержку далеко не всех деловых кругов Севера. Финансовая олигархия Нью-Йорка, например, в своем подавляющем большинстве накопилась в лагере противников Линкольна. Из 53 банков города Линкольна поддерживало только пять². И не было ничего удивительного в том, что демократы были совершенно уверены, что вторая столица Союза — Нью-Йорк проголосует на выборах против кандидата республиканцев. 27 сентября, выступая в Балтиморе, Генри Дэвис говорил: «Политиканы Нью-Йорка будут очень удовлетворены, как они говорят, поражением Линкольна и избранием демократа»³. Однако расчетам демократов не суждено было оправдаться. Линкольн выиграл битву за Нью-Йорк, где он получил большинство в 50 тыс. голосов.

Решающим фактором, обеспечившим победу республиканцев в Нью-Йорке, явилось то, что буквально за два-три дня до выборов крупнейшие деятели торгового и промышленного капитала резко изменили ориентацию, высказавшись в поддержку кандидатуры Линкольна. Это имело исключительно важное значение, так как в финансовом центре страны все рычаги воздействия на общественное мнение прочно держала в своих руках финансовая олигархия.

Для столь коренного изменения точки зрения имелись все ос-

¹ «Collected Works», Vol. IV, p. 60 — 67.

² Ph. Foner. Business and Slavery..., p. 204.

³ «New York Daily Tribune», 9. X. 1860.

нования. По мере приближения дня выборов южанам становилось все более очевидно, что победа на выборах, а вместе с нею и власть в Союзе, ускользает из их рук. Юг открыто готовился к сепарации, к развязыванию братоубийственной гражданской войны. Шерман, в будущем один из известных генералов Севера, писал, что «имя Линкольна для Юга — как красный цвет для быка». Он выражал серьезные опасения, что «президентские выборы закончатся гражданской войной»¹.

Промышленники Нью-Йорка были экономически заинтересованы в рабстве, но еще в большей степени они были заинтересованы в сохранении Союза. Лидеры Уолл-стрита готовы были поддержать умеренные рабовладельческие круги, выступавшие за единство страны, но им было явно не по пути с крайними экстремистами, которые готовы были взорвать Союз и процветание финансовых корпораций Нью-Йорка. К окончанию избирательной кампании со всей очевидностью стало ясно, что эгоистические интересы плантаторов-рабовладельцев взяли верх над благоразумием и национальными интересами. Сепарация была неизбежна в такой же мере, как и очевидна была победа республиканцев на выборах.

В этих условиях руководители нью-йоркской биржи предпочли не связывать свою судьбу с могильщиками национального единства страны и поторопились примкнуть к партии, победа которой была обеспечена. Это было тем более правомерное решение, что оно позволяло в будущем воспользоваться плодами победы, одержанной республиканцами.

Причем характерно, что вся эта головокружительная метаморфоза была проделана под руководством и при непосредственном участии Уильяма Астора, одного из крупнейших финансистов Нью-Йорка, бывшего инициатором создания избирательного фонда демократов и вложившего в него огромную сумму².

Это был типичный пример того, как буржуазия цинично предавала своих союзников, когда их политическая линия переставала соответствовать ее интересам.

Однако деловые круги Нью-Йорка совершили слишком крутой и запоздалый поворот. Многие представители деловых кругов продолжали по инерции двигаться в том направлении, по которому их толкали на протяжении всей избирательной кампании Астор и другие магнаты финансовой империи; они и шедшие за ними группы избирателей проголосовали против Линкольна. В этом была

¹ B. H. Liddell Hart. Scherman: Soldier, Realist, American. New York, 1958, p. 61.

² «New York Daily Tribune», 5. XI. 1860.

причина сравнительно небольшого большинства, которое получил Линкольн в Нью-Йорке.

Приближался день голосования. Соперничающие партии проводили последний, генеральный смотр своим силам. Борьба шла за каждый штат, город, за каждый избирательный участок. В последние дни перед выборами «Нью-Йорк дейли трибюн» в каждом номере печатала на самом видном месте объявление одного содержания: «Республиканцы, вы зарегистрировались? Если нет, то помните, что сегодня последний шанс перед выборами, и поступайте соответственно... Помните, что даже один голос может быть чреват самыми роковыми последствиями»¹.

Прекратились митинги и собрания, демонстрации и парады, умолкли оркестры и погасли огни иллюминаций — наступил день выборов, 6 ноября 1860 г. Вся страна с напряженным вниманием ждала результатов этого дня, которые должны были определить важный, поворотный пункт в истории Соединенных Штатов.

Из маленького городка штата Иллинойс Линкольн внимательно следил за большими событиями, развертывавшимися на просторах страны. Как писал один из биографов Линкольна, «он держал руку на пульсе нации».

Около трех часов дня Линкольн направился в здание суда, где был избирательный участок, чтобы принять участие в голосовании. Большая толпа жителей Спрингфилда горячо приветствовала своего земляка. Как сообщали корреспонденты, манифестация в Спрингфилде была исключительно радушной и сердечной². Вечером Линкольн направился на телеграф, чтобы узнать результаты выборов. Ждать пришлось недолго, поступившие вскоре сообщения неопровержимо свидетельствовали о его избрании президентом Соединенных Штатов.

Первыми нового президента поздравили жители Спрингфилда, а спустя короткое время стали поступать многочисленные поздравления от друзей и знакомых, от видных деятелей республиканской партии и от многих простых людей, большинство которых никогда не видело нового президента, но связывало с его избранием большие надежды.

В голосовании приняли участие 4700 тыс. избирателей. За Линкольна проголосовало 1 866 452 человека, за Дугласа — 1 376 957, за Брекинриджа — 849 781, за Белла — 588 879. Линкольн одержал победу во всех нерабовладельческих штатах, кроме Нью-Джерси, где за него проголосовало немногим менее 50% избирателей. Брекинридж победил в 11 рабовладельческих штатах. За Белла прого-

¹ «New York Daily Tribune», 31. X. 1860.

² Ibid., 7. XI. 1860.

лосовали Виргиния, Кентукки и Теннесси. Дуглас одержал победу только в Миссури и Нью-Джерси. Голоса выборщиков распределились следующим образом: за Линкольна — 180, за Брекинриджа — 72, за Белла — 39, за Дугласа — 12. Таким образом, по числу голосов выборщиков Линкольн значительно опередил объединенные силы своих противников (180 против 123), хотя и получил на 930 170 голосов меньше половины всех голосов, поданных во время выборов. Характерно, что на Юге Линкольн получил всего 26 430 голосов¹.

Результаты выборов свидетельствовали о том, что Линкольн не получил абсолютного большинства голосов избирателей. Причины этого заключались в том, что республиканская партия, несмотря на свою прогрессивную по сравнению с демократами программу, не обладала еще достаточным авторитетом в стране. Политическая линия республиканцев была противоречива. С одной стороны, партия выступала за мероприятия, отвечающие интересам широких трудящихся масс, — закон о гомстедах, проведение значительных мероприятий по благоустройству. С другой стороны, это была партия буржуазии, практические дела которой были слишком хорошо известны трудящимся, чтобы они могли питать в отношении нее какие-либо иллюзии.

Характерно, что обе фракции демократической партии вместе собрали больше голосов, чем кандидат республиканцев. И если бы демократическая партия не была расколота, она могла бы одержать победу.

Линкольн прошел на выборах как кандидат меньшинства; это был большой минус, который наложил свой явственный отпечаток на деятельность правительства Линкольна: президент, избранный меньшинством, неизбежно сталкивался с большими затруднениями.

На пути в Белый дом перед Линкольном стояли серьезные препятствия. И если тем не менее он одержал на выборах победу, то она была достигнута только потому, что, несмотря на все перечисленные трудности, он опирался в борьбе за президентство на широкую социальную базу. Линкольна активно поддерживали трудящиеся массы, в первую очередь рабочие.

Официальные данные результатов голосования не фиксировали социальный состав избирателей и поэтому невозможно определить, сколько рабочих голосовало за Линкольна, «но, бес-

¹ Фостер. У. Негритянский народ в истории Америки, с. 289; H. Greeley. Op. cit., p. 328; J. Barrett. Op. cit., p. 194; D. Perkins, V. Deuden. The United States of America: A History, Vols I — II, New York, 1962. Vol. I, p. 633.

спорно, их было много»¹. Большое количество голосов рабочих Линкольн получил в Пенсильвании, Миссури, Иллинойсе, Огайо и Новой Англии. Даже в Нью-Йорке, оплоте рабовладельцев на Севере, многие рабочие проголосовали за Линкольна.

Рабочие внесли большой вклад в победу Линкольна на выборах. Некоторые лидеры республиканцев считали даже, что их роль была решающей. Руфус Эндрюс, например, говорил: «Мы должны быть благодарны рабочим, обеспечившим нам эту победу»².

Не все рабочие голосовали за Линкольна. Были даже прогрессивные руководители рабочего класса, которые не поддерживали его кандидатуру, так как республиканская партия, защищавшая интересы буржуазии, была враждебно настроена к профсоюзам. В частности, известный деятель американского рабочего движения Уильям Сильвис голосовал за Стефана Дугласа. На стороне Линкольна решительно выступили граждане иностранного происхождения; от их позиции зависело очень многое, так как они составляли значительный процент населения страны. В Нью-Йорке, например, 47,62 % населения составляли в 1860 г. граждане иностранного происхождения, в Чикаго — 50, в Сент-Луисе — 59,65 % и т.д.

За Линкольна проголосовало большинство abolitionистов. Только небольшая группа, возглавляемая Гаррисоном, не поддерживала Линкольна. Гаррисон и его сторонники по-прежнему считали, что abolitionисты не должны участвовать в политической борьбе.

Особенно активно выступила в защиту Линкольна прогрессивная интеллигенция страны, давно сражавшаяся против рабства в передовых рядах abolitionистов. Такие люди, как Уолт Уитмен, Джон Уиттер, Ральф Эмерсон, Гарриэт Бичер Стоу, были известны всей стране, и их поддержка обеспечила Линкольну голоса многих тысяч избирателей.

Линкольн был тем кандидатом, о каком они мечтали, кого хотели видеть на посту президента страны. Задолго до выдвижения кандидатуры Линкольна на пост президента Уолт Уитмен писал, что «если бы какой-нибудь американский кузнец или лодочник — храбрый, умный, бывалый, здоровый бородач средних лет с загорелыми руками, лицом и грудью, в опрятном рабочем костюме, пришел бы с Запада, из-за Аллеганских гор, и занял пост президента, я голосовал бы, конечно, за такого человека, обладай он должными достоинствами, предпочтя его всем остальным кандидатам»³.

¹ Фонер. Ф. Указ. соч., с. 337.

² Ph. Foner. *Business and Slavery...*, p. 206.

³ Уитмен. У. Избранное. М., 1954, с. 239.

Победе Линкольна способствовало и то обстоятельство, что его поддерживали влиятельные деловые круги Севера, располагавшие значительными материальными возможностями и важными средствами воздействия на общественное мнение. Все эти факторы, вместе взятые, и обеспечили избрание Линкольна президентом Соединенных Штатов.

Для Линкольна избрание в президенты было крупнейшим событием всей его жизни. Еще большее значение это избрание имело для всей страны. Победа республиканцев на выборах 1860 г. открывала новую страницу в истории Соединенных Штатов, она знаменовала конец господству в стране демократов-рабовладельцев.

4. Отклики на избрание Линкольна президентом

Север с огромным энтузиазмом встретил опубликование результатов выборов и торжественно отметил свою победу. Буржуазия ликовала — без каких-либо серьезных социальных потрясений удалось добиться того, за что велась упорная борьба на протяжении многих десятилетий. Радость победы не могли омрачить даже зловещие тучи, надвигавшиеся с Юга, где спешно подготавливалась сецессия.

Избрание Линкольна на пост президента горячо приветствовали рабочие Соединенных Штатов. Когда Линкольн весной 1861 г. направился из Спрингфилда в Вашингтон, чтобы принять присягу и вступить в исполнение обязанностей президента, состоялась его встреча с делегацией Немецкого рабочего союза.

Фредерик Оберклейн — лидер Немецкого рабочего союза, насчитывавшего 2 тыс. членов, обратился к нему с приветственным адресом. Характерно, что прочитать адрес немецкие рабочие поручили Оберклейну, одному из известных деятелей социалистов-марксистов. Линкольн внимательно слушал обращение немецких рабочих. «Мы, свободные немецкие рабочие Цинциннати, — говорилось в адресе, — используем эту возможность, чтобы заверить вас, избранного нами главу правительства, в нашем искреннем и сознательном уважении. Вы получили наши голоса как борец за свободный труд и свободные гомстеды. Наши побежденные противники в последнее время часто используют термин «рабочие и рабочие митинги» с целью создать впечатление, будто рабочие массы выступают за компромисс между свободным и рабочим трудом». В адресе говорилось, что этот компромисс не соответствует интересам рабочих, что политиканы часто дают обещания, но, придя к власти, не выполняют их.

Обращаясь к Линкольну, Оберклеин продолжал: «Мы твердо придерживаемся принципов, которые побудили нас голосовать в вашу пользу». Руководитель немецких рабочих выразил твердую уверенность, что Линкольн будет придерживаться платформы, на которой он был избран, а рабочие помогут ему претворить эту платформу в жизнь. «Если для этой цели вы будете испытывать нужду в людях, свободные немецкие рабочие совместно с другими рабочими поднимутся по вашему призыву все, как один, готовые пожертвовать своими жизнями, чтобы укрепить уже завоеванную победу свободы над рабством».

Один из репортеров, присутствовавший на этом митинге, писал, что в голосе Оберклейна отчетливо звучала не только готовность помочь Линкольну, но и решимость рабочих добиться осуществления своих прав.

В ответ на приветствие немецких рабочих Линкольн сказал: «Я благодарю вас и тех, кого вы представляете, за похвалы в мой адрес». Линкольн заявил, что рабочие не разочаруются в нем. «Я, — сказал Линкольн, — согласен с вами, м-р председатель, что рабочие — основа всех правительств по той простой причине, что они составляют большинство населения». Линкольн согласился с мнением Оберклейна, что изложенную им точку зрения разделяют не только немецкие рабочие, но и другие рабочие, а также представители многих других слоев населения. «Не вдаваясь в детали вопроса, я скажу просто: я за такие мероприятия, которые дадут как можно больше хорошего наибольшему числу людей. Что же касается закона о гомстедах... я за раздел невозделанных земель на участки, чтобы каждый человек мог иметь домашний очаг».

Перейдя к вопросу об отношении к гражданам иностранного происхождения, Линкольн сказал: «Я расцениваю их не лучше, чем других людей, и ни в коей мере не хуже». Вновь избранный президент заверил собравшихся, что он будет поощрять иммиграцию в США и защищать права иностранцев¹.

Отношение радикальных республиканцев к победе Линкольна ярко проявилось в одной из лекций Чарлза Самнера. «Победа, которой мы добились в нашей стране, — говорил Самнер, — вызывает отклики, которые будут услышаны во всем цивилизованном мире. Повсюду люди, борющиеся за свои права, отстаивающие либеральные идеи, ищущие путей усовершенствования человека, будут воодушевлены, услышав о вчерашнем дне. Это будет хоро-

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln. The War Years. Vols 1 — 4. New York, 1939 — 1940, Vol. I, p. 42 — 43.

шая новость для Гарибальди в Италии, для французов, которые страдают под властью деспотизма; это будет, мои друзья, хорошая новость для всех нас, так как она свидетельствует о том, что произошло великое событие».

Самнер выразил уверенность, что Линкольн справится с возложенными на него обязанностями: «Я верю, что Авраам Линкольн (продолжительные аплодисменты) располагает теми чертами характера, которые позволят ему провести нас через настоящий кризис; что он предусмотрителен, мудр, осторожен, а также и храбр. Я уверен, что храбрость так же необходима для управления делами правительства, как и предусмотрительность»¹.

Избрание Линкольна приветствовали и те abolitionистские круги, которые отрицали необходимость участия abolitionистов в политической борьбе. Сам Гаррисон на страницах издававшегося им журнала писал, что избрание Линкольна президентом Соединенных Штатов означает падение власти рабовладельцев в Союзе.

Уэнделл Филлипс, выступавший против избрания Линкольна, заявил 7 ноября, что «впервые в истории страны рабы избрали президента... Не являясь abolitionистом, едва будучи антирабовладельцем, Линкольн дал согласие быть глашатаем антирабовладельческой идеи. Не своими личными качествами он обязан этой позиции, а тем, кто пожертвовал своими жизнями, чтобы пробудить совесть нации, тем выступлениям, которые оставили глубокий след в ее сердце»².

Республиканские газеты единодушно высказывали точку зрения, что победа Линкольна является крупнейшим событием в истории страны. Широко комментировала результаты выборов «Нью-Йорк дейли трибюн». Газета помещала многочисленные письма читателей, содержащие не только оценку значения избрания Линкольна, но и пожелания в отношении политики будущего правительства. В одном из таких писем, полученном из Нью-Йорка, за подписью «Прогрессивный республиканец», говорилось: «Если Линкольн допустит, чтобы северян безнаказанно изгоняли или вешали на Юге, он введет свою партию в заблуждение. Мы не подчинимся такому закону, и нас не заставят подчиниться ему». Ссылаясь на исторический опыт, «Прогрессивный республиканец» писал, что уступки рабовладельцам являлись предательством интересов страны, они только разжигали их аппетит и усиливали их агрессивность. В заключение он заявлял: «Пусть радикальные республиканцы позаботятся о том, чтобы оздоровить

¹ «New York Daily Tribune», 12. XI. 1860.

² С. Martyn. Op. cit., p. 303.

общественное мнение с тем, чтобы сделать невозможным свершение такого предательства»¹.

Избрание Линкольна получило широкий отклик международной общественности. Русские революционные демократы с надеждой и большой симпатией следили за развитием революционных событий в далекой заокеанской республике. Чернышевский высказывал твердую уверенность в том, что революционное брожение в Америке окажет революционизирующее влияние на развитие событий в Европе, в том числе и в России.

Несмотря на всю непоследовательность и противоречивость позиции Линкольна в вопросе об освобождении рабов, Чернышевский увидел в его лице политического деятеля, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в истории борьбы за уничтожение рабства. Чернышевский писал: «...День, когда победа осталась на стороне партии, имевшей своим кандидатом Линкольна, этот великий день — начало новой эпохи в истории Соединенных Штатов, день, с которого начался поворот в политическом развитии великого североамериканского народа»².

Скупы и отрывочны были сведения, поступавшие в Россию из Соединенных Штатов, консервативна была программа республиканской партии в вопросе об освобождении рабов и тем более поразительна прозорливость, с которой Чернышевский оценивал результаты выборов 1860 г. «6 ноября 1860 г., — писал Чернышевский, — они свергнули иго, лежавшее на них в течение многих десятилетий, и каким бы колебаниям ни было подвержено в будущем продолжение борьбы, они пойдут и пойдут к своей цели, к восстановлению политики Соединенных Штатов на высоту, которой не имела она со времен Джефферсона». И вновь Чернышевский возвращался к вопросу о том, что значение событий в Соединенных Штатах выходит за рамки этой страны, «добрая слава североамериканского народа важна для всех наций»³.

Не только «Современник», издававшийся Чернышевским, но и такие издания, как «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», не отличавшиеся демократической точкой зрения, признавали большое прогрессивное значение избрания Линкольна.

«Московские ведомости» писали: «Теперь мы знаем, что эта замечательная личность поставлена народным избранием во главе Соединенных Штатов, где в последнее время в управлении

¹ «New York Daily Tribune», 19. XI. 1860.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 353.

³ Там же т. VIII, с. 353.

преобладала так называемая «демократическая» партия, отстаивающая невольничество и утратившая уважение и доверие страны»¹.

«Северная пчела» опубликовала письмо своего собственного корреспондента из Нью-Йорка от 7 ноября 1860 г.: «Противники Линкольна, чтобы воспрепятствовать его выбору, употребили все средства, особенно же угрозу насчет распада Союза и образования из южных штатов отдельной невольнической Конфедерации. Но ничто не в состоянии было удержать движение современного прогресса, который преодолевает все препятствия, и как свет побеждает тьму, так это движение восторжествовало у нас над обскурантизмом, невежеством и варварством, защитниками которых являются невольнические штаты»².

«С.-Петербургские ведомости», подробно рассказав читателям о трудовой жизни нового президента, писали: «Еще никто не обвинил его в каком бы то ни было неблагородном или бесчестном поступке или даже мысли... Обращение его чрезвычайно радушно и в то же время просто. Его учтивость всегда искренна, но отнюдь не искательна и не навязчива. Он приветствует знакомых крепким пожатием руки и дружеской улыбкой. У него прямой нос, большой рот и цвет лица, свойственный человеку, прошедшему сквозь огонь и воду»³.

Большинство консервативной русской печати с удовлетворением отмечало умеренность политической программы Линкольна в вопросе об освобождении рабов, видя в этом гарантию того, что Соединенные Штаты не окажутся под властью «анархии», что избрание Линкольна не приведет к массовым народным выступлениям.

Собственный корреспондент «Северной пчелы» писал 27 ноября из Нью-Йорка, что «у Юга нет достаточных поводов приходить в ужас от избрания Линкольна. Действительно, если бы г. Линкольн даже и хотел освободить невольников, то не может этого сделать: он — не диктатор и должен следовать той политике, которую предписывает ему конгресс, а большинство членов конгресса состоит из оппозиции, разделяющей убеждения владельцев невольников»⁴.

Эту же сторону вопроса подчеркивали и «Московские ведомости»: «Умеренность его характера, консервативные стремления... были такого рода, что могли успокоить самых робких; его протекционистские убеждения служили обеспечением для промышленных штатов; наконец, рабочие штаты приветствовали и

¹ «Московские ведомости», 10. XI. 1860.

² «Северная пчела», 18. XI. 1860.

³ «С.-Петербургские ведомости», 1. XII. 1860.

⁴ «Северная пчела», 12. XII. 1860.

нем дитя народа, испытывавшее труд и бедность, человека, который умом и честностью возвысился из самого скромного звания до положения, наиболее завидного для гражданина великой страны»¹.

Для рабовладельческого Юга отголоски шумных празднеств, которыми Север отмечал свою победу, звучали как похоронный звон по величию и могуществу рабовладельческих штатов. Пресса Юга встретила избрание Линкольна злобными статьями, в которых личные оскорбления в адрес вновь избранного президента перемешались с угрозами расколоть Союз и вооруженным путем помешать вступлению Линкольна в должность президента.

«Ричмонд диспетч» писала 9 ноября: «Избрание Линкольна действительно подвергло страну риску... Сецессия может быть только вопросом времени. Два народа, которых заставили ненавидеть и сражаться друг против друга, не могут продолжать долго жить совместно под управлением одного правительства»².

8 ноября «Ричмонд инквайэр» в минорных тонах сообщала: «Президентские выборы закончились по всей стране, и народ узнал при помощи телеграфа о триумфе избирательного списка черных республиканцев, возглавляемого Авраамом Линкольном»³. Другая газета призывала южан не сотрудничать с правительством Линкольна, не поддаваться на соблазны и не занимать места в «линкольновской синагоге»⁴.

Многочисленные корреспонденты Линкольна сообщали ему, что Юг готовится к сецессии, используя помощь сторонника рабовладельцев президента США Бьюкенена⁵.

Расисты из южных штатов считали, что Линкольн — кандидат негров и избран на пост главы государства неграми; в этом они видели покушение на основные устои государства. Один из жителей Виргинии писал: «Представителям африканских негров, которые признаются нашей Конституцией только как деградирующие существа, предстоит сейчас создавать и проводить в жизнь законы для старой гордой авглосаксонской расы»⁶.

Лидеры экстремистских кругов рабовладельцев угрожали сецессией. Одна из газет, издававшаяся в Балтиморе, писала, что «сецессионисты... повсюду в хлопковых штатах торжественно заявляют о своем намерении прибегнуть к открытому сопротивлению вступлению в должность избранного президента»⁷.

Большинство населения Юга выступило против выхода юж-

¹ «Московские ведомости», 31. XII. 1860.

² «New York Daily Tribune», 12. XI. 1860.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ «Lincoln Papers», Vol. I, p. 318, 325, 328.

⁶ «New York Daily Tribune», 31. XII. 1860.

⁷ Ibid., 12. XI. 1860.

ных штатов из Союза. «Голосование на Юге во время избирательной кампании 1860 г. не выдало мандата на сепарацию»¹. Юнионистские настроения находили свое отражение в южной прессе. Одна из газет, издававшаяся в Виргинии, писала, что Южная Каролина, готовясь выйти из Союза, подвергает большой опасности остальные рабовладельческие штаты. «Ни один человек, — заявляла газета, — не имеет «права», поджигая свой собственный дом, подвергать опасности дом соседа»².

«Делавэр джорнэл энд стейтсмен» выражала надежду, что чувства национального долга возьмут верх и сепарционисты не рискнут зажечь факел под миной, заложенной под благополучием и самим существованием страны. «Мы не верим, — заявляла газета, — что среди них найдется хоть один хороший гражданин, который выступит сейчас за сепарацию единственно из-за того, что избран м-р Линкольн»³. Это был неоправданный оптимизм. Более того, многочисленные факты свидетельствовали о том, что рабовладельцы готовили убийство Линкольна⁴.

Виргинская «Норфолк геральд» писала, что «избрание Линкольна, в точном соответствии с конституцией, не является само по себе причиной для разрыва нашего федерального договора»⁵.

«Ричмонд диспетч» писала об избрании Линкольна: «Это событие самое плачевное из всех, которые когда-либо случались в истории страны. Но, несмотря на это, Союз может быть сохранен. Мы верим, что так оно и будет»⁶.

Северокаролинская «Ньюбэрн прогресс» заявляла, что избрание Линкольна «не является причиной для свержения правительства. Давайте останемся в Союзе... Если Линкольн нарушит свою присягу, давайте свергнем его с трона»⁷. Однако заявлений против сепарации было немного. Подавляющее большинство газет южных штатов со всей решимостью выступало против избрания Линкольна, настаивало на сепарации и ратовало за вооруженный поход на Вашингтон, чтобы не допустить вступления республиканского президента в должность.

Республиканцы пришли к власти в условиях революционного кризиса, но мирным, конституционным путем. Их оружием в борьбе за власть были не революционные выступления масс против господства рабовладельцев, а избирательные бюллетени. В этом

¹ Ch. Roland. The Confederacy. Chicago, 1960, p. 11.

² «New York Daily Tribune», 12. XI. 1860.

³ Ibid., 15. XI. 1860.

⁴ «Lincoln Papers», Vol. II, p. 333.

⁵ «New York Daily Tribune», 15. XI. 1860.

⁶ Ibid., 12. XI. 1860.

⁷ Ibid., 14. XI. 1860.

проявилось своеобразие революционной ситуации, сложившейся в стране: антирабовладельческое движение не достигло такой зрелости, чтобы перерасти во всеобщее вооруженное выступление против рабовладельцев; буржуазия была не настолько радикальна, чтобы решиться поднять и возглавить вооруженное восстание против рабства. Более того, подавляющее большинство лидеров республиканцев, в том числе и Линкольн, были противниками уничтожения рабства, тем более путем вооруженного выступления масс.

Потребовалось пройти через новые серьезные испытания — сецессию, вооруженный мятеж рабовладельцев, чтобы борьба против рабства из области политической перешла на фронты гражданской войны, где решалась судьба не только рабовладельческого Юга, но и всей страны.

Глава четвертая

ВЫХОД ЮЖНЫХ ШТАТОВ ИЗ СОЮЗА И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. Выход южных штатов из Союза

Сецессионистское движение не было порождением кризиса, который переживал Юг в результате поражения в избирательной борьбе 1860 г.

Рабовладельцы, являвшиеся сторонниками единого государства, когда оно находилось в их руках и проводило нужную им политику, сразу же превращались из централистов в сепаратистов, как только появлялась угроза их политическим и экономическим интересам.

Линкольн и руководство республиканской партии не ставили своей задачей уничтожение рабовладения. Однако их умеренная программа, сводившаяся к запрещению распространения рабства на новые территории, представляла смертельную угрозу рабству. Рабовладельческая плантационная система хозяйства не могла существовать без постоянного расширения на все новые территории, так как хищническое использование земли на плантациях вело к быстрому истощению почвы, которая переставала давать хорошие урожаи.

Лишившись возможности распространяться на новые территории, рабовладение, исчерпав имеющиеся земельные ресурсы, вскоре могло стать нерентабельным и сами рабовладельцы вынуждены были бы подписать себе смертный приговор. Лидеры

южан прекрасно понимали, что декларируемое республиканцами невмешательство в дела рабовладельческих штатов и запрещение расширять территорию рабовладения на практике означало только отсрочку приговора рабству. Маркс ссылаясь на высказывание одного из лидеров рабовладельцев, выразительно сформулировавшего «экономический закон», который требует непрерывного расширения территории рабства. «Если не произойдет значительного увеличения рабовладельческой территории, — говорит Тумбс, — то через 15 лет придется разрешить рабам убежать от белых или же белые вынуждены будут бежать от рабов»¹.

Лидеры южан понимали, что прогрессивные силы, избравшие Линкольна, усилят свое давление на республиканское правительство и заставят его проводить более радикальную политику в вопросе об освобождении рабов.

Для рабовладельцев победа Линкольна на выборах была равносильна катастрофе. Она свидетельствовала о том, что буржуазия намерена занять в государстве политические позиции, соответствующие той роли, которую буржуазия играла в экономической жизни страны. Своей победой на президентских выборах республиканская партия во всеуслышание заявляла, что в истории США положен конец постоянным компромиссам, каждый из которых означал новую уступку промышленного Севера рабовладельческому Югу.

Плантаторы-рабовладельцы не могли примириться с этим. «Перед лицом победы Линкольна олигархия южных плантаторов поступила как всякий правящий класс, терпящий решительное поражение от демократии. Она взялась за оружие, чтобы любой ценой удержать и продлить свою власть»². Избрание Линкольна президентом послужило мощным толчком к реализации рабовладельцами планов сецессии южных штатов.

Промышленность Севера в 40 — 50-х годах сделала большой скачок вперед. На Северо-Востоке происходил промышленный переворот, ставивший на повестку дня необходимость создания единого национального рынка, капиталистической колонизации Запада, создания в стране единой транспортной системы, введения защитительного таможенного тарифа. Реализовать все эти грандиозные замыслы было невозможно, пока существовало рабство.

Влиятельные промышленные и торговые круги Севера продолжали сохранять экономическую заинтересованность в рабстве. В основном это были текстильные фабриканты, нуждавшиеся

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 318.

² W. Foster. History of the Communist Party of the United States, p. 43

в хлопке, торговая буржуазия, наживавшаяся на посреднических операциях по реализации белого золота, транспортные компании, перевозившие хлопок на Север, банкиры, кредитовавшие плантаторов. Но не они играли решающую роль в промышленности Севера и не им принадлежало будущее.

Революционный кризис 50 — 60-х годов развивался в период, когда в стране происходил промышленный переворот — переход от мануфактурной к машинной стадии капитализма. Бурные темпы набирала индустрия, короли железа и стали, владельцы мощных предприятий, начинавших производить машины машинами, хозяева рудников и железнодорожных компаний — вот кто завоевывал господствующие позиции в экономике страны. Железная пята капитала давила все, что попадалось на пути, безжалостно уничтожала то, что мешало распространению капитализма. С точки зрения интересов и особенно перспектив экономического развития страны рабство имело теперь больше минусов, чем плюсов, и это предreshало его судьбу: уродливый анахронизм на Юге неизбежно должен был быть уничтожен.

Мрачная картина будущего рисовалась рабовладельцам — плантации Юга должны были превратиться в поле деятельности капитала, а самим рабовладельцам угрожала опасность быть уничтоженными как класс. Единственная надежда на спасение заключалась в том, чтобы выйти из Союза, поставить на пути надвигавшегося капитала пограничные шлагбаумы в виде независимого рабовладельческого государства.

Победа республиканцев на выборах 1860 г. рассеяла последние сомнения, подавляющее большинство рабовладельцев высказалось за немедленный выход из Союза.

Издававшаяся в Миссисипи «Нетчез фри тредер» писала: «Мы существуем не для подчинения. Юг не будет зависим. Рубикон перейден. Мы должны действовать... Миссисипи, Южная Каролина, Алабама, Арканзас уже приняли соответствующие меры. Если мы не можем иметь равенства штатов внутри Союза, мы можем иметь вне его свободную и независимую республику Южных Соединенных Штатов Америки»¹.

«Атланта Интелидженс» (штат Алабама) заявляла: «Кризис наступил, Авраам Линкольн избран, Рубикон перейден... Перед нами сложный вопрос и единственное, что мы должны решить, это следующее: следует ли нам подчиниться власти черных республиканцев или же провозгласить независимость Юга? Найдет ли хотя бы один из наших сограждан, который заколебался бы при определении своей позиции по этому спорному вопросу?

¹ «New York Daily Tribune», 19. XI. 1860.

Тот, кто теряет время — негодай, сомневающемуся — проклятье»¹.

Газеты рабовладельцев прямо писали о том, что удар по единству Союза должен быть нанесен до 4 марта, когда власть перейдет в руки Линкольна. «Миссисипиэн» призывала: «Сейчас время действовать. Пока федеральное правительство находится в дружеских руках, надо предпринять окончательный шаг к сецессии и завершить ее. До 4 марта будущего года можно многое сделать. Кроме того, нам говорят, что потребуются несколько лет прежде, чем Линкольн будет контролировать шпату и кошелек с помощью конгресса. Это дает дополнительный аргумент для действия сейчас же... Задержка опасна. Сейчас время нанести удар. Момент не должен быть упущен»².

Лидеры рабовладельцев отдавали себе полный отчет в том, что сецессия явилась бы актом государственной измены, за которым неминуемо последует возмездие. Сецессия была открытой провокацией гражданской войны, но ничто не смущало рабовладельцев.

Еще в декабре 1859 г. Южная Каролина предприняла шаги для организации встречи представителей всех рабовладельческих штатов с целью «принятия мер по совместным действиям в защиту рабства»³. Эта инициатива не получила поддержки остальных рабовладельческих штатов, и встреча не состоялась. Избирательная кампания 1860 г. дала новый толчок сецессионистским устремлениям рабовладельцев Южной Каролины. Еще за месяц до дня выборов губернатор штата Уильям Джист обратился с конфиденциальным посланием к губернаторам других южных штатов. Джист писал, что в случае победы республиканцев на выборах Южная Каролина выйдет из Союза⁴.

20 декабря 169 делегатов конвента штата единодушно проголосовали за сецессию. Ордонанс об отделении гласил, что «Союз, существующий между Южной Каролиной и другими штатами... настоящим расторгается»⁵.

Когда в Чарлстоне на тайном заседании конвента «новый государственный флаг был утвержден, ужасный рев потряс зданис, на всей территории южных штатов горели костры, пылали факелы».

¹ «New York Daily Tribune», 19. XI. 1860.

² Ibidem.

³ «The Rebellion Record»: A Diary of American Events, with Documents, Narratives, Illustrative Incidents, Poetry etc., ed. by Frank Moore, Vols I 11. New York, 1864 — 1869, Vol. I, Diary of Events, p. 5 — 6 (далее: «Rebellion Record»).

⁴ J. Randall. The Civil War and Reconstruction, p. 184.

⁵ «Rebellion Record», Vol. I, Documents, p. 2.

лы, звенели колокола, гремели салюты из дробовиков, маршировали демонстранты, раздавались ликующие крики»¹.

Решение конвента Южной Каролины послужило сигналом к отделению других рабовладельческих штатов. Раскол Союза стал свершившимся фактом.

В январе — начале февраля примеру Южной Каролины последовали еще семь рабовладельческих штатов, вышедших из Союза, — Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи, Техас, Теннесси и Флорида. Позднее к ним присоединились Арканзас, Виргиния и Северная Каролина. Территория всех 11 штатов, вышедших из Союза, составила 733 144 кв. мили, что составляло 40 % всей территории Соединенных Штатов².

Сецессия распространялась со скоростью степного пожара. 4 февраля 1861 г. в г. Монтгомери, штат Алабама, собрался конвент отделившихся штатов. На нем присутствовали представители только шести штатов, которые к тому времени вышли из Союза: Алабамы, Флориды, Джорджии, Луизианы, Миссисипи и Южной Каролины. Конвент провозгласил создание нового независимого государства — Конфедерация рабовладельческих штатов. Была принята также конституция и создано временное правительство. 18 февраля временным президентом Конфедерации был избран Джефферсон Дэвис.

Конституция Конфедерации больше, чем какой-либо другой документ, свидетельствовала о реакционной сущности сецессии³. Сецессионисты сохраняли большую часть статей федеральной конституции, но внесли одно принципиальное изменение. В федеральной конституции расплывчато говорилось о лицах, «находящихся в услужении», и нигде не употреблялись слова «раб» и «рабство». Федеральная конституция признавала существование рабства только в отдельных штатах. Конституция Конфедерации прямо заявляла, что рабство является основой экономического и политического устройства нового государства. В конституции ярко отразились агрессивные устремления рабовладельцев — специальная статья предусматривала распространение рабства на новые территории, которые войдут в Конфедерацию.

Только один пункт программы крайних экстремистов не нашел отражения в конституции, которая запрещала международную работорговлю, вывоз новых рабов из Африки.

Это не являлось свидетельством гуманности авторов консти-

¹ Сэндберг К. Указ. соч., с. 166.

² «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, Appendix, p. 16.

³ Полный текст конституции см. в «Rebellion Record», Vol. II, Documents, p. 321 — 327.

туции, а было прямым расчетом: признание международной работорговли усложнило бы отношения Конфедерации с Англией и Францией, на помощь которых рабовладельцы возлагали большие надежды.

Преамбула гласила, что конституция рассматривает штаты, как независимые, суверенные государства. Должностные лица штатов, деятельность которых не затрагивала вопросов всей Конфедерации, отчитывались перед властями штатов и могли быть отданы под суд законодательного собрания штата. По конституции правительство Конфедерации не имело своих вооруженных сил, они составлялись из армий и флотов отдельных штатов. Но когда началась гражданская война, это право штатов было сведено на нет, штаты поставляли только «пушечное мясо», а всеми вооруженными силами распоряжалось правительство Конфедерации. В конституции торжественно перечислялись и другие права штатов, но не было главного: штаты не имели права свободного выхода из Конфедерации.

Этот факт чрезвычайно показателен. Начав сецессию под флагом борьбы за права штатов, за их право свободного выхода из Союза, рабовладельцы кончили тем, что законодательным путем запретили выход штатов из вновь созданной Конфедерации.

В южных штатах проходили многочисленные митинги, на которых приветствовалась сецессия, принимались решения о необходимости порвать все связи с Соединенными Штатами. Лидеры рабовладельцев не стеснялись в выражениях. «Пусть Союз идет к черту!»¹ — так закончил свою речь на митинге в Горфолке, штат Виргиния, генерал Джон Тейлер.

О ходе сецессии подробно сообщал в своих донесениях русский посланник в Вашингтоне Отекль. 29 октября (10 ноября) он писал Горчакову: «Избрание Линкольна, хотя и предвиделось с некоторых пор, произвело тем не менее живое впечатление в рабовладельческих штатах и увеличит возбуждение, которое здесь уже царит»².

13 (25) ноября Стеклов вновь возвращался к этому вопросу: «Избрание г-на Линкольна усилило волнение... Штат Южная Каролина был первым бросившим призыв к тревоге и к принятию крайних мер. Едва результат выборов стал известен, как все население поднялось. Во всех городах были созваны митинги, чтобы потребовать расторжения Союза. Федеральные судьи и прокуроры подали в отставку, и их примеру последовали сенаторы и представители штата в конгрессе, наконец флаг Федерации был заме-

¹ «New York Daily Tribune», 25. XII. 1860.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 195, л. 166.

нен флагом штата. Законодательная власть оказалась более умеренной. Она декретировала созыв конвента, делегаты которого, избранные всеобщим голосованием, должны решительно высказаться по вопросу об отделении штата от Союза.

Штаты Джорджия, Алабама, Миссисипи и Флорида, группирующиеся вокруг Южной Каролины, не предприняли революционных мер¹, тем не менее они возбуждены. Виргиния и Мэриленд сравнительно спокойны².

Экстремистские круги рабовладельцев в своей кампании против вновь избранного президента заявляли, что Линкольн намерен освободить рабов и посеять тем самым на Юге голод и запустение. Сецессионисты утверждали, что Линкольн — сторонник защитительного таможенного тарифа — заставит Юг втридорога переплачивать за промышленные товары, ввозимые из Европы. Не меньшую ярость вызывало на Юге предвыборное обещание республиканцев принять закон о гомстедзе.

Сторонники плантаторов в конгрессе всячески стремились поддержать сецессионистов и убедить Север в необходимости пойти на уступки рабовладельцам Юга. Они утверждали, что Север жизненно заинтересован в хлопке и поэтому рано или поздно вынужден будет капитулировать перед Югом.

Выступая в конгрессе, сенатор Вигфол (демократ от штата Теннесси) говорил: «Хлопок — король, и его скипетр господствует не только над... штатами, но и над островом Великой Британии, над всей континентальной Европой... 5 млн. человек в Великобритании живут хлопком. Вы можете выращивать свое зерно, и они могут обрабатывать землю, но лишенная на неделю хлопка Англия помрет с голода»³.

Но далеко не все на Юге верили в чудодейственную силу хлопка, многие жители южных штатов понимали, что Юг, не имевший своей промышленности и бывший типичным районом монокультурного ведения хозяйства, в значительно большей степени нуждался в Севере, нежели северные штаты в южном хлопке.

Во всех южных штатах, несмотря на террор рабовладельцев, раздавались многочисленные голоса за сохранение единства Союза, за решение спорных вопросов мирным путем. Причем выступления против сецессии имели место и на нижнем Юге — центре сецессионистского движения. На всех сецессионистских конвентах, за исключением Южной Каролины, выступали делегаты с требованием не допустить сецессию. Они аргументировали

¹ Имеются в виду меры по отделению от Союза.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 195, л. 172.

³ «Congressional Globe», 36-th Congress, 2-nd Session, p. 73.

свою точку зрения ссылками на неконституционность сепаратизма. Многие заявляли, что ординары об отделении не должны быть воплощены в жизнь, пока не отделятся все рабовладельческие штаты. Часто выдвигалось требование о том, чтобы этот жизненно важный вопрос решался не на конвентах, а на специальных референдумах.

Многочисленная информация о выступлениях на Юге против сепаратизма печаталась в прессе. Из Северной Каролины сообщали о том, что народ полон решимости «не позволить меньшинству, горячим головам вовлечь штат в сепаратизм». «Балтимор клипэр» приходила к выводу, что сепаратистские устремления рабовладельцев «едва ли будут одобрены или санкционированы народными массами Юга»¹.

Сенатор Криттенден, выступая в конгрессе, отмечал, что в Кентукки сепаратисты не имеют никакой поддержки среди широких масс населения. Криттенден заявил, что «не верит, чтобы в Кентукки был хотя бы один человек, выступающий в поддержку раскола Союза. Кентуккийцы — люди, любящие Союз, и я уверен, что такие же люди есть в Северной Каролине»².

В законодательные собрания ряда штатов были внесены резолюции с осуждением сепаратизма. Так, например, в легислатуру Северной Каролины была внесена резолюция, гласившая, что «власти ни одного штата не имеют права аннулировать эти отношения (установленные конституцией — Р. И.)»³.

В Виргинии, где были сильны юнионистские настроения, и в других рабовладельческих штатах проводились митинги в защиту Союза. Так, например, участники митинга в Франкфорде, штат Алабама, в принятой резолюции заявляли: «Сепаратизм нецелесообразен и не вызывается необходимостью, мы выступаем против сепаратизма в любой форме... отказ представить так называемый ординар о сепаратизме на решение народа является надругательством над нашими правами и свободой». В заключении говорилось: «Постановляется, что наши кандидаты в конгресс в случае их избрания должны представлять нас в конгрессе Соединенных Штатов, а не в конгрессе так называемой Южной Конфедерации»⁴.

Сепаратизм не явился неожиданностью для Севера, слишком часто и открыто говорили об этом рабовладельцы, но тем не менее, когда раскол Союза стал свершившимся фактом, Север охватила растерянность.

¹ «New York Daily Tribune», 12. XI. 1860.

² «Congressional Globe», 36-th Congress, 2-nd Session, p. 5.

³ «New York Daily Tribune», 1. XII. 1860.

⁴ «Rebellion Record», Vol. I, Diary of Events, p. 20.

Законна или незаконна сецессия с конституционной точки зрения? Признать раскол Союза или воспротивиться ему? Если добиваться восстановления единства страны, то каким образом? Эти вопросы задавали себе лидеры республиканцев, сенаторы и конгрессмены, издатели газет.

И только рабочий класс страны в своей значительной части решительно выступил против сецессии.

Во многих крупных промышленных городах Севера прошли митинги и демонстрации за единство Союза, в поддержку Линкольна. На многолюдном митинге рабочих Цинциннати все выступавшие требовали принятия решительных мер против сецессионистов. В резолюции говорилось, что «единственный путь к безопасности и миру заключается в поддержке конституции», что правительство имеет право и обязано добиваться «осуществления законов в любой части Союза». Рабочие осудили тех деятелей, которые, насилуя юриспруденцию, стремились доказать, что применение силы против сецессионистов явилось бы нарушением конституции. Участники митинга заявляли, что в борьбе за соблюдение законов страны, за единство Союза правомерно использовать «такие средства, которые могут быть необходимы»¹.

Митинги рабочих были организованы на многих фабриках и заводах Филадельфии. 24 января 1861 г. состоялась демонстрация и объединенный митинг рабочих в защиту Союза. На митингах, проходивших в Филадельфии, нередко раздавались голоса в защиту «компромисса Криттендена». Суть этого предложения, внесенного в конгресс сенатором от штата Кентукки Криттенденом, сводилась к тому, чтобы признать рабство законным к югу от параллели 36°30' и запретить его существование к северу от этой линии. Криттенден предлагал внести поправку к конституции, лишавшую конгресс права отменять рабство в рабовладельческих штатах. «Компромисс Криттендена» предусматривал строжайшее соблюдение закона о беглых рабах и запрещение конгрессу отменять рабство в федеральном округе Колумбия до тех пор, пока рабство существует в штатах Мэриленд и Виргиния². Предложение Криттендена рассматривалось в сенате и было отклонено большинством всего в один голос.

Криттенден отражал интересы тех рабовладельческих кругов, которые стремились пойти на соглашение с победившим на выборах Севером и спасти то, что еще можно было спасти. Предложение Криттендена представляло собой реакционную попытку

¹ «New York Daily Tribune», 7. I. 1861.

² H. Commager (ed.). Documents..., Vol. I, p. 369 — 371.

вернуться к старой политике компромиссов, когда Север сдавал позицию за позицией рабовладельцам.

И если часть рабочих выступала в поддержку этого предложения, то это объяснялось влиянием прорабовладельческих кругов Севера и стремлением любыми средствами избежать гражданской войны со всеми ее жертвами и лишениями.

30 января делегация из 33 человек, представлявшая 50 тыс. рабочих Филадельфии, посетила сенаторов Криттендена и Кameron. Делегаты заявили о решимости рабочих Филадельфии добиваться сохранения единства Союза¹.

Прорабовладельческие круги Севера, запугивая рабочих, заявляли, что, если не будет компромисса с рабовладельцами, то все рабовладельческие штаты выйдут из Союза, промышленность будет парализована и сотни тысяч рабочих останутся без средств к существованию. Свои выводы они подтверждали ссылками на безработицу и кризис, начавшиеся на Севере после сессии Южной Каролины. Все это не могло не оказать определенного влияния на рабочих, в первую очередь на тех, которые не были объединены в профсоюзах и больше всего пострадали от начавшегося кризиса².

Но характерно, что и в Филадельфии, где сторонники Криттендена были особенно сильны³, на объединенном митинге рабочих многие выступавшие решительно осуждали «компромисс Криттендена»⁴.

На Севере проводились митинги безработных, которые также выступали за единство Союза. 9 января в Нью-Арке, штат Нью-Джерси, участники митинга выступили с резким осуждением сессии и потребовали от правительства оказать всемерную помощь майору Андерсону, защищавшему форт Самтер в бухте Чарлстона от осаждавших его мятежников⁵.

Все крупнейшие объединения рабочих заявляли о своей решимости оказать всемерную помощь правительству в борьбе против рабовладельцев. Резолюция соответствующего содержания была принята в Нью-Йорке на массовом митинге «Объединенной рабочей ассоциации»⁶.

Рабочие Бостона, входившие в эту же организацию, самым решительным образом настаивали на пресечении деятельности сецессионистов⁷.

¹ «New York Daily Tribune», 31. I. 1861.

² Ph. Foner. *Business and Slavery...*, p. 273 — 274.

³ B. Mandell. *Op. cit.*, p. 177 — 178.

⁴ Фонер Ф.. Указ. соч., с. 342.

⁵ «New York Daily Tribune», 10. I. 1861; B. Mandell. *Op. cit.*, p. 176.

⁶ «New York Daily Tribune», 6. II 1861.

⁷ Ibid., 21. II. 1861.

Рабочие понимали, что с рабовладельцами не может быть никаких компромиссов. Типографские рабочие Питсберга на своей конференции единодушно приняли решение о том, что с предателями нельзя заключать компромиссы, что правительство не должно идти ни на какие уступки рабовладельцам¹.

Такое же решение приняли рабочие Истона, штат Пенсильвания. «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщила, что перед началом митинга председательствующий объявил, что «никому, за исключением рабочих, не будет дано право участвовать» в этом собрании. Принятое решение не было безосновательным, так как предприниматели и их агенты часто принимали участие в таких митингах с целью добиться принятия резолюций в пользу компромисса с рабовладельцами. Такие случаи имели место, в частности, на митингах рабочих в Бостоне². Освободившись от присутствия посторонних элементов, рабочие Истона приняли резолюции, в которых высказались против сецессии и любого компромисса с рабовладельцами. Митинг закончился поздно ночью громогласными и неоднократно повторявшимися здравицами в честь единства Союза³.

Митинги рабочих в защиту Союза проводились, несмотря на террор рабовладельцев, и в южных штатах. Резолюции с осуждением сецессии были приняты на рабочих митингах в Теннесси, Виргинии, Кентукки, Мэриленде⁴.

27 декабря 1860 г. в Луизвиле, на митинге, организованном Союзом сталеваров, был создан «Комитет 34», обратившийся к рабочим всей страны с призывом сплотить свои силы в борьбе за единство Союза. Уже само название комитета («34» — по числу штатов, входивших в Союз) свидетельствовало о целях, которые он преследовал. В обращении ко всем рабочим участники митинга призывали созвать в феврале 1861 г. в Филадельфии национальный конгресс рабочих. В ответ на это обращение состоялись митинги рабочих как в северных, так и в южных штатах⁵.

Сецессионисты имели немало сторонников на Севере.

Президент Бьюкенен, сохранявший свои полномочия до 4 марта 1861 г., связанный присягой, был обязан хранить единство Союза и вынужден был публично заявить, что южные штаты не имеют права выйти из США. Однако он фактически санкцио-

¹ «New York Daily Tribune», 12. I. 1861.

² B. Mandell. Op. cit., p. 177.

³ «New York Daily Tribune», 19. II. 1861.

⁴ B. Mandell. Op. cit., p. 175.

⁵ Ibid., p. 175 — 177.

нировал раскол страны, заявив, что президент согласно конституции не может использовать силу для предотвращения сецессии¹.

За четыре месяца, прошедшие со времени выборов до вступления Линкольна в должность президента, Бьюкенен и его министры сделали все, чтобы форсировать сецессию. Министр внутренних дел Томпсон с санкции президента совершил поездку на Юг, чтобы уговорить рабовладельческие штаты присоединиться к Южной Каролине. Военный министр Флойд направил только в Чарлстонский арсенал без какой-либо охраны 75 тыс. ружей, которые незамедлительно были захвачены сецессионистами. Всего южные штаты получили от военного департамента 500 тыс. ружей.

Несмотря на требование главнокомандующего вооруженными силами страны генерала Скотта, Флойд отказался послать 500 человек в форты Чарлстона для укрепления малочисленного гарнизона майора Андерсона, осажденного рабовладельцами. Бьюкенен санкционировал перевод всех регулярных воинских частей с Юга на Дальний Запад. Армия, насчитывавшая всего около 20 тыс. человек, была разделена на мелкие гарнизоны, несущие патрульную службу на индейской границе, и фактически перестала существовать. Это было предательское разоружение армии перед лицом надвигавшейся гражданской войны. На Юг спешно перебрасывались офицерские кадры, поддерживавшие сецессию, а таких офицеров и генералов было большинство, так как офицерский корпус армии составляли в основном южане. Соответствующие мероприятия были проведены и в военно-морском флоте, который также был серьезно ослаблен.

В осуществлении всех этих мероприятий активно участвовал министр финансов Кобб, рабовладелец из Джорджии, который перевел крупные суммы в южные банки и буквально опустошил казну к моменту прихода к власти Линкольна.

Деятельность Бьюкенена в период сецессии представляла собой редкий образец лицемерия. В многочисленных публичных заявлениях Бьюкенен признавал, что сецессия является грубейшим нарушением законов страны². Однако практические дела президента и его министров были направлены на оказание всемерной поддержки сецессионистам.

В то время как стараниями агентов рабовладельцев Север разоружался, «Юг втайне уже в течение ряда лет, — писал Энгельс, — готовился к войне, в особенности же со времени возбуждения, возникшего в связи с президентскими выборами...»³.

¹ C. Fish. The American Civil War. London, 1937, p. 67.

² Ph. Klein. President James Buchanan, p. 353 — 361.

³ Энгельс. Ф. Избранные военные произведения. М., 1958, с. 684.

Поощряемые поддержкой Бьюкенена, рабовладельцы приступили к открытому захвату фортов, арсеналов и федерального имущества на Юге. 26 декабря 1860 г. (7 января 1861 г.) Стеклъ докладывал Горчакову: «Мы только что получили сведения, что эти штаты (Юга. — *Р. И.*) захватили с помощью своей милиции федеральные форты и арсеналы, находящиеся на их побережье. Южная Каролина по крайней мере соблюдала в своих действиях некоторые формальности: она сначала отделилась от Союза и лишь после этого захватила два покинутых форта и арсенал в Чарлстоне. Другие же штаты захватили государственную собственность, еще не отделившись от Конфедерации (США. — *Р. И.*), в то время как их сенаторы и представители еще заседали в конгрессе»¹.

Пресса Севера писала о том, что Бьюкенен является орудием в руках рабовладельцев, раскалывающих единство страны. Вашингтонский корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщал: «В Вашингтоне полностью убеждены, что м-р Бьюкенен если не открыто, то тайно с сецессионистами»².

«С.-Петербургские ведомости», оценивая политику Бьюкенена, писали: «...Президент, прикрываясь личиной строгого исполнителя, добросовестного блюстителя порядка, в то же время старался всеми силами доставить торжество своим демократическим, т.е. благоприятным невольничеству, идеям... Южные сепаратисты, видя поддержку словом и делом в высших сферах администрации, более и более укреплялись в своих преступных замыслах»³.

Корреспондент «Северной пчелы» сообщал из Нью-Йорка: «Судя по всем письмам из Спрингфилда, г. Линкольн убежден, что г. Бьюкенен втайне покровительствует отделению Юга»⁴. Русская газета писала о предательстве Бьюкенена: «Президент Бьюкенен, военный министр Флloyd и еще два члена вашингтонского министерства давно исподволь покровительствовали сепаратистским планам и давно предвидели последствия избрания Линкольна»⁵.

Выход южных штатов из Союза немедленно сказался на деловой жизни Севера. 13 (25) ноября 1860 г. Стеклъ сообщал из Вашингтона: «В Нью-Йорке и других важнейших городах паника, торговые сделки почти прекращены, фонды понизились на 25 —

¹ АВПР, ф. Канцелярия 1860 г., д. 162. л. 17.

² «New York Daily Tribune», 2. XI. 1860 (см. также 5. XII. 1860, 10, 29. I 1861).

³ «С.-Петербургские ведомости», 17. I. 1861.

⁴ «Северная пчела», 14. I/1861.

⁵ Там же, 11. I 1861.

30 %. Если это положение вещей еще немного продолжится, финансовый кризис станет неизбежным.

Пресса республиканской партии, которая перед президентскими выборами была столь резка к рабовладельческим штатам, изменила тон и прилагает теперь усилия, чтобы вновь уверить (южные штаты. — *Р. И.*) и доказать, что приход к власти г. Линкольна нисколько не угрожает их институтам¹.

На следующий же день после избрания Линкольна биржа Нью-Йорка зафиксировала резкое падение фондов. Произошло банкротство банкирского дома Ли и К^о в Балтиморе, и поползли зловещие слухи о прекращении платежей другими банками. В Вашингтоне еще за несколько недель до выборов купцы прекратили все закупки товаров.

Банкиры Нью-Йорка, главного финансового центра страны, готовились списать со своих счетов 300 млн. долл., которые Юг был должен Северу, — такое сильное кровопускание грозило обескровить торговлю и промышленность, вызвать тяжелый финансовый кризис, массовую безработицу. Все эти трудности были широко использованы агентурой рабовладельцев на Севере для давления на общественное мнение с целью добиться уступок для сецессионистов. Их усилия не были безрезультатны: на Севере все более настойчиво раздавались призывы к поиску компромисса с рабовладельцами. Особенно часто эти призывы повторялись в Нью-Йорке. Более того, прорабовладельческие круги Нью-Йорка вынашивали идею отделения города от Союза и превращения Нью-Йорка в свободный штат².

Перед лицом сецессии многие лидеры республиканской партии заняли оборонительную позицию, что могло только поощрять сецессионистов. Сьюард, выступая в январе 1861 г. в сенате, говорил, что он настаивает на строжайшем соблюдении закона о беглых рабах. Оратор призывал во всеуслышание «объявить, что в конституцию никогда не будет внесено изменение, которое предоставило бы конгрессу право отменять рабство в каком-либо штате или вмешиваться в дела штатов по этому поводу»³.

Такие выступления в то время, когда на Юге полным ходом шла сецессия, могли быть восприняты рабовладельцами только как доказательство готовности Севера пойти на любые уступки, на любой компромисс.

Речь Сьюарда отражала позицию консервативных кругов республиканской партии, удовлетворенных победой на выборах и готовых блокироваться с рабовладельцами, чтобы не допустить

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 195, л. 174.

² «New York Daily Tribune», 19. XI. 1860.

³ «Congressional Globe», 36-th Congress, 2-nd Session, p. 344.

освобождения рабов и социальных потрясений, которые могли вызвать уничтожение рабства. Комментируя это выступление, газеты писали, что Сьюард «активно вошел в контакт с наиболее консервативными республиканцами»¹.

Некоторые деятели аболиционистского движения рассматривали сецессию как благо, как фактор, разрешающий проблему рабства. Спустя несколько дней после сецессии Южной Каролины Гаррисон заявлял: «Последний договор со смертью аннулирован, и соглашение с дьяволом расторгнуто действиями самой Южной Каролины»². Гаррисон публично говорил, что «все усилия спасти Союз просто безумны», а в личном письме он заявлял: «Я питаю горячую надежду, что этот прорабовладельческий Союз разрушен и сторонники компромисса на Севере не имеют возможности восстановить его»³.

На такой же позиции стоял и Уэнделл Филлипс, который объявил себя сторонником раскола Союза, приветствовал сецессию Южной Каролины и выражал надежду, что ее примеру последуют остальные рабовладельческие штаты⁴. Филлипс резко критиковал Сьюарда и Чарлза Френсиса Адамса за их попытки урегулировать спорные вопросы с Югом, считая, что это может помешать отделению рабовладельческих штатов⁵.

Пресса Севера, причем не рабовладельческой ориентации, также нередко выступала за сецессию. Иногда такие мысли высказывала «Нью-Йорк дейли трибюн». В одной из передовых газет заявляла, что трудно жить в «республике, где одна часть пригнобляется к другой штыком... если рабовладельческие штаты убедятся, что для них лучше быть вне Союза, чем в нем, мы будем настаивать на том, чтобы разрешить им уйти с миром»⁶. «Дейли ньюс» считала, что «раскол Союза предпочтительнее войны»⁷.

Аболиционистские круги, выступавшие за признание сецессии, руководствовались ошибочным предположением, что раскол страны разрешит проблему рабства путем изоляции рабовладельческого Юга. Сецессию готова была признать та часть буржуазии, которая не рисковала своими прибылями в связи с расколом страны. Придя к власти в результате выборов 1860 г., эти буржуазные круги стремились застраховать себя от социальных потрясений, связанных с разрешением проблемы рабства, ради этого они готовы были пожертвовать единством страны.

¹ «New York Daily Tribune», 17. I. 1861.

² «Congressional Globe», 36-th Congress, 2-nd Session, p. 104.

³ D. Potter. Op. cit., p. 54.

⁴ «Congressional Globe», 36— Congress, 2-nd Session, Appendix, p. 104.

⁵ «Rebellion Record», Vol. I, Diary of Events, p. 15.

⁶ «New York Daily Tribune», 9. XI 1860; «Lincoln Papers», Vol. II, p. 349.

⁷ D. Potter. Op. cit., p. 53.

Немногочисленные выступления в пользу сецессии среди рабочих и фермеров явились результатом влияния реакционных кругов Севера, стоявших на рабовладельческих позициях. Важную роль играли также опасения, что мирное отделение рабовладельческих штатов будет меньшим злом, чем гражданская война, основное бремя которой неизбежно легло бы на плечи рабочих и фермеров.

Но вне зависимости от аргументов, которыми руководствовались на Севере сторонники сецессии, их позиция была в корне неверной, так как раскол страны не отвечал интересам ни буржуазии, ни рабочих, ни фермеров. Выступления ряда лидеров аболиционистов в поддержку сецессии на практике означали отказ от основных задач аболиционистского движения — уничтожения рабства в США. Это было бегство от трудностей, связанных с разрешением проблемы рабства, предательство негров-рабов, которых оставляли на милость их хозяев. Рабство являлось национальной проблемой Соединенных Штатов, и разрешить ее можно было только совместными усилиями всех прогрессивных сил страны.

Создание независимого государства рабовладельческих штатов означало увековечение рабства, так как на Юге, где безраздельно господствовали рабовладельцы, негры не имели сильных союзников, на помощь которых можно было рассчитывать в борьбе за освобождение.

Глубоко ошибочны были и расчеты на то, что непротиводействие сецессии даст возможность избежать гражданской войны. Опыт истории неопровержимо свидетельствовал о том, что уступки рабовладельцам только поощряли их на новые агрессивные акты. Отделение от Соединенных Штатов было для рабовладельцев программой-минимум, они неизбежно должны были попытаться силой вернуть власть в Союзе. Кроме того, рабство не могло существовать без непрерывного распространения на новые территории, и созданное на южных границах страны независимое рабовладельческое государство служило бы источником постоянных осложнений, пограничных конфликтов и, возможно, войн.

В вопросе о сецессии позиция Линкольна была непреклонна: сецессия — нарушение законов страны, единство Союза должно быть восстановлено. «Мое мнение таково, — заявлял Линкольн, — что ни один штат не может на основании законов выйти из Союза без согласия других и что долг президента и других правительственных должностных лиц заключается в том, чтобы управлять той машиной, какая имеется»¹.

В личной переписке Линкольн без обиняков заявлял, что сецессия должна быть подавлена, а захваченные рабовладельцами

¹ «Collected Works», Vol. IV, p. 154.

форты возвращены силой оружия. 21 декабря 1860 г. он писал П. Уошбэрну: «Пожалуйста, засвидетельствуйте генералу (Скотт. — *Р. И.*) мое уважение и скажите ему конфиденциально, что я буду признателен ему за максимальную готовность *удержать* или вернуть форты, как этого могут потребовать обстоятельства во время или после вступления в должность президента»¹.

29 декабря 1860 г. Линкольн вновь заявляет в письме Джеймсу Вебу о необходимости удержать или возвратить форты, захваченные мятежниками, о своем твердом намерении добиться сбора шлогов на Юге, функционирования там федеральных судов и почтовых отделений².

Около 15 тыс. человек присутствовало на митинге 16 февраля 1861 г. в Данкерке, штат Нью-Йорк. Выступая на этом митинге, Линкольн заявил, что он является решительным сторонником единства Союза, и призвал народ поддержать его в этом вопросе³.

Для Линкольна было ясно, что политика уступок рабовладельцам не может привести к их умиротворению, и он неоднократно подчеркивал это в своих выступлениях. Еще 27 февраля 1860 г. в институте Купера (Нью-Йорк) Линкольн говорил: «Удовлетворятся ли они (рабовладельцы. — *Р. И.*), если им будут безоговорочно предоставлены территории? Мы знаем, что нет... Удовлетворятся ли они, если в будущем мы ничего не предпримем в связи с их вторжением (на территорию Севера. — *Р. И.*) и мятежом? Мы знаем, что нет... Вновь возникает вопрос — что же удовлетворит их? Следующее: мы должны не только оставить их в покое, но и каким-то образом убедить, что мы действительно оставим их в покое. Это, мы знаем по опыту, нелегкая задача. С самого начала возникновения (Соединенных Штатов. — *Р. И.*) мы пытаемся убедить их в этом, но безуспешно...»⁴

Большинство дальновидных деятелей Севера полностью разделяли точку зрения Линкольна о необходимости сохранения единства Союза. Характерно, что даже Стефан Дуглас, несмотря на свои прорабовладельческие взгляды, выступал против сецессии. «М-р Линкольн, — заявлял Дуглас, — был избран в соответствии с конституцией, и он должен в соответствии с конституцией вступить в исполнение обязанностей президента»⁵.

С решительным осуждением сецессии выступали радикальные круги аболиционистов, возглавляемые Фредериком Дугласом. Дуглас, критикуя непоследовательную позицию Линкольна

¹ «Collected Works», Vol. IV, p. 154, p. 159.

² Ibid., p. 164, 165.

³ Ibid., p. 220.

⁴ Ibid., Vol. III, p. 547.

⁵ «New York Daily Tribune», 3. XII. 1860.

в вопросе о рабстве, приветствовал его стремление не допускать раскола страны, призывал бороться за сохранение единства Союза. 3 декабря 1860 г. Дуглас выступил в Бостоне на митинге, посвященном годовщине со дня казни Джона Брауна. Расисты попытались учинить расправу над негритянским лидером, и только решительность аболиционистов спасла его от линчевания. Митинг пришлось перенести в одну из близлежащих церквей. Когда участники митинга вышли на улицу, они подверглись нападению озверевшей толпы расистов. Негров топтали ногами, избивали чем попало, многие из них получили серьезные ранения. Фредерик Дуглас вспоминал позднее: «Толпа выла от ярости. Бостон требовал жертвы, чтобы успокоить ярость Юга, уже склонившегося к разрушению Союза»¹.

Непримиримым противником сецессии был лидер радикальных республиканцев в палате представителей Тадеуш Стивенс. 29 января 1861 г. он произнес речь, которую «Нью-Йорк дейли трибюн» характеризовала как самое яркое выступление сессии конгресса. Стивенс заявил, что с рабовладельцами не может быть никакого компромисса, так как выход южных штатов из Союза, захват фортов и арсеналов, открытые военные действия против федеральных вооруженных сил являются государственной изменой, оскорблением национального флага. Стивенс требовал использовать федеральную армию и всю силу конституции, чтобы заставить рабовладельцев подчиняться законам. «Избрание Линкольна послужило причиной мятежа, и ничего более. Юг не пожелал отказаться от власти, которую он так долго удерживал». Стивенс говорил, что он «предпочел бы увидеть правительство разбитым на тысячи атомов, нежели пойти на уступки рабовладельцам»².

От имени иммигрантов-немцев против компромисса с рабовладельцами, с резким осуждением сецессии выступал Карл Шуриц³. Противником сецессии была «Нью-Йорк дейли трибюн».

7 января Грили опубликовал открытое письмо сенатору Криттендену, в котором писал, что в связи с агрессией рабовладельцев «народ свободных штатов отвергает любой компромисс»⁴.

На проходившей в это время сессии конгресса вопросы, связанные с сецессией, занимали главное место. В выступлениях многих сенаторов и конгрессменов сецессия рассматривалась как мятеж и высказывалась уверенность, что подавляющее большин-

¹ Ph. Foner (ed.). The Life and Writings..., Vol. II, p. 100.

² «Congressional Globe», 36-th Congress, 2-nd Session, p. 662.

³ «New York Daily Tribune», 26. II. 1861.

⁴ Ibid., 7. I 1861.

ство народа Севера и Юга выступает против нее. Сенатор Престон Кинг говорил: «...Союз будет сохранен. Я уверен, что сецессия — это восстание и мятеж. Я уверен, что правительство нельзя уничтожить, так как лучшая часть народа поддерживает его, и народ сохранит правительство»¹.

И действительно, во всех штатах Севера проходили грандиозные митинги, собрания, демонстрации, на которых принимались резолюции в поддержку Союза, против сецессии. Это была убедительная демонстрация готовности народных масс взяться за оружие, чтобы сохранить единство страны и заставить федеральное правительство пойти на крайние меры для восстановления единства Союза.

Республиканские «комитеты бдительных» и аболиционисты создавали вооруженные отряды и проходили военную подготовку. Эти меры были необходимы, так как сторонники рабства на Севере неоднократно предпринимали попытки физического уничтожения лидеров аболиционистов, в частности Уэнделла Филлипса, которому нередко приходилось возвращаться с митингов под вооруженной охраной².

Прорабовладельческие элементы на Севере устраивали погромы на митингах, проводившихся аболиционистами. Один из таких митингов был сорван 11 января 1861 г. в Рочестере, где сторонники сецессионистов обрушились на аболиционистов, провозглашавших лозунги в честь генерала Скотта и майора Андерсона. Они не позволили пронести по улицам города транспарант, на котором было написано: «Никакого компромисса с рабством». Только решительное вмешательство властей предотвратило перерастание этого столкновения во всеобщее побоище³.

Бурлил весь Северо-Запад, готовясь к вооруженной борьбе с рабовладельцами. В письме из штата Айова сообщалось: «Айова инвюлет: сражаться!.. Народ высказывался более откровенно, чем пресса. Даже демократы говорят: лучше сражаться, чем распространение рабства на всю нацию. Перспектива сейчас такова, что Линкольн в Айове будет поддержан коалицией всех партий». В заключение автор письма сообщал, что в штате идет «обучение пленных отрядов»⁴.

«Нью-Йорк дейли трибюн», оценивая позицию Северо-Запада в отношении сецессионистского кризиса, писала: «Великие

¹ «New York Daily Tribune», 13. XII. 1860.

² «Rebellion Record», Vol. I, Diary of Events, p. 15.

³ «New York Daily Tribune», 13. I. 1861.

⁴ Ibid., 16. I. 1861.

штаты Северо-Запада заставили услышать свой голос в защиту Союза, конституции и соблюдения законов»¹.

Чем больший размах принимала сецессия, тем меньше на Севере выступали в поддержку компромисса Криттендена. Собранный 21 января 1861 г. митинг в защиту компромисса Криттендена в Трентоне, штат Нью-Джерси, потерпел полный провал. Попытки организаторов митинга проташить резолюцию в поддержку предложения Криттендена закончились тем, что подавляющее большинство участников митинга покинуло зал. На улице новый митинг под громовые аплодисменты принял резолюцию за единство Союза².

Только в течение месяца, с 4 января по 5 февраля 1861 г., митинги с требованием восстановления единства Союза, оказания помощи майору Андерсону и использования вооруженной силы для подавления мятежа состоялись в Филадельфии, Балтиморе, Портленде, Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне и во многих других городах³.

В конгресс вносились петиции с требованием принять решительные меры, чтобы приостановить сецессию, не допустить никакого компромисса с рабовладельцами и восстановить единство страны. Причем характерно, что в этих многочисленных петициях поднимался вопрос не только о сецессии и единстве страны, но и о рабстве как первопричине кризиса, переживаемого страной. В петиции граждан Нью-Йорка, представленной в сенат 28 января 1861 г. Сьюардом, говорилось о необходимости принять закон, запрещающий введение рабства на территориях⁴. Аналогичная петиция от имени граждан Массачусетса была представлена 18 февраля 1861 г. Самнером⁵. 25 февраля Самнер представил в сенат новую петицию от граждан Массачусетса, которая уже ставила вопрос об уничтожении рабства на всей территории страны, об издании закона, согласно которому «ни одно лицо не может быть удерживаемо в услужении законами какого-либо штата, а лица, которые находятся в настоящее время в услужении, должны быть объявлены свободными». Представляя петицию, Самнер заявил, что он не признает права вмешиваться в вопрос о рабстве в тех штатах, где оно существует⁶.

Оговорка Самнера чрезвычайно показательна: даже лидеры радикальных республиканцев в период сецессии не шли дальше

¹ «New York Daily Tribune», 15. I. 1861.

² Ibid., 22. I. 1861.

³ См. «New York Daily Tribune» за 1861 г.: 5, 7, 10, 11, 28, 31. I; 5, 6. II.

⁴ «Congressional Globe», 36-th Congress, 2-nd Session, p. 586.

⁵ Ibid., p. 985.

⁶ Ibid., p. 1158.

запрещения распространения рабства на новые территории. Широкие народные массы были в своих требованиях значительно левее радикалов.

Негритянские массы на Юге также занимали несравненно более революционные позиции, чем лидеры аболиционистов и радикалов. В сессии рабовладельческих штатов негры видели меру, направленную на укрепление и увековечение рабства, рушились их надежды на освобождение, связанные с избранием Линкольна президентом, и они ответили на сессию прямыми действиями против рабовладельцев — восстаниями, заговорами, поджогами имущества плантаторов, саботажем, бегством на Север.

«Монтгомери эдвертайзер» писала о тревожном положении в Алабаме: «Мы обнаружили, что в наших окрестностях негры имеют тщательно разработанный план (восстания. — *Р. И.*). И, как нам удалось узнать у негров, такое же положение существует повсеместно во всей стране (на Юге. — *Р. И.*)». Газета сообщала, что на рождество готовится всеобщее восстание рабов. Плантаторы путем жесточайших истязаний арестованных негров выяснили, что рабы намечали полный раздел всего имущества рабовладельцев — земли, рабочего скота, предметов домашнего обихода. Негры готовились перебить всех рабовладельцев и занять территорию штата. «Они ожидают помощи от Линкольна и народа Сент-Пьера»¹, — говорилось в заключение корреспонденции.

Из Колумбии, Южная Каролина, сообщалось о заговоре негров как «предвиденном результате сессии и гражданской войны». Участники заговора были арестованы. В корреспонденции говорилось, что один из руководителей заговора — белый камелотес — будет повешен, как только от него удастся получить все необходимые сведения. «Это событие, — сообщалось из Колумбии, — вызвало величайшее беспокойство жителей, особенно среди женщин на плантациях»².

3 марта из Норфолка, штат Виргиния, сообщалось о заговоре негров, в котором участвовало четверо белых. «Были приняты меры предосторожности. Отряд волонтеров получил приказ к выступлению. В настоящее время серьезных опасений нет»³.

Многочисленные сообщения об активизации негритянского освободительного движения поступали из других штатов Юга⁴.

¹ «New York Daily Tribune», 26. XII. 1860.

² Ibid., 1. II. 1861.

³ Ibid., 4. III. 1861.

⁴ H. Aptheker. The American Negro Slave Revolts, p. 359 — 364; «New York Daily Tribune», 1, 7, 20. II. 1861.

В период сессии резко усилилось бегство рабов на Север. Но пробраться в свободные штаты не значило еще обрести свободу, власти северных штатов продолжали неукоснительно выполнять законы о беглых рабах, причем и после того, как Линкольн приступил к исполнению обязанностей президента. В апреле 1861 г., например, в Спрингфилде, который незадолго до того покинул Линкольн, были опознаны и отправлены к владельцам беглые рабы¹.

Аресты беглых рабов были произведены в Чикаго, что вызвало большое волнение среди негритянского населения. Не чувствуя себя в безопасности, рабы массами стали уезжать в Канаду. За короткий срок только из Чикаго в Канаду уехало около тысячи беглых рабов².

Характерно, что почти во всех сообщениях о выступлениях рабов на Юге в период сессии говорилось об активном участии в этих выступлениях белых. Это был чрезвычайно показательный факт, свидетельствовавший о том, что в мятежных штатах начинала складываться коалиция негров и белых — противников рабства.

Активизация негритянского освободительного движения на Юге и решительные выступления широких слоев населения Севера против сессии, а зачастую и против рабства, свидетельствовали о том, что в канун прихода к власти Линкольна народные массы Севера и Юга занимали несравненно более радикальную позицию, чем лидеры буржуазии, даже в лице ее наиболее революционных кругов — радикальных республиканцев.

2. Вступление Линкольна в должность президента.

Начало гражданской войны

Случилось то, что Линкольн предвидел еще в период своих дебатов со Стефаном Дугласом, — дом оказался «разделенным надвое», избрание президентом республиканца привело к национальному расколу. Ни разу, еще со времен войны за независимость, страна не переживала такого тяжелого кризиса, угрожавшего самому ее существованию как единого национального целого. Линкольн никогда не склонен был преувеличивать свою роль в судьбах страны, и если в разгар сессионистского кризиса он сказал, что перед ним была «поставлена задача более важная, чем та, которая

¹ «New York Daily Tribune», 6. IV. 1861.

² Ibid., 9. IV. 1861.

выпала на долю Вашингтона»¹, то это была только констатация действительного положения вещей.

Линкольн был первым президентом в истории страны, который прошел большой трудовой путь от простого фермера до главы государства. Такой головокружительной карьеры не сделал еще ни один государственный и политический деятель страны. И тем не менее Линкольн остался тем же простым, скромным, душевным человеком, каким его знали друзья и близкие.

Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн», посетивший Спрингфилд спустя день после выборов, писал: «После того как появились уверенность в избрании Линкольна президентом, его обычные привычки не изменились ни в малейшей степени... Он точно такой же человек, каким был раньше — открытый и великодушный в своих личных отношениях со всеми, кто обращался к нему, хотя и достаточно сдержан, когда дело касается его политических намерений. Со своими соседями он в тех же сердечных отношениях, как и прежде».

Корреспондент сообщал, что после выборов двери дома Линкольников не закрывались от посетителей, к Линкольну приходили и приезжали самые различные люди — от друзей и соседей до известных всей стране деятелей. «Он сидел или стоял среди своих гостей, изрекая крепкие западные приветствия, спрашивая и отвечая на вопросы, шутил и старался поступать так, чтобы все чувствовали себя непринужденно». В глаза корреспонденту бросились скромная и простая меблировка его квартиры и если в комнатах было чего-либо много, так это книг и газет: один из столов изнашен юридической литературой, на другом лежат газеты в количестве, достаточном для того, чтобы снабжать журналиста новостями в течение года»².

О скромности Линкольна, о его доступности, готовности принять любого посетителя сообщали все журналисты, побывавшие в Спрингфилде. Один из них писал: «Сегодня здесь много политических деятелей из разных концов Союза. В течение дня м-р Линкольн продолжал принимать в своих комнатах всех, кто просил его об этом»³.

Линкольн охотно принимал и беседовал с посетителями. Но была одна категория лиц, от которых он нигде не мог найти убежища, — это охотники за прибыльными должностями, отрицавшие существование вновь избранному президенту. Многие сотни, если не тысячи, прожженных политиканов домогались встречи с Линкольном, подстерегали его на каждом шагу⁴. Они

¹ «Collected Works», Vol. IV, p. 191.

² «New York Daily Tribune», 14. XI. 1860.

³ Ibid., 15. XI. 1860.

⁴ W. Hesselstine. Abraham Lincoln and the politicians. — «Civil War History», March, 1960, Vol. VI, № 1, p. 45.

заявляли, что «выдвинули его кандидатом, выбрали президентом и интересовались должностями почтовых чиновников, сборщиков налогов, местами секретарей. Они его изводили. Они жаждали народных денег, легкой работы, теплых местечек. Это были герои, предпочитавшие не работать, а полеживать в тамаках. Они измучили Линкольна больше, нежели признаки надвигающейся войны.

Они изучали его привычки, устраивали засады, втискивались в дом и требовали, чтобы он их не забыл»¹.

Корреспонденты отмечали, что каждый день почта приносила огромное количество писем с соответствующими просьбами, «все они откладывались в сторону без ответа»².

В Спрингфилде была только небольшая репетиция, когда же Линкольн приехал в Вашингтон, на него обрушилась целая лавина протестов должностей. Торжество было явно испорчено.

19 февраля (3 марта) 1861 г. Стеклъ писал Горчакову из Вашингтона: «Днем и ночью г. Линкольна штурмуют толпы политиканов третьего и четвертого ранга, приехавшие сюда, чтобы поддержать притязания различных группировок; толпы журналистов, которые играют немаловажную роль в политике страны и считают, что они вправе диктовать президенту законы. И, наконец, тысячи субъектов, которые приезжают сюда отовсюду, чтобы президент мог должным образом оценить их помощь, оказанную на последних выборах, и потребовать для себя полагающегося им местечка. Такие сцены имеют здесь место во время каждой смены президента, но никогда интриги и гадости такого рода не достигали подобного уровня»³.

В меру своих сил и возможностей Линкольн старался отражать атаки любителей легкой наживы, с отчаянной решимостью штурмовавших федеральную казну. В одном из интервью он заявил: «Я не обещал ничего, ни высоких, ни маленьких (должностей. — *Р. И.*) и не буду обещать. Вскоре, когда я призову кого-либо в качестве советника, мы проэкзаменуем претендующих на наиболее ответственные посты, и решим, что делать». Что же касается претендентов на мелкие должности и тех, кто составлял им протекции, Линкольн предложил довольно оригинальное решение: рекомендующих поставить во главе соответствующего учреждения, дать им в подчинение рекомендуемых ими лиц и самым строгим образом спрашивать с них за хорошую работу тех, кому они протезировали»⁴.

Масса забот обрушилась на вновь избранного президента. Линкольн принимал сенаторов и конгресссменов, лидеров и рядовых

¹ Сэндберг К. Указ соч., с. 163.

² «New York Daily Tribune», 15. XI. 1860.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 72.

⁴ «New York Daily Tribune», 20. XI. 1860.

деятелей республиканской партии, журналистов, вел переговоры о формировании правительства, обсуждал с друзьями и ведущими деятелями республиканской партии события, связанные с надвигающейся гражданской войной, изнемогал в неравной борьбе с политиками и проходимцами, рвавшимися к доходным местам. И все же в водовороте бурных месяцев, предшествовавших его вступлению в должность президента, Линкольн не забыл о самом дорогом для него человеке.

Незадолго до отъезда в Вашингтон Линкольн встретился со своей мачехой Сарой Буш Линкольн. Путь был долгим и утомительным: опоздав на пассажирский поезд, Линкольн был вынужден ночью ехать на тормозной площадке товарного вагона до небольшой станции в штате Иллинойс. Оттуда до фермы, где жила Сара Буш, надо было проделать тяжелый путь по грязи, слякоти и снегу. Встреча состоялась. «Они держались за руки и говорили. Они смотрели и смотрели в глаза друг другу. Она была для него всем, чем может быть только родная мать. Он был ей сыном больше, чем собственные дети. Он поцеловал ее в последний раз на прощание и уехал. Она знала, что сердцем он часто будет возвращаться к ней, даже когда будет разъезжать в открытом экипаже по Нью-Йорку или Вашингтону под развевающимися флагами, среди солдат, тысячных толп, приветствующих его на улицах; все равно он будет думать о ней, живущей в старом бревенчатом домике в графстве Колс в Иллинойсе»¹.

Правительство Бьюкенена доживало последние дни, взоры нации все чаще обращались к Спрингфилду, который стал важным политическим центром. «Мекку Соединенных Штатов, — писала русская газета, — в настоящую минуту представляет более не столица Бьюкенена, а местожительство Линкольна»².

Партийные лидеры, конгрессмены, журналисты пытались выяснить точку зрения Линкольна по важнейшим политическим вопросам, получить представление о программе нового правительства. Успех им сопутствовал в одном — Линкольн ясно и категорично высказал свою точку зрения о сецессии и столь же категорически отказался отвечать на все остальные вопросы.

Стекль сообщил 26 декабря 1860 г. (7 января 1861 г.) Горчакову: «Избранный президент все время находится в Спрингфилде, штат Иллинойс. Он особенно следит за тем, чтобы не высказывать никакого мнения по поводу современных событий. На все вопросы, которые ему адресуются, он неизменно отвечает, что он пока еще простой гражданин и что только при своем торжествен-

¹ Сэндберг К. Указ. соч., с. 170.

² «Северная пчела», 5. I. 1861.

ном приходе к власти объявит программу своего правительства. Его положение далеко не завидно, а претензии, зависть и соперничество руководителей его партии отнюдь не делают его задачу более легкой»¹.

На вопросы корреспондентов Линкольн неизменно отвечал, что «в настоящее время он не имеет намерений каким-либо образом выступать с публичными декларациями»².

Отказ Линкольна выступать с заявлениями по поводу политики будущего правительства был вполне оправдан. В напряженной обстановке кануна гражданской войны любое неосторожное заявление могло привести к серьезному осложнению и без того напряженного положения. Кроме того, в этот период Линкольн вел активные переговоры с различными политическими группировками о формировании будущего правительства. В решении этого вопроса он был далеко не свободен, на будущего президента оказывалось большое давление со стороны фракций республиканской партии и капиталистических кругов Севера. Линкольн не знал, кто возьмет верх в этой борьбе за министерские портфели, не знал состава своего будущего правительства и не мог поэтому выступать с какими-либо программными заявлениями.

Схватка за министерские посты была отражением той борьбы, которая происходила внутри республиканской партии и между различными группировками буржуазии.

Первым этапом этой борьбы явился съезд республиканской партии, на котором была выдвинута кандидатура на пост президента. Победу тогда одержал центр республиканской партии — умеренные круги буржуазии. Эти круги фактически выступали за новый компромисс с рабовладельцами, суть которого сводилась к тому, чтобы не допустить расширения территории рабовладения, но и не вмешиваться в дела тех штатов, где существовало рабство. Правда, в этом компромиссе было нечто новое, принципиально отличное от того положения, которое существовало, например, в 40 — 50-х годах, — предусматривалось, что власть в федеральных органах управления будет в руках буржуазии, а не рабовладельцев.

Вторым этапом явились выборы 6 ноября 1860 г. Своеобразие этого этапа заключалось в том, что все три фракции республиканской партии — консерваторы, умеренные круги и радикалы — были заинтересованы в победе Линкольна как единственного кандидата партии в президенты. Во время выборов все республиканцы выступили единым фронтом в поддержку кандидатуры Линкольна.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 62, л. 19.

² «New York Daily Tribune», 14. XI. 1860.

И, наконец, третий важный этап борьбы внутри республиканской партии и буржуазии наступил после избрания Линкольна в президенты — это борьба за министерские портфели, что было равносильно определению политики будущего правительства. Ни консерваторы, ни радикалы не были удовлетворены избранием Линкольна. Для первых он был слишком радикален, для вторых — чрезмерно консервативен. И те и другие считали, что они потерпели поражение на выборах, и стремились взять реванш во время формирования правительства.

Борьба за власть между различными группировками буржуазии имела важное значение, так как, несмотря на большие полномочия президента, его политика во многом определялась составом правительства.

При избрании президента велика была роль широких масс избирателей — рабочих, фермеров, ремесленников, именно их голоса обеспечили победу Авраама Линкольна. Когда же началось формирование правительства, роль народных масс фактически свелась к нулю.

Об упорном характере борьбы за состав правительства свидетельствовал тот факт, что в канун прихода Линкольна к власти правительство все еще не было сформировано. 19 февраля (3 марта) 1861 г. Стеклъ сообщал Горчакову: «Новое правительство все еще не сформировано. Хотя на днях состоится торжественное вступление в должность нового президента, ни программа, ни отдельные члены кабинета не утверждены. Республиканцы расколоты на две части: на консерваторов, возглавляемых г. Сьюардом, и ультра (радикалов. — *Р. И.*), главой которых является сенатор Чейз. Линкольн испытывает влияние то одних, то других, не решив для себя, кому отдать предпочтение. Предполагают, что в конце концов он составит свой кабинет, назначив членами правительства и Сьюарда и Чейза. Эта комбинация, которая объединит в новое правительство столь разрозненные элементы, не сулит ничего хорошего»¹.

Консерваторы, используя всю мощь стоявшего за их спиной крупного капитала, рвались к власти. Они пытались убедить общественное мнение в том, что только включение в состав правительства умеренных деятелей, способных выработать компромисс с Югом, предотвратит национальную катастрофу. В качестве их креатуры выступал Сьюард, который даже в беседах с членами дипломатического корпуса не считал нужным скрывать планы консервативной буржуазии, лидером которой он выступал. 6 (18) февраля 1861 г. Стеклъ писал Горчакову: «Недавно, во время бе-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 70.

седы с г. Сьюардом, он сказал мне: «Первый долг г. Линкольна, когда он возьмет в свои руки бразды правления, — спасти свою страну, если он может, то с помощью своих друзей, если не сможет, то с помощью врагов. Если влиятельные деятели республиканской партии (радикалы. — *Р. И.*) будут сопротивляться, не желая пойти на уступки, г. Линкольн должен будет порвать с ними и обратиться к консерваторам, которые ему не изменят».

Я спросил Сьюарда, уверен ли он, что новый президент разделяет его образ мышления. Он мне ответил на это: «Я мало знаю г. Линкольна, если он человек искренний, талантливый, как я полагаю, он вскоре убедится, что это — единственное средство спастись от опасностей, которые грозят нам. Если, напротив, он захочет принять крайние меры, все будет потеряно. Я не поддерживаю подобной политики, и ответственность за то, что может случиться, падет на тех, чьим советам он следовал».

Не скрывая своих симпатий к Сьюарду и антипатии к радикалам, Стеклъ в этом же донесении признавал, что его кумир не располагает достаточной поддержкой в сенате. «Г-н. Сьюард, — продолжал русский посланник, — видит, что при настоящем положении вещей программа республиканской партии невыполнима, и с присущим ему благоразумием чувствует необходимость внесения в нее корректив. Однако, став на эту позицию, он нашёл себе непримиримых врагов. Из 26 республиканцев в сенате он едва может рассчитывать на поддержку трех или четырех, остальные же открыто выступают против него. Эти люди, которые не отличаются ничем привлекательным, кроме безграничного фанатизма, требуют блокады всех портов Юга и стремятся с помощью оружия уменьшить число отколовшихся штатов. Им известно, что г. Сьюард противник подобных крайних мер, вот почему они стремятся принизить его в глазах г. Линкольна и помешать ему занять место в новом правительстве»¹.

Позиция Линкольна в вопросе формирования правительства определялась тем, что он победил как кандидат блока, объединявшего самые противоречивые элементы, начиная от консервативной буржуазии и кончая рабочими и фермерами. Линкольн считал, что его правительство должно отражать национальное единство страны.

Для Линкольна вопрос стоял следующим образом: сформировать правительство, которое отражало бы интересы всех трех основных группировок буржуазии, включая радикалов² и плантаторов пограничных штатов, которые не присоединились к сецессионистам.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 59.

² «Lincoln Papers», Vol. II, p. 405.

В конечном счете этот план и был претворен в жизнь. С точки зрения удовлетворения интересов всех партий, фракций и группировок, голосовавших за Линкольна, это было правильное решение. Однако, с учетом перспективы надвигающейся гражданской войны, включение в правительство представителей лояльных рабовладельцев и преобладание в его составе консерваторов создавало большие и почти непреодолимые трудности для принятия решительных мер с целью подавления реакционного мятежа плантаторов.

Важное значение при формировании правительства имел вопрос о том, кому достанется пост государственного секретаря, который ведал не только иностранными делами, но фактически и выполнял обязанности руководителя правительства. Государственный секретарь назначался в первую очередь и играл значительную роль в распределении остальных мест в правительстве. И вполне естественно, что первый и главный бой произошел между консерваторами и радикалами из-за поста руководителя государственного аппарата. Консервативные круги прочили на этот пост Сьюарда.

Сьюард был известным и влиятельным политическим деятелем, дважды был губернатором Нью-Йорка и 12 лет заседал в сенате; в Соединенных Штатах было издано полное собрание его речей. Сьюард был прекрасным оратором, опытным демагогом, и главное, к этому времени он полностью распрощался со своей абсолюционистской фразеологией и не без оснований пользовался безграничным доверием влиятельной консервативной буржуазии.

Кандидатуру Сьюарда поддерживали представитель международного банкирского дома Ротшильдов в Соединенных Штатах Август Бельмонт, крупнейший издатель и финансист-миллионер Уильям Астор, глава богатейшего банкирского дома Соединенных Штатов Джей Гульд и многие другие представители крупного капитала.

Линкольн не внушал им доверия, они хотели видеть рядом с ним такого надежного человека, как Сьюард, что могло быть гарантией на случай нежелательной для них политики президента.

В дипломатических кругах была довольно широко распространена в то время версия, что Линкольн как кандидат республиканцев в президенты получил предпочтение потому, что правое руководство партии и консервативная буржуазия надеялись сделать его орудием своей политики. 29 октября (10 ноября) 1860 г. Стивенс докладывал Горчакову: «Республиканская партия была организована и руководима до сих пор г. Сьюардом, сенатором от штата Нью-Йорк и бесспорно наиболее влиятельным государственным деятелем Союза. Тем не менее он был отставлен в сторону съездом республиканцев, собравшимся, чтобы выдвинуть кан-

дидата партии (на пост президента. — *Р. И.*). Политические руководители, которые контролировали этот съезд, знали, что сенатор Сьюард, человек инициативный и опытный, порвавший с общественными делами, правил бы сам. Это не входило в их расчеты.

Они им пожертвовали ради неизвестного адвоката, отыскавшегося в маленьком городке Иллинойса, но не для того, чтобы подчиниться главе государства, а с тем, чтобы сделать из него инструмент своих честолюбивых устремлений и своих личных интересов¹.

За время, прошедшее после выдвижения кандидатуры Линкольна на пост президента, реакционная буржуазия Севера не получила никаких убедительных доказательств, что новый президент будет послушным орудием в их руках. Более того, массовые выступления народных масс Севера против сецессии серьезно настораживали консервативные круги Севера. Становилась реальной опасность, что новое правительство может оказаться под влиянием настроений общественности и будет проводить политику, не отвечающую интересам консервативной буржуазии. Стеклъ в том же письме к Горчакову задавал вопрос: «Сможет ли Линкольн... придя к власти, избежать политического влияния людей, которым он обязан своим избранием? Энергии и доброй воли, возможно, у него достаточно, но обстоятельства, при которых он придет к власти, навяжут ему необходимость придерживаться крайних доктрин его партии»².

Реакционная буржуазия больше, чем сецессии, боялась, что Линкольн попадет под влияние «крайних доктринеров» — радикальных республиканцев, и, желая застраховаться от этого, стремилась сделать все возможное, чтобы решающие позиции в правительстве Линкольна контролировались ее ставленниками.

Эту задачу удалось полностью выполнить. Государственным секретарем был назначен Сьюард, который в ответ на соответствующее предложение Линкольна для проформы заявил, что он должен серьезно подумать, но поторопился принять предложение. Пост морского министра занял демократ Гидеон Уэллс, портфель министра почт получил бывший демократ Монтгомери Блэйр. Единственное место, которое представитель радикальных республиканцев смог получить в правительстве, был пост министра финансов, и его занял Сэлмон Чейз. Это был известный оратор, писатель и государственный деятель. Особой популярностью Чейз пользовался в своем штате Огайо, от которого еще в 1849 г. он был избран в сенат Соединенных Штатов. Дважды, в 1856 и в 1858 гг., Чейз выполнял обязанности губернатора штата.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 168.

² Ibidem.

Распределение министерских портфелей было нелегкой задачей. Сторонники и противники кандидатов осаждали Линкольна, требуя принятия или отклонения той или иной кандидатуры. Линкольну приходилось читать горы рекомендательных писем, множество документов, характеризующих добродетели или пороки будущих министров. Иногда он вынужден был менять свое решение. Так получилось, например, с Симоном Камероном. Когда Линкольн предложил ему занять министерский пост, то на имя президента пришло огромное число заявлений, что Камерон нечист на руку, что довольно крупное состояние, которым он располагал, нажито нечестным путем¹. Линкольн после этого вновь письменно запросил Камерона, не откажется ли он публично от предложенного поста. В ответ на это Камерон не замедлил представить рекомендательные письма, которых было в три раза больше компрометирующих, полученных Линкольном. В конце концов кандидат пенсильванцев Симон Камерон стал военным министром.

Борьба, развернувшаяся вокруг формирования правительства, доставляла Линкольну массу хлопот и неприятностей. Журналист Дон Пайат, посетивший Линкольна в Спрингфилде, сообщал: «Линкольн сказал нам, что он чувствует себя как землемер в лесных дебрях Запада: нарезая участок, он вынужден быть начеку — не целится ли в него индеец с винтовкой в руке»².

В своих интервью Линкольн не скрывал оказываемого на него давления и трудностей, связанных с формированием правительства, но решительно заявлял, что его выбор предопределяет не что иное, а только величайшая преданность общественному блигу³. В этом же интервью речь шла и о самом важном вопросе, связанном с формированием правительства: «Необходимость, подчиняясь традиции, взять несколько членов правительства из рабовладельческих штатов, является, как считают его друзья, наиболее сложной частью задачи»⁴.

Дело в данном случае было, конечно, не только в традиции, но и в том, что Линкольн вынужден был считаться с лояльными рабовладельцами пограничных штатов; это проявилось во время формирования правительства, это наложило отпечаток на весь период его президентства.

Ажиотаж, разжигавшийся вокруг состава нового правительства, нашел отражение и в прессе. Газеты, в зависимости от политической окраски, предлагали самые различные варианты состава

¹ F. Brodie. Lincoln and Thaddeus Stevens. — In: A. Nevins and J. Stone (ed.). Lincoln a Contemporary Portrait. New York, 1962, p. 23 — 24.

² Сэндберг К. Указ. соч., с. 165.

³ New York Daily Tribune, 20. XI. 1860.

⁴ Ibidem.

будущего правительства. В своих беседах с журналистами и политическими деятелями Линкольн нередко обращал внимание на чрезмерную активность прессы в этом вопросе. Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» писал из Спрингфилда: «В отношении газет, которые с большей или меньшей изобретательностью занимаются формированием кабинета для м-ра Линкольна, он заметил, что «если бы на них лежала за это такая же ответственность, которая лежит на нем, они были бы менее поспешны со своим выбором»¹.

Правительство было полностью сформировано после официального вступления Линкольна в исполнение обязанностей президента. Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщал 5 марта 1861 г. из Вашингтона: «Страдания окончились, кабинет Линкольна сформирован»².

Состав правительства Линкольна не отражал реального соотношения сил на политической арене — уже в то время радикалы были «подлинно движущей силой» республиканской партии³. Однако они фактически были отстранены от участия в правительстве, находившемся под полным контролем консервативных республиканцев и блокировавшихся с ними демократов. Такой состав правительства предопределял неизбежность соглашательской компромиссной политики по отношению к мятежным рабовладельцам.

Неизбежно также было и резкое обострение борьбы за власть между радикальными и консервативными кругами республиканской партии.

В период формирования правительства будущего президента в первую очередь занимали проблемы внутренней политики. Однако, еще до официального вступления Линкольна в должность президента, важное значение приобрели и вопросы внешнеполитические. Сецессионисты настойчиво искали союзников в Европе. Одним из первых ведомств, сформированных мятежниками, был государственный департамент, чиновники которого сразу же начали зондировать почву за границей и в дипломатическом корпусе, аккредитованном в Вашингтоне. Главы посольств, в том числе и русского, были официально уведомлены мятежниками о создании нового государства на Юге Соединенных Штатов. Дипломаты рабовладельцев с напряженным вниманием ждали, какая будет реакция дипломатического корпуса на создание Конфедерации.

¹ «New York Daily Tribune», 15. XI. 1860.

² Ibid., 6. III. 1861.

³ T. Williams. Op. cit., p. 5.

В русском посольстве их ждали неутешительные новости: Россия строго проводила политику непризнания незаконнорожденного рабовладельческого государства. 9 (21) января 1861 г. Стекль писал Горчакову: «В ходе событий, которые происходят у нас на глазах, может наступить момент, когда возникнет вопрос о роли дипломатического корпуса. Предвидя это, я счел своим долгом высказать Вашему сиятельству несколько соображений относительно возможных событий.

Необходимо предусмотреть два обстоятельства, при которых наше посольство должно будет решать вопрос о своей позиции.

Прежде всего в случае, если г. Линкольн, избранный президентом, будет торжественно провозглашен (главой государства. — *Р. И.*) и выберет в качестве своей резиденции не Вашингтон, а другой город.

Затем в случае, если бы были сделаны предложения со стороны южной Конфедерации об установлении дипломатических отношений с Россией.

Несомненно, что мы должны рассматривать г-на Линкольна законно избранным президентом. Если он останется в Вашингтоне, там же останется и дипломатический корпус. Но возможно, что сецессионисты распространят свою территорию до Виргинии и Мэриленда. Вашингтон окажется тогда включенным в штаты, отделившиеся от Союза. Утверждают даже, что среди руководителей Юга существует план захвата этого города одним ударом, чтобы превратить его в столицу новой Конфедерации. Если это произойдет хотя бы временно, дипломатический корпус, как мне кажется, должен будет покинуть Вашингтон, чтобы приветствовать Линкольна в его новой резиденции. (На полях пометка Александра II: «Правильно»).

Сегодня было бы преждевременно обсуждать вопрос об окончательном месте пребывания дипломатического корпуса при новом порядке вещей. Положение для этого еще не достаточно определилось.

Во всяком случае полезно заранее подготовиться к ответу на предложение Конфедерации Юга, которая поспешит организовать и заставит признать себя и которая сделает нашему правительству соответствующее предложение или через миссию в Вашингтоне или прямо через комиссаров, посланных в Европу.

Мне кажется, что ответ, наиболее соответствующий нашим интересам и нашему достоинству, должен быть следующий: мы признаем южную Конфедерацию тотчас же, если после своего соглашения она урегулирует свои отношения с северной республикой, установив с ней дипломатические отношения постоянного характера. (На полях пометка Горчакова: «Это мне кажется очень мудрым». Замечание Александра II: «Да».)

Нам важно не проявлять излишней поспешности в отношении сепаратистов, поскольку сохранение единства Союза соответствует нашим политическим интересам»¹.

Американская общественность верила в благожелательную позицию России. «Нью-Йорк дейли трибюн» выражала твердую уверенность, что идея освобождения негров-рабов найдет в России самую горячую поддержку, так как «африканцев рассматривают там, как равных белым... самые аристократические и занимающие наиболее высокое положение русские интимно и дружески относятся к африканцам в С.-Петербурге... Американские предатели, которые рассчитывают получить признание и поддержку от России, несомненно недооценивают стоящие перед ними трудности»².

Приближался срок вступления Линкольна в должность президента. 11 февраля 1861 г. Линкольн выехал из Спрингфилда в Вашингтон. С грустью покидал Линкольн Спрингфилд, где прошли 25 лет его жизни, где он знал в лицо чуть ли не каждого жителя города, где он оставлял много искренних и преданных друзей.

Начался длительный путь в Вашингтон через территорию пяти штатов, через десятки и сотни больших и малых городов. Поездка Линкольна не была простым церемониальным маршем будущего главы государства в столицу. Она имела большое политическое значение, так как давала ему возможность узнать настроение в различных штатах страны, встретиться со многими крупными политическими деятелями.

В отличие от недавней поездки в Чикаго на этот раз ему создали условия, которые подошли будущему главе государства. На железнодорожную станцию в Спрингфилде прибыли президент и директор дороги, был подан специальный пассажирский вагон. Тепло и душевно проводили своего земляка жители Спрингфилда.

Начало поездки было похоже на триумф, на всех станциях восторженные толпы встречающих приветствовали будущего президента и неизменно просили, чтобы он выступил с речью. В Индианополисе, штат Индиана, Линкольн, обращаясь к собравшимся на станции жителям, заявил, что «если он будет произносить речи всюду, где хотели бы его друзья, то не сможет прибыть в столицу нации в назначенное время». В своем кратком выступлении Линкольн поблагодарил жителей города за теплый прием и выразил уверенность, что «все они встретятся вновь под одним флагом одного Союза»³.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, лл. 36 — 37.

² «New York Daily Tribune», 8. I 1861.

³ «Collected Works», Vol. IV, p. 196.

За время поездки Линкольн встретился с губернаторами и депутатами пяти штатов, с сотнями бизнесменов, произнес более 20 речей. Линкольна встречали с огромным энтузиазмом¹. За время своего длинного пути будущий президент получил возможность лично убедиться, какой напряженной была жизнь страны, сколько обеспокоен был народ судьбой государства, насколько жаждала страна узнать, какие меры примет будущий президент против сецессионистов.

Напряженность усугублялась тем, что конгресс, в котором было много сторонников сецессионистов, рассмотрел результаты выборов, но все еще не объявлял Линкольна законно избранным президентом страны, и только 13 февраля было принято соответствующее решение, огласить которое скрепя сердце пришлось рьяному стороннику сецессионистов вице-президенту США Джону Брекинриджу.

В своих выступлениях Линкольн стремился как можно меньше касаться сецессии. Однако тысячи людей, собиравшихся на пути его следования, хотели знать, что он намерен предпринять для преодоления тяжелого политического кризиса, переживаемого страной. Когда Линкольн выступал 14 февраля в Рочестере, штат Пенсильвания, его прервал голос из толпы: «Что вы все же намерены сделать с сецессионистами?»² Ответ на этот вопрос был дан только 4 марта.

Стекль, комментируя поездку Линкольна, писал 6 (18) февраля Горчакову, не скрывая своих надежд на торжество консервативных начал в новом правительстве: «Г-н Линкольн выехал из своей резиденции в Спрингфилде... в столицу Федерации. С момента своего избрания он хранил полное молчание о современных событиях и о политике, которую он намерен проводить. Однако, прибыв недавно в Цинциннати и остановившись там, Линкольн выступил с ответной речью на обращение местных властей. Содержание его речи отнюдь не было консервативным, и она произвела на присутствующих довольно отрицательное впечатление.

С его прибытием сюда в республиканской партии началась резкая борьба между умеренными, которыми руководит Сьюард, и их противниками по вопросу о том, кто возглавит новое правительство. Если первые восторжествуют, то сохранится хоть один шанс на спасение страны. В противном случае ничто не сможет

¹ В. Catton. The Centennial History of the Civil War, Vol. I. Garden City, 1961, p. 222.

² «Collected Works», Vol. IV, p. 208.

остановить бурю, под ударами которой Союз может быть разбит на куски»¹.

Во время поездки Линкольн, верный своим демократическим привычкам, стремился к встречам и беседам с простыми людьми. Показательный случай произошел в Пенсильвании, в городе Фридом. Возчик угля, стоявший в толпе, крикнул: «Слушайте, Эйби, говорят, что вы самый высокий человек в Соединенных Штатах, но я не думаю, что вы выше меня». Линкольн ответил: «Поднимись сюда, посмотрим». Грязный возчик пробрался через толпу, они стали спиной к спине, возчик в своей рабочей одежде и будущий президент. Выяснилось, что они совершенно одинакового роста. В толпе раздались веселые, одобрительные крики. Оба великана улыбнулись и пожали друг другу руки. Нашлись люди, которые говорили, что это не дело, чтобы крупнейший государственный деятель страны вел себя так запросто с возчиком угля куда это может завести страну?»².

Путешествие Линкольна совпало с важнейшим событием в развитии сепаратистского кризиса: 18 февраля демонстративно принял присягу президент рабовладельческой Конфедерации Джефферсон Дэвис. Юг отметил это торжество орудийными залпами. В напряженной обстановке, сложившейся в результате сепаратизма, эти салюты прозвучали как зловещая прелюдия к орудийной канонаде, которая потрясла вскоре всю страну.

Чем короче становился путь президента к столице, тем холодней и враждебней встречали его официальные лица. Наиболее отчетливо Линкольн впервые почувствовал это в Нью-Йорке. Внешне все было очень торжественно и даже чопорно, нигде ритуал встречи не был так тщательно продуман и разработан, нигде не было потрачено так много средств на встречу президента, как в финансовой столице страны. Но нигде не веяло таким холодом и откровенной враждебностью, которые чувствовались во время выступления мэра Нью-Йорка, взяточника и казнокрада Фернандо Вуда. Нечто похожее было и во время приема в Филадельфии.

13 (25) февраля Стекло сообщал Горчакову: «Во время своего проезда через штаты Запада, где население благодаря обильному урожаю прошлого года смогло избежать опустошительного воздействия политического кризиса, г-н Линкольн был встречен овациями... Но в основных торговых городах, через которые он проезжал, ему не было оказано такого же приема.

В Нью-Йорке и Филадельфии г. Линкольн должен был понять, что он попал на новую почву. Прием, оказанный ему насе

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, лл. 60 — 61.

² Сэндберг К. Указ. соч. с., 176 — 177.

лением этих крупных городов, был вежлив, и не более. В своей приветственной речи мэр Нью-Йорка не скрыл от него плачевного состояния, в котором находится торговля, и опасности, которую несет за собой гражданская война для торговой столицы Союза.

Мэр Филадельфии пошел еще дальше: «Я сожалею, — сказал он, — что вы не останетесь с нами на более продолжительный срок, чтобы самому увидеть нищету трудящихся. Подобное положение вещей, — добавил он, — результат эгоизма и гнусных происков политических деятелей всех партий. Не доверяйтесь их советам и положитесь на народ, который восстанет, чтобы помочь нам спасти страну».

Г-н Линкольн довольно озабочен откровенными выступлениями этих двух должностных лиц и ответил им, что он не менее их предан Союзу и приложит все усилия к его сохранению¹.

Посещение Нью-Йорка, оплота демократов на Севере, был самым серьезным испытанием для Линкольна. Враждебный тон речи мэра, настороженные, порой откровенно враждебные взгляды «отцов» города, заполнивших зал, — все это создавало обстановку, резко отличавшуюся от приемов, оказанных в других городах. Линкольн держался мужественно и с достоинством, отвечая мэру, он сказал: «Ничем и никогда нельзя будет склонить меня к согласию на раскол Союза, который был источником величия не только для города Нью-Йорка, но и для всей страны... до тех пор, пока будет возможность сохранить в Союзе благосостояние и свободу народа, поддержание его постоянно будет предметом моих усилий»².

Корреспонденты сообщили, что после своей речи Линкольну пришлось пожать руки 6 тыс. человек, которые собрались в здании ратуши.

Поездка в Вашингтон показала, что Линкольн может рассчитывать на поддержку народа, но ему придется столкнуться с мощной оппозицией со стороны консервативной буржуазии. В своих выступлениях Линкольн неоднократно подчеркивал, что он высоко оценивает доверие, оказанное ему народом.

Выступая в Трентоне, штат Нью-Джерси, Линкольн заявил, что приветствия в свой адрес он принимает не как признание величия его персоны, что он рассматривает себя в качестве «представителя нации, объединившейся для того, чтобы навечно сохранить Союз и свободы народа»³. Эти слова потонули в буре одоб-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, лл. 64 — 65.

² «Collected Works», Vol. IV, p. 233.

³ Ibid., p. 236.

рительных возгласов; стоял такой шум, что некоторое время нельзя было расслышать голос оратора.

С напряженным вниманием следили рабовладельцы за триумфальной поездкой Линкольна в Вашингтон. И чем больше поступало фактов, свидетельствовавших о его популярности в народных массах, тем ожесточеннее становились нападки на будущего президента со стороны сецессионистов, тем больше зрела их решимость не допустить Линкольна к власти даже ценой его физического уничтожения.

Уже в начале избирательной кампании Линкольн стал получать многочисленные письма, большинство анонимных, с угрозой, что он будет убит. Нередко к письмам прилагались рисунки, на которых Линкольн был изображен болтающимся на виселице, пронзенным стилетом, пораженным молнией или корчащимся на медленном огне в аду¹.

Теперь рабовладельцы решили действовать. Находясь в Филадельфии, Линкольн узнал о тщательно обдуманном и хорошо подготовленном заговоре с целью убить его. Информация, полученная из различных источников, неопровержимо подтверждала это. Линкольну предложили изменить маршрут и под усиленной охраной той же ночью немедленно выехать в Вашингтон².

Несмотря на серьезную опасность, Линкольн категорически отказался последовать этому совету. Он заявил, что на следующий день, 22 февраля, он обещал поднять флаг над Индепенденс-холлом и выступить с речью в законодательном собрании штата Пенсильвания в Гаррисберге. Линкольн сказал, что он выполнит эти обещания, чего бы это ему ни стоило, и только после этого он согласен изменить маршрут.

Для подобного решения у Линкольна были серьезные основания: 22 февраля был день рождения Вашингтона, и его отсутствие на торжестве, посвященном этой дате, могло вызвать нежелательные отклики в стране. 22 февраля Линкольн под грохот орудийного салюта и приветствия восторженной толпы поднял флаг Соединенных Штатов над Индепенденс-холлом.

Эта была символическая церемония — в день рождения первого президента страны Линкольн поднимал национальный флаг, демонстрируя свою решимость отстоять единство Союза, Линкольн выступил также с речью в Гаррисберге, в которой сказал: «Не я создал этот флаг, не я подготовил поднятие этого флага, и

¹ «New York Daily Tribune», 20. XI. 1860.

² W. King. Op. cit., p. 178; B. Catton. The Centennial History..., Vol. I, p. 222.

даже приложил слишком ничтожную долю своих слабых сил, поднимая его. Во всех своих делах я был в руках народа... Если я смогу также активно взаимодействовать с народом, я думаю, что флаг нашей страны будет по-прежнему гордо развеваться... Если мне изменят силы, — говорил Линкольн, — я обращаюсь за помощью к массам и уверен, что при любых обстоятельствах они мне не изменят»¹.

После выступления в Гаррисберге Линкольн возвратился в Филадельфию и, уступая настояниям жены и друзей, дал согласие на то, чтобы отменить торжественную встречу в Балтиморе.

Церемония вступления Линкольна в должность президента отражала напряженную обстановку, царившую в стране. Опасались беспорядков и покушения на жизнь будущего президента, главнокомандующий вооруженными силами Союза генерал Скотт принял меры предосторожности.

28 февраля (12 марта) 1861 г. Стеклъ сообщал из Вашингтона: «4 числа этого месяца с соблюдением обычного церемониала состоялось торжественное вступление Линкольна в должность президента Соединенных Штатов. Единственно новым, непривычным для подобных обстоятельств являлось присутствие вооруженных сил. Центральные улицы города были заняты двумя тысячами солдат регулярной армии и милиции, а также двумя артиллерийскими батареями. Опасались враждебных выступлений населения Вашингтона, симпатизирующего Югу, но все обошлось благополучно, и никаких беспорядков не было»².

В обращении Линкольна к народу, с которым он выступил 4 марта 1861 г., довольно ярко проявилось его стремление мирно урегулировать конфликт с рабовладельцами, не допустить начала гражданской войны³.

«Население южных штатов, — говорил Линкольн, — опасается, что приход к власти республиканского правительства подвергнет опасности их имущество, мирную жизнь, личную безопасность. Это безосновательные опасения». Линкольн процитировал одну из своих ранее произнесенных речей: «Я не имею ни прямого, ни косвенного намерения нарушать установления рабовладения в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что закон не предоставляет права сделать это, да и желания такого у меня нет...» Он заверил рабовладельцев в том, что они могут быть спокойны за свою собственность, что Север будет неукоснительно соблюдать закон о выдаче беглых рабов: «В настоящее время су-

¹ «Collected Works», Vol. IV, p. 243, 245.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 76.

³ См. «Collected Works», Vol. IV, p. 262 — 271.

ществуют резкие разногласия по вопросу о выдаче лиц, бежавших от службы или работы... Все члены конгресса дают присягу на верность конституции... их присяга предусматривает, что рабы (бежавшие на Север. — *Р. И.*)... должны быть возвращены».

Значительную часть своей речи Линкольн посвятил сессии; он самым решительным образом отвергал право отдельных штатов на раскол Союза: «Я считаю, что в соответствии с всеобщим законом и конституцией Союз наших штатов вечен... На основании закона никакой штат не может по собственному побуждению выйти из Союза. Решения и постановления, изданные с этой целью, недействительны, а насильственные действия в одном или нескольких штатах против власти Соединенных Штатов являются, смотря по обстоятельствам, мятежными или революционными. Таким образом, я считаю, что с точки зрения конституции и законов Союз не расторгнут, и, насколько это будет в моей власти, я в соответствии с конституцией приму все меры к строгому исполнению законов Союза во всех штатах».

Линкольн заявил о незаконности захвата рабовладельцами фортов, арсеналов и различного федерального имущества на Юге. «Вверенная мне власть будет применена для удержания и владения имуществом, для занятия поселений, принадлежащих государству, и для сбора налогов и пошлин».

В своей речи Линкольн сформулировал право народа на революцию: «Наша страна со всеми ее институтами принадлежит народу, населяющему ее. Если народу надоест существующее правительство, он может воспользоваться своим конституционным правом и изменить его политику или использовать свое революционное право, чтобы заменить часть министров, или даже полностью свергнуть правительство». Однако отделение рабовладельческих штатов Линкольн не считал осуществлением этих прав народа.

Линкольн, обращаясь к сецессионистам, призывал не допустить развязывания гражданской войны: «В ваших руках, мои недовольные граждане, а не в моих находится решение спорного вопроса о гражданской войне. Правительство не нападает на вас. Конфликта не произойдет, если вы не выступите как агрессоры».

Отмечая противоречивый характер речи Линкольна, Стеклъ сообщал, что новый президент полон решимости возратить захваченные рабовладельцами форты и арсеналы. «Эти слова, — писал он, — со всей очевидностью указывают на намерение нового правительства прибегнуть к насильственным мерам. Однако сразу же вслед за этим г. Линкольн, стремясь, очевидно, смягчить смысл сказанного, заявил, что он будет стараться найти возможность избежать гражданской войны и приложит все усилия, чтобы мирным путем вернуть в Конфедерацию (в Союз. — *Р. И.*) отде-

лившиеся штаты. Эту полную противоречий речь Линкольна при вступлении в должность можно объяснить только тем, что он пришел к власти, не располагая твердым политическим курсом...

Нация, которая с тревогой ожидала программы нового правительства, чтобы знать, на что можно надеяться и чего следует опасаться, знает сегодня не больше, чем накануне торжественного вступления Линкольна в должность президента¹.

Аболиционистские круги были разочарованы речью Линкольна. «Либереитор» писал, что президент пошел на слишком большие уступки мятежным рабовладельцам. Особое разочарование «органа аболиционистов вызвало заявление Линкольна о том, что новое правительство будет последовательно проводить в жизнь закон о беглых рабах: «Мы были равно и шокированы и удивлены, что он добровольно выставил напоказ этот позорный урок в своей речи при торжественном вступлении в президент-ты»². По поводу заявления Линкольна о его нежелании допускать кровопролития в этой же статье говорилось: «Или кровь хлынет как вода, или м-р Линкольн и Север должны отступить и признать, что американский Союз расколот без какой-либо возможности его восстановления»³. Критикуя примиренческие по отношению к мятежникам заявления Линкольна, газета приводила его слова, обращенные к сецессионистам: «Мы не враги, а друзья». Друзья, — заявлял «Либереитор», — не поступают таким образом!»⁴

Речь Линкольна резко осудил Фредерик Дуглас: «Это нежелание принимать к сведению антирабовладельческие настроения в такое время и при таких обстоятельствах не украшает ни ума, ни сердца м-ра Линкольна. Его речь была не только бессердечно холодной, но и недостаточна, неуместна для подобной аудитории, так как она была не в состоянии ни умиротворить, ни сдержать дикое исступление мятежников-рабовладельцев»⁵. Последующие события полностью доказали справедливость точки зрения Дугласа.

Речь Линкольна при вступлении в должность президента была противоречива так же, как были противоречивы первые мероприятия нового президента, в частности в формировании правительства.

Стекло, откровенно заявляя о своих симпатиях к консервативным, сообщал 28 февраля (12 марта) из Вашингтона: «Тот же дух противоречий, который свойственен речи г. Линкольна (при

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 77.

² «Liberator», 8. III. 1861.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ Ph. Foner (ed.). The Life and Writings..., Vol. III, p. 73.

вступлении в должность президента. — Р. И.), находит проявление и в составе его правительства. Только на следующий день после торжественного вступления президента в должность удалось сформировать министерства... Все усилия создать однородное правительство потерпели неудачу, и г. Линкольн вынужден был включить в него и консерваторов и радикалов». Стекло писал, что сторонники Сьюарда не смогли получить прочного большинства в правительстве: «Г-н. Сьюард не показал необходимой твердости и более чем вероятно, что вскоре ему придется поддерживать политику радикалов или же уйти из министерства»¹.

На следующий день после торжеств по поводу вступления Линкольна в должность президента сенат утвердил состав его правительства во главе с Уильямом Сьюардом. Решив этот трудный вопрос, Линкольн не смог вздохнуть с облегчением: с новой силой на него обрушились охотники за должностями. От них нельзя было укрыться ни дома, ни в Капитолии, ни на прогулке, ни на официальных приемах. По существующей традиции победившая партия производила замену всего чиновничьего аппарата сверху донизу, республиканцы рассчитывались с теми, кто помог им одержать победу в избирательной борьбе.

За развитием событий в стране внимательно наблюдал дипломатический корпус. Аккредитованные в Вашингтоне послы с нетерпением ждали приема у нового президента, о котором распространялись многочисленные и противоречивые толки. Стекло следующим образом описывал первый прием дипломатического корпуса Авраамом Линкольном: «Через три дня после церемонии торжественного вступления в должность президента г. Линкольн принял дипломатический корпус. Португальский посланник, как старший по возрасту член корпуса, выступил с небольшой речью, поздравив президента с вступлением на высший государственный пост и выразил наши пожелания процветания страны.

Г-н. Линкольн немногословно поблагодарил нас и заверил, что приложит все усилия для поддержания лучших отношений с нашими правительствами.

Не обладая сколько-нибудь импонирующей внешностью, г. Линкольн своим лицом производит приятное и честное впечатление. Его манеры говорят о том, что этот человек провел всю свою жизнь в маленьком городке Запада, но он был вежлив и предупредителен ко всем, и дипломатический корпус был очень доволен оказанным ему приемом»².

Пока Линкольн входил в курс новых для него дел, Юг проводил форсированную подготовку к развязыванию гражданской

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 78.

² Там же, л. 79.

войны. Речь Линкольна при вступлении в должность еще раз доказала, что политика уступок по отношению к рабовладельцам только поощряет их на новые агрессивные действия. Ни заверения Линкольна в том, что рабство будет сохранено на Юге, ни его готовность исполнять закон о возвращении беглых рабов — ничто не умиротворило мятежников. Речь Линкольна была воспринята рабовладельцами как сигнал к развязыванию гражданской войны.

Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщал, что речь Линкольна вызвала огромное возбуждение на Юге, рабовладельцы «заявляли, что не может быть никакого восстановления союза с Севером»¹. В штатах Конфедерации вступление Линкольна в должность президента было расценено как начало войны².

Положение лидеров республиканской партии было очень затруднительным. Отражая настроения наиболее влиятельной части буржуазии, руководство партии не желало дальнейшего обострения конфликта. Консервативная буржуазия была удовлетворена тем, что ей удалось мирным, конституционным путем прийти к власти. Дальнейшее обострение конфликта и связанные с этим глубокие социальные потрясения пугали буржуазию, она готова была пойти на компромисс с рабовладельцами, но последние требовали таких уступок, которые угрожали ее власти, завоеванной на выборах 1860 г.

Стекль сообщал Горчакову: «Недавно я беседовал с одним из наиболее авторитетных деятелей республиканской партии. Он заявил: «Мы стремимся сохранить единство Союза, но мы не можем идти на уступки Югу, не нарушая наших принципов». Я спросил у него, какие меры осуществит новое правительство, чтобы, не нарушая принципов партии, не допустить в то же время начала военных действий против отделившихся штатов. Он должен был в конце концов согласиться, что положение крайне затруднительно и что ни он, ни его товарищи по партии не знают, как найти выход из него»³.

Революционные круги аболиционистов видели выход из создавшегося положения в решительном вооруженном подавлении мятежников-рабовладельцев. Фредерик Дуглас заявлял, что только освобождение рабов и активные военные действия против мятежников могут спасти Союз, разрешить «вопрос жизни и смерти»⁴.

Но у буржуазии не хватало ни решимости, ни желания использовать свою власть для того, чтобы вооруженным путем восстановить нарушенное единство страны. Экстремистские круги

¹ «New York Daily Tribune», 12. III. 1861.

² J. Rhodes. History of the United States..., Vol. III, p. 205.

³ АВПР, ф. Канцелярия. 1861 г., д. 162, л. 66.

⁴ Ph. Foner (ed.). The Life and Writings..., Vol. III, p. 65.

мятежников воспользовались этой нерешительностью правительства и первыми нанесли удар.

Предлогом для начала гражданской войны рабовладельцы избрали посылку Линкольном подкреплений и продовольствия осажденному форту Самтер. 12 апреля 1861 г. войска рабовладельцев под командованием генерала Борегара начали артиллерийский обстрел форта. К этому времени вооруженные силы мятежников уже были полностью мобилизованы. 26 февраля 1861 г. на Юге был создан генеральный штаб, а 28 февраля все вооруженные силы штатов Конфедерации перешли под полное, командование президента Конфедерации Джефферсона Дэвиса. 6 марта на Юге был объявлен призыв в армию 100 тыс. добровольцев. Осада форта Самтер длилась недолго. Небольшой гарнизон форта, состоявший из 74 солдат и 9 офицеров, не смог долго противостоять 7-тысячной армии мятежников, поддержанной 47 орудиями¹. После полуторасуточной бомбардировки флаг Соединенных Штатов был спущен, форт капитулировал. Началась гражданская война.

Война была развязана рабовладельцами. Но этот очевидный факт оспаривается многими современными буржуазными историками, которые пытаются доказать, что деятельность Линкольна была одной из главных причин, приведших к военным действиям. Так, например, Невинс утверждает, что решение Линкольна о посылке подкреплений форту Самтер «сделало войну почти неминуемой»².

День 12 апреля 1861 г. явился важным рубежом в истории страны, он знаменовал переход антирабовладельческого движения в фазу вооруженной борьбы против рабства.

Маркс указывал, что борьба между противниками и сторонниками рабства была «движущей силой истории Соединенных Штатов в течение полувека» перед гражданской войной 1861 — 1865 гг.³

Революционная ситуация, сложившаяся в канун гражданской войны, явилась следствием этой борьбы между сторонниками и противниками рабства. И на всех этапах развития этой революционной ситуации рабство было первопричиной конфликта и основным объектом борьбы. Это было характерно и для гражданской войны в Канзасе, и для восстания Джона Брауна, и для избирательной кампании 1860 г. Рабство явилось и главной причиной гражданской войны. После начала гражданской войны Маркс

¹ G. Milton. Conflict. The American Civil War. New York, 1941, p. 26.

² A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 58.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 316.

писал: «Все движение, как это ясно видно, покоилось и покоится на *вопросе о рабстве*»¹.

Революционная ситуация в Соединенных Штатах, завершившаяся гражданской войной, соответствовала классическому определению революционной ситуации, данному В.И. Лениным².

Кризис «верхов» в Соединенных Штатах выражался в том, что рабовладельцы, занимавшие господствующее положение в федеральных органах власти, не могли «сохранить в неизменном виде свое господство». Буржуазия требовала как минимум предоставления ей такой власти, которая соответствовала бы ее роли в экономической жизни страны. В условиях резко обострившейся борьбы за власть между буржуазией и рабовладельцами последние не могли управлять по-старому.

О том, что «низы» не желали больше жить по-старому, свидетельствовала гражданская война в Канзасе, резкое усиление негритянского освободительного движения на Юге, совместные выступления против рабства негров и белых, наиболее ярким выражением которых явилось восстание Джона Брауна.

Антирабовладельческое движение на Юге, рабское и фермерское движение на Севере против усиливающейся эксплуатации сливались в единый поток, который размывал устой господства рабовладельцев в Союзе.

Выступления народных масс и борьба буржуазии за господство в федеральных органах власти вызвали кризис политики господствующего рабовладельческого класса, который можно было разрешить или новым компромиссом между Севером и Югом, или же революцией.

В канун гражданской войны было налицо усиление нужды рабочих и фермеров на Севере, негров и белых бедняков на Юге, явившееся следствием тяжелого экономического кризиса 1857 г. После победы республиканцев в избирательной кампании 1860 г. на Севере наблюдалось дополнительное сокращение промышленного производства и торговых операций, что привело к дальнейшему ухудшению материального положения трудящихся.

Руководящей силой антирабовладельческой коалиции являлись революционные круги буржуазии. Однако массы участвовали не только в выступлениях, возглавляемых буржуазией, они продемонстрировали способность и «к самостоятельному историческому выступлению»³. Это подтверждается событиями в Канзасе, восстаниями негров-рабов на Юге, решительными выступле-

¹ Маркс Е. и Энгельс Ф. Соч. с. 347.

² Ленин В. И. Полн. собр. Соч., т. 21, с. 189 — 190.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 190.

ниями народных масс Севера против компромисса с рабовладельцами в период сессии. Во всех этих событиях действия народных масс выходили из-под контроля и руководства буржуазных кругов, носили самостоятельный, революционный характер.

В событиях периода революционной ситуации основной движущей силой были широкие массы трудящихся — рабочие, фермеры, негры-рабы, ремесленники. Наиболее сознательным и многочисленным классом среди трудящихся были рабочие, но рабочий класс был недостаточно политически зрел и организован, чтобы возглавить борьбу против рабства.

Руководящая роль в этой борьбе принадлежала революционным кругам буржуазии. Однако их позиции внутри класса буржуазии были недостаточно сильны, чтобы они могли прийти к власти после победы на выборах 1860 г. Избрание Линкольна было обеспечено активным участием широких народных масс, руководящей силой была революционная буржуазия, а к власти пришли умеренные, либеральные круги буржуазии.

Буржуазия пришла к власти мирным, конституционным путем, что неизбежно порождало иллюзии о возможности мирного, компромиссного разрешения конфликта с рабовладельцами. Либеральная буржуазия по своей природе предрасположена к лавированию, к компромиссам с различными классовыми группировками. В Соединенных Штатах эта тенденция проявлялась особенно отчетливо, так как нельзя провести четкой грани между буржуазией либеральной и консервативной, а последняя была тысячами нитей связана с рабовладельцами и всемерно стремилась к тому, чтобы полюбовно разрешать с ними все спорные вопросы.

И если компромисс на этот раз не состоялся, то виновата в этом была не буржуазия: рабовладельцы, отвергнув все предложения о мирном урегулировании спорных вопросов, развязали гражданскую войну.

Глава пятая

СООТНОШЕНИЕ СИЛ И ЦЕЛИ ВОЙНЫ

1. Линкольн призывает народ к оружию

Захват рабовладельцами форта Самтер всколыхнул все северные штаты. 15 апреля Линкольн объявил южные штаты в состоянии мятежа, призвал в армию 75 тыс. добровольцев сроком на 3 месяца и обратился ко «всем лояльным гражданам» с призывом выступить на защиту страны.

Широкие народные массы Севера с энтузиазмом восприняли

обращение президента¹. В первый же день после опубликования прокламации Линкольна во всех городах Севера прошли грандиозные митинги. На большом митинге жителей Питсберга, состоявшемся 16 апреля, была принята резолюция с требованием объединить все силы для защиты Союза. Участники митинга решили создать Комитет общественной безопасности².

Первые добровольческие воинские части были созданы рабочими. В штате Массачусетс рабочие-текстильщики Лоуэлла получили специальный приз за то, что первыми закончили формирование роты и выступили на защиту Вашингтона, которому угрожала армия рабовладельцев³.

Рабочие решительно пресекали выступления сепаратистов. Через несколько дней после падения форта Самтер в Балтиморе — оплоте сепаратистов в штате Мэриленд, сторонники рабовладельцев демонстративно водрузили флаг Конфедерации и салютовали ему выстрелами из пушек. Рабочие разогнали участников этой манифестации, порвали в клочья флаг и сбросили в реку пушку⁴.

Даже в Нью-Йорке, где были очень сильны прорабовладельческие настроения, рабочие с энтузиазмом откликнулись на призыв Линкольна. Собственный корреспондент «Северной пчелы» сообщал из Нью-Йорка: «...Никогда еще Нью-Йорк не видел зрелища более народного. Все рабочие без исключения громогласно объявили, что готовы идти против неприятеля немедленно. Всюду раздавались звуки музыки, восторженные крики и шум оружия. Знамя республики развевалось над каждым домом, как бы означая, что Союз будет поддержан силой»⁵.

Из рабочих формировались воинские подразделения по профессиям. Были отряды, целиком состоящие из шахтеров, каменщиков, текстильщиков, литейщиков и рабочих других специальностей⁶. Эти пролетарские части отличались большой отвагой и стойкостью, наибольшей сознательностью и пониманием цели войны. По мере того как они приобретали боевой опыт, рабочие полки становились основным ударным ядром армии Севера.

Отдельные подразделения создавали не только рабочие, но и ремесленники. В Нью-Йорке ремесленники уже в первые дни войны приступили к формированию рот, в состав которых входили

¹ J. Nicolay and J. Hay. Abraham Lincoln. A History, Vols 1 — 10. New York, 1917, Vol. IV, p. 156 — 157.

² «New York Daily Tribune», 16. IV. 1861.

³ Фoner. Ф. Указ. соч., с. 348.

⁴ «Rebellion Record», Vol. I, Diary of Events, p. 32.

⁵ «Северная пчела», 15. V. 1861.

⁶ B. Mandell. Op. cit., p. 180.

ли исключительно ремесленники одного профиля. Особенно успешно шло формирование отрядов среди шляпников города¹.

Позднее Сильвис вспоминал: «Миллионы тружеников встали как несокрушимая стена между страной и всеми ее врагами»². На митингах говорилось не только о вступлении рабочих в армию, но и о тех трудностях, которые принесла им война. Так, например, на митинге шляпников Нью-Йорка было заявлено, что «плата за их работу сократилась столь резко, что они с большим трудом содержат себя и свои семьи»³.

Вступление рабочих в армию носило столь повсеместный характер, что многие предприятия частично или полностью прекратили работу: «Тысячи людей уходят из мастерских, с фабрик и шахт. Некоторые фабрики ничего не производят, так как рабочие прекратили работу и ушли в армию. По той же причине в различных районах прекратилась работа шахт, и сократившиеся перевозки угля свидетельствуют о тех размерах, в которых произошло сокращение рабочих, занятых в различных сферах производства. Война должна оказать точно такое же влияние и на сельское хозяйство. Тысячи фермеров Севера прекратили обработку земли, начав военное обучение, и еще многие тысячи последуют их примеру по первому же новому призыву в армию»⁴.

Большинство добровольцев, откликнувшихся на призыв Линкольна, были рабочими и фермерами. Так, например, 34-й Нью-йоркский полк, выступивший на фронт в июле 1861 г., состоял «главным образом из фермеров и мастеровых»⁵.

Профсоюзы приняли активное участие в создании полков из волонтеров. Нередко распускались целые объединения профсоюзов, так как большинство рабочих, входивших в них, уходили добровольцами на фронт. Профсоюзы вывешивали лаконичные объявления: «Закрыто на время войны»⁶. В апреле — июне 1861 г. прошли многочисленные собрания профсоюзов, на которых принимались решения о необходимости вступления в армию. Одно из таких решений было принято на профсоюзном собрании мая-ров Бруклина. В нем говорилось, что все члены профсоюза идут на фронт для «защиты флага нашей страны»⁷.

¹ «New York Daily Tribune», 18. V. 1861.

² B. Mandell. Op. cit., p. 181.

³ «New York Daily Tribune», 13. VI. 1861.

⁴ Ibid., 3. V. 1861.

⁵ Фонер. Ф. Указ. соч., с. 348.

⁶ B. Mandell. Op. cit., p. 180.

⁷ Бойер Р. и Морейс Г.. Нерассказанная история рабочего движения в США. М., 1957, с. 34.

Многие лидеры рабочих, вступая в армию, показывали пример рядовым членам профсоюзов.

Уильям Сильвис сыграл большую роль в формировании добровольческого рабочего полка, который одним из первых выступил на защиту Вашингтона. Несмотря на тяжелое материальное положение своей большой семьи, Сильвис вступил добровольцем в армию и в течение нескольких месяцев прослужил в ней в звании сержанта.

Нередко солдаты-рабочие избирали своих профсоюзных руководителей командирами.

Рабочие и фермеры составили основное ядро федеральной армии и ковали победу в тылу. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала: «Те, кто сражается за Союз, делают благородное, священное дело. Но тот, кто выращивает зерно, шьет сапоги или занимается чем-либо другим, что увеличивает способность страны содержать фронтовые армии, в равной степени делает важное и необходимое дело.

Фермеры! Мы призываем вас трудиться более усиленно ...мызываем к вам удвоить усилия для увеличения урожая и быть готовыми добровольно и активно выступить на защиту страны!

Ремесленники и рабочие! Вы свидетели мрачных времен, и улучшение не обещает наступить в ближайшем будущем. Разве вы не можете использовать свободное время для того, чтобы производить прочные бутсы и сапоги, ткани и одежду, одеяла или что-либо другое в равной степени полезное, что может быть вашим вкладом в дело защиты страны?... Постарайтесь использовать каждый свободный час, чтобы служить и приносить пользу делу Союза»¹.

Вступление в армию состоятельных лиц было очень редким явлением. В лучшем случае буржуазия откликалась на призыв Линкольна денежными взносами в фонд армии, но предпочитала оставаться в тылу. О добровольном вступлении в армию представителей состоятельных кругов извещалось как о сенсации: «В Родайлендском полку в Вашингтоне есть рядовой солдат, который является владельцем 500 тыс. долл. Наш вашингтонский корреспондент заявляет, что он видел его вчера драющим шваброй пол в бираке»².

На призыв Линкольна с огромным энтузиазмом откликнулись рабочие-иммигранты: немцы, ирландцы, итальянцы, поляки, канадцы, венгры и др. Соединенные Штаты не были их родиной, и тем не менее движимые солидарностью с американскими

¹ «New York Daily Tribune», 9. V 1861 (см. также «Rebellion Record», Vol. I, Documents, p. 67; «New York Daily Tribune», 17. IV. 1861).

² Ibidem.

рабочими и вдохновляемые идеями борьбы против рабства, они без колебаний вступали добровольцами в армию Севера.

16 апреля в г. Нью-Арке, штат Нью-Джерси, состоялся большой митинг немецких рабочих. В резолюции участники митинга заявляли, что «единственная надежда рабочих заключается в сохранении Союза». Немцы — жители Нью-Арка избрали делегацию и направили ее в другие города штата, где проживало значительное число немцев, чтобы призвать немецкое население Нью-Джерси приступить к формированию добровольческих воинских частей. Рассказывая об энтузиазме, с которым немецкие рабочие встретили призыв Линкольна, корреспондент писал: «Это свидетельство воодушевления, которое охватило немецкое население»¹.

Из Филадельфии также сообщали, что «волонтеры, особенно из немецкого населения, быстро вступают в армию»². Уже 19 апреля стало известно о том, что сформирован корпус немецких волонтеров. В его составе был полк под командованием полковника Бленкера, который сражался за освобождение Греции и командовал в 1849 г. дивизией в революционной армии Бадена. Среди офицеров полка было много участников революционных войн в Европе, особенно в Венгрии³. Они восприняли гражданскую войну в США как борьбу за свободу негров.

Призыв Линкольна нашел горячую поддержку среди иммигрантов, и потому, что на протяжении всей своей политической деятельности Линкольн всегда выступал в защиту прав иммигрантов, с полным основанием заявляя, что все жители Соединенных Штатов, за исключением индейцев, являются иммигрантами и поэтому не должно быть никакой дискриминации по отношению к выходцам из других стран.

Через неделю после опубликования призыва на большом митинге с речью выступил Густав Струве, который был президентом Гарибальдийского комитета и оказывал значительную помощь Гарибальди в борьбе за освобождение Италии. Струве заявил: «Когда 13 лет назад мы взяли в руки меч, это было сделано с целью основания республики, идеалом которой была Америка». Струве говорил, что, прибыв в США, они поняли, что их идеал находится под серьезной угрозой, «мы снова должны были сражаться за наш идеал, атакованный тиранами-рабовладельцами — врагами свободы и цивилизации... Тот же дух, который направлял нас в 1848 г., все еще живет в нас... Стоит вопрос о сецессии и

¹ «Rebellion Record», Vol. I, Diary of Events, p. 29.

² «New York Daily Tribune», 16. IV. 1861.

³ Ibid., 19. IV. 1861.

Союзе, о свободе и рабстве. На чью сторону мы станем, если не на сторону Союза и свободы! Мы намерены сегодня защищать свободу так же, как мы это делали на полях сражения в 1848 г.»¹.

Американские социалисты были в первых рядах добровольцев. Спортивные организации, большинство членов которых были немецкие рабочие-социалисты, Немецкий рабочий союз и коммунистические клубы направили в федеральную армию более половины своих членов. Особенно хорошей военной, физической подготовкой отличались воинские части, сформированные из немцев-спортсменов. «Нью-Йорк дейли трибюн» в заметке «Полк атлетов» писала, что все немцы-спортсмены, вступившие в армию, отличаются прекрасным здоровьем и хорошей военной подготовкой, которую они получили в регулярных армиях Европы. Многие из них сражались за освобождение Германии. Полк состоял из 10 рот, общей численностью 780 человек².

Рабочие-социалисты с первого же дня войны заявляли, что они воюют за уничтожение рабства. Во время штурма Кэмп Джексона немецкие социалисты штата Миссури шли в бой под своим «алым полковым знаменем, на котором в качестве символа был изображен молот, разбивающий наручники»³.

Население Севера горячо приветствовало немцев-добровольцев. 27-й Пенсильванский полк, состоявший главным образом из немцев, обращал на себя внимание хорошим вооружением и снаряжением, выправкой солдат. Население Филадельфии с большой теплотой и симпатией относилось к солдатам этого полка, расквартированного в окрестностях города⁴.

В первые же дни войны рабочими Нью-Йорка была создана Гвардия Гарибальди, в состав которой входили итальянцы, а также иммигранты других национальностей. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала, что тот, кто сомневается в патриотизме иммигрантов, должен был посетить штаб 1-го полка иностранных стрелков, чтобы увидеть, как Гвардия Гарибальди присягала на верность Соединенным Штатам. Газета отмечала, что офицеры и многие солдаты-иммигранты имеют хорошую военную подготовку, «богатый опыт борьбы за свободу, приобретенный в революционных войнах в Европе. Полковник Ф. Д'Атэси из Гвардии Гарибальди окончил военную академию в Австрии и мужественно сражался за свободу Венгрии, где получил пять тяжелых ранений. Подполковник А. Беннети прославился своей храбростью в вой-

¹ «Rebellion Record», Vol. I, Documents, p. 108.

² «New York Daily Tribune», 2. V. 1861.

³ Фонер. Ф. Указ. соч., с. 351.

⁴ «Rebellion Record», Vol. I, Diary of Events, p. 108.

сках Гарибальди, майор Тинели получил подготовку и был хорошо известен в итальянской армии. Помимо перечисленных, в Гвардии Гарибальди уже в первые дни войны было 15 капитанов и лейтенантов, имевших опыт участия в революционных войнах в Европе¹.

В Гвардии Гарибальди были иммигранты семи национальностей, офицеры свободно говорили на многих европейских языках. «Среди офицеров были участники фактически всех революционных войн в Европе. Как для солдат, так и для офицеров было характерно — хорошая боевая подготовка и высокая дисциплина»². Активное участие в формировании частей из иммигрантов принимали рабочие³.

«Нью-Йорк дейли трибюн» публиковала объявления иммигрантов, занимавшихся формированием добровольческих отрядов. В одном из таких писем в редакцию говорилось, что венгры, проживающие в США, не останутся безучастными к гражданской войне. В письме сообщалось, что началось формирование Мадьярского легиона, командовать которым будут участники революции в Венгрии. Газета опубликовала адрес, по которому должны обращаться венгры, желающие вступить добровольцами в федеральную армию⁴.

Сообщая о митинге венгров Нью-Йорка в защиту Союза, газета выражала надежду, что венгры будут сражаться в федеральной армии: «Среди них много хороших солдат и опытных командиров, имеющих особенно большой опыт в ведении партизанской войны. Они отличились при защите конституционных свобод в Европе, так же они поступят и здесь»⁵.

В конце апреля польские рабочие Нью-Йорка создали Польский легион, 1 мая состоялся парад нескольких рот этого легиона. «Они представляют собой, — писал очевидец, — прекрасно выглядящую воинскую часть, они не дискредитируют звезды и полосы»⁶.

Линкольн придавал большое значение участию иммигрантов в вооруженной борьбе против мятежников-рабовладельцев. Во время встреч с командирами добровольческих полков иммигрантов он был неизменно внимателен и дружелюбен к ним. «Нью-Йорк дейли трибюн» следующим образом описывала встречу Линкольна с поляками-добровольцами: «Делегация Польского легиона, возглавляемая Юлианом Алленом и майором Н.К. Колосовским,

¹ «New York Daily Tribune», 1. V. 1861.

² Ibid., 4. V. 1861.

³ B. Mandell. Op. cit., p. 180.

⁴ «New York Daily Tribune», 24. IV. 1861.

⁵ Ibid., 6. V. 1861.

⁶ Ibid., 2. V. 1861.

прибывшая для того, чтобы предложить в полное распоряжение Штатов польский полк, была очень доброжелательно принята сегодня президентом, который с явной благосклонностью прочитал их предложения»¹.

Активное участие в формировании добровольческих полков приняли также и ирландские рабочие. Известия об этом вызвали особенно большое смятение на Юге, так как мятежники надеялись не только на нейтралитет ирландцев, но и на их помощь Югу и начавшейся войне. Для таких надежд были определенные основания, ибо ирландцы были в США наиболее жестоко эксплуатируемой частью иммигрантов, и мятежники считали, что ирландское население не примет участия в войне против Юга. Определенную ставку они делали и на то, что многие ирландцы были заняты на малоквалифицированных работах и были наиболее уязвимы для конкуренции со стороны негров, что способствовало распространению в их среде антинегритянских настроений.

Но все эти расчеты оказались безосновательны. Первая рота ирландских рабочих отправилась на фронт уже в мае², и беспрерывно формировались все новые и новые воинские части.

Уже в апреле 1861 г. началось формирование полка из иммигрантов-англичан³. Французские иммигранты тогда же создали Гардию Лафайета. Французы, проживавшие в Нью-Йорке, собравшись на митинг, заявляли: «Все французы, как роялисты, так и республиканцы... одного и того же мнения о рабстве, а именно, что это — зло, которое должно быть устранено с пути прогрессирующей цивилизации, движущейся вперед независимой индустрии и их соответственных интересов. Они уверены, что результатом продолжающейся войны должно быть уничтожение рабства»⁴.

Среди тех, кто после призыва Линкольна первым высказал желание вступить в федеральную армию, было 240-тысячное негритянское население Севера. Спустя всего 36 часов после опубликования призыва Линкольна негры Бостона заявили о своей готовности сражаться против мятежников-рабовладельцев. Собравшись на митинг в баптистской церкви, негры Бостона приняли резолюцию: «Цветной народ готов защищать правительство и флаг страны, готов создать армию в 50 тыс. человек, если законы будут изменены, с тем чтобы разрешить им вступление в армию»⁵. Было решено немедленно сформировать роты для прохождения военной подготовки».

¹ «New York Daily Tribune», 21. V. 1861.

² См. Ф. Ф о н е р. Указ. соч., с. 348.

³ «New York Daily Tribune», 2. V. 1861.

⁴ Ibidem.

⁵ «Liberator», 26. IV. 1861.

Не дожидаясь получения официального согласия федерального правительства, негры проходили военное обучение, готовясь к вступлению в армию.

29 апреля в корреспонденции из Филадельфии сообщалось: «Только в одном нашем городе проходят строевое обучение не менее 40 тыс. человек. Все наши прекрасные скверы используются в качестве тренировочных плацев, в одном сквере можно видеть одновременно два полка. Ворота закрыты и публика удалена, но она толпится вокруг железных оград, часами внимательно наблюдая за колоннами, марширующими по аллеям, тщательно усыпанным гравием. Негры, уединившись в своем закоулке, также проходят строевое обучение»¹.

В резолюциях негритянских митингов подчеркивалась большая военная целесообразность призыва негров в федеральную армию. На одном из митингов негры заявили, что они не могут быть посторонними наблюдателями, когда идет «война между деспотизмом и свободой». В обращении к правительству, принятом на этом митинге, говорилось: «Мы просим вас изменить законы, с тем чтобы мы могли быть призваны в армию, чтобы получили полный простор патриотические чувства, горящие в груди цветного человека. Мы же обязуемся создать в стране армию из цветных в 50 тыс. человек. Более половины состава армии, которую мы могли бы сформировать, являются уроженцами Юга, знают его географию и знакомы с характером врага. Они могли бы оказать неоценимые услуги правительству». Участники митинга заявляли, что негритянские женщины также горят желанием участвовать в борьбе. Они готовы работать в госпиталях, швеями — везде, где потребуется, чтобы «сокрушить мятеж и поддержать правительство». В заключение резолюции говорилось о готовности негров «немедленно создать учебные роты и научиться хорошо пользоваться огнестрельным оружием, чтобы быть готовыми дать ответ родине, когда она позовет...»².

К началу гражданской войны около 50 тыс. негров, в основном беглые рабы, проживали в Канаде. С первых же дней войны они официально объявили о своей готовности сражаться с мятежниками-рабовладельцами; в Канаде началось движение за создание негритянских полков. «Предложение было сделано лицом, ранее находившимся на дипломатической службе Соединенных Штатов. Он изъявил желание принять командование бригадой из 10 рот, большинство которых состояло бы из беглых негров. В связи

¹ «New York Daily Tribune», 2. V. 1861.

² «Liberator», 31. V. 1861.

с тем, что предложение было сделано серьезно, необходимо было направить серьезный ответ, который сводился к тому, что ни при каких обстоятельствах правительство не будет слушать подобных предложений¹.

Север вел войну не за уничтожение рабства, а за восстановление единства Союза. Но это была война против рабовладельцев, кроме того, руководители негров понимали, что в ходе вооруженной борьбы с мятежниками неизбежно должен был быть поставлен вопрос об освобождении рабов. Вот почему негры были среди тех, кто первыми и наиболее активно откликнулся на призыв Линкольна².

Губернаторы штатов телеграфировали в Вашингтон о большом наплыве добровольцев в федеральную армию³. Воззвание Линкольна вызвало особенно широкий отклик среди фермеров западных штатов. Маркс подчеркивал исключительно большую роль Запада в борьбе с рабством. В июле 1861 г. он писал Энгельсу: «При ближайшем изучении американских дел я пришел к заключению, что конфликт между Югом и Севером... разразился... благодаря тому давлению, какое оказало на события необычайное развитие North Western States»⁴ (Северо-Западных штатов).

Северо-Запад был ударной силой антирабовладельческого блока. «Эта сила, — писал Маркс, — не была склонна ни по традициям, ни по темпераменту, ни по образу жизни тащиться от компромисса к компромиссу, подобно старым северо-восточным штатам»⁵.

Сыграв важнейшую роль в подготовке наступления на рабовладение, Запад с огромным энтузиазмом включился в формирование добровольческой федеральной армии, когда началась война.

На следующий день после опубликования призыва Линкольна в «Нью-Йорк уорлд» было опубликовано следующее заявление: «Сейчас, особенно для народа Новой Англии и для Великого Северо-Запада, который так настойчиво требовал проведения решительной политики, настало время доказать искренность своего решения и оказать поддержку правительству в опасное для него время». В заключение газета писала: «Сограждане свободных шта-

¹ «New York Daily Tribune», 12. V. 1861.

² Иванов Р. Ф. Негры и гражданская война в США. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США». М., 1961, стр. 247 — 250.

³ A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 231.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXIII, с. 30.

⁵ Там же, т. 15, с. 346.

тов! Настал час доказать вашу лояльность, испытать ваш патриотизм, заслужить благодарность страны»¹.

1 мая из Бостона сообщали: «Энтузиазм, с которым народ Запада сплотился на защиту Союза, в огромной степени превосходит ожидания наиболее оптимистичных республиканцев. На просторах всего Северо-Запада полное единство мнений: каждый город Иллинойса выставляет солдат. Многие городки с пятью-шестью тысячами жителей располагают двумя или тремя ротами, готовыми к действию. Формируются также роты для прохождения военного обучения, чтобы в случае необходимости они были готовы выступить в любой момент. Деньги льются, как вода, дамы объединяются, чтобы шить для солдат рубашки, одеяла и даже мундиры и брюки.

Были приняты меры для того, чтобы заботиться о семьях солдат во время их отсутствия»².

Из штата Айовы сообщали: «У нас в штате 10 дней назад было две партии, а сейчас в Айове только одна партия, которая безоговорочно выступает за конституцию и союз»³.

Большинство солдат, пришедших добровольцами в федеральную армию в первые же дни после призыва Линкольна, были из западных штатов: «Предложения войск с Запада поразительны. Правительство уже получило предложения о военной службе от 250 тыс. человек, все они (проживают. — *Р. И.*) к западу от Аллегана. Это огромное число людей готово к немедленной и активной военной службе, каждый полк представляет собой закаленное войско. Люди Северо-Запада искренне поднялись на защиту правительства»⁴.

Со времени войны за независимость страна не знала такого массового взрыва патриотизма. Огромные национальные флаги были вывешены во всех населенных пунктах. В церквях не слышно было монотонной церковной музыки, на папертях выступали ораторы с призывами идти на Ричмонд, а с хоров гремела медь оркестров, исполнявших национальный гимн и «Марсельезу»⁵.

«Грохот артиллерийских орудий у Самтера пробудил страну от политического кошмара, который так долго мучил и парализовал ее. Северный лев поднялся во весь свой рост...»⁶

¹ «New York Daily Tribune», 16. IV 1861.

² «Rebellion Record», Vol. I, Diary of Events, p. 45.

³ «New York Daily Tribune», 8. V 1861.

⁴ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 3, p. 86.

⁵ E. Miers. New Jersey Goes to War. — «The Journal of Rutgers University Library», New Brunswick, April, 1961, Vol. 24, N 2, p. 35 — 37; J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 4, p. 479 — 485.

⁶ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 4, p. 85.

Подъем, охвативший Север, свидетельствовал о том, насколько сильна была оппозиция рабству, сколько накопилось на Севере взрывчатого материала, который мог смести с лица земли и мятежников и всю рабовладельческую систему. В стране создалось критическое положение, все зависело от того, в какие действия выльется возмущение народных масс, какое применение найдет энергия народа, пробужденная предательским выступлением рабовладельцев. Очевидец этих событий свидетельствовал, что имущие классы Севера опасались, что выступления народных масс перерастут «в восстание низших слоев населения против богатых классов, и в особенности против тех, которые принадлежали к демократической партии»¹.

Организаторы мятежа были явно обеспокоены огромным патриотическим подъемом, охватившим Север. В корреспонденции из Джорджии говорилось о «депрессии среди лидеров (рабовладельцев. — Р. И.) в связи с сообщениями о поразительном подъеме на Севере, к которому они были совершенно не подготовлены»². Рабовладельческая газета, издававшаяся в Новом Орлеане, писала: «Мы не можем поверить сообщениям телеграфа о поголовной измене большинства граждан города Нью-Йорка, которые всегда открыто заявляли, что они являются друзьями Юга и врагами черного республиканизма». Комментируя это заявление, «Нью-Йорк дейли трибюн» писала: «Дж. Дэвис и его конфедераты имели о Севере меньшее представление, чем китайцы о Европе, и это невежество привело их к абсурдной уверенности, что свободные штаты предпочли бы страдать, но не пойти на войну»³.

Было очевидным, что, помимо огромного перевеса над рабовладельцами в людских и материальных ресурсах, Север располагал еще мощным потенциальным оружием — по первому зову федерального правительства в тылу рабовладельцев могло начаться всеобщее восстание рабов. Корреспондент «Северный пчелы» сообщал из США: «...Сколько бы он (Линкольн. — Р. И.) ни потребовал новых войск на службу отечеству, требование его будет исполнено. Север желает победы и победит. Самой решительной мерой с его стороны будет воззвание к южным невольникам»⁴.

Несмотря на то, что федеральное правительство и не помышляло о таком воззвании, рабы как в мятежных, так и в лояльных рабовладельческих штатах восприняли начавшуюся гражданскую войну как сигнал к активизации борьбы за свое освобождение.

¹ Флетчер. История американской войны 1861 — 1865 гг., СПб., 1895, с. 49.

² «New York Daily Tribune», 1. V 1861.

³ Ibidem.

⁴ «Северная пчела», 17. VI 1861.

В ночь на 9 мая в округах Оуэн и Галатин, штат Кентукки, произошло восстание рабов, которым руководили белые. Была объявлена мобилизация и посланы гонцы в Индиану, чтобы заручиться военной поддержкой. Власти Индианы немедленно телеграфировали о своей готовности послать роту вооруженных солдат для подавления восстания¹.

10 мая из Франкфурта, штат Кентукки, сообщали, что 300 — 400 негров создали вооруженный отряд. Попытки разоружить привели к столкновениям, в которых было убито несколько человек².

Война только началась, а рабовладельцы уже испытывали на себе все трудности, которые переживает воюющая сторона, не имеющая никакой уверенности в прочности своего тыла. «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщала: «Паника, которую Джон Браун вызвал в Виргинии, была пустяком по сравнению с агонией страха, которую этот штат сейчас испытывает в связи с сессией... Юг обдуманно, упрямо, настойчиво наполнял свой дом горючим и взрывчатым материалом, а затем как безумный приложил факел. Рабы — смертельные враги Юга, и он не может иметь ничего более опасного»³.

Напряженное положение было и в других мятежных штатах, где в первые же дни после начала войны происходили многочисленные волнения рабов⁴.

Негры на Юге и на Севере восприняли начавшуюся гражданскую войну как реальную возможность осуществить свою вековую мечту — уничтожить рабство. И они всеми средствами стремились добиться этого, несмотря на то, что их возможности были крайне ограничены. На Севере на пути осуществления их стремлений стояло федеральное правительство, которое и не помышляло об уничтожении рабства. На Юге их действия парализовались системой жесточайшего террора, которая создавалась на протяжении многих десятилетий и к началу гражданской войны была доведена до совершенства. Но во всяком случае для негров, как рабов, так и свободных, цель войны была ясна — уничтожение рабства.

Среди других слоев населения страны не было единства точек зрения по вопросу о целях войны. Впереди была еще ожесточенная борьба за то, чтобы превратить ее из войны за подавление мятежа рабовладельцев, за восстановление Союза в войну за освобождение рабов, за уничтожение рабовладельческой системы.

¹ «New York Daily Tribune», 11. V 1861.

² Ibid., 12. V 1861.

³ Ibid., 14. V 1861.

⁴ H. Apt heker. The American Negro Revolts, p. 359 — 366.

2. Цели войны и соотношение сил

Лидеры мятежников-рабовладельцев, развязав гражданскую войну, стремились уйти от ответственности за этот акт государственной измены. В выступлениях и официальных заявлениях правительства Конфедерации настойчиво повторялась мысль о том, что Юг воюет только за сохранение прав штатов, в частности права на рабство и отделение от Союза. Они стремились мобилизовать все свое красноречие, чтобы попытаться доказать, что с их стороны война носит оборонительный характер.

В своих выступлениях руководители Конфедерации нередко спекулировали на революционных традициях американского народа, заявляя, что поднятый ими мятеж является такой же революцией, как и война северо-американских колоний Англии за независимость.

Но за всей этой словесной шелухой невозможно было скрыть реакционный, агрессивный характер мятежа. Сами лидеры рабовладельцев в пылу полемики нередко откровенно заявляли, что они стремятся уничтожить социально-политические порядки на Севере и распространить рабство на всю территорию страны. «Свободу, равенство и братство, — заявляли они, — мы властно заменили рабством, подчинением и управлением»¹.

Определяя территориальные притязания мятежников-рабовладельцев, Маркс писал: «Югу нужна вся его территория. Он хочет и должен ее иметь». Таков был боевой клич, с которым сепаратисты напали на Кентукки. Под «всей территорией» Юга они подразумевают прежде всего все так называемые *пограничные штаты* (border states) — Делавэр, Мэриленд, Виргинию, Северную Каролину, Кентукки, Теннесси, Миссури и Арканзас. Кроме того они претендуют на всю территорию к югу от линии, проходящей от северо-западной окраины Миссури до Тихого океана. Следовательно, то, что рабовладельцы называют «Югом», охватывает более чем три четверти владений Союза². Таковы были территориальные притязания рабовладельцев, но это была только программа-минимум. Экстремистские круги мятежников шли еще дальше, они открыто выступили с требованием создать «великую рабовладельческую республику», которая включала бы Кубу, Мексику и страны Южной Америки. Фредерик Дуглас заявлял: «Джефферсон Дэвис и его правительство не делают секрета относительно войны и не скрывают ее цель. Она заключается в

¹ «Congressional Globe», 38-th Congress, 1-st Session Appendix, p. 42.

² Маркс К. и Энгельс Ф. . Соч., т. 15, с. 348 — 349.

том, чтобы сделать рабство африканской расы на американском континенте всеобщим и вечным»¹.

Создатели и лидеры рабовладельческой Конфедерации открыто говорили, что во всех своих действиях они руководствуются расистской теорией. Наиболее откровенно эту точку зрения сформулировал вице-президент Конфедерации Александр Стефенс: «Наше новое правительство... основано на той великой истине, что негр не равен белому человеку, что рабское подчинение высшей расе является его естественным и нормальным состоянием. Наше новое правительство впервые в мировой истории базируется на этой великой материальной, философской и моральной истине»².

По поводу этого выступления лидера рабовладельцев Маркс писал, что «вице-президент южной Конфедерации заявил на конгрессе сецессионистов, что конституция, высиженная в Монтгомери, существенно отличается от конституции Вашингтона и Джефферсона тем, что теперь впервые рабство признается само по себе благотворительным институтом и краеугольным камнем всего государственного здания, в то время как революционные предки, люди, опутанные предрассудками XVIII века, смотрели на рабство как на исходящее от Англии и устранимое с течением времени зло»³.

Цели, которые преследовал в войне Север, были наиболее четко сформулированы в резолюции конгресса, принятый 22 июля 1861 г., где говорилось, что война ведется «не в целях уничтожения установившихся институтов (рабства. — *Р. И.*), а для того, чтобы защитить и отстоять верховную власть конституции и сохранить Союз... Как только эти цели будут достигнуты, война должна прекратиться»⁴.

Резолюция носила явный отпечаток политической линии, сформулированной в речи Линкольна при вступлении в должность президента, она фактически повторяла доктрину Линкольна: восстановление единства Союза, невмешательство в дела рабовладельческих штатов, отказ от всяких попыток уничтожить рабство. При вступлении Линкольна в должность, когда рабовладельцы еще не совершили прямого военного нападения на Союз, эта линия могла с точки зрения умеренных кругов буржуазии найти какое-то оправдание как попытка умиротворить рабовладельцев. Но после начала гражданской войны подобная установка была

¹ Ph. Foner (ed.). Fr. Douglass. Selections..., p. 69.

² «Rebellion Record», Vol. I, Documents, p. 45.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 339.

⁴ «Congressional Globe», 37-th Congress, 1-st Session, p. 222.

глубоко ошибочна. Это был открытый курс на то, чтобы парализовать энергию народных масс, не допустить перерастания гражданской войны во всенародную вооруженную борьбу за полное уничтожение рабства.

Только немногочисленные круги буржуазии выступали за уничтожение рабства. Консервативные буржуазные круги, связанные с рабовладельческой экономикой Юга, симпатизировали мятежникам и на протяжении всей войны играли роль агентуры рабовладельцев на Севере. Подавляющее же большинство буржуазии придерживалось позиции, изложенной в вышеприведенной резолюции конгресса, это была официальная политика правительства Линкольна.

В определении этой позиции решающую роль сыграли консервативные круги буржуазии, экономически заинтересованные в сохранении рабства. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что война за уничтожение рабства всколыхнула бы самые широкие слои трудящихся на Севере и Юге, вовлекла бы их в революционную борьбу за уничтожение рабовладельческой частной собственности. А собственность, даже вражеская, была для буржуазии священна. Позднее, 3 декабря 1861 г., Линкольн в послании конгрессу заявлял: «Разрабатывая политику, необходимую для подавления мятежа, я заботился и всемерно стремился к тому, чтобы неизбежный в связи с этим конфликт не перерос в неистовую и безжалостную революционную борьбу»¹.

Забываясь о сохранении института рабства на Юге, буржуазия демонстрировала свою классовую солидарность с рабовладельцами и одновременно беспокоилась о сохранении своих капиталов. Как писал Маркс, «нападение на одну форму собственности — на одну форму частной собственности на условия труда — было бы очень опасно и для другой формы»².

Оказавшись вовлеченной в гражданскую войну, буржуазия надеялась на полный и быстрый военный разгром рабовладельцев без провозглашения революционных целей войны и без риска, связанного для нее с такой войной.

Буржуазия, легко одержавшая победу на выборах 1860 г., уверовала в свои силы, а огромный перевес военно-экономического потенциала Севера над Югом еще больше укреплял эту уверенность. Архаической рабовладельческой экономике Юга противостояла мощная, развитая по тем временам экономика северных штатов.

После начала военных действий к мятежной Конфедерации

¹ «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, Appendix, p. 3.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 39.

присоединились еще четыре рабовладельческих штата. Таким образом, 11 мятежным штатам противостояли 23 штата, оставшихся верными федеральному правительству. Население этих штатов составляло 22 млн. человек. В штатах рабовладельческой Конфедерации проживало всего 9 млн., из которых почти 4 млн. были рабами. Рабство мятежники считали своим важным преимуществом, «наиболее эффективным оружием, используемым Югом против Севера»¹. По их мнению, из 5 млн. белого населения мятежных штатов можно было легко создать армию в 600 тыс. человек, используя на всех основных работах в тылу рабов. Однако этим расчетам не суждено было оправдаться. Массовое антирабовладельческое движение в тылу Конфедерации заставило рабовладельцев выделить из состава своих вооруженных сил 100 тыс. человек, которые занимались только охраной рабов. Располагая большими людскими резервами, Север смог за время войны призвать в армию 2 898 304 человек, Юг — только 1 927 890².

На Севере находилась почти вся металлургическая, горнорудная, текстильная и военная промышленность страны, четыре пятых всего банковского капитала США, 22 тыс. миль железных дорог из 31 тыс. миль, имевшихся в стране. Сосредоточение на Севере фактически всех инженеров и квалифицированных рабочих давало федеральному правительству возможность быстро организовать военное производство. В канун гражданской войны 75 % промышленной продукции страны давали северные штаты³.

С точки зрения военно-экономического потенциала, людских резервов и размеров территории Север обладал решающим преимуществом перед Югом. При определении соотношения сил воюющих сторон необходимо учитывать и морально-политический фактор, который давал новые дополнительные преимущества Северу. Несмотря на ограниченные цели войны, которые провозгласило федеральное правительство, народные массы Севера были полны решимости разгромить мятежников-рабовладельцев. Правительство Линкольна могло рассчитывать на активную поддержку широких народных масс, чего ни в коей мере нельзя было сказать о правительстве рабовладельческой Конфедерации.

Передовые рабочие Севера предвидели неизбежность уничтожения рабства и заявляли, что война не может быть выиграна без освобождения рабов. В начале войны один из рабочих писал с фронта: «Я говорю прямо ребятам, что я воюю за свободу рабов»⁴. Сильвис заявлял: «С того дня, когда выстрелило первое ружье,

¹ V. Du Bois. *Black Reconstruction*, p. 58.

² C. Fish. *Op. cit.*, p. 249.

³ G. Milton. *Op. cit.*, p. 35; C. Fish. *Op. cit.*, p. 249; Фостер У. Очерк политической истории Америки, с. 381.

⁴ Фонер Ф. Указ. Соч., с. 353.

мой искренней надеждой было, что война не окончится до тех пор, пока не будет покончено с рабством»¹.

Руководители аболиционистов отвергали цели войны, сформулированные правительством, они считали, что причина войны кроется в рабстве, которое неизбежно должно быть уничтожено в ходе гражданской войны.

21 апреля Уэнделл Филлипс говорил: «Наша борьба не является борьбой между различными идеями. Это битва между варварством и цивилизацией, которая может быть разрешена только силой оружия... Во всем этом конфликте я смотрю только на свободу, только на рабов... Эта война означает одно из двух: или освобождение рабов, или раскол Союза (аплудисменты). Когда рассеется дым конфликта, обнаружится только это, и ничто другое... В грохоте и шуме конфликта может ускользнуть действительно спорный вопрос. Европа и некоторые из нас могут подумать, что мы сражаемся за формы и пергаменты, за суверенитет и флаг. Но в действительности не может быть сомнений, что это война цивилизации против варварства, свободы против рабства»².

Аболиционисты призывали Линкольна освободить рабов. 22 июня 1861 г. аболиционисты города Гента, штат Нью-Йорк, в обращении к президенту заявляли: «Собственность на человека рассматривается как основной краеугольный камень правительства (Конфедерации. — Р. И.), а справедливые, демократические принципы нагло, вызываясь отвергнуты мятежниками. Они ведут сейчас самую дикую, кровавую войну против правительства, которое столь верно защищает их рабовладельческое варварство, и они открыто угрожают уничтожить и поработить народ Севера... Рабы превращены в фактор, усиливающий предателей и мятежников, они должны быть немедленно объявлены свободными. Обращаемся к вам, как к главе исполнительной власти, чтобы восторжествовала справедливость, чтобы война была закончена как можно скорее, провозгласите освобождение рабов во всех штатах и на территориях, находящихся под юрисдикцией правительства США... Мы уверены, что вы получите тем самым активную поддержку и завоюете симпатии подавляющего большинства наших избирателей и благодарственную похвалу всего цивилизованного мира»³.

Джеррит Смитт, один из немногих активных аболиционистов, обладавших крупным состоянием, предложил за свой счет снарядить полк негров-солдат. Смитт и в предвоенные годы ока-

¹ B. Mandell. Op. cit., p. 194.

² «Rebellion Record», Vol. I, Documents, p. 126, 130, 131.

³ «New York Daily Tribune», 30. VI. 1861.

зывал большую материальную помощь аболиционистскому движению. Он освободил 3 тыс. негров, отказался от принадлежавших ему 120 тыс. акров земли, израсходовал 16 тыс. долларов на войну в Канзасе, оказывал значительную финансовую поддержку Джону Брауну. С первых дней войны Джеррит Смитт отправил в армию своего сына и добился, чтобы он не получал полагающейся оплаты. Это был авторитетный, хорошо известный в стране человек, к голосу которого внимательно прислушивалась американская общественность.

20 мая, выступая на митинге в Нью-Йорке, Смитт заявил, имея в виду негров: «Мы все люди, мы сражаемся за свободу (громовые аплодисменты). Решается вопрос не о деньгах, классах, а о свободных институтах и народном правительстве...» Смитт требовал принять решительные меры против мятежников: «Покажите мне сегодня предателя, и я укажу вам на веревку, которая свита для того, чтобы повесить его (*Бурные аплодисменты*). Сейчас нет времени для сладкоречивой болтовни»¹.

Джеррит Смитт выражал твердую уверенность в том, что вой на завершится уничтожением рабства: «Конец американского рабства близок, то, что рабство будет уничтожено путем кровопролития, не удивляет меня. В течение 15 лет я постоянно предсказывал, что это произойдет»².

Пресса аболиционистов требовала, чтобы правительство Линкольна объявило целью войны уничтожение рабства. «Либерейтор» писал: «Действительно, есть Север, но Север только для белого человека. Действительно, Север горит ненавистью к Югу, но не пылает любовью к рабу. Лидером этой войны не является Джон Браун... Вы думаете, что Джон Браун сражался бы за Союз, если бы он мог видеть происходящее?»³

Печатный орган Гаррисона резко критиковал Линкольна за нежелание освободить рабов и высказывал серьезные сомнения в целесообразности участия аболиционистов в войне, которая не имеет своей целью уничтожение рабства. В письме Д.Т. Эверетт Гаррисону, говорилось: «М-р Линкольн никогда не выражал никакого намерения или желания освободить 4 млн. рабов... Могут ли аболиционисты участвовать в войне, главная цель которой заключается в поддержании Союза, где защищаются собственности рабовладельца на человека?»

Для нас время сражаться (если мы решим участвовать в какой-либо войне) наступит тогда, когда все участники войны и

¹ «Rebellion Record», Vol. I, Documents, p. 118.

² «New York Daily Tribune», 3. V. 1861.

³ «Liberator», 10. V. 1861.

одной стороне будут за свободу, а все на другой стороне — за рабство»¹.

Подобная позиция была глубоко ошибочна, она на практике привела к тому, чтобы разоружиться перед лицом агрессии рабовладельцев, занять позицию невмешательства, в то время как задача заключалась в том, чтобы принять активное участие в вооруженной борьбе и оказывать всемерное давление на правительство Линкольна, заставить его изменить цели войны, освободить рабов.

В этот критический момент Гаррисон проявил политическую дальновидность. Он многое сделал для преодоления раскола в «Аболиционистском движении и мобилизации сил аболиционистов для вооруженной борьбы с рабовладельцами. Когда началась гражданская война и борьба против рабства перенеслась на поля сражений, Гаррисон порвал со своей прежней политикой непримирения и заявил: «Мое сердце аболициониста бьется в унисон с сердцами всех людей Севера»².

Война способствовала организационному сплочению аболиционистов, что нашло отражение в создании в ноябре 1861 г. Лиги эмансипации, объединившей все силы аболиционистского движения. Раскол был преодолен, аболиционистское движение стало важной политической силой в борьбе за изменение целей войны, за освобождение негров.

Фредерик Дуглас был одним из первых руководителей аболиционистского движения, выступивших за освобождение рабов. В самом начале войны появилась его статья «Как кончить войну?». В статье говорилось, что судьба войны должна решаться не только на военном, но и на политическом фронте. Дуглас решительно выступил за переход к революционной войне, требовал освобождения рабов и призыва их в армию. Он прямо указывал на необходимость поднять восстание рабов на Юге³. «Пусть рабы и свободные цветные граждане, — писал Дуглас, — будут призваны на военную службу и создадут освободительную армию, которая двинется на Юг, чтобы поднять среди рабов знамя освобождения». Дуглас обращался с призывом к восстанию и к самим неграм-рабам, считая восстание самым действенным средством уничтожения рабства⁴.

Никто из руководителей аболиционистов не занимал такой

¹ «Liberator», 31. V. 1861.

² R. Korngold. Two Friends of Man. The Story of William Lloyd Garrison and Wendell Philips and their Relationship with Abraham Lincoln. Boston, 1950, p. 285.

³ Ph. Foner (ed.). Fr. Douglass. Selections..., p. 34.

⁴ Ph. Foner (ed.). The Life and Writings..., Vol. III, p. 94.

революционной позиции в вопросе об освобождении рабов, как Фредерик Дуглас.

Дуглас в своих статьях и выступлениях в начале войны вскрыл всю беспочвенность утверждений рабовладельцев, заявлявших, что они воевали за права штатов. Он показал, что теория суверенитета штатов имеет своей главной целью оправдание и защиту рабства. Причину войны Дуглас видел в рабстве и с полным основанием считал, что цель войны должна заключаться в ликвидации причины, породившей ее. Дуглас заявлял, что война ведется не за изменение таможенного тарифа, банковской системы, не за конституционные права правительства. В мае 1861 г. Дуглас призвал правительство Линкольна «покончить с рабством — главной причиной войны»¹.

Вне зависимости от официальных целей войны, провозглашенных правительством Линкольна, было очевидно, что гражданская война неизбежно должна была завершиться уничтожением рабства. Для многих наблюдателей это стало ясно уже в начале войны. Собственный корреспондент русской газеты сообщал из США: «Борьба будет ужасна и результатом ее будут события, величайшие в нашем столетии. В числе главных ее следствий будет уничтожение невольничества. Этого результата никогда нельзя было бы достигнуть миролюбивым путем, до такой степени велика бездна, разделяющая Юг и Север!»².

Рабовладельцы полностью отдавали себе отчет в том, что в развязанной ими гражданской войне решалась судьба их системы. Поражение в войне было равносильно для них уничтожению как класса. Они поставили на карту все и не могли допустить, чтобы эта карта была бита. Путем жесточайшего террора плантаторы ликвидировали любую попытку массового антирабовладельческого движения в своем тылу. Противоречия и борьба за власть между отдельными группировками плантаторов существовали на протяжении всей войны. Но эти противоречия были на втором плане, а на первый выступало единство политических целей рабовладельцев, их сплоченность, стремление объединить все силы в борьбе с Севером. В целом эти задачи были выполнены.

В этом заключалась одна из причин, почему рабовладельческий Юг, бывший значительно слабее Севера, мог оказывать в течение четырех лет упорное сопротивление многочисленным федеральным армиям и даже угрожать самому существованию Союза.

На Севере не было единой точки зрения по вопросу о целях войны, причем этого единства не было в первую очередь у бур

¹ Ph. Foner (ed.). The Life and Writings..., Vol. III, p. 94.

² «Северная пчела», 7. VII. 1861.

жизни, которая являлась руководящей силой Севера в начавшейся гражданской войне. Объяснялось это тем, что «в то время промышленники еще только устанавливали свою гегемонию над торговцами и колеблющимися мелкобуржуазными элементами»¹. Рабочий класс в силу своей незрелости не мог возглавить борьбу против рабства.

Таким образом, перед лицом самого острого классового конфликта в истории страны Север оказался лишенным эффективного руководства, что сказалось уже в первых сражениях. Впереди была не только кровопролитная борьба с рабовладельцами на фронтах гражданской войны, но и тяжелая, упорная борьба за определение политического курса, который мог обеспечить разгром мятежных рабовладельцев и уничтожение рабства.

3. Военные и политические мероприятия правительства Линкольна в начале войны

События развивались стремительно. Не успел Линкольн вступить в Белый дом, как страна оказалась в состоянии гражданской войны. Новый президент был осторожным политиком, никогда не торопился с принятием важных государственных решений, всегда стремился осуществлять их только после того, когда становилось предельно ясно, что они соответствуют точке зрения общественного мнения. Но убедившись в необходимости того или иного решения, он без колебаний проводил его в жизнь. Так было и с вопросом о форте Самтер².

Перед лицом агрессии рабовладельцев Север оказался фактически безоружен. Регулярная армия насчитывала всего 16 тыс. человек³.

Обращение Линкольна к народу от 15 апреля нашло живой отклик. К 1 июля вместо 75 тыс. добровольцев, которых призывал в армию президент, насчитывалось уже 310 тыс.⁴. Но необходимо было время, чтобы организовать армию и пройти хотя бы элементарное военное обучение.

Осуществление военных мероприятий в северных штатах тормозилось в связи с тем, что на Севере повсеместно царила уверенность в скором и полном военном разгроме мятежников. «Жизне-

¹ Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 312.

² J. Franklin. From Slavery to Freedom. New York, 1956, p. 267.

³ P. Parish. Lincoln and Fort Sumter. — «History Today», London, 1961, Vol. II, № 4, p. 264.

⁴ J. Rhodes. History of the United States..., Vol. III, p. 247.

радостный оптимизм по поводу того, что война будет эфемерной, охватил все классы»¹. «Нью-Йорк дейли трибюн» изо дня в день на самом видном месте публиковала одно и то же воззвание: «Вперед на Ричмонд! Вперед на Ричмонд! Нельзя допустить созыва конгресса мятежников в Ричмонде 20 июля. К этому дню город должен находиться в руках национальной армии!»²

В первые дни войны Линкольн разделял общую уверенность в быстром разгроме мятежников. Показателем этого является тот факт, что в его прокламации о призыве 75 тыс. добровольцев срок их службы в армии определялся всего в 3 месяца. Но очень скоро президент отрешился от этих настроений. Уже 3 мая он опубликовал послание, в котором призывал в армию 42 тыс. добровольцев на три года службы. Эта же прокламация призывала во флот 18 тыс. моряков³.

Создание флота было не менее неотложной проблемой, чем формирование армии. С первого же дня войны рабовладельцы делали ставку на помощь из-за границы, и эти расчеты не были беспочвенными: правительства Англии, Франции, Испании открыто симпатизировали мятежникам и готовы были оказать им всемерную помощь. Чтобы помешать осуществлению этих планов, Линкольн уже 19 апреля объявил о блокаде морского побережья мятежной Конфедерации⁴.

Однако блокада имела чисто декларативный характер, так как в распоряжении правительства в этот момент имелось всего 12 кораблей, из которых только четыре могли принять участие в блокаде. Если учесть, что протяженность морского побережья южных штатов составляла 3549 миль, то станет очевидным, что эффективность блокады, провозглашенной Линкольном, практически была равна нулю⁵. Флот надо было создавать заново, эту цель и преследовало послание Линкольна от 3 мая, объявлявшее призыв во флот 18 тыс. человек.

На Юге уверенность в скорой победе была так же широко распространена, как и на Севере. Спустя три дня после падения форта Самтер одна из газет рабовладельцев писала, что «президент Дэвис оккупирует Белый дом в Вашингтоне до наступления зимы»⁶. Военный министр Конфедерации заявлял, что «знамя южной Конфедерации еще до 1 мая будет развеваться над куно

¹ T. Williams. Op. cit., p. 29.

² «New York Daily Tribune», 27. VI. 1861.

³ «Collected Works», Vol. IV, p. 353 — 354.

⁴ Ibid., p. 338 — 339.

⁵ Подробно о блокаде Конфедерации и ее роли в разгроме мятежников см.: «К столетию гражданской войны в США», с. 152 — 154.

⁶ «New York Daily Tribune», 17. IV. 1861.

ном старого Капитолия в Вашингтоне, а в скором времени, быть может, и над Фанл-холлом в Бостоне»¹. Генерал Борегар, штурмовавший форт Самтер, в обращении к войскам заверял своих солдат, что 4 июля он будет обедать в отеле Вилларда в Вашингтоне².

Эти выступления отражали авантюристическую стратегию мятежников, делавших основную ставку на внезапность нападения. Маркс и Энгельс писали: «Испытывая угрозу со стороны населения его территории рабов и значительной части самих белых, выступающих за сохранение Союза, имея на две трети меньше свободных жителей, чем Север, но зато более готовый к нападению благодаря множеству авантюристических бездельников, укрывшихся на его территории, Юг мог добиться успеха только в случае быстрого, смелого, почти дерзновенного наступления»³.

Однако наиболее дальновидные руководители мятежной Конфедерации понимали, что Юг не может рассчитывать на короткую войну. Генерал Роберт Ли, ставший позднее главнокомандующим вооруженными силами Конфедерации, писал весной 1861 г., что война может затянуться на 10 лет. Александр Стефенс в ответ на вопрос о возможных сроках продолжения войны иронически отвечал: «Я уверен, что она будет продолжаться до тех пор, пока не кончится»⁴.

В первые же дни после начала военных действий Линкольн столкнулся с проблемой пограничных штатов. Четыре пограничных рабовладельческих штата — Миссури, Кентукки, Мэриленд и Делавэр — не вошли в состав рабовладельческой Конфедерации. Это было крупным поражением мятежников и значительным успехом правительства Линкольна. Большое политическое значение имел тот факт, что мятежникам не удалось создать единый рабовладельческий фронт и противопоставить его Северу. Четыре рабовладельческих штата, не вошедшие в Конфедерацию, принимали выгодное стратегическое положение, они являлись своеобразным буфером между Севером и Югом, их территория являлась первым театром военных действий. Особенно важное положение занимал Мэриленд — если бы этот штат присоединился к Конфедерации, то столица Союза оказалась бы на территории мятежников. От позиции пограничных штатов во многом зависел весь ход войны. «В чьих руках они будут, — писал Маркс, — тот и будет господствовать над союзом»⁵.

Положение в пограничных штатах было очень тревожным, ни

¹ Цит по: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 339.

² «Rebellion Record», Vol. 2, Documents, p. 334.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 498.

⁴ E. Coulter. The Confederate States of America 1861 — 1865, p. 78.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXIII, с. 110.

на один день здесь не прекращалась борьба между сторонниками и противниками сепаратизма. Линкольн во всех своих мероприятиях, в первую очередь в тех, которые затрагивали проблему рабства, вынужден был учитывать интересы пограничных штатов.

Сразу же после нападения на форт Самтер президент столкнулся с враждебными действиями со стороны властей пограничных штатов. Губернаторы пограничных штатов ответили решительным отказом на призывы выставить войска для защиты Союза. Губернатор Кентукки отвечал Линкольну: «Кентукки не предоставит войск для безнравственной цели покорения ее братских южных штатов»¹.

Но пока это было только пассивное сопротивление. Вскоре и в Балтиморе произошло событие, свидетельствовавшее о готовности рабовладельческих элементов пограничных штатов перейти к открытым вооруженным выступлениям против федерального правительства². На улицах Балтимора сторонники мятежников забросали камнями и открыли огонь по солдатам 6-го Массачусетского полка, в завязавшейся перестрелке были убитые и раненые с обеих сторон. Во время волнений, охвативших Балтимору, сторонники сепаратизма захватили городской телеграф, были взорваны многие мосты, прервалась почтово-телеграфная связь и железнодорожное сообщение с Севером.

Создавалась прямая угроза открытого восстания сторонников рабовладельцев в тылу Севера, в непосредственной близости от столицы Союза. Линкольн в создавшейся обстановке действовал быстро и решительно. Он санкционировал арест мэра Балтимора и 19 членов законодательного собрания Мэриленда, известных как наиболее активные противники Союза. Для реализации этого решения пришлось преодолеть сопротивление Сьюарда, ряда членов правительства и председателя верховного суда США Ролжера Тэйни. Все они считали, что действия Линкольна являются нарушением закона о неприкосновенности личности.

По указанию Линкольна в Аннаполисе (штат Мэриленд) 27 апреля было создано военное управление во главе с полковником Батлером, который 16 мая, первым в новой армии Союза, получил звание генерал-майора³. Около тысячи федеральных солдат с приданными орудиями ночью 13 мая заняли высоту, господствующую над Балтиморой. Батлер обратился к населению с воз-

¹ J. Barrett. Op. cit., p. 230.

² H. Greeley. Op. cit., Vol. I, p. 461 — 472, 488 — 496; J. Barrett. Op. cit., p. 230 — 236; C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 233 — 235, 271 — 281.

³ R. Holzman. Stormy Ben Butler. New York, 1961, p. 45, 49.

инием, в котором говорилось, что малейшие нарушения закона будут подавлены силой оружия. Решительные меры Батлера парализовали активность прорабовладельческих элементов и вызвали быстрое одобрение общественности Севера¹.

Рабовладельцы были уверены, что вооруженное подавление реакции в пограничных штатах приведет к обратным результатам, вызовет массовые выступления за выход из Союза. «Чарлстон меркури» писала: «Виргиния скоро будет с нами, и другие пограничные штаты последуют по ее пути. Аболиционистское правительство в Вашингтоне силой заставило эти штаты определить свою позицию... Несчастные фанатики и шарлатаны в Вашингтоне проводят тот самый политический курс, которого мы должны искренне желать»².

В июне обстановка в Мэриленде вновь обострилась, вследствие чего федеральные вооруженные силы провели новую серию арестов. Среди арестованных был начальник полиции и другие чиновники полицейского ведомства. К концу июня главные силы сепаратистов Мэриленда были разгромлены и исчезла угроза выхода штата из Союза. Жизнь в Мэриленде нормализовалась. Было сформировано четыре полка для несения внутренней службы и для защиты Вашингтона, прошли выборы в конгресс, сессия которого открывалась 4 июля, победу на выборах одержали сторонники единства Союза.

Одновременно с Мэрилендом реакция подняла голову и в остальных пограничных штатах. В Делавэре позиции сепаратистов были не очень сильны и выступления за отделение были здесь быстро подавлены.

В Кентукки борьба носила более длительный и упорный характер. Большую роль в подавлении антиправительственных выступлений в этом штате сыграл герой Самтера Роберт Андерсон, который был произведен Линкольном в бригадные генералы. Андерсон со своими войсками занял Цинциннати и не допустил выхода этого штата из Союза. Когда в июне 1861 г. состоялись выборы в конгресс, то в девяти избирательных округах из десяти победу одержали сторонники Союза.

Особенно сильны были позиции сепаратистов в Миссури, борьба здесь носила исключительно упорный и продолжительный характер. В Миссури были созданы два правительства, каждое из которых имело свои вооруженные силы; военные действия, начавшиеся между ними, приняли характер настоящей гражданской войны.

¹ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. IV, p. 165 — 170.

² «Liberator», 17. V. 1861.

По приказу Линкольна в Миссури были направлены федеральные войска, которые приняли активное участие в этой борьбе. В военных действиях, развернувшихся здесь весной и летом 1861 г., особенно успешно действовали войска под командованием немецкого иммигранта-социалиста полковника Зигеля, которому Линкольн позднее присвоил звание генерала.

С помощью федеральных войск сепаратисты были разгромлены, и отделение Миссури от Союза было предотвращено.

Подавив выступления реакционных элементов в Мэриленде и в других пограничных штатах, Линкольн убедительно продемонстрировал свою решимость полностью использовать права президента в борьбе с врагами единства Союза. Прорабовладельческие круги Севера обрушились на Линкольна с резкими нападениями за его действия в пограничных штатах; президента обвиняли в нарушении законов, в превышении власти, в диктаторстве. В ответ на эти обвинения Линкольн в послании конгрессу от 4 июля¹ заявил, что он санкционировал отмену Habeas corpus в ряде районов, что формально явилось отступлением от закона. «Но, — говорил президент, — разве не целесообразней нарушить один закон, чем допустить уничтожение всех законов и падение правительства?.. Утверждают, что исключительно конгрессу, а не правительству принадлежит подобное право. Однако в конституции не говорится, кто должен пользоваться этой властью».

Линкольн выиграл первую битву за пограничные штаты, но на протяжении всей войны они оставались для него одной из важнейших проблем. При каждой неудаче Севера здесь вновь поднимала голову реакция, угрожая ударить в тыл Союзу. Пограничные штаты лежали тяжелым грузом на политике Линкольна, который постоянно должен был предвидеть, какую реакцию вызовут среди лояльных рабовладельцев те или иные его мероприятия.

Первые недели после начала войны явились очень серьезным испытанием для правительства Линкольна. Столица была совершенно безоружна, со дня на день ожидали наступления мятежников и падения Вашингтона, на Севере активизировались сторонники рабовладельцев. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала в те дни: «Реальная сила южных заговорщиков находится на Севере. Их поддерживают у нас морально, их защищают респектабельные круги наших государственных деятелей, поддерживают некоторые наши лучшие газеты, за ними ухаживают крупнейшие коммерческие классы, им оказывается помощь нашим преуспевающим сельским хозяйством, они пользуются симпатией ряда главных церковных организаций»².

¹ «Collected Works», Vol. IV, p. 430.

² «New York Daily Tribune», 14. V. 1861.

На глазах таял немногочисленный офицерский корпус регулярной федеральной армии. Большинство выпускников Вест-Пойнта были южанами, симпатизировали мятежникам и массами уходили в армию Конфедерации. Уже начались военные действия, а мятежники продолжали получать с Севера большое количество оружия, используя там свою агентуру¹.

Позднее Линкольн, вспоминая тревожную обстановку, сложившуюся в первую неделю после падения форта Самтер, заявил: «Огромное количество мушкетов и ружей каким-то путем попало в отделившиеся штаты и было захвачено с тем, чтобы использовать их против правительства. Накопления от общественных доходов, находившиеся у них, были захвачены с той же целью. Флот был разбросан по отдаленным морям, и только очень небольшая часть его была оставлена для самых неотложных нужд правительства. Огромное число офицеров федеральной армии и флота уходило в отставку, многие из них подняли оружие против правительства»².

Военная неподготовленность, отсутствие единства в правящих кругах Севера, активные выступления контрреволюции в северных штатах, готовящиеся перейти в наступление отобилизованные армии мятежников — все это создавало угрозу гибели правительства Линкольна в первые же дни его прихода к власти.

В этих условиях Линкольн принял решительные меры. По его указанию 20 апреля в 3 часа дня одновременно во всех телеграфных конторах Севера были изъяты копии всех полученных и отправленных в течение года корреспонденций.

Сессия конгресса должна была открыться только 4 июля, и поэтому Линкольн без санкции конгресса расходовал миллионы долларов из фонда казначейства. И вновь на Севере заговорили о диктаторстве президента, о превышении им власти. Линкольн отвечал на это: «Для меня необходимо было решить — либо я допущу немедленное превращение правительства в руины... либо должен буду предпринять усилия по спасению его, используя более широкие полномочия, которые конституция предоставляет президенту в случае мятежа»³.

О правильности принятых Линкольном мер свидетельствовала реакция прессы мятежников. Одна из газет, издававшихся на Юге, писала: «Кажется, эта власть совсем забыла, что есть законодательный орган, известный как конгресс. Она дерзко присво-

¹ «New York Daily Tribune», 16. V. 1861.

² «Collected Works», Vol. IV, p. 422.

³ C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 232.

ила себе многочисленные права, которыми никогда не располагал Луи Наполеон или император России. Республиканский кабинет превратился в олигархию, обладающую неограниченной властью... Почему бы м-ру Линкольну не опубликовать громовой декрет, объявляющий уничтожение конгресса и наделение Линкольна и его друзей пожизненной властью с правом делать все, что они пожелают, будь это законно или незаконно?»¹

Картина, нарисованная рабовладельческой газетой, не отражала действительного положения вещей. Респрессии, предпринятые Линкольном против агентуры рабовладельцев, и другие осуществленные им меры были минимумом, необходимым для спасения страны. Неизбежность их была очевидна в условиях гражданской войны, когда обычные нормы права и методы руководства государственной жизнью перестают соответствовать изменившимся условиям.

Правительство Линкольна столкнулось с большими трудностями в создании боеспособной армии. США не имели опыта формирования и руководства массовыми армиями, так как в силу своего географического положения Соединенным Штатам никто не угрожал, и на протяжении всей своей истории — от войны за независимость и вплоть до начала гражданской войны — страна была избавлена от тяжелого бремени содержания крупных вооруженных сил.

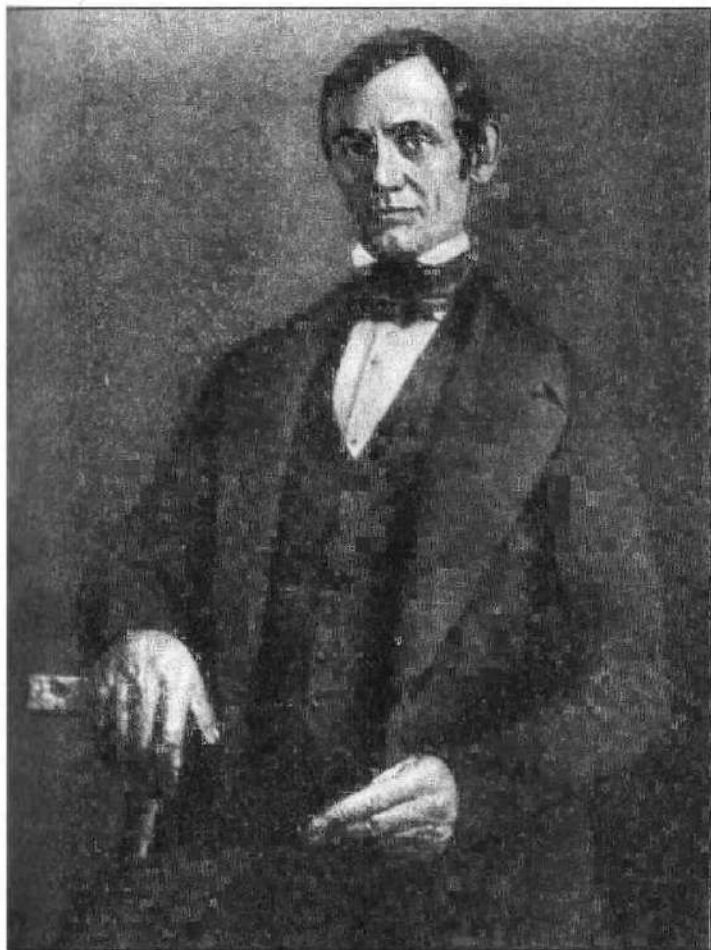
Генералитет США имел меньше военного опыта, чем военные руководители любой крупной державы Европы. И вот теперь страна оказалась в состоянии войны, которая охватила вскоре огромную территорию, потребовала призыва в армию миллионно людей, создания и использования огромного количества самого современного вооружения. Без наличия необходимого военного опыта решить эти проблемы было чрезвычайно трудно.

Сложность задачи заключалась также в том, что приходилось иметь дело с самыми разнородными воинскими соединениями: кадровыми войсками, добровольцами, вступившими в армию ни три месяца и на три года, милицией штатов. Кроме того, вскоре после начала войны 313 кадровых офицеров, т.е. около трети офицерского корпуса федеральной армии, ушли в отставку и вступили в армию Конфедерации². Предстояло решить проблему колоссальной трудности — создать из этих необученных, плохо организованных отрядов армию, способную к активным наступательным операциям.

Линкольн и его ближайшие военные советники лихорадочно

¹ «Rebellion Record», Vol. I, Documents, p. 138.

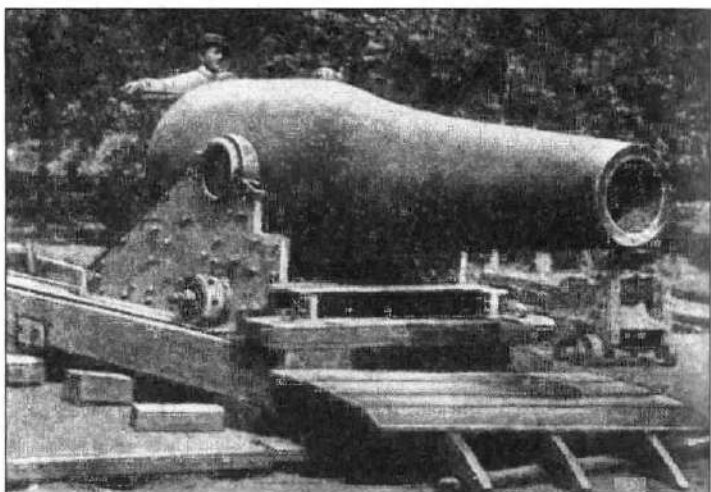
² A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 108.

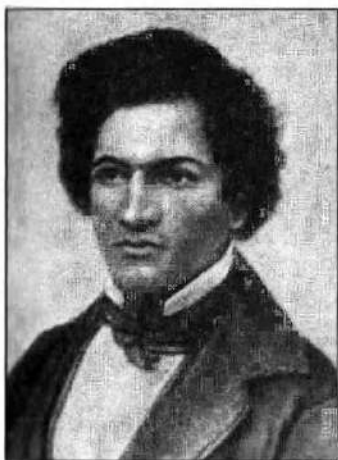
Линкольн в 1846 году. Самая ранняя фотография.

Хижина, в которой родился Авраам Линкольн.

Защитница столицы Федерации.

Фредерик Дуглас.

Генерал Джон Фримонт.

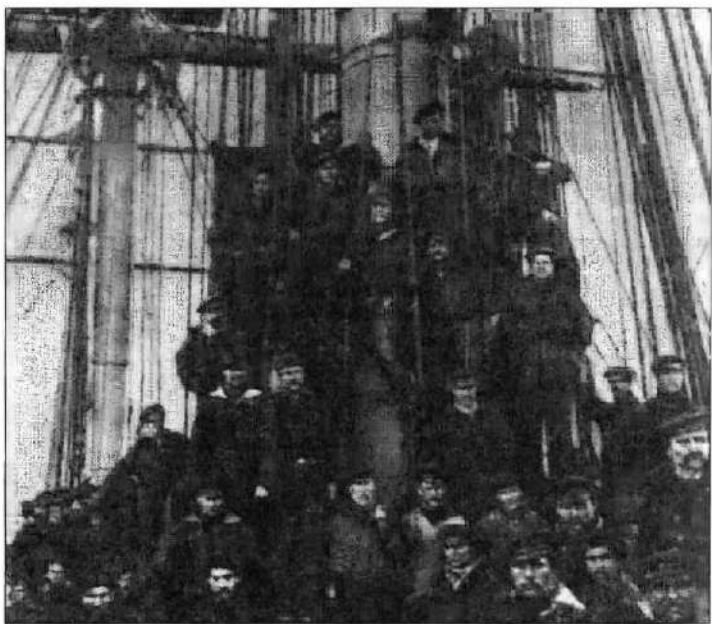
Негры-солдаты.

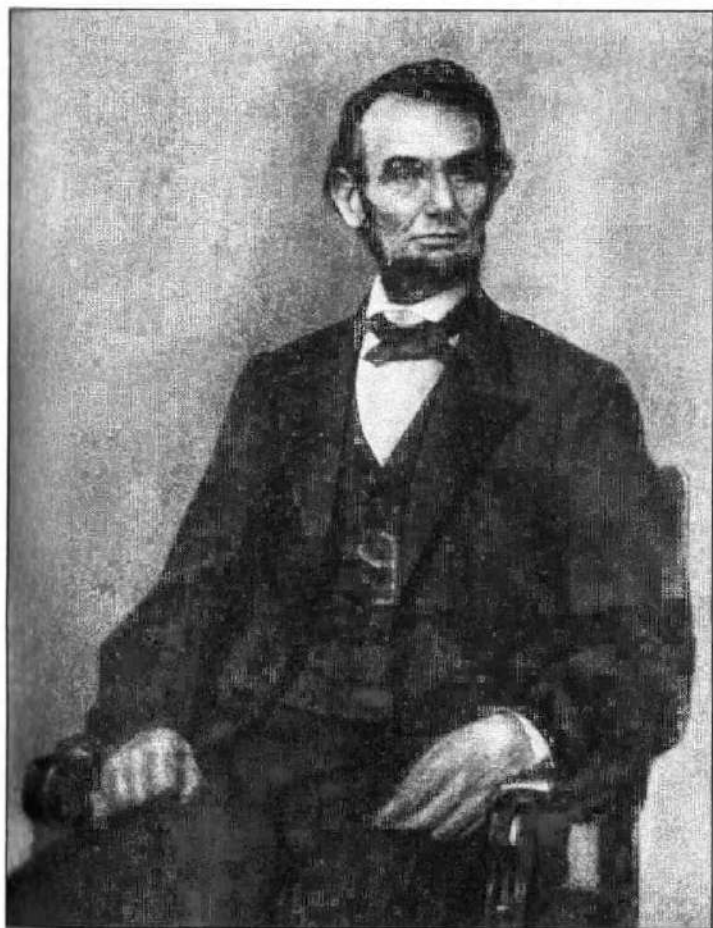
Горас Грили.

Генерал Бенджамен Батлер.

Команда русского фрегата «Ослябя» во время посещения Александрии (Виргиния).

Авраам Линкольн.

Генерал Улиссес Грант.

Генерал
Уильям Шерман.

Линкольн зачитывает текст Прокламации об освобождении членам правительства.
Слева направо: Стентон, Чейз, Линкольн, Уэллс, Сьюард, Смит, Блэйр и Бейс.

Последняя фотография Линкольна, 9 апреля 1865 г.

обсуждали пути и средства создания и обучения армии, вырабатывали планы будущих военных операций. В перспективе вырисовывалось создание мощных армий, оснащенных современным вооружением, но это была только перспектива, и не больше. Действительное же положение вещей выглядело в очень мрачном свете. Вашингтон был фактически на осадном положении, но совершенно не располагал боеспособным гарнизоном. Постоянным напоминанием о реальной опасности, угрожавшей столице, являлся тот факт, что президент из Белого дома мог видеть в подзорную трубу флаг Конфедерации над городком Александрией, находившимся всего в 8 милях от столицы, вниз по течению реки Потомак.

Прошла неделя после падения форта Самтер, а в Вашингтон не прибыло ни одного солдата, в то время как вокруг Александрии сосредоточилась армия мятежников, насчитывавшая 15 тыс. человек. Восьмитысячный гарнизон конфедератов находился в Харперс-Ферри.

Поползли зловещие слухи о скором наступлении мятежников и неминуемом падении столицы. «Север охватила паника в связи с угрозой безопасности Вашингтона»¹. Линкольн с тревогой следил за информацией о продвижении добровольческих полков на юг. Секретарь президента Джон Хей писал в дневниках, что президент испытывал большое беспокойство в связи с тем, что задерживалось прибытие в столицу федеральных войск².

Наконец 18 апреля в Вашингтон прибыл первый контингент федеральных вооруженных сил — 460 волонтеров из штата Пенсильвания³. Это были солдаты 7-го Нью-Йоркского полка. Жители Вашингтона восторженно приветствовали шегольский Нью-Йоркский полк, который с развернутыми знаменами под грохот барабанов совершил торжественный марш по улицам столицы. Вскоре прибыло 1200 человек массачусетской бригады под командованием полковника Батлера и другие части. К 27 апреля в Вашингтоне уже было 10 тыс. солдат, а к 9 мая гарнизон столицы насчитывал 20 тыс. человек.

Непосредственная опасность столице миновала, и теперь можно было в более спокойной обстановке заняться разрешением неотложных проблем.

Серьезные трудности правительство Линкольна испытывало в финансовой сфере. Казначейство было опустошено, а армия

¹ J. Randall, D. Donald. The Divided Union. Boston, 1961, p. 195.

² J. Dennett. Lincoln and the Civil War in the Diaries and Letters of John Hay. New York, 1939, p. 6, 11.

³ B. Catton. The Coming Fury, p. 340.

каждый день требовала огромных средств. В первые дни после начала войны предприниматели и банкиры Севера не скупались на пожертвования федеральному правительству. Однако патристический порыв у бизнесменов быстро уступил место трезвому расчету. Шла война, положение правительства Линкольна внушало серьезные опасения, и владельцы капиталов не хотели участвовать в предприятии, исход которого был сомнителен.

Большую роль в определении позиции деловых кругов сыграло принятие в Конфедерации 21 мая закона об аннулировании всех долгов Северу, достигавших 300 млн. долл. Закон запрещал отдельным гражданам и корпорациям расчеты по долговым обязательствам Северу. Все долги надлежало выплатить правительству Конфедерации¹.

С исключительной остротой стояла проблема создания боеготовых вооруженных сил. Федеральное правительство не успело еще закончить формирование армии, как она начала распадаться. Подходил к концу срок службы в армии добровольцев, записавшихся на три месяца, и все чаще стали раздаваться требования распустить по домам добровольческие полки².

Республиканские круги Севера были серьезно обеспокоены создавшимся положением. Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» писал 29 мая из Вашингтона: «Господин президент и господа министры! Полтора миллиона читателей «Трибюн»... желают знать, намереваетесь вы превратить эту войну в продолжительную или краткую... Данный вопрос более серьезен, чем наступление на Ричмонд или атака на Харперс-Ферри»³.

Страна с напряженным вниманием ждала открытия сессии конгресса и послания президента, которые должны были дать ответы на волновавшие ее проблемы.

4 июля 1861 г., в день национального праздника США начал свою работу конгресс, с посланием к которому обратился Линкольн⁴. Президент не скрывал трудностей, но выражал твердую уверенность в том, что американская республика с честью выйдет из тяжелого кризиса.

Эта часть послания Линкольна имела важное международное значение. Соединенные Штаты были в то время единственной крупной державой с республиканской формой правления, и, когда началась гражданская война, реакционная европейская пресса, особенно английская и французская, уверяла своих читателей,

¹ «Rebellion Record», Vol. I, Documents, p. 265.

² B. H. Liddell Hart. Op. cit., p. 91.

³ «New York Daily Tribune», 1. VI. 1861.

⁴ «Collected Works», Vol. IV, p. 421 — 441.

что американский кризис порожден республиканской формой правления, доказавшей свою несостоятельность. «Привилегированные классы Европы, рассматривающие демократию не больше как власть толпы, глумились над американскими теориями, уверяя, что они должны рухнуть»¹.

Отвечая на подобные утверждения, Линкольн говорил в своем послании: «Для народа настало время показать всему миру, что те, кто мог честно одержать победу на выборах, могут подавить и мятеж; что, когда голосование решает честно и конституционно, не может быть никакой успешной апелляции, за исключением обращения к голосованию на последующих выборах. Это будет великий урок миру, учащий людей, что то, чего они не могут приобрести на выборах, не может быть получено войной, убиравший всех, что глупо быть зачинщиком войны».

Правительство Линкольна столкнулось с большими трудностями. Чиновничий аппарат был громоздок и неповоротлив, прожорлив и нечист на руку. Интриги, коррупция, карьеризм процветали во всех звеньях государственного аппарата. Линкольна серьезно беспокоило это положение вещей, ослаблявшее позиции Севера в войне с Югом. Он спрашивал в своем послании: «Является ли неотъемлемым для любой республики фатальная слабость? Должно ли правительство по необходимости быть столь сильным, чтобы отстоять свободы своего народа, или же столь немогущим, чтобы не суметь обеспечить свое собственное существование». Линкольн подчеркивал, что решение этого вопроса должно показать преимущества или недостатки республиканской формы правления. «Эта спорная проблема, — говорил Линкольн, — включает в себя больше, чем только решение судьбы Соединенных Штатов. Она ставит перед всей человеческой семьей вопрос, может ли конституционная республика или демократия, правительство народа, управляемое самим народом, отстоять свое территориальное единство против своих собственных внутренних врагов».

Линкольн выражал твердую уверенность в способности республиканского правительства решить эти проблемы при условии «предоставления правительству всей полноты военной власти». Конгрессмены встретили бурными аплодисментами предложение Линкольна призвать в армию 400 тыс. человек и предоставить правительству 400 млн. долл., чтобы «завершить эту борьбу быстро и решительно». В послании Линкольна большое внимание уделялось роли народных масс в гражданской войне. Президент заявлял, что на его обращение о призыве в армию добровольцев

¹ В. Thomas. Op. cit., p. 268.

«нация дала удовлетворительный ответ. Единодушные нации и ее порыв превзошли самые горячие надежды».

Линкольн подчеркивал, что страна переживает самый тяжелый кризис в своей истории, который может быть преодолен только усилиями народа: «Нет сомнения, что теперь для каждого гражданина существует столь же много причин для сохранения нашей свободы, сколько их было для основания этой свободы во время революции (войны за независимость. — *Р. И.*) ... Народ спасет свое правительство, если само оно хотя бы в какой-то мере выполнит свой долг». Президент отдавал дань уважения солдатам, простым труженикам, которые по первому зову выступили на защиту родины: «Надо выразить полную признательность офицерам, оставшимся верными Союзу, но главное — это единодушная твердость простых солдат и матросов».

Послание Линкольна нашло положительную оценку в конгрессе, который не только удовлетворил просьбы президента, но и принял закон, по которому в армию призывалось 500 тыс. человек, а сумма расходов, испрошенных президентом, увеличивалась до 500 млн. долл.

В каждой строке послания чувствовалась решимость Линкольна подавить мятеж. Собственный корреспондент русской газеты писал, что послание «проникнуто от начала до конца решимостью защищать Союз энергически, не давая пощады врагу». Накануне выступления в конгрессе президент принял участие в официальных торжествах, посвященных национальному празднику — Дню независимости. «Президент произвел смотр двадцати двум нью-йоркским полкам, и когда он развернул новое знамя, на котором блистали все до одной звезды Союза, то энтузиазм народа достиг высшей степени... Север решился бросить на весы войны все свои силы и средства, чтобы раздавить Юг»¹.

Эта позиция Линкольна вызвала неприкрытое разочарование тех, кто надеялся на новый компромисс с рабовладельцами. Стекло сообщал Горчакову 3 (15) июля 1861 г.: «Благонамеренные люди надеялись, что президент, предлагая конгрессу строгие меры, диктуемые обстоятельствами, оставит открытым путь для мирных переговоров, но эти надежды не оправдались. В послании не упоминается даже о компромиссе, в нем не найти ни одного слова примирения, ни слова о мире. Программа президента — полное принуждение и покорение Юга»².

В послании подробно анализировалось положение в стране, рассматривались многочисленные военные, политические и эко-

¹ «Северная пчела», 26. VII. 1861.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 220.

номические проблемы. Однако президент ни словом не упомянул о рабстве, об отношении правительства к вопросу об освобождении рабов. Это было доказательством того, что федеральное правительство полностью оставалось на платформе предвыборной программы республиканской партии, провозглашавшей невмешательство в вопрос о рабстве в тех штатах, где оно существовало.

Это было самое слабое место послания Линкольна, который не учитывал резко изменившейся обстановки со времени принятия избирательной программы республиканской партии. После вооруженного нападения рабовладельцев на Союз подобная позиция в вопросе о рабстве укрепляла уверенность мятежников в том, что им не будет нанесен удар в самое уязвимое место, что рабство останется в неприкосновенности. Это усиливало позицию мятежников и с морально-политической, и с военной точки зрения, делало неизбежным перерастание мятежа в длительную и кровопролитную гражданскую войну.

Рабство было центральной проблемой гражданской войны и игнорирование этой проблемы таило в себе самые тяжелые последствия. Подобное отношение Линкольна к вопросу о рабстве явилось основной причиной всех слабостей его правительства, оно неизбежно должно было породить ожесточенную борьбу на Севере между реакционными и прогрессивными силами. Последующие события полностью подтвердили это.

Глава шестая

ПЕРВЫЕ КРУПНЫЕ БОИ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

1. Манассас и Болс-Блафф

К концу мая общее число федеральных войск, сосредоточенных в районе Вашингтона, достигло 50 тыс. человек. Большой гарнизон был расположен в крепости Монро, находившейся на близких подступах к столице, здесь же базировался и довольно крупный федеральный флот. По р. Потомак беспрерывно двигались вооруженные канонерки, прикрывая Вашингтон от неожиданного нападения со стороны мятежников. В целом вооруженные силы Севера в районе Вашингтона значительно превосходили по своей численности войска Конфедерации. Обеспечив надежный перевес сил, правительство Линкольна предприняло срочные меры по возведению оборонительных сооружений вокруг столицы. Федеральный округ Колумбия, находившийся в

кольце мятежных штатов, был опоясан мощным оборонительным валом, закрывавшим подступы к столице.

Необходимо было как можно скорее очистить от мятежников г. Александрию, находившийся в непосредственной близости от столицы. Эта операция прошла быстро и успешно, мятежники, почти не оказав никакого сопротивления, оставили город. В конце мая федеральные войска провели также ряд других небольших операций в районе Вашингтона. Победа в этих столкновениях, как правило, всегда была на стороне Севера¹. Это были бои сугубо местного значения, скорее даже разведка боем, тем не менее пресса Севера непомерно раздувала значение успехов, достигнутых в этих стычках, создавая у общественности настроение ложного оптимизма.

Оснований для военного ажиотажа не было никаких. Армия еще не получила боевого крещения, и делать выводы о ее боеспособности было преждевременно. Вооруженные силы Севера представляли собой разрозненные отряды, не имевшие ничего общего с регулярной армией. «Внешний вид войск, расположенных вокруг Вашингтона, был хороший, но бросалось в глаза, что... их форма была столь же различна, как штаты и города, откуда они прибыли. Оружие также было самых различных образцов и калибров. Войска были настолько перегружены одеждой, продовольственными мешками, рюкзаками и палатками, что требовалось от 25 до 50 вагонов, чтобы передвинуть лагерь полка с одного места на другое. Некоторые лагеря имели пекарни и поварские хозяйства, которые сделали бы честь Дельмонико»².

Однако то, что отчетливо видели военные руководители, ускользало от взоров политиканов, загипнотизированных огромным военно-экономическим превосходством Севера и парадным блеском добровольческих полков. От Линкольна требовали решительных и победных военных операций. 29 июня Линкольн созвал заседание правительства, на котором было принято решение 21 июля 1861 г. дать сражение армии Конфедерации у небольшого городка Манассас, расположенного на р. Бул-Ран, недалеко от Вашингтона. Сражение назначили на воскресенье, и многочисленные представители высшего общества столицы направились к Манассасу, надеясь быть свидетелями увлекательного зрелища. Жители столицы ехали к месту сражения, как на веселый пикник, целая кавалькада экипажей и верховых сопровождала армию. Дамы из светского общества, одетые в лучшие наряды, вооружив-

¹ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. IV, p. 310 — 311.

² Memories of General William T. Sherman by himself in Two Volumes. London, 1875, Vol. I, p. 178.

шись биноклями и запасшись корзинками с провизией, заняли позиции на холмах в окрестностях Манассаса, с нетерпением ожидая начала битвы. Среди зрителей было немало сенаторов и конгрессменов, в частности такие известные деятели, как Вейд, Чендлер, Трамбл, Ридл, Уошборн и др.

Север был уверен в неизбежной и полной победе. Один из вашингтонских редакторов писал: «Чувствуется огромный интерес, но кажется, что никто здесь не сомневается в результатах этой огромной демонстрации вооруженных сил!» Лидер республиканцев Захарий Чендлер писал жене, что «мятежники будут бежать с поля боя, пока не достигнут Ричмонда»¹.

Полная уверенность в победе царила и в рядах федеральной армии, насчитывавшей 35 тыс. человек. В армии мятежников с подошедшими в ходе боя подкреплениями было 30 тыс. человек. Начало сражения как будто бы оправдывало эту уверенность — войска Севера теснили мятежников и добились заметного успеха. Однако генерал Севера Роберт Паттерсон не смог задержать прибывшие на помощь мятежникам свежие полки генерала Джонстона, которые обрушили на федеральную армию неожиданный удар.

Необстрелянные и плохо обученные федеральные войска не выдержали шквального артиллерийского и ружейного огня. «Отступление превратилось в поражение, а поражение в панику»². Федеральная армия бросила на поле боя все батареи, огромное количество другого вооружения и военного снаряжения. Полки с передовых позиций в панике бежали в тыл, сминая воинские части, подходившие к полю боя, и увлекая их за собой.

Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» писал, что вся дорога от Манассаса до Вашингтона была усеяна брошенными орудиями, ружьями, орудийными ящиками, повозками, одеялами и солдатским обмундированием — «все было брошено американской армией и даже ее честь... Полное безумие охватило почти всех. Некоторые умоляли всадников взять их к себе, другие карабкались в повозки, а находившиеся там встречали их штыками. Казалось, что все человеческие чувства были забыты».

Поле боя представляло мрачную картину: «Во многих местах брошенные вещи и имущество превратились в огромную груду и возвышались как монумент нашему позору, воздвигнутый нашими собственными руками».

Немецкие добровольческие полки и Гвардия Гарибальди, состоявшие в основном из рабочих, не поддались общей панике. Рассказывая об одном из эпизодов боя, корреспондент писал:

¹ T. Williams. Op. cit., p. 30.

² «Rebellion Record», Vol. 2, Diary of Events, p. 37.

«Присутствие в этот момент немецкого стрелкового полка, мужественно державшегося под руководством своего генерала, вызывало чувство вдохновения, оказывало помощь тем, кто погибал во время отступления». Описывая другой эпизод, корреспондент указывал на мужество и дисциплинированность интернациональной воинской части, носившей имя Гарибальди: «В трех милях от Лонг Бриджа я вышел в тыл бригады Бленкера и немецких стрелков Стахеля, все еще удерживавших последнюю позицию, и двух других полков Стейнвера и Гвардии Гарибальди, двигавшихся в порядке перед ними»¹.

Битва при Манассасе была настоящим экзаменом на зрелость для молодой американской добровольческой армии. Этот экзамен с честью выдержали только рабочие полки, которые уже в то время составляли наиболее боеспособное ядро армии Севера.

Победа при Манассасе вызвала огромный энтузиазм среди мятежников. «Нью-Орлеан кресцент», явно преувеличивая военное значение этого сражения, писала: «В анналах битв на Американском континенте нельзя найти параллели блестящей, прекрасной победе, одержанной армией Юга в последнее воскресенье». Другая рабовладельческая газета заявляла: «Триумф наших армий так велик и всеобъемлющ, как если бы бог войны зримо сражался в наших рядах, ударами молний поражая и рассеивая наших врагов»².

Пресса мятежников спешила уверить своих читателей, что судьба войны уже решена. «Не может быть сомнений, что враг подвергся сокрушительному разгрому, что мы нанесли ему удар, от которого ему невозможно полностью оправиться... Ряды армии Севера разгромлены навсегда... никакая воля не сможет их вновь призвать на битву... независимость Юга обеспечена на вечные времена»³.

Моральный дух Конфедерации летом 1861 г. резко возрос благодаря победе у Манассаса. Южане беззастенчиво рекламировали свои воинские достоинства, утверждая, что «один мятежник справится с пятью или десятью янки. В армии Конфедерации считали, что война закончилась»⁴.

Первым следствием поражения под Манассасом была страшная паника, охватившая столицу Союза. Многочисленные свидетели сражения распускали панические слухи, преувеличивая масштабы поражения. Армия Севера, деморализованная, безоруж-

¹ «New York Daily Tribune», 26. VII. 1861.

² «Rebellion Record», Vol. 2, Documents, p. 111.

³ Ibid., Documents, p. 111; Vol. 3, Diary of Events, p. 58.

⁴ Ch. Roland. Op. cit., p. 57.

ная, в грязном и изорванном обмундировании, заполнила улицы столицы¹.

Все усилия Линкольна и членов его правительства по созданию армии были теперь уничтожены, армии фактически не существовало. «Тут (под Манассасом. — *Р. И.*) погибли все плоды первых побед Севера»². И вновь страшная угроза нависла над Вашингтоном.

Первым из членов правительства сообщение о поражении под Манассасом получил Сьюард. Он сразу же бросился в Белый дом, чтобы информировать президента о страшных новостях. Но Линкольна не было на месте. Успокоенный недавно полученной телеграммой об успешном ходе битвы, он отправился на прогулку. «Через полчаса вернулся Линкольн. Николай и Хей сообщили ему эту новость. Он выслушал молча, ни один мускул на его лице не дрогнул, выражение лица не изменилось. Он пошел в штаб армии»³.

Положение было действительно критическим. Будущий член правительства Линкольна, Эдвин Стэнтон, писал в то время: «Захват Вашингтона кажется сейчас неминуемым. В течение всего понедельника и вторника (22 и 23 июля) его можно было взять без какого-либо сопротивления»⁴.

Столицу спасло только отсутствие у мятежников полного представления о степени деморализации противника, угроза восстания негров в тылу армии Конфедерации и проливной дождь, сделавший дороги непроходимыми.

После поражения под Манассасом на Севере подняла голову реакция, открыто заговорившая о необходимости капитулировать перед мятежниками. «Есть люди, которые толкуют о компромиссе и мире... Такой мир будет означать, во-первых, неслыханный поюр, а во-вторых, войну», — писала «Нью-Йорк дейли трибюн».

Газета указывала, что рабовладельцы будут стремиться к заповеданию и полному подчинению всего Союза⁵. Пресса призывала бороться с паникерами, с «нервными индивидуумами, начавшими кричать, что для нас все кончено»⁶.

Вскоре после поражения под Манассасом газета «Бостон дейли эдвертайзер» писала: «Народ, который добровольно проливал кровь и жертвовал средства, воспламенится на новые усилия». Газета выражала твердую уверенность в грядущих победах феде-

¹ Mc-Clellan's own Story. The War of Union. New York, 1887, p. 67 — 68.

² «Московские Ведомости», 2. VIII. 1861.

³ Сэндберг К. Указ. соч., с. 231.

⁴ J. Randall. The Civil War and Reconstruction, p. 277.

⁵ «New York Daily Tribune», 29. VII. 1861.

⁶ «Rebellion Record», Vol. 2, Documents, p. 381.

рального оружия: «Вскоре придет день, когда победоносные войска с триумфом пронесут знамена Союза с Потомака к Джеймсу, а оттуда к морскому заливу»¹. Участники войны заявляли, что поражение под Манассасом пробудит энергию Севера².

За развитием событий в Соединенных Штатах с напряженным вниманием следила русская общественность. Н.Г. Чернышевский оптимистически смотрел на перспективы гражданской войны в США. После поражения федеральной армии под Манассасом он писал об этой неудаче Севера: «Впрочем, какова бы ни была она, общий ход войны от нее не изменится: если она велика, Север только воодушевится к усилиям, еще более энергичным»³.

Аналогичную точку зрения высказывали русские газеты: «Как ни прискорбны были для американских федералистов первые удары, нанесенные их оружию, как ни велико было унынье, распространившееся в северном лагере, даже после первого поражения при Манассасе — но все-таки факты убеждают нас... что эти первые неудачи имели свои благоприятные следствия для Союза, побудив его правителей к большей энергии и самоуверенности»⁴.

«Северная пчела» писала, что в городах Запада битва при Манассасе «произвела страшное волнение в народе. Крики: «Мщение! Смерть сторонникам крепостного права! Долой иго!» раздаются повсюду. В Бостоне, в Филадельфии, даже в Нью-Йорке общественное мнение все более и более склоняется к войне революционной, уничтожающей крепостное право. Успех может дорого обойтись Югу. Север отступать теперь не может: потерпев поражение, он пойдет на все, чтобы низложить врага своего»⁵.

Линкольн тяжело переживал поражение под Манассасом. После битвы при Бул-Ране «Линкольн не ложился спать и просидел всю ночь в кресле в кабинете»⁶.

Линкольн чувствовал огромную моральную ответственность за поражение под Манассасом, а общественное мнение постоянно напоминало ему об этом: «Народ обвинял за несчастье Линкольна, Грили, Скотта и членов кабинета без какого-либо различия»⁷.

Можно было бы отвести от себя эти обвинения, выдав на суд общественности генералов, руководивших сражением, тем более

¹ «Rebellion Record», Vol. 2, Documents, p. 108.

² W. Hesselstine (ed.). The Tragic Conflict, p. 164.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 543.

⁴ «С.-Перербургские ведомости», 1. IX. 1861.

⁵ «Северная пчела», 5. VIII. 1861.

⁶ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. IV, p. 355.

⁷ T. Williams. Op. cit., p. 31.

что со стороны многих из них были допущены грубейшие ошибки и просчеты. Но Линкольн не пошел по этому пути.

После сражения к нему пришел генерал Скотт и заявил: «Я величайший трус в Америке... Я заслужил отставки, потому что не проявил мужества, когда моя армия оказалась не в состоянии сражаться, и в конце концов покинул ее». Линкольн ответил: «Кажется, что ваше заявление подразумевает, что я принуждал вас сражаться в этой битве». Скотт колебался, избегая прямого ответа. «Я никогда не служил президенту, который был бы так добр ко мне, как вы»¹, — заявил он.

Генерал Скотт прошел большой боевой путь. Впервые страна заговорила о нем, когда во время войны с Англией в 1812 — 1814 гг. он во главе своих солдат бросился в отчаянную штыковую атаку против англичан. Настоящая военная известность пришла к нему позже, когда он командовал американскими войсками во время войны с Мексикой в 1846 — 1848 гг. Теперь же это был дряхлый старик, суетливый и вместе с тем медлительный, не отличавшийся ничем, кроме своего огромного роста и необъятной толщины.

Вскоре Линкольну пришлось отказаться от услуг этой военной древности, но он не сделал этого сразу же после поражения под Манассасом. На его решение повлияло и нежелание обижать заслуженного ветерана, и отсутствие опытных военных руководителей.

Развал армии, нападки газет и политиканов, уныние, охватившее многих приближенных президента, не парализовали воли Линкольна. Спустя день после сражения при Манассасе он пригласил к себе генерала Макклеллана и дал ему подробные указания относительно проведения срочных мероприятий по реорганизации армии и укреплению столицы. На следующий день Линкольн закончил составление «Меморандума о военной политике, диктуемой поражением при Бул-Ране».

В это трудное время президент проявил большую силу воли и продемонстрировал неукротимую энергию. Линкольн развил бурную деятельность. Он занимался вопросами усиления блокады мятежной Конфедерации; уделял большое внимание решению вопросов, связанных с положением солдат-добровольцев, трехмесячный срок службы которых истек или истекал; непосредственно руководил формированием частей из добровольцев, записавшихся в армию на более продолжительные сроки; отправлял военные экспедиции в Виргинию, в западную часть Теннесси, остававшуюся верной Союзу, с задачей прорваться на территорию штата Миссисипи.

¹ B. Thomas. Op. cit., p. 273.

Эти действия быстро дали положительные результаты. Уныние и растерянность на Севере вскоре прошли, и все новые десятки тысяч рабочих, ремесленников, фермеров, представителей других классов и групп населения вступали в армию. Каждый день можно было видеть все новые полки солдат, прибывающие в Вашингтон. Проходя мимо Белого дома, они салютовали ружьями президенту, который нередко приветствовал их. На противоположном берегу Потомака быстро рос большой город из белых солдатских палаток. Все говорило о том, что великий народ поднимался на упорную, длительную борьбу с рабовладельцами.

Линкольн стремился как можно больше общаться с солдатами и офицерами, разъяснять им положение, создавшееся в стране, изучал настроения и нужды солдат. Линкольн посетил, в частности, солдат, которыми командовал Томас Шерман. Накануне выступления Линкольна перед солдатами Шерман посоветовал ему не расхолаживать солдат приветствиями и всевозможными широковещательными заявлениями. «Перед Бул-Раном, — сказал он, — мы имели всего этого достаточно для того, чтобы испортить любое число людей. Мы нуждаемся в хладнокровных, мыслящих, мужественно сражающихся солдатах, не надо больше криков «ура», не надо больше глупостей».

Шерман отмечал, что в лагере «м-р Линкольн встал во весь рост и произнес одну из самых чудесных и проникновенных речей, которую мне когда-либо приходилось слышать. Он говорил о нашем поражении, о высоком долге, который все еще лежит на нас, о светлых днях, которые придут».

Несколько раз слушатели прерывали президента аплодисментами. «Не аплодируйте, ребята. Я, признаться, сам довольно люблю их, но полковник Шерман говорит, что это не по-военному, и я полагаю, что для нас лучше посчитаться с его мнением».

Линкольн говорил о том, что, как президент, он является главнокомандующим вооруженными силами, и поэтому солдаты и офицеры имеют полное право обращаться к нему со всеми своими жалобами и нуждами¹.

Слушатели не замедлили воспользоваться разрешением президента. Жалобы были самые различные, причем и на самого Шермана. И в каждом случае, чтобы ответить солдатам и офицерам, Линкольн находил нужные слова — простые и убедительные. Если жалобы были справедливыми, он приказывал принять меры и удовлетворить требования солдат. Если просьбы нельзя было удовлетворить, он терпеливо разъяснял, почему этого нельзя сделать.

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 307 — 308.

Линкольн прямо высказывал свое мнение, когда считал, что жалоба необоснованна. Во время посещения лагеря к нему обратился один из офицеров с жалобой на Шермана, заявив, что он угрожал пристрелить его. Выяснилось, что офицер во время сражения проявил трусость. Линкольн со свойственным ему остроумием высмеял жалобщика и под бурные одобрения слушателей заявил, что его действительно нужно было расстрелять. Опозоренный офицер вынужден был бежать под свист солдат.

Помимо сражения при Манассасе, военные действия летом и осенью 1861 г. происходили в пограничных штатах — Кентукки, Миссури, Делавэре и Мэриленде. Масштабы этих военных операций были невелики, но они имели важное значение, так как в ходе их решался вопрос о судьбе пограничных штатов.

В целом эти военные действия развивались для Севера успешно. Пресса Севера, особенно газеты демократов, забыв об уроках Манассаса, вновь заговорила о силе федерального оружия, преувеличивая значение своих успехов. Демократы на все лады расхваливали генерала Макклеллана, приписывая ему достоинства, которыми он отнюдь не обладал. Макклеллан возглавил главные силы федеральной армии в районе Вашингтона после поражения у Манассаса. Его выдвижение было уступкой Линкольна консервативным кругам буржуазии, ставленником которой Макклеллан являлся. Макклеллан был кадровым военным, выпускником Вест-Пойнта, он активно участвовал в захватнической войне против Мексики, а во время Крымской войны был в качестве наблюдателя в англо-французской армии, осаждавшей Севастополь.

Макклеллан не снискал лавров на полях сражений, но зато преуспевал на деловом поприще, являясь железнодорожным дельцом. После начала войны Макклеллан вернулся в армию и получил от Линкольна назначение командиром небольших вооруженных сил в Западной Виргинии. В мелких стычках войска Макклеллана одержали здесь несколько побед, а пресса демократической партии позаботилась о том, чтобы сделать ему шумную рекламу.

В манере держаться, отдавать приказы, в обращении с солдатами — во всем Макклеллан старался копировать Наполеона. И буржуазная печать, захлебываясь от восторга, называла его «молодым Наполеоном», а позднее за Макклелланом, который на посту командующего главными вооруженными силами проявил полную бездарность, утвердилось ироническая кличка «Мак Наполеон».

Макклеллан хорошо знал военную историю и любил щеголить цитированием великих полководцев. «Он знал, что должен был делать Наполеон в любой ситуации, но Наполеон никогда не видел виргинской слякоти. Таким образом, реальность часто ста-

вила Макклеллана в тупик и парализовала его решения. Он знал, что делали в прошлом, но не всегда был уверен, что Георг Б. Макклеллан должен делать в будущем»¹.

Маркс писал: «Мак-Клееллан неопровержимо доказал, что он — военная бездарность, случайно вознесенная на высокий и ответственный пост...»²

Честолюбие и самоуверенность Макклеллана были поистине беспредельны. «Все говорят мне, — писал Макклеллан, — что я несу ответственность за судьбу нации и что национальные ресурсы будут переданы в мое распоряжение. Кто бы мог подумать... что я вскоре буду призван спасти мою страну»³. У Макклеллана ярко проявилось стремление играть решающую роль не только в сфере военной, но и в политической. «Благодаря странным манипуляциям волшебства, — писал он, — кажется, что я стал властью страны»⁴.

Линкольн скептически оценивал военные дарования Макклеллана, он говорил о нем, что лучше один плохой генерал, чем два хороших⁵.

Уверовав в свою гениальность и непогрешимость, Макклеллан держался высокомерно и заносчиво не только с генералами, но и с самим президентом. Были случаи, когда отношение Макклеллана к Линкольну переходило все допустимые границы и принимало оскорбительный характер.

Однажды в ноябрьский вечер, Линкольн, Сьюард и Джон Хэй пришли в дом Макклеллана. Слуга ответил им, что Макклеллан уехал на свадьбу и скоро должен вернуться. Через час генерал возвратился домой, выслушал сообщение слуги о визите президента, прошел мимо комнаты, где дожидались президент с государственным секретарем, и поднялся наверх. Посетители подождали еще около получаса и послали слугу, чтобы снова напомнить Макклеллану, что его ждут. Вскоре слуга вернулся и невозмутимо сообщил, что генерал лег спать⁶.

Хэй, близко наблюдавший Макклеллана, усматривал в подобных действиях стремление последнего к установлению военной диктатуры. Линкольн же рассматривал их как доказательство невоспитанности и чрезмерного самомнения генерала. Он предпочитал не конфликтовать с Макклелланом по таким вопросам. «Я, — говорил Линкольн, — готов поддержать под уздцы коня для

¹ T. Williams. Op. cit., p. 35.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 518.

³ G. Milton. Op. cit., p. 103.

⁴ T. Williams. Op. cit., p. 35.

⁵ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 27.

⁶ A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 374.

Макклеллана, когда он на него садится, лишь бы он добился успеха»¹.

Но надежды Линкольна были напрасны, Макклеллан занимался бесконечной реорганизацией армии, принимал парады, делал смотры, разрабатывал планы, но никак не решался приступить к реализации этих планов. Зато «молодой Наполеон» преуспевал в интригах. Маркс писал: «Мак-Клееллан явно вознамерился, оставаясь в бездействии и пожиная лавры лишь в кредит, не уступать первенства никакому другому генералу»². Свою медлительность Макклеллан объяснял тем, что ему мешает генерал Скотт, требовал его отставки с поста командующего всеми вооруженными силами. Причем для своего продвижения по служебной лестнице он не брезговал использовать влияние и авторитет радикалов, к которым Макклеллан, находившийся на правом фланге демократов, питал открытую неприязнь.

«Вейд, Чендлер и Трамбл — три мушкетера радикализма 25 октября неожиданно появились в Вашингтоне»³. Лидеры радикалов решительно потребовали от Макклеллана перехода к наступательным операциям на Потомакском фронте. В ответ они услышали, что это невозможно до тех пор, пока Скотт остается на своем посту⁴.

От Макклеллана «три мушкетера» направились к Линкольна и потребовали немедленной отставки Скотта. Объяснение с президентом было чрезвычайно бурным. Линкольн, не любивший устраивать чехарду ни в министерствах, ни в армии, возражал против требований радикалов. Однако в конце концов он вынужден был подписать приказ об отставке Скотта с 1 ноября 1861 г., чему в значительной мере способствовали требования радикалов.

Макклеллан приложил большие усилия, чтобы поднять дисциплину в войсках, деморализованных поражением под Манассасом, и превратить разрозненные добровольческие полки в регулярную армию.

Но у командующего Потомакской армией не хватало ни умения, ни решимости, чтобы двинуть эту армию на врага. Макклеллан страдал от навязчивой идеи, что армия мятежников имеет подавляющее численное превосходство над его вооруженными силами. В августе 1861 г. он писал: «Противник превосходит мои силы в три-четыре раза»⁵. Но в этот момент 65-тысячной армии

¹ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. IV, p. 469.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, с. 492.

³ T. Williams. Op. cit., p. 44.

⁴ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. IV, p. 466 — 468.

⁵ J. Rhodes. History of the United States..., Vol. III, p. 379.

Макклеллана противостояла армия Конфедерации, насчитывавшая всего 41 тыс. человек¹.

Медлительность Макклеллана, его нежелание перейти в решительное наступление объяснялись отнюдь не личными качествами командующего армией, а его политическими взглядами. Макклеллан был кумиром «мирных» демократов Севера, ратовавших за мир, а не за войну с мятежниками. Их политическую линию он и проводил в своих военных планах. Макклеллан окружил себя сторонниками рабовладельцев, всячески покровительствовал им и сквозь пальцы смотрел на их пораженческую агитацию. Показательно, что его личный секретарь был разоблачен как шпион противника.

В начале войны Макклеллан пытался добиться назначения в армию мятежников, но ему предложили слишком незначительный пост, и уязвленное самолюбие генерала не позволило принять это предложение. Рабовладельцы не были огорчены его отказом, они говорили впоследствии, что для них выгодней иметь Макклеллана в федеральной армии, а не в своей.

Маркс приводил неопровержимые данные о прорабовладельческих действиях и открытом покровительстве Макклеллана шпионам и предателям: «...На Потомаке, на глазах у главнокомандующего, армия использовалась для ловли рабов! Совсем недавно Мак-Клееллан особым приказом прогнал из лагеря семейство музыкантов Катчинсонов за то, что они распевали... песни против рабства.

Помимо этих «антитенденциозных» демонстраций, Макклеллан брал под свою высокую защиту предателей в армии Союза. Так, например, он продвинул на более высокий пост Мейнарда, хотя Мейнард, как это видно из документов, опубликованных следственной комиссией палаты представителей, действовал в качестве агента сецессионистов. Макклеллану удалось спасти от военного суда и большей частью предотвратить даже снятие с должности всех военных изменников, начиная от генерала Паттерсона, предательство которого явилось причиной поражения под Манассасом, и кончая генералом Стоном, который осуществил поражение при Болс-Блаффе по прямому сговору с неприятелем. Следственная комиссия конгресса раскрыла самые поразительные факты в этом отношении»².

Все эти факты, характеризующие деятельность Макклеллана, стали известны позже. Когда же Макклеллан оказался на посту

¹ Mc-Clellan's own Story..., p. 87; J. Rhodes. History of the United States..., Vol. III, p. 379 — 380.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 492.

главнокомандующего вооруженными силами, он первым делом потребовал полного невмешательства правительства в его действия и с поразительной самоуверенностью заявил, что «сокрушит мятеж одним ударом»¹.

За закрытыми дверями генерал неделю разрабатывал свой генеральный план. Это был тот самый пресловутый «Анаконда план», который был подвергнут уничтожающей критике Марксом².

Суть плана Макклеллана сводилась к тому, чтобы окружить всю территорию Конфедерации сплошным кольцом фронтов и, постепенно стягивая это кольцо, взять в мешок и разгромить вооруженные силы мятежников. Этот план был глубоко порочен и с военной и с политической точек зрения.

Несмотря на большое превосходство военно-экономического потенциала Севера, невозможно было создать прочный фронт протяженностью в 8 тыс. км, необходимый для окружения мятежных штатов. Макклеллан с самого начала оставлял инициативу в руках мятежников, которые свободно могли сконцентрировать свои силы на любом главном направлении и разорвать кольцо, сведя на нет все планы Севера.

Макклеллан своим планом делал ставку на длительную позиционную войну, так как для «создания фронтов такой огромной протяженности требовались не месяцы, а целые годы. В каждом пункте этого плана проявлялось стремление избежать революционной, решительной войны против рабовладельцев. Макклеллан недвусмысленно заявлял, что он отказывается использовать такой важный резерв Севера, как восстания негров в тылу Конфедерации.

Макклеллан был не только военной бездарностью, но и открыто симпатизировал рабовладельцам. Во всяком случае, это была не та фигура, которую можно возводить в ранг героя гражданской войны. И тем не менее современные американские буржуазные историки всемерно превозносят Макклеллана. Невинс пишет, например: «Кампания по захвату северо-западной Виргинии, проведенная Макклелланом в течение месяца, действительно представляется блестящей. Никто не мог отрицать его большие административные способности»³.

Маркс и Энгельс, критикуя в своих статьях военную доктрину Севера, указывали, что буржуазия стремится не допустить участия негров в войне, делает все от нее зависящее, чтобы воспрепятствовать восстанию рабов в тылу мятежников. Маркс неодно-

¹ A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 266.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 492.

³ A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 224.

кратно подчеркивал, что военные планы Севера должны быть построены с учетом неизбежности перехода к революционным методам ведения войны, предусматривающим освобождение негров, призыв их в армию и нанесение сокрушительных ударов по главным жизненным центрам Конфедерации. Маркс и Энгельс писали: «Спрашивается: существует ли у них (у рабовладельцев. — *Р. И.*) все-таки военный центр тяготения, с потерей которого был бы сломен хребет их сопротивления...»¹

Таким главным жизненным центром Конфедерации Маркс и Энгельс считали Джорджию, которая находилась в центре мятежных штатов, была главным центром плантационного хозяйства и имела наиболее значительное и особенно жестоко эксплуатируемое негритянское население. Они подчеркивали, что занятие Джорджии привело бы к расколу Конфедерации на две изолированные друг от друга части, к неизбежному восстанию 500 тыс. негров-рабов, находившихся в этом штате.

Дальнейшее развитие событий подтвердило справедливость точки зрения Маркса и Энгельса: чтобы выиграть войну, Север вынужден был перейти к революционным методам ее ведения, вынужден был нанести удар по Джорджии. Но это произошло значительно позже, в 1864 г., когда генерал Шерман совершил свой знаменитый «марш к морю».

А в 1861 г. вся стратегия вооруженных сил США строилась на основе плана Макклеллана. Север после поражения под Манассасом понял, что предстоит длительная и тяжелая война, началось развертывание мощных резервов страны.

25 июля 1861 г. был принят закон о наборе в армию 500 тыс. добровольцев. Закон демонстрировал решимость Севера добиться полного военного разгрома рабовладельцев и свидетельствовал о крахе иллюзий о быстрой и легкой победе над мятежниками. По закону от 25 июля добровольцы призывались уже не на 3 месяца, а «на период не менее шести месяцев, не более трех лет». Это были предположительные сроки окончания войны, но действительность внесла свои коррективы и в этот закон, позднее к нему было внесено дополнение, гласившее, что добровольцы берут на себя обязательство служить в армии «в течение войны»².

Вооруженные силы Севера росли быстро и, по данным военного департамента, к 1 декабря 1861 г. они насчитывали в своих рядах 660 тыс. человек³. Создав мощный заслон вокруг Вашингтона, федеральная армия начала осенью 1861 г. наступательные

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 506.

² J. Randall. The Civil War..., p. 367.

³ «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, Appendix, p. 28 — 29.

операции в западной Виргинии, Миссури и Кентукки. Это были второстепенные фронты гражданской войны и развернувшиеся здесь военные операции были невелики по своему объему. Успехи, достигнутые здесь Севером, были вновь страшно раздуты буржуазной печатью. Подполковник русской армии Романов, посетивший в качестве наблюдателя Потомакскую армию Севера, сообщал 5 октября 1861 г. из Нью-Йорка: «Газеты всеми силами стараются раздуть и поддержать воинственный дух и поэтому печатают всякие небылицы и лгут самым бессовестным образом. Сами американцы, знающие ход дела, говорят, что их газетные религии похожи на китайские донесения о победах. Например, в тот день, когда я объезжал позицию, на правом берегу реки Потомак южные войска совершенно неожиданно удалились с занимаемых ими высот у Мэнсенгилля. Ночью союзные войска, пользуясь этим внезапным удалением противника, подвинули свои аванпосты вперед, и об этом ничтожном движении в газетах было на другой день напечатано крупными буквами: «Victory» и высокомерными и сбивчивыми фразами сообщено, что союзный флаг развевается на высотах Мэнсенгилля, что неприятельские подступы и укрепления находятся в наших руках, что неприятель не смог более оставаться перед нашими войсками, что мы поздравляем армию, поздравляем нацию и т.п.»¹.

Такие дезориентирующие общественное мнение религии следовали после каждого даже самого незначительного военного успеха. Постепенно забылись уроки Манассаса, и на Севере все более настойчиво раздавались требования дать генеральное сражение мятежникам, взяв реванш за поражение под Манассасом.

Макклеллан упорно сопротивлялся этим требованиям, ссылаясь на неподготовленность армии к операциям крупного масштаба. Исчерпав все аргументы, Макклеллан под давлением общественности и правительства вынужден был дать приказ о наступлении. Форсировав Потомак, армия Макклеллана 21 октября 1861 г. нанесла удар по войскам мятежников в районе Болс-Блаффа.

Это сражение во многом напоминало битву при Манассасе; первоначально некоторый успех вновь сопутствовал федеральной армии, но результат был тот же, что и при первом сражении на территории Виргинии, армия Севера подверглась жесточайшему разгрому. Половина личного состава армии Макклеллана была выведена из строя, только в плен мятежники захватили 710 человек, федеральная армия потеряла 1500 ружей и три орудия.

Политические последствия этого нового поражения были серьезными. Неудачу под Манассасом можно было объяснить не-

¹ Центральный Государственный военно-исторический архив СССР, ВИА, ф. 453, д. 342, лл. 3 — 4.

подготовленностью, отсутствием опыта, наконец, просто невезением. Иначе обстояло дело теперь. Армия Макклеллана значительно превосходила по численности своего противника. Это была лучшая армия Союза по экипировке и вооружению, особенно велико было превосходство над мятежниками в артиллерии. И тем не менее вооруженные силы Севера вновь были разгромлены.

Поражение под Болс-Блаффом показало военные слабости федеральной армии, плохую подготовку и неопытность офицерского корпуса, неспособность Макклеллана руководить крупными военными операциями и его упорное нежелание добиться военного разгрома противника.

Важной причиной поражения, как писал Маркс, явилось прямое предательство со стороны генерала Стона, пользовавшегося покровительством Макклеллана¹.

Поражение под Болс-Блаффом имело серьезные последствия, так как вновь создалась угроза столице Союза: передовые части мятежников располагались всего в шести с половиной милях от столицы и в любой момент можно было ожидать начала штурма города.

Невольно возникал вопрос, почему Север, обладая огромным военно-экономическим превосходством над мятежными штатами, терпит поражение за поражением; почему жертвы, приносимые народом, не дают никаких положительных результатов. Ответ на этот вопрос передовые круги Севера видели в слабости правительства Линкольна, в его нежелании вести войну против рабовладельцев революционными методами, в его нежелании освободить рабов и призвать негров в армию.

Поражение под Болс-Блаффом еще больше обострило политическую борьбу в северных штатах по вопросу о целях войны, о путях и средствах ее быстрее завершения. Сражения происходили не только на фронтах военных действий, с первого же дня гражданской войны в тылу Севера был открыт политический фронт, и, пожалуй, именно здесь, а не на полях сражения в Виргинии, решалась судьба гражданской войны.

2. Революционные и контрреволюционные силы Севера

Деловой мир в первые дни войны в какой-то степени был увлечен общей волной патриотизма, многие бизнесмены делали большие пожертвования на создание армии, принимали участие в сборе средств для семей волонтеров.

¹ Маркс К. и Энгельс. Ф. Соч., т. 15, с. 492.

Но патриотизма бизнесменов хватило ненадолго, патристический порыв вскоре уступил место холодному расчету. Инспируемые консервативной буржуазией, деловые круги Севера, не имевшие особой уверенности в прочности правительства Линкольна, заняли по отношению к нему позицию недоброжелательного нейтралитета. Они не спешили открыть для Линкольна свои сейфы, предпочитая выжидать дальнейшего развития событий. «Война — бизнес, — заявляли деловые круги, — и она должна быть начата и ведома, как всякий другой бизнес»¹.

Особой остроты проблема кредита достигла после того, как резко сократились, а в ряде случаев полностью прекратились платежи в звонкой манете, а с рынка стало исчезать золото. Из Чикаго сообщали: «Нет никаких улучшений в сфере бизнеса. Владельцы хлеба отказываются продавать его за что-либо другое, кроме золота или его эквивалента. Сегодня утром торговая палата постановила, что все продажи собственности и биржевая котировка будут отныне производиться в звонкой монете»². В этой же корреспонденции сообщалось о приостановке платежей банками.

На Севере началась настоящая паника, вкладчики изымали деньги из банков, резко сократились торговые операции, в декабре 1861 г. банки приостановили платежи в звонкой монете. Это было свидетельством настоящего финансового кризиса. О больших масштабах финансовой паники и экономических трудностях говорил тот факт, что в 1861 г. на Севере произошло банкротство 7 тыс. предприятий с капиталом в 5 тыс. долл. и больше. Общее число банкротств превысило уровень кризисного 1857 г.

Резкое падение фондовых операций и деловой активности стимулировало выступления деловых кругов Севера за прекращение военных действий, за заключение мира с мятежниками. Пресса сообщала о многочисленных петициях к Линкольну купцов, банкиров и биржевиков с соответствующими просьбами³.

Война требовала огромных расходов, и конгресс санкционировал выпуск крупного займа в размере 250 млн. долл. Учитывая безвыходное положение правительства, банкиры Севера использовали этот заем для самого беззастенчивого обогащения. Вместо 5 %, которые уплачивались при обычных кредитных операциях, федеральное правительство вынуждено было по этому военному займу выплатить 12 % годовых. Таков был «патриотизм» буржуазии, она использовала военные трудности для открытого ограбления государства и народа.

¹ «New York Daily Tribune», 12. V. 1861.

² Ibid., 24. V. 1861.

³ «Rebellion Record», Vol. II, Diary of Events, p. 19.

3 (15) июля 1861 г. Стебль в донесении Горчакову, подробно проанализировав мероприятия правительства Линкольна по финансированию войны, писал: «Банкиры Нью-Йорка уверяли меня, что правительство, выпуская займы по частям и с разорительной для себя выплатой процентов, сможет получить финансы на непродолжительное время. Но если будут продолжаться огромные расходы, которых требует война, то федеральное казначейство к концу года останется без денег и без кредитов»¹.

Для своего обогащения буржуазия использовала также и повышение таможенных тарифов. Соответствующий закон был принят конгрессом в августе 1861 г.².

Стебль скептически оценивал это мероприятие. 1 (13) августа 1861 г. он сообщал из Вашингтона: «Трудно, действительно, поверить в здравомыслие тех, кто полагает возможным вести войну такой ценой (увеличение на 50 % ввозного тарифа на сахар, чай и кофе и на 100 % для остальных товаров)»³.

Экономические трудности были использованы реакцией для активизации деятельности, направленной на подрыв военных усилий Севера. Силы реакции делали ставку как на легальные, так и на нелегальные средства борьбы: военный саботаж, шпионаж в пользу Юга и подготовка открытых вооруженных выступлений в тылу Севера. В политических кругах Севера сторонников мятежников называли «мирными» (они выступали за немедленное подписание мира с рабовладельцами) демократами, консерваторами, тори. Народ дал им меткое прозвище «медянки» — реакционные круги Севера действовали так же, как и ядовитые змеи медянки.

После начала военных действий «медянки», напуганные патристическим подъемом народа, притаились и не решались пойти на активные действия. Но после первых же военных неудач федеральной армии реакция резко активизировала свою деятельность.

«Медянки» распускали провокационные слухи, призывали народ не вступать в армию, саботировали военные мероприятия правительства, нередко на Севере устраивали диверсии, приводившие не только к уничтожению военного имущества, но и к человеческим жертвам.

Агентура рабовладельцев готовила вооруженное восстание в тылу Севера с целью свержения правительства Линкольна. В северных штатах были созданы специальные военные районы и сформированы отряды, которые проходили военную подготовку. «Медянки» рассчитывали освободить военнопленных Конфедерации, вооружить их и нанести удар по федеральному правитель-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 222.

² «Congressional Globe», 37-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 34 — 40.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 223.

ству с тыла, согласовав его с наступательными операциями мятежников. В качестве плацдарма для наступления была избрана территория Канады. Программа «медянок» заключалась в том, чтобы создать северо-западную Конфедерацию, объединиться с южной Конфедерацией и «повесить Эйба Линкольна, членов его кабинета и всех аболиционистов»¹.

Как только началась война на Юге, был установлен жесточайший террор — запрещена деятельность всех оппозиционных партий и группировок, каждому выступавшему против войны с Севером грозил суд Линча, и многие юнионисты в южных штатах в первые же дни войны были повешены без суда и следствия². Иное положение было на Севере. Здесь соблюдалась свобода слова и печати, которые широко использовались «медянками».

Республиканская пресса сообщала о многочисленных фактах активизации «медянок» и требовала принять против них решительные меры. Особенно активно сторонники рабовладельцев действовали в пограничных штатах, и общественность Севера считала, что первый и наиболее сильный удар надо нанести по змеино-му гнезду предателей, свитому в этих штатах. Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщал из Балтиморы: «Все, что необходимо сделать, — это принять быстрые и решительные меры по оккупации Балтиморы как военной базы (сторонников рабовладельцев. — Р. И.), и сецессионизм будет быстро уничтожен в нашей среде так же, как и главные предатели»³.

Имея многих сторонников на Севере, мятежники сумели сплести здесь плотную шпионскую сеть. Шпионы мятежников были всюду, в том числе в армии и правительственном аппарате. Из Вашингтона сообщали, что предатели засели во всех звеньях правительственного аппарата: «Слишком много предателей все еще находят место в департаментах в Вашингтоне»⁴. Шерман, впоследствии известный генерал Севера, заявлял осенью 1861 г.: «Даже в военном департаменте... велись открытые разговоры, равносильные прямому предательству»⁵. Немало предателей было и в составе американских посольств за границей⁶.

¹ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 3, p. 190.

² Вопросы, связанные с экономическим, политическим и военным положением Конфедерации, рассматриваются в статье: Р.Ф. Иванов. Конфедерация рабовладельческих штатов в годы гражданской войны (1861 — 1865 гг.). В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 130 — 174.

³ «New York Daily Tribune», 1. V. 1861.

⁴ «New York Daily Tribune», 25. VI. 1861.

⁵ B.H. Liddell Hart. Op. cit., p. 67.

⁶ «New York Daily Tribune», 21. VI. 1861.

Шпионы рабовладельцев были тесно связаны со сторонниками сецессии на Севере и работали в полном контакте с ними. В августе 1861 г. в Нью-Йорке был арестован один из наиболее крупных шпионов, который вел интенсивную переписку с вице-президентом Конфедерации А. Стефенсом. Выяснилось, что он поддерживал постоянную связь со сторонниками рабовладельцев, проживавшими в Нью-Йорке. На протяжении шести недель перед арестом шпион снабжал редакционными статьями «Дейли ньюс», «Дейли бук», «Джорнэл оф коммерс» — печатные органы прорабовладельческой ориентации. Опубликованные им корреспонденции сообщали важную политическую информацию¹.

Сторонники мира с Конфедерацией являлись замаскированной агентурой рабовладельцев, скрытыми методами они делали то же самое, что и открытые предатели и шпионы. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала: «Мы уверены, что в Вашингтоне и Нью-Йорке имеются тайные агенты предателей, которые пытаются... положить конец борьбе (с рабовладельцами. — *Р. И.*) при помощи дурмана, который можно назвать компромиссом»².

Республиканская пресса подчеркивала, что сторонники компромисса наносят огромный вред делу Союза. Газета «Олбани джорнэл» писала, что «те, кто сегодня молится о «компромиссе» и «мире», наносят больший урон правительству... чем мятежные армии. Шпион, рыскающий в нашем лагере... будет схвачен и повешен; но мы должны терпеть, если не уважать этих лояльных предателей, которые используют трибуну и прессу для оказания помощи врагу»³.

Сторонники компромисса с рабовладельцами широко использовали в пропагандистских целях трибуну конгресса. Сенатор Виллей из западной Виргинии заявлял, что, если целью войны будет провозглашена отмена рабства, солдаты Союза не будут сражаться⁴. Хейл, сенатор от Нью-Гэмпшира, уверял своих коллег, что правительство Линкольна имеет не больше конституционных прав для нанесения удара по рабству на Юге, чем для вмешательства в дела русских крепостных или английских рабочих⁵.

Руководителем агентуры рабовладельцев в конгрессе был Кларенс Л. Вэлландигхэм, член палаты представителей от штата Огайо с 1858 по 1863 г. Это был общепризнанный политический лидер «медянок», фанатичный поборник рабства и опытный заго-

¹ «Rebellion Record», Vol. 3, Diary of Events, p. 7.

² «New York Daily Tribune», 14. VI. 1861.

³ Ibidem.

⁴ «Congressional Globe», 37-th Congress, 1-st Session, p. 259.

⁵ Ibid., p. 260.

ворщик. Еще накануне гражданской войны он был участником заговора на Среднем Западе, имевшего целью создание Северо-Западной Конфедерации.

Вне стен конгресса Вэлландигхэм занимался подготовкой вооруженного восстания против Линкольна, в конгрессе открыто обвинял Линкольна в узурпации власти и ратовал за заключение «быстрого, немедленного и почетного мира»¹. «Нью-Йорк дейли трибюн» требовала от правительства Линкольна запретить выступления Вэлландигхэма².

В конгрессе часто раздавались прямые призывы к саботажу военных мероприятий правительства. 11 июля 1861 г. Барнет, демократ от штата Кентукки, говорил, что «президент Соединенных Штатов в нарушение законов и конституции страны объявил гражданскую войну. И здесь в качестве представителя народа... я протестую против всех мер, предпринимаемых для дальнейшего продолжения войны»³.

При обсуждении в конгрессе мероприятий агентства рабовладельцев, опасаясь полного разоблачения, часто голосовала за их утверждение. Однако они обставляли соответствующие законы многочисленными поправками и оговорками, стремясь оградить самые уязвимые места мятежников. Когда в сенате 18 июля 1861 г. обсуждался вопрос об улучшении организации вооруженных сил, сенатор Пауэл внес поправку, гласившую, что ни одно подразделение армии или флота не может быть использовано для подчинения какого-либо суверенного штата или же для вмешательства в какой-либо форме в вопрос о рабстве⁴.

С самого начала военных действий народные массы Севера требовали от правительства Линкольна принять решительные меры для вооруженного разгрома мятежников. 2 мая 1861 г. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала, что народ видит цель войны не в «простой защите Вашингтона или Пикенса... Подавить мятеж и покарать предателей — таковы требования нации... президент и его кабинет достаточно проникательны, чтобы знать, что огромные силы, предоставленные им Севером, даны для того, чтобы укрепить их мощь для сражений и победы». Газета заявляла, что Линкольн и впредь может рассчитывать на полную поддержку народа, но при одном условии — если война будет вестись с целью скорейшего разгрома мятежников⁵.

¹ «Rebellion Record», Vol. 2, Diary of Events, p. 24.

² «New York Daily Tribune», 11. VII. 1861.

³ «Congressional Globe», 37-th Congress, 1-st Session, p. 75.

⁴ «Rebellion Record», Vol. 2, Diary of Events, p. 33 — 34.

⁵ «New York Daily Tribune», 2. V. 1861.

Агентура рабовладельцев в конгрессе развернула бурную деятельность, требуя заключения мира с Конфедерацией¹.

В многочисленных письмах читателей компромисс с рабовладельцами расценивался как предательство. В одном из писем предлагалось «созвать большой митинг граждан независимо от партийной принадлежности, чтобы выразить наш решительный протест против любых компромиссов с мятежниками... Пусть Нью-Йорк выскажется». Другой читатель писал: «Я рад, что вы провентилировали в «Трибуне» вопрос о компромиссе, выступили против любого соглашения с предателями и мятежниками». В письме предлагалось, чтобы народ дал инструкции своим конгрессменам выступать против всех попыток компромисса. «Компромисс! — позорное слово, оскорбление всей нации»², — говорилось в одном из писем.

Требования народных масс с каждым днем звучали все более решительно: «Американский народ... не потерпит, чтобы его обманывали. Он требует, чтобы война была настоящей войной, а не сплошной политической интригой; чтобы этот предательский, проклятый мятеж, апеллировавший к мечу, был бы и подавлен мечом без каких-либо задержек»³.

На многочисленных митингах принимались обращения к Линкольну с требованием разгромить рабовладельцев. Резолюция митинга, состоявшегося 9 сентября 1861 г. в Бостоне, гласила: «Заявить президенту Соединенных Штатов: вот наши жизни и имущество, свободно располагайте ими, смело используйте их, но используйте успешно». Участники митинга призывали Линкольна отвергнуть все предложения о компромиссе, использовать ресурсы страны для сокрушительного разгрома мятежников⁴.

О народном подъеме на Севере сообщали корреспонденты русских газет. Собственный корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» писал 9 (21) сентября 1861 г. из Вашингтона, что «весь народ заинтересован в успехе войны, которую считает священной». В этой же корреспонденции сообщалось: «Значительное большинство американского народа весьма недоволено бездействием нашей Потомакской армии»⁵.

Письма из армии свидетельствовали о решимости солдат заставить правительство Линкольна принять меры для разгрома рабовладельцев. В одном из писем говорилось, что «требования со

¹ F. Clement. The Copperheads in the Middle West. Chicago, 1960, p. 119.

² «New York Daily Tribune», 26. VI. 1861.

³ Ibid., 27. VI. 1861.

⁴ «Rebellion Record», Vol. 3, Documents, p. 121.

⁵ «С.-Петербургские ведомости», 6. X. 1861.

крушить врага превратились в столь решительную кампанию, что если Линкольн будет упорствовать, то он может быть заменен военной диктатурой»¹.

Требования освободить рабов и призвать негров в армию неоднократно раздавались в конгрессе. 16 июля 1861 г. сенатор Помероу внес билль, в котором говорилось, что для подавления мятежа надо немедленно уничтожить рабство, призвать негров в армию и обязать офицеров федеральной армии оказывать всемерную помощь и защиту освобожденным рабам².

Страстно призывал к освобождению рабов «Либереитор». В одном из писем говорилось: «Дорогой «Либереитор», мы все, наконец, видим пагубность рабства. Мы знаем, что единственное средство лечения от него — освобождение рабов»³. Лидеры радикалов подчеркивали военную и экономическую необходимость освобождения рабов⁴. В письмах читателей указывалось на большое политическое значение уничтожения рабства. В письме, озаглавленном «Голоса народа», предлагалось: «Провозгласите свободу по всей стране, для всех жителей, населяющих ее... До тех пор пока не будет сделано это, мы будем сражаться впустую и никогда не сможем одержать победу, содействуя удержанию в рабстве четырех миллионов наших братьев и сестер»⁵.

Каждая новая военная неудача Севера убеждала радикальные круги в необходимости освободить рабов и перейти к революционным методам ведения войны, требования уничтожить рабство звучали все более часто и настойчиво. 9 декабря 1861 г. Самнер внес в сенат новую петицию граждан Род-Айленда и Вермонта, требовавших освобождения рабов⁶. Стивенс предложил освободить рабов на условиях конфискации собственности мятежников и вооружить негров. В ответ на утверждения о неконституционности этой меры он заявил: «Суверенная власть нации может и должна воплотить в действие законы войны»⁷.

Билль, внесенный сенатором Трамблом 5 декабря 1861 г., также предусматривал конфискацию собственности мятежников и освобождение их рабов. Петиция от граждан Массачусетса, представленная в тот же день Самнером, требовала освобождения без

¹ A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 210.

² «Congressional Globe», 37-th Congress, 1-st Session, p. 134.

³ «Liberator», 23. VIII. 1861.

⁴ M. Shortread. The Antislavery Radicals: from Crusade to Revolution, 1840 — 1868. — «Past and Present». London, November 1959, N 16, p. 76 — 77

⁵ «Liberator», 20. IX. 1861.

⁶ «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, p. 25.

⁷ Ibid., 1-st Session, p. 414.

каких-либо условий всех рабов мятежников, рабы лояльных рабовладельцев должны были быть освобождены за компенсацию¹.

«Лето и конец 1861 г. ознаменовались бурей требований радикалов о конфискации собственности рабовладельцев, об... изъятии у предателей-южан их рабочей базы в лице рабов»².

Освобождения рабов активно добивались немецкие иммигранты. В резолюции одного из митингов, созванного 9 ноября 1861 г. немцами, которые проживали в Чикаго, говорилось, что идет «борьба не на жизнь, а на смерть между двумя принципами, враждебными с первого дня создания мира... триумф свободы может быть обеспечен только окончательным и надежным уничтожением рабства»³.

Среди солдат и офицеров все чаще раздавались протесты против использования армии для охоты за беглыми рабами. Собственный корреспондент русской газеты сообщал из Вашингтона: «Течение событий увлекает за собой волю людей. Так или иначе невольничество погибнет: этого требует уже огромное большинство армии, а она состоит преимущественно из граждан и волонтеров, которые не хотят драться из-за фраз»⁴.

Борясь за уничтожение рабства, лидеры радикалов не ограничивались выступлениями в конгрессе и на митингах, они старались также оказать непосредственное влияние на Линкольна.

Спустя два дня после сражения при Манассасе Самнер посетил Линкольна и пытался убедить его в необходимости освобождения рабов, однако президент остался при своей точке зрения⁵. Аналогичную беседу имел с Линкольном и сенатор от Мичигана Захарий Чендлер. Он убеждал президента в настоятельной необходимости призвать негров, в том числе и беглых рабов, в федеральную армию. В беседе с Линкольном Чендлер заявил, что он не будет сожалеть, если эта мера вызовет восстание рабов в мятежных штатах. И вновь Линкольн ответил отказом⁶.

Отношения между Линкольном и радикалами приняли очень резкий характер. 8 декабря 1861 г. старый друг Линкольна Д. Спид писал: «Создается большая и мощная армия ультрадеятелей, которая ведет войну против президента и его консервативной политики»⁷.

¹ «Rebellion Record», Vol. 3, Diary of Events, p. 104.

² M. Shortread. The Antislavery Radicals... — «Past and Present», November 1959, № 16, p. 77.

³ «Rebellion Record», Vol. 3, Documents, p. 344.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», 19. XII. 1861.

⁵ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 152.

⁶ T. Williams. Op. cit., p. 33.

⁷ R. Luthin. Op. cit., p. 304.

Радикалы требовали от Линкольна решительной чистки армии, засоренной явными и скрытыми сторонниками рабовладельцев. Это требование было чрезвычайно актуальным, так как основные командные посты в армии занимали демократы: из 110 генералов Севера 80 были демократами. Манассас и Болс-Блафф со всей очевидностью показали, что армия и народ не могут доверять такому командному составу.

Радикальные республиканцы сконцентрировали огонь своей критики против Макклеллана с целью лишить его командного поста в армии¹. Радикалы требовали изменить состав правительства Линкольна путем включения в него сторонников освобождения рабов. Объектом их атак был министр военно-морского флота Гидеон Уэллс и в первую очередь военный министр Симон Камерон.

Радикалы прилагали большие усилия, чтобы заменить Камерона представителем своей партии, что было очень важно, так как военный министр мог сыграть большую роль в освобождении рабов, проводимом как военная мера. Известный деятель радикалов, промышленник из Новой Англии Джон М. Форбс, заявлял: «Мы нуждаемся в военном департаменте в таком человеке, который, когда настанет надлежащее время, ни мгновения не колеблясь, атакует слабое место врага (рабство. — *Р. И.*)»².

Единственный представитель радикалов в правительстве Линкольна, министр финансов Чейз, следуя политическим установкам радикальных республиканцев, поддерживал их требования об освобождении рабов. «Правительство не может добиться успеха в попытках подавить мятеж левой рукой, одновременно поддерживая рабство правой»³, — говорил он.

Поражение под Манассасом и последовавшее за ним резкое обострение политической борьбы на Севере привели к серьезному изменению соотношения сил внутри республиканской партии. Радикальные республиканцы были по-прежнему представлены в правительстве только одним министром, Чейзом, который, впрочем, никогда не был последовательным радикалом. Однако внутри республиканской партии их позиции быстро укреплялись, руководство партией постепенно переходило в руки радикалов. Консервативные буржуа называли радикалов якобинцами, подчеркивая тем самым чрезмерно революционную, по их мнению, политику радикалов. Радикальные республиканцы не возражали против этого наименования, которое прочно утвердилось за ними.

¹ Mc-Clellan's own Story..., p. 150.

² T. Williams. Op. cit., p. 37.

³ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 152.

Радикалы в годы гражданской войны, так же, как и якобинцы в период Великой французской буржуазной революции, были наиболее революционной партией буржуазии. В этом отношении данная историческая параллель была приемлема, но с той существенной поправкой, что французские якобинцы по своей революционности, боевому духу, готовности пойти на крайние средства для победы революции значительно превосходили американских радикалов. Но несомненно то, что радикалы объединяли наиболее революционные круги буржуазии, были среди тех революционных сил, которые Маркс называл «принципиально последовательными партиями Севера»¹.

Разумеется, «принципиальная последовательность» радикалов не шла дальше ведения борьбы в рамках буржуазно-демократической революции. Некоторые из них выступали за освобождение рабов, считая это наименьшим злом. Бредфорд Р. Вуд, например, писал 28 ноября 1861 г., что «настало время освободить рабов... или освобождение сейчас, или... Сан-Доминго в будущем»².

Не много было радикалов, которые не боялись «Сан-Доминго», считали желательным восстание негров в тылу рабовладельцев, но подавляющее большинство якобинцев видело в освобождении рабов и призыве негров в армию важнейшее политическое и военное мероприятие, способное привести к быстрейшему завершению войны.

С резкой критикой антинегритянской позиции федерального правительства выступал Тадеуш Стивенс: «Мы вложили меч в одну руку нашим генералам, а кандалы — в другую»³. Чарльз Самнер писал: «Я желал бы увидеть 200 тыс. негров с ружьями на плечах, тогда я бы не боялся компромисса»⁴. Лидер радикалов Индианы Джордж Джулиан заявлял, что война превратится «в пустую насмешку над нашими страданиями и жертвами», если не будет уничтожено рабство. Другой известный лидер радикалов, Вейд, говорил, что война может «продолжаться 30 лет и привести всю нацию к банкротству... не будет мира, пока мы не заявим, что на этой земле нет рабов»⁵.

Радикалы решительно отвергали конституционную аргументацию противников уничтожения рабства. Стивенс заявлял, что тех, кто прикрывается конституцией для оправдания своего неже-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 547.

² J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 152. (Имеется в виду победоносное восстание негров-рабов в Сан-Доминго в 1790 — 1803 гг., которым руководил Франсуа Доминик Туссен-Лувертюр.)

³ Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 328.

⁴ T. Williams. Op. cit., p. 13.

⁵ Ibid., p. 10.

ления освободить рабов, надо рассматривать как предателей¹.
 «Конституция молчит, — говорил Стивенс, — существуют только законы войны»².

Поддаляющее большинство радикалов решительно требовало освободить рабов и призвать негров в армию, но наиболее последовательную позицию в этом вопросе занимали сами негры и их выдающийся лидер, революционный демократ Фредерик Дуглас.

Он указывал, что война неизбежно должна привести к уничтожению рабства, что борьба за сохранение Союза перерастает в «аболиционистскую войну». Из этого Дуглас делал вывод о невозможности компромиссного мира, о том, что будет только «мир аболиционистский», санкционирующий уничтожение рабства. Дуглас писал, что правительство Линкольна не понимало революционного характера гражданской войны, что армии Севера *«сражались с мятежниками только одной рукой, хотя они и могли успешно сразиться двумя. Они дрались одной дряблой белой рукой, а железную черную руку, скованную и беспомощную, прятали за спину»*³.

Никто из аболиционистов не сформулировал с такой четкостью революционные цели войны, как Дуглас. «Не должно быть иной войны, — писал он, — кроме войны за уничтожение рабства... Свобода для всех, а цепи — ни для кого. Цветной должен быть на войне солдатом, а в мирное время — тружеником, как на Юге, так и на Севере он должен быть избирателем. Америка — его постоянный дом, все американцы — его земляки. В этом... покоему, и заключаются цели войны»⁴.

В этих словах Дуглас не только сформулировал революционные цели войны, но и начертал программу борьбы негров за свои экономические и политические права. Эта программа стала руководством к действию для широких негритянских народных масс в послевоенный период.

Дуглас не страшился призрака Сан-Доминго, как некоторые радикалы, он открыто призывал к восстанию рабов: «Юг разразится революцией и войной»⁵, — писал он.

Дуглас беспощадно громил конституционную аргументацию поборников рабства. Он заявлял, что в условиях гражданской войны «не время рассуждать о конституционной власти»⁶. «Если человек здоров, — писал Дуглас, — то отрезать ему руку, — зна-

¹ «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, p. 440.

² J. Allen. Reconstruction..., p. 20; Ph. Foner (ed.). Life and Writings..., Vol. III, p. 94, 393 — 394.

³ Ph. Foner (ed.). Fr. Douglass. Selections..., p. 63.

⁴ Ph. Foner (ed.). Life and Writings..., Vol. III, p. 403.

⁵ Ibid., p. 94.

⁶ Ibid., p. 17.

чит, совершить преступление, — поступить противозаконно. Если же рука раздроблена и омертвела, будет преступно и противозаконно не ампутировать ее... Если конституция не дает права уничтожить рабство, а жизненные интересы нации требуют этого, мы, поступая в духе конституции, имеем право отменить его, так как не может быть ничего стоящего выше интересов существования и сохранения нации»¹.

Интересно отметить, что после издания прокламации об освобождении рабов Линкольн, отвергая обвинения в неконституционности этого акта, не только повторил аргументы Дугласа, но сделал это почти в тех же выражениях².

Дуглас был великим революционным демократом Америки. Его революционный демократизм проявлялся и в оценке роли народных масс в гражданской войне, и в революционной трактовке конституции и законов страны, и в определении целей войны. Дуглас не был марксистом, но можно присоединиться к точке зрения Ф. Фонера, который считает, что Дуглас был знаком с работами Маркса, публиковавшимися в «Нью-Йорк дейли трибюн». Во всяком случае, обращает на себя внимание почти полное совпадение в ряде мест аргументации Маркса и Дугласа.

Маркс писал: «Современная борьба между Югом и Севером есть, следовательно, не что иное, как борьба двух социальных систем — системы рабства и системы свободного труда. Эта борьба вспыхнула потому, что обе системы не могут долее мирно существовать бок о бок на североамериканском континенте. Она может закончиться лишь победой одной из этих систем»³. У Дугласа в одной из статей высказывалась следующая мысль: «Быть или не быть (рабству. — *Р. И.*) — таков вопрос (войны. — *Р. И.*)»⁴.

По поводу необходимости призыва негров в армию Маркс писал: «Даже один только полк, составленный из негров, окажет поразительное действие на нервы южан»⁵. Аналогично и высказывание по этому вопросу Дугласа, который заявлял: «Один полк черных в такой войне будет полностью соответствовать двум полкам белых. В данном случае сам факт появления цветных будет более ужасен (для рабовладельцев. — *Р. И.*), чем порох и ядра»⁶.

Борьба по вопросу о целях войны и методах ее ведения происходила в конгрессе, на страницах прессы, между партиями и внутри их. Эта борьба проявилась и в выступлениях народных масс.

¹ Ph. Foner (ed.). Life and Writings..., Vol. III, p. 155 — 156.

² «Collected Works», Vol. VI, p. 11.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 355.

⁴ Ph. Foner (ed.). Life and Writings..., Vol. III, p. 197.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953, с. 132.

⁶ Ph. Foner (ed.). Fr. Douglass. Selections..., p. 62.

Главари «медянок» неоднократно имели возможность убедиться в том, что народные массы решительно выступают против их предательской политики. Агентура рабовладельцев чувствовала себя довольно спокойно в конгрессе, где сторонники мятежников беспрепятственно выступали с пораженческими речами, призывая к капитуляции перед рабовладельцами. Но как только они оказывались среди простых тружеников и солдат, положение резко менялось, здесь они не только не могли проповедовать свои пораженческие идеи, но и подвергались опасности стать жертвой самосуда. С этим пришлось столкнуться и руководителю «медянок» Вэлландигхэму. 7 июля 1861 г. он посетил в Виргинии лагерь огайских волонтеров, надеясь найти среди солдат своего штата внимательную и сочувствующую аудиторию. Приехав в лагерь, Вэлландигхэм увидел свое изображение, вздернутое на виселицу, на груди чучела висел транспарант: «Вэлландигхэм — предатель». Солдаты встретили конгрессмена градом камней, а когда офицеры попытались навести порядок и защитить гостя, камни полетели в их сторону. С большим трудом удалось восстановить порядок и спасти Вэлландигхэма от разъяренных солдат.

«Нью-Йорк дейли трибюн» рассматривала это «как доказательство того, что солдаты и народ не потерпят никакого предательства или сочувствия к предателям»¹.

Народ не только требовал от правительства Линкольна пресечения деятельности реакционных газет, но и предпринимал самостоятельные действия, чтобы добиться этого.

Об одном из таких случаев сообщал 8 августа 1861 г. корреспондент «Бостон джорнэл» из города Конкорда: «Сегодня в полдень в этом городе произошли серьезные волнения, в результате которых было полностью уничтожено издательство газеты «Демократик стандарт»².

Осенью 1861 г. во многих северных штатах, особенно на Северо-Западе, митинги, организованные «медянками», срывались народными массами. Ораторы, выступавшие за мир с мятежниками, подверглись избиению. В августе 1861 г. такие случаи произошли в Индиане и других штатах³.

В сентябре 1861 г. организации сторонников мятежников были разгромлены в ряде населенных пунктов Айовы и Нью-Джерси, сторонники Союза захватили оружие, приготовленное «медянками» для организации восстания в поддержку рабовладельцев⁴.

¹ «New York Daily Tribune», 8. VII. 1861.

² «Rebellion Record», Vol. 2, Documents, p. 490.

³ W. Gray. The Hidden Civil War. New York, 1942, p. 68.

⁴ «New York Daily Tribune», 7. IX. 1861.

Активную борьбу против предателей вели народные массы пограничных штатов. Пресса сообщала, например, что в Мэриленде многие состоятельные лица, выступавшие в поддержку мятежников, были арестованы; на улицах часто происходили беспорядки, вызванные тем, что патриоты решительно пресекали выступления сепаратистов¹.

Рабочие Мэриленда были в первых рядах борцов с предателями и саботажниками. В сентябре 1861 г. делегация Балтимора посетила Линкольна и вручила ему обращение рабочих столицы штата. В обращении говорилось, что подавляющее большинство граждан Балтимора и Мэриленда выступает в поддержку правительства Линкольна, что рабочие решительно пресекают попытки сепаратистов использовать тяжелое положение трудящихся классов, чтобы восстановить их против Союза. В обращении указывалось также на то, что рабочие Балтимора готовы своим трудом в тылу и в рядах армии сокрушить мятеж.

Линкольн очень тепло принял делегатов рабочих. Президент заявил, что он приветствует желание ремесленников и рабочих Балтимора увеличить выпуск продукции, необходимой для разгрома мятежников. Отметив успешные для федерального правительства результаты недавних выборов в Мэриленде, Линкольн сказал, что он рассматривает их как доказательство неизбежности укрепления дела Союза².

В борьбе с реакцией в первых рядах шли рабочие. Активных организованных выступлений рабочих в это время было немного, так как в результате массового ухода рабочих в армию профсоюзы были ослаблены, а многие крупные профсоюзы вообще прекратили свое существование. Но во всех выступлениях народных масс против предателей рабочие принимали самое активное участие.

Война и последовавшая за ней депрессия, которая продолжалась до середины 1862 г., резко ухудшили положение рабочих, которые вынуждены были не только сражаться на фронте и против предателей в тылу, но и бороться за улучшение своего материального положения. В приведенном выше обращении к Линкольному рабочих Балтимора говорилось о необходимости принять срочные меры для улучшения положения рабочих и ремесленников. Такие же требования выдвигались рабочими и других городов. В июле 1861 г. на митинге безработных Филадельфии указывалось на бедственное положение рабочих масс города. Характерно, что в первую очередь рабочие требовали «свободного предоста-

¹ «Rebellion Record», Vol. 2, Documents, p. 491.

² «New York Daily Tribune», 16. XI. 1861.

ления общественных земель действительным поселенцам». В резолюции говорилось, что осуществление этой меры позволит любому безработному получить надежный источник существования.

В резолюции указывалось также на то, что необходимо создать систему производственного обучения, чтобы «сделать каждого парня в первую очередь хорошим фермером или ремесленником».

Участники митинга заявили, что на Востоке 1 миллион человек безуспешно ищут работу, в то время как на Западе чувствуется резкий недостаток рабочих рук. Участники митинга предлагали «быстро перевезти (безработных. — Р. И.) в безбрежные прерии Запада»¹.

Прошло всего несколько месяцев после начала гражданской войны, но за этот краткий период сознательность рабочих возросла во много раз больше, чем за многие предшествующие годы. Об этом свидетельствовали энтузиазм, с которым рабочие шли в армию в ответ на призыв Линкольна, мужественная борьба на фронте и в тылу против предателей. Война активизировала рабочее движение. Собственный корреспондент русской газеты писал: «В Нью-Йорке и в других городах готовится социалистическое движение, вроде волнения парижских рабочих, которое последовало после февраля 1848 г. и повело к учреждению национальных мастерских, основанных в виде удовлетворения сделанному рабочими требованию, чтобы «труду предоставлены были права». Это же самое требование выражают теперь нью-йоркские рабочие...»².

В 1861 г. Линкольн подписал ряд законов, имевших целью пресечь деятельность вражеской агентуры на Севере. Причина принятия этих законов заключалась не только в поражениях федеральной армии. Важную, если не первостепенную, роль сыграли выступления народных масс.

31 июля 1861 г. конгресс принял закон о наказаниях за заговоры с целью «свержения правительства» и за выступления против правительственных органов³, 6 августа 1861 г. — закон о конфискации имущества мятежников, включая и рабов, если это имущество использовалось для ведения войны против правительства⁴.

Из решений 1-й сессии 37-го конгресса важное значение имел закон о введении прямого налога в 20 млн. долл. с поземельного дохода и 3-процентный сбор со всякого дохода и заработной

¹ «New York Daily Tribune», 1. VIII. 1861.

² «Северная пчела», 31. VIII. 1861.

³ «Congressional Globe», 37-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 32.

⁴ Ibid., p. 42.

платы, превышающей 800 долл. Закон предусматривал также обложение 2-процентным налогом доходов граждан США, проживавших за границей.

На основании этих законов на Севере было закрыто несколько газет, особенно активно выступавших против правительства, в частности «Дейли ньюс», «Джорнэл оф коммерс», «Дейли бук», «Фримэнз джорнэл».

По решению правительства Линкольна была запрещена деятельность некоторых легальных организаций демократической партии. Ряд издателей, политических деятелей и других лиц, известных своими открытыми выступлениями в поддержку мятежников, был арестован. С 25 апреля по 2 декабря 1861 г. в различных районах семь раз объявлялось об отмене закона о неприкосновенности личности¹.

Осуществление этих мер было первой значительной победой радикалов в борьбе с реакцией. Радикалы по-прежнему фактически не были представлены в правительстве, но, используя свои прочные позиции в конгрессе и опираясь на широкие народные массы, поддерживавшие их требования, они начинали оказывать все более заметное влияние на Линкольна.

Стекль сообщал из Вашингтона 28 августа (9 сентября) 1861 г., что «радикальная партия, пользуясь своим теперешним влиянием на правительство, толкает его на крайние меры. Правительство запретило почтовому ведомству перевозить газеты, которые говорят о примирении и компромиссе; в результате этого большинство газет, выступавших против беспощадной войны, были вынуждены закрыться».

Сообщив об арестах на Севере и запрещении реакционных изданий, Стекль продолжал: «Страна, так сказать, изумленная новым для нее положением, тем не менее безропотно подчиняется ему как из робости, так и из надежды, что эти решительные меры скорее восстановят Союз и мир»².

Принятие законов против предателей и меры, проведенные на их основании правительством Линкольна, свидетельствовали о том, что под давлением народных масс и в силу военной необходимости Линкольн начал постепенно проводить политику, подготовившую переход к революционному ведению войны.

Но эти меры носили ограниченный характер и проводились в жизнь очень непоследовательно. Аресты и осуждение предателей и саботажников носили эпизодический характер³. В основном, в

¹ C. Halbert. Lincoln Suspends the Writ of Habeas Corpus. — In: A. Nevis and I. Stone (ed.). Lincoln a Contemporary Portrait, p. 103.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, лл. 270 — 271.

³ J. Randall. The Civil War..., p. 392.

вопросе об отношении к рабству, Линкольн продолжал придерживаться прежних позиций. Некоторым просветлением было принятие закона о конфискации и резолюция палаты представителей, гласившая, что армия не должна использоваться для поимки беглых рабов¹. Но это были полумеры, которые не соответствовали требованиям, предъявлявшимся войной и складывавшейся в стране политической обстановкой. Впереди была упорная борьба за изменение политики правительства Линкольна, за приращение ее в соответствии с требованиями гражданской войны. В центре этой борьбы был вопрос о рабстве, являвшийся главной проблемой войны.

3. Проблема рабства. Линкольн и Фримонт

Развязывая гражданскую войну, рабовладельцы надеялись на лояльность негров и на то, что им удастся удержать в повиновении рабов, которые выступят против них с оружием в руках. Пресса рабовладельцев обсуждала вопрос о возможности призыва негров в армию Конфедерации². Но подобные проекты не шли дальше теоретических споров по вполне понятным причинам: нельзя было доверить оружие тем, за порабощение которых велась война. Собственный корреспондент русской газеты писал из США: «Многие замечали, что владельцы (рабов. — *Р. И.*) могут вооружить этих невольников, но спрашивается: легко ли будет обезоружить их?»³

Большинство рабовладельцев возлагало надежды на старое и испытанное средство — террор, жесточайшее подавление малейших попыток негров к восстанию. Вскоре после прихода Линкольна к власти «Либерейтор» писал: «С тех пор как Линкольн занял кресло президента, жестокость рабовладельцев умножилась и усилилась. Они страшатся, что, если не будет создана система террора, потомственные рабы превратят цепи в оружие и сокрушат гнет...»⁴

Юг представлял собой огромную, тщательно охраняемую тюрьму для негров. Более 100 тыс. солдат мятежной армии были заняты только охраной рабов, на каждые 15 — 20 негров выделялся вооруженный надсмотрщик, все дороги патрулировались охранными отрядами, в деталях была разработана система охоты за беглыми рабами, которых ловили с помощью специально дресси-

¹ «Congressional Globe», 37-th Congress, 1-st Session, p. 32.

² «New York Daily Tribune», 21. V. 1861.

³ «Северная пчела», 20. IV; 3, 15. V. 1861.

⁴ «Liberator», 12. IV 1861.

рованных собак. В мятежных штатах была создана так называемая внутренняя гвардия, выполнявшая функции по охране рабов.

Из южных штатов сообщали, что «внутренняя гвардия является самой крупной организацией Юга. К ней принадлежат все белые, которые не служат в других военных организациях»¹.

Несмотря на самые изощренные методы расправы, негры всеми средствами боролись в тылу Конфедерации за свое освобождение. Первые выстрелы у форта Самтер послужили сигналом к активизации борьбы негров Юга.

В первые дни войны из Южной Каролины сообщали: «Во внутренних районах Южной Каролины страх перед восстанием негров вызвал огромную тревогу. Мужчины спят с пистолетами под подушкой, женщины отказываются оставаться одни на плантациях. В одном из районов в 40 милях от Чарлстона 10 дней назад была подавлена попытка восстания, и семь негров были повешены».

Многочисленные факты свидетельствовали о том, что «очень многие (рабы. — *Р. И.*) верили, что избрание Линкольна обеспечит их освобождение, и многие из рабов поступают в соответствии с этой уверенностью». В этой же корреспонденции сообщалось о большом брожении среди негров, которые распевают патриотические песни, проводят тайные религиозные собрания и полны уверенности, что армия Севера освободит рабов. «Они не имеют оружия... но они имеют другое разрушительное средство, более могущественное и страшное оружие, применить которое им не помешает никакая сила. Когда для них настанет время действовать, они не будут знать любви более сильной, чем любовь к свободе»².

Об угрозах восстания рабов, попытках восстаний и о вооруженных выступлениях негров сообщалось из Арканзаса, Южной Каролины, Луизианы, Миссисипи, Теннесси, Мэриленда — из всех мятежных штатов³.

Огромный ущерб мятежной Конфедерации наносило массовое бегство рабов на Север, саботаж негров на плантациях и на промышленных предприятиях, где после начала войны работало много свободных негров и рабов. Поджоги имущества плантаторов, действия негров в качестве разведчиков в тылу рабовладельцев тем более показательны, что федеральное правительство и ге-

¹ «New York Daily Tribune», 29. V. 1861.

² «Liberator», 24. V. 1861.

³ «New York Daily Tribune», 20. IV; 3. V; 30. VI 1861. «Rebellion Record», Vol. I, Diary of Events, p. 84.

генералы Севера открыто заявляли, что они выступают против освобождения рабов.

Бригадный генерал Томас Шерман 8 ноября 1861 г. в обращении к гражданам Южной Каролины заявлял: «Мы пришли к вам, не имея каких-либо чувств личной вражды, не имея желания нанести вред вашим гражданам, уничтожить вашу собственность или вмешиваться в какие-либо ваши законы, права или в ваши социальные и местные институты»¹.

Известны многочисленные факты, когда генералы и офицеры Севера обращались к населению мятежных штатов с подобными заявлениями.

Более того, федеральные вооруженные силы оказывали прямую помощь рабовладельцам в борьбе с восстаниями рабов. Особое рвение в этом проявлял Макклеллан. Не отставали от него и другие высокопоставленные военные чины Севера, многие из которых впоследствии командовали крупными воинскими соединениями негров и признавали их большой вклад в дело разгрома рабовладельцев. Так, например, генерал Батлер в первые же дни войны отдал приказ 8-му Массачусетскому полку подавить восстание негров в штате Мэриленд².

Руководящие военные деятели Севера заявляли солдатам и офицерам федеральной армии, что они ведут войну не за освобождение рабов, а только за восстановление Союза. В ноябре 1861 г. полковник Кохрэн, выступая перед солдатами, обрушился с нападками на аболиционистов: «Аболиционизм, — говорил он, — должен освободить рабов... Это означает, что рабы будут поставлены над их хозяевами на социальной шкале. Доказывать принцип равенства людей — величайшая абстракция». Но Кохрэн признавал необходимым освобождение рабов мятежных штатов с военной точки зрения и заявил солдатам, что они не должны доверять командирам, которые не разделяют этой точки зрения.

Вслед за полковником Кохрэном выступил военный министр Камерон: «Изложенные вашим командиром доктрины я одобряю так, как если бы они были моими собственными словами», — заявил Камерон.

Лояльные рабовладельцы штата Кентукки приняли в связи с выступлениями Кохрэна и Камерона резолюцию протеста и направили ее президенту Линкольну³.

Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн», комментируя заявления Кохрэна и Камерона, писал, что в Вашингтоне, особенно

¹ «Rebellion Record», Vol. 3, Documents, p. 111.

² «Liberator», 17. V. 1861; «New York Daily Tribune», 25. IV. 1861.

³ «Rebellion Record», Vol. 3, Documents, p. 374 — 375.

в военных кругах, они были восприняты с большим удовлетворением, так как разрешают главную проблему, возникающую перед федеральной армией по мере ее продвижения на Юг¹.

Известны многочисленные случаи, когда по приказу прорабовладельчески настроенных генералов Севера федеральные вооруженные силы участвовали в поимке беглых рабов. Иногда по беглым рабам солдаты Севера открывали огонь².

И тем не менее массовое бегство рабов на Север продолжалось, и с каждым месяцем оно становилось все более значительным.

Газеты Севера публиковали многочисленные письма читателей, протестовавших против репрессивных мер по отношению к беглым рабам. В одном из таких писем говорилось, что если федеральная армия не выдает мятежникам дезертиров, перешедших на сторону Севера, то она не должна делать этого и по отношению к неграм-рабам³.

Несмотря на прорабовладельческие настроения многих генералов и офицеров Севера, симпатии большинства рядовых солдат были на стороне беглых рабов. Часто, вопреки приказам командиров, солдаты оказывали всемерную помощь неграм при переходе линии фронта, делились с ними продовольствием и обмундированием. Солдаты из штата Висконсин собрали деньги и передали их для оказания помощи беглым рабам, прибывшим в Филадельфию⁴. Солдаты 12-го Нью-Йоркского полка укрыли у себя беглых негров и арестовали хозяев, пришедших за ними. Они категорически отказались взять у хозяев плату, которую они им предложили за негров, и заявили, что никогда не будут участвовать в ловле беглых рабов⁵.

Отношение Линкольна к беглым рабам определялось его официальной позицией в вопросе об освобождении рабов. Но президент ни в коей мере не был заражен антинегритянскими настроениями, которые были широко распространены среди высших официальных кругов Вашингтона. Характерно, что, когда Линкольна представили одного мальчика-негра, бежавшего из мятежных штатов, президент распорядился определить его швейцаром в Белый дом⁶.

¹ «New York Daily Tribune», 7. XI 1861.

² «Congressional Globe», 37-th Congress, 3-d Session, Appendix, p. 78; «Journal of Negro History», January 1951, Vol. 36, № 1, p. 40 — 41; Ch. Wesley. Negro Labor in the United States 1850 — 1925. New York, 1927, p. 88.

³ «New York Daily Tribune», 25. V. 1861.

⁴ Ibid., 14. XI. 1861.

⁵ Ibid., 11. VI. 1861.

⁶ Ibid., 10. VI. 1861.

Сам по себе этот факт, может быть, был и не столь значительным, но он имел определенное значение, принимая во внимание широко распространенные антинегрятские настроения в столице, находившейся на территории Юга.

Попытки правительства Линкольна удержаться в рамках официально провозглашенных целей войны и игнорировать проблему рабства терпели крах. В первую очередь возникал вопрос, что делать с рабами, перешедшими линию фронта, как поступать с рабами, оказавшимися на территории, занятой федеральными войсками. Эти вопросы требовали незамедлительного ответа. «Продвижение армий Союза в сердце Виргинии ставит перед их командованием и перед правительством проблему рабства, его отношение к Союзу, его влияние на войну»¹.

Удобный выход из создавшегося положения был найден генералом Батлером. В мае 1861 г. Батлер, командовавший в то время фортом Монро, штат Виргиния, отказался возвратить трех беглых рабов их хозяину, полковнику армии мятежников, заявив, что он рассматривает их как военную контрабанду. Батлер получил сведения, что эти рабы были использованы на оборонительных работах. Рабы получили возможность работать в распоряжении войск Батлера за соответствующее вознаграждение. Касаясь закона о беглых рабах, Батлер заявил, что этот закон действует на территории США, но Виргиния сама исключила себя из Соединенных Штатов. В этом же заявлении Батлера говорилось, что он готов возвращать хозяевам всех беглых рабов, если они присягнут на верность законам Соединенных Штатов².

Действия Батлера были одобрены Линкольном и санкционированы военным департаментом. Камерон писал Батлеру 30 мая 1861 г.: «Ваши действия в отношении негров, которые прибыли в ваше расположение, отказавшись служить мятежникам, одобрены». Камерон указывал Батлеру на необходимость упорядочить оплату труда негров, используемых на работах, и подчеркивал, что его действия не должны касаться вопроса о существовании рабства в штатах Юга³.

«Большая часть республиканской партии немедленно выступила в поддержку политики Батлера, направленной на освобождение негров»⁴.

Батлер нашел блестящий выход из положения, буква закона о

¹ «New York Daily Tribune», 20. VII. 1861.

² J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 4, p. 387 — 389; J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 130.

³ «Rebellion Record», Vol. 3, Documents, p. 314; «Liberator», 7. VI. 1861.

⁴ R. Holman. Op. cit., p. 55.

беглых рабах была соблюдена, а закон как таковой полностью ликвидировался. Это решение приветствовали все, кто понимал необходимость решения вопроса о неграх, но не видел путей обхода закона о беглых рабах. «Генерал Батлер прав, — заявляла «Нью-Йорк дейли трибюн», — прекрасный законовед и хороший солдат»¹. Приказ Батлера был первым важным шагом на пути решения проблемы рабства: «Закон о беглых рабах был аннулирован, а решение по делу Дреда Скотта попропано железной пятой войны»².

Расположение войск Батлера стало настоящим местом паломничества для негров. Примеру Батлера последовали многие генералы Севера, негров стали широко использовать на различных работах, и в первую очередь на сельскохозяйственных. Позднее возникли специальные поселения негров, где бывшие рабы приобщались не только к новой для них системе труда, но и получали первые навыки самоуправления, выполняя все основные административные функции³.

Несмотря на важность решения Батлера, оно все же являлось полумерой, так как разрешило только один вопрос — отношение к беглым рабам. Причем меры, принятые Батлером, были чрезвычайно показательны для политики правительства Линкольна в первый период войны, когда федеральные власти стремились соблюдать верность всем законам о рабстве. Решение Батлера не отменяло, а только обходило закон о беглых рабах.

Весь ход событий на фронте и в тылу свидетельствовал о том, что недовольство политикой правительства в вопросе о рабстве должно было найти отражение в решительных мерах, направленных на уничтожение рабства. И такие меры были предприняты, осуществил их генерал Джон Фримонт, который, по характеристике «Нью-Йорк дейли трибюн», был «готов отдать всю свою энергию на службу народу, которым он любим и уважаем, как немногие из здравствующих ныне людей»⁴.

Фримонт был не только известным политическим деятелем, но и крупным ученым, отважным путешественником, много сделавшим для изучения отдаленных районов Запада. Еще в юношеские годы Фримонт вместе с французским ученым Николе совершил поездку на Северо-Запад, принял активное участие в исследовании этого малоизученного района и опубликовал его подробные геогра-

¹ «New York Daily Tribune», 28. V 1861.

² J. Blaine. Twenty Years of Congress. Norwich, 1884, Vol. I, p. 369.

³ См.: Иванов Р.Ф. Гражданская война в США и роль негров в разгроме мятежников-рабовладельцев (1861 — 1865 гг.). — «Уч. зап. по новой и новейшей истории», 1958, вып. IV, с. 20 — 25.

⁴ «New York Daily Tribune», 28. VI 1861.

фические карты. В 1839 г. Фримонт за свои исследовательские работы получил звание младшего офицера корпуса инженеров-топографов.

Вернувшись из экспедиции, Фримонт направляется в Вашингтон, где обрабатывает собранные материалы и публикует книги о своих путешествиях, которые вскоре были переведены на несколько европейских языков.

В 1843 — 1844 гг. он совершает путешествие в малоизвестный район Скалистых гор. Фримонт первым опубликовал сведения о Солном озере, об огромном внутреннем бассейне Утаха, о Сьерра-Неваде и о Калифорнии. Во время путешествия в эти районы, заселенные индейцами, Фримонт едва не погиб.

Возвратившись в Вашингтон, он составил подробные карты и описание исследованных районов и представил их правительству. За работу, проделанную в районе Скалистых гор, Фримонт получил звание капитана. Вскоре он отправляется в новое путешествие для исследования Тихого океана. В пути Фримонта застало известие о начале войны с Мексикой. Хотя Фримонт не имел военного опыта, американские поселенцы избрали его своим командиром. Во время войны Фримонт продемонстрировал не только личную храбрость, но и незаурядные способности военачальника.

Фримонт проявил также и большую политическую дальновидность: он вступил в контакт с начальником американской морской экспедиции, крейсировавшей у берегов Калифорнии, а после завоевания этой обширной территории стал ее военным руководителем. Позднее Фримонт был первым представителем Калифорнии в сенате США.

Фримонт, получивший после войны с Мексикой звание подполковника, не сделал военной карьеры. Он был отдан за недисциплинированность под военный суд и уволен из армии. Фримонт вновь вернулся к своим любимым занятиям: он совершает четвертую экспедицию в Скалистые горы. В Арканзасе экспедиция лишилась в снегах всего вьючного скота, а сам ее руководитель с большим трудом спасся от гибели.

Оправившись после очередной неудачи, Фримонт совершает новое путешествие к Сакраменто. На берегах этой реки он купил большое поместье, где были обнаружены золотые россыпи, сделавшие его одним из богатейших людей США. В 1856 г. Фримонт стал первым кандидатом республиканской партии на пост президента.

Когда началась гражданская война, Фримонт находился в Париже. Он незамедлительно известил Линкольна о своем желании вступить в армию и получил звание генерал-майора и назначение командующим армией в штате Миссури. За короткое время пре-

бывания на этом посту Фримонт проявил себя как способный военачальник. Под его руководством были осуществлены важные операции по захвату Падука и Коламбаса, под начальством Фримонта находились такие известные в будущем генералы, как Грант, Поуп, Шерман, Макклерманд и др.

Фримонт был известным и авторитетным деятелем. И ни в коей мере не соответствуют действительности те оценки его деятельности, которые дают современные американские буржуазные историки. Типична в этом отношении точка зрения Невинса, который пишет, что Фримонт был «незначительным человеком и с военной, и с политической точки зрения»¹.

Свою знаменитую прокламацию об освобождении рабов Фримонт опубликовал 30 августа 1861 г. Прокламация гласила: «Для прекращения беспорядков, поддержания мира, обеспечения безопасности и защиты лицам и имуществу лояльных граждан я отныне распространяю действие военных законов на весь штат Миссури... Все задержанные с оружием в руках по эту линию фронта будут судимы военным судом и, в случае признания виновными, расстреляны. Собственность всех граждан штата Миссури, в чем бы она ни состояла, в рабах или в недвижимом имуществе, конфискуется на государственные нужды, если будет доказано, что они активно сотрудничают с врагом на поле боя, а их рабы освобождены»².

Появление прокламации Фримонта было для Линкольна полной неожиданностью, он узнал об этом из газет и тотчас же направил ему письмо. Президент вежливо, но решительно выступил против всех основных положений прокламации: «Если Вы на основании Вашей прокламации расстреляете хотя бы одного человека, конфедераты, несомненно, в отместку расстреляют наших лучших людей, находящихся в их руках. Это приведет к расстрелу человека за человека. Поэтому я приказываю Вам без моего согласия или санкции не расстреливать никого в соответствии с Вашей прокламацией». Особенно решительно Линкольн выступил против освобождения рабов: «Конфискация имущества предателей и освобождение их рабов беспокоит наших друзей на Юге, восстаноят их против нас и может разрушить наши довольно благоприятные перспективы в Кентукки».

¹ A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 307; A. Nevins. Fremont Pathmaker of the West, Vols I — II. New York, 1961, Vol. I, p. 89 — 104, 127 — 147, 206 — 217, 305 — 327.

² The War of the Rebellion: A Complitation of the Official Records of the Union and Confederate Armies, Vols I — 130. Washington, 1880 — 1901, Ser. I, Vol. III, p. 466 — 467 (далее «Official Records»); «Rebellion Record», Vol. 3, Documents, p. 33.

Линкольн предложил Фримонту, чтобы лично он, а не специальный приказ президента изменил эти положения прокламации и привел их в соответствие с первым и четвертым пунктами Закона конгресса от 6 августа 1861 г. о конфискации имущества мятежников¹.

Запрещая Фримонту расстрелы, Линкольн руководствовался гуманными соображениями; было очевидно, что рабовладельцы в ответ на эти репрессии начали бы массовый расстрел военнопленных федеральной армии. Подтверждений этому было вполне достаточно. Еще в самом начале войны северяне захватили капер мятежников «Джефферсон Дэвис», пиратствовавший у федеральных берегов. Филадельфийский суд приговорил капитана и команду к повешению. Президент Дэвис не замедлил опубликовать список 13 пленных офицеров федеральной армии, отобранных по жребию, которые должны были быть повешены в случае утверждения Линкольном приговора. Линкольн отказался пожертвовать их жизнями и не утвердил приговор. Президент неоднократно отменял смертные приговоры и запрещал аресты².

Линкольн был глубоко гуманным человеком, за все время гражданской войны можно пересчитать по пальцам случаи, когда он санкционировал смертную казнь. Но эта гуманность не была оправданна в условиях гражданской войны, ибо классовая борьба в тылу принимала самые резкие формы, а военные действия нередко велись рабовладельцами жестокими средствами с грубейшим нарушением законов войны. После поражения Севера под Манассасом мятежники добивали раненых федератов штыками, перерезали им горло. Кавалерийский отряд мятежников захватил санитарную повозку, на которой находился раненый солдат-немец из 2-го Висконсинского полка. Один из кавалеристов выволок раненого за волосы из повозки, проткнул его саблей, отрубил голову и бросил тело под ноги лошадям³.

Известны многочисленные случаи, когда мятежники травили солдат и офицеров Севера, устраивали дикие погромы на территории, занятой их войсками, сжигали госпитали с находившимися в них ранеными⁴.

В Миссури, где армией командовал Фримонт, жестокости рабовладельцев носили особенно изощренный характер, и Фримонту была очевидна необходимость введения военного положе-

¹ «Collected Works», Vol. IV, p. 501.

² J. Randall. Lincoln the President, Vol. 3, p. 207 — 208.

³ «New York Daily Tribune», 29. VII. 1861.

⁴ «Rebellion Record», Vol. I, Rumors and Incidents, p. 114; «New York Daily Tribune», 1, 10, 16. V; 29. VII. 1861.

ния и смертной казни для предателей¹. В ответ на письмо Линкольна Фримонт писал: «...Прошу разрешить мне *без промедления* осуществлять положения прокламации». Автор прокламации заявил президенту: «Прикажите мне прямо внести коррективы»². Фримонт открыто отказался выполнить требование президента и предложил ему полностью взять на себя ответственность за отмену освобождения рабов. Фримонт пошел еще дальше: после письма Линкольна, запрещавшего расстрел предателей, он, инструктируя одного из своих полковников, указал на то, что статьи прокламации, касающиеся расстрела лиц, сотрудничающих с мятежниками, должны быть «резко усилены»³.

Инициатива Фримонта поставила Линкольна в очень тяжелое положение. Отвергнуть ее значило бы вызвать шквал атак радикалов, скомпрометировать себя в глазах широких масс народа, требовавших освобождения рабов. Санкционировать прокламацию президент не мог, так как это было равносильно освобождению рабов. К такому решительному шагу Линкольн еще не был готов, он предпочел нести все политические издержки, но все же отменил прокламацию Фримонта. 11 сентября 1861 г. Линкольн писал командующему армией в Миссури: «В Вашем ответе Вы изъявляете желание, чтобы Вам было прямо приказано произвести это изменение, и я с готовностью выполняю Ваше желание. Итак, приказываю изменить данную прокламацию, согласовав ее с актом конгресса по этому вопросу, и не выходить за рамки закона, называющегося «Акт о конфискации собственности, используемой в целях мятежа», принятый 6 августа 1861 г. Предписываю также полностью обнародовать этот акт вместе с настоящим приказом»⁴.

Стекло, комментируя конфликт между Линкольном и Фримонтом, сообщал 28 августа (9 сентября) 1861 г. из Вашингтона: «Президент был очень удивлен, получив прокламацию Фримонта. Он усмотрел в ней акт неповиновения, и одно время был поднят вопрос о его смещении, но в итоге ничего не было сделано и Фримонту не решились даже высказать неодобрение»⁵. Этот триумф придал смелости радикалам, которые потребовали, чтобы законы, провозглашенные генералом Фримонтом для штата Миссури, были бы распространены повсеместно. Иными словами, они

¹ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 4, p. 404.

² «Official Records», Ser. I, Vol. III, p. 477 — 478.

³ Ibid., p. 492.

⁴ «Collected Works», Vol. IV, p. 518.

⁵ Донесение Стекла было написано до появления письма Линкольна Фримонту от 11 сентября 1861 г.

требуют, чтобы нынешняя борьба превратилась в истребительную войну»¹.

Прокламация Фримонта имела большое прогрессивное значение. Если Батлер своим решением о неграх-контрабанде фактически аннулировал закон о беглых рабах, то Фримонт пошел еще дальше — он первым предпринял практические меры по уничтожению рабства. Но с точки зрения радикального разрешения этой проблемы в прокламации Фримонта был один существенный недостаток: свободными объявлялись только рабы мятежников, а лояльные рабовладельцы сохраняли все права на свою живую собственность.

Корреспондент русской газеты в США писал по этому поводу: «Даже Фримонт, один из благороднейших людей в Соединенных Штатах, не провозгласил совершенного уничтожения невольничества и ограничился объявлением, что лица, непокорные федеральному правительству, лишаются своих невольников. Вот как смотрят в Америке на историю и на общечеловеческий прогресс!»²

Характерно, что, когда через год Линкольн опубликовал свою предварительную прокламацию об освобождении рабов, в ней содержалось то же ограничение: рабы освобождались только в мятежных штатах.

Линкольн с уважением относился к мнению своих оппонентов, если даже оно было прямо противоположно его собственному мнению. Расходясь с кем-либо, Линкольн никогда не использовал своих прав, чтобы убрать такого противника, сместить его с занимаемой должности. Эта черта в деятельности Линкольна ярко проявилась во время его конфликта с Фримонтом. Реакционные силы оказывали на президента огромное давление, требуя отстранить Фримонта от командования армией. Линкольн не давал на это согласия. 22 сентября 1861 г. он писал Орвилу Баунингу: «Нет никаких намерений отстранять Фримонта по каким-либо причинам, связанным с его прокламацией»³.

Но реакция не могла простить Фримонту его смелого шага и начала травлю командующего армией в Миссури. В штаб Фримонта зачастили всевозможные комиссии и представители следственных органов. Фримонта обвиняли в роскошном образе жизни, в бахвальстве, в использовании на военной службе иностранцев (в штабе Фримонта действительно руководящие посты были заняты венгерскими революционными иммигрантами), в том, что он подбирал подчиненных из числа своих приятелей,

¹ АВГР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 269.

² «Северная пчела», 4. IX. 1861.

³ «Collected Works», Vol. 4, p. 533.

имел многочисленный штаб, обходившийся правительству в 6 тыс. долл. в год¹. Генерал-адъютант США Лорензо Томас, расследовав деятельность Фримонта, докладывал военному министру, что казармы его солдат обошлись слишком дорого, ружья плохого качества, командующий подписывал сомнительные контракты и что вообще он неспособен к командованию армией².

Выводы Томаса совпадали с заключением официального расследования, гласившего, что Фримонт предоставлял выгодные военные контракты своим друзьям из Калифорнии, оплачивая им в ряде случаев «стоимость, почти в три раза большую требуемого»³.

На Фримонта обрушились крупнейшие государственные и политические деятели. Джошуа Спид писал Линкольну: «Мы могли бы легче выдержать несколько поражений, подобных Бул-Рану, чем эту прокламацию, в случае ее одобрения правительством... Не разрешайте, чтобы этот военный шеголь заставил нас отойти от нашей теперешней активной лояльности»⁴.

Это была атака по всем правилам военного искусства и политического шантажа. Фримонт был бессилен перед объединенным фронтом политической и военной реакции, а Линкольн в конце концов вынужден был капитулировать перед ним. Он дал согласие на отставку Фримонта. 24 октября 1861 г. был опубликован приказ о том, что Фримонта на посту командира армии заменит Дэвид Хантер⁵; 2 ноября Фримонт ушел в отставку.

Прокламация Фримонта и последующие события вызвали большой резонанс во всей стране⁶. «Взрыв народного одобрения этих действий (прокламации. — Р. И.) был молниеносен и огромен. Для радикалов антирабовладельческие принципы прокламации Фримонта явились как манна с неба. Эти принципы предлагали метод, которым можно было уничтожить рабство. Они громко аплодировали человеку, который решился нанести действенный удар по ненавистному институту»⁷.

Прокламация Фримонта получила самую горячую поддержку широких народных масс Севера, особенно Запада, где Фримонт пользовался большим авторитетом. «Либерейтор» заявлял: «На Западе чувствуется и проявляется огромное негодование в связи с письмом президента Линкольна генералу Фримонту относитель-

¹ «Official Records», Ser. I, Vol. IV, p. 543 — 546.

² Ibid., p. 540 — 549.

³ House Executive Documents, № 94, p. 17 — 18, 25 — 26; 37-th Congress, 2-nd Session.

⁴ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 17.

⁵ «Official Records», Ser. I, Vol. III, p. 533.

⁶ A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 339 — 340.

⁷ T. Williams. Op. cit., p. 40.

но его недавней прокламации. Народ решительно выступает вместе со «следопытом». (Так называли в США Фримонта.)¹

Прокламация Фримонта и ее запрещение Линкольном «сделали имя Фримонта символом для тех, кто придерживался экстремистских антирабовладельческих взглядов, и в определенной степени поставили его в положение нового лидера республиканской партии»².

Пресса сообщала о том, что «смещение генерал-майора Фримонта вызвало крайнее негодование среди масс юнионистов и величайшую радость среди сецессионистов»³.

Аболиционистская пресса отмечала огромное политическое значение прокламации Фримонта и порицала Линкольна за отмену этой прокламации: «Мы считаем несомненным, что ни один документ войны не был встречен с таким одобрением, как прокламация генерала Фримонта... Она вселила в нацию уверенность, подняла патриотизм масс, упавших духом, укрепила готовность патриотов отдать свою энергию на службу правительству. Это как раз те чувства, которые глушит письмо Линкольна (Фримонту. — Р. И.)»⁴.

На Севере прошли многочисленные митинги в поддержку Фримонта и с осуждением действий Линкольна. Участники митинга в Чикаго в своей резолюции, направленной Линкольну, заявляли, что в результате «отстранения генерала Фримонта они потеряли уверенность в правительстве» и «что народ возлагает на правительство всю ответственность за страшные последствия его деятельности... Мы заверяем генерала Фримонта в нашей неизменной любви и восхищении... Мы благодарим его за огромную энергию, самопожертвованный патриотизм, с которым он создавал армию Запада, за великие и гуманные принципы его прокламации об освобождении». Участники митинга указали на необходимость выдвинуть кандидатуру Фримонта на следующих президентских выборах⁵. Это требование осенью и зимой 1861 г. выдвигалось на многих митингах, в прессе широко обсуждалась возможность избрания Фримонта президентом.

Аналогичная резолюция была принята на митинге в Бостоне 12 ноября 1861 г., большой митинг в поддержку Фримонта состоялся в декабре 1861 г. в Нью-Йорке⁶.

¹ «Liberator», 27. IX. 1861.

² J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 4, p. 420.

³ «Rebellion Record», Vol. 3, Diary of Events, p. 40.

⁴ «Liberator», 4. X. 1861.

⁵ «Rebellion Record», Vol. 3, Documents, p. 344 — 345.

⁶ «Liberator», 22. XI; 20. XII. 1861.

Отстранение Фримонта вызвало резкие протесты в армии, среди солдат, которыми он командовал, произошли волнения¹.

Пресса аболиционистов отмечала, что «важным результатом прокламации генерала Фримонта является то, что она доказала значительно большую сплоченность народа в вопросе о рабстве, чем предполагалось...»².

Представители умеренных кругов республиканской партии, объясняя причины, побудившие Линкольна отменить прокламацию Фримонта, заявляли, что освобождение рабов в пограничных штатах привело бы к выходу из Союза Кентукки и других лояльных пограничных штатов.

В ответ на эти утверждения сторонники уничтожения рабства спрашивали: «До каких пор мы будем спасать Кентукки и терять уважение к самим себе?»³

Широко комментировала прокламацию Фримонта русская пресса. С.-«Петербургские ведомости» писали, что «он в своей знаменательной прокламации первый произнес великое слово «освобождение», — слово, которое объясняет настоящую идею, истинный характер нынешней войны и после которого отступление назад уже невозможно»⁴.

Русские газеты подчеркивали неизбежность большого влияния прокламации Фримонта на негритянское освободительное движение: «Нельзя отрицать, что эта прокламация огласится и произведет весьма сильное впечатление не только в штате Миссури, но и во всех невольнических штатах. Владельцам невольников будет очень трудно скрыть ее от своих негров, она скоро проникнет в отдаленнейшие хижины и занесет в них надежду на близкое освобождение»⁵.

Русские газеты писали, что отмена прокламации Фримонта — это только отсрочка смертного приговора рабству, что общественное мнение, народ заставят Линкольна освободить рабов. Собственный корреспондент «Северной пчелы» сообщал 18 сентября 1861 г. из США: «Не дав своего согласия на действия г. Фримонта, г. Линкольн отступил от единственного пути, на котором Север мог бы иметь нравственное превосходство в нынешней борьбе. Нельзя, однако же, не допустить, что общественное мнение предупредило федеральное правительство и потому послед-

¹ «Rebellion Record», Vol. 3, Diary of Events, p. 65.

² «Liberator», 20. IX. 1861.

³ A. Nevins. Fremont Pathmaker of the West, Vol. II, p. 507.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», 16. IX. 1861.

⁵ «Московские ведомости», 16. IX. 1861.

нее скоро принуждено будет следовать аболиционистской политике»¹.

Отмена прокламации Фримонта и его последующая отставка привели к обострению борьбы внутри республиканской партии².

Особенно бурно реагировал на отставку Фримонта Запад³. Один из журналистов, посетивший фермерские районы западных штатов, писал в Вашингтон членам кабинета: «Известно ли администрации, что Западу угрожает революция? Если бы вы были вчера среди народа, если бы вы видели трезвых граждан, которые срывали портреты президента и топтали их ногами, если бы вы слышали высказывания людей разных классов... Я полагаю, вы бы почувствовали тревогу... Что означает этот неистовый взрыв негодования?.. Мы стоим перед угрозой революции на Севере»⁴.

Такова была реакция масс на смещение Фримонта. Это были грозные признаки народного взрыва, нараставшего в стране, убедительное доказательство того, что судьбы войны и страны решались не только на фронтах, в Белом доме и в конгрессе. Все более заметное влияние на ход событий начинали оказывать широкие народные массы Севера. Их влияние не могли игнорировать ни радикалы, ни консерваторы, к их голосу неизбежно должно было прислушаться и правительство Линкольна.

Глава седьмая

НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕХОДА К РЕВОЛЮЦИОННЫМ МЕТОДАМ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

1. Линкольн и проблемы внешней политики

Отставка Фримонта была еще одной вынужденной уступкой президента консервативной буржуазии. Эта политика уступок ни на йоту не продвигала вперед решение проблем войны. Армия Макклеллана по-прежнему топталась на Потомакском фронте, не предпринимая никаких наступательных операций. «Медянки» вновь активизировали свою деятельность, оправившись после первого испуга, вызванного репрессивными

¹ «Северная пчела», 27. IX. 1861.

² R. Luthin. Op. cit., p. 301.

³ A. Nevins. The War for the Union, p. 340.

⁴ Цит. по: Ефимов А.В.. Очерки истории США, с. 343.

мерами, осуществленными на Севере летом и осенью 1861 г. Федеральное правительство сталкивалось с большими финансовыми трудностями, так как содержание огромной армии обходилось в 1,5 млн. долл. в день, а финансовые магнаты не изъявляли горячего желания предоставить широкий кредит правительству Линкольна, который, несмотря на свои уступки консерваторам, не приобрел их полного доверия.

Отстранение Фримонта могло иметь самые серьезные последствия, так как это подрывало веру широких народных масс в правительство Линкольна, а, как неоднократно признавал сам президент, в поддержке народа была его главная сила.

Положение правительства усложнялось и тем, что обстановка складывалась для него неблагоприятно и на внешнеполитическом фронте.

С самого начала гражданской войны мятежники пользовались активной поддержкой Англии и Франции. Эти державы были заинтересованы в поставках хлопка из рабовладельческих штатов, здесь, за океаном, находилась сырьевая база их текстильной промышленности. Но главная причина заключалась в том, что Англия и Франция были заинтересованы в расколе и ослаблении США, являвшихся их серьезным конкурентом на мировом рынке. Посол США в Англии Адамс писал, что среди английских аристократов было очень сильно желание «видеть США расколовшимися на куски»¹. Раскол Соединенных Штатов открывал благоприятные перспективы для экспансионистских устремлений европейских держав на Американском континенте. Эта перспектива особенно прельщала правительство Франции. На пути внешнеполитических авантур император Франции пытался отыскать средства для укрепления своего шатающегося трона.

Уже во время сессии стало очевидным, что Англия и Франция встанут на сторону мятежных рабовладельцев. 2 (14) апреля 1861 г. Стеклъ сообщал шифровкой из Вашингтона: «Англия воспользуется первым же случаем или первым же предложением, чтобы признать отделившиеся штаты, а Франция последует за ней»².

Как только разразился «неотвратимый конфликт», рабовладельцы сделали ставку на прямую интервенцию европейских держав. Линкольн в послании конгрессу от 4 июля 1861 г. указывал, что рабовладельческая Конфедерация, «этот незаконный Союз... вызывает о признании, помощи и интервенции со стороны иностранных держав»³. И действительно, еще на конгрессе отдели-

¹ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 32.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 123а.

³ «Collected Works», Vol. IV, p. 423.

шихся штатов в Монтгомери открыто прозвучал призыв к европейским державам организовать интервенцию в поддержку сепаратистов. В решениях конгресса в Монтгомери указывалось на необходимость послать в европейские державы дипломатическую миссию, добиться признания Конфедерации и заручиться военной и экономической поддержкой. В инструкциях дипломатам сепаратистов говорилось о необходимости заключить соответствующее соглашение в первую очередь с Англией¹.

Сочувствуя мятежникам, английское правительство, возглавлявшееся Пальмерстоном, тщательно маскировало свое истинное отношение к гражданской войне в США. Это были вынужденные защитительные меры, направленные главным образом против общественности Англии, которая поддерживала Север и выступала против вмешательства во внутренние дела США. Правительство Пальмерстона не могло открыто стать на сторону мятежников и потому, что это было бы грубейшим нарушением международного права и грозило серьезными внешнеполитическими осложнениями.

Все эти соображения и предопределили появление 13 мая 1861 г. «Королевской прокламации о нейтралитете», которая являлась одним из наиболее циничных и лицемерных актов в истории дипломатии. Заявляя о своем нейтралитете, Англия одновременно признавала Юг воюющей стороной, что было первым шагом по пути к политическому и дипломатическому признанию Конфедерации.

Признание Англией Юга воюющей стороной вызвало взрыв возмущения на Севере.

В осуществлении интервенционистской политики в США Пальмерстон проводил линию, которая уже в то время приобрела традиционный характер — осуществлять интервенцию чужими руками. Не без наущения английских дипломатов весной 1861 г. Испания оккупировала территорию республики Сан-Доминго. Эта акция носила характер ярко выраженной враждебной демонстрации против правительства Линкольна. Предательское нападение на негритянскую республику преследовало и другую цель — воспользоваться гражданской войной в США для возвращения к политике колонизации Америки.

Правительство Линкольна не смогло в условиях гражданской войны воспрепятствовать этой враждебной акции, что дало возможность европейским державам начать подготовку нового вооруженного вторжения на Американский континент. 31 октября 1861 г. в Лондоне было подписано соглашение о совместной ин-

¹ J. Rhodes. History of the United States..., Vol. III, p. 208.

тервенции Англии, Франции и Испании в Мексике, а в декабре 1861 г. на территории Мексики были высажены испанские войска. В январе 1862 г. к ним не замедлили присоединиться вооруженные силы Англии и Франции¹.

Комментируя внешнеполитический раздел послания Линкольна конгрессу от 4 июля 1861 г., Стебль отмечал сложное международное положение правительства Линкольна. «Послание, — сообщал Стебль, — содержит лишь несколько слов относительно международных отношений Соединенных Штатов... Эти слова не освещают точно положение внешних дел Союза. Позиция Англии становится все более и более враждебной, Франция, кажется, действует сообща со своей старой союзницей, наконец, присоединение Сан-Доминго (высадка иностранных войск. — Р. И.)... не улучшило отношения, всегда малодружественные, между Испанией и Соединенными Штатами.

Президент счел своим долгом обойти молчанием эти факты, очевидно, чтобы не дать публике новый предмет для беспокойства»².

Участники интервенции не утруждали себя выбором благовидных предлогов для осуществления своих планов. Достаточным основанием для интервенции им послужил мораторий по иностранным долгам, объявленный правительством Мексики. Цель же этой колониальной авантюры была очевидна — использовать гражданскую войну в США для расчленения и ограбления Мексики. Антиамериканская направленность этой акции была бесспорна: Мексика граничила с мятежными штатами, и ее оккупация давала возможность обойти блокаду Конфедерации. Оккупация Мексики давала также возможность создать на южных границах США удобный плацдарм для вооруженного вмешательства в гражданскую войну в США.

Мятежники приветствовали вторжение в Мексику и сразу же установили контакт с интервентами.

Внешнеполитическими вопросами в правительстве Линкольна занимался Сьюард, но важнейшие дипломатические документы Линкольн редактировал лично и постоянно руководил внешнеполитическими акциями госдепартамента.

Самой серьезной проблемой для правительства Линкольна в области внешней политики были англо-американские отношения. Отношение федерального правительства к прорабовладельческой политике Англии были сформулированы в депеше № 10, направленной Сьюардом американскому послу в Англии Адамсу 21 мая 1861 г.³ Линкольн тщательно ознакомился с депешей. Пре

¹ История дипломатии. М., 1959, т. 1, с. 681.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 223.

³ «Senate Executive Documents», № 1. 37-th Congress, 2-nd Session p. 87 — 90.

индент не отличался склонностью к жесткому редактированию, он не навязывал свой стиль и манеру изложения, но всегда решительно исправлял то, что считал неправильным. Линкольн внес незначительную правку в депешу № 10, но «это изменение оказало немедленное и продолжительное воздействие на англо-американские отношения»¹. Рукой Линкольна в депешу были внесены категорические и предельно четкие формулировки, которые расценивали прорабовладельческую политику Англии как грубейшее вмешательство во внутренние дела США.

С самого начала гражданской войны против правительства Линкольна единым фронтом выступили Англия, Франция и Испания, что создавало большие трудности для правительства Линкольна.

Единственной великой державой, доброжелательно относившейся к федеральному правительству, была Россия. Прогрессивная общественность России искренне поддерживала борьбу американского народа против рабовладельцев, в гражданской войне она видела борьбу между прогрессом и реакцией.

Разумеется, что в основе доброжелательного к Северу отношения царского правительства и русской прогрессивной общественности лежали совершенно различные причины. Русская аристократия, высшие чины дипломатической службы не могли питать симпатии к американским республиканцам, сражавшимся с южными аристократами. Это ярко проявилось во многих донесениях русского посланника в США Стекла, дававшего зачастую резко отрицательную характеристику не только радикальным республиканцам, но и Линкольну.

Правительство России было заинтересовано в сохранении единых и сильных Соединенных Штатов, как противовеса Англии и Франции, с которыми у России были острые экономические и политические противоречия. Иначе сложились отношения между Россией и США — на протяжении всего периода существования заокеанской республики обе великие державы поддерживали хорошие, дружеские связи. Это не могло не наложить отпечаток на позицию России в годы гражданской войны в США.

Важнейшим внешнеполитическим актом, определившим отношение России к гражданской войне в США, была депеша Горчакова Стекло от 28 июня 1861 г.², санкционированная Александром II, который поставил на проекте депеши традиционную пометку: «Быть по сему». В этом документе говорилось: «С самого начала конфликта, который разделяет США, Вы были призваны

¹ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 37.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, лл. 395 — 399.

дать понять федеральному правительству, с каким живейшим интересом наш августейший монарх следил за развитием кризиса, который поставил под вопрос процветание и даже существование Союза.

Император глубоко сожалеет, видя, что надежда на мирное решение не оправдалась и что американские граждане, уже вооруженные друг против друга, готовы вызвать гражданскую войну в своей стране — наиболее страшное бедствие для политических обществ.

На протяжении 80 лет своего существования Американская Конфедерация обязана своей независимости, подъему и прогрессу, согласием своих членов... Этот Союз был плодотворным... Он познакомил мир с беспрецедентным в анналах истории процветанием... Его величество хочет верить, что члены федерального правительства и влиятельные люди обеих партий воспользуются любым случаем и объединят все свои усилия, чтобы успокоить страсти.

Значительное внимание в депеше Горчакова уделялось традиционной русско-американской дружбе: «Американский Союз в наших глазах является не только существенным элементом мирового политического равновесия, кроме этого, он образует нацию, к которой наш августейший государь и вся Россия питают самые дружеские чувства, потому что обе страны, расположенные в противоположных частях мира и находящиеся в возрастающем периоде своего развития, призваны, очевидно, к естественной солидарности интересов и симпатий, взаимные доказательства которых они уже представили друг другу... Американский Союз может рассчитывать на самое искреннее сочувствие со стороны нашего августейшего государя во время тяжелого кризиса, переживаемого им (Союзом. — *Р. И.*) в настоящее время».

В депеше подчеркивалось, что правительство России выступает против вмешательства во внутренние дела США. «Я не хочу, — писал Горчаков, — заниматься рассмотрением каких-либо спорных вопросов, разделяющих союзные штаты. Решение этого конфликта принадлежит не нам».

Стекло предлагалось всемерно содействовать примирению враждующих сторон: «Если... Ваши слова и советы могут содействовать этой задаче, то Вы поступите, милостивый государь, в соответствии с желанием его величества государя императора, используя для этого личное влияние, приобретенное Вами за время Вашего продолжительного пребывания в Вашингтоне, и уважение, связанное с званием представителя государя, имеющего величайшее расположение к Американскому Союзу».

Это была попытка мирного посредничества, характерная особенность которой заключалась в том, что она основывалась на невмешательстве во внутренние дела США. На фоне враждебных

действий Англии, Франции и Испании эта инициатива России явилась дружеской демонстрацией по отношению к правительству Линкольна. Именно так она была воспринята официальными кругами США и американской общественностью.

28 августа (9 сентября) 1861 г. Стебль сообщал Горчакову: «Я поспешил сделать перевод основной депеши и дал ее для прочтения президенту и государственному секретарю. Оба были глубоко тронуты этим столь благожелательным призывом нашего августейшего монарха. Г-н Линкольн сказал мне: «Будьте добры передать императору нашу глубокую признательность и заверить его величество, что вся нация оценит этот новый знак дружбы».

В тот же день по приказу президента государственный секретарь направил мне ноту... Г-н Сьюард засвидетельствовал мне желание опубликовать эту депешу. Я воспользовался разрешением вашего сиятельства, мой князь, и ответил ему, что с моей стороны не вижу этому никаких возражений».

Стебль подчеркивал в своем сообщении, что и Линкольн и Сьюард отметили в беседе с ним дружественный характер инициативы России: «Как президент, так и государственный секретарь сказали мне, что наше послание является наиболее дружественным и благожелательным из всех посланий, которые они получили от европейских держав»¹.

Стебль информировал Горчакова о положительной реакции американской общественности на инициативу русского правительства. 1 (13) сентября 1861 г. он писал из Вашингтона: «Депеша вашего сиятельства появилась во всех изданиях. За исключением одной или двух все газеты, даже радикальные, мало расположенные благосклонно принять умеренные советы, высоко оценили этот всеобщий призыв нашего августейшего монарха к американской нации»².

Американские газеты опубликовали многочисленные положительные комментарии в связи с посланием Горчакова³.

Многие из этих высказываний были перепечатаны в русской прессе. Так, например, «С.-Петербургские ведомости» опубликовали подборку из американских газет о послании русского правительства. «Коммершиэл эдвертайзер» писала: «Два молодых и могущественных государства, достигшие беспрецедентной доселе степени развития, имеют естественное расположение к взаимодружественным отношениям. Как ни различны их политические теории и степень их цивилизации, между ними не может быть ни

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 206.

² Там же, л. 282.

³ «New York Daily Tribune», 30. VIII; 9. IX. 1861.

соперничества, ни столкновения интересов на том поприще, которому следует каждое из них. Россия и Соединенные Штаты всегда останутся друзьями»¹.

Другая американская газета заявляла: «Между обеими нациями много лет уже существуют самые радушные отношения. Действительно, положение, занимаемое в отношении к нам Россией, может быть названо более дружественным, чем положение какой бы то ни было европейской державы... На будущее время дружба между Россией и Америкой скрепится еще более, и оба народа от души пожмут друг другу руки через Тихий океан»².

Корреспонденты русских газет в США сообщали о большом энтузиазме, с которым был встречен на Севере этот документ: «Депеша князя Горчакова... произвела здесь магическое действие на общественное мнение во всем Союзе; все столбцы американских газет наполнены изъявлениями признательности к русскому государю и нации»³.

Благожелательное отношение России к правительству Линкольна особенно ярко проявилось на фоне резкого обострения англо-американских отношений в связи с делом «Трента». В ноябре 1861 г. два дипломатических представителя Конфедерации, Слайдель и Мезон, направились в Англию и во Францию, чтобы добиться согласия правительств этих стран на открытое вооруженное вмешательство в гражданскую войну в США на стороне рабовладельцев. 8 ноября английский почтовый пароход «Трент», на борту которого находились Слайдель и Мезон, был обстрелян и остановлен федеральным военным кораблем. Дипломаты мятежников были арестованы и доставлены в Бостон.

Капитану Вилксу, осуществившему эту операцию, была организована на Севере триумфальная встреча, в его честь организовывались банкеты, пресса прославляла его как героя; Вилкса избрали почетным гражданином Нью-Йорка и еще 11 городов. Специальным решением палаты представителей конгресса Вилксу была объявлена благодарность⁴. Бурный восторг общественности Севера был вполне понятен. Слайдель и Мезон были не простыми дипломатическими чиновниками, а крупнейшими лидерами мятежников.

Как только известие об инциденте с «Трентом» достигло Лондона, английская буржуазная печать начала резкую кампанию

¹ «С.-Петербургские ведомости», 19. IX. 1861.

² Там же.

³ Там же, 26. IX. 1861. См. также: «Северная пчела», 21, 27. IX 1861; «Московские ведомости», 21. IX. 1861.

⁴ «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, p. 5.

против правительства Линкольна. Реакционная пресса Англии заявляла: чтобы восстановить честь английского флага, надо объявить войну федеральному правительству. В Англии быстро росли антиамериканские настроения, инспирируемые текстильными фабрикантами и реакционными членами английского правительства. Особенно усердствовали в этом Пальмерстон и Рассел. Правительство Англии заявило Линкольну резкий протест и направило в Канаду флот и вооруженные силы, насчитывавшие около 10 тыс. человек¹.

Обстановка накалялась с каждым днем, и начало войны между Англией и США казалось неизбежным. Собственный корреспондент русской газеты сообщал из Лондона: «Если Англия воздержится от войны со Штатами, управляемыми Линкольном, то что будет не знаю которое по счету, но, наверно, одним из чудес света»².

Не меньший ажиотаж царил и на Севере. Сьюард с самого начала гражданской войны выдвинул бредовую идею о необходимости объявить войну Англии. По его мнению, это отодвинуло бы на задний план противоречия между Югом и Севером, которые объединили бы свои силы в борьбе против Англии и прекратили гражданскую войну. Линкольн выступил с резкой критикой этого авантюристического проекта³.

Резкое обострение англо-американских отношений в связи с делом «Трента» вновь поставило на повестку дня пресловутый план Сьюарда. Многие газеты Севера высказывались за объявление войны Англии.

На Линкольна оказывалось огромное давление. Члены правительства, конгрессмены, пресса выступали за объявление войны Англии, но президент понимал все последствия подобного шага и решительно отверг эти требования.

В комментариях русской прессы подчеркивалось, что война с Англией была бы для правительства Линкольна катастрофой, что необходимо охладить страсти: «Такое охлаждение в особенности желательно для правительства Линкольна, для которого война с Англией была бы в настоящую минуту просто самоубийством»⁴.

В напряженной обстановке, возникшей в связи с делом «Трента», Линкольн проявил большое дипломатическое искусство. Президент написал проект депеши в Лондон. «Это были чет-

¹ «Official Records», Ser. II, Vol. III, p. 313.

² «Северная пчела», 27. XI. 1861.

³ P. Parish. Lincoln and Fort Sumter. — «History Today», 1961, Vol. II, № 4, p. 266.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», 1. XII. 1861.

кие и практичные предложения, направленные на то, чтобы случайную ссору разрешить на прочной основе международного права»¹. Линкольн не дал себя увлечь ажиотажу, царившему на Севере, не поддался на провокационно-оскорбительные действия Англии. Позднее Линкольн вспоминал: «Англия не дала нам времени оглянуться. Это было очень унижительно, но наши руки были связаны тяжелой войной, и мы не хотели одновременно вести две войны»². В своих официальных выступлениях и в беседах с иностранными представителями президент проявил максимум осторожности, чтобы не дать дополнительного предлога для начала войны с Англией. В частности, Линкольн ни словом не обмолвился об этом конфликте в своем послании конгрессу в декабре 1861 г.

Президент продемонстрировал большое умение и такт, спустив на тормозах напряженность, грозившую перерасти в войну. На Рождество собрался кабинет для обсуждения дела «Трента», и президент предложил передать спорные вопросы на арбитраж. Сьюарду было поручено направить в Лондон ноту, в которой говорилось, что капитан Вилкс не был уполномочен федеральными властями на совершенные им действия, а следовательно, правительство Линкольна не несет ответственности за эти действия. Федеральное правительство предлагало передать дело на арбитраж и обещало освободить Слайделя и Мезона³.

Вскоре арестованные были освобождены и покинули Бостон на борту английского военного судна. Так был исчерпан инцидент с «Трентом». Правительство Англии лишилось очень удобного предлога для организации интервенции в США.

Определяя причины, помешавшие реакционным правящим кругам Англии осуществить свои интервенционистские планы, надо указать на важное значение выступлений английских рабочих. Когда в Англии в связи с делом «Трента» открыто заговорили о подготовке интервенции против Севера, по всей стране прошли многочисленные митинги рабочих в поддержку правительства Линкольна.

Участники одного из таких митингов решительно заявили, что «война с Америкой ничем не может быть оправдана — наоборот, она вызвала бы лишь осуждение со стороны всего английского народа»⁴.

¹ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 5, p. 32.

² C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 365.

³ J. Rhodes. History of the United States..., Vol. III, p. 411; C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 365 — 366.

⁴ Маркс К. и Энгельс. Ф. Соч., т. 15, с. 447.

На митингах английских рабочих раздавались призывы к прямым действиям, чтобы сорвать интервенцию. Один из ораторов заявлял: «Я призываю английских рабочих, которые больше всего заинтересованы в сохранении мира, возвысить свой голос протеста, а в случае надобности и поднять руку для предотвращения этого величайшего преступления...»¹

Подобные призывы находили повсеместный отклик. Английские рабочие связали по рукам правительство Пальмерстона, оказали самую активную поддержку правительству Линкольна в поисках путей выхода из наиболее серьезного внешнеполитического конфликта гражданской войны.

Линкольн, объясняя свои действия во время конфликта с Англией, заявлял: «Мы дали должную оценку делу, но в тот критический период войны было решено вернуть пленных. Это была очень горькая пилюля, но я утешал себя уверенностью, что триумф Англии в этом деле будет недолговечен и что, успешно завершив войну, мы будем настолько сильны, что сможем призвать Англию к ответу за все неприятности, которые она нам доставила»².

Отношение правительства России к урегулированию дела «Трента» нашло отражение в депеше Горчакова Стеклоу от 8 января 1862 г. В этом документе говорилось, что мирное урегулирование конфликта было воспринято правительством России как «свидетельство умеренности и справедливости» правительства Линкольна. Горчаков писал, что «американская нация представила доказательства политической честности, которые снискали ей неоспоримые титулы, выражающие уважение и признательность всех правительств, заинтересованных видеть мир на морях и принципы права, господствующие над силой в международных отношениях, ради спокойствия в мире, прогресса цивилизации и благополучия человечества».

В заключении депеши выражалась уверенность, что американский Союз «вновь окажется в условиях силы и процветания, чего мы ему желаем не только из-за сердечных симпатий, которые объединяют обе страны, но и потому, что он поддерживает интерес наиболее высокий — всеобщее политическое равновесие»³.

В деле с «Трентом» ярко проявилась черта характера президента, на которую обращал внимание Маркс, писавший, что Линкольн «непреклонно стремился к своей великой цели, никогда не компрометировал ее слепой поспешностью, спокойно соразме-

¹ Маркс К. и Энгельс. Ф. Соч., т. 15, с. 448.

² C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. 1, p. 368.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 500 — 502.

рял свои поступки, никогда не возвращался вспять, не увлекался волной народного сочувствия...»¹ В деле с «Трентом» Линкольн занял позицию, противоречащую настроению общественности, требовавшей войны с Англией. Президент проявил необходимую сдержанность, не увлекся «волной народного сочувствия», которая могла втянуть страну в новую тяжелую войну.

Корреспондент русской газеты сообщал из США: «Хотя кабинет г. Линкольна сопротивлялся в этом случае желанию большей части народных сословий и действовал независимо... однако ж он несколько не потерял от этого любви народной»².

Для дипломатической деятельности Линкольна было характерно очень широкое использование неофициальной дипломатии. Ни при каком президенте не выезжало за границу столько лиц, как при Линкольне. Они не были сотрудниками госдепартамента, но, находясь за границей, выполняли важные дипломатические функции³. Они разъясняли позицию правительства Линкольна в гражданской войне, выступали в прессе, на собраниях. Для этой цели использовались журналисты, бизнесмены, государственные и политические деятели. Часто расходы, связанные с их поездками, оплачивались за государственный счет.

Эта деятельность давала большой положительный результат, особенно тогда, когда в нее включались лица, хорошо известные за границей. К их числу, в частности, относилась Бичер-Стоу, автор «Хижины дяди Тома», получившая к тому времени огромную известность не только в США, но и в Европе, в первую очередь в Англии.

И когда статьи и письма Бичер-Стоу появлялись в английских газетах, их читали с огромным интересом и вниманием. Подобные выступления давали не меньший результат для правильной информации английского общественного мнения, чем деятельность посольства США в Лондоне.

В своей статье, опубликованной в ирландской газете, Бичер-Стоу призывала народ Ирландии и Англии решительно выступить в поддержку Севера⁴. В одном из писем Бичер-Стоу, напечатанном в английской газете «Морнинг пост», излагалась абсолюционистская трактовка причин войны и ее целей: «Мы считаем эту войну войной против невольничества не по форме только, но и по самой сущности, не на словах, но и по глубокому убеждению»⁵.

Для деятельности Линкольна как дипломата было характерно

¹ Маркс К. и Энгельс Ф.. Соч., т. 16, с. 98.

² «Северная пчела», 24. I. 1862.

³ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 3, p. 319.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», 7. IX. 1861.

⁵ Там же, 19. IX. 1861.

стремление всегда, когда это было возможно, широко информировать общественность о важнейших внешнеполитических мероприятиях правительства. В частности, по инициативе Линкольна для опубликования в документах конгресса была передана многочисленная дипломатическая переписка по делу «Трента»¹.

Во время президентства Линкольна США впервые установили дипломатические отношения с негритянскими государствами, что являлось событием большого значения, так как эта мера была осуществлена в то время, когда освобождение рабов еще не было провозглашено целью войны. 27 ноября (9 декабря) 1861 г. Стеклъ писал, что рекомендации Линкольна конгрессу об установлении дипломатических отношений с Гаити и Либерией «имеют важное значение, так как, кажется, указывают на изменение этикета в отношении черной расы, социальное равенство которой рассматривалось до сих пор как недопустимое»².

Для изучения деятельности Линкольна как дипломата важное значение имеют многочисленные письма и распоряжения Линкольна Сьюарду и другим работникам госдепартамента, редактирование дипломатических документов, его выступления на заседаниях правительства, беседы с дипломатическими представителями, в частности с русским посланником. Но взгляды Линкольна на важнейшие внешнеполитические проблемы гражданской войны и его деятельность как дипломата наиболее ярко отражены в посланиях президента конгрессу.

В этих посланиях внешнеполитические разделы обычно были невелики по объему, но формулировки, ясное, четкое изложение дипломатических проблем войны дают наглядное представление о Линкольне как крупном дипломатическом деятеле. В послании конгрессу от 3 декабря 1861 г.³ Линкольн подчеркивал прямую зависимость между внешнеполитическим и внутренним положением государства. «Нация, страдающая от внутренних раздоров, — заявлял президент, — рискует утратить уважение чужеземцев. Рано или поздно одна из сторон (если не обе) окажется вынужденной обратиться к иностранному вмешательству».

В этом же послании Линкольн обращал внимание на экономический фактор как важную причину, определявшую прорабовладельческую ориентацию внешней политики Англии и Франции. Президент заявлял: «Главный рычаг, на который рассчитывают мятежники, инспирируя вражду против нас в иностранных

¹ «Senate Executive Documents», № 8, 14, 22, 30. 37-th Congress, 2-nd Session.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 340.

³ См. «Collected Works», Vol. V, p. 35 — 53.

государствах, надо искать... в торговых затруднениях». Линкольн имел в виду, что блокада прервала поставки хлопка в Европу, парализовала прибыльную для Англии и Франции торговлю с мятежными штатами.

В послании от 3 декабря высказывалась характерная мысль: Линкольн подчеркивал решающую роль народа в определении внешнеполитического положения страны. Такой прямой и четкой постановки этого вопроса нельзя было найти в официальных документах ни одного президента США. Линкольн говорил: «Я не намерен обозревать наши переговоры с иностранными государствами, потому что каковы бы ни были их желания и склонности, неприкосновенность нашей страны и прочность нашего управления зависят не от них, а от прямоты, добродетелей, патриотизма и ума американского народа».

Ряд высказываний Линкольна свидетельствует о том, что он проявлял большой интерес к России, к ее обычаям, культуре, экономике. В частности, в 1863 г. Линкольн предложил Байярду Тейлору, американскому писателю и журналисту, выступить с лекциями о России, где он довольно продолжительное время был секретарем посольства США.

Линкольн давал высокую оценку благожелательной позиции, которую занимала Россия во время гражданской войны. 7 сентября 1861 г. Сьюард просил Стекля передать в Петербург, что президент рассматривает политику России как «новую гарантию дружбы между нашими государствами, берущей свое начало с первых же дней существования США»¹.

8 января 1862 г. Сьюард вновь по поручению Линкольна выразил большое удовлетворение великодушием и добрыми чувствами России по отношению к США².

Линкольн считал, что сотрудничество с Россией «не только возможно, но и крайне необходимо для благосостояния» Соединенных Штатов³.

Накануне отъезда в Россию нового американского посланника, Симона Камерона, Линкольн направил ему письмо, в котором говорилось: «При великом монархе, столь любимом американцами за его личное и традиционное дружеское расположение к Соединенным Штатам, Вы можете оказать своей стране услуги, которые будут не меньше тех, которые были оказаны Вами раньше»⁴.

¹ «United States Senate Documents». 1861 — 1862, Vol. I, p. 309 (далее: «Senate Documents»).

² АВПр, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 45.

³ A. Woldman. Lincoln and the Russians. Cleveland — New York, 1952, p. VII — VIII.

⁴ «Collected Works», Vol. V, p. 97.

Несомненно, что русско-американское сотрудничество, во многом способствовавшее разрешению внешнеполитических проблем, которые ставила перед правительством Линкольна гражданская война, явилось серьезным тормозом в реализации англо-французских планов вооруженного вмешательства в гражданскую войну в США.

Главной ударной силой в подготовке и попытках осуществления этих планов была Англия. Не сумев использовать дело «Трента» для развязывания войны против правительства Линкольна, правящие круги Англии форсировали мероприятия, которые можно было расценивать только как скрытую интервенцию на стороне рабовладельцев. На английских верфях спешно строились по заказу рабовладельцев военные суда, которые пересекали Атлантический океан и включались в каперские операции против федерального флота. О масштабах этого строительства свидетельствовал тот факт, что летом 1862 г. в Англии было спущено на воду 290 военных кораблей для Конфедерации. Среди этих судов была и знаменитая «Алабама», мощный бронированный капер, нанесший огромный ущерб федеральному флоту¹.

Одновременно с оказанием военной помощи мятежникам правительства Англии и Франции пошли на прямую дипломатическую диверсию, выдвинув идею посредничества, осуществления которой они особенно настойчиво добивались во время неудач мятежников на фронтах гражданской войны.

Суть плана посредничества сводилась к тому, чтобы добиться перемирия, снять блокаду Юга и, оказывая давление на правительство Линкольна, выработать условия мира, отвечающие требованиям и рабовладельцев, и европейских держав.

Стекль сообщал, что попытки такого посредничества вызвали повсеместные протесты на Севере. 8 (20) мая 1862 г. русский посланник писал из Вашингтона, что факты свидетельствуют «о вмешательстве Англии и Франции в американский кризис... Более чем когда-либо я убежден, что... если вмешательство будет мирным, они (федераты. — Р. И.) отклонят его, если же, напротив, оно будет решительным и сопровождается угрозами признания южной Конфедерации, последствием будет война. В данном случае я выражаю не только мое мнение, но и мнение послов Франции и Англии»².

Попытки нового вмешательства в американские дела вызвали бурю протеста со стороны общественности Англии, в первую оче-

¹ J. Rhodes. History of the Civil War, 1861 — 1865. New York, 1923, p. 262 — 267.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152 лл. 219 — 220.

редь со стороны рабочих. Эти протесты особенно усилились к концу 1862 г., после опубликования Линкольном предварительной Прокламации об освобождении рабов 22 сентября 1862 г. По всей стране рабочие организовали грандиозные митинги в поддержку правительства Линкольна. В конце 1862 г. в Манчестере состоялся 6-тысячный митинг рабочих. Приветствуя предварительную Прокламацию президента, рабочие в обращении к Линкольну писали: «Сердечно поздравляем Вас и Вашу страну с этим гуманным и справедливым решением. Мы уверены, что Вы не остановитесь на полпути в борьбе за полное искоренение рабства... нельзя терпеть такую мерзость, как штаты по разведению рабов и торговле рабами... мы призываем Вас не терять мужества в выполнении Вашей миссии. Пока ярким пламенем полыхает энтузиазм и нарастают события, дело должно успешно завершиться»¹.

Линкольн с большой теплотой ответил английским рабочим. Президент, выражая им горячую благодарность, писал: «...Ваше решительное выступление является примером величайшего мужества, подобного которому никогда не бывало ни в одной стране»².

Маркс давал исключительно высокую оценку выступлениям английских рабочих, сорвавших интервенционистские планы правительства Пальмерстона. Он писал: «Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана»³.

В истории не было еще случая, чтобы рабочий класс какой-либо страны проявил столь сознательную солидарность с рабочими другой страны. В истории международных отношений никогда еще народ страны, не участвующей в войне, не оказывал столь определяющего воздействия на решение внешнеполитических проблем воюющей страны. Линкольн своим ответом английским рабочим внес нечто новое в дипломатию. Никогда ранее глава государства не обращался через голову другого правительства к его народу. Это было показателем демократизма Линкольна, его близости к народным массам, к людям труда. «Труд предшествует капиталу и независим от него, — говорил Линкольн. — Капитал является только продуктом труда и никогда бы не мог существовать, если бы раньше его не было труда. Труд превосходит капитал и заслуживает несравненно большего уважения»⁴.

¹ H. Schlüter. Op. cit., p. 162, 164.

² H. Commager (ed.). Documents of American History, Vol. I, p. 420.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 11.

⁴ «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, Appendix, p. 4.

Несмотря на все слабости и недостатки политики Линкольна, рабочий класс Англии и других стран видел в его лице руководителя революционной борьбы за освобождение негров.

Не случайно и то, что Маркс и Энгельс, критикуя медлительность Линкольна, его нерешительность в освобождении рабов, предпринимали поистине героические усилия, чтобы поднять рабочих Англии и других стран на защиту Севера.

Гражданская война в США способствовала укреплению международной солидарности рабочих, что наряду с другими факторами создало предпосылки к образованию Международного Товарищества Рабочих (I Интернационал). Генсовет Интернационала принимал прямое и непосредственное участие в организации выступлений английских рабочих против интервенционистской политики правительства Пальмерстона¹.

Признанием больших заслуг Линкольна в революционной борьбе, которая развертывалась на Американском континенте, явился тот факт, что Интернационал непосредственно обращался к президенту США. В написанном Марксом обращении Международного Товарищества Рабочих к Линкольну говорилось: «С самого начала титанической схватки в Америке рабочие Европы инстинктивно почувствовали, что судьбы их класса связаны со звездным флагом»².

Активные выступления английских рабочих в поддержку Севера не могли игнорироваться правительством Англии. Уже в ходе дебатов в английском парламенте, происходивших летом 1862 г., правящие круги забили отбой, многие депутаты открыто выступали против вмешательства в американские дела. Общественность Англии все больше склонялась на сторону Севера³.

27 июля (8 августа) 1862 г. Стеклъ сообщал из Вашингтона: «Дебаты в английском парламенте о Соединенных Штатах... успокоили страну относительно намерений Англии».

Что касается Франции, г-н Сьюард сказал мне, что трудно точно знать намерения Луи Наполеона, но он полагает, что император Франции будет придерживаться той же линии поведения, что и лондонский кабинет. По моему мнению, иностранное вмешательство в данный момент сделало бы больше зла, чем добра. Оно возбудило бы до последней степени страсти на Севере и способствовало бы продолжению войны.

¹ W. Foster. History of the Three Internationals. New York, 1955, p. 67 — 68, 75, 302.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 17.

³ H. Commager (ed.). The Blue and Gray. The Story of the Civil War as Told by Participants, Vols I — II. Indianapolis — New York, 1950, Vol. I, p. 332 — 544.

В своей речи лорд Пальмерстон заявил, что он воспользуется первым же благоприятным случаем, чтобы предложить свое посредничество. Американские газеты, воспроизводя слова английского премьер-министра, единодушно добавляют, что если когда-нибудь страна окажется перед необходимостью принять посредничество одной из иностранных держав, таковым не будет, конечно, посредничество Англии¹.

Американские газеты писали, что Россия действовала как союзник правительства Линкольна. «Нью-Йорк дейли трибюн» опубликовала статью, которая называлась «Наш настоящий великий союзник». Газета писала: «Никто не забыл приветствия, которое послала нам Россия, когда началась война, и с тех пор Россия ни словами, ни делами не сделала ничего, что изменило бы ее позицию, занятую в начале войны». Официоз республиканской партии призывал хранить с Россией «прочную и взаимную дружбу». «Трудно переоценить важность дружеских отношений с этой великой и растущей державой», — заявляла газета. В статье говорилось, что американцев не должен смущать тот факт, что «Россия является абсолютной монархией... имеются все причины верить в то, что империя в конце концов станет великой республикой или конфедерацией республик»².

Благожелательное отношение России к США проявлялось не только в сфере официальной дипломатической деятельности. Немногочисленные русские, которые посещали США в годы гражданской войны по личным или служебным делам, высказывали готовность оказать всемерную помощь федеральному правительству. Полковник Генерального штаба России Петр Лебедев, находившийся в США, обратился 9 (21) сентября 1861 г. с письмом к Стекло: «В настоящих обстоятельствах я ...воспользовался моим отпуском, чтобы испросить через посредство вашего превосходительства позволения осмотреть перевязочные пункты и военнополоходные госпитали армии Союза и поделиться в этом отношении теми опытами, которые успели мы вынести из последней войны.

Звание профессора Военной администрации в Николаевской Академии Генерального штаба и опыт, приобретенный мною при устройстве перевязочных пунктов для войск, защищавших в последней войне Петербург, дают мне надежду, что я могу принести некоторую пользу.

Сочту себя истинно счастливым, если мое путешествие улучшит хотя чем-нибудь положение тех храбрых, которые кровью за-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 328.

² «New York Daily Tribune», 7. VIII. 1862.

печатали любовь к отечеству и его установлениям, и докажет, что опыты, приобретенные потерей тысяч людей, должны быть достоянием всего человечества»¹.

В федеральных войсках наряду с другими иностранцами сражались и русские. 12 (24) февраля 1862 г. Стебль сообщал, что в армии Севера сражался «русский офицер, некий Турчанинов, который, как я полагаю, покинул Россию без разрешения». Стебль выражал явное неодобрение этому факту: «Весь командный состав, не исключая окружения главнокомандующего, — сообщал русский посланник, — состоит из революционеров и авантюристов, которым здесь, кажется, назначено свидание со всех уголков земли. Здесь не место офицеру, который имел честь служить под знаменами нашего августейшего монарха» (подпись Горчакова: «Нет, конечно»)².

Речь шла о русском артиллерийском офицере, полковнике Генерального штаба Иване Васильевиче Турчанинове, человеке демократических взглядов, который эмигрировал из России и сражался в США за освобождение рабов, предоставлял им убежище и работу в расположении своего полка, выступал за призыв негров в армию Союза. За это реакционный генералитет федеральной армии отдал Турчанинова под военный суд и уволил из армии. Линкольн отменил приговор суда и присвоил русскому офицеру звание бригадного генерала; позднее Турчанинов командовал бригадой и успешно сражался на многих фронтах гражданской войны³.

Федеральное правительство подробно информировало русское посольство в Вашингтоне о важнейших внутренних и внешнеполитических проблемах гражданской войны, что также являлось свидетельством признания благожелательной позиции России.

Об укреплении дружеских отношений между США и Россией сообщал из Петербурга Камерон, новый посланник США в России. Камерон писал о заявлении ему Александра II о том, что он «всегда питал сердечные симпатии к Северу и стремится к тому, чтобы силе и влиянию США не был нанесен никакой ущерб»⁴. Камерон от имени своего правительства отвечал Александру II, что «миру и материальному благополучию народов наилучшим образом будут содействовать сохранение сильной и процветаю-

¹ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне (входящие), 1861 г., д. 77, л. 350.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 96.

³ Подробно о деятельности Турчанинова см. «К столетию гражданской войны в США», с. 115 — 117; М.С. Роговин. Русский полковник на главе американской бригады. — «Красная звезда», 12. XI. 1959.

⁴ House Executive Documents (Diplomatic Correspondence), 1862 — 1867. Washington, 1863 — 1868, № 2, Part I, p. 447.

щей России в Старом Свете и сохранение системы, созданной в США, в Новом Свете»¹.

Американская пресса отмечала, что беседа Камерона с Александром II является еще одним доказательством дружеского отношения России к США. «В соответствии с строгим этикетом русского двора, для императора не является обычным принимать посла раньше, чем пройдет некоторое время после его прибытия, но в данном случае аудиенция была предоставлена почти немедленно». В корреспонденции отмечался дружеский характер беседы и делался вывод: «...Не может быть ошибки в отношении сердечных чувств и теплых симпатий императора России... нет причин, препятствующих тому, чтобы Россия и Соединенные Штаты объединились в искреннем и прочном союзе и оказывали непреодолимое влияние на судьбы мира»².

31 октября 1862 г. Наполеон III предложил Англии и России осуществить совместное вмешательство в гражданскую войну в США. Франция указывала на необходимость добиться от воюющих сторон заключения шестимесячного перемирия и снять блокаду Конфедерации. Горчаков сразу же ответил категорическим отказом, заявив, что подобное посредничество имело бы характер враждебной акции по отношению к правительству Линкольна, с которым Россия поддерживает дружественные отношения.

Ответ Горчакова поставил Англию и Францию в очень затруднительное положение. Первым забило отбой английское правительство, которое вынуждено было официально отклонить инициативу Луи Наполеона. Открытое вмешательство в гражданскую войну в США было сорвано.

Американская пресса положительно комментировала ответ России: «Ответ князя Горчакова на предложение Наполеона о посредничестве расценивается здесь как новое доказательство дружеских чувств России по отношению к нашей стране»³.

В борьбе против вмешательства Англии и Франции в гражданскую войну в США, слегка замаскированного разговорами о посредничестве, правительство Линкольна сталкивалось с трудностями не только внешнеполитического, но и внутреннего порядка. Реакционные силы Севера блокировались с мятежниками и авторами идей о посредничестве, находившимися за океаном. 25 ноября (7 декабря) 1862 г. Стеклъ сообщал из Вашингтона: «Консерваторы не отказались от иностранного вмешательства в дружественной форме. Они даже рассматривают его как средство

¹ House Executive Documents (Diplomatic Correspondence), 1862 — 1867. Washington, 1863 — 1868, № 2, Part I, p. 448, 29. XI. 1862.

² «New York Daily Tribune», 27. VII. 1862.

³ Ibid..

для той и для другой партии приступить к переговорам, когда время для этого наступит...

Франция и Англия внимательно следят за ходом событий. Возможно, что та или иная из этих держав предпримет новые демарши перед императорским двором, когда они сочтут момент благоприятным для переговоров»¹.

И действительно, попытки англо-французского вмешательства в гражданскую войну в США неоднократно повторялись. Гражданская война ставила перед правительством Линкольна все новые внешнеполитические проблемы, разрешение которых представляло серьезные трудности, вызванные и сложным положением на фронтах и тяжелой борьбой в тылу Севера между революционными и контрреволюционными силами.

2. Положение на фронте

К началу 1862 г. Север не имел в своем активе ни одной крупной победы на фронтах гражданской войны. В январе 1862 г. исполнилось шесть месяцев с того дня, как Макклеллан возглавил Потомакскую армию, составлявшую главные, наиболее хорошо вооруженные силы федеральной армии.

Главкомандующий Потомакской армией уже давно закончил разработку всех военных планов, но армия продолжала бездействовать, занимая позиции на ближних подступах к столице. Под давлением общественности Линкольн вынужден был использовать свое конституционное право главнокомандующего и потребовал от Макклеллана немедленно перейти в наступление.

В декабре 1861 г. президент направил Макклеллану меморандум, в котором были тщательно изложены все вопросы, касающиеся предстоящего наступления. Макклеллан, демонстративно игнорируя мнение президента, молчал десять дней. Наконец он направил ответ, отвергавший все предложения Линкольна. Макклеллан вновь ссылаясь на недостаточность своих сил и заявлял, что он обдумывает иной план наступления.

Оценивая деятельность командующего Потомакской армией, Линкольн говорил: «Макклеллан — великий инженер, но у него особый талант к созданию неподвижных машин»².

Поведение Макклеллана принимало явно издевательский характер: категорически игнорируя требование президента и общенности, он продолжал пребывать в полной бездеятельности.

Лидеры радикалов, многие представители военных кругов

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 448.

² C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 416.

требовали его немедленной отставки. Линкольн вынужден был лично вмешаться в военные дела. 27 января 1862 г. президент как главнокомандующий всеми вооруженными силами отдал военный приказ № 1¹.

Этот документ представляет несомненный интерес с точки зрения характеристики Линкольна как военного деятеля. Президент не считал себя знатоком в области военного искусства, но, оказавшись перед необходимостью заниматься военными вопросами, Линкольн уделял им исключительно большое внимание. Он не только руководил организацией и формированием вооруженных сил, обеспечением их оружием, боеприпасами, военным снаряжением, разработкой планов военных кампаний, но и тщательно изучал военные труды². Приказ № 1 и ряд других военных распоряжений Линкольна показывают, что он хорошо разбирался в стратегических и тактических вопросах войны. В частности, в приказе № 1 подробно излагались задачи армий, находившихся в западной Виргинии, Кентукки, Иллинойсе, на Потомаке указывалось направление их наступательных операций. Четкие и ясные задачи были поставлены военно-морским силам, находившимся в Мексиканском заливе. Как известно, флот под командованием Фаррагута, следуя этому указанию Линкольна, осуществил операцию по взятию Нового Орлеана, считавшегося неприступным.

Приказ № 1 сопровождался личным письмом президента к Макклеллану от 3 февраля 1862 г., в котором Линкольн подробно излагал свои взгляды на предстоящие наступательные операции. Президент писал, что его план приведет к выигрышу времени, большой экономии денежных средств, обеспечит разгром коммуникаций противника, даст возможность лучше провести отход армий в случае неудачного наступления.

Письмо Линкольна свидетельствовало о том, что он не переоценивал своих военных познаний, проявлял присущую ему скромность, готовность признать другую точку зрения, если она будет достаточно убедительно аргументирована. «Если вы удовлетворительно ответите на... вопросы, — писал Линкольн, — я с удовольствием заменю свой план вашим»³.

Лица, хорошо знавшие Линкольна, отмечали незаурядный военный талант президента. Секретари Линкольна, Николай и Хей, писали, что президент разбирался в военных вопросах «значительно лучше, чем главнокомандующий Макклеллан»⁴. Николай и Хей подчеркивали, что Линкольн исключительно внимательно изучал военные вопросы: «Можно смело сказать, что ни

¹ «Collected Works», Vol. V, p. 111 — 112.

² J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 75.

³ Ibid., p. 312.

⁴ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 5, p. 145.

один генерал не изучал свои карты и не штудировал телеграммы так внимательно и, можно добавить, с таким знанием дела, как это делал Линкольн»¹.

По приказу Линкольна началось генеральное наступление всех сухопутных и морских сил. Федеральные вооруженные силы были разделены на три армии, каждая из которых имела свои особые задачи. Армия, находившаяся в долине реки Миссисипи, получила приказ занять весь этот важнейший стратегический водный путь, игравший большую роль в обеспечении коммуникаций мятежников. Армия под командованием генерала Батлера должна была, взаимодействуя с флотом, захватить Новый Орлеан. Потомакской армии Макклеллана предстояло выполнить главную задачу — взять Ричмонд, столицу мятежной Конфедерации.

Наступление развивалось успешно. В кровопролитных боях армия генерала Гранта добивалась полного очищения мятежниками штата Кентукки. Это имело не только большое военное, но и важное политическое значение, так как являлось еще одним серьезным успехом Севера в борьбе за пограничные штаты. Армия Гранта с тяжелыми боями, преодолевая ожесточенное сопротивление конфедератов, продвигалась в глубинные районы Теннесси. 6 февраля 1862 г., используя бронированные канонерки, Грант занял форт Генри на реке Теннесси, притоке Миссисипи.

Через несколько дней была окружена сильно укрепленная крепость мятежников в Теннесси — форт Донельсон. В ответ на запрос командующего фортом об условиях сдачи крепости Грант категорически заявил, что не будет никаких условий, только безоговорочная капитуляция. Форт был сдан, Грант захватил в плен около 15 тыс. мятежников, 40 орудий и много других трофеев².

Это была первая крупная победа федеральной армии в гражданской войне, победу так долго ждали армия и народ Севера. За организатором этой победы генералом Грантом утвердилось прозвище «Грант — безоговорочная капитуляция». Об Улиссес Гранте заговорила теперь вся страна.

Захватив Генри и Донельсон, Грант, развивая свои наступательные операции, разгромил мощные вооруженные силы конфедератов, войска под его командованием продвинулись на 200 миль.

Победа на Западе подняла боевой дух армии и народа. На Севере заговорили о рождении выдающегося военного таланта. Это было тем более приятное известие, что бездарность генералов Севера стала притчей во языцех. Корреспондент русской газеты

¹ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 114.

² J. Rhodes. History of the United States..., Vol. III, p. 480.

писал по этому поводу: «До сих пор наши генералы вынимаются на счастье из лотерейной урны: нельзя сказать заранее, выиграст ли взятый билет или нет»¹.

Успешно развивались операции на Юге против Нового Орлеана. 1 мая 1862 г. Батлер, имея в своем распоряжении всего 2,5 тыс. человек, во взаимодействии с флотом под командованием commodora Фаррагута занял Новый Орлеан, важный стратегический пункт, крупнейший торговый центр США, насчитывавший 168 тыс. жителей².

В результате захвата Нового Орлеана произошло соединение армий Гранта и Батлера. Коммуникации Конфедерации оказались перерезанными, территория мятежников разбита на две изолированные части.

Весной 1862 г. наступательные операции федеральной армии развивались успешно: была оккупирована столица Теннесси — город Нешвилл, полностью очищена территория Миссури, мятежники потерпели жестокое поражение в битве при Шилоу.

Стотысячная армия Макклеллана готовилась к штурму Ричмонда, 40-тысячная армия Макдоуэла по приказу Линкольна прикрывала Вашингтон, федеральные войска занимали долину Шенандоа, а генерал Галлек со стотысячной армией продвигался к Коринфу.

Над Конфедерацией сгушались мрачные тучи, быстрый и полный разгром мятежников казался неизбежным. Уверенность в победе была настолько прочной, что прекратился набор рекрутов. И только наиболее дальновидные деятели понимали, что военное счастье переменчиво и рано праздновать победу. 12 мая 1862 г. генерал Шерман писал: «Прекращение призыва в армию я считаю большой ошибкой»³.

В то время как на Западе и Юге федеральная армия громила мятежников, Макклеллан все еще не предпринимал никаких действий. Макклеллан непрерывно требовал оружие, боеприпасы, снаряжение и главное — солдат. Командующий армией не останавливался даже перед прямой фальсификацией сведений о численности своих вооруженных сил. «Происходит нечто любопытное и таинственное с числом войск, которыми Вы располагаете, — писал Линкольн Макклеллану. — Телеграфируя Вам.... и заявляя, что Вы имеете более 100 тыс. человек, я основывался на заявлении военного министра, которое, как он указывал, было получено от Вас о том, что у Вас сдвигающимися к Вам войсками

¹ «С.-Петербургские ведомости», 30. XII. 1861.

² R. Holzman. Op. cit., p. 79.

³ J. Rhodes. History of the united States..., Vol. III, p. 524.

108 тыс. человек. Теперь Вы заявляете, что у Вас будет всего 85 тыс. человек, хотя все войска, бывшие на подходе, уже должны прибыть к Вам. Как можно объяснить разницу в 23 тыс. человек?»¹

Только после неоднократных распоряжений Линкольна Макклеллан дал команду к движению, его армия заняла исходные позиции для наступления на Ричмонд.

Большую роль в успешных действиях федеральных вооруженных сил сыграл лично Линкольн, который в это время непосредственно осуществлял функции верховного главнокомандующего. Маркс писал в феврале 1862 г.: «Переход верховного командования к президенту Линкольну удачно ознаменовался успехами в Кентукки, Теннесси и на Атлантическом побережье»².

А Макклеллан, оправдывая свою бездеятельность, писал Линкольну: «Не поймите неправильно кажущуюся здесь бездеятельность. Не был потерян ни один день, ни один час. Прделанные работы можно назвать почти гигантскими»³.

Это была беззастенчивая самореклама. Объем работ, проделанных, в частности, в лагере на Потомаке, был велик, но не столь грандиозен, как сообщал об этом Макклеллан.

Подполковник Романов, посетивший осенью 1861 г. в качестве наблюдателя Потомакскую армию, критически высказывался об оборонительных сооружениях федеральных вооруженных сил⁴. Романов писал: «Американские офицеры и, как говорят, даже и генерал Макклеллан (бывший у нас в Крыму во время войны) сравнивают их с Севастопольскими, хотя в сущности это не более как простые полевые укрепления, из которых только находящиеся в передней линии имеют более сильные профили».

Русский наблюдатель обращал внимание на плохую подготовку офицерского состава: «Мне указывали на гражданских чиновников и приказчиков магазинов... принятых на службу прямо полковниками». Романов отмечал слабую дисциплину и плохую подготовку войск. «В бывших уже сражениях, — сообщал он, — солдаты действовали не столько по команде своих начальников, сколько по собственному соображению и убеждению: бродили куда кому вздумалось, стреляли когда кто находил нужным, словом, каждый вел войну сам по себе и сам от себя. Ни единства, ни порядка, ни дисциплины... ничего не было... Во время моей быт-

¹ «Collected Works», Vol. V, p. 412.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 491.

³ C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 474.

⁴ Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ВИА, ф. 453, д. 342, лл. 1 — 5.

ности в Вашингтоне войска ночью сошлись друг с другом, в темноте не различили своих, затеяли пальбу и убили у своих же 12 человек. Это уже случалось не один раз».

Романов отмечал и положительные стороны в организации Потомакской армии, в частности успешное использование телеграфа. Характерна высокая оценка, которую он давал войскам, сформированным в штатах Запада: «По грандиозности исполнения замечательна срубка леса пред укреплениями на пространстве примерно до 100 квадр. англ. миль. Это произведено полками западных штатов, и в особенности Мичиганским, которые привыкли уже к этой работе и к плотничеству в дремучих лесах своего края. Едва ли это не лучшие войска американской армии...»

За полгода, прошедшие после посещения Романовым Потомакской армии, было сделано немало для обучения армии, для укрепления дисциплины.

Но, как показали наступательные операции, проведенные Макклелланом летом 1862 г., проделанная работа оказалась недостаточной, чтобы обеспечить необходимый уровень военной подготовки армии.

Макклеллан дважды пытался взять Ричмонд, но, понеся большие потери, вынужден был отступить. Семнадцатитысячная армия мятежников под командованием Джексона, совершив удачный маневр, вышла в долину Шенандоа и, разгромив крупные вооруженные силы федератов, за 14 дней прошла всю долину протяженностью 170 миль.

В августе 1862 г. Макклеллан предпринял третью попытку взять Ричмонд. 30 августа произошло второе сражение под Манассасом, закончившееся для Севера столь же трагически, как и первое. Разгромив главные силы Макклеллана, командующий армией мятежников генерал Ли форсировал Потомак и двинулся в обход Вашингтона. Создалось настолько критическое положение, что столица могла пасть со дня на день¹.

Николай и Хей писали, что Линкольн проявил большую дальновидность, высказавшись за оставление части войск для охраны столицы. «Было бы сумасшествием разрешить генералу Макклеллану взять все войска на полуостров»².

Рассказывая об этих тревожных днях, Стеклъ писал Горчакову 16 (28) сентября 1862 г.: «Итак, еще раз мы избежали опасности быть захваченными врагом. В течение двух недель мы целые дни слышали артиллерийскую канонаду и приготовились бежать при приближении страшного Джексона. Правительство успокаивало

¹ D. Perkins, G. Densen. The United States of America, Vol. I, p. 658.

² J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 5, p. 171.

нас, но само оно было далеко от того, чтобы быть самоуверенным, и мы знали это с тех пор, как в распоряжении правительства находился корабль, всегда готовый принять на свой борт президента и его кабинет. Сегодня мы спасены. Бог знает, надолго ли»¹.

Президент тяжело переживал новое поражение федеральной армии. «Линкольн был глубоко потрясен и шокирован сообщением... о деморализации Потомакской армии»². Угроза падения Вашингтона заставила Линкольна бросить в бой все резервы и даже перебросить войска с западного фронта, которыми командовал генерал Грант. Ценой больших усилий и огромных потерь удалось стабилизировать положение на фронтах и спасти столицу.

Так погибли все результаты побед, достигнутых Грантом и Батлером на Западном и Южном фронтах. Такова была исключительно высокая цена, которую армия и народ платили за конституционные методы ведения войны, за нежелание федерального правительства призвать народ на решительную и беспощадную борьбу за уничтожение рабства.

Поражения на фронтах и нарастание революционной волны на Севере свидетельствовали о неизбежности перехода к новым, революционным методам ведения войны. Маркс писал в августе 1862 г.: «Мы присутствовали пока лишь при первом акте гражданской войны — войны, которая велась *по-конституционному*. Вторым актом — ведение войны *по-революционному* — еще впереди»³.

3. Законодательные акты 1862 г.

Для того чтобы перейти к революционным методам ведения войны, надо было в первую очередь освободить рабов и призвать негров в армию, решительно подавить контрреволюцию, удовлетворить наиболее популярное требование масс — издать закон о гомстедах. Но Линкольн не спешил. Президент оставался верен своей осторожной, медлительной тактике. «*Президент Линкольн*, — писал Маркс, — никогда не отваживается сделать шаг вперед, прежде чем создавшееся положение и всеобщее требование общественного мнения не сделают невозможным дальнейшее промедление»⁴.

Эта характерная черта Линкольна особенно четко проявилась в вопросах о борьбе с коррупцией, в которых был серьезно замешан и военный министр Камерон. С первых же дней войны воен-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 486.

² J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 21.

³ Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 15, с. 542.

⁴ Там же, с. 490.

ные поставки стали самой прибыльной статьей дохода для буржуазии. Русский военный наблюдатель подполковник Романов писал, что «невозможно перечислить все случаи самого наглого грабежа и явного мошенничества, с каким эти верные дети Союза, пользуясь крайностью своего правительства, стараются расхитить его казну»¹.

К Линкольну поступали многочисленные сигналы о том, что Камерон был связан с военными поставщиками и наживал на этом огромные суммы. Во время беседы с одной из делегаций, требовавшей отставки Камерона, Линкольн сказал: «Джентльмены, если вы хотите смещения Камерона, вам достаточно только представить мне *одно убедительное доказательство* его нечестности, и я обещаю вам его «голову». Но я заверяю вас, что не намерен действовать на основании того, что мне кажется беспочвенными слухами»².

Когда доказательств было представлено вполне достаточно, Линкольн передал дело Камерона на расследование специальной комиссии конгресса. Злоупотребления, вскрытые комиссией, оказались чудовищными. На 1109 страницах комиссия перечисляла многочисленные хищения и случаи самой беззастенчивой коррупции. Махинации с военными поставками комиссия квалифицировала как «коррупционную систему маклерства», «комбинации с целью ограбления казначейства», «проституирование общественного доверия»³.

Палата представителей 79 голосами против 45 приняла 30 апреля 1862 г. резолюцию, констатирующую прямую ответственность Камерона за хищения, связанные с военными поставками⁴.

Деятельность Камерона была осуждена уже после того, как он был отстранен от исполнения обязанностей военного министра. Когда почва под ногами руководителя военного департамента начала гореть, Симон Камерон сам предпочел уйти в отставку, о чем он неоднократно намекал президенту. 11 января 1862 г. Линкольн писал Камерону, что в соответствии с желанием военного министра он освобождается от своих обязанностей и что президент будет просить сенат назначить Камерона посланником в Россию⁵. Просьба Линкольна была удовлетворена, и Камерон выехал в Петербург.

Линкольн был человеком кристальной честности, но в борьбе

¹ «С.-Петербургские ведомости», 4. I 1862.

² C. S a n d b u r g. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 427.

³ «House Report», № 2, 37-th Congress, 2-nd Session, p. 34, 40, 53.

⁴ «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, Appendix, p. 1888.

⁵ «Collected Works», Vol. V, p. 96.

с коррупцией и хищениями президент был бессилен, так как это были не отдельные факты, а система, охватывавшая все сферы деловой активности, поразившая, как раковая опухоль, все звенья государственного аппарата. Линкольн фактически признавал это в своем письме от 26 мая 1862 г. Он писал, что не может «осуждать... главным образом Камерона... В отношении Камерона необходимо сказать, что, хотя он полностью санкционировал эти действия, они осуществлялись и были предложены не им самим, и не только президент, но и все другие главы департаментов были по крайней мере в равной степени ответственны за это...»¹.

Причина отставки Камерона была не столько связана с коррупцией, сколько с резкими противоречиями между президентом и военным министром, возникшими в конце 1861 г. Без консультации с Линкольном Камерон включил в свой годовой доклад параграф, в котором говорилось о необходимости освободить рабов и призвать негров в армию. Это был очень неожиданный шаг со стороны военного министра, который никогда не отличался чрезмерным радикализмом.

Русская пресса, как и многие газеты в США, расценивала этот шаг как демагогию, стремление Камерона стать во главе аболиционистской партии и попытаться конкурировать с Линкольном в борьбе за пост президента².

Но это была сторона вопроса, малоизвестная общественности. В целом передача дела Камерона на рассмотрение конгресса, опубликование документов, порицающих коррупцию, и, наконец, отставка Камерона — все это прозвучало как уступка президента общественности, требовавшей обуздания военных поставщиков, пресечения хищений.

В 1862 г. Линкольн, уступая настойчивым требованиям народных масс, осуществил очень важную меру: президент подписал 20 мая закон о гомстедах. Принятию этого закона предшествовала длительная и упорная борьба в конгрессе по вопросу о том, на каких условиях предоставлять землю поселенцам. Консервативные республиканцы настойчиво требовали и добились включения в текст закона положений, которые предоставили бывшие льготы спекулянтам. Это привело к тому, что первые и наиболее удобные участки попали в руки перекупщиков, а от них — к железнодорожным и другим компаниям³.

Современники отмечали, что Линкольн с большим удовле-

¹ «Collected Works», Vol. V, p. 243.

² «Северная пчела», 4. II. 1862.

³ Л. И. Зубок Очерки истории США. М., 1956, с. 32; Куропятник Г. П. Закон о гомстедах и «американский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 229 — 230.

творением подписал этот важный закон, который, несмотря на ряд недостатков, в целом был самым радикальным в то время решением аграрного вопроса.

В окончательном виде закон, подписанный президентом, предусматривал, что любой гражданин США или иностранец, выразивший желание принять гражданство США и уплативший 10-долларовый регистрационный сбор, получал из государственного земельного фонда 160-акровый (65 га) гомстед — земельный участок. После пяти лет проживания на полученном участке и обязательной обработки его гомстедер превращался к собственнику участка¹.

Принятие закона о гомстедах венчало многолетнюю борьбу трудящихся Севера за разрешение аграрного вопроса и способствовало росту авторитета Линкольна в народных массах, сплачивало народ вокруг президента. Закон о гомстедах стимулировал активное участие масс в гражданской войне. Каждый солдат знал теперь, что победа в войне даст ему возможность получить бесплатный земельный участок.

Закон о гомстедах был первым важным шагом в борьбе за полное уничтожение рабства, так как он закрывал путь рабовладению на обширные земельные просторы Запада, а рабство не могло существовать без непрерывного распространения на новые земли.

Пресса Севера приветствовала принятие закона о гомстедах, отмечая важное политическое и военное значение этого акта².

Большое прогрессивное значение закона о гомстедах отмечал Маркс, который писал, что «конгресс принял столь долго и тщательно ожидавшийся народными массами Севера закон о гомстеде»³.

Но и в дни принятия закона о гомстедах, нанесшего тяжелый удар рабству, Линкольн не изменил своего отношения к вопросу об освобождении рабов. С особой убедительностью об этом свидетельствовал случай с генералом Дэвидом Хантером, который издал 9 мая 1862 г. прокламацию, гласившую, что рабы мятежных плантаторов Джорджии, Флориды и Южной Каролины «объявляются навечно свободными» и призываются в армию Севера⁴.

Линкольн сразу же дезавуировал заявление Хантера, с которым он был в самых дружественных отношениях. 17 мая 1862 г. Линкольн писал Хантеру: «Ни один генерал, командующий (федеральными войсками. — Р. И.) не может поступать таким образом, не проконсультировавшись со мной. Ответственность за это

¹ Н. Commager (ed.). Documents of American History, Vol. I, p. 410 — 411.

² «New York Daily Tribune», 20, 26. V, 6, 11. VI, 4. VII. 1862.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 542.

⁴ «Official Records», Ser. I, Vol. XIV, p. 341.

лежит на мне»¹. Прокламация Хантера вызвала панику среди лояльных рабовладельцев пограничных штатов². Это не могло не оказать влияния на позицию Линкольна. 19 мая президент, используя свое право верховного главнокомандующего, официально отменил прокламацию Хантера³.

Линкольн принял это решение вопреки настойчивым просьбам Чейза и Стэнтона, убеждавших президента в необходимости утвердить прокламацию Хантера, так как ее поддерживало 9/10 всех республиканцев⁴.

Опубликование прокламации Хантера подробно комментировал посланник России в США. Стеклъ сообщал из Вашингтона: «Конфискация имущества сепаратистов и освобождение их рабов продолжает быть основным предметом обсуждения в сенате и палате. Но в то время как члены конгресса, даже наиболее фанатичные, колеблются в принятии решительных мер относительно немедленной отмены рабства и стремятся достичь цели окольными средствами, одному из генералов федеральной армии удалось разрешить этот вопрос одним росчерком пера».

Изложив содержание прокламации Хантера, Стеклъ продолжал: «Более того, генерал Хантер выразил намерение вооружить негров и поднять рабов на войну». Русский посланник признавал, что прокламация Хантера произвела «глубокое впечатление на Севере»⁵.

И действительно, губернатор Массачусетса Джон Эндрю заявил, что если правительство Линкольна одобрит прокламацию Хантера, то это вызовет огромный энтузиазм на Севере, тысячи добровольцев пойдут в армию и «дороги Новой Англии будут кишеть солдатами»⁶.

Прокламация Хантера получила самую горячую поддержку со стороны радикалов, которые, как сообщал Стеклъ, сыграла важную роль в ее появлении. В том же донесении русского посланника говорилось: «Достоверно, что прокламация Хантера была опубликована без ведома президента, но почти столь же достоверно, что генерал действовал на основании секретных приказов военного министра (Стэнтон. — *Р. И.*)...»

Касаясь отношения Линкольна к прокламации Хантера, Стеклъ сообщал: «Президент был удивлен этим актом, столь мало согласующимся с умеренными принципами, которых он всегда

¹ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 149.

² W. Hesselstine (ed.). Op. cit., p. 270.

³ «Collected Works», Vol. V, p. 222 — 223.

⁴ T. Williams. Op. cit., p. 137.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 159, лл. 217 — 220.

⁶ T. Williams. Op. cit., p. 137.

придерживался и которые он так ясно выразил в своем последнем послании конгрессу, где он заявил, что эмансипация может осуществиться лишь частично и с одобрения заинтересованных штатов»¹.

Прокламация Хантера вызвала настоящую бурю в конгрессе. Радикалы восторженно приветствовали ее, консерваторы видели в действиях Хантера превышение власти и нарушение основных принципов военной политики правительства. 9 июня 1862 г. палата представителей приняла резолюцию, которая запрашивала Стэнтона — санкционировало ли военное министерство действия Хантера, получил ли он распоряжение о формировании войсковых частей из беглых рабов? Хантер ответил на запрос конгресса, что у него «нет никакого полка из беглых рабов. Но есть, однако, прекрасный полк из людей, бывшие хозяева которых являются «беглыми мятежниками»... Вооружение черных, как показал проделанный мною опыт, увенчалось полным и даже поразительным успехом. Трезвые, понятливые, вежливые и горящие энтузиазмом, они проявили большие природные способности к исполнению солдатской службы». Хантер сообщал конгрессу, что в течение короткого времени он мог бы сформировать армию из 48 — 50 тыс. негров².

Ответ Хантера пришел вскоре после серьезных неудач федеральной армии под Ричмондом и не мог не привлечь к себе самого пристального внимания широких кругов Севера. Пресса всех направлений оживленно комментировала прокламацию Хантера, ее политические и военные последствия, позицию президента Линкольна в этом вопросе³.

Отрицательное отношение Линкольна к прокламации Хантера происходило из-за его позиции в вопросе об освобождении рабов. Даже после восьми месяцев войны, когда стала очевидной необходимость пересмотреть официально провозглашенные цели войны, Линкольн фактически ни в чем не изменил свою точку зрения в вопросе об освобождении рабов. Это наглядно показало послание президента конгрессу от 3 декабря 1861 г.

В послании Линкольна вновь подчеркивалось, что цель войны спасение Союза: «Союз должен быть сохранен и в связи с этим должны быть использованы все необходимые средства. Мы не должны спешить с признанием необходимости крайних и ра-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 159, лл. 217 — 220.

² «Rebellion Record», Vol. 5, Documents, p. 539.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 218; «New York Daily Tribune», 20, 22. V, 4, 7. VIII. 1862; «Rebellion Record», Vol. 4, Diary of Events, p. 85, 94.

дикальных мер, которые могут повредить и лояльным и нелояльным штатам»¹.

В послании говорилось о колонизации свободных негров в страны с «благоприятными климатическими условиями». Идея колонизации вызвала резкие протесты со стороны негров Севера, аболиционистов, против нее выступали влиятельные лидеры радикалов².

Такую же позицию занимали многие русские газеты. Комментируя соответствующую часть послания президента, русская газета, имея в виду колонизацию, писала: «Слово это здесь неподходящее. Не хотел ли сказать г. Линкольн: для ссылки? Иначе нельзя смотреть на предлагаемую им меру... И нужно ли говорить, как упадет Америка в глазах Европы, если этот исход дан будет вопросу о крепостном праве?»³

Решительным сторонником освобождения рабов был Н.Г. Чернышевский. В январе 1862 г. он писал, что против рабовладельцев должны быть приняты «крайние меры: формирование партизанских отрядов из свободных негров Севера, стремящихся идти на Юг, и призыв южных невольников к оружию. Едва ли можно будет избежать Линкольну этих решительных мер...»⁴.

И действительно, под давлением народных масс и радикалов Линкольн начал постепенно осуществлять меры, подготовившие провозглашение его знаменитой Прокламации об освобождении рабов.

Разрешение проблемы рабства Линкольн начал с пограничных штатов. 6 марта 1862 г. президент обратился с посланием к конгрессу, в котором заявлял, что надо окончательно разбить надежды мятежников на возможность перехода лояльных рабовладельческих штатов на их сторону. Для достижения этой цели президент считал необходимым предложить этим штатам уничтожить рабство с выплатой компенсации хозяевам рабов за счет федерального правительства⁵. Конгресс принял предложение президента, и обе палаты проголосовали за компенсацию.

Из послания президента можно было сделать вывод, что оно в значительной мере было рассчитано на то, чтобы убедить рабовладельцев мятежных штатов в том, что для них выгодней прекратить войну и получить компенсацию за свой живой товар. Линкольн ставил в своем послании вопрос: «Я спрашиваю у штатов и

¹ «Collected Works», Vol. V, p. 49.

² O. Sherwin. Op. cit., p. 464 — 466.

³ «Северная пчела», 12. XI. 1861.

⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 596.

⁵ «Collected Works», Vol. V, p. 144 — 146.

заинтересованных лиц — не выгоднее ли для них при теперешнем состоянии дел денежное вознаграждение, чем сохранение их собственности и учреждений, которыми эта собственность обеспечивается за ними»¹.

Предложение Линкольна нашло горячую поддержку и республиканской, и демократической прессы. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала: «Никогда ранее мы не публиковали государственный документ с большим удовлетворением, чем то, которое мы испытывали, предлагая нашим читателям вчерашнее специальное послание президента Линкольна конгрессу... Это послание открывает эпоху в истории нашей страны. Оно не имеет прецедента; мы верим, что оно будет иметь большие последствия... это будет величайшее событие, значительно более важное по своему значению, чем многие сражения»².

Консервативная «Нью-Йорк джорнэл оф коммерс» сдержанно, но одобрительно заявляла, что «постепенное освобождение будет лучше, чем немедленное уничтожение рабства»³.

Русская пресса приветствовала это решение Линкольна как первый важный шаг на пути к полному уничтожению рабства. «Московские ведомости» писали: «...Поднятием президентом Линкольном знамени освобождения негров считаем мы великим историческим событием... имя таких государственных людей всегда остается дорогим для сограждан и навеки памятно беспристрастной истории, не забывающей ни худа, ни добра»⁴.

Первая официальная мера Линкольна, направленная на решение проблемы рабства, вызвала самую оживленную дискуссию в политических кругах и в прессе. Радикалы, признавая важность этого решения, подчеркивали его половинчатость и недостатки, заключающиеся в признании принципа компенсации, они отмечали также призрачность надежд на то, что мятежники примут предложение президента и прекратят войну. Умеренная республиканская пресса приветствовала решение Линкольна за его умеренность. Пресса мятежников заявляла, что не потерпит никакого вмешательства в права рабовладельцев на свою живую собственность. Все эти взгляды нашли отражение и в дебатах в конгрессе во время обсуждения послания президента⁵.

Следующим важным шагом в разрешении проблемы рабства явилось опубликование закона от 13 марта 1862 г., запрещающего

¹ «Collected Works», Vol. V, p. 146.

² «New York Daily Tribune», 7. III. 1862.

³ «Rebellion Record», Vol. 4, Documents, p. 239.

⁴ «Московские новости», 24. IV. 1862.

⁵ См. «New York Daily Tribune», 7, 8, 12, 13, 18, 24. III 1862; «Rebellion Record», Vol. 4, Documents, p. 239.

использовать войска для поимки и возвращения владельцам беглых рабов¹.

По распоряжению Линкольна были начаты переговоры с Великобританией о запрещении торговли рабами, которые вскоре завершились подписанием соответствующего договора. Было принято специальное постановление о начальном обучении негритянских детей.

Линкольн строго следил за выполнением принятых законов. Когда военный губернатор Северной Каролины генерал Стэнли закрыл в штате негритянские школы, президент тотчас же приказал отменить это распоряжение, вызвавшее бурю негодования не только в Северной Каролине, но и в других штатах².

Большое значение среди законодательных актов 1862 г. имел закон о запрещении рабства в федеральном округе Колумбия. В своем послании от 16 апреля 1862 г. Линкольн говорил: «Сограждане сената и палаты представителей, закон под названием «Акт об освобождении лиц, содержащихся для услуг или работы в округе Колумбия» сегодня одобрен и подписан. Я всегда был уверен, что конгресс имеет право отменить рабство в округе Колумбия. Я всегда хотел, чтобы наша национальная столица была освобождена от рабства»³.

Федеральное правительство намеревалось выкупить рабов в округе Колумбия по ценам, не превышающим 200 долл. за каждого раба. По предложению президента освобожденные рабы обеспечивались билетами для переезда паромом в Либерию или Гаити. Рабов в округе было всего 3 тыс., но их освобождение имело принципиальное значение. Освобождая рабов в столице, Линкольн заявлял, что тем или иным способом рабство будет уничтожено в масштабах всей страны. Это был важный шаг вперед на пути полного уничтожения рабства.

Радикальные республиканцы приветствовали это решение президента, но вместе с тем энергично боролись за то, чтобы рабы были освобождены без компенсации, они пытались добиться этого до того как билль был послан на подпись к президенту, но не сумели реализовать свои планы.

При обсуждении билля в конгрессе, на митингах, в дискуссии, развернувшейся на страницах газет, — всюду подчеркивались двойственность этой меры, ее прогрессивное значение в

¹ «The Statutes at Large of the United States». Boston, 1863, Vol. XII, p. 354.

² «New York Daily Tribune», 9. VI. 1862.

³ «Collected Works», Vol. V, p. 192.

целом и недостатки, выразившиеся в признании принципа компенсации¹.

Решение конгресса, запрещавшее использовать армию для поимки беглых рабов и возвращать их хозяевам; договор с Великобританией о запрещении торговли африканскими рабами; принятый 19 июня 1862 г. закон о признании свободными всех рабов на территориях США²; решение о создании школ для негров и организация труда беглых рабов³ — все эти постановления конгрессом завершились законом о конфискации, принятым конгрессом 17 июля 1862 г. Закон гласил, что если в течение 60 дней мятежники не сложат оружие, то каждый участник мятежа по решению суда будет объявлен государственным преступником и приговорен к смертной казни, которая может быть заменена по решению президента 5 годами тюремного заключения или 10 тыс. долл. штрафа. Все имущество участников мятежа конфискуется, а рабы объявляются свободными. Рабы мятежников, перебежавшие в армию Союза, рабы лиц, бежавших из США, рабы, обнаруженные на территории Конфедерации, освобожденной федеральной армией, признавались военнопленными и освобождались. Закон разрешал призыв негров в вооруженные силы Союза и формирование из них специальных негритянских полков⁴.

Акт о конфискации 1862 г. не был прямым повторением соответствующего закона 1861 г., который предусматривал конфискацию только имущества мятежников, непосредственно использовавшегося в борьбе против Союза. Закон 1862 г. был значительным шагом вперед, он предусматривал конфискацию имущества и освобождение рабов всех участников мятежа. И, конечно, исключительно большое значение имело решение о призыве негров в армию Союза.

Но характерно, что буржуазия не решилась пойти на полную конфискацию земельной собственности плантаторов, основы их экономической мощи. Линкольн подписал билль только после того, как конгресс принял резолюцию, разъяснявшую, что можно было конфисковать землю только при жизни ее владельца. Это привело к тому, что статьи закона от 17 июля 1862 г. о конфискации имущества мятежников, особенно земли, применялись очень

¹ См. «New York Daily Tribune», 2, 14. V. 1862; «Rebellion Record», Vol. 4, Diary of Events, p. 91.

² «The Statutes at Large of the United States», Vol. XII, p. 432.

³ См. Иванов Р. Ф. Гражданская война в США и роль негров в разгроме мятежников-рабовладельцев (1861 — 1865 гг.). — Уч. зап. по новой и новейшей истории», вып. IV, 1958, с. 20 — 25.

⁴ «The Statutes at Large of the United States», Vol. XII, p. 589 — 592.

редко. Общая стоимость имущества, конфискованного по этому закону, составила ничтожную сумму — 129 680 долл. 67 центов¹.

В соответствии с законом о конфискации началась подготовка к формированию негритянских полков, увеличилось число негров, использовавшихся на военных работах в армии Союза. В послании сенату от 17 июля 1862 г. Линкольн заявлял, что надо разрешить командованию федеральной армии использовать на военных работах столько негров, сколько требовала необходимость². Это указание успешно претворялось в жизнь, что дало возможность еще до формирования негритянских полков широко использовать негров на оборонительных работах: «Где бы ни появлялся с лопатой в руках негр, белый солдат брал ружье и возвращался в строй»³.

Представители пограничных штатов настойчиво убеждали Линкольна не подписывать закон. Но президент ответил решительным отказом и предложил им вернуться в свои штаты и убедить лояльных рабовладельцев воспользоваться денежной компенсацией за освобождение рабов.

26 июля 1862 г. Линкольн издал прокламацию о вступлении в силу закона о конфискации, в которой, обращаясь к мятежникам, предупреждал, что если они не сложат оружие, то против них будут приняты все меры, предусмотренные законом от 17 июля 1862 г.⁴.

Закон о конфискации вызвал оживленные комментарии и на Севере и на Юге. Радикалы приветствовали его как новое доказательство поворота правительства Линкольна к решительным мерам борьбы с мятежниками, но одновременно они резко критиковали Линкольна за непоследовательность в вопросе о конфискации земли плантаторов. Сообщение о призыве негров в федеральную армию нашло живейший отклик среди солдат и офицеров Союза, подавляющее большинство которых приветствовало эту меру. Мятежная Конфедерация ответила на закон о конфискации новыми жестокими репрессиями против негров, стремясь приостановить мощный поток беглых рабов, который устремился на Север. Мятежники убеждали своих рабов в том, что они не найдут свободы на Севере, где с них «с живых будут снимать кожу, обрежут им уши или отправят на Кубу».

Но во всех этих комментариях, доброжелательных или враждебных, сдержанных или восторженных, чувствовалось одно —

¹ «Senate Documents», 40-th Congress, 2-nd Session, № 58.

² «Collected Works», Vol. V, p. 328 — 331.

³ B. Quarles. The Negro in the Civil War. Boston, 1953, p. 95.

⁴ «Collected Works», Vol. V, p. 341.

акт о конфискации повсеместно воспринимался как свидетельство серьезного сдвига в политике правительства Линкольна, как предзнаменование новых важных решений, направленных на полный и скорейший разгром рабовладельцев¹.

Маркс, характеризуя «ряд важных мероприятий», принятых в 1862 г., отмечал, что они знаменуют собой подготовку перехода к ведению войны по-революционному². Дав характеристику законов, принятых в 1862 г., начиная от гомстед-акта и кончая договором с Англией об отмене работоторговли, Маркс писал 4 августа 1862 г.: «Таким образом, как бы ни выпал жребий военной удачи, можно уже теперь с уверенностью сказать, что рабство негров ненадолго переживет гражданскую войну»³.

Глава восьмая

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОВ

1. «Принципиально последовательные партии Севера» борются за полное уничтожение рабства

В целом радикалы приветствовали законодательные акты 1862 г., которые способствовали осуществлению их обширной и довольно четко сформулированной программы. Радикальные республиканцы выступали за принятие гомстед-акта, требовали создания единой банковской системы, продолжения протекционистской внешнеторговой политики, добивались создания трансконтинентальных железных дорог, осуществлении широкой программы внутреннего благоустройства и, наконец, уничтожения рабства. Все это были требования, отвечавшие интересам растущей промышленной буржуазии.

Но точно так же, как рабство явилось главной причиной войны, так и вопрос об уничтожении рабства стал центральной проблемой войны. Фактически вся политическая борьба, происходившая на Севере в годы войны, сконцентрировалась вокруг этой проблемы, занимавшей первостепенное место в политической жизни страны.

Осуществление любого пункта программы радикальных рес

¹ «New York Daily Tribune», 19, 25, 28, 31. VII, 2, 6, 7. VIII. 1862; «Congressional Globe», 38-th Congress, 1-st Session, p. 316, 317.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 542.

³ Там же, с. 543.

публиканцев упиралось в проблему рабства, только революционное разрешение этой проблемы могло обеспечить победу в войне и выполнение программы радикалов. В начале войны в правительстве, конгрессе, в армии — во всех сферах безраздельно господствовали консерваторы и либералы. И если уже к концу 1861 г. произошло заметное изменение соотношения сил на политической арене в пользу радикалов, то главная причина этого заключалась в том, что радикалы правильно поняли основное требование момента и поставили во главу своей деятельности требование уничтожить рабство, чем обеспечили себе активную поддержку народных масс. «Радикалы опирались на поддержку подавляющего большинства рабочих, фермеров, мелкой буржуазии, негритянского народа и многих, если не большинства промышленников»¹.

Но слабость радикалов заключалась в их недостаточной организованности, они являлись только фракцией республиканской партии и не были организационно оформлены.

Важным шагом на пути укрепления радикалов было создание в декабре 1861 г. объединенной комиссии сената и палаты представителей по руководству войной. Инициаторами и создателями этой комиссии являлись лидеры радикалов в конгрессе Самнер и Стивенс. Комиссия превратилась в настоящий штаб, из которого радикалы, зачастую обходя правительство, осуществляли важнейшие меры по руководству войной, оказывали постоянное давление на Линкольна, добиваясь от него принятия мер, способствовавших переходу к революционным методам ведения войны.

В состав комиссии входили виднейшие деятели радикалов. Комиссия состояла из семи человек: трех сенаторов и четырех членов палаты представителей. За время существования этого органа в нем произвели ряд замен². Наиболее активными деятелями комиссии являлись ее председатель Бенджамин Уэйд, Джулиан и Чендлер. Членом комиссии был и сенатор от штата Теннесси Эндрю Джонсон, будущий вице-президент США, который в годы войны выступал с требованиями решительного разгрома мятежников. Лидер радикалов Стивенс не был членом комиссии, но играл большую роль в ее работе.

Роль комиссии в решении военных, политических и экономических вопросов была огромна. «В течение четырех лет она была самым важным органом в стране. При поддержке конгресса ей были даны огромные права»³.

¹ Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 319.

² J. Randall, D. Donald. Op.cit., p. 281.

³ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 5, p. 150.

Комиссия являлась конституционным учреждением, она была создана в соответствии с законами США, предусматривавшими право конгресса создавать любую комиссию по расследованию любых политических, военных, экономических и прочих воровств. Однако с первого же дня своего существования комиссия действовала как настоящий революционный орган, опиравшийся в своей деятельности не только на конгресс и правительство, но и на широкие народные массы.

Помимо решения ряда чисто военных проблем, комиссия сыграла огромную роль в борьбе с контрреволюцией на фронте и в тылу, расчистила генералитет от предателей и лиц, сочувствовавших рабовладельцам.

Первым большим успехом комиссии явилось снятие с поста военного министра Симона Камерона и замена его радикалом Эдвином Стэнтоном. Важную роль в осуществлении этого мероприятия сыграл Стивенс, который во время неоднократных встреч с Линкольном смело обличал военного министра в коррупции и доказывал необходимость его смещения¹. 11 января 1862 г. Линкольн сместил Камерона с занимаемого поста. Назначение Стэнтона военным министром было первой крупной победой радикалов в борьбе за изменение состава правительства.

Стекль, относившийся резко враждебно к радикалам, писал, что с введением Стэнтона в состав кабинета радикальные республиканцы значительно укрепили свое влияние на Линкольна. 5 (17) октября 1862 г. Стекль сообщал: «...Г-н. Стэнтон стал послушным инструментом ультрареспубликанской партии, которая использует его, чтобы диктовать г. Линкольну законы»².

Несмотря на резкую критику деятельности президента отдельными членами комиссии, Линкольн пользовался большим доверием со стороны комиссии. Именно по ее настоянию президент использовал свои конституционные права главнокомандующего вооруженными силами и сместил 11 марта 1862 г. Макклеллана с поста главнокомандующего сухопутными вооруженными силами Союза³.

Между президентом и комиссией происходили столкновения⁴. Один из таких случаев произошел в начале деятельности комиссии, когда ее председатель Уэйд посетил Линкольна и потребовал немедленной отставки Макклеллана. Президент спросил, кого Уэйд предлагает на его место. Это был существенный вопрос, так как Север не располагал хорошо подготовленными кадрами офицеров и генералов. Председатель комиссии раздраженно

¹ J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 324.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 394.

³ «Collected Works»..., Vol. V, p. 155.

⁴ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 3, p. 132, 134.

ответил: «Кого угодно!» Линкольн ледяным тоном возразил на это: «Уйди, кто угодно может устроить вас, а мне нужен кто-то»¹.

Но когда комиссия по ведению войны представила Линкольну неопровержимые доказательства бездарности Макклеллана и его симпатий к рабовладельцам, президент удовлетворил требования комиссии. 5 ноября 1862 г. Макклеллан был отстранен от командования Потомакской армией.

Деятельность объединенной комиссии конгресса сыграла большую роль в переходе к революционным методам ведения войны, но решающая роль принадлежала народным массам.

Поражения федеральных армий, открытые выступления контрреволюции в тылу Севера, трудности войны, ложившиеся на плечи трудящихся, медлительная тактика Линкольна в вопросе об освобождении рабов, — все это вызвало резкое недовольство народных масс.

К осени 1862 г. на Севере произошли большие сдвиги, определилась более четкая поляризация классовых сил. Консервативная буржуазия, ободренная военными неудачами Севера, во весь голос заговорила о необходимости прекратить войну, спасти рабство на Юге. Эти требования раздавались в конгрессе, к миру призывала буржуазная пресса, Линкольна штурмовали влиятельнейшие деятели крупного капитала. Прикрываясь гуманной фразеологией, они убеждали президента вести более мягкую политику, найти пути компромисса с мятежниками. Это были контрреволюционные силы, действовавшие на авансцене, а за их спиной находилось реакционное подполье, которое готовило заговоры и восстания в тылу Севера, осуществляло диверсии, саботировало военные мероприятия правительства Линкольна, сеяло провокационные слухи и раздувало пораженческие настроения.

В этот критический период гражданской войны дрогнула мелкая и средняя буржуазия, которая стала неустойчиво сползать в лагерь контрреволюции.

Происходил процесс блокирования всех реакционных сил. 9 (17) октября 1862 г. Стекль писал: «Консерваторы всех классов, которые были индифферентны до сих пор, не могут больше строить иллюзий относительно опасности положения и начинают выходить из апатии. Они стремятся связаться со старой демократической партией, которая правила страной в течение долгих лет и которая в последнее время полностью дезорганизована. Люди всех политических настроений объединились, чтобы создать новую партию и противостоять радикалам на ближайших выборах»².

Над правительством Линкольна нависла серьезная угроза: ра-

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 388.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 395.

бовладельцы наступали с фронта, внутренняя контрреволюция — с тыла. Весь ход развития событий свидетельствовал о несостоятельности политики Линкольна, о необходимости решительно выкорчевать контрреволюцию в тылу, очистить армию от явных и скрытых сторонников рабовладельцев — вести войну по-революционному. Первыми это инстинктивно поняли народные массы Севера, которые выступили против контрреволюции и потребовали от правительства Линкольна ведения решительной войны, направленной на полное и скорейшее уничтожение мятежных рабовладельцев. На Севере развертывались грандиозные события. Маркс писал в августе 1862 г., что «дело принимает революционный оборот... Новая Англия и Северо-Запад, давшие армии основные людские резервы, решили принудить правительство к революционному ведению войны и начертать на звездном флаге в качестве боевого лозунга слова: «Уничтожение рабства». Линкольн уступает этому *pressure from without* (давление извне) медленно и с опаской, но он знает, что не сможет противиться ему долго»¹.

Требования освободить рабов и призвать негров в армию Севера раздавались с первого же дня войны. Но никогда эти требования не звучали так настойчиво и не носили столь повсеместного характера, как летом и осенью 1862 г. Это был период, когда Линкольн приступил к проведению мероприятий с целью постепенно освободить рабов. Выступления прогрессивной общественности Севера приобретали в этих условиях особое значение. С одной стороны, они являлись для Линкольна серьезной опорой в борьбе с консервативными элементами в правительстве и конгрессе, которые ожесточенно сопротивлялись проведению в жизнь законодательных актов 1862 г. С другой стороны, эти выступления оказывали давление на президента, заставляли Линкольна проводить более решительную политику в вопросе об освобождении рабов.

Требования полного освобождения рабов звучали в конгрессе, на митингах, в письмах с фронта. В конгрессе это движение возглавляли лидеры радикалов Стивенс, Самнер, Джулиан, Чендлер и др. «Нью-Йорк дейли трибюн», комментируя одно из многочисленных выступлений Стивенса в конгрессе, писала: «Тадеуш Стивенс произнес блестящую речь в пользу призыва в армию всех лояльных лиц, которые желают служить стране»².

Поддерживая мероприятия Линкольна, направленные на постепенное освобождение рабов, общественность Севера отмечала

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 541 — 542.

² «New York Daily Tribune», 7. VII. 1862.

их недостаточность и требовала полного уничтожения рабства. На Севере все более настойчиво звучал призыв: «Союз должен сокрушить рабство или же рабство уничтожит Союз»¹.

Летом и осенью 1862 г. мощная волна митингов и демонстраций прокатилась по городам Севера. Один из таких митингов, на котором присутствовал Линкольн, состоялся в Вашингтоне. Президент выступил с краткой речью, посвященной главным образом вопросу о взаимоотношениях между Макклелланом и Стэнгоном. В выступлениях Читтендена, Боутвелла и других работников различных правительственных департаментов указывалось на необходимость решительно выкорчевать «измену в Вашингтоне и вокруг него». Боутвелл заявил, что если бы не было рабства, то не было бы измены, а поэтому необходимо полностью уничтожить этот позорный институт. Участники митинга решительно заявили, что президент должен последовательно проводить в жизнь закон о конфискации, и не отдельные его положения, а все статьи, с тем чтобы на основании этого закона осуществить полную конфискацию рабов².

В течение июля — октября 1862 г. митинги, на которых зачастую присутствовало до 10 тыс. человек, прошли в Питтсберге, штат Пенсильвания, Освего, Мидлтауне, Платеберге, штат Нью-Йорк, Филадельфии, Милуоки, штат Висконсин, Берген, штат Нью-Джерси, Цинциннати, штат Огайо, Бостоне, Чикаго, Нью-Йорке, Сиракузах и во многих других городах. Участники митингов заявляли в своих выступлениях и в резолюциях, что настало время немедленно освободить рабов, призвать негров в армию, выкорчевать измену, заставить состоятельных лиц не уклоняться от призыва в армию, перейти к решительным наступательным операциям с целью скорейшего разгрома рабовладельцев³.

Летом 1862 г. Линкольн объявил конскрипцию — принудительный набор в армию⁴. Это была мера, необходимость которой доказывалась всем ходом затянувшейся гражданской войны. В целом народные массы правильно поняли решение президента и поддержали его. Но в истории страны это был первый случай принудительного набора в армию, и вполне естественно, что решение Линкольна в ряде мест вызвало отрицательную реакцию. Этому в большой степени способствовало то, что закон о конскрипции фактически освобождал от призыва в армию состоя-

¹ Ibid., 11. VIII. 1862.

² «New York Daily Tribune», 7. VIII. 1862.

³ «Rebellion Record», Vol. 5, Diary of Events, p. 47, 48; «New York Daily Tribune», 7, 18, 28, 30. VII, 8, 13. IX, 21, 25, 27. X. 1862.

⁴ «Collected Works», Vol. V, p. 296.

тельных лиц, так как каждый, подлежащий мобилизации, мог поставить вместо себя другое лицо или же уплатить 300 долл.

Господствующие классы не замедлили воспользоваться этой оговоркой и всячески уклонялись от призыва в армию. Русский журнал с полным основанием писал по этому поводу: «Ничего нет на свете более робкого, более осторожного и менее патриотичного, как капитал, как биржа»¹. О нежелании зажиточных слоев населения идти в армию сообщал русский посланник в США. 27 июля (8 августа) 1862 г. Стекло писал, что «новые рекруты должны быть набраны среди фермеров, промышленников и вообще среди зажиточных классов, которые не хотят идти в армию»².

Вполне естественно, что на митингах наряду с другими требованиями важное место занимали протесты против массового уклонения имущих граждан от призыва в армию. Это были вполне обоснованные протесты.

Полковник Романов на основании своих личных наблюдений писал, что состоятельные слои населения «предпочитают ограничивать свой патриотизм и сочувствие к Союзу провозглашением силы, могущества, крепости и непобедимости северных штатов, подкрепляя это криками «ура», аплодисментами и маханием платков из окон при проходе по улице кучки солдат с полосатым флагом Союза»³.

Агентура рабовладельцев широко использовала в своих интересах недовольство, вызванное уклонением имущих классов от призыва в армию, и провоцировала серьезные инциденты. В октябре 1862 г. в Пенсильвании, в г. Беркли, был поднят мятеж против конскрипции. Во время волнений было убито 4 или 5 человек. Сопrotивление конскрипции было оказано в Карбондле, Скрентоне и в других угледобывающих районах Пенсильвании. Аналогичные случаи произошли 23 июля в Джереттсвилле, округ Харфорд, штат Мэриленд, 11 ноября 1862 г. в округе Озоки, штат Висконсин⁴.

На митингах, происходивших в 1862 г., часто поднимался вопрос о генерале Зигеле, известном деятеле социалистического движения. Зигель имел большой военный опыт, приобретенный им во время революции 1848 г. в Германии, в которой он принимал активное участие. С первых дней войны он сражался под командованием генерала Фримонта. После отставки последнего

¹ «Время», 1862, № 6, Политическое обозрение, с. 31.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 332.

³ «С.-Петербургские ведомости», 5. II. 1862.

⁴ «Rebellion Record», Vol. 6, Diary of Events, p. 4, 14; Vol. 7, Diary of Events, p. 35.

новый командующий армией в Миссури генерал Галлек всячески гравил и преследовал Зигеля и в конце концов 31 декабря 1861 г. сместил его с занимаемой должности. Сообщение об этом вызвало бурю протеста на Севере, особенно среди немецкого населения, которое отправило в действующую армию более 60 тыс. человек.

16 января 1862 г. в Нью-Йорке состоялся 10-тысячный митинг. Отметив большие боевые заслуги Зигеля, участники митинга приняли резолюцию, в которой указывали на грубейший произвол по отношению к Зигелю.

23 января Линкольн принял группу участников митинга и заявил им, что отставка Зигелю была дана без какой-либо консультации с ним. Президент подчеркнул, что он высоко оценивает военные способности Зигеля, его преданность делу Союза и готов предоставить ему место в вооруженных силах в Миссури или вне ее пределов, в зависимости от желания Зигеля¹.

Протесты против отставки Зигеля принимались и на митингах рабочих, которые хорошо знали этого активного деятеля социалистического движения в США. Один из таких митингов был созван в апреле 1862 г. Рабочей ассоциацией Чикаго².

«Нью-Йорк дейли трибюн» публиковала многочисленные письма читателей, требовавших немедленного и полного искоренения рабства. В одном из таких писем, под которым стояло восемь подписей, говорилось, что «двадцать шесть или двадцать семь миллионов, составляющих массу свободного труда на Севере и на Юге», заинтересованы в радикальном решении проблемы рабства³.

В другом письме подчеркивалось, что «народ, массы, затаив дыхание, страстно желают, чтобы президент начертал хладнокровной решительной рукой слово, определяющее существование нации: свобода!» В письме говорилось, что решение этого вопроса зависит от Линкольна: «Вся огромная ответственность лежит на вас, дорогой президент!»⁴

Летом и осенью 1862 г. на Севере активизировалось движение негров, что нашло свое отражение, в частности, в фактах, свидетельствующих о большом желании негров вступить в федеральную армию⁵.

На имя Линкольна поступали многочисленные петиции. Во-

¹ «Rebellion Record», Vol. 4, Documents, p. 34.

² Ibid., Vol. 4, Diary of Events, p. 76 — 77 (см. также «New York Daily Tribune», 15. I, 21. VIII. 1862).

³ «New York Daily Tribune», 11. VII. 1862.

⁴ Ibid., 15. VIII. 1862.

⁵ D. Cornish. The Sable Arm. Negro Troops in the Union Army 1861 — 1865. New York — London — Toronto, 1956, p. 69 — 75.

семь тысяч женщин подписали обращение к Линкольну, в котором они призывали президента предпринять решительные меры, направленные на скорейший разгром рабовладельцев, чтобы их мужья, отцы и братья вернулись к домашним очагам¹. Аналогичные требования содержались во многих письмах².

Факты свидетельствовали о том, что чисто военные проблемы отошли на второй план. В центре внимания стал вопрос о рабстве³.

Большой резонанс во всей стране вызвало открытое письмо Грили «Требование 20 миллионов», в котором он подверг резкой критике политику Линкольна. Грили писал, что президент отменил прокламации Фримонта и Хантера, но не пресекал деятельности генералов, охотившихся за беглыми рабами, всемерно заботился об интересах лояльных рабовладельцев пограничных штатов, но не выступал против жестокого обращения с неграми в расположении федеральных войск. Грили заявлял, что «каждый час защиты рабства усиливает опасность для Союза... Попытки подавить мятеж, одновременно сохраняя причины, вызвавшие его, бесполезны и нелепы». Грили высказывался за самое широкое использование негров в федеральной армии в качестве рабочих, проводников, лоцманов, разведчиков, поваров и пр. Но редактор «Трибюн», порицая Линкольна за отмену прокламаций Фримонта и Хантера, сам не рискнул поставить вопрос о необходимости вооружить негров⁴.

Открытое письмо Грили было обращено к президенту, и Линкольн ответил на него. Письмо Линкольна от 22 августа 1862 г. было напечатано почти во всех газетах США. Президент писал: «Я хочу спасти Союз. Я хочу спасти его как можно скорее, не нарушая при этом конституции... Моя главная цель в этой борьбе — спасение Союза, а не спасение или уничтожение рабства. Если бы я мог спасти Союз, не освободив при этом ни одного раба, я бы сделал это. Если бы при этом можно было освободить часть рабов, оставив остальных в рабстве, я также пошел бы на это. То, что я делаю в отношении рабов и цветной расы, я делаю потому, что верю в то, что это помогает спасти Союз... Я изложил свои цели в соответствии с моим представлением своих обязанностей как должностного лица; вместе с тем я не намерен изменять неоднократно высказанное мною желание видеть всех людей повсюду свободными»⁵.

Спасение Союза — главная цель правительства, говорил президент. Но осуществление этой цели упиралось в необходимость

¹ «New York Daily Tribune», 21. X. 1862.

² Ibid., 16. VII; 7. VIII. 1862.

³ Ibid., 1, 9, 13, 14, 27. V; 9, 14, 15. VII; 9, 11, 30. VIII. 1862.

⁴ Ibid., 20. VIII. 1862.

⁵ «Collected Works», Vol. V, p. 388 — 389.

разрешения проблемы рабства, которая была неразрывно связана с судьбой всей страны. Эта мысль с особой силой была подчеркнута Фредериком Дугласом, который в ответ на письмо Линкольна заявлял: «Утверждают, и справедливо, что война ведется за сохранение правительства, но не менее справедливо и то, что она ведется за принципы, на которых это правительство основано... Мы сражаемся не только за старый дом, приютивший нас, но и за великие принципы — жизнь, свободу и счастье. Надо уничтожить все, что угрожает этим принципам, а им угрожает в первую очередь рабство»¹.

Народные массы Севера решительно выступали за отмену рабства и пресечение деятельности агентуры рабовладельцев. Имели место случаи разгрома редакций реакционных газет и избития сторонников мятежников. Часто негры и белые силой освобождали арестованных беглых рабов. В округе Блейр, штат Пенсильвания, большая группа негров окружила местную тюрьму и силой вырвала двух заключенных негров. Рабовладелец, пытавшийся вернуть себе негров, вынужден был спастись бегством².

Наиболее сознательные рабочие, фермеры, ремесленники были в рядах армии, и отношение солдат к вопросу об освобождении рабов являлось важным показателем настроений народных масс. Симпатии большей части армии были на стороне негров. Между солдатами и «охотниками за беглыми рабами» часто происходили вооруженные столкновения. Один из таких случаев произошел в Вашингтоне. Группа «охотников за беглыми рабами» напала на солдат 76-го Нью-Йоркского полка, среди которых находилось 30 негров. Два негра были схвачены, но солдаты отбили их. Вторично негров пытались захватить во время погрузки солдат на пароход. «Охотников за неграми встретили так, что они не решились взойти на палубу»³.

На Севере назревало массовое выступление с требованием полного и немедленного освобождения рабов⁴. Линкольн понимал всю сложность обстановки, создавшейся на Севере. Президент заявлял, «что если он откажется опубликовать Прокламацию, на Севере произойдет восстание»⁵. Николай и Хей писали, что «во многих штатах Севера были признаки мрачного недоволь-

¹ Ph. Foner (ed.). The Life and Writings of Frederick Douglass, Vol. III, p. 169 — 170.

² «New York Daily Tribune», 9. V. 1862.

³ Ibid., 23. V. 1862.

⁴ Ефимов А. В. Народный подъем и общественное мнение США в критический период гражданской войны. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 110 — 129.

⁵ P. Angle and E. Miers (ed.). Op. cit., Vol. I, p. 458.

ства среди большей части народа, что не могло укрыться от внимания такого бдительного государственного деятеля, как Линкольн»¹. Маркс, отмечая решительный характер выступлений народных масс Севера, писал: «Если Линкольн не уступит (а он уступит), то произойдет революция»². Эти слова с предельной четкостью характеризовали напряженную обстановку, сложившуюся на Севере. «До революции против республиканского правительства дело не дошло, массовых народных выступлений было не так много, но многие симптомы говорили о том, что если бы правительство не пошло на уничтожение рабства, то заколебалась бы армия, ослабела бы поддержка республиканского правительства белым населением, усилилось бы бегство рабов, могли начаться массовые восстания невольников в тех штатах Союза, где все еще продолжало сохраняться рабство»³.

В выступлениях народных масс 1862 г., особенно это относится к неграм, важное место занимали протесты против колонизации, высылки негров за пределы США. Линкольн не был автором этой идеи, но являлся ее убежденным сторонником. Наиболее подробно необходимость колонизации негров он аргументировал во время беседы с группой негритянских лидеров, состоявшейся 14 августа 1862 г. «Почему негры, — говорил Линкольн, — должны покинуть страну?.. Мы являемся двумя различными расами. Между нами более глубокие различия, чем между всякими другими расами. Не стану рассматривать, справедливо это или нет, но это физическое различие наносит большой вред всем нам. Я считаю, что ваша раса жестоко страдает, многие из вас страдают по той причине, что живут между нами, в то время как наша раса страдает от вашего присутствия... На всем нашем огромном материке ни один представитель цветной расы не пользуется равными правами с нами. Даже там, где с цветными обращаются лучше, на них лежит запрет... Я не в состоянии изменить это... Мне нет необходимости говорить о том, какое влияние оказывает рабство на белых. Это влияние весьма достойно сожаления. Посмотрите, в каком мы теперь положении: страна вовлечена в войну, наши белые режут друг друга, и никто не знает, чем это кончится... Этой войны не было бы, если бы не было рабства и цветной расы. Значит, и для вас, и для нас лучше расстаться»⁴.

В послании конгрессу от 1 декабря 1862 г. Линкольн вновь

¹ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 24.

² Маркс К. и Энгельс Ф.. Соч., т. XXIII, с. 97.

³ А.В. Ефимов. Народный подъем и общественное мнение США в критический период гражданской войны. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 123 — 124.

⁴ «Collected Works», Vol. V, p. 371 — 372.

му и обращался к вопросу о колонизации. Он предложил внести поправку к конституции, которая предусматривала бы ассигнование необходимых средств «для колонизации свободных цветных лиц, в их согласии, в любое место за пределами Соединенных Штатов»¹.

Вне зависимости от соображений, которыми руководствовался Линкольн, план переселения негров был реакционен и невыполним. Колонизация лишала негров родины, богатства которой были в значительной степени созданы их трудом. Осуществить план переселения почти пятимиллионного народа было невозможно не только по чисто техническим причинам, но в первую очередь и потому, что большинство негров не желало покидать страну.

Фредерик Дуглас еще накануне гражданской войны подверг уничтожающей критике теорию колонизации негров. Он заявлял, что эта теория маскирует истинную суть негритянской проблемы, игнорируя негров, стремясь доказать, что в Америке борьба за права негров бесплодна². Дуглас писал, что негры появились в Северной Америке с первыми европейцами и уже третью сотню лет под палящим солнцем и бичом надсмотрщика своим потом и кровью создают богатства страны. Они крепко связали свою судьбу с ее судьбой, они такие же американцы, как и другие, они социализировались в США, защищали и гибли за них и хотят жить свободными здесь, и нигде больше, и они будут жить свободными³.

Дуглас доказывал несостоятельность утверждений, что при совместной жизни белых и негров неизбежны расовые предрассудки и дискриминация⁴. И, наконец, ссылаясь на исторический опыт других народов, Дуглас заявлял о невыполнимости этой реакционной идеи: «Личности эмигрируют, нации — никогда»⁵.

Дуглас с большой теплотой отзывался о Линкольне, отмечая его искреннее расположение к неграм. Вспоминая свою беседу с президентом, он писал, что Линкольн был прост и отзывчив, разговаривал с ним как равный с равным, что он мог бы положить руку на плечо президента, и это было бы вполне естественно, так располагал Линкольн к себе собеседника своей душевной мягкостью и искренностью. Но в вопросе о колонизации Дуглас был непреклонен. Обращаясь к неграм, он заявлял: «Мы американцы и хотим жить в Америке, имея равные права с остальными амери-

¹ «Congressional Globe», 37-th Congress, 3-d Session, Appendix, p. 3.

² Ph. Foner (ed.). The Life and Writings of Frederick Douglass, Vol. II, p. 167 — 169.

³ Ibid., Vol. I, p. 351 — 352, 387 — 399; Vol. II, p. 308.

⁴ Ibid., Vol. I, p. 387 — 399.

⁵ Ibid., Vol. II, p. 233.

канцами. Любая попытка переселить нас будет работой, проделанной впустую. Мы находимся в Соединенных Штатах и остаемся здесь. Брат, оставайся там, где ты сейчас находишься. Оставайся и выполняй обязанности честного человека и хорошего гражданина»¹.

Резолюции, принимавшиеся на митингах негров, свидетельствовали о том, что негритянское население решительно отвергает идею колонизации.

Резко осуждала идею колонизации русская пресса, заявлявшая, что «на Севере нисколько не заботятся о будущей судьбе новобранцев свободы. К чему в самом деле отнимать левой рукой то, что дано правой?»²

Предложением Линкольна о колонизации негров незамедлили воспользоваться аферисты и спекулянты. Правительство получило предложения от ряда лиц, которые стремились превратить колонизацию в доходную статью обогащения. 16 (28) сентября 1862 г. Стеклъ сообщал из Вашингтона: «Спекулянты тоже не отказались от случая извлечь из него выгоду. Лица, владеющие землей в Центральной Америке на берегу Тихого океана, предложили эти земли президенту, чтобы перевести туда освобожденных негров, которые согласятся покинуть родину при условии, что правительство возьмет на себя расходы по их перевозке.

Линкольн был очарован (этими предложениями. — *Р. И.*) и обратился к черным, предлагая им эмигрировать. Но вскоре вскрылось, что это благотворительное общество, как оно себя называло, было лишь компанией спекулянтов, которые хотели за счет правительства перевести негров в свои владения, чтобы заставить их здесь работать на каменноугольных шахтах»³.

Ход обсуждения вопроса о колонизации негров говорил о том, что прогрессивные силы на Севере давали отрицательную оценку этому предложению, а его инициаторы и сторонники, столкнувшись с активным сопротивлением со стороны негров, пришли в конце концов к выводу о нереальности этих планов⁴.

Народное движение в северных штатах было направлено против контрреволюционных сил, устраивавших заговоры и восстания, саботировавших военные мероприятия правительства Линкольна, сеявших панику среди населения. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что в 1862 г. наряду с народным подъемом

¹ Ph. Foner (ed.). The Life and Writings of Frederick Douglass, Vol. I, p. 351.

² «Северная пчела», 1. V. 1862.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 486 — 487.

⁴ «New York Daily Tribune», 3, 22. IV; 22. VIII; 20. IX. 1862.

на Севере происходила резкая активизация деятельности «медянок». Как и во время любой гражданской войны, борьба между антигонистическими силами развертывалась не только на фронте, судьба гражданской войны не в меньшей степени решалась и в тылу воюющих сторон.

О существовании широко разветвленной сети заговорщических организаций на Севере говорил тот факт, что в Индиане был раскрыт заговор, в котором участвовало не менее 15 тыс. человек. Эта тщательно законспирированная организация срывала формирование воинских частей федеральной армии, препятствовала сбору налогов, информировала мятежников о военных мероприятиях, проводившихся на Севере. Во время следствия было обнаружено, что тайные организации сторонников рабовладельцев были в каждом штате Севера и Запада¹.

Ряд важных административных постов на Севере занимали открытые сторонники рабовладельцев, которые использовали свое официальное положение для антиправительственной деятельности. Эта тактика была особенно характерна для деятельности губернатора Нью-Йорка Горацио Сеймура и мэра Нью-Йорка Фернандо Вуда. Так, например, Фернандо Вуд распорядился значительно снизить заработную плату рабочим Нью-Йорка, занятым на общественных работах. Недовольство рабочих этой мерой искусно направлялось против правительства².

Сторонники рабовладельцев широко использовали демократические свободы, сохранявшиеся на Севере. Часто организовывались митинги, на которых «мирные» демократы открыто призывали к срыву военных мероприятий правительства Линкольна. Один из таких антиаболиционистских митингов был организован в Нью-Йорке мэром города. Фернандо Вуд, выступив на митинге, обрушился с грубыми нападками на Линкольна и предложил разогнать «аболиционистский конгресс»³.

Главный печатный орган «медянок» газета «Нью-Йорк геральд» открыто призывала к свержению правительства Линкольна и к созданию режима военной диктатуры⁴.

Спекулируя на трудностях, вызванных войной, контрреволюционные силы Севера выдвинули демагогический лозунг: «Мир любой ценой». «Медянки» стремились увлечь за этим лозунгом широкие массы населения Севера и «принудить правительство на мирный мир»⁵.

¹ «New York Daily Tribune», 8. VIII. 1862.

² Ibid., 3. XII. 1861.

³ Ibid., 7. VII. 1862.

⁴ Ibidem.

Деятельность контрреволюционных сил особенно активизировалась во время поражений федеральной армии, как это было в 1862 г. Главным штабом легальной деятельности «медянок» и оперативным центром их подполья являлся Нью-Йорк.

По мере затягивания гражданской войны в лагерь контрреволюции постепенно переходили и те круги буржуазии, которые не были экономически связаны с Югом, но не смогли извлечь выгоды из военной конъюнктуры, а, наоборот, пострадали от свертывания ряда отраслей, не имевших отношения к военной экономике. Это был важный резерв контрреволюции, который особенно широко использовался на втором этапе войны.

Перегруппировка социальных и политических сил, происходившая на Севере в ходе войны, дала довольно значительное пополнение контрреволюционному фронту за счет мелкой и средней буржуазии, деклассированных элементов и некоторых неустойчивых слоев трудового населения, уставшего от войны.

29 октября (10 ноября) 1862 г. Стеклъ писал: «Демократы имеют сегодня организацию, их ряды каждый день пополняются людьми, уставшими от войны и налогов и прежде всего недовольными конскрипцией»¹.

Контрреволюционные силы, пользуясь безнаказанностью, открыто организовывали террористические акты против сторонников правительства Линкольна, срывали митинги. В марте 1862 г. Уэнделл Филлипс, выступавший в Цинциннати, подвергся нападению со стороны демократов и только усилиями друзей он был спасен от избиения².

Так же, как и мятежники, «мирные» демократы Севера делали ставку на иностранную интервенцию. Обращаясь к реакционным силам европейских держав, они заявляли: «Подождите немного, мирная партия Севера растет, и вскоре наступит время для интервенции»³.

Общественность Севера была тревогу в связи с резкой активизацией деятельности контрреволюционных сил и требовала полного уничтожения вражеской агентуры⁴.

Настойчивые требования народных масс были услышаны в Вашингтоне. 24 сентября 1862 г. Линкольн издал прокламацию о приостановлении действия закона о неприкосновенности личности. В прокламации заявлялось, что жизнь показала, что «обычные законы оказались недостаточными, чтобы пресечь деятель-

⁸ «Congressional Globe», 37-th Congress, 3-d Session, p. 62 — 63.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 411.

² «Rebellion Record», Vol. 4, Diary of Events, p. 67 — 68.

³ «Congressional Globe», 37-th Congress, 3-d Session, p. 63.

⁴ «New York Daily Tribune», 3. IV; 7. VII; 8, 22. VIII; 1, 2, 9. IX; 30. X; 12. XII. 1862.

ность лиц, мешающих осуществлению мер, принимаемых против мятежников». Далее говорилось, что будут арестованы и судимы военным трибуналом все, кто срывает конскрипцию, оказывает помощь мятежникам¹. На основании этого распоряжения Линкольна были приняты репрессивные меры против сторонников мятежников, был закрыт ряд газет, разгромлены некоторые организации заговорщиков. По настоянию объединенной комиссии по ведению войны, аресты стал санкционировать не глава госдепартаментa, а военный министр, радикал Стэнтон. После этого борьба с «медянками» велась более эффективно.

Точной статистики арестов, проведенных на Севере, не существует, но известно, что за период с февраля 1862 г. и до конца войны по решению военных судов было осуждено 13 535 человек. Если к этой цифре прибавить арестованных с начала войны, а также арестованных и осужденных на основании решений военно-морского департамента и судов штатов, то общая цифра арестованных достигнет приблизительно 38 тыс. человек².

Стекло, явно не одобряя меры, принятые на Севере, сообщал 25 ноября (8 декабря) 1862 г. из Вашингтона: «Президент потребовал и получил от конгресса неограниченную власть, которой он пользуется неумеренно. Все политические враги правительства преследуются, и часть из них брошена в тюрьмы. Строгая цензура установлена для газет, которые приостанавливаются простым приказом военного министра. Достаточно критиковать военные операции и правительственные действия, чтобы оказаться под страхом быть арестованным и брошенным в тюрьму. Именно поэтому все крепости Союза были превращены в тюрьмы, где политические преступники без долгих церемоний стали узниками»³.

В связи с арестами на Линкольна обрушился град обвинений в нарушении конституции, в стремлении к личной диктатуре и пр. Исходили эти обвинения главным образом от тех, против кого были направлены репрессивные меры, и их замаскированных сторонников. Этот вопрос широко дискутировался в конгрессе, где большинство депутатов поддержало Линкольна, с полным основанием заявляя, что президент не может не принимать мер по борьбе с вражеской агентурой, «когда мы находимся в состоянии войны и вся страна заполнена предателями»⁴.

Мероприятия, проведенные Линкольном в 1862 г., явились не только следствием военной необходимости, в первую очередь это был результат давления народных масс. Туровский писал из Ва-

¹ «Collected Works», Vol. V, p. 436 — 437

² J. R and a ll. Lincoln the President..., Vol. 3, p. 201.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 445.

⁴ «Congressional Globe», 37-th Congress, 3-d Session, p. 62 — 63.

шингтона: «Порыв благородного народа на Севере возбуждал и увлекал за собой правительство, или, вернее сказать, эту нерешительную администрацию, то медлящую, то колеблющуюся как в выборе цели, так и в принятии энергических мер для ее достижения».

Русская пресса отмечала, что Линкольн прислушивался к общественному мнению и стремился руководствоваться им при принятии важных государственных решений. Русский журнал писал: «Из всех президентов, управлявших Соединенными Штатами, нынешний г. Авраам Линкольн... лучше всех понимает и тщательно прилагает к делу ту великую истину, что правительство имеет никогда и ничем неодолимую силу, когда оно согласно с общественным мнением»².

В 1862 г. наступил критический период гражданской войны. Поражения федеральных армий и резкое обострение политической борьбы на Севере доказывали необходимость коренного пересмотра политики правительства. Законодательные акты 1862 г. свидетельствовали о том, что Линкольн под давлением народных масс и в силу военной необходимости приступил к постепенному пересмотру своей политики в вопросе об освобождении рабов.

Трудящиеся массы Севера во весь голос заявили о том, что они являются главной силой в борьбе за уничтожение рабства и требуют немедленного перехода к революционным методам ведения войны.

Самым важным событием гражданской войны в этот критический период явилось то, что народные массы вышли на авансцену борьбы. Правительство, консервативная и либеральная буржуазия, радикалы — все вынуждены были считаться с «принципиально последовательными партиями Севера, все более и более выдвигаемыми ходом событий на передний план»³.

Линкольн смог преодолеть ожесточенное сопротивление консервативной буржуазии и принять законодательные акты 1862 г. только благодаря тому, что в целом он правильно понял настроения народных масс и опирался на них в проведении этих мер.

В опоре на массы заключалась и сила американских якобинцев, радикальных республиканцев, которые шли в этот ответственный момент вместе с трудящимися массами, были среди «принципиально последовательных партий Севера», выдвигали лозунги, соответствовавшие требованиям широких слоев народа.

¹ «С.-Петербургские ведомости», I. I. 1863.

² «Время», 1962, № 6, Политическое обозрение, с. 31.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 547.

Именно давление народных масс и радикалов явилось главной причиной, обеспечившей возможность появления предварительной Прокламации Линкольна об освобождении рабов.

2. Предварительная Прокламация Линкольна от 22 сентября 1862 г.

Резкая критика Марксом и Энгельсом Линкольна не преследовали сугубо негативной цели — выявить и представить на осуждение общественности отрицательные стороны деятельности президента. Это была критика, направленная на ликвидацию слабых мест в деятельности Линкольна, помогавшая найти правильные пути и средства скорейшего разгрома рабовладельцев и уничтожения рабства.

В определенной мере такую же оценку можно дать и отношению радикалов к Линкольну. Радикалы резко критиковали полуминчатую, непоследовательную политику президента в вопросе об освобождении рабов, оказывали на него постоянное и все более возрастающее давление через комиссию по ведению войны, в конгрессе, в прессе. Цель этой тактики была одна — заставить Линкольна перейти из центра на левый фланг республиканской партии, выступить единым фронтом с радикалами. И эта тактика дала свои положительные результаты. Уэнделл Филлипс мог с полным основанием заявлять: «Линкольн — растущий человек. Почему же он растет? Потому что мы поливаем его»¹.

Радикалы поддерживали законодательные акты, утвержденные Линкольном в 1862 г., они добивались их последовательного осуществления, но вместе с тем подчеркивали, что это только полумеры, от которых необходимо перейти к полному уничтожению рабства. Стеклъ сообщал 8 (20) мая 1862 г. из Вашингтона, что радикалы «преследуют с большей, чем обычно, настойчивостью свои революционные планы. Их цель, и они начинают это признавать открыто, истребить Юг путем немедленного освобождения рабов»².

Радикалы поддерживали положительные мероприятия Линкольна и резко критиковали слабые стороны его деятельности. Они приветствовали признание президентом необходимости освобождения рабов, но решительно выступали против его предложения о колонизации негров и выплате компенсации рабовладельцам. Филлипс в одной из речей заявлял: «Делом справедливости

¹ «Congressional Globe», 39-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 231.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 218 — 219.

явилось бы предоставление компенсации рабам, а не рабовладельцам»¹.

Осуществив свои первые мероприятия по освобождению рабов, Линкольн сделал важный шаг навстречу требованиям широких народных масс и радикалов. Наступил период постепенного сближения Линкольна с левыми, революционными кругами, перегруппировки сил на политической арене Севера. Это не могло не вызвать серьезного беспокойства со стороны консервативных и умеренных кругов Севера. Стеклъ сообщал 8 (20) мая 1862 г.: «В конгрессе, как и во всей стране, консерваторы начинают выражать серьезные опасения по поводу такого положения вещей. Во время последнего краткого пребывания в Нью-Йорке я имел случай видеть несколько влиятельных лиц (консерваторов. — *Р. И.*). Они уверили меня, что, несмотря на успехи федеральных войск, они боятся будущего и не имеют никакого доверия к правительству, слишком слабому, чтобы сопротивляться проидам фанатиков (радикалов. — *Р. И.*), которые руководят по своей воле судьбами страны»².

Недоверие к Линкольну со стороны консервативных кругов Севера было лучшим доказательством того, что в политике федерального правительства происходил важный поворот в сторону сближения с радикалами. Но это сближение не было спокойным процессом постепенной консолидации двух политических сил. Между радикалами и центром республиканской партии происходила острая борьба. Об этом свидетельствовали бурные дебаты в конгрессе, когда Линкольн 6 марта 1862 г. представил свой план освобождения рабов на основе компенсации. В пылу полемики некоторые радикалы заявляли, что этот план имеет своей целью не уничтожение, а защиту рабства и что президент предлагал «Северу компенсацию за обманутые надежды»³.

Дебаты в конгрессе приняли очень резкий характер при обсуждении билля о конфискации. Стеклъ сообщал 10 (22) июля 1862 г.: «Когда при обсуждении билля о конфискации президент вновь направил его в сенат с несколькими маловажными изменениями, этот демарш, совершенно законный, дал в сенате место бурной сцене и навлек на президента очень сильные атаки со стороны части радикалов»⁴.

Радикалы не были удовлетворены мерами, применявшимися Линкольном в борьбе с контрреволюционными силами на Севере, они требовали беспощадной борьбы с агентурой рабовладель-

¹ «New York Daily Tribune», 19. IV. 1862.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 219.

³ «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, p. 1175 — 1176.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 316.

ции, установления с этой целью режима военной диктатуры и освобождения рабов¹. Эти требования были особенно четко сформулированы в блестящей речи Стивенса в конгрессе 22 января 1862 г. Лидер радикалов заявлял, что в условиях гражданской войны необходим иной подход к законам и конституции, чем в мирное время. Он предлагал предоставить президенту, если будет необходимость, права «диктатора и дать ему всю полноту власти для обеспечения безопасности народа»².

Требуя установления диктатуры на Севере, радикалы действовали как настоящие революционеры. Введение диктатуры было жизненно необходимо для победы над рабовладельцами, так как «по время гражданской войны, — указывал В.И. Ленин, — всякая победившая власть может быть только диктатурой»³.

Стекль, отмечая, что радикалы требовали принятия крайних мер в борьбе с рабовладельцами, писал 27 июля (8 августа) 1862 г.: «Эту роль радикалы играли с начала революции. Я имел честь беседовать кое с кем из них... Все они сказали мне: «Умеренные не знают, чего они хотят. Думать, что можно вернуться к прошлому — химера. В данный момент существуют лишь две партии, которые имеют достоверную цель. Наша, которая требует эмансипации черных и завоевания Юга любой ценой, и сепаратисты Юга, которые борются за отделение»⁴.

Величайшей заслугой Линкольна является то, что в критический период гражданской войны он откликнулся на требования народных масс, понял необходимость уничтожения рабства и обратился к народу, чтобы превратить эту необходимость в действительность. Радикалы приветствовали эту инициативу Линкольна. «Он протянул руки к миллионам, — говорил Филлипс, — и сказал «поддержите меня!»⁵.

Проведя серию подготовительных мероприятий, Линкольн инициировал их опубликованием предварительной Прокламации об освобождении рабов. Линкольн остался верен себе, он пошел на осуществление этой меры только тогда, когда убедился в том, что она соответствует требованиям самых широких слоев общественности. Предварительная Прокламация президента была опубликована только после того, как наметилось серьезное изменение в соотношении сил на Севере, выразившееся в том, что на сторону

¹ A. Nevins and G. Stone (ed.). Op. cit., p. 25.

² «Congressional Globe», 37-th Congress, 2-nd Session, p. 440.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 320.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 325 — 326.

⁵ «New York Daily Tribune», 19. IV. 1862.

радикалов стали переходить умеренные слои населения Севера. Стеклъ сообщал 27 мая (8 августа), что «умеренные объединяются с радикалами, чтобы требовать продолжения войны...»¹

После принятия весной и летом 1862 г. серии законодательных актов радикалы усилили давление на Линкольна, требуя скорейшего освобождения рабов. Самнер в беседе с президентом предлагал приурочить опубликование этого важного документа к 4 июля, дню национального праздника, чтобы придать освобождению рабов особое политическое значение. Линкольн посчитал столь быстрое опубликование Прокламации преждевременным. В беседе с Линкольном, состоявшейся 4 июля 1862 г., Самнер заявил, что президент нуждается не только в поддержке населения Севера, он должен опираться на помощь рабов «Юга в тылу мятежников». По словам Самнера, президент ответил ему: «Я сделал бы это (издал указ об освобождении), если бы не боялся, что половина офицеров побросает оружие и восстанут еще четыре штата»².

Опасения Линкольна были напрасны; как показали дальнейшие события, армия приветствовала Прокламацию об освобождении рабов. Важным событием, ускорившим опубликование этого документа, явилось поражение армии Макклеллана, пытавшегося взять Ричмонд. 22 июля 1862 г., когда стало ясно, что армия Макклеллана подверглась очередному разгрому, Линкольн созвал заседание правительства. Позднее Линкольн вспоминал: «Дела шли от плохого к наихудшему, пока я не почувствовал, что... мы должны поставить на последнюю карту, должны изменить нашу тактику или проиграть игру. Я решил принять политику эмансипации и без консультации и информирования кабинета подготовил первоначальный проект Прокламации и после тревожных раздумий созвал заседание кабинета по этому вопросу. Я заявил кабинету, что принял непоколебимое решение и созвал их не для того, чтобы спрашивать совета, а с тем, чтобы изложить им содержание Прокламации...»³

Чейз заявил на заседании кабинета, что необходимо более определенно сформулировать вопрос о допуске негров в армию Союза. Ряд предложений и замечаний сделали другие министры⁴. Сьюард заявил: «М-р президент, я одобряю Прокламацию, но сомневаюсь в необходимости ее опубликования в данных обстоятельствах». Сославшись на недавние поражения федеральной армии, Сьюард добавил: «Это может быть воспринято как послед-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 326 — 327.

² J. Randall. Lincoln the President..., Vol. 2, p. 153.

³ Ibid., Vol. 2, p. 154.

⁴ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 120 — 125

ния попытка ослабевшего правительства, как вопль о помощи. Правительство протягивает руки к Эфиопии, вместо того чтобы Эфиопия протягивала руки к правительству»¹. На заседании правительства было принято предложение опубликовать Прокламацию об освобождении после первой военной победы Севера.

Сьюард не был искренен, когда говорил об одобрении Прокламации Линкольна. Во всяком случае в беседе с русским посланником он утверждал прямо противоположное. Стекло сообщил 13 (25) сентября 1862 г.: «Я видел вчера государственного секретаря и говорил с ним относительно Прокламации президента. Он не хотел высказываться об этом акте. Он только сказал мне: «Это государственный переворот, подождем результата, который он произведет». Он был менее доверчив, чем обычно. Его влияние на президента уменьшилось...»²

Первого военного успеха пришлось ждать довольно долго. После того, вскоре пришло известие о втором Бул-Ране, о новом поражении федератов под Манассасом. Наконец, военное счастье улыбнулось Северу: федеральные войска 17 сентября 1862 г. одержали не очень убедительную, но все же победу в кровавой битве под Антьетамом³. Вслед за этим 22 сентября 1862 г. была опубликована предварительная Прокламация об освобождении рабов.

Президент заявил в Прокламации, что война будет продолжаться до тех пор, пока не будут восстановлены Соединенные Штаты.

Линкольн писал, что он предложит конгрессу принять закон о денежном вознаграждении всех рабовладельцев в тех штатах, население которых не будет находиться в состоянии мятежа против Соединенных Штатов, добровольно согласится на немедленное или постепенное освобождение рабов в пределах своей территории». В Прокламации говорилось, что будут «предприняты усилия для переселения лиц африканского происхождения с их согласия в другие страны Американского континента или за его пределы».

Президент заявлял, что с 1 января 1863 г. «все лица, содержащиеся в качестве рабов в каком-либо штате или определенной части штата, население которого будет находиться в состоянии мятежа против Соединенных Штатов, будут отныне и навсегда свободны». В заключение говорилось, что после окончания войны лояльные рабовладельцы получают компенсацию за понесенные убытки, в частности, в связи с освобождением рабов⁴.

¹ W. Hesselstine (ed.). Op. cit., p. 274.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 376.

³ H. Carman (a.o.). Op. cit., Vol. I, p. 662.

⁴ «Collected Works», Vol. V, p. 433 — 436.

В Прокламации Линкольна было много слабых мест, она была опубликована как военное мероприятие, признавала принцип компенсации лояльных рабовладельцев, предусматривала колонизацию освобожденных рабов. И тем не менее это был акт огромного прогрессивного значения, он был логическим завершением серии законодательных актов, утвержденных Линкольном в 1862 г., знаменовал официальное изменение цели войны. Прокламацией Линкольна федеральное правительство во всеулышание заявляло, что отныне борьба идет не только за восстановление Союза, но и за уничтожение рабства. Говоря словами Сьюарда, это был «государственный переворот», свидетельствовавший о крупнейших социальных сдвигах на Севере. Со стороны Линкольна это был революционный шаг, направленный на скорейший разгром рабовладельцев.

Маркс давал исключительно высокую оценку предварительной Прокламации. Он писал, что это был «важнейший документ американской истории со времени основания Союза, документ, разорвавший старую американскую конституцию... в истории Соединенных Штатов и в истории человечества Линкольн займет место рядом с Вашингтоном!»¹

Стекль отмечал, что в опубликовании Прокламации важную роль сыграли радикалы, их «бурные атаки» на президента².

Народные массы Севера горячо приветствовали Прокламацию Линкольна. Прокламация получила активную поддержку «армии и народа во всех лояльных штатах»³. В честь президента 24 сентября был организован митинг; отвечая на приветствия собравшихся, Линкольн заявил, что провозглашение Прокламации не является ошибкой с его стороны. Эти слова были встречены восторженными криками и заверениями в том, что народ поддерживает президента. Линкольн сказал, что он не рассматривает Прокламацию как свою личную заслугу, что «не следует особенно захваливать одного человека, чтобы не оказаться несправедливым по отношению к другим». Президент добавил, что похвалы должны быть отнесены в первую очередь к солдатам и офицерам, героически сражавшимся на фронтах⁴.

В откликах на Прокламацию отмечалось, что ее опубликование нанесло тягчайший удар рабству: «Относительно последствий Прокламации разногласий не существует. Ее считают смертельным ударом, нанесенным рабству...»⁵

¹ Маркс К. и Энгельс. Ф. Соч., т. 15, с. 570.

² АВВР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 374 — 375.

³ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 172.

⁴ «Collected Works», Vol. VI, p. 437; «New York Daily Tribune», 25. IX 1862.

⁵ «С.-Петербургские ведомости», 11. X. 1862.

Горячее одобрение вызвала Прокламация среди радикалов. Чарлз Самнер, выступая в Бостоне, приветствовал этот документ и призвал «негров-рабов так же, как и свободных», оказать всемерную помощь правительству Линкольна¹.

Прокламация получила повсеместную поддержку в республиканской партии. «Лидеры большей части республиканской партии продемонстрировали верность Линкольна и последовали за ним. Они полностью и с энтузиазмом приняли его освободительную политику и выступили в ее защиту»².

Пресса Севера заявляла, что «Прокламация приветствуется повсюду»³. Этот важный документ был «повсеместно прекрасно принят армиями Союза и лояльными штатами»⁴. Пресса отмечала, что Линкольн пошел на смелый шаг, опубликовав Прокламацию без консультации с членами своего правительства: «Два если не три министра президента выступили бы против опубликования президентской Прокламации об освобождении, если бы с ними заранее проконсультировались»⁵.

Приветствуя Прокламацию об освобождении, общественность Севера заявляла: «Время дебатов прошло, наступило время действовать»⁶. «Президент Соединенных Штатов после 18 месяцев раздумий и обсуждений... решил, что мятеж может быть сокрушен только ударом по причине, вызвавшей его» (по рабству. — *Р. И.*)⁷.

Многочисленные отклики на предварительную Прокламацию об освобождении свидетельствовали о том, что подавляющее большинство населения Севера, в зависимости от своих политических взглядов, или приветствовало этот документ или понимало настоятельную необходимость его опубликования⁸.

Исключительно важное значение имел вопрос о том, как реагировала армия на Прокламацию об освобождении. Отклики, поступившие из действующей армии, свидетельствовали о том, что Прокламацию приветствовали не только солдаты, но и «девять десятых генералов действующей армии»⁹. И только реакционный генералитет встретил ее в штыки. Макклеллан пошел на грубейшее нарушение всех уставных положений, фактически дезавуировал Прокламацию об освобождении, которая была издана Лин-

¹ «Rebellion Record», Vol. 5, Diary of Events, p. 92.

² J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 170.

³ «New York Daily Tribune», 24. IX. 1862.

⁴ W. Hasseltine (ed.). Op. cit., p. 278.

⁵ «New York Daily Tribune», 26. IX. 1862.

⁶ Ibid., 7. X. 1862.

⁷ Ibid., 27. X. 1862.

⁸ Ibid., 23, 24, 27, 29, 30. IX; 7, 8, 13, 25, 27. X. 1862.

⁹ P. Angle and E. Miers (ed.). Op. cit., Vol. I, p. 402.

кольном не только как президентом, но и как главнокомандующим всеми вооруженными силами Союза. Макклеллан заявил, что Прокламация Линкольна ошибочна, и призывал солдат выступить на выборах против правительства и президента¹.

В письмах с фронта говорилось, что подавляющее большинство солдат и офицеров не разделяет взгляды реакционной верхушки генералитета. В одном из таких писем сообщалось, что в дивизии генерала Аберкромба «из 11 полков 10 в большинстве своем, а в действительности почти единодушно, выступают за Прокламацию»².

Об исключительной важности шага, предпринятого Линкольном, свидетельствовала бурная реакция на Прокламацию со стороны мятежной Конфедерации. Ричмондский конгресс принял несколько резолюций, в которых Прокламация характеризовалась как грубейшее нарушение всех «законов цивилизованной войны». Пресса рабовладельцев заявляла, что Линкольн стремится лишить Юг собственности, которая оценивается в 4 млрд. долл., и инспирирует «рабов на восстание, уверяя, что оно получит поддержку всех военных и морских сил Соединенных Штатов». Агентура рабовладельцев на Севере заявляла, что, опубликовав предварительную Прокламацию, Линкольн стремится установить «робеспьеровскую тиранию»⁴.

Опубликовав предварительную Прокламацию об освобождении, Линкольн сделал важный шаг вперед по пути сближения с радикалами и аболиционистами. Эта мера способствовала более четкому размежеванию политических сил на Севере, она сплотила антирабовладельческую коалицию и вместе с тем отбросила в лагерь реакции неустойчивые и колеблющиеся элементы.

Однако опубликование предварительной Прокламации ни в какой мере не означало установление единого фронта между радикалами и Линкольном. Радикалы приветствовали и поддерживали Прокламацию, но они видели все ее недостатки и слабые места, боролись за то, чтобы в Прокламации, которую президент обещал опубликовать 1 января 1863 г., эти недостатки были устранены. Одновременно радикалы широким фронтом вели наступление на неустойчивые и колеблющиеся элементы из окружения Линкольна, держали курс на установление жесткой диктатуры, призванной обеспечить скорейшее уничтожение рабства и полный военный разгром рабовладельцев.

¹ «Official Records», Vol. XXVIII, p. 396.

² «New York Daily Tribune», 25. X. 1862.

³ «Rebellion Record», Vol. 5, Diary of Events, p. 88 — 91.

⁴ F. Klement. Op. cit., p. 16.

В период между опубликованием предварительной и окончательной Прокламаций об освобождении рабов эта борьба являлась важнейшим моментом всей политической жизни северных штатов.

3. Освобождение рабов

Линкольн не мог не испытывать удовлетворения в связи с тем, что предварительная Прокламация повсеместно получила столь высокую положительную оценку. Но президент никогда не обольщался похвалами, расточаемыми в его адрес, всегда сохранял способность трезво оценивать действительное положение вещей. Спустя несколько дней после опубликования Прокламации, Линкольн писал: «...Наряду с похвалой газет и выдающихся деятелей, полностью удовлетворяющих тщеславие автора, налицо уменьшение запасов снабжения, а приток рекрутов замедлился как никогда»¹.

Было очевидно, что Линкольн запоздал с опубликованием Прокламации, что она не удовлетворяла полностью требования народных масс, выступавших против любых отсрочек уничтожения рабства, против любых уступок рабовладельцам.

Отражая эти настроения народных масс, радикалы после опубликования предварительной Прокламации еще более усилили давление на правительство Линкольна. 13 (25) сентября 1862 г. Гетскль сообщал: «Последнее слово республиканской партии, принявшей манеры радикалов и революционеров, — немедленная и безусловная эмансипация и вооружение рабов против их хозяев, конфискация всей собственности мятежников, наконец, установление на Севере системы террора, чтобы заглушить голоса безразличных и колеблющихся, как они называют консерваторов. Президент, всегда нерешительный, не осмеливался ни пойти, ни пойти с ними. Он подписал билль о конфискации, санкционировал многочисленные аресты на Севере и даже в ряде случаев временно прекратил действие закона о неприкосновенности личности. Но он не согласился ввести военное положение во всей стране»².

По мере укрепления своих позиций радикалы все более усиливали влияние на Линкольна. Важнейшим средством воздействия на правительство со стороны радикалов являлась комиссия по ведению войны³. Радикалы настойчиво добивались реоргани-

¹ Сэндберг К. Указ. соч., с. 297.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 372 — 373.

³ A. Nevins. The War for the Union, Vol. I, p. 387.

зации федерального правительства, удаления из его состава реакционных министров. Основной огонь радикалов был направлен против Сьюарда, пользовавшегося большой властью и оказывавшего наиболее заметное влияние на Линкольна¹.

Все попытки радикалов добиться отставки Сьюарда не дали положительного результата. Однако роль Сьюарда как главного советника президента резко уменьшилась, когда Линкольн пошел на сближение с радикалами и аболиционистами. Параллельно с этим из ведения первого министра изымался все более широкий круг вопросов.

Комиссия по ведению войны добилась передачи из госдепартамента в военное министерство вопросов, связанных с деятельностью секретной службы. Жесткий контроль осуществлялся и за деятельностью, непосредственно входившей в круг обязанностей Сьюарда. Комиссия конгресса по иностранным делам, руководимая радикалами, тщательно наблюдала за всеми важнейшими внешнеполитическими мероприятиями, в частности, строго контролировала инструкции послам США в иностранных державах и переписку с ними. Особенно это касалось взаимоотношений Сьюарда с Адамсом, который находился на передовой позиции внешнеполитического фронта, занимая пост посла в Англии.

Радикалы требовали и зачастую добивались от Линкольна расширения прав и полномочий губернаторов и других должностных лиц, придерживавшихся прогрессивных взглядов. Нередко в связи с этими требованиями между президентом и лидерами радикалов происходили резкие столкновения. О многих подобных случаях сообщал в своих донесениях Стеклъ. 13 (25) сентября 1862 г. он писал, что на Западе радикалы создали специальный комитет, который прислал в Вашингтон делегацию, «чтобы потребовать от президента оставить губернатору Иллинойса, ультралибералу Мортону, полное управление военными делами на Западе и передать ему в этой части Союза все полномочия, которыми конституция облекала высших должностных лиц республики.

Встреча делегации с президентом была очень бурной. Когда г-н Линкольн заявил одному из делегатов, что Провидение изменило делу Союза, последний ответил: «Это правительство изменило народу, и Вы дадите ему суровый ответ». Меня уверяли, что эта делегация потребовала от президента подачи в отставку. Все эти комитеты... действуют заодно. Они ловко воспользовались прессы, чтобы распространять свои доктрины и атаковать правительство. Они утверждают, что генералы, поставленные во главе армии, и генерал Макклеллан в особенности, слишком слабы, что

¹ J. Randell. Lincoln the President..., Vol. 2, p. 244.

бы отвечать требованиям момента, и что страну можно спасти, только заменив их более энергичными людьми, т. е. революционерами. Некоторые листки пошли дальше, они угрожали г-ну Линкольну смещением, если он открыто не вступит на путь, начертанный партией ультрарадикалов»¹.

В целом Стеклъ давал правильное описание резкого характера борьбы между радикалами и Линкольном. Лидеры радикалов не стеснялись в выражениях, критикуя недостатки в деятельности президента. Филлипс, выступая 1 августа 1862 г. на одном из митингов, утверждал, что у президента «нет своего мнения. Он не произнес ни одного слова, которое дало бы хоть малейшее представление о его намерениях в вопросе об отмене рабства. Вероятно, он человек честный; однако никого не интересует, честна ли черепаха или нет. У президента нет ни интуиции, ни предвидения, ни решительности»².

Это была резкая и малообъективная характеристика Линкольна. Подобные высказывания можно найти и у других лидеров радикалов. Цель их была одна — подтолкнуть Линкольна на быстрое решение важнейших политических и военных вопросов. Что же касается часто повторявшихся в донесениях Стекла утверждений о том, что радикалы требовали отставки Линкольна, устраивали заговоры с целью его смещения, то они были заимствованы из сомнительных сообщений прессы³ и не подтверждаются изучением источников. Подавляющее большинство радикалов, несмотря на все недостатки Линкольна, видело в нем деятеля, который лучше, чем кто-либо другой, мог сыграть роль руководителя антирабовладельческой коалиции.

В донесениях Стекла содержатся указания на многочисленные факты, свидетельствующие о решительных мерах, осуществившихся радикалами с целью ведения войны революционными методами. 13 (25) сентября он сообщал: «Два десятка главных политических руководителей Нью-Йорка создали постоянный комитет... этот комитет решил вооружить за свой счет 50 тыс. человек и назначить командующим одного из ультрарадикалов генерала Фримонта»⁴.

Радикалы вели ожесточенную борьбу с контрреволюционными силами; в этом ожесточении убедительно проявлялась революционность американских якобинцев, их готовность пойти на крайние средства в борьбе за достижение своих целей вплоть до «сливки народной революции», как заявлял Б. Вейд⁵. 5 (17) ок-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 373 — 374.

² Сэндберг К. Указ. соч., с. 289.

³ W. Nesselstine (ed.). Op. cit., p. 279.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 373.

⁵ «Congressional Globe», 38-th Congress, 2-nd Session, p. 162.

тября 1862 г. Стебль сообщал: «Во время одного митинга, который имел место несколько дней назад в Вашингтоне почти напротив дома президента, г-н Блер — губернатор Мичигана, заявил: «Г-н Линкольн идет с нами. Берегитесь, кто отступает! Мы готовы, если нужно, воспользоваться гильотиной, чтобы заставить следовать за нами». Речи такого же содержания произносятся сейчас и в некоторых других городах и даже в пуританских церквях»¹.

Изменившийся подход Линкольна к вопросу об освобождении рабов заставлял правительство ориентироваться на новых людей при распределении должностей в органах управления и в армии. В марте 1862 г. радикалы добились от Линкольна возвращения в армию Фримонта. Специальным решением президента для Фримонта был создан Горный военный округ, командующим войсками которого он был назначен².

В донесениях Стебля в конце 1862 г. все чаще говорилось о том, что Линкольн идет на сближение с радикалами, пересматривает свою позицию в вопросе об освобождении рабов. 29 октября (10 ноября) 1862 г. русский посланник писал, что президент «слишком подвержен влиянию радикалов... и сильная партия (радикалы. — Р. И.) увлечет его за собой. Я в этом уверен тем более, что он только что сделал важную уступку крайней партии, сместив командующего Потомакской армией генерала Макклеллана»³.

4 ноября 1862 г. состоялись выборы в палату представителей конгресса. Республиканцы одержали победу в большинстве штатов Севера, но потеряли значительное число голосов по сравнению с предыдущими выборами. Самые тяжелые потери были понесены в Нью-Йорке и в штатах Северо-Запада, голосовавших за демократов. Одновременно происходили выборы губернатора Нью-Йорка; на этот пост был избран один из лидеров демократов, Сеймур⁴.

Определяя причины поражения республиканцев в ряде штатов, Маркс писал: «Прежние лидеры демократической партии умело использовали недовольство, вызванное промахами в финансовых делах и несоразмерностями, которые были допущены в военных вопросах»⁵.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 394 — 395.

² «Collected Works», Vol. V, p. 155; Political Recollections by G.W. Julian, 1840 to 1872. Chicago, 1884, p. 229 — 230.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 409.

⁴ G. Milton. Abraham Lincoln and the Fifth Column. New York, 1942, p. 94.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 583.

Маркс указывал также, что на результатах голосования сказались и то, что «большая часть мужчин, пользующихся правом голоса, находится на фронте»¹.

Комментируя итоги выборов, Стеклъ указывал 25 ноября (8 декабря) 1862 г. на недовольство определенных групп населения репрессивными мерами, принятыми правительством Линкольна против прорабовладельческих элементов. «К этим причинам недовольства, — продолжал русский посланник, — добавились убытки в результате обесценения правительственных бумаг, ценность которых уже упала на 35 %, упадок торговли, налоги и прежде всего мобилизация...»².

Демократы усиленно спекулировали на военных трудностях. В том же донесении Стеклъ сообщал: «Руководители демократической партии, пришедшей в упадок, но не совсем, увидели в расположении населения к лицам, поставленным у власти, средство реорганизоваться. Вокруг них сгруппировались консерваторы всех родов... Демократическая партия, уверенная сегодня в своем большинстве в палате ближайшего конгресса, хорошо организована и готова оказать сильную оппозицию правительству»³.

Определяя причины неудачи республиканцев в отдельных штатах во время выборов 1862 г., надо учитывать весь сложный комплекс экономических, политических и военных проблем, которые стояли в это время перед страной. И ни в коей мере нельзя согласиться с теми авторами, которые видят причину этих неудач в опубликовании Линкольном предварительной Прокламации об освобождении рабов. А такая точка зрения нередко встречается среди современных американских историков. М. Краг пишет, например: «Опубликование Прокламации об освобождении было главной причиной поражения республиканцев на ноябрьских выборах 1862 г.»⁴.

Внешне результаты выборов можно было расценивать как ослабление позиций правительства Линкольна, но в действительности они свидетельствовали о важном, если не решающем повороте в политике федерального правительства. Это была первая после начала войны крупная политическая кампания, в которой правительство выступило единым фронтом с радикалами и аболиционистами. Создание этого единого фронта было подготовлено резким изменением соотношения классовых сил на Севере, решительным поворотом народных масс к аболиционизму. И боль-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 584.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 446.

³ Там же.

⁴ М. Krug. The Republican Party and the Emancipation Proclamation. — «Journal of Negro History», 1963, Vol. 48, № 2, p. 99.

шая заслуга Линкольна заключалась в том, что он правильно понял настроения и требования народных масс, перестроил политику своего правительства с учетом интересов и требований народа. В истории гражданской войны это было событие исключительно большого значения, а частичные поражения, понесенные фронтом республиканцев и аболиционистов на выборах, в огромной степени компенсировались тем, что выборы 1862 г. явились важным шагом в сплочении антирабовладельческой коалиции.

Подводя итоги выборам 1862 г., Маркс писал: «Если бы Линкольн в то время (выборы 1860 г. — *Р. И.*) выдвинул в качестве боевого лозунга *освобождение рабов*, он бы, безусловно, потерпел фиаско. Подобная идея решительно отвергалась.

Совершенно иначе обстояло дело на только что закончившихся выборах. Республиканцы выступили заодно с аболиционистами. Они решительно высказались за немедленное освобождение рабов... аболиционисты... сейчас тождественны республиканцам...»¹

В донесениях Стекля также фактически признавалось, что на Севере произошла резкая поляризация классовых сил, что республиканцы и аболиционисты выступили на выборах 1862 г. единым фронтом. 29 октября (10 ноября) русский посланник сообщал: «Две программы, за которые должна была проголосовать страна, были следующие: республиканская партия требовала прекращения Юга и беспощадной войны, не оставляя никаких шансов для возможности мирного разрешения ее, наконец, требовала войны рабов. Демократическая партия также требует продолжения войны, но она рассматривает это как печальную необходимость и хочет, чтобы война велась со всеми возможными предосторожностями. Она отказалась от восстания рабов и чрезвычайно опасалась ужасных последствий немедленного освобождения»².

Линкольн не был обескуражен результатами выборов, он заявил, что эти результаты явились в какой-то мере неожиданными, но он «считает триумф эмансипации в Миссури более важным, чем поражение республиканцев в Пенсильвании, Огайо и Нью-Йорке». Комментируя это заявление президента, «Нью-Йорк дейли трибюн» писала: «Линкольн в данном случае говорит как философ, и будущее докажет справедливость его оценки»³.

Прорабовладельческая пресса Севера расценивала результаты выборов 1862 г. как «одну из величайших революций в мировой

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 584 — 585.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 407.

³ «New York Daily Tribune», 24. XI. 1862.

истории»¹. Подобные оценки совершенно не соответствовали действительности.

Русская пресса, комментируя итоги выборов, писала: «Г-н Линкольн хорошо сделал, что не придал выборам, происходившим в северных штатах, преувеличенной важности... По всей вероятности, правительство г. Линкольна вступает в фазис твердости и энергии, составляющей единственное средство вновь приобрести общественное доверие и уважение»².

Реакционные силы Севера надеялись, что результаты выборов 1862 г. заставят Линкольна отказаться от Прокламации об освобождении. Но этим надеждам не суждено было оправдаться. Результаты выборов еще больше укрепили решимость Линкольна добиться освобождения рабов. «Нью-Йорк дейли трибюн» писал: «Те, кто предполагает, что президент будет напуган... изменит политику, провозглашенную в Прокламации об освобождении, глубоко ошибаются в оценке характера Авраама Линкольна и будут жестоко разочарованы. В прямых доказательствах этого нет необходимости. Вчера в ходе беседы с несколькими близкими друзьями президент ясно заявил, как информировал нас один из присутствующих там джентльменов, что его точка зрения на этот важный вопрос никоим образом не изменилась в результате недавних выборов»³.

В беседе с делегацией штата Кентукки, происходившей вскоре после выборов, Линкольн сказал, «что он скорее умрет, чем изменит обратно хотя бы одно слово из Прокламации об освобождении»⁴.

Непоколебимая позиция Линкольна в этом вопросе определялась в первую очередь тем, что он опирался на поддержку масс и радикалов. К концу 1862 г. радикалы «установили полный контроль над федеральным правительством»⁵. Основным орудием, с помощью которого проводилась политика радикалов, был конгресс, где они занимали все важнейшие руководящие посты. Все главные комиссии палаты, сената и объединенные комиссии обеих палат находились под полным контролем радикалов. Объединенную комиссию конгресса по ведению войны возглавлял Уэйд, комиссию сената по иностранным делам — Самнер, комиссию палаты представителей, ведавшую финансовыми вопросами, —

¹ F. Klement. Op. cit., p. 38.

² «С.-Петербургские ведомости», 21. XI. 1862.

³ «New York Daily Tribune», 22. XI. 1862.

⁴ Ibid., 24. XI. 1862.

⁵ W. Warde. The American Civil War: its Place in History. — «International Socialist Review». New York, 1961, Vol. 22, № 2, p. 50.

Стивенс, комиссию сената по военным делам — Уилсон, комиссию по общественным землям — Джулиан.

Следует подчеркнуть, что во время президентства Линкольна неизмеримо возросла роль конгресса, которая поднялась на такую высоту, которой она, пожалуй, не достигала никогда ранее. Это является одним из самых убедительных опровержений обвинения Линкольна со стороны реакционеров в том, что он якобы присвоил себе диктаторские полномочия. Линкольн был убежденным сторонником демократических форм управления (в рамках буржуазной демократии), рассматривал конгресс в качестве выразителя воли избирателей и соответствующим образом относился к нему.

Руководящая роль радикалов в конгрессе позволила им превратить высший законодательный орган страны в орудие своей диктатуры, и к концу 1862 г. власть оказалась фактически в руках радикалов. Этот момент неоднократно подчеркивал в своих донесениях русский посланник. 5 (17) октября 1862 г. Стекло сообщал, что радикалы «держат буквально всю власть в своих руках»¹. И с каждым днем эта власть все более усиливалась. 29 октября (10 ноября) 1862 г. Стекло вновь пишет о «радикалах, которые держат в своих руках власть и действуют смело. Результат народного голосования (выборы 1862 г. — *Р. И.*) их не смутил»².

Опубликование предварительной Прокламации об освобождении и сближение Линкольна с радикалами открывали благоприятные перспективы, которые должны были оказать влияние на весь ход гражданской войны. Но это был вопрос будущего. Положение на фронте продолжало оставаться напряженным, а в декабре 1862 г. федеральная армия потерпела новое серьезное поражение в битве под Фредериксбергом, где людские потери Севера составили 12 653 человека против 5309 человек, потерянных мятежниками³.

Линкольн тяжело переживал эту новую неудачу федеральной армии. После поражения под Фредериксбергом, по свидетельству одного очевидца, он сказал: «Если есть место хуже ада, то я на этом месте»⁴. Но Линкольн умел в нужный момент морально поддержать солдат и офицеров, заставить их забыть о неудачах и поражениях, вселить веру в торжество дела, за которое они сражались. В прокламации к армии по случаю сражения при Фредериксберге президент отметил храбрость, с которой сражались

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 394.

² Там же, л. 411.

³ J. Rhodes. History of the United States..., Vol. IV, p. 251.

⁴ C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. I, p. 511.

солдаты и офицеры, и квалифицировал поражение как «чистую случайность». Линкольн заявил, что вооруженные силы Севера «обладают всеми качествами великой армии», и это «обеспечит победу делу страны и народного правительства»¹.

Огромного внимания и колоссального нервного напряжения требовали от президента внутриправительственные дела. В конце 1862 г. радикалы предприняли новую отчаянную атаку на Сьюарда, добиваясь его смещения. Стеклъ сообщал 29 октября (10 ноября) 1862 г.: «Сьюард и генерал Макклеллан оба представляют принципы умеренности и консерватизма, они являются предметом неминовости радикалов. Последние не пощадят ничего, чтобы уронить их в глазах президента и удалить от власти»². Вполне естественно, что в период роста влияния и авторитета радикалов они, добившись смещения Макклеллана, сосредоточили весь огонь против Сьюарда.

В декабре 1862 г. группа наиболее влиятельных радикалов — Самнер, Трамбл, Уэйд, Фессенден, Коламер, Граймс, Гарис, Помрой и Гоуард посетили Линкольна. От имени фракции радикалов в конгрессе они потребовали отставки Сьюарда, которому пришлось пустить в ход все свое дипломатическое искусство, инсценировать свою собственную отставку, мобилизовать влиятельных друзей, чтобы удержаться у власти. Очередная попытка радикалов добиться смещения Сьюарда не увенчалась успехом³.

Большое внимание президент по-прежнему уделял военным делам. Изучение обширной переписки Линкольна по военным вопросам свидетельствует о том, что он хорошо разбирался в тактических и стратегических вопросах гражданской войны. 22 декабря 1862 г. в ответе У. Франклину и У. Оми́ту, приславшим ему свой план операции на Потомаке, президент, внимательно рассмотрев их предложения, писал, что «необходимо оставить большую часть армии на линии или возле линии Фредериксберга для защиты Вашингтона». Это было правильное указание, учитывавшее обстановку, сложившуюся на центральном участке фронта. В этом ответе Линкольна вновь убедительно проявилась его скромность. Президент не переоценивал своих военных способностей, он писал, что, отвечая авторам письма, проконсультировался с военными специалистами⁴.

Однако военные вопросы, внутриправительственные дела,

¹ «Collected Works», Vol. VI, p. 13.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 52, л. 409.

³ J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 461 — 463; B. Butler. Butler's Book. Boston, 1892, p. 536 — 537.

⁴ «Collected Works», Vol. VI, p. 511.

взаимоотношения с конгрессом — все отходило на второй план в деятельности Линкольна. Основное внимание было уделено главному, решающему вопросу войны — рабству. Об этом наглядно свидетельствовало послание президента конгрессу от 1 декабря 1862 г.¹ Ни в одном послании президента не уделялось столько внимания вопросу о рабстве, как в этом документе. Линкольн заявлял, что рабство являлось единственной причиной мятежа: «Если бы не было рабства, никогда бы не произошел мятеж, после отмены рабства мятеж не сможет продолжаться».

Президент решительно выступил против утверждений, что освобождение рабов приведет к понижению заработной платы белых рабочих, увеличит число безработных. Линкольн заявлял: «Если они (освобожденные рабы. — *Р. И.*) останутся на своих старых местах, они не будут вытеснять белых рабочих. Если они покинут свои места, они оставят их свободными для белых рабочих... Освобождение, даже без депортации (бывших рабов. *Р. И.*), вероятно, увеличит плату белых рабочих и совершенно очевидно, что оно не понизит ее».

В декабрьском послании президента ярко проявилось понимание того, что в условиях гражданской войны законы и традиции мирного времени не годятся для регулирования резко изменившихся социальных и политических условий. Это был большой шаг вперед по сравнению с первыми месяцами войны, когда Линкольн, по характеристике Маркса, «человек юридически осторожный, ищущий примирения на почве конституции»², слишком скрупулезно придерживался буквы законов мирного времени. Теперь президент заявлял: «Догмы мирного прошлого не годятся для бурного настоящего. Положение исключительно трудное, и мы должны подняться до требований момента. Мы находимся в новых условиях и поэтому должны думать и поступать по-новому. Мы должны освободить себя (от догм мирного прошлого. — *Р. И.*), и тогда мы спасем свою страну... Давая свободу рабам, мы обеспечиваем свободу свободных людей».

В послании констатировалось, что имеются самые различные точки зрения по вопросу об освобождении рабов: «Некоторые увековечили бы рабство, некоторые немедленно уничтожили бы его без компенсации; некоторые удалили бы освобожденных рабов; некоторые оставили бы их среди нас». Линкольн заявлял, что надо выработать какую-то компромиссную точку зрения: «Это будет компромисс, но компромисс друзей, а не врагов Союза». И президент вновь возвращался к идее колонизации негров и

¹ «Collected Works», Vol. VI, p. 518 — 536.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 547.

предложил выплатить компенсацию рабовладельцам, которые до 1 января 1863 г. освободят своих рабов. Линкольн подчеркивал, что переселение негров можно было осуществлять только с их добровольного согласия. Очевидно, на президента оказали определенное влияние массовые протесты негритянского населения и abolitionистов. В своем послании президент решительно выступил против тех, кто считал, что колонизация необходима, потому что освободившиеся рабы расселятся среди белых и это приведет к резким и многочисленным конфликтам. Линкольн заявлял: «Только один цветной придется на семь белых, если освобожденных поровну распределить по всей стране. Может ли один каким-либо образом доставить серьезное беспокойство семи? Есть много общин, в которых имеется больше одного свободного цветного на семь белых, и от этого нет никаких несчастий».

Президент подчеркивал настоятельную необходимость скорейшего уничтожения рабства: «Предлагаемое освобождение сократит сроки войны, увековечит мир, обеспечит рост населения и соответственно благосостояние страны».

В заключительных словах послания подчеркивалось, что страна переживает ответственный момент своей истории: «Соотечественники! Мы, члены конгресса и правительства, не можем уйти от истории, независимо от нашего желания о нас будут помнить. Ни личное значение, ни ничтожность каждого из нас не смогут нас выручить. Мы подвергаемся испытанию огнем, пламя которого осветит для будущих поколений наши благородные или бесчестные дела».

Линкольн предпринял еще одну попытку, на этот раз последнюю, убедить рабовладельцев пойти на добровольное освобождение рабов. Но эта попытка заранее была обречена на неудачу: рабовладельцы не хотели, да и не могли пойти на освобождение рабов. Для них это было равносильно добровольному согласию на свое собственное уничтожение как класса. Подобного прецедента не было в истории, это противоречило всем законам классовой борьбы. Оставался один-единственный путь — освобождение рабов силой оружия, разрешение «неотвратимого конфликта» путем полного военного разгрома мятежных рабовладельцев.

Комментируя послание Линкольна конгрессу, Стеклъ сообщил 26 ноября (8 декабря) 1862 г.: «Большая часть послания погнута обсуждению вопроса о рабстве». Изложив суть предложений президента, русский посланник писал: «Много ли сторонников встретил проект президента? Радикалы, которые желают немедленного и безусловного разрешения проблемы рабства, недовольны этим предложением, и маловероятно, что конгресс примет им серьезно». Приведя из послания слова Линкольна: «Данные предложения не должны отбрасывать последствий моей Про-

кламации от 22 сентября этого года, касающейся непосредственно эмансипации», Стеклъ приходил к выводу: «Иными словами, это означает отчаянную борьбу и войну рабов»¹.

Приближался новый, 1863 год. Вся страна с напряженным вниманием ждала окончательного решения вопроса об освобождении рабов. Оставались считанные дни до этого знаменательного события, когда в канун Нового года с фронта пришло сообщение о сражении при Марфрисборо, штат Теннесси, одной из самых кровопролитных битв с начала войны. Федеральная армия под командованием Розенкранца насчитывала 41 тыс. человек, армии мятежников, которой командовал Брэгг, — 34 тыс. человек. Кровавое побоище длилось несколько дней, его не могли остановить ни дождь, ни туман, ни размокшие от дождя и снега дороги. Трудно было определить победителя и побежденного в этой битве, достоверно известно было только то, что потери и той и другой стороны были огромны. Каждый четвертый солдат, участвовавший в сражении, был убит, ранен или взят в плен. Потери Севера достигали почти 13 тыс. человек, мятежники потеряли около 12 тыс. солдат и офицеров. В этом сражении отличился молодой ирландец Фил Шеридан, который стал вскоре одним из известных генералов Севера².

Велики были потери союзной армии в битве при Марфрисборо, но не менее значительны были и потери мятежников. Линкольн неоднократно говорил, что, если бы в каждом сражении потери Севера и Юга были приблизительно равны, мятежная Конфедерация была бы вскоре обескровлена и вынуждена капитулировать. Линкольн расценивал сражение при Марфрисборо как успех дела Союза и телеграфировал Розенкранцу: «Примите благодарность нации и передайте ее всем солдатам за их умелые действия, выносливость, героизм и отвагу»³.

Кровавая битва в канун Нового года была еще одним доказательством того, что борьба с мятежниками будет длительной и кровопролитной, это был еще один аргумент за освобождение рабов и призыв негров в армию.

Сторонники освобождения негров не были уверены, что Линкольн опубликует 1 января 1863 г. Прокламацию об освобождении рабов. Г. Вильямс писал Самнеру 19 декабря 1862 г., что Сьюард и лояльные рабовладельцы пограничных штатов все еще оказывают большое влияние на президента и это не может не вызывать беспокойства. 18 декабря 1862 г. Д. Форбс в письме к Сам-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 451 — 452.

² В. Thomas. Op. cit., p. 364.

³ «Collected Works», Vol. VI, p. 39.

неру высказывал подобные же опасения и добавлял, что приближается Новый год, но нет никаких свидетельств того, что проводятся какие-либо меры с целью подготовки освобождения рабов¹.

Самнер не разделял их опасений. Лидер радикалов писал о Линкольне: «Он будет стоять прочно. Он заявил мне, что его трудно сдвинуть с позиции, однажды занятой им». В другом письме Самнер заявлял: «Президент говорит, что он не приостановил бы опубликование Прокламации, если бы мог, и он не смог бы это сделать, если бы хотел...»²

Аналогичную точку зрения высказывал и Фредерик Дуглас. Он выступил с заявлением, которое во многом напоминало оценку Линкольна К. Марксом. «Авраам Линкольн, — говорил Дуглас, — возможно, медлителен... но Авраам Линкольн не из тех людей, которые пересматривают, отвергают или опровергают слова и цели, торжественно провозглашенные и официально скрепленные его подписью... Нет! Авраам Линкольн не сделает шага назад»³.

30 декабря члены правительства получили копии текста Прокламации об освобождении, а на следующий день Линкольн созвал заседание правительства, внимательно выслушал замечания и предложения министров и тщательно отредактировал текст Прокламации. Он стремился, чтобы каждая фраза, каждое слово этого документа были написаны четко и ясно.

Утром в день Нового года в Белом доме состоялся традиционный новогодний прием. Президент принимал членов дипломатического корпуса, чиновников и генералов, бизнесменов и журналистов. Три часа длилась торжественная церемония, а мысли Линкольна были заняты Прокламацией, важнейшим историческим актом, который он должен был сегодня совершить⁴.

Во второй половине дня президент подписал Прокламацию об освобождении рабов. Линкольн придавал огромное значение этому документу. Прежде чем подписать Прокламацию, он сказал, что никогда в своей жизни никакой другой документ он не подписывал с такой уверенностью и чувством, что делает правое дело. «С девяти часов утра, — говорил Линкольн, — я принимал посетителей, и мне все время пожимали руку; она у меня почти парализована... А ведь мою подпись будут внимательно рассматривать, и если увидят, что рука дрожала, то могут сказать: «У него были какие-то колебания»⁵.

¹ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 167.

² Ibidem.

³ Ph. Foner (ed.). Fr. Douglass. Selections..., p. 34.

⁴ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 429.

⁵ F. Carpenter. Six Months at the White House with Abraham Lincoln. New York, 1867, p. 269.

Президент неторопливо, аккуратно поставил свою подпись: «Авраам Линкольн». Прокламация об освобождении рабов получила силу закона. Это был немногословный документ, сжато, четко, пожалуй, даже чуть суховаго президент излагал причины опубликования Прокламации и ее цели: «Я, Авраам Линкольн, президент Соединенных Штатов, на основании власти, предоставленной мне как главнокомандующему армией и флотом Соединенных Штатов, объявляю в соответствии с моими намерениями, публично изложенными сто дней назад, следующие штаты находящимися в состоянии вооруженного мятежа: Арканзас, Техас, Луизиану (за исключением округа Новый Орлеан), Миссисипи, Алабаму, Флориду, Джорджию, Южную Каролину, Северную Каролину и Виргинию (за исключением 55 графств западной Виргинии). В силу вышеупомянутой принадлежащей мне власти для достижения указанной цели я объявляю, что рабы всех перечисленных штатов и частей штатов освобождаются и должны считаться свободными. Исполнительная власть Соединенных Штатов, включая военные и военно-морские власти, должна признавать указанных лиц свободными и защищать их свободу. Я предписываю лицам, объявленным свободными, воздерживаться от всяких насилий за исключением вынужденной самообороны и рекомендую им честно работать, где можно будет, на соответствующее вознаграждение».

В Прокламации говорилось также о призыве негров на военную службу: «Далее я объявляю и делаю достоянием гласности, что освобожденные рабы, отвечающие соответствующим требованиям, будут приняты в вооруженные силы Соединенных Штатов... и в качестве матросов на все военно-морские суда».

Заключительная часть Прокламации гласила: «Искренне веря, что этот закон справедлив, соответствует конституции и вызывается военной необходимостью, я выношу его на беспристрастный суд человечества»¹.

Прокламация об освобождении была важнейшим политическим документом гражданской войны, она разрешила основную проблему, которая вызвала эту войну и вокруг которой на протяжении всей войны шла ожесточенная борьба и на фронте, и в тылу, — Прокламация провозглашала уничтожение рабства.

Слабым местом Прокламации Линкольна являлось то, что она не распространялась на пограничные штаты, где было около 1 млн. рабов, не объявляла о конфискации и разделе среди негров и белых бедняков латифундий, которые составляли наряду с раба

¹ «Collected Works», Vol. VI, p. 28 — 30.

ми основу экономического господства плантаторов. Прокламация не предоставляла освобожденным рабам гражданских и политических прав, освобождение мотивировалось только военной необходимостью.

Фредерик Дуглас, критикуя недостатки Прокламации Линкольна, заявлял: «В истории нет ни одного примера, когда условия освобождения были бы столь неблагоприятны для освобожденного класса»¹. Несмотря на все свои недостатки, Прокламация имела огромное революционное значение не только для негров, но и для всего американского народа. С появления первых рабов на Североамериканском континенте началась борьба за уничтожение рабства, в ней участвовали лучшие представители американского народа — и негры, и белые. Эта борьба стоила огромных жертв, рабство породило гражданскую войну, в которой погибли сотни тысяч людей и были уничтожены огромные материальные ценности, борьба против рабства поставила под угрозу само существование Союза. Провозглашение уничтожения рабства подводило итог более чем двухвековой борьбе за освобождение рабов, явилось важнейшим поворотным пунктом в гражданской войне и крупнейшим событием в истории американского народа.

Величайшая историческая заслуга Линкольна заключалась в том, что он прислушался к голосу народных масс, преодолел колебания и сомнения, игнорировал мнение влиятельных прорабладельческих кругов Севера, отказался от своих планов постепенного освобождения негров с выплатой компенсации рабовладельцам и стал на путь революционного уничтожения рабства на основе конфискации.

Линкольн никогда не был склонен к тому, чтобы преувеличить значение своей деятельности. Давая оценку предварительной Прокламации об освобождении рабов, Маркс писал, что у Линкольна не было «никакого позирования, никаких исторических драпировок... Нерешительно, против воли, нехотя исполняет он бравадную арию своей роли, как будто прося извинения за то, что обстоятельства принуждают его «быть героем»².

Такой человек, как Линкольн, мог дать объективную оценку своим действиям, и можно полностью присоединиться к его словам, когда после подписания Прокламации об освобождении Линкольн сказал: «Если мое имя когда-нибудь попадет в историю, то за этот акт, и в нем — вся моя душа»³. И Линкольн действительно вошел в историю. «Опубликование этого исторического

¹ Ph. Foner (ed.). Fr. Douglass. Selections..., p. 83.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 570.

³ W. Holden. Abraham Lincoln. Harrogate, 1944, p. 20.

документа выдвинуло Линкольна на почетное место в ряду великих людей мира»¹.

В Прокламации говорилось, что освобождение проводится как мера военной необходимости. Бесспорно, что в принятии этой меры важную роль сыграли военные соображения: освобождение рабов и призыв негров в армию серьезно укрепляли вооруженные силы Севера. Но решающим фактором, заставившим Линкольна пойти на уничтожение рабства, было давление народных масс, активная борьба трудящихся Севера, белых и негров, за переход к революционным методам ведения войны.

Отклики на Прокламацию об освобождении свидетельствовали о том, что рабовладению был нанесен сокрушительный удар. Об этом говорила бурная реакция на Прокламацию мятежных рабовладельцев и их сторонников на Севере. Отклики на этот исторический акт Линкольна свидетельствовали и о том, что противники освобождения рабов широко использовали недостатки Прокламации с целью дискредитации ее автора и самой идеи освобождения.

Эта линия ярко проявлялась в оценках, которые давал Прокламации русский посланник. 24 декабря 1862 г. (5 января 1863 г.) Стеклъ сообщал: «Если бы эмансипация была всеобщей, мир по крайней мере увидел бы в ней триумф великого принципа свободы личности, но в Прокламации президента невозможно открыть ни малейшего гуманного побуждения. Г-н Линкольн поддерживает рабство в одной части Союза, так как это в его интересах, и уничтожает его в южных штатах в надежде возбудить там войну рабов. На Севере Прокламация президента послужит более резкому разграничению республиканцев и демократов. Наконец, на Юге угроза вызвать войну (рабов. — *Р. И.*) будет иметь своим результатом еще большее возбуждение народных страстей...»²

Север встретил Прокламацию Линкольна бурными манифестациями. В Бостоне, Питсберге, Буффало и в других городах гремели салюты в честь освобождения рабов. Пресса сообщала, что многие штаты приветствовали Прокламацию орудийными залпами³. Это была убедительная демонстрация активной поддержки Прокламации Линкольна широкими народными массами Севера. Большая аболиционистская манифестация была проведена в Рочестере, штат Нью-Йорк, чтобы «отпраздновать великое событие Нового года — освобождение 3 миллионов рабов». Участники митинга приветствовали Прокламацию Линкольна исполнением песни о Джоне Брауне. Торжества в честь Прокламации об освобождении были «необычно велики для этого города, а отклики в

¹ Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 334.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 50 — 51.

³ «Rebellion Record», Vol. 6, Diary of Events, p. 30.

поддержку новой освободительной политики искренни и восторженны»¹.

Крупные митинги в поддержку Прокламации об освобождении были организованы в Цинциннати (Огайо), Разельвиле (Кентукки), Нашвилле (Теннесси), Индианаполисе (Индиана). На митингах выступали губернатор Индианы Райт, губернатор Теннесси Джонсон, генерал С. Кэри и другие известные политические и военные деятели. В Бостоне 1 января на протяжении всего дня, с утра и до вечера, непрерывно проходили митинги².

Восторженно встретили Прокламацию рабочие Севера. Газета рабочих Нью-Йорка «Айрон платформ» подчеркивала, что освобождение рабов полностью соответствует интересам рабочих: «Рабство черного человека ведет к рабству белого»³. С аналогичными заявлениями выступили многие печатные органы рабочих⁴.

Огромный интерес, проявленный к Прокламации об освобождении, явился свидетельством важности меры, предпринятой президентом. Отклики на Прокламацию говорили о том, что «эдикт Линкольна нанес рабству страшный удар, смертельную рану»⁵.

Широкий отклик Прокламация об освобождении вызвала на территории Конфедерации, освобожденной федеральными войсками, в частности в штате Теннесси⁶.

С огромным энтузиазмом восприняло Прокламацию негритянское население Севера: «весь негритянский народ приветствовал ее»⁷. Участники митингов, созданных неграми, заявляли, что негры приветствуют Прокламацию и готовы выступить с оружием в руках на защиту своей свободы и единства страны. Один из наиболее крупных негритянских митингов был созван 31 декабря 1862 г. в Бостоне⁸.

Многочисленные митинги состоялись в церквах Филадельфии, где негры «изъявляли благодарность (Линкольну. — Р. И.) и распевали гимны... великому эдикту свободы»⁹. В Норфолке

¹ «New York Daily Tribune», 7. I. 1863.

² «Rebellion Record», Vol. 6, Diary of Events, p. 30, 48, 50.

³ H. Aptheker. Emancipation Proclamation. — «Political Affairs», January 1963, p. 18.

⁴ B. Mandell. Op. cit., p. 200 — 201.

⁵ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 437.

⁶ «Official Records», Ser. I, Vol. XVI, Pt. II, p. 909 — 911; Vol. XX, Pt. II, p. 137, 171.

⁷ H. Aptheker. Emancipation Proclamation. — «Political Affairs», January 1963, p. 18.

⁸ H. Aptheker (ed.). A Documental History..., p. 476.

⁹ «New York Daily Tribune», 17. I. 1863.

(Виргиния) 1 января в торжествах, посвященных освобождению, приняло участие все негритянское население. 4 тыс. демонстрантов с оркестром и флагами США прошли через весь город. В Бьюффорте (Южная Каролина) освобожденные рабы направились в 1-й цветной полк Южной Каролины. К прибывшим неграм обратился с речью генерал Секстой, полковник Хиггинсон и другие офицеры¹.

Восторженно приветствовал освобождение негров Фредерик Дуглас. Трибун негров заявлял: «Мы кричим от радости, что дожили до того дня, когда можем провозгласить этот справедливый декрет... О, миллионы поработенных людей, чьи крики потрясли небо и воздух, вам недолго осталось страдать, час вашего освобождения близок. О, миллионы свободных и лояльных людей, страстно желающие освободить свою кровотокающую страну... с освобождением рабов мир и спокойствие воцарятся в вашей стране»².

Дуглас называл Прокламацию «величайшим событием американской истории», «наиболее важным событием века». Приветствуя Прокламацию и отдавая должное ее автору, Дуглас подчеркивал, что не Линкольн дал свободу неграм, что освобождение было завоевано народом: «Мы были спасены не Линкольном, а той силой позади трона, которая более значительна, чем сам трон. Вы, я — все мы сделали это дело»³. В другом выступлении Дуглас заявлял: «Линкольн не предоставил свободы поработенным до тех пор, пока этого не потребовала безопасность его правительства... Освобождение было обязано непреодолимой логике событий»⁴.

Массовые манифестации продолжались на Севере несколько месяцев. Большой митинг в поддержку Прокламации Линкольна состоялся 26 марта 1863 г. в Буффало (Нью-Йорк). В единодушно принятой резолюции участники митинга заявляли о своей поддержке федерального правительства и подчеркивали, что мир с мятежниками можно было заключить только при условии их капитуляции. Легислатура Мейна приняла резолюцию в поддержку Прокламации, приветствовала призыв негров в вооруженные силы Союза и выступила против всех попыток компромисса с мятежниками⁵. Аналогичные решения были приняты легислатурами других штатов.

¹ «Rebellion Record», Vol. 6, Diary of Events, p. 30.

² Ph. Foner (ed.). The Life and Writings of Frederick Douglass, Vol. III, p. 273.

³ Ibid., p. 385.

⁴ F. Holland. F. Douglass. The Colored Orator. New York, 1893, p. 320.

⁵ «Rebellion Record», Vol. 6, Diary of Events, p. 57.

Отношение радикалов к Прокламации Линкольна было двойственным: они приветствовали и поддерживали ее как важный шаг правительства влево, но вместе с тем критиковали ее недостатки и добивались последовательного проведения в жизнь политики освобождения рабов. Радикалы заявляли, что после опубликования Прокламации об освобождении осуществление ее и руководство всеми государственными и военными делами должно перейти к убежденным сторонникам освобождения рабов. Эту точку зрения отражал Филлипс, который, выступая в Нью-Йорке, говорил, что Прокламация — «важный шаг в жизни нации, еще одно усилие нации сократить агонию гражданской войны». Филлипс говорил, что «долг каждого гражданина, предпочитающего организационный аппарат правительства анархии, — поддерживать президента». Но в правительстве, говорил Филлипс, есть не только Линкольн, но и такие деятели, как Сьюард. Филлипс призывал своих слушателей не успокаиваться на том, что Прокламация опубликована, а помнить, что борьба впереди, что конгресс, который соберется 4 марта 1863 г., «изменит свой состав, так как в значительной степени будет состоять из демократов»¹.

Радикалы высказывали серьезные опасения, что осуществление политики освобождения рабов будет поручено консервативным элементам. Один из радикалов заявлял: «Преобладает мнение, что Линкольн разрешит Сьюарду, Вуду и представителям порабощенных штатов диктовать военную политику»².

Отклики прессы на Прокламацию Линкольна определялись политической окраской той или иной газеты. 24 декабря 1862 г. (1 января 1863 г.) *Стекль* сообщал: «Крайние газеты республиканской партии холодно встретили Прокламацию президента. Менее радикальные газеты той же партии одобряют ее, признавая ее в то же время непрактичной»³.

«Нью-Йорк дейли трибюн» положительно оценивала Прокламацию: «Наконец-то мы получили долго ожидавшийся рескрипт президента Соединенных Штатов... Достоинство рабов унижено продолжительным порабощением, они невежественны и полностью находятся во власти своих угнетателей. Но они все же человеческие существа и любят свободу... Прокламация превратит их в активных, неусыпных врагов мятежных рабовладельцев, мы полагаем, что Прокламация нанесет удар по гордыне рабовладельцев и преуменьшит их силу. Мы считаем, что Прокламация — огромный шаг к восстановлению Союза». «Нью-Йорк

¹ «New York Daily Tribune», 22. I. 1863.

² T. Williams. Op. cit., p. 218.

³ АВР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 51.

дейли трибюн» заявляла, что освобождение рабов спасет «страну от анархии и опустошения, восстановит единство и мир»¹.

На Севере высказывались серьезные опасения в связи с тем, что Прокламация не провозгласила повсеместного освобождения рабов, что бывшие рабы не получили экономической независимости, «под видом опекуинства... рабство может быть восстановлено в измененной форме»².

Большое положительное значение Прокламации доказывалось тем, что реакционные круги Севера встретили ее в штыки. Одна из газет «медянок», издававшаяся в Огайо, называла автора Прокламации «тираном и узурпатором». Спекулируя на стремлении народных масс к скорейшему окончанию войны, газета заявляла, что вину за затянувшуюся войну несут «аболиционистские члены палаты представителей, отвергшие все предложения о компромиссе». Орган «медянок» недвусмысленно призывал к открытому сопротивлению правительству³.

Пресса демократов стремилась доказать, что Прокламация Линкольна противоречит конституции, не вызывается ни военной, ни какой-либо другой необходимостью, что ее опубликование ожесточит мятежников и приведет к затягиванию гражданской войны. Взбадривая себя ложным оптимизмом, прорабовладельческие газеты пророчили провал Прокламации и крах политики радикальных республиканцев. Главный орган консервативной буржуазии газета «Нью-Йорк геральд» заявляла, что Прокламация — «пуля, выпущенная в комету, последняя карта, на которую «якобинцы аболиционизма» поставили все свои шансы, но которая, по всей вероятности, будет бита»⁴.

Прорабовладельческие круги Севера требовали отменить Прокламацию об освобождении. В связи с этим в республиканской прессе часто появлялись письма читателей, в которых говорилось, что «президент ни по каким причинам не может быть оправдан, если он отменит свою Прокламацию». В этом же письме говорилось: «Прокламация от 1 января — наиболее важное решение, в продолжение трех поколений, которое было скреплено печатью правительства. Если это решение будет нарушено, что произойдет с верой народа в правительство? Кто будет прислушиваться после этого к голосу правительства?»⁵

Реакционные силы Севера перешли в развернутое наступле-

¹ «New York Daily Tribune», 3. I. 1863.

² «Official Records», Ser. III, Vol. IV, p. 381.

³ «New York Daily Tribune», 21. I. 1863.

⁴ Цит. по: «С.-Петербургские ведомости», 28. I. 1863.

⁵ «New York Daily Tribune», 17. III. 1863.

ние на Прокламацию Линкольна. В этом наступлении участвовали пресса демократов, прорабовладельческая буржуазия, реакционные круги армии. Важная роль в этой политической кампании принадлежала легальной агентуре рабовладельцев, «мирным» демократам.

Демократы — члены конгресса резко выступали против освобождения рабов и допуска негров в федеральную армию. «Они заявили, что это аболиционистская война, и поэтому мы должны сложить оружие и пойти на компромисс с мятежниками»¹. Демократ от штата Огайо Уайт выступая в палате представителей, заявил: «Прокламация президента — проявление диктаторства, она не могла быть издана до тех пор, пока исполнительная власть не попирает ногами конституцию и не водрузила корону на свою голову»².

Пресса демократов открыто призывала солдат Севера не воевать за освобождение рабов. Обращаясь к солдатам Севера, одна из газет демократов заявляла: «Вы понимаете, что война ведется за освобождение рабов и за то, чтобы дать возможность авантюристам грабить и делать деньги, используя вашу службу в качестве солдат. Можете ли вы как лояльные солдаты — патриоты, верные долгу, сражаться при таких условиях»³.

Любовые атаки реакционных сил на Прокламацию, обходные маневры с целью доказать ее неконституционность и непрактичность — все это преследовало одну цель: помешать осуществлению Прокламации, не допустить освобождения рабов.

Исключительно важную роль в развернувшейся борьбе играла армия. От позиции вооруженных сил, которые должны были претворять в жизнь Прокламацию президента, зависело очень многое. В армии вокруг Прокламации об освобождении шла такая же упорная борьба, как и в тылу. В составе вооруженных сил было немало противников освобождения рабов и допуска негров в армию, особенно среди офицеров. Реакционные газеты демократов, такие, как «Цинциннати инквайер», «Чикаго таймс» и др., широко распространялись среди военнослужащих Севера. Они призывали солдат и офицеров выступить против политики Линкольна в вопросе об освобождении рабов. После опубликования Прокламации Линкольна в армии нередко были выступления против уничтожения рабства и призыва негров в федеральные вооруженные силы. Противники Прокламации в армии брали на вооружение все аргументы, использовавшиеся реакцион-

¹ «New York Daily Tribune», 3. II. 1863.

² «Congressional Globe», 37-th Congress, 3-d Session, Appendix, p. 91.

³ W. Gray. Op. cit., p. 122.

ными политическими кругами Севера¹. Но в целом армия выступала за Прокламацию, видя в ней важнейшее средство быстрого разгрома врага².

«Нью-Йорк дейли трибюн», обращаясь к «генералам и солдатам Союза», писала: «Дайте только почувствовать рабам, что наш триумф приведет к их освобождению, и тотчас же они превратятся из бастиона мятежа в его бремя»³.

Горячо откликнулась на Прокламацию Линкольна русская пресса, комментарии которой были обширны и благожелательны. И если в русских газетах и журналах появлялись критические отклики, то это была только критика слева, подчеркивавшая слабые стороны Прокламации. «Современник» писал, например, «что в ней все-таки проглядывает какая-то нерешительность, какая-то излишняя осторожность. Ограничения здесь и там и исключения в пользу известных штатов и местностей... всего этого не должно бы быть в таком важном акте, как этот»⁴.

В связи с опубликованием Прокламации «С.-Петербургские ведомости» писали: «Линкольн никогда не был аболиционистом и в первый год управления своего действовал в смысле далеко не благоприятном освобождению негров — это бесспорно... Для пользы, как и для чести федерального правительства, было бы гораздо лучше, если б война против Юга приняла с самого начала характер войны против невольничества; но аболиционисты как партия были еще слишком слабы, желание восстановить Союз, предрассудки против негров — слишком сильны. Время и обстоятельства изменили положение дела: «заслуга Линкольна состоит в том, что он решился воспользоваться обстоятельствами»⁵.

«Современник» решительно отвергал обвинения в адрес Линкольна о том, что его Прокламация об освобождении нарушила конституцию. В журнале говорилось: «...Что же это за конституция такая, которая должна окаменеть навеки. Ведь может же наступить когда-нибудь надобность сделать в какой бы то ни было конституции изменение, сообразное с новыми обстоятельствами»⁶.

Высоко оценивало Прокламацию Линкольна «Русское слово»: «Наконец наступил великий день для Америки, и эдикт об эмансипации негров, ожидаемый с таким нетерпением, был обнародован в Вашингтоне»⁷.

¹ T. Williams. Op. cit., p. 240 — 241.

² W. Briant (ed.). A Yankee Soldier Looks at the Negro. — «Civil War History», Vol. VII, June 1961, № 2, p. 135.

³ «New York Daily Tribune», 1. I. 1863.

⁴ «Современник», 1863, № 1 — 2, Политика, с. 347.

⁵ «С.-Петербургские ведомости», 12 (24). I. 1863.

⁶ «Современник», 1863, № 1 — 2, Политика, с. 348.

⁷ «Русское слово», 1863, № 2, Политика, с. 12.

Русская пресса не закрывала глаза на недостатки прокламации Линкольна, но, правильно учитывая ход развития событий в Америке, приходила к выводу, что действительность внесет свои положительные коррективы в этот документ. «С.-Петербургские ведомости» писали, например: «Прокламация Линкольна, распространяясь на одни восставшие штаты, поколебала, однако, неоплотнелость и в штатах мирных, пограничных, и оно едва ли оправдывается от нанесенных ему ударов»¹.

Прогноз русской газеты оправдался: после опубликования Прокламации об освобождении резко усилилось бегство рабов из пограничных штатов. Оно приняло столь огромные масштабы, что рабство в лояльных пограничных штатах было фактически уничтожено еще до окончания гражданской войны, так как подавляющее большинство рабов бежало на Север.

Благожелательное отношение русской общественности и прессы к Прокламации Линкольна особенно убедительно проявилось на фоне резко враждебной реакции на этот важный документ со стороны официозной прессы Англии и Франции. «Таймс», «Морнинг пост», «Телеграф», «Глоб», «Ла франсе» и другие пробоксидельчески настроенные издания в Англии и Франции обрушились с грубейшими нападками на Линкольна и федеральное правительство.

Особенно бурно реагировал орган биржевиков «Таймс». Сын американского посла в Англии, Генри Адамс сообщал из Лондона: «Прокламация президента произвела почти конвульсивную реакцию в нашу пользу по всей Англии. «Лондон таймс» свирепствует и ругается, как перепившаяся проститутка. Несомненным является, однако, то, что общественность здесь глубоко взволнована, и это нашло свое выражение в митингах, посланиях к президенту Линкольну, в депутациях к нам, в образовании комитетов, цель которых агитировать за Прокламацию и обеспечивать единодушие. Налицо и многие другие признаки большого народного движения, особенно неприятного здешним высшим классам, ибо движение это показывает на самостоятельность действующих трудящихся классов»².

Русская пресса, осуждая враждебную кампанию, которая велась против Линкольна в Англии и во Франции, противопоставляла реакционным кругам этих стран позицию, занятую трудящимися массами. «Современник» писал: «К чести низших классов в Англии мы должны сказать, что они нисколько не разделяют за-

¹ «С.-Петербургские ведомости», 6 (18). IV. 1863.

² Ф. Фонер. Указ. соч., с. 358.

вистливых и своекорыстных тенденций своих... правителей, газет, фабричных хозяев и пр.»¹.

Многие русские газеты и журналы писали о героической борьбе рабочих Европы против интервенции, готовившейся в помощь рабовладельцам. «Русское слово», в частности, заявляло: «...Английские и французские работники с твердостью переносили свое бедственное положение; они не оставили дела угнетенного негра и не перешли на сторону его господина, несмотря на увещевания ловких и умных публицистов. В особенности в Англии... митинги и журналы рабочих классов разразились криками проклятий против гнусной войны, которая готовилась в высшей правительственной сфере, подобно тому как гроза и опустошительный град готовятся в мрачных тучах. Белый бедняк почувствовал, что он брат несчастному негру... Наши пролетарии безмолвно претерпевали бедствия и голод для того, чтобы невольник не стоил под ударами бича плантатора. Честь и слава нашему современному пролетариату, который с таким умом и таким самоотвержением выказал себя достойным великой будущности!»²

Русская пресса доказывала беспочвенность обвинений в адрес Линкольна, раздававшихся со страниц английской и французской печати, резко осуждала злобные, а нередко и оскорбительные выпады против президента США. «Русское слово» писало: «Пусть изливают свой яд!.. Линкольн смело может рассчитывать на сочувствие всех благомыслящих современников и быть уверенным, что потомство глубоко будет уважать его память»³.

Самым убедительным критерием в оценке деятельности Линкольна была реакция на его действия со стороны мятежных рабовладельцев. Ярость, с которой встретил рабовладельческий Юг Прокламацию Линкольна, доказывала ее важность и необходимость.

«Прокламация Линкольна, — писал русский журнал, — как и следовало ожидать, произвела взрыв страшной злобы и негодования на Юге. Там начались совещания, чем бы отомстить федералистам, чем бы заставить их отказаться от намерения освободить невольников»⁴.

Как только была издана Прокламация Линкольна от 1 января 1863 г., собрался конгресс мятежной Конфедерации. Все делегаты говорили о том, что Север призывает рабов к восстанию, а это является тягчайшим нарушением законов южных штатов. Прези

¹ «Современник», 1863, № 1 — 2, Политика, с. 343.

² «Русское слово», 1862, № 2, Политика, с. 5.

³ Там же, с. 12.

⁴ «Библиотека для чтения», сентябрь 1862, с. 206.

дент Конфедерации Дэвис предложил в ответ на Прокламацию приговаривать к смертной казни пленных офицеров федеральной армии.

Лионс, представитель Виргинии в конгрессе Конфедерации, и другие члены конгресса поддержали предложение Дэвиса, Лионс заявил, что надо «немедленно вешать схваченных офицеров»¹.

В специальном послании президента Конфедерации Дэвиса говорилось о том, что Прокламация Линкольна, призывающая рабов к восстанию, является не только нарушением законов южных штатов, но и грубейшим попранием всех законов цивилизованной войны. Дэвис изложил в своем послании целую программу репрессивных мероприятий, направленных на то, чтобы сорвать формирование негритянских полков на Севере. С Юга поступали многочисленные сообщения, что захваченные в плен негры будут казнены или обращены в рабство².

Пресса рабовладельцев приветствовала послание Дэвиса, называя его «превосходным ответом» янки. Рабовладельческие газеты заявляли, что солдаты-негры не будут рассматриваться как комбатанты, и в случае пленения они будут переданы властям штатов для наказания согласно законам штатов. Соответствующим образом предлагалось поступать и с белыми солдатами и офицерами, которые будут в какой-то степени связаны с негритянскими полками³.

Это не были пустые угрозы, конгресс Конфедерации действительно принял постановление, предусматривавшее соответствующие репрессивные меры против солдат и офицеров негритянских полков⁴.

Одна из наиболее известных рабовладельческих газет, «Ричмонд экзаминер», заявляла, что Прокламация является «самым сенсационным политическим преступлением и самой идиотской политической ошибкой из всех известных в американской истории... восстание рабов является основной целью Прокламации». Газета делала вывод, что «народу Юга остается выбирать только между победой и смертью»⁵. «Ричмонд виг» заявляла, что цель Прокламации — «уничтожить нашу собственность, оцениваемую в 4 млрд. долл.»⁶.

Реакция рабовладельцев и их сторонников на Севере и в Ев-

¹ «Rebellion Record», Vol. 6, Diary of Events, p. 37.

² J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 470 — 485.

³ «New York Daily Tribune», 7. I. 1863.

⁴ Ibid., 24. II. 1863.

⁵ «Rebellion Record», Vol. 6, Diary of Events, p. 32.

⁶ Ibid., Vol. 5, Diary of Events, p. 89.

ропе на освобождение рабов неопровержимо доказывала, что удар был рассчитан точно, направлен в ахиллесову пяту мятежной Конфедерации.

Опубликование Прокламации об освобождении рабов подводило итог упорной борьбе на Севере по вопросу о целях войны и методах ее ведения. Она явилась вехой, определившей переход к новому этапу войны, для которого было характерно официальное провозглашение уничтожения рабства целью войны (наряду с восстановлением Союза) и переход к революционным методам ее ведения.

Переход к новому этапу войны явился следствием глубоких социальных сдвигов, которые произошли в северных штатах. В ходе гражданской войны, в упорной борьбе менялось соотношение сил на политической арене. Это был сложный и противоречивый процесс, на развитие которого влияла классовая борьба на Севере, ход военных операций, экономическое положение северных штатов, международные дела.

В различные периоды верх в этой борьбе брали революционные или контрреволюционные силы, но общая линия развития шла по пути изменения соотношения сил в пользу революционных кругов, которые постепенно укрепляли свои позиции, и к концу 1862 г. радикалы фактически оказались у власти.

В центре борьбы между революционными и контрреволюционными силами был Линкольн и возглавляемое им правительство. Оппозицию правительству Линкольна с лева составляли рабочие, фермеры, негритянское население северных штатов, радикалы. Оппозицию справа — консервативная буржуазия и ее представители в конгрессе, реакционная верхушка генералитета, «медянки», являвшиеся открытой агентурой рабовладельцев на Севере.

Эти две оппозиционные группировки не представляли собой застывшие, окаменевшие политические силы, с раз и навсегда определенным классовым составом. Развивавшаяся революция дробила и смешивала политические группировки Севера, отбрасывала в лагерь контрреволюции неустойчивые слои буржуазии, цементировала революционные силы.

Движущей силой революционного лагеря Севера являлись трудящиеся массы, а политическим гегемоном — радикальные республиканцы. Радикалы не только руководили народными массами, направляли их борьбу на выполнение конкретных задач, которые выдвигала развивавшаяся революция, но и сами испытывали на себе их давление. Народные массы были более революционны, чем буржуазные революционеры-радикалы.

Гражданская война, несмотря на умеренные цели, провозглашенные правительством Линкольна (восстановление Союза, за-

прощение распространения рабства на новые территории), носили революционный характер с самого начала возникновения. Это была революционная вооруженная борьба за власть между двумя классами — буржуазией и рабовладельцами. Революционный характер этой борьбы определялся и тем, что в ней приняли участие и наложили на нее свой отпечаток самые широкие слои трудящихся масс Севера. Рабочие и фермеры горячо откликнулись на призыв Линкольна, и сотни тысяч трудящихся добровольно вступили в армию. Рабочие и фермеры не только героически сражались на фронте, но и ковали оружие в тылу. Трудящиеся активно участвовали в политической борьбе, в подавлении контрреволюционных выступлений в тылу, и именно их давление заставило Линкольна перейти в лагерь аболиционистов и выступить за уничтожение рабства, за ведение войны революционными методами,

О революционном характере первого этапа гражданской войны свидетельствуют и революционные действия радикалов, в частности создание и методы работы комиссии по ведению войны; продлившиеся по настоянию радикалов аресты контрреволюционных элементов; акты о конфискации имущества рабовладельцев; изъятие железнодорожных и телеграфных линий и передача их в ведение правительства; налоги на капитал и предметы роскоши и другие революционные акты 1862 г.

И, наконец, исключительно большое значение имел тот факт, что освобождение рабов было осуществлено революционным путем, на основе конфискации.

События первого этапа войны свидетельствуют о том, что в исходе Линкольн шел в ногу с развивавшейся революцией. По мере углубления революции менялась его позиция в основном, решающем вопросе войны, которым являлось рабство. В начале войны президент выступал за ограничение рабства занимаемой территорией. В дальнейшем Линкольн выдвинул программу постепенного уничтожения рабства с выплатой компенсации рабовладельцам. И, наконец, президент высказался за революционное уничтожение рабства на основе конфискации.

В деятельности Линкольна было много противоречий и недостатков, но он обладал качеством, которое компенсировало все его недостатки, — великий президент Америки прислушивался к мнению народных масс и стремился проводить политику, отвечающую интересам народа. Обращаясь к простым труженикам страны, Линкольн говорил: «Запомните, что не от политиков, не от президентов, не от тех, кто домогается должностей в аппарате управления, а от вас зависит сохранение Союза и обеспечение свободы последующих поколений»¹.

¹ «Collected Works», Vol. IV, p. 194.

Большая заслуга Линкольна заключается в том, что он выступил за уничтожение рабства революционным путем и тем самым сыграл важную роль в переходе к революционным методам ведения войны, обеспечившим разгром рабовладельцев и уничтожение рабства негров в США.

Переход к ведению войны по-революционному явился важнейшим событием в истории гражданской войны, поворотным пунктом в ее развитии. Но это не означало, что было окончательно сломлено сопротивление контрреволюционных сил и созданы все условия для быстрого и полного разгрома рабовладельцев. «Напротив, ближайшие события поставили левых перед еще более тяжелыми битвами за дальнейшее развитие революционной политики правительства»¹.

Глава девятая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВТОРОГО ЭТАПА ВОЙНЫ

1. Активизация контрреволюционных сил на Севере

Не сумев помешать провозглашению освобождения рабов, реакционные силы Севера предприняли огромные усилия, чтобы не допустить претворения в жизнь Прокламации Линкольна от 1 января 1863 г., попытались осуществить контрреволюционный переворот.

Первого крупного успеха прорабовладельческие элементы Севера добились в январе 1863 г., когда «мирные» демократы сумели захватить в свои руки законодательные собрания двух главных штатов Среднего Запада — Иллинойса и Индианы. Демократическое большинство законодательных собраний этих штатов приняло резолюции с осуждением Прокламации об освобождении и с требованием подписания мира с рабовладельцами. Это была первая крупная диверсия контрреволюционных сил Севера.

Пресса демократов предприняла настоящий поход против Линкольна, не гнушаясь в своих нападках на федеральное правительство самыми грязными инсинуациями, самой злобной клеветой. 1 июня 1863 г. по приказу генерала Бернсайда была закрыта чикагская «Таймс», выступавшая с прямыми призывами к мятежу против правительства Линкольна.

¹ Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 335.

Реакция на это действие Бернсайда свидетельствовала о том, что силы контрреволюции ни в коей мере не были выкорчеваны репрессивными мерами, осуществленными федеральными властями в 1861 — 1862 гг. В ответ на закрытие своей газеты «медянки» организовали митинг, на котором присутствовало 20 тыс. человек. Толпа, провоцируемая сторонниками рабовладельцев, угрожала сжечь «Чикаго трибюн», главную республиканскую газету города. Выступление контрреволюции в Чикаго нашло самую активную поддержку «медянок» Нью-Йорка. Здесь состоялся съезд редакторов газет, на котором были приняты резолюции, гласившие, что газеты «имеют право свободно и без страха критиковать действия должностных лиц». Участники съезда «отрицали право любого военачальника закрывать издание или запрещать распространение газет, выходящих в отдалении от места военных действий»¹.

По существу, это было игнорирование законов конгресса, направленных на борьбу с агентурой рабовладельцев. Линкольн получил массу письменных протестов в связи с закрытием чикагской «Таймс», и он поручил Стэнтону заняться этим вопросом. Приказ Бернсайда был отменен, и реакционная газета «возобновила свои обычные нападки на Линкольна и, как всегда, проклинала все, что бы он ни делал»².

На протяжении 1863 г. аресты издателей газет демократов были довольно частым явлением. В частности, были арестованы и издатели двух прорабовладельческих газет в Балтиморе³. Но борьба с прорабовладельческой прессой велась непоследовательно, и были случаи, когда генералы Севера, закрывавшие реакционные газеты, сами подвергались репрессиям со стороны вышестоящих военачальников. В Индиане, например, генерал М. Хескль приказал закрыть газеты демократов. В связи с беспорядками, которые вызвало это решение, Хескль был отстранен от командования войсками⁴.

В отношении прессы «мирных» демократов, выступавшей против федерального правительства, Линкольн нередко проявлял чрезмерный либерализм. Президент неоднократно выражал свое отрицательное отношение к закрытию прорабовладельческих газет и арестам их издателей. 13 июня 1863 г. после ареста редактора «Миссури демократ» Линкольн высказал сожаление по этому поводу и писал генералу Д. Шофильду: «Пожалуйста, из-

¹ «Rebellion Record», Vol. 7, Diary of Events, p. 5.

² Сэндберг К. Указ. соч., с. 349.

³ R. Harper. Op. cit., p. 159 — 160.

⁴ «Official Records», Ser. II, Vol. V, p. 723 — 724, 759.

бавьте меня от беспокойства, которое может быть вызвано этим»¹.

Реакционные силы широко использовали в своей антиправительственной деятельности демократические свободы, которые сохранялись в северных штатах. Агитация против конскрипции, прямые призывы к неповиновению правительству Линкольна были обычным явлением². И только в тех случаях, когда подобные выступления принимали характер открытого подстрекательства к мятежу, производились аресты, как, например, в случае с Вэлландигхэмом.

Лидер «медянок» не был избран в конгресс на новый срок, но это не уменьшило, а еще более усилило его антиправительственную деятельность. 1 мая 1863 г. Вэлландигхэм выступил на митинге в Маунт-Верноне (Огайо) с заявлением, что Линкольн установил свою личную диктатуру, отверг все мирные предложения и продолжает войну с целью освобождения негров и порабощения белых. Оратор выступил за неподчинение закону о конскрипции. В заключение Вэлландигхэм призвал избирателей Огайо исполнять свое право голоса, чтобы свергнуть тиранический режим и сбросить с трона «короля Линкольна»³.

Выступление Вэлландигхэма запротоколировал переодетый офицер из штаба генерала Бернсайда и спустя три дня лидер «медянок» был арестован. Военный суд приговорил Вэлландигхэма к тюремному заключению до конца войны⁴.

Арест Вэлландигхэма был широко использован реакционными кругами Севера для разжигания антиправительственных настроений. В штате Огайо произошли серьезные волнения, во многих городах Севера состоялись митинги протеста, организованные «мирными» демократами. В резолюции митинга, созданного в Олбани, выражался протест против ареста «гражданина Огайо Кларенса Л. Вэлландигхэма только за то, что он критиковал на публичном митинге политику правительства». Было решено направить копию резолюции Линкольну⁵.

Конвент демократической партии Огайо создал специальный комитет, который обратился к Линкольну с просьбой разрешить Вэлландигхэму вернуться в Огайо⁶.

На Линкольна вновь обрушились обвинения в диктаторстве,

¹ «Collected Works», Vol. VI, p. 326.

² P. Angle and E. Miers (ed.). Op. cit., Vol. I, p. 544; F. Klement. Op. cit., p. 77, 79, 82; W. Hesseltine (ed.). Op. cit., p. 361 — 362.

³ R. Harper. Op. cit., p. 242 — 243.

⁴ «Official Records», Ser. II, Vol. V, p. 634.

⁵ «New York Daily Tribune», 15. VI. 1863.

⁶ «Rebellion Record», Vol. 7, Documents, p. 299.

и стремлении ликвидировать свободу слова, подавить оппозицию. Перед президентом возникла сложная проблема: как поступить с арестованным лидером «медянок». Республиканская пресса заявляла, что прорабовладельческие элементы используют дело Вэлландигхэма для того, чтобы под предлогом защиты свободы слова выступить против политики Линкольна, и что президент не должен предоставлять им такой предлог¹. Многочисленные факты подтверждали, что арест Вэлландигхэма широко использовался для агитации против Линкольна².

Сторонники Союза решительно поддерживали федеральные власти в вопросе об аресте лидера «медянок». Народные массы и армия требовали усилить борьбу с контрреволюцией. На митинге, организованном в 89-м Нью-Йоркском полку волонтеров, была принята резолюция, в которой говорилось, что арест Вэлландигхэма — необходимая мера для пресечения подрывной деятельности предателей. Участники митинга призывали к самой решительной борьбе с контрреволюцией, которая использует демократические свободы для оказания прямой помощи рабовладельцам³.

26 мая президент заменил приговор Вэлландигхэму высылкой его на территорию Конфедерации⁴. В сопровождении кавалерийского отряда Вэлландигхэма доставили к линии фронта и переправили к мятежникам.

Но инцидент не был на этом исчерпан. Демократическая партия Огайо демонстративно выдвинула лидера «медянок» кандидатом в губернаторы штата. Линкольна продолжали осаждать резолюциями, решениями, письмами, в которых дело Вэлландигхэма рассматривалось как нарушение законов страны⁵. На одно из таких обращений Линкольн ответил, что Вэлландигхэм призывал к дезертирству, деморализовывал армию, подрывал военные усилия нации. «Должен ли я расстрелять простодушного солдата-юношу, который дезертировал, — спрашивал президент, — но не пронуть волоска на голове агитатора, подстрекающего его к дезертирству?.. Я думаю, что в данном случае заставить замолчать агитатора и спасти юношу значит не только поступить конституционно, но к тому же и проявить величайшее милосердие».

Линкольн заявил, что «тот, кто отговаривает хотя бы одного добровольца от вступления в армию или склоняет к дезертирству

¹ «New York Daily Tribune», 16. VI. 1863.

² P. Angle and E. Miers (ed.). Op. cit., Vol. I, p. 544 — 557; F. Clement. Op. cit., p. 92 — 93.

³ «New York Daily Tribune», 5. VI. 1863.

⁴ W. King. Op. cit., p. 211.

⁵ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 7, p. 328 — 354; W. Gray. Op. cit., p. 145.

хотя бы одного солдата, не меньше ослабляет армию Союза, чем тот, кто убивает нашего солдата в бою»¹.

Точка зрения Линкольна получила поддержку многих читателей «Нью-Йорк дейли трибюн». В одном из писем, опубликованном газетой, говорилось: «Мы ведем ожесточенную, неистовую войну за само существование нации». В этих условиях, говорилось в письме, правительство должно использовать все средства для полного и быстреешего уничтожения предателей-мятежников на фронте и их пособников в тылу»².

На Севере происходили стихийные выступления трудящихся масс против контрреволюционеров. Весной 1863 г. в штате Огайо была разгромлена редакция газеты демократов. Аналогичные случаи произошли в Иллинойсе и Айове. В августе 1863 г. в округе Клоук (штат Айова) в результате выступлений сторонников республиканцев против «медянок» произошло вооруженное столкновение, во время которого было убито несколько человек. Аналогичные волнения имели место и в других штатах³. Это был стихийный протест масс против правительства, не предпринимавшего решительных мер против контрреволюционных сил.

Отношение Линкольна к вопросу о борьбе с «медянками» было изложено в его заявлении от 12 июня 1863 г., в котором президент, по существу, признавал, что он проводит недостаточно твердую политику в вопросах борьбы с контрреволюционными элементами: «Я думаю, не исключена возможность, что придет время, когда меня обвинят в том, что я осуществил слишком мало, а не много арестов»⁴.

События, происходившие на Севере, доказывали, что борьба с контрреволюцией велась явно недостаточно. В северных штатах росли как грибы различные тайные контрреволюционные организации — «Рыцари золотого круга», «Общество взаимной защиты», «Орден американских рыцарей» и т.д.⁵. Все они были «рыцарями» контрреволюции, агентурой мятежников на Севере. В 1863 г. контрреволюционные организации были объединены в «Орден американских рыцарей», что дало возможность сторонникам мятежников в северных штатах резко активизировать свою контрреволюционную деятельность. Увеличилось число подпольных вооруженных отрядов, которые не ограничивались организацией террористических и диверсионных актов, а приступили к практической подготовке вооруженного восстания против правительст-

¹ «Collected Works», Vol. VI, p. 266 — 267.

² «New York Daily Tribune», 16. VI. 1863.

³ W. Gray. Op. cit., p. 662.

⁴ «Collected Works», Vol. VI, p. 265.

⁵ F. Klement. Op. cit., p. 134 — 142.

ии Линкольна. Был разработан план создания при поддержке мятежников Западной Конфедерации¹.

Контрреволюционные силы исключительно широко использовали в своей антиправительственной деятельности непопулярность закона о воинской повинности, который освобождал от службы в армии состоятельных лиц. Тайные организации «медянок» развернули широкую пропаганду против мобилизации, всеми способами стремясь усилить дезертирство из федеральной армии².

Участились случаи прямого вооруженного сопротивления федеральным властям, убийств вербовщиков рекрутов³. Зашевелились «мирные» демократы в тех штатах, где они контролировали законодательные собрания. В Иллинойсе демократическое большинство законодательного собрания приняло ряд постановлений, противоречивших законам, утвержденным президентом. В ответ на это губернатор впервые в истории штата распустил законодательное собрание.

Усиливалось контрреволюционное движение в Индиане. Губернатор штата в январе 1863 г. информировал Линкольна о том, что законодательное собрание штата готовится признать Конфедерацию. «Мирные» демократы Индианы организовали настоящий путч, пытаясь лишить губернатора власти. Когда эта попытка не увенчалась успехом, депутаты-демократы отказались вотировать средства на нужды правительства штата. И только присылка из Вашингтона 250 тыс. долл. из специального фонда позволила правительству удержаться у власти.

Единым фронтом с самой оголтелой реакцией выступали многие церковные круги, что вызывало необходимость применить репрессивные меры и по отношению к церкви. В Сент-Луисе начальник военной полиции арестовал настоятеля церкви и взял ее под свое управление. Этим вопросом занимался Линкольн; он писал генералу Кэртису: «...Я убежден, что он (настоятель. — Р. И.) симпатизирует мятежникам... но следует ли его высылать, это может навлечь на правительство неприятности... правительство не может взять на себя управление церковными делами»⁴.

В своей деятельности реакционные организации широко ис-

¹ «Official Records», Ser. I, Vol. XIV, p. 667; Vol. LIII, p. 270; Г. Купонник. Вторая Американская революция, М., 1961, с. 138 — 140, 167 — 168.

² «Congressional Globe», 37-th Congress, 3-d Session, p. 1103, 1465; «Official Records», Ser. II, Vol. V, p. 108.

³ «Official Records», Ser. I, Vol. XXXIX, Pt. II, p. 35; Ser. III, Vol. III, p. 371 — 398.

⁴ «Collected Works», Vol. VI, p. 33 — 34.

пользовали демократические свободы, сохранявшиеся на Севере, что вызывало серьезное беспокойство сторонников Союза. В одном из писем в «Нью-Йорк дейли трибюн» говорилось: «Свобода слова, используемая раскольниками, находящимися между нами и известными как «медянки», по-своему так же опасна, как и свобода действий мятежных армий»¹.

Линкольн понимал огромную опасность, которую представляли для республики контрреволюционные силы Севера. В 1863 и во время активизации контрреволюции президент заявил в одной из бесед: «Враги за нашей спиной опаснее для страны, чем противник на фронте»². Подтверждений этому пришлось ждать не долго: вскоре в Нью-Йорке произошли события, которые были крупнейшим контрреволюционным выступлением в тылу Севера за все время войны.

Контрреволюционные силы спровоцировали беспорядки в Нью-Йорке, используя недовольство масс законом о конскрипции, принятым 3 мая 1863 г. В первый период войны армия создавалась на добровольческих началах. Маркс и Энгельс писали: «Вербовка добровольцев сроком на три месяца была большой, но, быть может, неизбежной ошибкой»³. Когда стал очевидным затяжной характер войны и ее огромные масштабы, был принят закон об обязательной воинской повинности, причем характерно, что и на Севере, и на Юге имущие классы фактически освобождались от воинской повинности. В мятежных штатах освобождение состоятельных лиц от службы в армии вызвало многочисленные выступления против рабовладельческого правительства, массовое уклонение от мобилизации в армию и дезертирство резко усилили антирабовладельческое движение⁴.

Вполне естественно, что и на Севере трудящиеся массы выступили с резкими протестами против освобождения буржуазии от воинской повинности. Отношение рабочего класса к этому вопросу выразила газета «Финчерз трейд ревью»: «Для спасения страны общая воинская повинность допустима. Но пусть она равным образом распространяется как на богатого, так и на бедного»⁵.

Покупка подставных рекрутов стала повсеместным явлением и была организована с чисто американским размахом; соответствующие объявления и предложения заполняли целые столбцы

¹ «New York Daily Tribune», 16. VI. 1863.

² Сэндберг К. Указ. соч., с. 343.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 499.

⁴ «Official Records», Ser. I, Vol. XVII, Pt. II, p. 791 — 792; Vol. XLVI, Pt. II, p. 1143; Ser. IV, Vol. III, p. 69, 811, 815, 977; E. Coulter. The Confederate States..., p. 464; J. Rhodes. History of the Civil War, p. 384.

⁵ Фонер Ф. Указ. соч., с. 364.

ист. Морган, Рокфеллер и другие представители делового мира не смели воспользоваться возможностью откупиться от мобилизации в армию. Все это вызывало резкие протесты на Севере. Военный министр Стэнтон заявил в конгрессе, что протесты против покупки рекрутов носят на Севере повсеместный характер¹.

Линкольн также признавал, что соответствующее «положение закона о конскрипции вызывает многочисленное недовольство», что закон об обязательной воинской повинности свидетельствует о «неравенстве, благоприятствует богатым против бедных». Но, по его мнению, это было присуще всем армиям, создававшимся на основе воинской повинности, и, кроме того, соответствующий пункт закона дает правительству значительные денежные средства для ведения войны².

«Медянки» умело воспользовались недовольством масс и спровоцировали кровавое побоище в Нью-Йорке. Губернатор штата Сеймур всемерно способствовал возникновению мятежа в Нью-Йорке. За несколько дней до этих событий он заявил в публичной речи: «Запомните, кровавая, предательская и революционная доктрина общественной необходимости может быть провозглашена не только правительством, но и толпой»³.

Сеймур распорядился отправить боееспособные части в Геттисберг, и в городе осталось всего полторы тысячи полицейских, которые были бессильны предотвратить выступления, тщательно подготовленные «медянками». Достаточно сказать, что в Нью-Йорке насчитывалось в это время от 50 до 70 тыс. уголовных элементов, которые были главными и наиболее активными участниками этих событий.

В течение трех дней, 13 — 15 июля 1863 г., Нью-Йорк был фактически во власти бушевавшей толпы, разгромившей главный мобилизационный пункт. Разграблению и разгрому подвергся дом мэра республиканца Опдайка, многие магазины, фабрики, полицейские участки, дома известных деятелей республиканской партии, церкви, правительственные учреждения. На некоторых улицах появились баррикады.

В городе начались негритянские погромы, был разгромлен приют для негритянских детей, многие негры были повешены и растерзаны озверевшей толпой. В первый день движение было направлено против мобилизации, но во второй и третий дни уголовные элементы начали поголовный грабеж и разбой⁴.

По приказу из Вашингтона мобилизацию приостановили, и

¹ «Congressional Globe», 38-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 11.

² «Collected Works», Vol. VI, p. 447 — 448.

³ Фостер У.. Негритянский народ в истории Америки, с. 343.

⁴ H. Co m m a g e r (ed.). The Blue and Gray..., Vol. II, p. 714 — 719.

наступило некоторое успокоение, вызванное и тем, что в Нью-Йорк прибыли спешно переброшенные с Потомакского фронта части регулярной армии, не только пехота и кавалерия, но и артиллерия. Солдаты быстро навели порядок, возобновилась мобилизация, разобрали баррикады, вновь открылись магазины, фабрики, учреждения. Число убитых и раненых достигало тысячи человек, а убытки — 5 млн. долл.¹

Мятеж в Нью-Йорке носил ярко выраженный политический характер и был направлен против республиканского правительства. Об этом свидетельствовал разгром правительственных учреждений, нападения на дома известных республиканцев, попытка разгромить редакцию «Нью-Йорк дейли трибюн». Характерно, что мятежники открыто провозглашали лозунги в честь Д. Дэвиса и Макклеллана².

Русская пресса писала, что события в Нью-Йорке были организованы прорабовладельческими кругами и участвовали в них главным образом уголовные элементы. «Мятеж в Нью-Йорке, писала русская газета, — был диверсией южан на крайнем Севере бывшего американского Союза»³.

Мятеж в Нью-Йорке не был изолированным явлением: это было главное звено широко задуманного и тщательно подготовленного плана, рассчитанного на то, чтобы нанести удар по правительству Линкольна с тыла, организовать контрреволюционный переворот.

Почти одновременно с событиями в Нью-Йорке аналогичные выступления были спровоцированы «медянками» в Бостоне, Трое (Нью-Йорк), Хартфорде (Индиана), Порт Вашингтон (Пенсильвания)⁴.

Подробности, сообщавшиеся прессой о мятежах в Бостоне⁵ и Портсмуте⁶, свидетельствовали с том, что в подготовке и проведении этих контрреволюционных выступлений чувствовалась та же рука. Активные выступления контрреволюционных сил на Севере являлись свидетельством того, что революция развивалась в условиях ожесточенной классовой борьбы.

Решительные действия Линкольна во время мятежа в Нью

¹ «New York Daily Tribune», 15, 16, 17, 23. VII 1863; «Rebellion Record», Vol. 7, Documents, p. 448 — 449; Vol. 8, Rumors and Incidents, p. 4, H. Greeley. Op. cit., Vol. II, p. 501 — 507.

² J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 7, p. 21.

³ «Северная пчела», 3. VIII. 1863.

⁴ G. Milton. Abraham Lincoln..., p. 150 — 151; Фонер Ф. Указ. соч., с. 366.

⁵ «New York Daily Tribune», 16. VII. 1863; 17. VIII. 1863.

⁶ Ibid., 20. VII. 1863.

Нью-Йорке показали, что в политике президента произошел важный поворот. Линкольн в значительной мере избавился от недостатков, о которых часто писал Маркс: нерешительность, чрезмерная щепетильность по отношению к прорабовладельческим кругам, адюкатский либерализм. Это был поворот не только в личных взглядах президента на события, но и более важный процесс, связанный с углублением революции, с изменением общей политической ориентации Линкольна в сторону сближения с аболиционистами.

Меры, предпринятые Линкольном в борьбе с контрреволюцией в 1863 г., явились следствием резко активизировавшейся борьбы широких народных масс против реакционных сил. Если на первом этапе войны выступления народных масс носили разрозненный и в определенной мере стихийный характер, то в 1863 г. это движение получило твердое и целеустремленное руководство, осуществлявшееся лигами сторонников Союза.

Первая лига была создана в ноябре 1862 г. в Кливленде (штат Огайо). Вскоре началось массовое создание лиг во всех штатах Севера и на территории Конфедерации, освобожденной федеральными войсками. Первые лиги часто действовали подпольно, так как они являлись объектом особенно жестокого террора со стороны контрреволюционных сил.

Многие лиги имели вооруженные отряды и милицию, которые вели ожесточенную борьбу с вооруженными организациями контрреволюции.

Инициатива радикальных республиканцев, создавших первые лиги, получила самую активную поддержку среди различных слоев населения. Лиги появились в Филадельфии, Нью-Йорке, Бостоне, Балтиморе, Вашингтоне, Сан-Франциско — во всех крупнейших городах. Лиги вели большую пропагандистскую работу в поддержку правительства Линкольна. Они распространяли огромное количество литературы, собирали деньги в помощь солдатам, помогали проводить призыв в армию как белых, так и негров. В частности, лиги провели успешную кампанию по вербовке добровольцев в Пенсильвании во время сражения за Геттисберг¹.

Юнионистские лиги проводили на Севере многочисленные митинги в поддержку правительства Линкольна. Крупные митинги были организованы, в частности, в Академии музыки и в Институте Купера в Нью-Йорке².

Лиги активно действовали во время выборов губернатора в

¹ J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 491.

² J. Rhodes. History of the Civil War, p. 205.

Пенсильвании в 1863 г. и в других избирательных кампаниях. При лигах были созданы лояльные общества публикаций, которые руководили пропагандистской работой. В Нью-Йорке такое общество на собранные пожертвования опубликовало 90 памфлетов и распространило 900 тыс. документов в поддержку правительства Линкольна. Лиги вели работу среди коренных американцев и иммигрантов, рабочих и фермеров, купцов и банкиров, среди католиков и протестантов. Значительное внимание юнионистские лиги уделяли работе среди женщин¹. Лиги всемерно способствовали проведению в жизнь военных и политических мероприятий федерального правительства. Спустя всего несколько месяцев после появления первых лиг, они превратились в самые массовые организации рабочих, фермеров, представителей мелкой буржуазии и интеллигенции, выступавших в поддержку правительства Линкольна. Лиги ставили своей целью добиваться полного уничтожения рабства, призыва негров в армию, предоставления неграм равных с белыми экономических и политических прав.

В мае 1863 г. в обстановке резко обострившейся борьбы между революционными и контрреволюционными силами состоялся объединительный съезд лиг. Местом съезда был избран Кливленд, где зародилось это движение. На съезде был создан национальный совет для координации работы лиг в масштабах всего Севера. Лиги штатов поддерживали между собой тесную связь и периодически созывали совещания, на которых обменивались опытом работы, вырабатывали совместную программу действий². К концу войны лиги пользовались огромным влиянием и объединяли в своих рядах сотни тысяч человек.

Это движение являлось убедительным свидетельством самого активного участия народных масс в революционной борьбе с рабовладельцами. Позже, после окончания войны, руководители лиг заявили в одном из официальных документов: «От Мэна до Флориды и от Атлантики до Тихого океана наши организации насчитывают миллионы членов»³.

Почти одновременно с созданием лиг на Севере появились клубы сторонников Союза. Первые клубы были созданы в Филадельфии, Нью-Йорке и Бостоне⁴. В отличие от лиг, клубы объединяли состоятельные слои населения, и их программа была

¹ J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 491.

² «New York Daily Tribune», 3. IV. 1863.

³ Reports of the Committees of the House of Representatives, 42-nd Congress, 2-nd Session, Ku-Klux Conspiracy, South Carolina Testimony, Vol. II, p. 956.

⁴ J. Rhodes. History of the Civil War, p. 205.

был умеренной. Но цель, которую они преследовали, была та же — оказание всемерной поддержки правительству Линкольна в борьбе с рабовладельческой Конфедерацией.

Возникновение этих массовых организаций сторонников Союза и их активная деятельность стали возможны только на втором этапе войны, когда борьба против рабовладельцев стала вестись революционными методами. С другой стороны, эти массовые организации, в первую очередь лиги сторонников Союза, своей деятельностью способствовали дальнейшему углублению революции, доведению войны до полного уничтожения рабства и разгрома мятежной Конфедерации.

Лиги получали активную поддержку со стороны радикальных республиканцев и Линкольна; президент встречался с их руководителями, обсуждал с ними важные политические проблемы.

Бесспорно то, что после освобождения рабов и перехода к революционным методам ведения войны Линкольн в главном вопросе войны, которым являлось рабство, стал на точку зрения радикалов и аболиционистов. Однако это не означало, что были сняты все противоречия между президентом и радикалами.

На втором этапе войны положение Линкольна в определенной мере стало даже более затруднительным. Резко усилилась оппозиция президенту справа, со стороны «мирных» демократов, встретивших в штыки Прокламацию об освобождении. Радикалы, в свою очередь, считали, что Линкольн недостаточно последователен.

24 июня (6 июля) 1863 г. Стеклъ сообщал: «Что касается президента, то он кажется изнемогающим под тяжестью ответственности, которая лежит на нем. В последний раз, когда мы виделись, он сказал мне: «Я должен страдать от моих друзей больше, чем от моих врагов». И действительно, атаки его партии более жесткие, чем атаки демократов. Г-н Линкольн, к несчастью, слишком следует советам радикалов, однако же его обвиняют в том, что он не идет далеко. Их основная претензия заключается в том, что он держит в своем кабинете г-на Сьюарда, консервативные принципы которого задевают их.

Впрочем, ситуация в том состоянии, как она есть сегодня, оставляет мало простора для правительства. Оно увлечено событиями, которыми не в состоянии руководить. Во всей стране происходит медленная, но прогрессирующая работа, которая угрожает опрокинуть старый порядок вещей, чтобы создать новый»¹.

В целом Стеклъ правильно освещал трудности, с которыми сталкивался в это время президент. Наглядное представление о тяжелой обстановке, в которой работал Линкольн, дает следую-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1863 г., д 160, л. 378.

ший факт. В политических кругах Вашингтона стали упорно распространяться необоснованные слухи о том, что жена президента, многие близкие родственники которой сражались в армии Конфедерации, является шпионкой мятежников.

В конце концов сенаторы — члены комиссии по ведению войны собрались на тайное совещание, чтобы обсудить этот вопрос. Один из членов комиссии, участник этого совещания, рассказывал впоследствии: «Не успел председатель открыть совещание, как вошел чиновник, дежуривший у дверей комнаты, он был явно испуган. Он хотел объяснить причину своего волнения и вторжения, но в этом уже не было нужды — мы сами были невероятно поражены увиденным: у стола комиссии возникла высокая фигура Линкольна. Он стоял обособленно от всех: в руке он держал шляпу».

В его глазах была «почти нечеловеческая грусть». Вокруг него царила необъяснимая атмосфера полной изоляции, которая каким-то образом ассоциировалась с тем, что он возник, словно привидение. «Все молчали, ибо никто не знал, что сказать. От президента не требовали, чтобы он предстал перед комиссией для ответа, и никто не предполагал, что он знал о нашем намерении выслушать сообщения, которые, если бы они оправдались, обрушили бы на его семью обвинения в измене».

Наконец, голосом, полным печали, стараясь совладать со своими чувствами, вошедший сказал:

— Я, Авраам Линкольн, президент Соединенных Штатов, по собственному желанию предстаю перед сенатской комиссией, чтобы заявить, что, насколько мне известно, утверждение о том, что кто-то из членов моей семьи состоит в изменнической связи с врагом, — ложно.

Он дал свидетельское показание и ушел такой же одинокий и молчаливый, как и пришел. «На несколько минут мы онемели. По молчаливому согласию комиссия даже не приступила к обсуждению слухов о государственной измене жены президента. Мы были так поражены, что решено было в этот день больше не заседать»¹.

Взаимоотношения Линкольна с радикалами, демократами, ведущими политическими и государственными деятелями имели важное, но не решающее значение. Главное заключалось в том, что, став на путь уничтожения рабства и революционного ведения войны, Линкольн пошел навстречу важнейшим требованиям народных масс и обеспечил себе их поддержку.

¹ Сэндберг К. Указ. соч., с. 356.

2. Рабочие и гражданская война

Трудности военного времени, недовольство дискриминационным характером закона о воинской повинности, пропаганда «мединок» — все это могло и действительно приводило к тому, что и на втором этапе войны были случаи, когда и трудящиеся участвовали в антиправительственных выступлениях. Но подобные факты были немногочисленны, большинство рабочих, фермеров — всех трудящихся поддерживало политику Линкольна. И эта поддержка имела тем большее значение, что война всей своей огромной тяжестью легла на плечи трудящихся.

Контрасты периода войны были чудовищны. Гражданская война положила начало «золотому веку» американской буржуазии, которая сумела извлечь непосредственные и колоссальные материальные выгоды из самого кровавого конфликта в истории американского народа. Несмотря на вызванное войной большое разрушение материальных ценностей, в целом класс буржуазии получил огромные прибыли от быстрого развития промышленности, начавшегося с середины 1862 г., после преодоления депрессии, которая возникла в связи с началом войны.

Золотым дном для буржуазии являлись военные поставки, которые не только стимулировали развитие промышленности, но и давали исключительно высокие дополнительные прибыли, так как они осуществлялись по взвинченным ценам, а поставляемое оружие, обмундирование, военное снаряжение и продовольствие были зачастую очень низкого качества.

Большие прибыли получала буржуазия от распределения военных займов, предоставлявшихся правительству по резко завышенным процентам. Быстро распространявшаяся инфляция, вызванная выпуском огромного количества бумажных денег, также способствовала обогащению финансовой и промышленной буржуазии.

Война способствовала резкому росту прибылей не только в отраслях производства, связанных с военными поставками, но и в глубоко мирных отраслях. В частности, исключительно быстрыми темпами развивалось сельскохозяйственное машиностроение, так как сотни тысяч фермеров ушли на фронт, и это стимулировало быстрое внедрение машин в сельскохозяйственное производство¹.

Безраздельно господствуя в федеральных органах управления, буржуазия смогла осуществить в годы гражданской войны важное

¹ D. Perkins, G. Deussen. Op. cit., Vol. I, p. 681 — 684.

мероприятие, за которое она боролась на протяжении многих лет, — был увеличен таможенный тариф.

Первое увеличение таможенного тарифа было проведено уже в августе 1861 г.¹ На протяжении войны тариф увеличивался неоднократно, и к концу войны пошлины достигли 47 % от стоимости ввозимых товаров, т. е. увеличились почти в два раза по сравнению с предвоенными годами². Увеличение тарифа не только оградило промышленность от иностранной конкуренции, но и дало огромные прибыли, которыми воспользовался весь класс буржуазии.

В годы войны была введена новая система налогообложения, давшая несомненные преимущества крупной буржуазии, что наряду с быстрым ростом промышленности резко усилило процесс концентрации производства и увеличение прибыли, особенно в телеграфных и транспортных компаниях.

Начало процесса превращения США в великую железнодорожную державу было положено в годы гражданской войны, когда началась прокладка трансконтинентальной железной дороги. «В то время как армия Гранта, неся страшные потери, пробивалась к Ричмонду, десятки тысяч китайцев и три тысячи ирландцев прокладывали железнодорожный путь на восток от Калифорнии, через хребет Сьерра-Невада и Скалистые горы, и жертвы, которые они несли на ледяных вершинах гор и в жарких пустынях, были почти столь же многочисленны, как и у сражавшихся армий. Они тянули на восток первую трансконтинентальную железную дорогу»³.

Создание трансконтинентальных железных дорог было необходимо для того, чтобы связать отдаленные друг от друга районы Востока и Запада в единое экономическое целое. Железнодорожное строительство также являлось источником исключительно больших прибылей, и акции железнодорожных компаний росли как грибы. Курс акций железнодорожной компании Эри увеличился за время войны с 17 до 126,5 долл., Гудзон — Ривер — с 31,5 до 164, Кливленд — Питсберг — с 52,5 до 138, Центральной Иллинойской компании с 6,5 до 132 долл.⁴

Никогда ранее в США так быстро не росли огромные состояния. Это была настоящая вакханалия наживы. Фундамент круп-

¹ «Congressional Globe», 37-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 34 — 40

² D. Perkins, G. Deussen. Op. cit., Vol. I, p. 681.

³ Бойер Р. и Морейс Г. Указ. соч., с. 39.

⁴ Фолькнер Г.. История народного хозяйства США, М. — Л., 1932, с. 277.

нейших финансовых магнатов США — Моргана, Рокфеллера, Индербильда и др. был заложен в период гражданской войны.

Получая огромные прибыли, буржуазия вела и соответствующий образ жизни. Состоятельные круги, освобожденные от службы в армии дискриминационным законом о воинской повинности, изощрялись в удовольствиях. На Севере устраивались грандиозные балы, огромное число зрителей собиралось на ипподромах, обороты тотализаторов составляли сотни тысяч долларов. Это был настоящий пир во время чумы, буржуазия брала от революции все, что только можно было взять.

А тем временем трудящиеся массы гибли на фронтах и испытывали колоссальные лишения, вызванные военными трудностями. Война всей своей тяжестью обрушилась в первую очередь на рабочих. Война привела к тому, что «богатые становились богаче... а рабочие бедствовали»¹.

К концу войны цены на товары первой необходимости возросли вдвое, а заработная плата увеличилась всего на 15 — 20 %. Осуществляя наступление на жизненный уровень трудящихся, предприниматели охотно шли на использование женского и детского труда, который оплачивался значительно ниже, чем труд рабочих-мужчин. Для блокирования заработной платы буржуазия широко использовала труд иммигрантов, которым также уплачивались низкие ставки. Это был важный источник резервной силы: за годы войны в США прибыло 800 тыс. иммигрантов, значительная масса которых пошла работать в сферу промышленного производства.

Используя бедственное положение рабочих, агентура рабовладельцев всемерно стремилась направить недовольство против правительства Линкольна, пыталась создать в их среде социальную базу движения за заключение мира с рабовладельцами. На протяжении всей войны «медянки», спекулируя на трудностях рабочих, пытались убедить их в необходимости скорейшего прекращения войны на условиях капитуляции перед рабовладельцами, стремились разжечь среди рабочих ненависть к неграм. С. Маккормик, основатель крупнейшей династии владельцев заводов сельскохозяйственного машиностроения и ведущий лидер «медянок», взывал, обращаясь к рабочим: «Покончить с войной, объявить перемирие, созвать конференцию и выработать условия мира...»²

Реакционная пресса Севера делала все для того, чтобы «укре-

¹ J. Grossman. William Sylvis, Pioneer of American Labor. A Study of the Labor Movement during the Era of the Civil War. New York, 1945, p. 51.

² G. Milton. Abraham Lincoln..., p. 237.

пить предрассудки и усилить ненависть читателей и наиболее невежественной части населения к неграм»¹.

В Нью-Йорке «медянки» создали «Объединенную рабочую политическую ассоциацию», чтобы «направлять рабочее движение в интересах рабовладельческого мятежа». Ассоциация обратилась с адресом «К рабочим Соединенных Штатов», в котором обещалось «увеличить заработную плату и сократить продолжительность рабочего дня до 8 часов», если рабочие выступят за мир с Конфедерацией. Печатный орган этой ассоциации «Дейли ньюс» разжигала среди рабочих антинегритянские настроения, заявляла, что освобождение рабов будет «бесполезной попыткой улучшить положение негров за счет белой расы»². Пресса прорабовладельческих кругов, раздувая антиправительственные настроения, особенно спекулировала на непопулярности закона о конскрипции³.

С точки зрения классовых интересов рабочих позиция республиканской прессы тоже не отличалась особым радикализмом. «Нью-Йорк дейли трибюн», например, настойчиво убеждала рабочих, что истинные интересы капитала и труда тождественны. «...Ограниченна и глубоко фальшива концепция, рассматривающая капитал и труд как антагонистов и предполагающая, что кто-то из них может получить преимущества от депрессии другого»⁴.

В газете нередко появлялись путанные рассуждения о социализме и коммунизме. «Сейчас, — заявляла «Нью-Йорк дейли трибюн», — раздаются давно возникшие упреки в адрес социализма». Газета заявляла, что она принимает социализм, выступает за «улучшение социальных условий масс», что «можно обеспечить путем кооперации». Изложив свою «социалистическую» теорию, газета резко выступала против «самонадеянных основ коммунизма, с которыми мы никак не можем согласиться»⁵.

Подобные теоретические экскурсы республиканской прессы дезориентировали рабочих, имели своей целью отвлечь их от классовой борьбы. Это была настоящая идеологическая диверсия против рабочего класса.

Что касается идеологов прорабовладельческой буржуазии, то они были готовы обещать рабочим что угодно, лишь бы расколоть антирабовладельческий фронт, помешать активному участию рабочего класса в борьбе с рабовладельцами.

¹ «New York Daily Tribune», 14. IV. 1863.

² Ibid., 6. VIII. 1864.

³ В. Mandell. Op. cit., p. 190 — 191.

⁴ «New York Daily Tribune», 16. XI. 1863.

⁵ Ibidem.

Однако усилия сторонников рабовладельцев не давали положительного результата. «Благодаря пониманию рабочими глубоких проблем гражданской войны лишь немногие стали жертвой пропаганды меднолобых...»¹

Сознательные рабочие, понимая необходимость единства белых и черных, не только не поддавались пропаганде «медянок», но и выступали в защиту интересов негритянских рабочих. На митинге рабочих Нью-Йорка Роберт Поер заявил, что «он — рабочий и поэтому выступает за справедливую заработную плату для каждого рабочего... независимо от того, какой он — белый, черный или коричневый»². Пресса рабочих писала, что цель мятежников — «низвести свободных белых рабочих к таким же... условиям, в которых находятся рабы»³.

Республиканская пресса, учитывая антирабовладельческий характер войны и невозможность в этих условиях открытой дискриминации негритянских рабочих, высказывалась за то, что «негр, так же, как и белый, имеет право работать, если кто-либо его нанимает и платит ему. Закон, суд, полиция и общественное мнение должны будут защищать его права»⁴.

Рабочее движение в годы гражданской войны сталкивалось с серьезными трудностями. Наиболее активные и сознательные рабочие ушли на фронт, новое пополнение рабочего класса, пришедшее на фабрики и заводы, не имело опыта борьбы, было несравненно хуже организовано, чем старые кадровые рабочие. Рабочему классу приходилось сражаться сразу на нескольких фронтах: против рабовладельцев, угрожавших самому существованию Союза, против предпринимателей, наступавших на жизненный уровень трудящихся, против «медянок», стремившихся отвлечь рабочих от борьбы против рабовладельцев. «В условиях, когда прежде всего необходимо было покончить с системой рабовладения на Юге, рабочие, сознательность и боевой дух которых значительно выросли за годы войны, не могли в полной мере воспользоваться благоприятными условиями для укрепления своих организаций и для борьбы против спекулятивных мероприятий буржуазии, против растущей дороговизны и т.д.»⁵.

Тем не менее в 1863 г. началось оживление в рабочем движении, стали восстанавливаться старые профсоюзы и возникать новые. Рабочие прекрасно понимали, что их главная сила заклю-

¹ Ф. Фонер. Указ. соч., с. 368.

² «New York Daily Tribune», 16. XII. 1863.

³ B. Mandell. Op. cit., p. 200.

⁴ «New York Daily Tribune», 14. IV. 1863.

⁵ Зубок Л. И. Национальный рабочий союз. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 349.

чается в единстве, в сплоченности их рядов. 24 марта 1863 г. был созван многотысячный митинг рабочих Нью-Йорка с целью создать профсоюз. Представители рабочих Нью-Йорка заявили на митинге, что «только путем организации можно добиться прав для рабочих и должным образом защищать их от разрушительного воздействия капитала». «Единственная возможность избежать деспотизма капитала, — заявлял другой оратор, — заключается в организации рабочих»¹.

К единству действий призывали многие профсоюзные организации. Один из профсоюзов Нью-Йорка обратился к членам профсоюзов США и Канады с призывом совместно выступить за права профсоюзов и рабочих, а также бороться против «депрессивных комбинаций капитала... Мы взываем к решающей силе страны, к рабочим, интересы которых едины, с призывом помочь нам добиться успеха в борьбе против объединений наших работодателей»².

Рабочие имели в виду ассоциации, которые начали создаваться в годы войны и объединяли предпринимателей одной отрасли промышленности сначала в пределах города, а потом и в масштабе штата. Позднее появились ассоциации, объединившие предпринимателей различных отраслей промышленности. Это были организации, цель которых заключалась в борьбе против профсоюзов, против рабочего движения. Предприниматели организовывали локауты, составляли «черные списки», срывали забастовки с помощью штрейкбрехеров, не гнушались использовать в этой борьбе уголовников³.

Рабочие ответили на создание ассоциаций предпринимателей усилением профсоюзного движения. С конца 1862 — начала 1863 г. началось создание новых профсоюзов⁴. К концу 1863 г. имелось 79 местных профсоюзов, объединявших рабочих 20 отраслей промышленности, в 1864 г. число профсоюзов увеличилось до 270, а число отраслей промышленности, охваченных профсоюзным движением, возросло до 53. В ноябре 1865 г. в США насчитывалось 300 профсоюзов, объединявших до 300 тыс. рабочих 61 отрасли промышленности⁵.

Создание ассоциаций предпринимателей вызвало необходимость организационного укрепления профсоюзного движения. В феврале 1863 г. в Рочестере (штат Нью-Йорк) было создано

¹ «New York Daily Tribune», 25. III. 1863.

² Ibid., 14. XI. 1863.

³ См. Зубок Л. И. Национальный рабочий союз. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 351.

⁴ J. Grossman. Op. cit., p. 67 — 68.

⁵ Бимба А. История американского рабочего класса. М., 1930, с. 108.

первое городское объединение профсоюзов, а к концу войны такие объединения, называвшиеся ассамблеями, возникли почти во всех значительных индустриальных центрах страны.

Усиление рабочего движения, организационное укрепление профсоюзного движения в годы войны создали предпосылки для создания в 1866 г. первой общенациональной рабочей организации США, Национального рабочего союза, объединившего крупнейшие профсоюзы страны.

Для скорейшего разгрома мятежных рабовладельцев необходимо было мобилизовать все силы, и рабочие понимали это. Тем не менее они вынуждены были бастовать, чтобы сдержать упорное наступление предпринимателей на жизненный уровень трудящихся. Уильям Сильвис заявил: «Мы желаем достигнуть нашей цели по возможности при помощи избирательных урн, но, если это не поможет, мы прибегнем к другим мерам. При кризисах не обходешься без небольшого кровопускания»².

В 1863 — 1864 гг. во многих северных штатах были организованы забастовки с требованием повысить заработную плату. Рабочие заявляли, что плата за их труд должна быть увеличена в таких размерах, чтобы компенсировать резкое вздорожание жизни, вызванное ростом цен на продукты питания и товары первой необходимости³.

Используя законы военного времени, предприниматели неоднократно обращались для подавления стачек к помощи вооруженных сил. Такие случаи происходили в Пенсильвании, Нью-Йорке, Миссури и в других штатах⁴.

Для борьбы с забастовками предприниматели широко использовали штрейкбрехеров⁵. Во время забастовки железнодорожных рабочих в Олбании предприниматели согласились повысить заработную плату немногим, кто приступил к работе. В ответ на это 100 рабочих напали на штрейкбрехеров, на защиту которых выступили 50 полицейских во главе с мэром. Полицейские пустили в ход огнестрельное оружие, на что рабочие ответили градом камней. В результате схватки были раненые среди рабочих и поли-

¹ N. Fine. Labor and Farmer Parties in the United States 1828 — 1928. New York, 1961, p. 23 — 25.

² Заславский Д. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. М., 1931, с. 150.

³ «New York Daily Tribune», 7. II, 18. VI, 30. X, 12, 14, 19. XI 1863; 15. III, 9. IV, 19. VIII. 1864.

⁴ J. Grossman. Op. cit., p. 51 — 54.

⁵ B. Mandell. Op. cit., p. 187 — 189.

цейских. Рабочие вновь возобновили свои попытки разогнать штрейкбрехеров, получив подкрепление из г. Троя¹.

Подобные схватки были обычным явлением во время забастовок в промышленных центрах Севера².

В годы войны предприниматели широко использовали труд женщин и детей, что поставило перед рабочим движением задачу борьбы за интересы этой наиболее жестоко эксплуатируемой части рабочего класса. Низкая заработная плата женщин были повсеместным явлением. «Нью-Йорк дейли трибюн» писал: «Мы резко отрицательно относимся к доктрине, что тот, кто использует женский труд, обязательно является грабителем. Те же из них, кто под различными предлогами уклоняется от необходимой оплаты женского труда, — подлецы. Тюрьма штата — вполне подходящее для них место. Женщины каждый день заняты на тяжелых и продолжительных работах, получая жалкие гроши, на которые невозможно поддержать здоровье и прилично жить. Это со всей очевидностью доказывает, что такой предприниматель скотина и грабитель»³.

Женщины-работницы активно боролись за свои права. На митинге работниц Нью-Йорка было принято решение добиться от предпринимателей улучшения условий труда женщин или объявить забастовку. Участницы митинга выразили свою солидарность женщинам-негритянкам, находящимся в рабстве на Юге, и отмечали, что не в лучшем положении находятся на Севере «свободные женщины, которые часто работают по 16 и 18 часов в день за скверную пищу и одежду»⁴. Участницы митинга заявляли, что они решительно выступают против филантропии и требуют предоставления женщинам равных прав с мужчинами: «Все женщины, как и мужчины, имеют право на жизнь». Участницы митинга потребовали сокращения рабочего дня на два часа⁵.

На втором этапе войны наметились серьезные сдвиги в организационном укреплении движения женщин-работниц. На митинге работниц Нью-Йорка был создан Союз женщин-работниц г. Нью-Йорка, принят устав Союза и сформулированы конкретные задачи движения женщин-работниц⁶.

Важной задачей рабочего движения была борьба с антирабо-

¹ «New York Daily Tribune», 18. VI. 1863.

² J. Grossman. Op. cit., p. 51 — 54.

³ «New York Daily Tribune», 18. XI. 1863.

⁴ Ibid., 19. IX. 1863.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid., 25. XI. 1863.

чим законодательством. Соответствующие законы, направленные на запрещение борьбы рабочих за улучшение своего положения, были внесены в законодательное собрание Массачусетса и Нью-Йорка¹. Билль, внесенный в сенат законодательного собрания Нью-Йорка, запрещал под страхом крупного штрафа и тюремного заключения любое вмешательство во взаимоотношения между рабочими и предпринимателями².

По призыву рабочей ассамблеи Нью-Йорка митинги протеста против принятия этого билля состоялись в Трое, Рочестере, Буффало. С резким протестом против этого законопроекта выступил У. Сильвис³. Активные выступления рабочих заставили власти штата отказаться от принятия этого закона⁴.

О грандиозном размахе движения протеста среди рабочих свидетельствовал тот факт, что на митинге в Нью-Йорке, созванном для борьбы с этим реакционным законом, присутствовало от 10 до 15 тыс. человек, представлявших 60 профсоюзов⁵.

Реакционные силы Севера стремились использовать тяжелое положение рабочих, чтобы восстановить их не только против федерального правительства, но и лично против Линкольна. Эти попытки не давали положительного результата, рабочие газеты замечали, что за бедственное положение рабочих винить надо «не Линкольна, а выскочек-чиновников, извлекающих несправедливые преимущества из должностных постов, которые они бесчестят»⁶.

В лице Линкольна рабочие видели человека, искренне сочувствовавшего их тяжелому положению. И действительно, Линкольн, относившийся с огромным уважением к людям труда, был противником антирабочего законодательства, он неоднократно указывал на необходимость соблюдать права рабочих, в частности их право на забастовку.

Известны многочисленные случаи, когда президент встречался с представителями рабочих и стремился всемерно облегчить их положение. В январе 1865 г. Линкольн принял делегацию женщин, представлявших 14 тыс. работниц Филадельфии, занятых на предприятиях, которые выполняли заказы правительства. В отчете говорилось, что «президент Линкольн был глубоко потрясен»

¹ J. Grossman. Op. cit., p. 52.

² «New York Daily Tribune», 18. XI. 1864.

³ J. Grossman. Op. cit., p. 51 — 52.

⁴ Зубок Л. И. Национальный рабочий союз. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 352.

⁵ «New York Daily Tribune», 8. IV. 1864.

⁶ Фонер Ф. Указ. соч., с. 375.

рассказом о бедственном положении работниц и несправедливостях, которым они подвергались. Линкольн послал за квартирмейстером генералом Томсоном и «рассказал ему об услышанной истории, а затем с большим чувством сказал: «Я сочту себя лично обязанным, если вы сможете в будущем организовать работы по поставкам для правительства таким образом, чтобы их выполняли женщины и получали хорошую плату за свой труд»¹.

Линкольн принял также делегацию союза слесарей и кузнецов Нью-Йорка. В конце 1863 г. этот союз организовал забастовку с требованием повысить заработную плату; в забастовке участвовало около 7 тыс. рабочих. Предприниматели сразу же обратились к федеральному правительству с просьбой продолжить их контракт, чтобы таким путем подавить забастовку. Вслед за делегацией предпринимателей в Вашингтон выехала делегация рабочих, которая была принята Линкольном. Внимательно выслушав обе стороны о причинах забастовки, президент заявил, что он «считает предпринимателей зачинщиками ее, поскольку они отказались принять условия, предложенные рабочими, и вынудили последних оставить работу...». Спорные вопросы между предпринимателями и рабочим Союзом не были разрешены, и рабочие направили к Линкольну вторую делегацию. Член этой делегации писал: «М-р Линкольн... расспросил нас о размерах нашей заработной платы, сколько мы получаем теперь и чего мы требуем. Выслушав наш ответ, он сказал: «Да, рабочим, должно быть, трудно. Я тоже не живу на широкую ногу, хотя я и здесь. Но это стоит мне вдвое дороже, чем два года назад».

Касаясь вопроса о причинах забастовок, Линкольн, сказал делегации рабочих: «Я знаю бедствия и страдания рабочих, и я всегда сочувствую им. Я знаю, что почти в каждой забастовке рабочие имеют справедливые причины для недовольства»².

Благожелательное отношение Линкольна к рабочим делегациям, его понимание необходимости забастовочной борьбы широко комментировалось в рабочей прессе и в огромной степени способствовало росту его авторитета среди рабочих.

Линкольн был решительным противником вмешательства военных и гражданских властей в забастовочную борьбу. Во время забастовки рабочих верфей президент распорядился, чтобы командование армии и флота урегулировало конфликт с рабочими путем переговоров. В декабре 1863 г. был снят с занимаемого поста офицер флота, отказавшийся принять и выслушать рабочих

¹ «New York Daily Tribune», 27. I. 1865.

² Фонер Ф. Указ. соч., с. 376 — 377.

Бруклинской верфи и уволивший с работы наиболее активных членов профсоюза. На его место был назначен адмирал С. Стрингфем, который приказал вернуть на работу уволенных рабочих. Один из руководителей рабочих писал, что это решение «вызвало всеобщее удовлетворение. Это гарантия того, что правительство намерено поступать справедливо со своими рабочими»¹.

Важную роль в сплочении рабочих, в мобилизации их усилий на борьбу с рабовладельцами играли американские социалисты. Руководители и рядовые члены социалистических организаций не только первыми пошли в армию, но и вели большую работу в профсоюзах. Фостер писал: «Марксисты делали все, что могли, для победы в войне, и, несмотря на их малочисленность, их влияние было не только значительным, но и решающим»². Под влиянием социалистов профсоюзы не только боролись за осуществление экономических требований рабочих, но и включались в политическую борьбу, выступали за разгром мятежников-рабовладельцев. Социалисты были организаторами Демократическо-республиканской ассоциации³. В Ассоциацию входили рабочие — республиканцы и демократы, ее создание явилось важным шагом в укреплении единства рабочих вне зависимости от их партийной принадлежности. Ассоциация активно включилась в политическую борьбу и сыграла большую роль в переизбрании Линкольна президентом в 1864 г.

Об отношении рабочих к Линкольну свидетельствует дружеский, теплая встреча президента с представителями Демократическо-республиканской ассоциации, которая состоялась весной 1864 г. Представители рабочих сообщили Линкольну, что он избран почетным членом их Ассоциации. Президент ответил, что с большим удовлетворением принимает это избрание и расценивает его для себя как большую честь. В беседе с представителями Ассоциации Линкольн сказал: «Рабочие понимают, что настоящий мятеж преследует большую цель, чем увечье негров, в действительности это война против прав рабочих... Сильнейшей связью между людьми, помимо семейных: отношений, должна быть общность, объединяющая трудящихся всех наций, языков и племен». В ответной речи руководитель рабочей делегации заявил, что «все рабочие Соединенных Штатов желают, чтобы следующий прези-

¹ См. Фонер Ф. Указ. соч., с. 376; C. Sandburg. Abraham Lincoln ..., Vol. 2, p. 621, Vol. 3, p. 398.

² Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 367.

³ Зубок Л.И.. Национальный рабочий союз. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 349.

дент страны был из Спрингфилда (штат Иллинойс) и чтобы имя его было Авраам Линкольн»¹.

Бесспорно то, что президент, прошедший большую трудовую школу, на всю жизнь сохранил уважение и самые лучшие чувства к людям труда, в том числе и к рабочим. Непосредственное вмешательство Линкольна в конфликты между рабочими и предпринимателями было благоприятно для рабочих, способствовало урегулированию конфликтов и улучшению положения рабочих. Но Линкольн был президентом буржуазного государства, и это налагало на него обязанности, которые он не мог игнорировать. Линкольн был вполне искренен, когда во время беседы с одной из делегаций рабочих заявил, что как президент он не может ничего сделать, но как Авраам Линкольн сочувствует им².

И действительно, ни Линкольн, ни какой-либо другой президент не мог разрешить антагонистических противоречий между трудом и капиталом. Максимум, чего можно было добиться, — это урегулирования в пользу рабочих отдельных конфликтов, когда налицо было грубейшее нарушение всех прав рабочих. Именно это, и только это мог и делал Авраам Линкольн. Но бесспорно то, что в истории США никогда не было президента, который с таким сочувствием относился к рабочим, понимал их огромную роль в жизни страны и делал максимум возможного для защиты их интересов. В этом — одна из причин величия Линкольна как государственного деятеля, важная причина искренней любви к нему со стороны трудящихся масс.

Линкольн правильно понимал решающую роль рабочих в гражданской войне. В 1864 г. он говорил: «В подавлении мятежа никто так глубоко не заинтересован, как рабочие люди»³.

Рабочие понимали свою историческую задачу в борьбе с рабовладельцами, сознавали, что они являются главной силой, которая приведет к уничтожению рабства и спасению единства страны. Все это было убедительно сформулировано в одном из заявлений Демократическо-республиканской ассоциации, опубликованном в июле 1864 г. «Как нация, — говорилось в заявлении, — мы вовлечены сейчас в битву за демократию против аристократии и тирании... Мы сражаемся сегодня за демократическое правительство... против аристократии Юга, которая уверена, что все рабочие должны быть рабами... Как нация мы являемся авангардом свободы человека и прогресса. В этот час мы выполняем свой важный

¹ «New York Daily Tribune», 23. III. 1864.

² Ф о н е р Ф. Указ. соч., с. 376.

³ «Collected Works», Vol. VII, p. 259.

долг в величайшей битве за права человека против абсолютизма и деспотизма». Руководители рабочих заявляли о решающей роли грядущих в борьбе за уничтожение рабства: «Мы верим, что сознательный патриотизм рабочих обеспечит спасение страны... Поэтому мы призываем положиться на народ».

Руководители Ассоциации заявляли по поводу мятежа в Нью-Йорке: «Рабочие Нью-Йорка не были организаторами мятежей в 1863 г. Они явились результатом продолжительной и тщательной деятельности реакционных лидеров, преуспевших в разжигании предрассудков среди рабочих и способствовавших совершению страшных дел... Рабочие Нью-Йорка — не мятежники. Немногие безрассудные и распущенные люди, слоняющиеся между каторжной тюрьмой и темными притонами, не являются представителями рабочих столицы. Мы верим... что можно полностью положиться на трудящиеся массы»¹.

И действительно, страна могла полностью положиться на рабочих, которые рассматривали борьбу с рабовладельцами как свое кровное дело и внесли вместе с другими трудящимися массами страны решающий вклад в уничтожение рабства и восстановление единства страны². Об этом со всей очевидностью свидетельствует тот факт, что, по данным сената США, от 500 до 750 тыс. рабочих сражались в рядах федеральной армии, т.е. более 50 % всего рабочего класса³. На фронтах сражались многие активисты профсоюзов. В 1864 г. крупнейшие профсоюзы сообщали, что 12 — 15 % членов профсоюзов ушли в армию⁴.

Рабочие были основной социальной базой антирабовладельческой коалиции, они играли решающую роль в вооруженной борьбе с рабовладельцами, в производстве всего, что было необходимо для ведения войны, в борьбе с контрреволюцией в тылу. Рабочие и фермеры были главной политической силой, которая обеспечила избрание и сохранение у власти правительства Линкольна, руководившего страной в самый критический период ее истории.

3. Негры в борьбе за уничтожение рабства

Еще до опубликования предварительной Прокламации об освобождении рабов, 25 августа 1862 г., правительство Линкольна санкционировало призыв негров в армию⁵. Официальное провозглаше-

¹ «New York Daily Tribune», 19. VII. 1864.

² B. Mandell. Op. cit., p. 199 — 201.

³ Фонер Ф.. Указ. соч., с. 348 — 349.

⁴ J. Grossman. Op. cit., p. 54.

⁵ D. Cornish. Op. cit., p. 80 — 81; J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 392.

ние освобождения рабов вызвало огромный энтузиазм среди негров.

Руководители негритянского освободительного движения призывали негров принять самое активное участие в вооруженной борьбе за свое освобождение.

Дуглас обратился с пламенным воззванием к своему народу: «Действие! Действие! А не критика является бесспорной задачей настоящего момента. Слова полезны сейчас только в том случае, если они стимулируют нанесение удара. С востока до запада, с севера до юга на небосклоне начертано: «Сейчас или никогда». Свобода, завоеванная белыми, потеряет половину своей ценности. Кто хочет освободить себя, должен нанести удар. Лучше умереть свободными, чем жить рабами. Таковы чувства каждого храброго цветного человека, находящегося среди нас. Слабые и трусливые люди есть во всех нациях. Есть они среди нас. Они говорят вам, что «это война белых людей», что вам следует «лучше быть позади, а не впереди войны», что, вступив в армию, вы будете «принесены в жертву при первой возможности». Не верьте им...»¹

Выдающийся деятель негритянского освободительного движения подчеркивал, что наступил решающий момент в борьбе за уничтожение рабства. «Заря разгорается, утренняя звезда засверкала на горизонте. Железная дверь нашей тюрьмы полуткрыта. Еще один натиск с Севера, и она распахнется шире, выпустив на свободу четыре миллиона наших братьев и сестер»².

В первое время, после того как неграм было дано право служить в федеральной армии, рекрутирование американцев негритянского происхождения шло довольно медленными темпами. Объяснялось это недоверием и отчужденностью, которые сохранялись между неграми и белыми как следствие прорабовладельческих действий влиятельных кругов белого населения в предвоенные годы. Важное значение имело и то, что даже в годы войны на Севере нередко происходили негритянские погромы и осуществлялись дискриминационные меры по отношению к негритянскому населению. Надо также учитывать, что негры были хорошо информированы об антинегритянских действиях федеральных войск на территории южных штатов.

Прорабовладельческие элементы Севера после объявления призыва негров в федеральную армию развернули активную агитационную кампанию, убеждая негров не вступать в вооруженные силы Союза. Они заявляли, что призыв негров в армию будет означать «возрождение рабства, что негров продадут на Кубу, что их

¹ «New York Daily Tribune», 5. III. 1863.

² Ph. Foner (ed.). Fr. Douglass. Selections..., p. 67.

поставят на убой в первые ряды сражающихся и делали много других ужасных предсказаний»¹.

Руководителям негритянских народных масс и радикалам пришлось проделать большую работу среди негров, чтобы обеспечить формирование негритянских полков. Эта работа дала свои положительные результаты. Началось массовое вступление негров в федеральную армию. Формированием негритянских полков занимался Фредерик Дуглас и другие негры, многие из которых были потом на командных должностях в негритянских войсках.

В своих обращениях к Линкольну негры приветствовали решение о допуске их в федеральную армию и отмечали, что свое желание сражаться против рабовладельцев они неоднократно доказывали не на словах, а на деле.

10 марта 1864 г. негры передали Линкольну документ, под которым стояло более тысячи подписей негров Луизианы. В нем говорилось: «Когда генерал Бэнкс находился... в Порт-Айленде и Новому Орлеану угрожала опасность... губернатор Шеплей потребовал войск для защиты города. Негры были первыми, кто откликнулся на этот призыв, и сформировали первый полк в кратчайший срок — за 48 часов»².

Формирование негритянских полков проходило успешно, десятки тысяч негров шли добровольцами в армию, хотя они подвергались в вооруженных силах позорной дискриминации. Неграм не разрешали находиться в одних частях с белыми, из негров-добровольцев были сформированы специальные полки, в которых все основные командные должности занимали белые офицеры. Негров дискриминировали при присвоении офицерских и унтер-офицерских званий. На семьи негров-солдат не распространялись льготы, которыми пользовались семьи белых солдат. Бедственное положение семей негров-солдат было обычным явлением. «Нью-Йорк дейли трибюн» опубликовала письмо солдат, в котором сообщалось, что двое детей одного из негров-солдат их полка были отправлены в дом для бедных, так как этот солдат не получает жалованья в течение шести месяцев и его семья дошла до крайней степени нищеты³. Семьи негров, ушедших в армию, не получали никакой защиты от федеральных властей, а такая защита была крайне необходима, так как расисты неоднократно устраивали на Севере кровавые негритянские погромы⁴.

¹ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 6, p. 444.

² H. Aptheker (ed.). A Documentary History..., p. 495.

³ «New York Daily Tribune», 15. III. 1865.

⁴ Ch. Wesley. Negro Labor in the United States..., p. 99 — 102; H. Aptheker (ed.). A Documentary History..., p. 502 — 503; «New York Daily Tribune», 7. III, 14. IV, 10. VIII. 1863.

Солдатам-неграм было установлено пониженное денежное содержание. Белый солдат получал 13 долл. в месяц, негр — только 10. В отдельных полках разница в оплате достигала 6 долл. в месяц. Негритянские солдаты получали худшее обмундирование и продовольственное довольствие. Подобные факты дискриминации вызывали резкие протесты в армии и в политических кругах Севера¹.

В многочисленных обращениях к военному командованию и к Линкольну негры-солдаты требовали равной платы с белыми². Их требования были поддержаны петициями, которые направлялись в конгресс негритянским населением северных штатов³.

Протесты негров-солдат против дискриминации в оплате приводили к трагическим последствиям. В марте 1864 г. В. Велкер, сержант 3-го Южнокаролинского цветного полка, потребовал, чтобы солдатам-неграм увеличили плату с 7 до 13 долл. По приказу Велкера солдаты его роты составили ружья в пирамиду перед палаткой командира роты и заявили, что отказываются служить в армии до тех пор, пока не будет выполнено их требование. По приговору военного суда Велкер был расстрелян. Привести приговор в исполнение было поручено его товарищам по роте. После залпа одиннадцати солдат, участвовавших в казни, сержант был ранен одной пулей. Продолжить казнь было предложено другой группе негритянских солдат, которая привела приговор в исполнение⁴.

Против дискриминации негров в федеральной армии резко протестовал Фредерик Дуглас, два сына которого были среди первых негров-добровольцев. В беседе с Дугласом Линкольн возражал против равного жалования для белых и черных солдат. Президент сказал, что эта мера была бы преждевременной, ее нужно осуществить, но позднее, ибо нельзя игнорировать оппозицию приему негров в армию. Линкольн считал, что у негров «были серьезные основания воевать с южанами, и они должны идти в армию на любых условиях». Президент заявил, что в ответ на убийства мятежниками пленных солдат-негров нельзя расстреливать и вешать пленных конфедератов. «Месть — ужасное лекарство, нельзя предвидеть, к чему оно может привести». Дуглас, вспоминая об этой встрече, отмечал: «...Во всем этом я видел мягкое сердце человека, а не сурового воина и верховного главнокоман-

¹ «Congressional Globe», 38-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 11 — 12; «New York Daily Tribune», 13, 28. XI, 23. XII 1863; 20. I, 5, 15. II, 2. V 1864; B. Quarles. The Negro in the Civil War, p. 200.

² H. Aptheker (ed.). A Documentary History..., p. 484 — 486.

³ «Congressional Globe», 38-th Congress, 1-st Session, p. 484.

⁴ «New York Daily Tribune», 19. III. 1864.

дующего американской армии и флота. Хотя я не соглашался с ним, но я уважал его человечность»¹.

Протесты против дискриминации негров в армии, в частности против дискриминации в оплате, нарастали. 54-й Массачусетский негритянский полк, прославившийся во многих кровопролитных сражениях, в течение нескольких месяцев не получал денежного содержания, отказываясь согласиться на пониженную оплату².

В конце концов конгресс вынужден был в июле 1864 г. ввести равную плату для негров-солдат³.

Были случаи, когда федеральные войска обстреливали с тыла солдат-негров, сражавшихся в это время с конфедератами⁴.

Антинегритянские настроения в армии имели место, но в целом армия, ее подавляющее большинство, приветствовала призыв негров в федеральные вооруженные силы. Рядовые солдаты видели в неграх товарищей по оружию, которые сражались за свое освобождение, за общее дело разгрома рабовладельцев. Настроения рядовых солдат убедительно отражали письма из действующей армии. Солдат 81-го Иллинойского полка писал из Луизианы, что «друзья «медянок» почти падают в обморок из-за такой «аболиционистской» доктрины и считают это (призыв негров в армию. — Р. И.) простительным грехом... но я могу одобрить весь этот план и, положив руку на сердце, сказать со всей уверенностью: «Амины!» Я полностью за то, чтобы негры заняли место и собственность хозяев, взяли мушкеты и стреляли в них»⁵.

Генерал-майор Б. Прентисс, обращаясь к генералу Томасу, формировавшему по приказу Линкольна негритянские полки, заявил: «Скажите президенту от моего имени, что я приму негров в свои части, я буду просить их прийти в армию. Я сделаю все, чтобы они пришли, и, если кто-либо из моих офицеров, высокого или низкого ранга, откажется дружески принять и относиться к ним, я вышвырну его из наших рядов (бурные аплодисменты). Солдаты... если вы услышите, что кто-либо осуждает политику, провозглашенную сегодня, считайте его «медянкой», презренным предателем»⁶.

После того как негры приняли участие в боях и зарекомендо-

¹ К. Сэндберг. Указ. соч., с. 352.

² C. Woodson and Ch. Wesley. The Negro in our History. Washington, 1962, p. 375.

³ «Congressional Globe», 38-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 178 — 179.

⁴ H. Aptheker. Essays in the History of the American Negro. New York, 1945, p. 198.

⁵ «New York Daily Tribune», 11. V. 1863.

⁶ Ibid., 20. IV. 1863.

вали себя храбрыми солдатами, они завоевали заслуженный боевой авторитет у своих белых товарищей по оружию. Очевидец сообщал, что раненые негры не покидали строя даже в тех случаях, когда ранения были тяжелыми. Армия приветствовала призыв негров¹. Солдат 82-го Нью-Йоркского полка писал: «Настроения в армии в пользу негров очень сильны. Я видел их в бою»².

Благожелательное отношение к призыву негров в армию свидетельствовало о больших сдвигах в настроениях общественности Севера. Генерал Галлек сообщал 31 марта 1863 г. Гранту: «В течение последнего года характер войны очень во многом изменился... Север должен подавить рабовладельческую олигархию или сам превратиться в раба»³.

Первое боевое крещение негритянские полки получили 27 мая 1863 г. в битве за Порт-Хадсон (штат Луизиана). Мятежники встретили наступающие полки шквалом артиллерийского огня, который произвел страшное опустошение в рядах федератов. Мичиганский, Нью-Йоркский и Массачусетский белые полки, обескровленные огромными потерями, вынуждены были отступить.

Исключительно велики были потери и двух негритянских полков, участвовавших в этом штурме. Почти все офицеры и две трети солдат были убиты или ранены. И все же негры, предприняв три отчаянные атаки, сумели прорваться за оборонительные сооружения⁴. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» писал об этом сражении: «Их знамена были в клочья разорваны пулями и буквально промокли от крови и мозга. Смертельно раненный сержант-знаменосец 1-го Луизианского полка крепко прижал знамя к груди, а два сопровождавших его цветных капрала начали борьбу за право нести это священное знамя...»⁵ В другой корреспонденции рассказывалось, что у Порт-Хадсона негры «сражались как тигры»⁶. Генерал Бэнкс сообщал Линкольну, что победа у Порт-Хадсона была достигнута только благодаря мужеству и воинскому искусству негров. «Революция в отношении к цветным войскам произошла на поле битвы, в этой страшной резне, которая была славной победой»⁷.

Многочисленные комментарии свидетельствовали о том, что

¹ P. Angle and E. Miers (ed.). Op. cit., Vol. II, p. 834.

² «New York Daily Tribune», 23. VII. 1864.

³ «Official Records», Ser. I, Vol. XXIV, Pt. III, p. 156 — 157.

⁴ «New York Daily Tribune», 11. VI. 1863.

⁵ W. Du Bois. Black Reconstruction, p. 107.

⁶ «New York Daily Tribune», 9. VI. 1863.

⁷ Ibidem.

негры героически сражались у Порт-Хадсона¹. Русский журнал писал: «Теперь никто не сомневается уже в мужестве негров на поле битвы; не сомневаются и прежние их хозяева, с которыми они обменялись штыковыми ударами... Вот она, эта армия черных, которых так боялись увидеть бросающимися на плантации с топорами и кинжалами в руках; вот эта озлобленная толпа, но теперь получившая уже военную организацию, спокойная, одерживающая победы, осаждающая города»².

Второе сражение, в котором отличились негры-солдаты, была битва у Милликент Бенда 6 июня 1863 г. Все свои главные силы в этом районе Грант направил на захват Виксберга, и основная тяжесть боя легла на негритянские полки, которые еще не закончили формирование. Бригадный генерал Е. Деннис, командовавший федеральными войсками в этом сражении, сообщал, что негры не только проявили большую отвагу, но и показали высокое воинское мастерство³.

Во время битвы у Милликент Бенда около 40 негров, попавших в плен, были зверски убиты мятежниками. В ответ на это негры устроили конфедератам настоящее побоище. Очевидец этого сражения рассказывал: «Это была настоящая штыковая атака, рукопашное сражение, подобного которому не было на протяжении всей этой длительной войны. С обеих сторон были убиты прикладами мушкетов. Белые и негры лежали рядом, пронзенные штыками, иногда пригвожденные к земле. В одном месте рядом друг с другом были найдены двое мертвых, белый и негр, каждый из которых вонзил друг в друга штык»⁴.

Другой очевидец этого сражения писал, что «поведение цветных войск было героическим»⁵.

Негры участвовали и в одном из наиболее важных сражений гражданской войны, в штурме форта Вагнер, который прикрывал путь к Чарлстону, крупному порту и важному оборонительному центру Конфедерации. В этом сражении, происходившем в июле 1864 г., было использовано огромное количество артиллерии. Пресса сообщала: «Никогда ранее на Американском континенте не видели и не слышали о подобном ураганном огне тяжелой артиллерии»⁶.

Вся мощь артиллерийского огня мятежников обрушилась на

¹ «Rebellion Record», Vol. 7, Poetry and Incidents, p. 89; W. Du Bois. Black Reconstruction, p. 107; B. Brawley. A Short History of the American Negro. New York, 1939, p. 118.

² «Русское слово», 1863, № 7, Политика, с. 29.

³ «New York Daily Tribune», 10. VII. 1863.

⁴ W. Du Bois. Black Reconstruction, p. 108.

⁵ «New York Daily Tribune», 22. VI. 1863.

⁶ B. Quarles. The Negro in the Civil War, p. 7.

авангард федератов, штурмовавших эту исключительно сильно укрепленную крепость. Во главе наступавших федератов шли 650 солдат и офицеров героического 54-го Массачусетского негритянского полка.

Негры первыми ворвались на парапет и бросились в стремительную штыковую атаку. По свидетельству очевидцев, в этом бою отличился сын Фредерика Дугласа, старший сержант Льюис Дуглас. «Проявивший большую отвагу и хладнокровие, он был одним из первых, кто ворвался на парапет». Негритянский полк потерял более трети своего состава, 280 солдат не вернулись с поля боя, погибли почти все офицеры¹.

Сержант-знаменосец негритянского полка Уильям Карней первым водрузил знамя Союза на бастионе форта. Он был тяжело ранен в бедро и голову, но не выпустил знамени из рук. Когда в госпитале раненые приветствовали героя-знаменосца, он ответил: «Ребята, я все же выполнил свой долг, дорогой старый флаг никогда не касался земли»².

«Нью-Йорк дейли трибюн», давая оценку неграм, штурмовавшим форт Вагнер, имея в виду огромные потери, понесенные в сражении, писала, что «в этом самом тяжелом испытании мужества и всех солдатских качеств полк цветных солдат с миролюбивой земли Массачусетса представил наиболее растрачиваемые и ужасные доказательства своего героизма, сражаясь в этой смертельной схватке до тех пор, пока не пали мертвыми все офицеры и триста солдат»³.

С течением времени негры приобрели большой боевой опыт и стали наряду с рабочими полками наиболее надежными боевыми частями федеральной армии. Особенно много было негритянских полков в армии Шермана, и Энгельс писал в ноябре 1864 г. Вейдемейеру, находившемуся в действующей армии Союза: «...Мне кажется несомненным одно, что армия, которой сейчас руководит Шерман, — самая лучшая из ваших армий...»⁴.

Негритянские полки отличились и в последних сражениях гражданской войны, в частности в битве под Питсбергом⁵. В апреле 1865 г. произошло последнее крупное сражение гражданской войны, битва за столицу Конфедерации Ричмонд. Первыми с песней о Джоне Брауне в столицу поверженной Конфедерации ворвались негритянские полки. В боях за Ричмонд отличился 29-й Коннектикутский негритянский пехотный полк, который за пе-

¹ «New York Daily Tribune», 3. VIII. 1863.

² «Rebellion Record», Vol. 8, Rumors and Incidents, p. 16; «New York Daily Tribune», 3. VIII. 1863.

³ «New York Daily Tribune», 27. VII. 1863.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953, с. 151.

⁵ «New York Daily Tribune», 3, 6. VIII. 1864.

риод с февраля по апрель 1865 г. захватил 500 орудий, 6 тыс. ружей и огромное число пленных¹. Большую роль в боях за столицу Конфедерации сыграли также 8, 41, 45, 54 и 127-й негритянские полки².

Негры сражались не только в регулярных частях федеральной армии, но и принимали активное участие в партизанском движении в тылу мятежников, с особой силой развернувшемся на втором этапе войны, действовали в качестве разведчиков, проводников, лоцманов вооруженных сил Союза. На территории Конфедерации действовали специальные отряды, засылавшиеся с Севера. Это были чрезвычайно ответственные и опасные операции, так как эти отряды сражались в глубоком тылу противника, и в случае пленения солдатам и офицерам Севера грозила смертная казнь.

В подобных операциях участвовали, как правило, негры. Особенно прославился отряд негров, которым командовал полковник Монтгомери, известный аболиционист, участник гражданской войны в Канзасе. Только во время одного трехдневного рейда по тылам противника в мае 1863 г. отряд негров под командованием Монтгомери разгромил несколько отрядов рабовладельцев, сжег г. Ашепо, уничтожил собственность рабовладельцев, оценивавшуюся в 2 млн. долл., и освободил 800 рабов, которые были переведены через линию фронта³.

В отряде Монтгомери сражалась героическая дочь негритянского народа Гарриэт Табмен, которая командовала отрядом при осуществлении ряда важных операций в тылу врага. Еще до гражданской войны Табмен, бежав из рабства, приняла самое активное участие в аболиционистском движении. Рейды по тылам врага были для нее обычным делом, в предвоенные годы она 19 раз тайно проникала в самые отдаленные районы рабовладельческого Юга, освободила и вывела на Север около 300 рабов и воодушевила на бегство тысячи других. В 1856 г. рабовладельцы оценили ее голову в 25 тыс. долл. Табмен была человеком исключительной храбрости, «величайшей героиней своего времени», как называл ее лидер аболиционистов Новой Англии Хиггинсон.

Большой вклад в разгром мятежной Конфедерации внесли негры-моряки. Негров стали принимать во флот еще летом 1861 г., но им разрешалось служить не на боевых, а только на транспортных судах. К концу войны на многих боевых судах негры составляли подавляющее большинство команд. Факты дискриминации негров во флоте были еще более многочисленны, чем в армии; до-

¹ H. Ap theker (ed.). A Documentary History..., p. 488.

² «Journal of Negro History», Vol. 37, № 4, p. 415 — 416.

³ «Rebellion Record», Vol. 6, Diary of Events, p. 70.

статочно сказать, что ни одному негру, служившему во флоте, не было присвоено звание офицера. Несмотря на жесточайшую дискриминацию, негры героически сражались на морских театрах военных действий и участвовали во всех крупнейших морских сражениях гражданской войны. Командование военно-морскими силами Союза высоко оценивало боевые качества негров-моряков и их вклад в разгром рабовладельческой Конфедерации¹.

Для объективной оценки роли негров в гражданской войне важное значение имеют высказывания участников войны, в первую очередь тех, кто командовал негритянскими полками, сражался вместе с неграми.

Грант приветствовал опубликование Прокламации об освобождении и призыв негров в федеральную армию. Когда генерал Томас по поручению Линкольна прибыл в распоряжение войск Гранта для формирования негритянских полков, Грант оказал ему всемерное содействие. Прославленный генерал Севера писал Линкольна, что Томас может полностью рассчитывать на его помощь в осуществлении этого мероприятия, которое может «привести к большим результатам». Грант направил две экспедиции в долину Миссисипи, чтобы освободить рабов, информировать негров об опубликовании Прокламации об освобождении².

В марте 1864 г. Грант был назначен главнокомандующим и переведен с Западного фронта в Виргинию, где предстояли решающие кровопролитные бои с рабовладельцами³. И важно отметить, что Грант взял с собой в Виргинию 20 тыс. негров, которые сражались под его командованием на Западе. Это было признанием со стороны главнокомандующего больших военных заслуг негритянских полков.

Генералы Севера давали исключительно высокую оценку боевым качествам негров-солдат. Генерал Секстон заявлял: «Негритянские войска во всех боях вели себя с поразительной храбростью. Никогда, ни в едином случае я не слышал, чтобы они отступали»⁴. Генерал Нил-Доу писал, что в его дивизии есть батальон негров, «не уступающий лучшему артиллерийскому батальону из белых. Почти все негры этого батальона... отмечены клеймом и покрыты с ног до головы рубцами. Невольники, бежавшие с одной плантации, были все заклеены на лбу заглавными буквами имени их владельца В. М. величиною в полтора дюйма, буквы эти занимали весь лоб. У некоторых невольников были крепкие железные ошейники, у других оковы на руках и ногах»⁵.

¹ B. Quarles. The Negro in the Civil War, p. 229.

² «New York Daily Tribune», 2. IX. 1863.

³ Personal Memories of U. S. Grant. New York, 1962, p. 359.

⁴ H. Aptheker. Essays..., p. 197.

⁵ «Северная пчела», 1. V. 1863.

Высокую оценку мужеству и воинскому умению негров давали генералы Б. Батлер, Т. Шерман, Д. Хантер, Е. Деннис, Л. Томас, Д. Блант, С. Харбат, Г. Стронг, А. Терри, В. Смитт, Р. Морган, полковники Е. Фостер, Д. Ауер, Е. Тейлор, Т. Хиггинсон, К. Гилл и многие другие¹.

Число негров, сражавшихся в федеральной армии, трудно определить точно, так как не было полного учета в военном департаменте. Известны даже случаи, когда на место убитого негра зачислялся новый солдат под фамилией погибшего.

По официальным данным, к концу войны в рядах федеральной армии насчитывалось 186 тыс. негров². На 29 апреля 1865 г. в составе армии Союза было 166 негритянских полков, из них 145 пехотных, 7 кавалерийских, 12 полков тяжелой артиллерии, один полк легкой артиллерии и один инженерный полк. К концу войны каждый восьмой солдат федеральной армии был негром³. Кроме того, около 250 тыс. негров служили в тыловых частях⁴.

Негры участвовали в 450 сражениях гражданской войны⁵. На фронтах гражданской войны погибло 39 200 негров-солдат и офицеров, включая 3200 моряков⁶. Невозможно подсчитать, сколько негров участвовало и погибло в борьбе с рабовладельцами в тылу Конфедерации.

Массовый героизм, проявленный неграми на фронтах гражданской войны, не был неожиданностью для современников. «Немного требовалось проницательности, — заявлял Ф. Дуглас, — чтобы понять, что оружие рабов было лучшей защитой от оружия рабовладельцев»⁷. Негры вели всенародную борьбу за свое освобождение, этим и объяснялась их исключительная активность в борьбе с рабовладельцами. Негры приняли непосредственное участие в военных действиях против рабовладельцев только на втором, наиболее важном этапе гражданской войны. Но их роль в разгроме рабовладельческой Конфедерации и уничтожении рабства определяется не только числом сражений, в которых они участвовали, числом негров-солдат, вступивших в федеральную армию, и жертвами, которые они понесли на фронтах.

¹ C. Woodson and Ch. Wesley. Op. cit., p. 375 — 376; «New York Daily Tribune», 30. I, 20. IV, 15. V, 2. VI, 31. VII, 21. X. 1863; 1. III 1865; «Rebellion Record», Vol. 6, Diary of Events, p. 39; У. Фостер. Негритянский народ в истории Америки, с. 358 — 360.

² «Official Records», Ser. III, Vol. V, p. 661 — 662.

³ B. Quarles. The Negro in the Civil War, p. 199.

⁴ Ch. Wesley. The Civil War and the Negro American. — «Journal of Negro History», April 1962, Vol. 47, № 2, p. 92.

⁵ H. Aptheker. Essays..., p. 194.

⁶ Фостер У.. Негритянский народ в истории Америки, с. 359.

⁷ «New York Daily Tribune», 5. III. 1863.

Надо учитывать также и то, что негритянский вопрос был одной из главных проблем гражданской войны, которая велась не за уничтожение рабства, именно за уничтожение рабства, а не за освобождение негров. Буржуазию Севера, являвшуюся гегемоном революции, мало беспокоила проблема освобождения негров, для нее это был побочный результат уничтожения рабства, в чем она была заинтересована и с экономической и с политической точки зрения.

Только уничтожение рабства могло и действительно привело к полному экономическому и политическому господству буржуазии в масштабах всей страны.

Буржуазия не испытывала особой экономической заинтересованности в освобождении негров даже с точки зрения получения резервных рабочих рук. США были огромным резервуаром, который поглощал мощный поток эмигрантов, устремлявшийся на Американский континент из Европы и даже из Азии.

Конечно, уничтожение рабства и освобождение негров были взаимно связаны, но важно подчеркнуть, что буржуазия не испытывала какой-либо настоятельной необходимости бороться за освобождение негров, в этом и заключалась главная причина дискриминации негров в федеральной армии.

Иначе расценивало проблему рабства негритянское население страны. Свободные негры Севера были заинтересованы в полном уничтожении рабства не только в силу солидарности со своими поработенными братьями на Юге. До тех пор пока негры находились в рабстве на Юге, свободные негры Севера постоянно испытывали угрозу порабощения и подвергались особенно жестокой дискриминации и эксплуатации.

Негритянское население южных штатов воспринимало гражданскую войну как свое кровное дело, для них борьба против рабовладельцев была единственным путем к освобождению. Вот почему негры были наиболее последовательными борцами за полное уничтожение рабства, принимали самое активное участие в борьбе с рабовладельческой Конфедерацией.

Негры северных штатов не только послали десятки тысяч солдат в федеральную армию, но наряду с рабочими и фермерами составляли основное ядро антирабовладельческой коалиции, вынесли главную тяжесть борьбы с рабовладельческой агентурой на Севере, в значительной мере способствовали победе над рабовладельцами своим трудом на фабриках, заводах, фермах.

Негритянское население составляло главную социальную базу юнионистского движения на Юге. Формы борьбы негров против рабовладельцев были самые различные — активное участие в партизанских отрядах, число которых особенно увеличилось на втором этапе войны, помощь федеральной армии в качестве разведчиков и проводников, вступление в федеральную армию и непо

средственное участие в военных действиях на фронте, саботаж на плантациях, поджоги имущества рабовладельцев, массовое бегство рабов на Север. В составе федеральных вооруженных сил было 17 869 негров из Миссисипи, 24 052 — из Луизианы, всего из южных штатов в армию Севера вступило 134 тыс. негров¹.

За годы войны 500 тыс. рабов, преодолев огромные трудности, бежали на Север². На втором этапе войны эти негры вступали в федеральную армию, но еще до провозглашения освобождения рабов беглые негры участвовали в строительстве оборонительных сооружений, работали на фермах и промышленных предприятиях.

С учетом пропорциональной численности в общем составе населения США никто не внес такого огромного вклада в дело борьбы с рабовладельцами, как негры, и никто не понес в этой борьбе таких огромных жертв, как негритянское население США. «Негритянский вопрос являлся центральной политической проблемой гражданской войны, причем сам негритянский народ принимал решающее участие в завоевании победы в этой великой борьбе»³.

4. Линкольн и участие негров в вооруженной борьбе с рабовладельцами

Позиция Линкольна в вопросе о допуске негров в федеральные вооруженные силы претерпела значительную эволюцию на втором этапе войны. Даже придя к выводу о необходимости освобождения рабов, президент продолжал скептически смотреть на возможность эффективно использовать негров в действующей армии.

В вопросе о вооружении негров проявилась присущая Линкольну осторожность, стремление принять окончательное решение только после того, как станет очевидным, что оно получит всеобщую поддержку.

21 июля 1862 г. Линкольн, по свидетельству Чейза, «проявил себя не расположенным к вооружению негров»⁴. 22 июля Чейз вновь писал в своем дневнике: «Затем был поднят вопрос о вооружении рабов, и я решительно выступил за это. Президент не проявил желания одобрить эту меру... На основании всей беседы у

¹ См. J. Randall. Lincoln the President, Vol. 2, p. 189; H. Aptheker. Essays..., p. 186.

² H. Aptheker. Essays..., p. 186.

³ Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 355.

⁴ S. Chase. Inside Lincoln's Cabinet. The Civil War Diaries of S. P. Chase. Ed. by D. Donald. New York, 1954, p. 96.

меня создалось впечатление, что президент считал, что организация, снаряжение и вооружение негров... принесут больше вреда, чем пользы»¹.

В сентябре 1862 г., выступая перед представителями чикагских протестантов, Линкольн сказал: «Я не уверен, что мы многого добьемся с черными. Я опасаясь, что если нам придется вооружить их, то через несколько недель это оружие окажется в руках мятежников»².

Однако в вопросе о вооружении негров не менее убедительно проявилась и другая характерная для Линкольна черта: президент не боялся признать ошибочность своей точки зрения и решительно пересматривал позицию, убедившись в ее неправильности. Когда стало очевидным, что негры с энтузиазмом вступают в армию, что они прекрасные солдаты и героически сражаются с рабовладельцами, Линкольн со всей решительностью выступил за призыв негров в армию.

Секретарь Линкольна Джон Хей писал 1 августа 1863 г. в своем дневнике, что, направляя генерала Томаса на Запад для формирования негритянских полков, президент сказал ему: «Генерал, вам поручено очень важное дело»³. 29 августа 1863 г. Чей писал в своем дневнике: «В полдень пришел президент с письмами от генералов Гранта и Бэнкса относительно вооружения негритянских войск и прочитал их мне... Оба генерала выражали уверенность в эффективности этих войск и убедительно высказывали свое мнение в пользу их использования. Эти письма доставили большое удовлетворение президенту»⁴. 11 сентября 1863 г. Хей писал: «Он (Линкольн. — *Р. И.*) считает, что вооружение негров принесет пользу во всех отношениях»⁵.

Правительство Конфедерации опубликовало заявление о том, что пленные негры — солдаты федеральной армии и их офицеры не будут рассматриваться в качестве комбатантов и по отношению к ним будут применены жесточайшие репрессивные меры. В связи с этим на Севере были проведены многочисленные митинги с требованием принять незамедлительные эффективные меры для защиты негров-солдат. Линкольн получал многочисленные петиции с такими требованиями от солдат и офицеров федеральной армии, от общественных организаций Севера. Губернатор Массачусетса Джон Эндрю, направляя одну из таких пе

¹ S. Chase. Op. cit., p. 99 — 100.

² «Collected Works», Vol. V, p. 423.

³ T. Dennett (ed.). Lincoln and the Civil War..., p. 74.

⁴ D. Donald (ed.). Op. cit., p. 178.

⁵ T. Dennett (ed.). Op. cit., p. 90.

тий Линкольну, писал, что разрешение этого вопроса является «чрезвычайно важным»¹.

30 июля 1863 г. Линкольн опубликовал приказ, в котором говорилось: «Продать или обратить в рабство пленного из-за цвета его кожи, а не за нарушение законов войны является анахронизмом варварских времен и преступлением против цивилизации нашего века.

Правительство Соединенных Штатов будет предоставлять одинаковую защиту всем своим солдатам, и если противник продаст или обратит в рабство кого-либо из-за цвета его кожи, то в ответ на такое преступление соответствующим образом будет поступлено с военнопленными, находящимися в наших руках.

Поэтому приказываю: за каждого солдата Соединенных Штатов, убитого в нарушение законов войны, будет казнен солдат мятежников; за каждого солдата, обращенного или проданного в рабство противником, будет осужден на каторжные работы солдат мятежников, который будет находиться там до тех пор, пока солдат Соединенных Штатов не будет освобожден из рабства и с ним не станут обращаться, как с военнопленным»².

Приказ Линкольна был встречен с большим удовлетворением на Севере. «Мы от всей души приветствуем это надолго задержавшееся заявление о политике президента», — писала «Нью-Йорк дейли трибюн». Газета выражала уверенность, что приказ Линкольна будет претворен в жизнь, и это будет способствовать прекращению диких расправ с военнопленными-неграми и их офицерами³.

Приказ Линкольна был своевременным мероприятием, так как рабовладельцы в нарушение всех законов войны жестоко обращались не только с неграми, но и с белыми военнопленными федеральной армии⁴.

Опубликование приказа Линкольна не оказало должного воздействия на мятежников. Жестокие расправы с военнопленными-неграми и их офицерами происходили неоднократно. Одной из наиболее страшных страниц в истории гражданской войны была дикая резня, устроенная мятежниками в форте Пилоу 12 апреля 1864 г. Захватив этот форт, мятежники по приказу генерала Форреста зверски уничтожили около 300 негров, захваченных в плен. Раненых пригвождали к земле штыками, многих негров пы-

¹ «New York Daily Tribune», 24. VI 1863 (см. также «New York Daily Tribune», 3. VIII, 25. X, 28. XII. 1863; 20. IV, 2, 5. V. 1864).

² «Collected Works», Vol. VI, p. 357.

³ «New York Daily Tribune», 3. VIII. 1863.

⁴ H. Co m m a g e r (ed.). The Blue and Gray..., Vol. II, p. 686 — 704.

тали, а потом заживо сжигали на кострах. Большую группу негров поставили на колени и расстреляли¹.

После получения сообщения о побоище в форте Пилоу, Линкольн заявил: «Сделав негров солдатами, мы тем самым возложили на себя обязанность защищать их так же, как и любого другого солдата... Сегодня мы еще не знаем, были ли убиты цветные солдаты или их убили белые офицеры после захвата в плен. Мы опасаемся, что это могло случиться... Если будет доказано, что убийство имело место, обязательно последует заслуженное возмездие»².

Негры-солдаты восторженно встречали президента, когда он посещал негритянские полки. Один из таких визитов состоялся 21 июня 1864 г. Очевидцы сообщали, что энтузиазм, с которым негры встретили Линкольна, был огромен³.

Линкольн неоднократно возвращался к вопросу об оценке негров, как солдат, подчеркивал огромный вклад негров в разгром мятежников и в уничтожение рабства. 26 марта 1863 г. президент писал: «Цветное население — величайшая, имеющаяся в нашем распоряжении сила... для восстановления Союза. Один, только вид 50 тыс. вооруженных и обученных черных солдат на берегах Миссисипи тотчас же приведет к прекращению мятежа»⁴.

В послании конгрессу от 8 декабря 1863 г. Линкольн заявлял, что 100 тыс. негров, которые были в начале войны рабами, вступили в федеральную армию, значительно укрепив ее боевую мощь. «Как показывает практика, — продолжал Линкольн, — трудно сказать, что они (негры-солдаты. — *Р. И.*) не являются такими же хорошими солдатами, как и другие»⁵.

В августе 1864 г. Линкольн заявил: «В армиях Союза сейчас находится 100 — 200 тыс. негров... Нашлись люди, которые предложили, чтобы я снова вверг в рабство черных воинов — участников боев у Порт-Хадсона и Оласти, вернул их хозяевам, лишь бы умиротворить Юг. Если я так сделаю, меня проклянут во веки веков. Мир должен знать, что я буду верен моим принципам в отношениях с друзьями и врагами, что бы ни случилось... Ни один человек не в силах подавить мятеж без помощи такого рычага, как освобождение негров»⁶.

Линкольн прямо указывал на то, что без негров нельзя было добиться разгрома мятежной Конфедерации и уничтожения рабства. «Увольнение негров с постов, занимаемых ими сейчас в армии, — говорил президент, — привело бы к исключению из

¹ «Rebellion Record», Vol. 8, Documents, p. 1 — 80.

² «Collected Works», Vol. VII, p. 302 — 303.

³ H. C o m m a g e r (ed.). The Blue and Gray..., Vol. II, p. 1097 — 1099.

⁴ «Collected Works», Vol. V, p. 149 — 150.

⁵ «Congressional Globe», 38-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 3.

⁶ «Collected Works», Vol. VII, p. 506 — 507.

наших рядов 200 тыс. человек. Следствием этого явился бы проигрыш войны в течение трех недель»¹.

17 августа 1864 г. Линкольн повторял ту же мысль: «Отнимите у нас и отдайте врагу 100 — 130 — 140 — 150 тыс. негров, которые служат нам сейчас в качестве солдат, матросов и рабочих, и мы не сможем больше сопротивляться противнику»².

Призыв негров в армию Линкольн не рассматривал как меру, направленную только на достижение скорейшего разгрома Конфедерации. Президент неоднократно заявлял, что негры в рядах федеральных вооруженных сил сражаются в первую очередь за свое освобождение. 26 августа 1863 г. президент писал: «Негры, как и другие народы, действуют на основании определенных мотивов. Почему они должны делать что-либо для нас, если мы ничего не делаем для них? Если они ради нас рискуют своими жизнями, они должны быть побуждаемы к этому самыми основательными причинами — обещанием свободы. А обещание, будучи данным, должно быть выполнено»³.

Было немало попыток заставить Линкольна пересмотреть основные положения Прокламации об освобождении. Президент решительно отверг все эти попытки. Вновь проявилась характерная черта в деятельности Линкольна, на которую неоднократно обращал внимание Маркс: приняв какое-либо решение и убедившись в правильности его, он настойчиво добивался претворения этого решения в жизнь. 8 декабря 1863 г. в послании к конгрессу Линкольн писал: «Пока я остаюсь на посту президента, я не отрежусь от Прокламации об освобождении и не изменю ее. Я не обращу в рабство ни одного человека, освобожденного на основании положений этой Прокламации или каким-либо актом конгресса...»⁴.

В последнем годичном послании к конгрессу от 6 декабря 1864 г. Линкольн процитировал эти слова и заявил: «Если народ... решит, что исполнительная власть должна возвратить в рабство этих людей, не я, а кто-либо другой будет орудием народа в осуществлении этой меры»⁵.

Определяя позицию Линкольна в негритянском вопросе, в частности в вопросе о предоставлении им права сражаться в рядах федеральной армии, надо отметить непоследовательность и медлительность президента в разрешении этой главной проблемы войны. Такая позиция Линкольна объяснялась тем, что он возглавлял коалицию, которая объединяла круги, придерживавшие-

¹ W. Du Bois. Black Reconstruction, p. 100.

² «Collected Works», Vol. VII, p. 500.

³ Ibid., Vol. VI, p. 409.

⁴ Ibid., Vol. VII, p. 51.

⁵ «Collected Works», Vol. VIII, p. 152.

ся самых различных взглядов на негритянский вопрос. Линкольн не мог игнорировать мнение этих кругов. Что же касается взглядов самого Линкольна, то можно полностью согласиться с известными негритянскими историками, Вудсоном и Уэсли, которые пишут: «На протяжении всего периода своей деятельности Линкольн представил неопровержимые свидетельства того, что сам он выступал против суда Линча и рабства... Он не имел предубеждений против какой-либо расы. Фредерик Дуглас заявлял, что Линкольн был первый белый человек, который не сказал и не сделал ничего такого, что дало бы ему почувствовать, что он принадлежит к другой расе»¹.

В выступлениях Линкольна на втором этапе войны значительное внимание уделялось вопросу о судьбе освобожденных рабов, об условиях организации их жизни на новых началах. Президент отмечал, что в понятие «свобода» люди вкладывают разный смысл, в зависимости от того, в каких условиях они живут, какие задачи ставит перед ними жизнь.

18 апреля 1864 г., выступая в Балтиморе, Линкольн говорил: «Мир никогда не имел четкого определения слова «свобода», и американский народ именно сейчас особенно нуждается в таком определении. Все мы выступаем за свободу, но, используя одно и то же слово, мы вкладываем в него разный смысл. Для одних слово свобода означает возможность распоряжаться собой и продуктами своего труда по собственному усмотрению. Для других то же слово означает право распоряжаться людьми и продуктами их труда». Президент заявлял, что между двумя понятиями явное противоречие, так как одни считают свободой то, что другие рассматривают как тиранию. Линкольн приводил пример, характерный для его манеры выступать на массовых митингах. Пастух, говорил президент, помешал волку зарезать овцу, которая благодарила его за это, а волк упрекал пастуха за то, что он стеснил его свободу, тем более что овца была черная. Таково же, говорил Линкольн, и отношение к освобождению рабов, это решение приветствуется как великая гуманная мера, в то время как рабовладельцы считают, что они лишены свободы угнетать своих рабов»².

Линкольн подчеркивал в своих выступлениях, что бывшие рабы героически сражаются за свою свободу. 17 марта 1865 г. на церемонии вручения губернатору Индианы Мортону флага мятежников, захваченного 140-м Индианским полком, Линкольн заявил, что попытки мятежников призвать в армию рабов обречены на провал, что негры не будут сражаться за свое порабощение

¹ C. Woodson and Ch. Wesley. Op. cit., p. 380 — 381.

² «Collected Works», Vol. VII, p. 301.

Губернатор Мортон на этой церемонии дал исключительно высокую оценку Прокламации об освобождении: «Правление Линкольна будет признано как наиболее важная эпоха в истории страны. Оно нанесло удар рабству и вселило в республику мощь, которой она никогда не имела ранее. Если бы он не сделал ничего, кроме того, что поставил свою подпись под Прокламацией об освобождении, то и тогда бы его имя было бессмертно»¹.

Освобождение рабов и призыв негров в федеральную армию выполняли два основных требования негров: бывшие рабы получили личную свободу и право носить оружие. Но остались не разрешенными два других требования негров — предоставление земли и права голоса. Как справедливо указывал Линкольн, негры хотели и сражались за свою свободу, за свои права, и после опубликования Прокламации об освобождении на повестку дня со всей остротой встал вопрос об удовлетворении невыполненных требований негров.

Разрешение этих вопросов было неразрывно связано с проблемой реконструкции бывших мятежных штатов, перестройки их экономической и политической жизни в интересах капиталистического развития страны. 8 декабря 1863 г. в послании к конгрессу Линкольн изложил свой план реконструкции². В послании говорилось, что мятежники, признавшие уничтожение рабства и присягнувшие на верность правительству Союза, получают полную амнистию «с восстановлением всех прав собственности, за исключением собственности на рабов». Амнистия не распространялась на должностных лиц правительства Конфедерации, на офицеров мятежной армии рангом выше полковника или лейтенанта флота, на дезертиров и на лиц, нарушавших законы войны по отношению к пленным солдатам-неграм и их офицерам.

Линкольн заявлял в послании о необходимости создать в южных штатах «лояльные правительства», которые должно было избирать белое население. Голосовать должны были не менее 10 % общего числа избирателей, принимавших участие в выборах 1860 г. Избранные на этой основе правительства получали право вырабатывать новые конституции, признающие отмену рабства. Восстанавливалось все довоенное законодательство с учетом только коррективов, внесенных уничтожением рабства. На этом реконструкция завершалась, штат возвращался в Союз и получал представительство в конгрессе.

По мере занятия территории мятежных штатов федеральными войсками проводилась их реконструкция, значительные мероприятия были осуществлены в Луизиане, Теннесси, Виргинии и

¹ «New York Daily Tribune», 18. III. 1863.

² «Collected Works», Vol. VII, p. 53 — 56.

Арканзасе. Составной частью реконструкции являлось обеспечение бывших рабов работой, питанием, одеждой, жильем, медицинским обслуживанием, создание первых негритянских школ на Юге. Все эти меры проводились в жизнь командованием военных округов, властями штатов, многочисленными благотворительными организациями. И только в марте 1865 г. было создано Бюро по делам беженцев, освобожденных рабов и покинутых земель. Эта правительственная организация взяла в свои руки осуществление всех перечисленных мероприятий.

План Линкольна по реконструкции бывших мятежных штатов не был осуществлен. Негритянское население Юга ни в какой мере не было удовлетворено этим планом и настойчиво требовало предоставления земли и избирательных прав, а в ряде случаев негры силой захватывали земли, брошенные бежавшими плантаторами. Резкая оппозиция плану Линкольна со стороны негров нашла живейшую поддержку радикальных республиканцев, которые подвергли этот план жесточайшей критике. Радикалы заявляли, что план Линкольна передает все дело реконструкции в руки исполнительной власти, в то время как этим должен заниматься конгресс.

Наиболее слабым местом плана Линкольна являлось то, что негры устранились от участия в реконструкции бывших мятежных штатов, так как они не получали права голоса. Кроме того, плантаторы сохраняли свои права на землю, что привело бы к быстрому восстановлению на Юге экономического и политического господства бывших рабовладельцев. Негры лишались возможности получить землю, что означало на практике полное экономическое поражение бывших рабов плантаторами.

Опубликование плана реконструкции, выработанного Линкольном, привело к резкому обострению борьбы между президентом и радикалами; оно вызвало, пожалуй, самую резкую схватку между исполнительной и законодательной властью на протяжении всей войны.

План Линкольна не получил одобрения в конгрессе, в противоположность предложениям президента конгресс принял билль Уэйда — Дэвиса, предусматривавший передачу всего дела реконструкции в руки конгресса. Билль Уэйда — Дэвиса вводил большие ограничения мятежников в пассивном и активном избирательном праве, учреждал институт временных губернаторов в южных штатах, запрещал восстановление рабства и аннулировал военные долги мятежных штатов.

Билль Уэйда — Дэвиса предусматривал более радикальные меры по реконструкции бывших мятежных штатов, но и в данном случае неграм не предоставлялось избирательное право, ничего не было сказано о разрешении аграрного вопроса в интересах бывших рабов и белых бедняков.

Только немногие лидеры радикалов, в первую очередь Стивенс и Самнер, поддерживали требования негров о предоставлении им земли. 22 февраля 1865 г. Самнер, выступая в сенате, говорил: «Освобожденные (негры. — *Р. И.*) в течение многих поколений оплодотворяли эти земли своим потом. Пришло время, когда они должны воспользоваться плодами своего труда»¹. В выступлениях Стивенса и Самнера резко критиковалась политика правительства в аграрном вопросе, выдвигалось требование конфискации земель плантаторов и распределение их среди негров и белых бедняков².

Освобожденные рабы настойчиво требовали предоставления каждой негритянской семье «40 акров и мула». Это было самое популярное требование широких негритянских народных масс в годы войны и в период реконструкции (1865 — 1877 гг.). Но это требование не получило поддержки со стороны радикальных республиканцев, радикализм которых капитулировал перед священным принципом частной собственности.

Стивенс, занимавший самую последовательную по сравнению с другими радикалами позицию в аграрном вопросе, продолжал борьбу за разрешение аграрной проблемы фактически в полном одиночестве. Уже после окончания войны, 11 марта 1867 г. он внес в конгресс от своего имени билль о наделении негров землей, который не был принят конгрессом.

Билль Стивенса предусматривал конфискацию земель крупных плантаторов, наиболее активно участвовавших в мятеже. Каждый глава семьи, каждый взрослый негр, вне зависимости от того, являлся он главой семьи или нет, каждая вдова — глава семьи должны были получить 40-акровый участок, наследуемый без права ограничения. Кроме того, по биллю Стивенса каждый владелец участка в 40 акров получал от правительства 50 долл. для обзаведения хозяйством³. Этот план никогда не был претворен в жизнь, но его огромное значение заключалось в том, что он учитывал самое жизненное требование негров — разрешение аграрной проблемы.

Ни план Линкольна по реконструкции, ни билль Уэйда — Дэвиса не предусматривали разрешения аграрного вопроса и предоставления неграм права голоса. Но билль Уэйда — Дэвиса провозглашал все же более радикальный план реконструкции бывших мятежных штатов. Линкольн наложил вето на этот законопроект, что привело к резкому обострению «противоречий внутри республиканской партии»⁴. Это было особенно опасно потому, что

¹ «Congressional Globe», 38-th Congress, 2-nd Session, p. 961.

² Ibid., 39-th Congress, 1-st Session, p. 658.

³ W. Du Bois. Black Reconstruction, p. 198, 338.

⁴ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 9, p. 120 — 122.

приближались выборы президента 1864 г. Достаточно сказать, что острая борьба по вопросам реконструкции едва не привела к расколу Национальной юнионистской партии на выборах 1864 г. Эта партия была блоком консервативных республиканцев, радикалов и военных демократов, выступавших за доведение войны до конца, до полной капитуляции Конфедерации; наметившийся раскол этого блока таил в себе угрозу поражения республиканцев на выборах, чреватую очень серьезными последствиями.

Позиция Линкольна в вопросах реконструкции не отвечала интересам широких масс негритянского народа. Однако следует отметить, что план Линкольна был выработан в сложной политической обстановке. Президент ставил перед собой задачу добиться раскола в лагере рабовладельцев предоставлением значительных уступок некоторым кругам мятежников. Кроме того, Линкольн не дожидаясь тех дней, когда стало возможным приступить к полному практическому осуществлению реконструкции бывших мятежных штатов; а Линкольн всей своей практической деятельностью доказал, что под влиянием меняющихся обстоятельств, под давлением народных масс он пересматривал свои планы.

Во всяком случае, после 8 декабря 1863 г., когда был опубликован план реконструкции, разработанный Линкольном, президент в ряде своих выступлений высказался за решение проблем реконструкции с участием негров. 11 апреля 1865 г., в своей последней публичной речи президент осудил правительство Луизианы за то, что «право голоса не предоставлено цветным. Я бы лично предпочел, — говорил Линкольн, — чтобы право голоса было предоставлено более образованным (неграм. — Р. И.) и тем, кто, будучи солдатами, служил нашему делу»¹.

В одном из писем Линкольн высказывался еще более определенно: «В трудное время голоса негров могут служить тому, чтобы удержать драгоценный камень свободы в семье освобожденных»².

Линкольн предвидел неизбежность обострения борьбы за права негров после окончания войны и считал, что негры должны с оружием в руках бороться за свои права. Вступив в поверженный Ричмонд, Линкольн, восторженно встреченный народом, заявил, обращаясь к неграм: «...Если те, кто претендует на то, что они стоят выше вас, не знают, что вы свободны, возьмите меч и штык и докажите, что вы действительно свободны»³.

Резкое обострение противоречий внутри республиканской партии по вопросам реконструкции являлось свидетельством того, что провозглашение освобождения рабов не решило негри

¹ «Collected Works», Vol. VIII, p. 403.

² «Congressional Globe», 39-th Congress, 1-st Session, Appendix, p. 105

³ H. Aptheker (ed.). A Documentary History..., p. 490.

тянской проблемы. Борьба за права негров продолжалась и после опубликования Прокламации об освобождении рабов; эта борьба составила основное содержание революционных событий, которые развернулись на Юге в период реконструкции, в 1865—1877 гг.

5. Военные действия в 1863 — 1864 гг.

Укрепление позиций правительства Линкольна

Второй этап гражданской войны ознаменовался важными успехами федеральной армии. Причины этих успехов заключались в том, что Север сумел к этому времени мобилизовать свои мощные военно-экономические ресурсы. Юг же, напротив, испытывал все более возрастающие трудности, связанные с недостатком оружия, боеприпасов, обмундирования, медикаментов, продовольствия. На втором этапе войны в мятежных штатах резко усилилось антирабовладельческое движение, особенно среди негров, что также серьезно ослабляло мятежную Конфедерацию. За время войны федеральная армия приобрела боевой опыт, плохо организованные и необученные отряды превратились в закаленную в боях регулярную армию, оснащенную первоклассной боевой техникой. Выросли опытные командиры, многие из которых прошли путь от простых солдат, до высших военных должностей. Важную роль в укреплении боевой мощи армии Союза сыграла чистка командного состава федеральных вооруженных сил от предателей и саботажников, осуществленная комиссией по ведению войны.

Среди факторов, обеспечивших перелом в ходе военных действий, на первом месте стояли глубокие политические сдвиги, происшедшие на Севере, создавшие возможность перехода к «революционным методам ведения войны. Армия Севера получила мощное пополнение в лице негритянских полков, широкие массы солдат и офицеров были воодушевлены официальным провозглашением новых целей войны, которая велась теперь не только за восстановление Союза, но и за уничтожение рабства.

Все это создавало возможность для перехода к решительным наступательным операциям с целью полного военного разгрома рабовладельческой Конфедерации. Однако эту возможность не сразу удалось превратить в действительность. Более того, в апреле—мае 1863 г. на Потомакском фронте армия мятежников под командованием генерала Ли сумела предпринять успешные наступательные операции против численно превосходивших ее федеральных войск.

Накануне сражения Линкольн вместе с женой и сыном Тедом и сопровождении близких друзей посетили армию на Потомаке. Президент остался доволен боевой подготовкой войск, его ис-

крenne тронул восторженный прием, оказанный солдатами. Но уже первая беседа с генералом Хукером, которому предстояло руководить федеральными войсками в предстоящем сражении, насторожила и обеспокоила Линкольна. Командующий федеральными войсками вопреки настойчивым рекомендациям президента поставил своей главной задачей «не уничтожение армии Ли, а взятие Ричмонда».

Форсировав реку Раппаханнок, Хукер атаковал армию мятежников у Чанселорвилла; завязалось кровопролитное сражение, продолжавшееся несколько дней. Удачный обходный маневр мятежников и неожиданный удар по федеральным войскам с фронта и с тыла решил исход сражения. Армия Севера вынуждена была отступить, потеряв 17 287 человек, потери мятежников составили 12 463 человека¹.

Добившись первого успеха, генерал Ли перегруппировал свои силы, укрепил армию прибывшим пополнением, форсировал Потомак, прошел через штат Мэриленд и вторгся в пределы Пенсильвании. Деморализованная армия Союза в беспорядке отступила на Север².

Поражение под Чанселорвиллом не имело особенно важного военного значения, но оно произвело очень неблагоприятный политический эффект на Севере; события на Потомакском фронте слишком напоминали мрачные времена первого этапа войны, когда Маккеллан безуспешно пытался взять Ричмонд.

Сообщение о результатах сражения под Чанселорвиллом произвело гнетущее впечатление на Линкольна, но президент все еще верил в способность Хукера добиться перелома в ходе военных действий. 7 мая и 14 июня президент писал Хукеру о необходимости перейти к решительным наступательным операциям³. Но Хукер, будто загипнотизированный поражением под Чанселорвиллом, не двигался с места. 28 июня приказом президента Хукер на посту командующего Потомакской армией был заменен генералом Мидом.

Важнейшим событием в летней кампании 1863 г. было сражение за город Геттисберг, штат Пенсильвания. В трехдневном сражении, начавшемся 1 июля, войска мятежников под командованием генерала Ли были разгромлены и отступили в Виргинию. Сражение за Геттисберг носило исключительно упорный характер, нередко дело доходило до ожесточенных рукопашных схваток.

¹ J. Rhodes. History of the United States..., Vol. IV, p. 264.

² J. Rhodes. History of the Civil War, p. 225 — 230; J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 401.

³ «Collected Works», Vol. VI, p. 201, 273.

ток, в ходе которых многие мятежники вынуждены были бросать оружие и сдавались в плен¹.

Битва под Геттисбергом явилась знаменательной вехой в гражданской войне, это было последнее вторжение мятежников на территорию Севера, отныне конфедераты вынуждены были вести только тяжелые оборонительные бои на своей собственной территории.

Победа под Геттисбергом была торжественно отмечена на Севере. На празднестве, устроенном в Вашингтоне, многочисленные жители столицы с огромным вниманием выслушали речи Линкольна, Стэнтона, Галлека и многих других ораторов².

На следующий день после победы под Геттисбергом, 4 июля 1863 г. пришло радостное известие с Запада — после шестимесячной осады и двух неудачных штурмов Грант занял Виксберг, важнейший опорный пункт мятежников на Миссисипи³. Линкольн придавал огромное значение боям за эту сильно укрепленную крепость, имевшую исключительно важное стратегическое значение. «Если мы захватим Виксберг, — говорил президент, — то весь этот огромный район наш. Мы не сможем закончить войну до тех пор, пока этот ключ не окажется в нашем кармане»⁴.

В оценке значения Виксберга проявилось глубокое понимание Линкольном стратегических и тактических вопросов гражданской войны. Действительно, захват этой крепости привел к тому, что Миссисипи, важнейшая водная артерия страны, на всем своем огромном протяжении оказалась в руках федеральной армии. Территория мятежников была теперь разрезана на две части, и главные вооруженные силы Конфедерации оказались блокированными в восточных районах, лишившись всякой связи с Западом, где находились важные людские и материальные ресурсы рабовладельческих штатов.

Линкольн исключительно высоко оценил операции, проведенные Грантом в боях за Виксберг. 26 мая 1863 г. президент заявил: «Независимо от того, сможет ли генерал Грант довести до конца дело захвата Виксберга или нет, его кампания с начала этого месяца и до 22 числа является одной из наиболее блестящих в мире»⁵. Взятие Виксберга было огромным стратегическим успехом Севера, который был вскоре развит захватом Порт-Хадсона и

¹ «Official Records», Ser. I, Vol. XXVII, Pt. I, p. 440, 445.

² «Rebellion Record», Vol. 7, Diary of Events, p. 27.

³ J. Rhodes. History of the Civil War, p. 257.

⁴ Сэндберг К. Указ. соч., с. 339.

⁵ «Collected Works», Vol. VI, p. 230.

Нового Орлеана, который федеральные войска вынуждены были ранее оставить.

Успехи федерального оружия под Геттисбергом и Виксбергом имели не только большое военное, но и огромное политическое значение. Это были первые плоды перехода к революционным методам ведения войны, первый предвестник приближавшегося краха рабовладельческой Конфедерации. Огромные жертвы и героические усилия американского народа привели к перелому в ходе войны. Линкольн отмечал, что эти успехи в борьбе с рабовладением были следствием решающей поддержки, которую его правительство получало от народных масс страны. 19 ноября 1863 г., выступая в Геттисберге, великий президент говорил: «...Правительство народа, из народа и для народа никогда не исчезнет с лица земли»¹.

К концу года федеральные вооруженные силы нанесли еще один сильный удар по мятежникам: в трехдневном сражении у Чаттануги конфедераты потеряли 6687 человек, потери Севера составили 5815 человек². Это был новый большой успех, одержанный федеральной армией в долине Миссисипи. Мятежники продолжали удерживать свои позиции только на Центральном фронте, где отборные части конфедератов под командованием генерала Ли наглухо закрыли подступы к Ричмонду и успешно сдерживали федеральные войска, равнявшиеся к столице Конфедерации.

День ото дня росла боевая слава генерала Гранта. Линкольн был одним из немногих, кто сумел распознать в этом сдержанном и не блещущем внешним эффектом человеке выдающегося военачальника. У президента неоднократно требовали отставки Гранта, ссылаясь в качестве предлога на то, что генерал был не безразличен к крепким напиткам. Линкольн с присущим ему остроумием отклонял эти требования.

Президент рассказывал: «Ко мне часто приходят делегации с требованиями отстранить Гранта. Однажды пришла делегация, возглавляемая доктором богословия... Я очень серьезно спросил: «Доктор, не можете ли вы мне сказать, где Грант достает напитки?» Доктор был озадачен, но все же ответил, что не может сказать. А я ему говорю: «Очень жаль, а то я уже хотел дать указание главному квартирмейстеру армии сделать запас этих напитков, с тем чтобы снабдить ими некоторых других моих генералов, не добившихся до сих пор ни одной победы»³.

Успешные действия Гранта в 1863 г. убедили Линкольна и

¹ «Collected Works», Vol. VII, p. 19.

² J. Rhodes. History of the United States..., Vol. IV, p. 407.

³ Сэндберг К.. Указ. соч., с. 342.

том, что это как раз тот решительный и умелый генерал, который должен возглавить вооруженные силы. В начале 1864 г. приказом президента Грант был назначен командующим всеми вооруженными силами Союза. Президент не ошибся в своем выборе. 9 мая 1864 г. Хей писал в дневнике: «Президент исключительно высоко оценивает дела Гранта»¹.

Комментируя назначение Гранта главнокомандующим, русский журнал писал: «Необыкновенная сила воли этого человека и громадная популярность его в армии были ручательством того, что военные действия северян выйдут наконец из того заколдованного круга, в котором они вращались до сих пор. Заметим еще, что Грант лучше всех своих предшественников понимает настоящее значение североамериканской войны: по его словам, война была бы чистейшим фарсом, если бы она не вела к уничтожению невольничества»².

Грант разработал генеральный план наступательных операций, предусматривавший нанесение главного удара по важнейшему жизненному центру Конфедерации — Джорджии. Грант считал необходимым одновременно с наступлением на Джорджию вести активные операции с целью уничтожения основных контингентов живой силы противника, сосредоточенных на Поттомасском фронте. В данном случае учитывалось пожелание, неоднократно высказывавшееся Линкольном Хукеру и его предшественникам, командовавшим войсками Центрального фронта. В целом план Гранта предусматривал проведение в жизнь важнейших элементов плана, предложенного Марксом еще на первом этапе войны.

6 мая 1864 г. начался знаменитый «марш к морю» войск генерала Шермана. Стотысячная армия, двигаясь тремя параллельными колоннами, углубилась на территорию Джорджии и стала продвигаться к морю.

Солдаты Шермана уничтожали все, что попадалось на их пути: железнодорожные и телеграфные линии, плантации, фабрики, заводы, продовольствие и фураж³.

Оправдалось предвидение Маркса, который писал, что нанесение удара по Джорджии поднимет 500-тысячное негритянское население этого штата на борьбу с рабовладельцами. И действительно, негры организовывали восстание в тылу мятежников и оказывали всемерную помощь наступавшей федеральной армии.

¹ T. Dennett (ed.). Op. cit., p. 180.

² «Эпоха», 1865, № 1, Политическое обозрение, с. 6.

³ «Official Records», Vol. XLIX, p. 789.

Во время «марша к морю» десятки тысяч негров сопровождали армию Шермана¹.

Глубокий рейд Шермана по тылам противника проходил в очень трудных условиях. Армия двигалась фактически без обоза, в ряде случаев пришлось отказаться даже от использования артиллерии, так как тяжелые артиллерийские орудия ограничивали подвижность войск. Армия Шермана продвигалась по Джорджии, преодолевая ожесточенное сопротивление противника. Только на протяжении первых двух месяцев Шерман потерял 16 800 человек, что составляло около 20 % всей численности его армии, потери мятежников составили 14 500 человек².

«Марш к морю» был классическим образцом военной операции, в которой, несмотря на большие потери наступающей армии, на ее стороне остается бесспорная победа. Шерман понес огромные потери, но он опустошил Джорджию — экономическую базу Конфедерации, лишил мятежников рабочей силы, многие десятки тысяч негров во время наступления Шермана бежали на Север. «Марш к морю» нанес огромный моральный удар по мятежной Конфедерации.

Шерман блестяще выполнил поставленную перед ним задачу: пройдя через всю Джорджию, его армия вышла к морю и захватила в сентябре 1864 г. город Атланту. После небольшого отдыха армия Шермана двинулась на соединение с войсками Гранта, перемалывавшими в ожесточенных боях главные силы мятежников на Центральном фронте, и приняла активное участие в последних сражениях гражданской войны.

Одновременно с «маршем к морю» началось долго ожидавшееся наступление Гранта на Центральном фронте. 4 мая 1864 г. 120-тысячная армия Гранта переправилась через р. Рапидан; в течение нескольких дней федеральные войска продвигались в пустынной местности, тешетно пытаясь вступить в соприкосновение с неуловимой армией генерала Ли. Вооруженные силы Гранта в два раза превышали численность армии мятежников, но на стороне последних было важное тактическое преимущество: армия Ли могла дать бой противнику в удобное для нее время и на заранее выбранных позициях.

Первое сражение произошло в пустыне Спотсильвания и отличалось исключительным упорством. В течение двух суток штурмовые колонны армии Гранта атаковали позиции мятежников. Несмотря на огромные потери, Грант продолжал наступление, двинув левый фланг своей армии на Ричмонд. Сражение в

¹ H. Commager (ed.). The Blue and Gray..., Vol. II, p. 950.

² Memories of General William T. Sherman. New York, 1889, Vol. II, p. 47, 63.

Спотсильвании закончилось на рассвете 13 мая. Потери армии Гранта были огромны: за 10 дней боев федеральные войска потеряли 26 815 человек убитыми и ранеными, 4183 — пропавшими без вести. Потери противника не были известны, но бесспорным было то, что армия Ли была обескровлена в этих сражениях, понесла потери, которые невозможно было восполнить.

3 июня Грант предпринял отчаянный штурм Коулд-Харбора, находившегося на ближних подступах к Ричмонду. В течение нескольких часов армия Гранта потеряла 7 тыс. человек, в то время как потери мятежников составили не более 1500.

Неудача под Коулд-Харбором заставила Гранта изменить тактику, отказаться от кровопролитных лобовых атак. Армия Севера совершила большой переход, форсировала р. Джеймс и неожиданно появилась у Питсберга, прикрывавшего подступы к Ричмонду. Четыре дня длилось сражение у Питсберга, в котором Грант потерял 10 тыс. человек, а мятежники — всего 5 тыс. 19 июня Грант приказал прекратить атаки и отвести части на отдых.

Несмотря на огромные потери, понесенные федеральной армией на Центральном фронте, полуторамесячная кампания Гранта дала важные положительные результаты. Впервые за все время войны Потомакская армия вела длительные наступательные операции и заставила отборные части противника непрерывно отступать. В кровопролитных сражениях в Спотсильвании, под Коулд-Харбором, Уилдернесом, Питсбергом Грант обескровил армию Ли и заложил фундамент будущих побед, приведших к окончательному военному разгрому рабовладельческой Конфедерации.

Успехи, достигнутые на фронтах, подняли боевой дух армии и народа, укрепили позиции правительства Линкольна. Усталость от войны давала о себе знать на Севере, и контрреволюционные силы широко использовали это в своей антиправительственной деятельности. Подтверждением этому являлись мятежи в Нью-Йорке и в других городах, довольно многочисленные митинги, на которых выдвигались требования прекратить войну. Но бесспорно то, что переход к революционным методам ведения войны произвел переворот в настроениях общественности на Севере, сплотил антирабовладельческую коалицию. Народные массы знали теперь, что борьба идет за уничтожение рабства, и это не могло не активизировать их деятельность в поддержку правительства Линкольна.

Об изменении настроений широких народных масс свидетельствовал тот факт, что, несмотря на отдельные случаи антиправительственных выступлений во время призыва в армию, в целом призыв прошел на Севере успешно. В июле 1863 г. в Аберне (штат Нью-Йорк) призыв в армию превратился в «демонстрацию лояльности». Новобранцы, маршируя под оркестр, прошли через весь город, провозглашая лозунги в честь Союза. Вечером

был организован митинг, на котором с речами к уходящим в армию обратились мэр и другие должностные лица города. Так же успешно кампания по призыву в армию прошла в Филадельфии и Освего (штат Нью-Йорк)¹.

Переход к революционным методам ведения войны и его влияние на политическую жизнь США и на ход войны находил живейший отклик на страницах русской печати. «Русское слово» писало в июле 1863 г., что «исход ее (гражданской войны. — Р. И.) несомненен для людей, изучающих современные события по непреложным законам нравственного мира. Невольничество погибнет, а с ним и защитники его»². Спустя два месяца тот же журнал приходил к следующему выводу: «В Соединенных Штатах события быстро сменяют одно другое, и мы приближаемся если не к окончательной развязке, то по крайней мере к одному из самых решительных переворотов революции»³.

И действительно, приближались важные события: выборы 1863 г., президентские выборы 1864 г., решающие сражения на фронте. Это был период исключительно активной деятельности Линкольна. Хей писал: «Президент в ударе. Редко бывал он таким безмятежным и работоспособным. Он руководит армиями, контролирует призыв, направляет работу дипломатов, планирует реконструкцию Союза, и все это он делает одновременно. Только теперь я вижу, что он диктует кабинету свою непреклонную волю. Он решает важнейшие вопросы, и никто не осмеливается придраться к нему... Нет равного ему в стране по мудрости, вежливости и твердости»⁴.

Несмотря на свою огромную занятость, президент использовал любую возможность для непосредственного общения с людьми, видя в этом одну из своих важнейших обязанностей. «Я чувствую, — говорил как-то Линкольн, — что время, затраченное на непосредственное общение с представителями массы народа, приносит наибольшую пользу. Люди, вращающиеся в официальных сферах, склонны и сами заражаться излишней официальностью, даже, пожалуй, самовластием, и позабыть, что они пользуются властью только временно, как представители других. Это никуда не годится.

Два раза в неделю я принимаю без разбора всех, и каждый, имеющий до меня дело, дожидается своей очереди, как в парикмахерской. Правда, мне приходится выслушивать и много чепухи...

Но все это, вместе взятое, постоянно удерживает в моем уме

¹ «Rebellion Record», Vol. 7, Diary of Events, p. 36.

² «Русское слово», 1863, № 7, Политика, с. 28.

³ Там же, № 9, Политика, с. 13.

⁴ Сэндберг К. Указ. соч., с. 385.

представление о той великой народной массе, из которой я вышел и в которую должен возвратиться»¹.

Во время этих встреч Линкольн проявлял все богатство своей души, теплоту своего мягкого и отзывчивого сердца. Хей считал, что ни один портрет Линкольна не передает своеобразие и многогранности натуры этого человека: «Искусство графики было бес- сильно перед лицом, которое изменялось тысячей тончайших градаций линий и контура, света и тени, блеска глаз и изгибов губ, всей гаммы эмоций от серьезности к веселью и от беспешабного, радостного смеха к невидящему взгляду, устремленному вдаль»².

Линкольн был одним из тех немногих людей, кто, достигнув вершины власти и почета, сохранил простоту и скромность в обращении с людьми, сохранил все свои лучшие душевные качества. На посту президента он оставался тем же простым, доступным, скромным человеком, каким был и раньше, навсегда сохранил привязанность к старым местам, где он вырос, и к своим старым друзьям. 15 июня 1863 г. Линкольн писал Эдварду Бекеру: «Спрингфилд — мой дом и там больше, чем где-либо, моих друзей на всю жизнь»³.

Промежуточные выборы, происходившие в ноябре 1863 г., были серьезным экзаменом для правительства Линкольна, их исход должен был определить отношение широких народных масс к новой политике федерального правительства, к вопросу об освобождении рабов. Выборы в Огайо, Пенсильвании, Нью-Йорке, Индиане и Иллинойсе имели особенно большое значение, так как в 1862 г. здесь одержали победу «мирные» демократы.

Сторонники Линкольна одержали во всех штатах, кроме Нью-Джерси, блестящую победу. В Огайо демократы выдвинули на пост губернатора штата кандидатуру Вэлландигхэма, что было прямым вызовом федеральному правительству. Линкольн с огромным волнением ожидал результатов выборов в Огайо, которые происходили 13 октября. Телеграф принес радостную весть: сторонник Линкольна Джон Бро получил на 100 тыс. голосов больше, чем Вэлландигхэм⁴. Вслед за Огайо стали поступать сообщения из других штатов о том, что широкие слои народа высказывались за одобрение политики Линкольна в вопросе об освобождении рабов.

Комментируя результаты выборов, «Нью-Йорк дейли трибюн» писала: «Недавние выборы решили... что республика долж-

¹ Петров Д. Авраам Линкольн — великий гражданин Америки. М., 1960, с. 106.

² Сэндберг К. Указ. соч., с. 370 — 371.

³ «Collected Works», Vol. VI, p. 275.

⁴ J. Barrett. Op. cit., p. 451.

на жить, а мятеж должен быть подавлен... Мы знаем, что рабство должно умереть вместе с порожденным им мятежом»¹.

Итоги выборов свидетельствовали о том, что переход к революционным методам ведения войны вызвал глубокие политические сдвиги на Севере, главным результатом которых был рост сил и сплочение антирабовладельческой коалиции. Это был триумф политики Линкольна, который, несмотря на все свои колебания и непоследовательность, правильно понял требования народных масс и делал все возможное, чтобы воплотить эти требования в жизнь.

Авторитет президента неуклонно возрастал и у широких народных масс, и в политических кругах. Конгрессмен от Массачусетса Генри Дауэс говорил: «Ни у одного человека не было такой политической проницательности (как у Линкольна), дававшей ему возможность собирать вокруг себя людей, искренне поддерживавших правительство, и соперников, имевших антагонистические теории, непримиримых врагов, которые в других условиях развалили бы любое правительство. Он становился все более мудрым, горизонты становились все более широкими; по мере того как увеличивались трудности и множились опасности, он становился все сильнее, пока в конце концов стал чудом нашей истории...»²

Укрепление позиций федерального правительства и рост личного авторитета Линкольна были бесспорны, однако федеральному правительству предстояли серьезные испытания. Страна вступала в завершающий этап гражданской войны, в ходе которого новая политика Линкольна должна была пройти проверку и во время кампании по выборам президента, и на полях сражений.

Глава десятая

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ЛИНКОЛЬНА ПРЕЗИДЕНТОМ США. ОКОНЧАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. Внешнеполитические проблемы второго этапа войны

Отмена рабства и переход к революционным методам ведения войны оказали большое влияние на положение правительства Линкольна на международной арене. Уничтожение

¹ «New York Daily Tribune», 23. XI. 1863.

² Сэндберг К.. Указ. соч., с. 371.

рабства усилило симпатии прогрессивных кругов Европы к Северу, что значительно усложнило дипломатические маневры правящих кругов Англии и Франции, не желавших расставаться с планами подготовки открытого вмешательства в гражданскую войну на стороне рабовладельцев.

Мятежная Конфедерация задыхалась в железных тисках блокады, с фронта наступали федеральные армии, в тылу росло и ширилось антирабовладельческое движение. Лидеры рабовладельцев в этой обстановке делали ставку на то, что их военные успехи — захват Балтимора, Филадельфии или Вашингтона — заставят Англию и Францию пойти на признание Конфедерации и оказать ей прямую военную помощь¹.

Но этим планам не суждено было осуществиться, чему не в малой степени способствовало одно из наиболее важных событий в дипломатической истории гражданской войны — приход двух русских эскадр в США. Прибытие русских военных кораблей в США было связано с резким обострением отношений между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией, — с другой.

В апреле 1863 г. Франция, Англия и Австрия направили протест царскому правительству по поводу репрессий, которые оно проводило в Польше, в связи с польским восстанием 1863 г. Протест был поддержан Швецией, Италией и Испанией.

Судьба польского народа ни в коей мере не беспокоила правительства европейских держав, но восстание в Польше предоставляло исключительно удобные возможности для сведения старых счетов с Россией, чем и не преминули воспользоваться европейские дипломаты. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала: «Никакого искреннего сочувствия страданиям поляков нельзя ожидать от английского, французского и тем более австрийского правительств»². «Мы отдаем Польше должное, — заявляли в США, — и желаем ей счастья; но в настоящее время внимание Англии и Франции обращено вовсе не на благосостояние этой страны. Истинный повод этих держав и ныне остается тем же, каким был во время недавней борьбы их с Россией, — именно желание задержать громадный прогресс этой империи и тем самым добиться соответствующего усиления собственного влияния и могущества в Европе»³.

В ответ на апрельскую ноту в России начался перевод армии на военное положение и были проведены другие военные меро-

¹ J. Randall. Lincoln the President..., Vol. 2, p. 271, 319.

² «New York Daily Tribune», 1. V. 1863.

³ «С.-Петербургские ведомости», 26. VI. 1863.

приятия. В июне 1863 г. европейские державы направили вторичный протест России и потребовали созыва конгресса европейских держав для разрешения польской проблемы. Против России складывалась мощная коалиция европейских держав.

Ни Англия, ни Франция не собирались воевать за интересы поляков, но обстановка была очень напряженной, и угроза войны воспринималась современниками как нечто вполне реальное. «Кажется, что продолжается накапливание горючего материала для европейской войны»¹, — писала «Нью-Йорк дейли трибюн».

Русские моряки, которые вскоре были направлены в США, считали начало военных действий с европейскими державами если не неизбежным, то вполне возможным. Командир Тихоокеанской эскадры контр-адмирал А. А. Попов писал командиру корвета «Рында»:

«Вашему высокоблагородию было предписано от меня прийти в Шанхай к 15 сентября, так как к этому времени надо ожидать, что политический горизонт выяснится, т.е. мы будем уже в войне с морскими державами, или по невозможности начать военные операции в Балтике в позднее время обозначится довольно ясно, что война будет отложена до весны будущего года, а следовательно, и будет вероятность мирного исхода настоящих недоразумений России с морскими державами...

Вы должны иметь в виду главную цель вашего здесь назначения, т.е. войну с европейскими морскими державами»².

В этой сложной обстановке значительной помощью России был решительный отказ правительства Линкольна присоединиться к демаршу европейских держав, сформулированный в депеше Сьюарда на имя американского посланника в Париже Дейтона. Горчаков в письме к американскому посланнику в Петербурге Клею приветствовал позицию федерального правительства. «Депеша Горчакова, — сообщала русская газета, — написана в самом дружелюбном тоне и выражает искреннюю признательность за твердость, с которой вашингтонский кабинет держится принципа невмешательства, за прямоту, с которой он уважает самостоятельность других правительств наравне с своей собственной. Эта часть депеши обращена, кажется, не к одному г. Клею, но и к западным державам; несомненно во всяком случае то, что она при-

¹ «New York Daily Tribune», 20. V. 1863.

² Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ), ф. 410, оп. 5, д. 13, лл. 6, 8.

меняется к ним, так как деятельность их составляет резкий контраст с решимостью Соединенных Штатов»¹.

Несмотря на благожелательную позицию правительства Линкольна обстановка для России складывалась очень тяжелая. В июле 1863 г. Александр II утвердил план отправки двух эскадр в США. Одна эскадра под командой контр-адмирала С. С. Лесовского вышла из Кронштадта и направилась к берегам Америки через Атлантический океан. Другой командовал контр-адмирал А. А. Попов; путь этих кораблей лежал через Тихий океан, в Сан-Франциско.

Командиры эскадр получили секретные инструкции, которые предписывали им в случае начала войны с Англией и Францией перерезать морские коммуникации этих держав и начать каперские операции против их флота.

«Эскадра Лесовского снялась с якоря в Крондштадте при таинственной обстановке и внезапно, неожиданно для Европы и Америки, появилась в Нью-Йорке»². Эскадра Лесовского прибыла в Нью-Йорк 25 сентября 1863 г., благополучно пересекла Тихий океан, и бросила якорь в Сан-Франциско эскадра под командованием Попова.

Нью-Йорк восторженно приветствовал русских моряков. Одна за другой следовали многочисленные встречи русских моряков с официальными должностными лицами и жителями города. Балы, банкеты, обеды в честь русских гостей поражали своей роскошью и огромным числом участников. Каждая такая встреча выливалась в убедительную демонстрацию русско-американской дружбы.

¹ «С.-Петербургские ведомости», 1. VI. 1863. На всем протяжении конфликта России с европейскими державами позиция федерального правительства оставалась неизменно дружественной по отношению к России. Такова же была позиция и широких слоев общественности Севера. Эти настроения общественности нашли свое отражение в опубликованных в «Нью-Йорк дейли трибюн» статьях: «Усиление трудностей в Европе» («New York Daily Tribune», 1. V. 1863); «Ответ России Европе» (20. V. 1863); «Россия и три западные державы» (5. VII. 1863); «Союз западных держав против России» (2. VIII. 1863); «Франция и Россия» (27. VIII. 1863); «Русский флот» (2. X. 1863); «Новые депеши князя Горчакова» (7. X. 1863); «Комбинации европейских политиков» (23. X. 1863); «Россия. Подготовка России к войне» (2. XII. 1863); «Россия» (20. I. 1864). Благожелательное отношение американской общественности к России проявилось также в многочисленных комментариях американской прессы по поводу приема, оказанного русским морякам в США.

² Малкин М. Гражданская война в США и царская Россия. М. — Л., 1939, с. 265.

Лесовский сообщал из Нью-Йорка управляющему Морским министерством России Н. К. Краббе:

«Я уже имел честь доложить о нескончаемых приемах и предложениях, от которых я не считаю себя вправе уклоняться... Казалось, довольно мы настоялись, чтобы всему этому наступил конец, а вчера, например, еще я принимал депутацию от губернатора штата Род-Айленда, мэра с депутатами из города Джервей, губернатора Пенсильвании и, наконец, множество дам... Завтра дается нам бал, а затем я с некоторыми судами эскадры отправлюсь в Вашингтон для отдачи почестей президенту...»¹

О торжественном приеме, устроенном русским морякам в Нью-Йорке и Сан-Франциско, сообщал также и Стебль. Русский посланник писал 6(18) октября 1863 г. Горчакову: «Наши морские офицеры продолжают быть предметом всеобщего внимания. На прошлой неделе адмирал и его штаб были приняты в городской ратуше (Нью-Йорк. — *Р. И.*). Они проследовали туда вместе с процессией, сопровождаемой отрядом войск в 6 тыс. человек. Этот отряд прошел перед адмиралом Лесовским торжественным маршем.

Кроме этих официальных демонстраций, научные и благотворительные общества да и вообще все слои населения соперничают в своем стремлении быть принятыми нашими моряками. Муниципальные власти Бостона, Нью-Порта, Балтимора и многих других портов послали в Нью-Йорк делегации с целью пригласить наших офицеров посетить их города».

Сообщив, что на следующий день после прибытия в Нью-Йорк эскадры Лесовского туда прибыли английская и французская эскадры, Стебль продолжал: «Англичане и французы смотрели не без зависти на то внимание, предметом которого были наши моряки, и в этой связи они даже выражали некоторое недовольство. Тем не менее все прошло благополучно. Стороны произвели обычный обмен любезностями, и между тремя эскадрами, стоявшими на якоре одна возле другой, имело место самое полное, по крайней мере видимое, согласие.

Говоря о наших моряках, я считаю долгом отметить, что их благородные манеры и их поведение, так же как и прекрасное состояние наших судов, произвели здесь самое благоприятное впечатление. Особо я должен отдать справедливость адмиралу Лесовскому. Отвечая на поздравления и тосты, с которыми к нему обращались во время приемов и обедов, он постоянно проявлял такт и находчивость, которые сделали бы честь человеку, искусственному в политике»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 207, оп. 1, д. 16, л. 39.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1863 г., д. 160, лл. 58 — 61.

Сообщения Стекла об исключительно теплой встрече русских моряков подтверждались прессой, широко комментировавшей визит русских эскадр в США.

Во время посещения флагманского корабля эскадры Лесовского представители муниципалитета Нью-Йорка сообщили, что на заседании муниципалитета была единодушно принята резолюция, приветствовавшая прибытие в США русских моряков. Мэр Нью-Йорка Опдайк заявил во время этой встречи: «Мы горячо желаем засвидетельствовать через вас уважение и дружбу к правительству и народу, которые вы представляете»¹.

Выступая перед гостями, Лесовский отметил, что «всюду, в каждом селении, в каждом доме американцы сердечно приветствовали нас». Русский адмирал предложил тост за «президента Соединенных Штатов. Человека, которому вы в трудный момент доверили будущее своей страны. Человека, который приобрел завидную известность как честный человек, к чему должен стремиться каждый»².

Об исключительно радушном приеме русских моряков сообщал из Сан-Франциско Попов. 11 ноября 1863 г. командующий Тихоокеанской эскадрой писал Краббе:

«Вашему превосходительству, конечно, уже известно из газет, с какой симпатией мы здесь приняты. 5-го числа город Сан-Франциско дал бал в знак общего расположения к государю и России, бал этот стоил более 15 тыс. долларов и в летописях С.-Франциско, конечно, останется памятным надолго как самый великолепный на берегах Тихого океана.

...Чрезвычайная предупредительность со стороны местного морского начальства обещает скорое окончание всех наших исправлений»³.

Во время встреч с русскими моряками корреспонденты отмечали их высокую культуру, образованность, умение хорошо держаться. Почти все русские офицеры свободно говорили по-английски, многие из них владели тремя-четырьмя языками⁴. В походе русских эскадр в США участвовал известный в будущем русский композитор Н. А. Римский-Корсаков, служивший гардемарином на клипере «Алмаз». «Нашу эскадру приняли здесь дружелюбно, даже до крайности, — писал он на родину. — В военном платье на берег и показаться нельзя: не ты будешь смотреть, а на тебя будут смотреть. Будут подходить (даже дамы) с изъявлени-

¹ «New York Daily Tribune», 2. X. 1863.

² Ibidem.

³ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 5, д. 13, л. 1.

⁴ «New York Daily Tribune», 2, 3. X. 1863.

ем своего уважения к русским и удовольствия, что они находятся в Нью-Йорке...»¹

Об исключительно теплом отношении американцев к русским морякам сообщал Стекло, который писал 21 октября (2 ноября) 1863 г. Горчакову, что жители Нью-Йорка собрали по подписке 25 тыс. долл., чтобы дать бал в честь русских моряков².

Русские корабли часто посещали высокопоставленные должностные лица и многочисленные жители портовых городов, в которых останавливались суда эскадр. 21 февраля (4 марта) 1864 г. командир корвета «Варяг» Роберт Лунд писал Лесовскому, что 19 февраля на борт корвета прибыл губернатор Мэриленда Бредфорд, а на следующий день офицеры и гардемарины «Варяга» по приглашению губернатора нанесли ему ответный визит и посетили генеральное собрание штата, где были исключительно тепло встречены депутатами³.

В частном письме один из русских моряков писал из Нью-Йорка: «Приход нашей эскадры сюда наделал премного шума в городе. Первые дни не проходило минуты, чтобы к эскадре не подплывал пароход, полный нью-йоркских леди и джентльменов, приветствовавших нас криками «ура» и махавших платками и шапками. Мы отвечали им, разумеется, тем же, вообще они выказывали и выказывают к нам такое расположение, какое оказывается разве только друзьям»⁴.

Корреспонденты отмечали, что русские моряки радушно встречали многочисленных посетителей на своих кораблях, бросивших якорь в порту Нью-Йорка. «Большое число людей, — писала «Нью-Йорк дейли трибюн», — ежедневно посещают русскую эскадру, они осматривают корабли, встречая сердечный прием со стороны офицеров»⁵.

Власти оказывали всемерную помощь русским морякам в ремонте судов, в пополнении запасов и боевого снаряжения, в оказании медицинской помощи офицерам и матросам. 11 октября 1863 г. Попов писал Стекло из Сан-Франциско: «Нас принимают не только радушно, но и предупредительно»⁶. 11 (23) ноября Попов вновь докладывал Стекло: «...В Сан-Франциско мы повсюду встречаем радужный прием и всевозможные услуги... Пять судов, находящиеся со мною в здешнем порту, исправляются в казенном Адмиралтействе». Командир Тихоокеанской эскадры

¹ Цит. по. Петров Д.Б.. Указ. соч., с. 96.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1863 г., д. 160-б, лл. 62 — 64.

³ ЦГАВМФ, ф. 207, оп. 1, д. 19, лл. 1 — 2.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», 6. XII. 1863.

⁵ «New York Daily Tribune», 8. X. 1863.

⁶ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1863 г., д. 85, л. 263.

писал о работниках Адмиралтейства, что они «услугами своими и предупредительностью не только сокращают на многие тысячи издержки по исправлению судов, но дают нам средства выполнить такие работы, которые невозможно было бы здесь сделать частным образом»¹.

Командир корвета «Варяг» сообщал в рапорте Лесовскому, что пять моряков заболели и были отправлены на лечение в военный госпиталь Аннаполиса (штат Мэриленд). «Главный доктор этого госпиталя в чине полковника г-н Вандеркрифт был как к больным, так «вообще к нам любезен и предупредителен; между прочим, за пребывание больных в госпитале не было взято никакого возмездия и г. Вандеркрифт сказал мне, что он имеет предписание своего начальства пользоваться наших больных в здании госпиталя безвозмездно»².

От русских моряков у американских военных властей не было секретов, они готовы были показать им любой объект, который представлял для них интерес. Морской министр США Уэллс заявил Стекло, что он отдал приказ в случае необходимости открыть для русской эскадры морской арсенал Нью-Йорка. Участник похода русских кораблей в США писал из Нью-Йорка, что им дали возможность осмотреть новейшие образцы артиллерии, верфи, где строились новые бронированные суда, предложили осмотреть «все, заслужившее внимание в сфере лоцманских знаний»³.

По приглашению американских военных властей русские офицеры посетили Потомакскую армию. Гостей сопровождал командующий армией генерал Мид, который принял парад, организованный в честь русских моряков. Русский офицер, участвовавший в осмотре частей Потомакской армии, писал на родину о дружественном отношении к русским в армии США: «Американские офицеры вспоминают и теперь о г. Раздеришине, который с дозволения нашего военного министерства прослужил полгода в действующей Потомакской армии в качестве капитана артиллерии и с состоянием при штабе генерала Мида»⁴.

Когда местные власти по каким-либо причинам отказывались предоставить возможность ознакомиться с военными объектами, федеральные власти немедленно шли навстречу пожеланиям русских моряков. В корреспонденции из Сан-Франциско сообщалось «о довольно замечательном событии, случившемся в этом городе». Контр-адмирал Попов выразил желание осмотреть возводившиеся близ Сан-Франциско военные укрепления, но тамош-

¹ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1863 г., д. 85, л. 326.

² ЦГАВМФ, ф. 207, оп. 1, д. 19, л. 8.

³ «С.-Петербургские ведомости», 6. XII. 1863.

⁴ Там же, 11. I. 1864.

ние власти объявили ему, что они не могут исполнить его желание на основании существующих на то постановлений. Адмирал Попов немедленно отправил в Вашингтон депешу к президенту Линкольну, который и дал предписание военным властям Сан-Франциско допустить его к осмотру укреплений и устроить в честь русской эскадры праздник, как это было сделано в Нью-Йорке»¹.

Русские моряки оказывали всемерную помощь населению американских городов. В октябре 1863 г. в Сан-Франциско возник пожар. На берег немедленно было направлено 200 русских моряков во главе с офицерами, которые приняли самое активное участие в борьбе с огнем. 26 октября муниципалитет города единодушно принял резолюцию, в которой выражалась искренняя благодарность командующему эскадрой Попову и всему личному составу эскадры за помощь жителям города в ликвидации пожара².

Об аналогичном факте сообщалось в рапорте командира «Варяга» Лесовскому от 22 февраля (5 марта) 1864 г.: «В продолжение стоянки здесь на рейде (в Аннополисе — штат Мэриленд) 2 февраля в городе был пожар, почему с корвета были посланы пожарные партии с брандспойтами, лотами, топорами и концами... Матросы при этом случае показали себя молодцами и заслужили похвалу американцев, выраженную в местной газете»³.

Русские эскадры не принимали участия в военных действиях против мятежников, но выражали готовность оказать всемерную помощь в защите побережья северных штатов от возможных налетов флота Конфедерации. Характерен секретный приказ, направленный Поповым командирам кораблей, находившимся в его подчинении:

«Весьма секретно. Циркулярно.

Гг. командирам судов эскадры Тихого океана.

Во всех случаях, когда общественное спокойствие нарушается неблагонамеренными людьми, всякий честный человек обязан оказывать всевозможное содействие той местной власти, покровительством которой он пользуется; руководствуясь этим правилом, я предписываю гг. командирам судов вверенной мне эскадры во время пребывания их в портах Соединенных Штатов следующее.

В случае появления в порте какого-либо корсара, снаряженного возмущившимися штатами, старший из присутствующих в том порте гг. командиров дает сигнал прочим стоящим на рейде судам «приготовиться к бою и развести пары», а вместе с тем тот-

¹ «Северная пчела», 6. XII. 1863.

² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 5, д. 13, л. 16.

³ Там же, ф. 207, оп. 1, д. 19, л. 6.

час же посылает офицера на появившееся судно с приказанием вручить командующему лицу прилагаемую при сем декларацию за своей подписью и затем, в случае нарушения им общественно-го спокойствия, принуждает его силой прекратить беспорядок.

Если же ворвавшийся в порт корсар прямо начнет непри-
ятельские действия, то старший из гг. командиров должен тотчас
дать сигнал прочим судам «сняться с якоря по способности» и,
подойдя вплоть к возмутителю общественного спокойствия, тре-
бовать немедленного и безусловного прекращения военных дей-
ствий, а в случае получения отказа в этом требовании атаковать
его»¹.

Стекль расценил приказ Попова как нарушение политики не-
мешательства в гражданскую войну в США, которой придержи-
валось правительство России. В своих донесениях в Петербург
русский посланник писал, что действия командующего Тихооке-
анской эскадрой могут привести к серьезным дипломатическим
осложнениям.

Энтузиазм, с которым русских моряков встретил народ Сева-
ра, разделял и президент Линкольн, который рассматривал визит
русских кораблей как событие, укреплявшее дружественные от-
ношения между двумя государствами и усиливавшее внешнепо-
литические позиции федерального правительства.

Линкольн выразил желание видеть моряков дружественного
государства в столице США. 21 октября (2 ноября) 1863 г. Стекль
сообщал Горчакову: «Президент, которого я позавчера видел,
спросил меня, не посетят ли наши моряки Вашингтон. Я ответил
ему, что посоветуюсь по этому вопросу с начальником нашей эс-
кадры. Я написал адмиралу Лесовскому и просил его, в случае
если он отправится с визитом в различные порты Соединенных
Штатов, начать свой визит с Вашингтона. Это явится знаком ува-
жения, который мы обязаны оказать президенту и федеральным
властям»².

В своих письмах к Лесовскому Стекль подчеркивал настоя-
тельную необходимость прибытия русских военных кораблей в
столицу Союза. 22 октября (3 ноября) 1863 г. Стекль писал Лесо-
вскому: «По приезде моем в Вашингтон я снова говорил с мини-
стром иностранных дел о предложении вашего превосходительст-
ва прибыть с частью эскадры в столицу Соединенных Штатов. Он
еще раз уверил меня, что как президенту, так и всему правитель-
ству очень приятно будет видеть наши военные суда.

Третьего дня я имел свидание с самим президентом. Поблаго-

¹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 5, д. 13, л. 95.

² АВПР, ф. Канцелярия. 1863 г., д. 160-6, лл. 62 — 64.

дарив меня за ласковый прием, сделанный г-же Линкольн при посещении ею фрегата «Ослябя», он спросил, намерены ли вы побывать здесь с вашими судами. Я отвечал, что вы ожидаете в Нью-Йорке инструкций, от которых будут зависеть ваши дальнейшие действия, но что если вам будет возможно посетить другие порты Соединенных Штатов, то Вы сочтете приятным долгом начать с Вашингтона. Я заметил при этом, что суда наши не могут подойти к самому городу, по недостаточной глубине Потомака. Г-н Линкольн отвечал мне, что если суда придут в Александрию или даже несколькими милями ниже по реке, то это не помешает ему посетить вас.

Я счел долгом передать вашему превосходительству вышеизложенный разговор с президентом. Мне остается прибавить, что, по моему мнению, необходимо, если к тому нет особых препятствий, чтобы хоть часть нашей эскадры посетила Вашингтон. Хотя я официально благодарил президента и морского министра..., но, мне кажется, было бы прилично, чтобы Вы, как начальствующий эскадрой, лично выразили президенту признательность наших соотечественников, встретивших столь радушный прием в Соединенных Штатах. Я уверен, что подобная вежливость с Вашей стороны произведет самое выгодное впечатление во всей стране»¹.

Стекль, внимательно следивший за реакцией общественности страны на визит русских эскадр в США, неоднократно указывал в своих донесениях на то, что исключительно теплый прием, оказанный русским морякам, вызывает необходимость прибытия русских кораблей в Вашингтон. 11 (23) ноября 1863 г., вновь возвращаясь к этому вопросу, русский посланник писал Горчакову: «Я уже имел честь сообщить вашему сиятельству, что президент, как и многие члены кабинета, говорил мне о том, как приятно было бы им видеть эскадру в Вашингтоне.

Я говорил об этом адмиралу Лесовскому и тем более предлагал ему выполнить это пожелание г-на Линкольна, считая, что подобный акт вежливости, мне кажется, просто необходим после всех тех знаков внимания, предметом которого были наши моряки»².

Визит русских кораблей в Вашингтон состоялся. Мелководье не позволило кораблям подняться по Потомаку выше Александрии, где бросили якоря суда во главе с флагманом эскадры 51-пушечным фрегатом «Александр Невский». Болезнь помешала Линкольну посетить русских моряков. На борт флагмана прибыла

¹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 5, д. 13, л. 16.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1863 г., д. 160-6, лл. 42 — 43.

жена президента и государственный секретарь Сьюард, которые были тепло встречены Лесовским и всей командой.

Линкольн придавал большое значение развитию дружественных связей с Россией. Во время визита русских эскадр в США, когда резко возрос интерес общественности к России, президент в декабре 1863 г. обратился с письмом к Б. Тейлору, писателю и журналисту, работавшему секретарем в американской дипломатической миссии в Петербурге. Линкольн писал: «Думаю, что одна-две лекции на тему «Крепостные, крепостничество и освобождение рабов в России» были бы интересны и полезны. Не могли бы вы это организовать?» Тейлор прочитал по просьбе президента ряд лекций о России, вызвавших большой интерес. Одна из лекций состоялась в Нью-Йорке, в Институте Купера. «М-р Тейлор был тепло встречен аудиторией», — сообщалось в отчете. Сбор от лекции пошел на оказание помощи голодающим военнопленным Союзу в Ричмонде¹.

Русские эскадры пробыли в США около девяти месяцев. За это время федеральная армия добилась значительных военных успехов, возрос авторитет федерального правительства и лично Линкольна, укрепилось внешнеполитическое положение Союза. Последнему не в малой степени способствовало пребывание русских эскадр в США².

На Североамериканском континенте и в столицах европейских государств настойчиво распространялись слухи, что между Россией и США заключен тайный военный союз, который войдет в силу в случае начала войны России с Англией и Францией³.

Но несомненным было одно: визит русских эскадр в США способствовал укреплению внешнеполитического положения правительства Линкольна и оказал содействие разрешению трудностей, возникших во взаимоотношениях России с западными державами. Расположив две эскадры вблизи уязвимых морских путей Англии и Франции, правительство России смогло занять более твердую позицию в отношении западных держав. Тем более что обе эскадры имели в своем тылу дружественную державу в лице Соединенных Штатов.

Посылка русских эскадр в США позволила России решительно отвергнуть все требования западных держав. По свидетельству

¹ «New York Daily Tribune», 19. XII. 1863.

² Внешнеполитические вопросы, связанные с визитом русских эскадр в США, подробно изложены в следующих работах: Малкин М.М. Указ. соч., с. 282 — 305; он же. Русско-американские отношения в период гражданской войны. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 417 — 451.

³ «Северная пчела», 16. VIII. 1863.

Стекля, эта позиция России получила полное одобрение со стороны Линкольна. 6 (18) октября 1863 г. Стекль писал Горчакову: «Газеты... сообщают о последнем ответе вашего превосходительства трем державам. Президент и государственный секретарь поздравили меня с энергичной и полной достоинства позицией, занятой императорским правительством»¹.

Визит русских кораблей в США превратился в настоящую демонстрацию русско-американской дружбы.

«Нью-Йорк дейли трибюн», отмечая это, писала: «...На протяжении всего периода нашего национального существования мы не имели серьезных и сложных противоречий с этой державой (Россией. — *Р. И.*), более того, между Соединенными Штатами и Россией всегда были сердечные отношения». Газета заявляла, что дружественное отношение России к США в самый трудный период ее истории «никогда не будет забыто»².

Много теплых дружеских слов было высказано в адрес русских моряков, когда они прибыли с визитом в Александрию — аванпост Вашингтона. На борту флагмана русской эскадры «Александр Невский» Лесовский дал банкет в честь конгрессменов. Отвечая на краткую речь, с которой обратился к гостям русский посланник в США Стекль, спикер палаты представителей конгресса Колфакс заявил: «Мне нет необходимости говорить вам, что с начала великой борьбы, в которой эта страна обеспечила свое существование, сердце каждого американца было согрето теми, кто посылал приветственные слова дружбы и симпатии республике, основанной Вашингтоном. И когда через безбрежные просторы Атлантики пришли приветственные слова симпатии и час нашего испытания от царя всея Руси, наши сердца обратились к народу этой отдаленной земли... Вы расположены на трех континентах — в Европе, Азии и Америке, мы — на одном, но мы вместе составляем единый континент от океана до океана... На берегу Тихого океана наша великая нация так близка к вам, что мы почти можем предствить себе приветствие путем рукопожатия, эти две великие страны почти покрывают окружность глобуса. Я благодарю вас за сердечные приветствия и в ответ на это заявляю, что Россия и Соединенные Штаты могут находиться в дружеских отношениях вечно, так же как вечно существуют звезды»³.

Современники видели в походе русских эскадр в США естественное следствие дружественных отношений между двумя державами, которые еще больше укрепились в результате благожела

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1863 г., д. 160-б, л. 58.

² «New York Daily Tribune», 20. X. 1863.

³ Ibid., 19. XII .1863.

тельной позиции по отношению к федеральному правительству, занятой Россией в годы гражданской войны. В корреспонденции из Нью-Йорка, написанной вскоре после прихода туда русской эскадры, говорилось: «Россия первая из всех европейских держав оказала Союзу нравственное содействие и открыто объявила себя против южан. Чем больше раздражения и неприязни чувствовали мы в последнее время к Франции и к Англии, тем более влечения испытывали мы к России...

У обеих стран есть огромные, малонаселенные, но плодоносные равнины; есть неистощимые средства; есть великая, еще неизведанная будущность и непоколебимая вера в эту будущность»¹.

Визит русских эскадр в США превратился в настоящий триумф. Вернувшись на родину, русские моряки были приняты посланником США в России Клеем, который заявил: «Россия, великая держава Востока, и Соединенные Штаты, великая держава Запада, не имея противоположных интересов, должны руководствоваться законами сближения... Со времен Екатерины II и с часа нашего рождения как нации мы всегда были друзьями». С характерным заявлением выступил секретарь американской дипломатической миссии Г. Берг: «Между нами существует дружба, не омраченная никакими дурными воспоминаниями. Она будет продолжаться при соблюдении твердого правила не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Нетрудно представить себе громадные преимущества, которые может дать такая политика всем правительствам земного шара, если они будут ее тщательно придерживаться в международных отношениях.

Тогда, господа, прекратятся огромные траты на постройку враждебных флотов, на организацию и снабжение армий, на изготовление оружия и всего, что нужно для войны. Все это будет заменено процветанием промышленности, всемирным братством и подлинной цивилизацией»².

Освобождение рабов и переход к революционным методам ведения войны способствовали росту симпатий к правительству Линкольна со стороны прогрессивных кругов Англии и Франции, что в значительной степени затрудняло реализацию планов правительственных кругов этих стран, направленных на организацию интервенции в поддержку рабовладельцев. Важные военные успехи федеральной армии и укрепление дружественных отноше-

¹ «Северная пчела», 9. X. 1863.

² Последствия недавнего визита русского флота в США под командой контр-адмирала Лесовского. СПб, 1864.

ний между США и Россией также делали бесперспективными интервенционистские планы Англии и Франции.

В послании конгрессу от 8 декабря 1863 г. Линкольн мог с полным основанием сказать: «В международных отношениях, как показывает позиция Британии и отношение в целом Европы к вопросу о вмешательстве (в гражданскую войну в США. — *Р. И.*), положение резко улучшилось». Президент приходил к выводу: «Усилия неloyальных граждан Соединенных Штатов вовлечь нас в войну с иностранными державами, чтобы оказать помощь непростительному мятежу, не увенчались успехом»¹.

В ходе гражданской войны наступил решительный перелом и каждому непредвзятому наблюдателю было очевидно, что крах мятежной Конфедерации неизбежен и близок. Для рабовладельцев и их союзников за океаном оставалась единственная надежда на президентские выборы 1864 г. В этой важной избирательной кампании реакционные силы надеялись взять реванш за все поражения на военных, внутривластных и внешнеполитических фронтах.

2. Вторичное избрание Линкольна президентом

Избирательная кампания 1864 г. явилась серьезнейшей проверкой для правительства Линкольна. Это был референдум, который должен был дать ответ на вопрос о том, как относится народ к новому политическому курсу, проводимому федеральным правительством.

По сравнению с избирательной кампанией 1860 г. Авраам Линкольн имел бесспорное преимущество. Его новый политический курс — борьба за уничтожение рабства, выгодно отличался от рыхлой и неопределенной политической платформы 1860 г. Революционные методы ведения войны с целью быстрее разгрома мятежников и уничтожения рабства были близки и понятны самым широким слоям американского народа. Несомненным преимуществом Линкольна являлось и то, что, несмотря на свои колебания, он за время пребывания на посту президента значительно укрепил свой авторитет у широких масс избирателей.

На этом кончались преимущества Линкольна и возглавляемого им правительства, а трудности, с которыми столкнулась правящая республиканская партия, были столь огромны, что многие лидеры республиканцев, в том числе и сам Линкольн, серьезно опасались за исход избирательной борьбы. Впервые в истории

¹ «Collected Works», Vol. VII, p. 36.

должны были произойти перевыборы главы государства в условиях ожесточенной гражданской войны, когда решалась судьба нации и государства. Народ понес огромные жертвы в этой войне, трудящиеся массы устали от лишений, и главная трудность заключалась в том, что все еще не видно было конца войны. В этих условиях прорабовладельческие элементы Севера получали самое широкое поле деятельности для антиправительственной пропаганды. «Мирные» демократы, спекулируя на трудностях, вызванных войной, обвиняли Линкольна в преднамеренном затягивании войны, наживали политический капитал на многочисленных ошибках и недостатках в деятельности федерального правительства. Сторонники рабовладельцев прекрасно понимали, что избирательная кампания 1864 г. давала им последний шанс в борьбе с правительством Линкольна. И чтобы не упустить этот шанс, они забыли на время свои внутренние распри, сгладили противоречия, отодвинули на второй план местнические интересы и сумели благодаря этому создать единый антилинкольнский фронт.

Иная обстановка сложилась в правящей республиканской партии, ослабленной внутренними раздорами, причиной которых являлся не только различный подход к политическим и военным проблемам гражданской войны, но и неприкрытая борьба за власть.

Избирательная кампания 1864 г. началась и протекала в условиях заметно изменившегося соотношения сил на политической арене. Многие факторы свидетельствовали о том, что эти изменения были неблагоприятны для правительства Линкольна. Внутри республиканской партии усилилось правое крыло, получившее сильное пополнение из рядов промышленной буржуазии, серьезно напуганной забастовочным движением и ростом организованности рабочего класса.

Резкий крен вправо сделала часть мелкой буржуазии, микроскопический бизнес которой подвергся серьезному испытанию в условиях быстро развивавшегося процесса централизации и концентрации капитала, чему в большой степени способствовала гражданская война.

Уже в самом начале избирательной кампании стало очевидно, что реакционные силы могут рассчитывать на поддержку части неорганизованных рабочих, которые были менее сознательны по сравнению с рабочими, объединенными в профсоюзы, и подвергались самой жесточайшей эксплуатации.

В канун голосования в лагерь реакции перешла значительная часть «военных» демократов, которые на предыдущих выборах голосовали за правительство Линкольна. Это была та неустойчивая группа в антирабовладельческой коалиции, которая проявляла наибольшую склонность к компромиссам и колебаниям. При-

чиной ее блокирования с «мирными» демократами во время выборов 1864 г. являлся страх перед углубляющейся революцией, несогласие с новым курсом правительства Линкольна, нашедшим отражение в провозглашении освобождения рабов и переходе к революционным методам ведения войны.

В определении их позиции важную роль сыграл и удачный тактический маневр кандидата в президенты от демократов Мак-клееллана, который после успехов федеральных вооруженных сил осенью 1864 г. заявил, что он выступает против поспешного заключения перемирия с мятежниками и в случае избрания его президентом будет проводить политику, направленную на скорейший разгром мятежников и восстановление Союза¹.

Все это были факторы, неблагоприятные для правительства Линкольна, но, пожалуй, самая серьезная угроза надвигалась не справа, а слева. Радикалы в ходе избирательной кампании на протяжении значительного времени выступали против переизбрания Линкольна, что поставило под угрозу самое существование анти-рабовладельческой коалиции².

Такова была перегруппировка классовых и политических сил в стране, вступавшей в завершающий этап гражданской войны. Обстановка была тревожной и неопределенной, приближалось одно из наиболее серьезных испытаний правительства Линкольна, которому оно подвергалось на протяжении всей войны.

Начало избирательной кампании не предвещало ничего хорошего для Линкольна. На Севере резко активизировалось движение за заключение перемирия с Югом. Причем характерно, что если раньше на этом лозунге спекулировали тайные и открытые сторонники рабовладельцев, то теперь с подобными предложениями выступали и некоторые сторонники единства Союза.

Вопрос о возможности заключить перемирие обсуждался на заседаниях федерального правительства. 9 (21) февраля 1864 г. Стеклъ сообщал Горчакову: «Во время беседы, которую я имел с государственным секретарем, я спросил его, действительно ли правительство имеет намерение предпринять усилия для окончания войны? Г-н Сьюард ответил мне, что этот вопрос обсуждался в кабинете, но ничего не решено. «Это деликатное дело, — сказал мне Сьюард, — впрочем, Джефферсон Дэвис в послании, адресованном вашингтонскому конгрессу, заранее ответил, что он будет продолжать войну до конца. С другой стороны, для федерального

¹ Mc-Clellan's own Story, p. 15.

² A. Nevins and I. Stone (ed.). Op. cit., p. 29; B.H. Liddell Hart. Op. cit., p. 275.

правительства недостойно брать на себя инициативу в этом вопросе»¹.

В ходе дальнейшей беседы стало очевидным, что правительство Линкольна возлагает все свои надежды не на закулисные переговоры с мятежниками, а на их полный военный разгром. В донесении Стекля цитировались слова Сьюарда: «Время еще не пришло, но мы приближаем момент, когда успехи наших армий должны будут положить конец борьбе»².

Подобная позиция федерального правительства ни в коей мере не устраивала прорабовладельческие элементы Севера, которые мобилизовали свою агентуру в конгрессе с целью оказать давление на правительство Линкольна. Фернандо Вуд внес резолюцию, предлагавшую начать переговоры с «ричмондскими властями» о прекращении «нынешней кровопролитной, опустошительной и бесчеловечной войны». Палата представителей подавляющим большинством голосов высказалась против этого предложения, которое означало на практике признание «ричмондских властей».

Демократы организовали многочисленные митинги своих сторонников в Пеории, Сперингфилде (Иллинойс), Сиракузах (Нью-Йорк) и в других городах Севера с требованием скорейшего заключения мира³.

Неожиданным союзником прорабовладельческих элементов оказался Грили, редактор «Нью-Йорк дейли трибюн». В июле 1864 г. он обратился к Линкольну с письмом, в котором убеждал президента прекратить кровопролитие и пойти на заключение перемирия с мятежниками. По мнению Грили, отказ Линкольна от переговоров с конфедератами мог привести к его поражению на президентских выборах. Грили писал, что в июле—августе 1864 г. наступили «самые мрачные времена» в гражданской войне⁴.

Грили вступил в переговоры с эмиссарами мятежников, прибывшими в Канаду, чтобы с территории этой пограничной с северными штатами страны инспирировать пораженческие настроения на Севере.

В своих письмах Линкольну Грили настойчиво предлагал организовать встречу между президентом и представителями мятежников. В конце концов выяснилось, что окопавшиеся в Канаде посланцы рабовладельцев не имели никаких полномочий для ведения мирных переговоров.

После этого Линкольн в письменной форме изложил точку

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1864 г., д. 150, л. 242.

² Там же, л. 243.

³ J. Randall. Lincoln the President..., Vol. 4, p. 203.

⁴ H. Greeley. Op. cit., Vol. 11, p. 664.

зрения своего правительства на вопрос о мирных переговорах. 18 июля 1864 г. президент заявил: «Всем, кого это может касаться. Любое предложение, содержащее условия заключения мира, восстановления Союза, запрещение рабства, выдвинутое лицами, обладающими контролем над армиями, сражающимися против Соединенных Штатов, будет принято и изучено правительством Соединенных Штатов. В свою очередь, будут широко выдвинуты достойные условия по другим важным и второстепенным вопросам. Полномочные лица получают гарантию на безопасный проезд туда и обратно»¹.

Обнародование этого заявления Линкольна было важным событием в избирательной кампании 1864 г. Президент четко сформулировал позицию правительства в вопросе о мирных переговорах: перемирие возможно только на условиях признания уничтожения рабства и восстановления единства Союза. Это заявление в значительной мере способствовало сплочению вокруг Линкольна всех сторонников доведения войны до полного уничтожения рабства и военного разгрома мятежников.

После опубликования Прокламации об освобождении, официально провозглашенной целью войны, наряду с восстановлением Союза стало уничтожение рабства. И вполне естественно, что проблема рабства стала в центре внимания всех классов и политических группировок, принимавших участие в избирательной кампании 1864 г.

Ожесточенная борьба происходила вокруг вопроса о путях и средствах перестройки экономической и политической жизни рабовладельческих штатов, об условиях их возвращения в Союз, иными словами, вокруг проблем реконструкции. «Развернулась историческая борьба между законодательной и исполнительной властью, — пишет У. Фостер, — за контроль над планом реконструкции, отражавшая борьбу левых сил за консолидацию завоеваний революции»².

Демократы критиковали план Линкольна по реконструкции южных штатов с крайне правых позиций, считая, что президент полностью игнорирует право штатов и занимает, по их мнению, чрезмерно пронегритянскую позицию в этом вопросе. Ожесточенный бой Линкольту дали радикалы, которые находили его политику в вопросах реконструкции слишком мягкой по отношению к рабовладельцам и рассматривали его план реконструкции как «величайшую узурпацию законодательной власти народа»³.

¹ «Collected Works», Vol. VII, p. 451.

² Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, с. 347.

³ W. Hasseltine (ed.). Op. cit., p. 55.

Борьба вокруг проблем реконструкции в значительной мере являлась составной частью общей борьбы вокруг негритянской проблемы. И действительно, реконструкция южных штатов должна была дать ответ на целый ряд вопросов, жизненно затрагивавших интересы негров. Какова будет судьба освобожденных рабов? Останутся ли они только лично свободными, как предусматривала Прокламация об освобождении, или же им будут предоставлены равные с белыми экономические и политические права? Будет ли решен вопрос о конфискации земель плантаторов и их распределении среди негров и белых бедняков? Будет ли распространена реконструкция на рабовладельческие штаты, не участвовавшие в мятеже? В частности, получают ли свободу рабы лояльных рабовладельцев?

Решение всех этих вопросов зависело от того, какой план реконструкции будет принят в Вашингтоне. Весь ход борьбы по вопросам реконструкции доказывал, что широкие народные массы выступали за демократическое разрешение этого вопроса, за полное уничтожение рабства в масштабах всей страны. Под давлением масс Линкольн пересмотрел свой план реконструкции, выступил за более полное удовлетворение прав негров¹.

Все более громко раздававшиеся требования уничтожить рабство не только в мятежных, но и в лояльных рабовладельческих штатах свидетельствовали о том, что борьба за уничтожение рабства вступила в новую, более высокую стадию. На Севере проходили многочисленные митинги, участники которых решительно заявляли, что только полное уничтожение рабства может обеспечить скорейший и полный разгром мятежников, гарантировать страну от новых вооруженных выступлений рабовладельцев. Настойчиво раздавались требования внести в конституцию поправку (тринадцатую по счету), которая придавала бы силу закона полному уничтожению рабства во всех штатах и территориях страны. Соответствующие петиции были направлены в конгресс от жителей Нью-Йорка, Иллинойса, Массачусетса, Пенсильвании, Индианы, Коннектикута, Нью-Джерси, Мэриленда, Кентукки, Род-Айленда и многих других штатов. Под петициями стояли сотни тысяч подписей².

Многочисленные факты свидетельствовали о том, что движение за полное уничтожение рабства приняло всенародный характер. Это требование народных масс получило самую активную поддержку со стороны радикалов. Одним из самых пламенных борцов за полное уничтожение рабства был выдающийся буржуазный революционер Тадеуш Стивенс. «Я буду удовлетворен, —

¹ A. Nevins and I. Stone (ed.). Op. cit., p. 32 — 33.

² «Congressional Globe», 38-th Congress, 1-st Session, p. 536; Pt. III, p. 27 — 77.

заявил он, — если на моем надгробном памятнике будет написано: «Здесь лежит тот, кто никогда не достигал какого-либо высокого положения, а стремился только к тому, чтобы о нем сказали немного: он боролся за то, чтобы облегчить положение бедных, одиноких, угнетенных всех рас, языков и цвета кожи»¹.

Радикалы, руководимые Стивенсом и Самнером, вели в конгрессе ожесточенную борьбу за принятие 13-й поправки. Прорабовладельческие элементы конгресса оказывали яростное сопротивление принятию поправки, понимая, что законодательное решение вопроса об уничтожении рабства в масштабе всей страны явилось бы ударом, от которого уже невозможно было оправиться.

Однако в условиях избирательной кампании демократы не рискнули игнорировать мнение самых широких слоев избирателей. Многие члены конгресса от демократической партии, учитывая настроение масс и реальное соотношение сил в обеих палатах, выступили в конце концов за принятие поправки. Член палаты представителей Энсен Херрик, демократ от штата Нью-Йорк, обращаясь к своим коллегам по партии, говорил: «Наша мнимая приверженность рабству, отстаивание прав штатов, — вот что из года в год ослабляло наши ряды. Рассматривая этот вопрос как человек, надеющийся увидеть демократическую партию вскоре у власти, я считаю, что данное предложение (13-я поправка. — *Р. И.*) предоставляет благоприятную возможность для демократов избавиться от кошмара рабства»².

Это была точка зрения наиболее дальновидных кругов демократической партии, которые понимали, что полное уничтожение рабства должно было стать неизбежным результатом гражданской войны. Эти круги демократов, думая о будущем, считали необходимым примириться с неизбежностью уничтожения рабства, добиться возвращения к власти и в дальнейшем сделать все возможное если не для формального, то для фактического восстановления рабства негров. После окончания гражданской войны, в период реконструкции, демократы проводили именно такой политический курс в негритянском вопросе.

Когда в сенате 8 апреля 1864 г. вопрос о принятии 13-й поправки был поставлен на голосование, он был решен положительно без какой-либо серьезной борьбы. 38 сенаторов высказались за принятие поправки и только шесть — против³. В палате представителей поправка была принята в январе 1865 г. Однако согласно конституции поправка могла получить силу закона только

¹ Current. Old Thad Stevens, p. 204 — 207. — In: J. Randall. Lincoln the President, Vol. 4, p. 312.

² «Congressional Globe», 38-th Congress, 2-nd Session, p. 526.

³ Ibid., p. 1490.

после того, как ее ратифицирует не менее трех четвертей всех штатов. Это важное событие произошло только в декабре 1865 г.

Позиция Линкольна в вопросе о 13-й поправке была еще одним наглядным свидетельством того, что он внимательно прислушивался к мнению народа и корректировал свою деятельность с учетом этого мнения. 13-я поправка предусматривала несравненно более радикальное решение негритянской проблемы, чем опубликованная Линкольном Прокламация об освобождении. Убедившись, что его точка зрения не соответствует требованиям народных масс, Линкольн не замедлил пересмотреть ее. В июле 1864 г. президент писал, что «искренне стремится и хочет, чтобы была принята поправка к конституции об уничтожении рабства на всей территории страны»¹.

После принятия поправки конгрессом Линкольн заявил: «Великое дело завершено». 1 февраля 1865 г., отвечая участникам митинга, собравшимся, чтобы приветствовать президента по случаю этого знаменательного события, Линкольн заявил, что принятие поправки — величайшая победа в борьбе за полное уничтожение рабства. «Но перед нами, — говорил президент, — все еще стоит задача — идти вперед и завершить голосами штатов то, что конгресс начал столь замечательно вчера»². Президент с гордостью сообщил собравшимся, что его штат Иллинойс положил начало выполнению этой важной задачи, ратифицировав 13-ю поправку.

Важное значение в избирательной борьбе имел вопрос об отношении членов конгресса к кандидатам на пост президента. С этой точки зрения положение Линкольна оставляло желать много лучшего. Против него сложилась мощная оппозиция в обеих палатах конгресса, в которую входили и демократы и республиканцы.

Демократы выступали против кандидатуры Линкольна в первую очередь потому, что в их глазах вся его деятельность представлялась чрезмерно революционной, а также и потому, что он был кандидатом враждебной партии. Иными соображениями руководствовались члены конгресса от республиканской партии. Радикальная фракция республиканцев считала, что деятельность Линкольна консервативна в своей основе, что президент не проявил ни должной политической прозорливости, ни энергии в руководстве страной. Радикалы резко критиковали Линкольна за то, что он продолжал сохранять в составе своего правительства таких консервативных деятелей, как Сьюард и Монтгомери Блэйр, министр почты и телеграфа. Основной бой радикалы дали Линкольну по вопросу о реконструкции.

¹ «Collected Works», Vol. VII, p. 380.

² Ibid., Vol. VIII, p. 254.

Мнение радикалов как в конгрессе, так и вне его было почти единодушным — кандидатом в президенты надо выдвинуть более левого и энергичного человека, чем Линкольн. Единой точки зрения по вопросу о кандидате в президенты у республиканцев не было. Задолго до выборов назывались в качестве кандидатов имена генералов Бэнкса, Розенкранца, Блэйра, а также Сьюарда и Чейза¹.

Руководители республиканской партии считали, что Линкольн не сможет на выборах добиться поддержки широких слоев избирателей и выступали против его переизбрания в президенты. Один из деятелей республиканцев заявлял: «Я думаю, что демократическая партия сплотится вокруг Макклеллана. Если кандидатура «старого Эйба» не будет снята и другой человек, способный объединить республиканцев, не займет его место, Макклеллан будет избран!»²

Бурную деятельность развил Грили, который был убежден, что не может быть и речи о переизбрании Линкольна. «Линкольн уже разгромлен, — писал Грили. — Он не может быть избран. Мы должны иметь другую кандидатуру, чтобы спасти себя от поражения. Если мы будем иметь кандидатов в президенты в лице Гранта, Батлера или Шермана и Фаррагута в вице-президенты, мы еще сможем сразаться. И мы должны иметь таких кандидатов любым путем с помощью конвента (республиканской партии. — *Р. И.*) или без него»³.

На страницах своей газеты Грили ставил вопрос: неужели Линкольн такая бесспорная кандидатура, что нет необходимости даже рассмотреть возможность выдвижения другого лица? «Мы, — заявил Грили, — отвечаем на это отрицательно. Мы полностью согласны с тем, что м-р Линкольн сделал много хорошего, но отнюдь не считаем бесспорным, что министр Чейз, генерал Фримонт, генерал Батлер или генерал Грант не могут сделать того же»⁴.

В начале избирательной кампании особенно высоко котиrowались шансы Чейза. 2 октября 1863 г. министр финансов писал в своем дневнике, что он получил письмо от Грили, сообщавшего, что республиканцы выдвигают его кандидатуру в президенты, и предлагал на рассмотрение Чейза план агиткампании в поддержку его кандидатуры⁵. Чейз уверовал, «что только он мог спасти страну»⁶.

Министр финансов, обладавший самомнением, ни в коей

¹ «New York Daily Tribune», 18. XII. 1863.

² W. Gray. Op. cit., p. 186.

³ B. Thomas. Op. cit., p. 442.

⁴ «New York Daily Tribune», 23. II. 1864.

⁵ S. Chase. Inside Lincoln's Cabinet..., p. 208.

⁶ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 8, p. 312.

мере не соответствовавшим его достоинствам, давно уже мечтал занять пост президента. Чейз пустил в ход самые нечистоплотные приемы, чтобы осуществить свои честолюбивые политические замыслы. Было создано несколько тайных обществ, которые развернули бурную деятельность с целью не допустить переизбрания Линкольна. Чейз раздавал многочисленные высокооплачиваемые должности своим сторонникам, проводил регулярные встречи и беседы с лицами, которые играли важную роль в избирательной кампании, рассылал бесчисленные письма, инструктируя сообщников.

Чейз взял откровенный курс на раскол республиканской партии изнутри, что восстановило против него широкие круги республиканцев на Севере. В этих условиях лидеры радикалов, поддерживавшие Чейза, пришли к выводу о бесперспективности выдвижения его кандидатуры на пост президента. Скомпрометированный нападками на Линкольна и трудным положением с финансами, которыми он руководил, Чейз вынужден был подать в отставку. По предложению радикалов Линкольн утвердил министром финансов одного из лидеров радикальных республиканцев, председателя финансовой комиссии конгресса Фессендена. Так закончилась карьера Чейза. Русская газета, комментируя отставку министра финансов, писала: «Приверженцы Чейза говорят, что он незаменим, что он гений и что только потому ему удалось дать такое громадное развитие государственному кредиту... Последнему (Чейзу. — *Р. И.*) не нужно было быть гением, чтобы в огромном и богатом государстве, не имевшем долгов, «развить государственный кредит», то есть сделать долгов на 1800 миллионов долларов. Г-н. Чейз исполнил это и со славою удалился. Но каково-то будет его преемнику»¹.

Часть радикалов высказывалась за выдвижение кандидатуры Гранта, который своими победами на фронтах приобрел большой авторитет не только в армии, но и среди широких народных масс. Однако главнокомандующий Севера отказался баллотироваться в президенты². Грант не без оснований считал, что только переизбрание Линкольна может создать необходимые политические предпосылки для сплочения антирабовладельческих сил и разгрома мятежников. В одной из бесед Грант заявил, что он не собирается делать политической карьеры, что после окончания войны он, возможно, выдвинет свою кандидатуру на пост мэра в своем родном городке и в случае избрания добьется, чтобы был проложен тротуар от его дома до вокзала.

После отказа Гранта основную ставку радикалы делали на

¹ «С.-Петербургские ведомости», 16. VII. 1864.

² J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 468.

Фримонта. Во многих городах Севера были созданы специальные комитеты, агитировавшие за выдвижение Фримонта кандидатом в президенты.

31 мая 1864 г. в Кливленде (Огайо) открылся съезд радикальных республиканцев. Съезд единодушно проголосовал за «бескомпромиссную радикальную платформу», предусматривавшую принятие поправки, уничтожавшей рабство во всех штатах, передачу дела реконструкции в руки конгресса, выборы президента только на один срок и путем прямого голосования, соблюдение конституционных свобод слова и печати, конфискацию земель мятежников и ее распределение среди солдат и поселенцев¹. Это была прогрессивная программа, направленная на скорейший разгром мятежников. Но сам факт созыва съезда радикалов имел серьезный отрицательный момент.

До сих пор радикалы являлись фракцией республиканской партии, созыв специального съезда означал на практике создание новой партии, раскол республиканцев. В условиях завершающегося этапа гражданской войны, когда важнейшая политическая задача заключалась в сплочении всех сил антирабовладельческой коалиции, созыв съезда радикалов серьезно препятствовал выполнению этой задачи.

По существу, это был раскол не только республиканской партии, но и всей антирабовладельческой коалиции, так как в работе съезда приняла участие и часть «военных» демократов, вследствие чего новой партии, созданной на съезде, было присвоено наименование «радикальной демократии». Как и следовало ожидать, съезд радикалов выдвинул кандидатом в президенты Фримонта, генерал Джон Кохрэн был выдвинут кандидатом в вице-президенты².

Приближался день созыва съезда республиканской партии, на котором предстояло выдвинуть кандидата в президенты от республиканской партии. Республиканцы — противники переизбрания Линкольна выступали за то, чтобы перенести срок созыва съезда на возможно поздний срок, так как они были уверены, что съезд республиканской партии выдвинет кандидатуру Линкольна, и стремились не дать возможности организовать длительную кампанию за его переизбрание. «Нью-Йорк дейли трибюн» высказывалась за то, чтобы съезд партии «отложить на август или даже на сентябрь»³.

Съезд республиканской партии был назначен на 7 июня 1864 г.

¹ T. Williams. Op. cit., p. 314; B. Thomas. Op. cit., p. 425.

² J. Randall. Lincoln the President, Vol. 4, p. 114; A. Nevins. Fremont Pathmarker of the West, Vol. II, p. 574.

³ «New York Daily Tribune», 5. VI. 1864.

Это был первый успех сторонников Линкольна. В целом руководство республиканской партии поддерживало кандидатуру Линкольна, которая была утверждена на заседании республиканского комитета четырьмя голосами против одного¹.

Но решающее слово было за организациями республиканской партии в штатах, за широкими народными массами, которым предстояло участвовать в президентских выборах. Факты свидетельствовали о том, что общественное мнение Севера все более решительно выступало за Линкольна. Представители самых различных слоев населения высказывались за переизбрание Линкольна. «Президента поддерживали простые люди, бизнесмены и большая часть лучшей интеллигенции страны»².

В поддержку кандидатуры Линкольна активно выступили юнионистские лиги, которые особенно активно действовали в Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне³. Эти массовые организации «представляли наиболее пылкие и неистовые республиканские чувства страны»⁴.

К началу избирательной кампании 1864 г. юнионистские лиги были созданы в 18 штатах Севера, тщательно законспирированные лиги возникли и в мятежных штатах, где они объединяли противников рабства из всех слоев населения⁵.

Юнионистские лиги были активными сторонниками переизбрания Линкольна. «Лиги Нью-Йорка, Иллинойса и даже Висконсинга... были среди первых, объявивших себя за Линкольна»⁶.

Наиболее влиятельная Филадельфийская лига еще 11 января 1864 г. выступила в поддержку кандидатуры Линкольна. Лига Филадельфии заявила, что Линкольн сделал очень много для того, чтобы приблизить победу над рабовладельцами, и он не должен быть лишен возможности добиться славы, доведя эту победу до конца. Филадельфийская Лига заявила, что переизбрание Линкольна — «это народная воля всех лояльных штатов... представляющих его как кандидата народа в президенты»⁷.

Главный совет юнионистских лиг решительно выступил за переизбрание Линкольна и призвал всех членов лиг проголосовать за его кандидатуру. Копия этой резолюции была направлена Линкольну⁸.

¹ W. King. Op. cit., p. 218.

² A. Nevins and I. Stone (ed.). Op. cit., p. 30 — 31; J. Rhodes. History of the Civil War, p. 319.

³ J. Rhodes. History of the Civil War, p. 637 — 638.

⁴ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 9, p. 56.

⁵ J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 490.

⁶ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 9, p. 56 — 57.

⁷ Ibid., p. 57.

⁸ Ibid., p. 74 — 75.

Одно за другим законодательные собрания штатов высказывались за Линкольна. В пользу выдвижения его кандидатуры проголосовали законодательные собрания Канзаса, Индианы, Огайо, Калифорнии, Пенсильвании, Миннесоты, Род-Айленда, Висконсина, Айовы, Мэриленда, Коннектикута, Нью-Гэмпшира, Нью-Джерси¹.

Съезды республиканцев, проходившие в штатах, также высказались за выдвижение Линкольна кандидатом в президенты.

Большую политическую сознательность проявили рабочие США. Против кандидатуры Линкольна выступали радикалы, пользовавшиеся большим авторитетом среди рабочих, и тем не менее рабочий класс выступил в его поддержку. Об этом свидетельствовали митинги, проходившие на Севере в первой половине 1864 г. Доказательством этого явилась и дружеская встреча, состоявшаяся между Линкольном и делегацией Демократическо-республиканской рабочей ассоциации, посетившей президента в марте 1864 г. Руководитель делегации рабочих заверил Линкольна в том, что на предстоящих выборах рабочий класс проголосует в его поддержку². Это обещание было выполнено.

Съезд республиканской партии начал свою работу 7 июня 1864 г. в Балтиморе. По вопросу о выдвижении кандидатуры в вице-президенты на съезде разгорелась упорная борьба, победу в которой одержал «военный» демократ Эндрю Джонсон³. Своей победой Джонсон был обязан тому, что в предвидении ожесточенной борьбы на президентских выборах республиканцы стремились завоевать голоса «военных» демократов, предоставив их кандидату пост вице-президента.

В отличие от предвыборного съезда республиканцев в 1860 г. на съезде в Балтиморе не было фактически никакой борьбы вокруг кандидата на пост президента. Мнение делегатов было единодушным — кандидатом республиканской партии в президенты был выдвинут Авраам Линкольн⁴. Делегаты бурно реагировали на сообщение о единогласном утверждении кандидатуры Линкольна. Очевидец сообщал: «Делегаты кричали «ура», обнимались, подбрасывали в воздух шляпы, танцевали в проходах между скамьями и на эстраде, вскакивали на сиденья, размахивали флажками, орали и вообще сумасшествствовали...»⁵.

Программа, принятая на съезде, гласила, что партия будет

¹ «New York Daily Tribune», 23. II. 1864; Гончаров Л. Н. Победа республиканцев на выборах 1864 г. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 310.

² «New York Daily Tribune», 23. III. 1864.

³ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 9, p. 74.

⁴ «New York Daily Tribune», 8. VI. 1864.

⁵ Сэндберг К. Указ. соч., с. 477.

выступать за сохранение Союза и конституции, за доведение войны до полного разгрома мятежников, против любых компромиссов с конфедератами, за внесение поправки в конституцию с целью полного уничтожения рабства. В программе выносилась благодарность солдатам и матросам, сражавшимся против мятежников, раненым и инвалидам обещалось «достаточное пожизненное пособие». Данный пункт программы был рассчитан на завоевание голосов солдат, которые должны были принять участие в выборах. Съезд дал высокую оценку деятельности Линкольна, отметив его «практическую мудрость» и «непреклонную верность конституции». Программа обещала уничтожение расовой дискриминации негров в армии, защиту интересов всех военнослужащих «независимо от цвета кожи», поощрение иммиграции в США, сооружение железной дороги к Тихому океану и пр.¹

Четыре года, прошедшие после принятия избирательной программы республиканцев в 1860 г., внесли серьезные коррективы: в политику партии в главном вопросе — в отношении партии к негритянской проблеме. От политики ограничения рабства занимаемой территорией, провозглашенной в 1860 г., партия пришла к принятию аболиционистской программы, направленной на полное уничтожение рабства.

Аболиционистский характер избирательной программы 1864 г. был тем более показателен, что программа была принята на съезде, где преобладали умеренные и консервативные элементы. Это было свидетельством серьезного сдвига влево, резкого углубления революции, что не могли игнорировать даже консервативные круги республиканцев.

Выдвижение кандидатуры Линкольна в президенты получило самую широкую поддержку со стороны народных масс. Даже «Нью-Йорк дейли трибюн», выступавшая против Линкольна, писала: «Это выдвижение безусловно соответствует общественному мнению и всем его проявлениям. Подавляющее большинство юнионистов верят и чувствуют, что м-р Линкольн должен быть признаваем президентом, и с ним надо считаться как с таковым в любой части нашей страны. Миллионы, несомненно, чувствуют, что отстранение Линкольна и избрание вместо него другого президента будет убедительным свидетельством того, что сецессионисты имеют какие-то оправдания своему предательству... Желание подавляющего большинства юнионистов было услышано, оно сводится к следующему: «Пусть Авраам Линкольн будет нашим президентом на следующий срок!»²

Русская пресса с удовлетворением писала, что общественное

¹ J. Barrett. Op. cit., p. 550 — 552.

² «New York Daily Tribune», 9. VI. 1864.

мнение США склоняется в пользу кандидатуры Линкольна. «Современник», отмечая значительные успехи, достигнутые во второй половине 1863 г. в освобождении рабов, писал: «При виде такого удовлетворительного положения дел общественное мнение и северных штатах решительно склонилось на сторону Линкольна. Оно простило ему неудачный выбор многих из его советников и «помощников, оно простило ему его собственные колебания и промахи и решило, что Линкольн честно и благоразумно боролся за правое дело... Человек, который с таким терпением и благоразумием вел управление страной в течение трех таких тяжелых годов, заслуживает того, чтобы ему дана была возможность пожать плоды его трудов...»¹

Русская пресса выражала уверенность в победе Линкольна. Один из журналов писал, что «значительное большинство американцев справедливо рассуждают, что если война должна быть продолжена с упорством до окончательного восстановления республики, то бесполезно отсылать Линкольна к его плугу... честный и простой республиканец Линкольн будет избран вновь и, по всей вероятности, значительным большинством голосов»².

Ход избирательной кампании после выдвижения кандидатуры Линкольна со всей очевидностью показал, что народные массы Севера решительно поддерживали его кандидатуру. Среди многочисленных поздравлений, полученных Линкольном по случаю выдвижения его кандидатуры, было и поздравление от делегации юнионистских лиг, представлявшей все штаты Севера. Руководитель делегации заявил Линкольну, что лиги окажут ему на выборах «поддержку, которую он заслужил всей своей деятельностью», что члены лиг будут голосовать за него как за «освободителя четырех миллионов рабов»³.

В ответной речи президент сказал, что выдвижение его кандидатуры на пост президента он рассматривает не как признание своих личных заслуг, что это продиктовано «интересами страны». По мнению Линкольна, он не был самым лучшим кандидатом в президенты, но он с большим удовлетворением принимает свое выдвижение как наиболее целесообразное в данных условиях, так как «нет необходимости перепрыгивать лошадей, переправляясь через поток»⁴.

Даже та часть республиканской прессы, которая выступала против переизбрания Линкольна, вынуждена была признать, что на предстоящих выборах противники рабства проголосуют за Линкольна. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала: «Будет ли Союз

¹ «Современник», 1864, № 2, Политика, с. 306.

² «Русское слово», 1863, № 9, Политика, с. 28.

³ «New York Daily Tribune», 1. VI. 1864.

⁴ «Collected Works», Vol. VII, p. 383 — 384.

восстановлен с рабством или без него? — вот главный вопрос, который предстоит решить на следующих президентских выборах. Голоса тех, кто хочет восстановления Союза без рабства, неизбежно будут поданы за Линкольна и Джонсона». Газета приходила к выводу, что отклонение кандидатуры Линкольна приведет к избранию президентом прорабовладельчески настроенного кандидата: «Или м-р Линкольн должен быть переизбран, или же он должен быть заменен кандидатурами Вэлландигхэма, Сеймура, Джеррита Дэвиса или Фернандо Вуда. Вне зависимости от желаний кого-либо, это единственная практическая альтернатива»¹.

Это был правильный анализ реального соотношения политических сил в избирательной борьбе, и, как показали дальнейшие события республиканцы — противники переизбрания Линкольна в конце концов пришли к выводу, что только объединение усилий всех противников рабства в поддержку Линкольна может предотвратить избрание на пост президента кандидата демократов.

По мере приближения дня выборов на Севере все чаще проводились многочисленные митинги, участники которых призывали голосовать за переизбрание Линкольна, за «восстановление Союза на основе свободы и равных прав для всех»².

И тем не менее уверенности в победе Линкольна не было, так как не был преодолен раскол в республиканской партии. В ответ на выдвижение кандидатуры Линкольна радикалы, поддержанные частью центристских кругов республиканской партии, поставили вопрос о необходимости созыва нового национального съезда партии для выдвижения кандидатуры, приемлемой для всех фракций партии. Радикалы были не только недовольны слишком умеренной, по их мнению, политикой Линкольна, но и были уверены, что он не сможет одержать победу на выборах даже при условии создания единого фронта республиканцев³.

Последующий ход событий показал, что загипнотизированные своей собственной резкой критикой деятельности Линкольна лидеры радикалов неправильно оценивали реальное соотношение сил в избирательной борьбе, не учитывали большого авторитета Авраама Линкольна среди избирателей.

В то время как республиканцы были заняты ожесточенной внутренней борьбой, демократы деятельно готовились использовать последний шанс в борьбе против Линкольна, который предоставляли им выборы. 29 августа в Чикаго начал свою работу съезд демократической партии, который без долгих словопроений выдвинул кандидатом в президенты генерала Макклеллана⁴.

¹ «New York Daily Tribune», 29. VI. 1864.

² Ibid., 12. IX. 1864.

³ J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 473.

⁴ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 9, p. 258.

Программа, принятая на съезде, резко осуждала политику правительства Линкольна, требовала полной свободы деятельности оппозиционных сил, прекращения арестов и освобождения лиц, находившихся в заключении, соблюдения свободы слова и печати. Учитывая антирабовладельческие настроения на Севере, участники съезда предпочли вообще не поднимать в программе вопроса о рабстве. Но характерно, что программа демократов предоставляла штатам, вернувшимся в Союз, право организовать свое внутреннее устройство по собственному усмотрению. Это было слегка замаскированное признание за рабовладельцами права сохранить на Юге институт рабства. Лидер контрреволюционных сил Севера Вэлландигхэм, игравший исключительно большую роль в руководстве работой съезда, добился внесения в программу пункта, гласившего, что «должны быть приняты немедленные меры к прекращению военных действий с целью созыва представителей всех штатов»¹.

Избирательная платформа демократов была откровенно направлена на то, чтобы спасти Конфедерацию от быстро приближавшегося военного и политического краха. Рабовладельцам был срочно необходим мир, и их агентура на Севере в лице «мирных» демократов провела съезд партии под лозунгом «Мир любой ценой».

Демократы не рассчитывали на победу в открытой избирательной борьбе, и их крайне правые группировки, руководимые Вэлландигхэмом, составили тщательно разработанный план восстания в тылу Севера. Центр заговора находился в Иллинойсе, где «медянки» имели довольно широкую социальную базу в лице прорабовладельчески настроенных элементов. Многочисленные и тщательно законспирированные организации находились в Индиане, Огайо, Миссури и в других штатах. Заговорщики готовились перебить охрану лагерей военнопленных — конфедератов под Чикаго, передать им оружие, заранее привезенное с Юга и из Канады, объединить вооруженные отряды «медянок» с освобожденными военнопленными и захватить власть в Иллинойсе. Превратив этот штат в свою опорную базу, заговорщики надеялись захватить власть в близлежащих штатах и создать Северо-Западную Конфедерацию, которая, заключив союз с южной Конфедерацией, потребует прекращения войны и сохранения рабства на Юге.

В подготовке заговора активное участие приняли офицеры мятежников, перебравшиеся на территорию Севера через Канаду. Оружие, деньги — все необходимое для восстания было доставлено с Юга. Но этим планам не суждено было осуществиться. Федеральные власти узнали о сроках и месте вооруженных восстаний,

¹ J. Barrett. Op. cit., p. 578 — 579.

арестовали лидеров заговорщиков, обезглавив готовившийся мятеж¹.

Демократическая партия развернула активную кампанию за избрание Макклеллана президентом. Демократы, стремясь завоевать голоса избирателей, обвиняли правительство Линкольна в преднамеренном затягивании войны, чтобы укрепить личную диктатуру президента, спекулировали на трудностях, которые переносили рабочие и фермеры вследствие затянувшейся войны. Они демагогически «разоблачали» роскошь, в которой жили предприниматели, умалчивая о том, что среди предпринимателей были не только республиканцы, но и демократы. Значительное место в избирательной кампании демократов уделялось разжиганию расовой розни среди отсталой части населения Севера.

За ходом предвыборной борьбы с напряженным вниманием следили мятежники-рабовладельцы. Пресса Юга открыто писала о том, что только победа на выборах Макклеллана может привести к миру на основе сохранения рабства в южных штатах. Стремясь поддержать моральный дух мятежников и приободрить своих союзников на Севере, газеты Конфедерации писали: «В результате президентских выборов Макклеллан водворится в Белом доме»².

Рабочие были полны решимости не допустить избрания кандидата демократов. Профсоюзы активно поддерживали кандидатуру Линкольна, разоблачали реакционеров, провоцировавших рабочих выступить за прекращение войны на условиях, приемлемых для мятежников. В августе 1864 г. в Филадельфии была созвана конференция профсоюза слесарей и кузнецов. В резолюции, принятой на конференции, говорилось, что рабочие должны пойти на любые жертвы, «чтобы помочь нашему правительству в его усилиях подавить этот гнусный и противоестественный мятеж. Решено, что, какие бы у нас ни были расхождения в вопросах меньшей важности, когда возникает вопрос о жизни или смерти великой республики мы, рабочие, как единое целое выступим в защиту указания бессмертного Джексона: «Союз должен быть и будет сохранен». Фонер пишет, что можно привести десятки подобных резолюций³.

Демократическо-республиканская рабочая ассоциация провела большую работу в профсоюзах за переизбрание Линкольна, Ассоциация нанесла тяжелый удар Макклеллану, разоблачив его

¹ Гончаров Л.Н. Указ. соч., с. 315 — 316; Иванов Р.Ф. Гражданская война в США (1861 — 1865 гг.), с. 160 — 161; Куропятник Г.П. Вторая американская революция, с. 207 — 213, 220 — 222.

² «New York Daily Tribune», 18. X. 1864.

³ Фонер Ф. Указ. соч., с. 375.

в глазах рабочих и всех противников рабства как прямого агента мятежников. Руководители Ассоциации опубликовали в прессе открытое письмо кандидату демократов, в котором говорилось, что в войне решается судьба рабочих «как класса», решается судьба нации и государства. Авторы письма заявляли, что рабочие хотят знать позицию Макклеллана и поэтому ставят перед ним ряд вопросов. Кандидат демократов должен был ответить, признает ли он Конфедерацию независимым государством в случае своего избрания президентом, и пойдет ли он на заключение перемирия с мятежниками. Будет ли он вести решительную борьбу против внутренних и внешних врагов¹.

Макклеллан предпочел не отвечать на обращение рабочих, после чего Демократическо-республиканская ассоциация усилила кампанию за переизбрание Линкольна. Под влиянием Ассоциации многие профсоюзы пересмотрели свою традиционную позицию, заключающуюся в воздержании от участия в политических кампаниях. В частности, по предложению Ассоциации был созван митинг союза механиков Нью-Йорка, на котором было принято постановление, не имевшее прецедента в истории союза. Вот как это изложил председатель союза в открытом письме: «Наступила пора, когда каждый человек, независимо от своего положения, должен разумно принимать участие в голосовании. Мы не разрешаем обсуждать политические вопросы на наших собраниях. Однако мы организовались в качестве политической группировки для предстоящей борьбы с тем, чтобы поддержать избирательный список. После некоторой дискуссии предложение об этом было принято почти единогласно»².

О большой популярности Линкольна свидетельствовали многочисленные митинги, на которых рабочие, фермеры, ремесленники выступали с одобрением избирательной программы республиканцев, принятой в Балтиморе, за переизбрание Линкольна. Лозунг: «Честный, старый Эйб является нашим будущим президентом», выдвинутый на одном из митингов, собирал вокруг себя все большее число сторонников переизбрания Линкольна.

На митингах в поддержку Линкольна присутствовали многие тысячи избирателей; один из самых крупных митингов состоялся в Буффало, где собралось 30 тыс. человек. Грандиозные митинги за переизбрание Линкольна состоялись в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Питсберге, Сиракузах, Нью-Хевене и во многих других городах³.

¹ «New York Daily Tribune», 19. IX. 1864.

² Ф. Ф о н е р. Указ. соч., с. 380.

³ «New York Daily Tribune», 17, 28, 29. IX; 13, 6. X. 1864.

Помимо отделений республиканской партии на местах, в поддержку кандидатуры Линкольна выступало все большее число различных организаций и газет. Среди них находились Линкольновская ассоциация Нью-Йорка, издательское общество Новой Англии, отделения юнионистских лиг в штатах, «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон кроникл», «Филадельфия пресс», «Спрингфилд (Масс.) републикен» и другие газеты¹.

Сообщения из армии свидетельствовали о том, что подавляющее большинство солдат поддерживало кандидатуру Линкольна. Избиратели-солдаты заявляли, что «они отвергают лжесолдатскую кандидатуру (Макклеллана. — *Р. И.*), отвергают ложный мир, отвергают приманку возвращения домой, отвергают софизмы, порожденные животной расовой ненавистью и дают священную клятву в своих окопах и траншеях: «Война будет продолжаться до тех пор, пока не погибнет последний вооруженный мятежник»².

В письмах солдат из Иллинойса, Висконсина, Индианы и других штатов говорилось, что армия решительно поддерживает Линкольна³.

Ход избирательной борьбы давал все новые доказательства укрепления позиций Линкольна. Но были два момента, омрачавшие политический горизонт республиканской партии: в рядах республиканцев не был преодолен раскол, положение на фронте было без перемен.

Долгожданные сообщения об успехах федерального оружия пришли в сентябре. Весь Север облетела радостная весть: 3 сентября 1864 г. Шерман сообщал из глубокого тыла мятежников: «Атланта наша, взята в честном бою». «Марш к морю» завершился блестящим успехом, пала Атланта — важный стратегический центр, крупный транспортный узел и центр военного производства мятежников.

Падение Атланты вызвало взрыв энтузиазма на Севере, глубокое уныние на Юге. «Сообщение о потере Атланты было воспринято в Конфедерации как приговор судьбы. На каждом лице, в каждом произнесенном слове чувствовалось это поражение»⁴.

Флот Союза под командованием Фаррагута разгромил военно-морские силы конфедератов в бухте Мобиль⁵. В тяжелых боях под Винчестером и Фишерс-Хиллом генерал Шеридан разбил крупные силы мятежников и захватил много пленных и богатые трофеи. 20 сентября Линкольн телеграфировал Шеридану: «Толь-

¹ J. Randall. Lincoln the President, Vol. 4, p. 124.

² «New York Daily Tribune», 22. X. 1864; R. Luthin. Op. cit., p. 409.

³ Ibid., 29, 30. IX; 3, 13, 15, 22, 31. X. 1864.

⁴ Ch. Roland. The Confederacy. Chicago, 1960, p. 271.

⁵ J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 453.

ко что узнал о вашей победе. Да благословит вас бог — и офицеров, и солдат. Очень хочу приехать и повидать вас всех»¹. Успехи федерального оружия вызвали на Севере огромный энтузиазм, укрепили позиции Линкольна в избирательной борьбе. Особенно большое значение для переизбрания Линкольна имели победы Шермана².

Победы, одержанные федеральными войсками, внесли серьезные коррективы в политическую обстановку на Севере. В рядах радикалов все более настойчиво заговорили о необходимости восстановить единство республиканской партии, поддержать на выборах кандидатуру Линкольна.

22 сентября 1864 г. Фримонт по согласованию с руководством радикалов заявил, что он в интересах единства партии снимает свою кандидатуру, и призвал всех сторонников Союза отдать свои голоса за Линкольна³.

В принятии радикалами решения о снятии кандидатуры Фримонта сыграли роль не только успехи федеральных войск на фронте, но и ряд факторов политического порядка. Стало очевидным, что продолжение раскола в партии могло привести к избранию президентом Макклеллана со всеми вытекающими отсюда серьезными последствиями. На позиции радикалов повлияло и раскрытие заговора «медянок» в августе 1864 г. Широко разветвленный и тщательно подготовленный заговор свидетельствовал о том, что сторонники рабовладельцев располагали на Севере значительными силами, и раскол рядов республиканцев мог помочь этим силам прийти к власти. Но самое веское слово в это тревожное время сказали народные массы Севера — рабочие, фермеры, ремесленники. Именно их активные выступления в поддержку Линкольна явились главной причиной, заставившей радикалов пересмотреть свою позицию в избирательной кампании.

Восстановленный единый фронт республиканцев испытал первую проверку боем в октябре 1864 г., когда состоялись выборы конгрессменов и местных властей в Пенсильвании, Огайо и Индиане. Во всех трех штатах республиканцы одержали убедительную победу, что в условиях приближавшихся национальных выборов приобретало важное значение.

5(17) октября 1864 г. Стеклъ сообщал: «Президентские выборы продолжают в данный момент служить основой озабоченности, и борьба против демократов привлекает внимание правительства гораздо больше, чем военные операции против Юга. Три

¹ «Collected Works», Vol. VIII, p. 13.

² B. H. Liddell Hart. Op. cit., p. 305.

³ T. Williams. Op. cit., p. 331; A. Nevins. Fremont Pathmarker of the West, Vol. II, p. 581.

штата — Пенсильвания, Огайо и Индиана избрали своих членов конгресса и местные власти.

Эти выборы вообще имеют мало значения, но накануне президентских выборов они приобрели большое значение, так как указывают на направление общественного мнения». Комментируя победу республиканцев на выборах в Пенсильвании, Огайо и Индиане, русский посланник писал: «Этот результат решает вопрос ближайшего президентства, и он является сегодня положительной стороной, которая позволит Линкольну еще в течение четырех лет быть главой республики»¹.

Дав согласие поддержать кандидатуру Линкольна на президентских выборах, радикалы усилили борьбу за изменение состава правительства, за пополнение его более левыми деятелями. На следующий день после отказа Фримонта баллотироваться на президентских выборах Линкольн принял отставку министра почт и телеграфа Монтгомери Блэйра, резко выраженный консерватизм которого восстановил против него все руководство радикалов². Показателем этого являлось то, что юнионистская лига Филадельфии еще в конце 1863 г. избрала всех членов правительства своими почетными членами, но не удостоила этой чести Блэйра³.

Отставка Блэйра была важным фактором, способствовавшим дальнейшему сплочению республиканской партии. Один из деятелей этой партии писал Линкольну: «Шеридан одержал славную победу, но отстранение Блэйра превосходит ее». Другой заявлял: «Это изменение будет стоить тысяч голосов для вас и дела нашей страны»⁴.

Вновь, в который уже раз, радикалы подняли вопрос об отставке Сьюарда. Русский посланник сообщал 5 (17) октября 1864 г.: «Радикалы заставили г-на Линкольна вывести из кабинета г-на Блэйра, генерального директора почт, умеренные мнения которого бросали тень на партию. Под вопросом еще другие изменения и говорят о замене государственного секретаря одним из ультра»⁵.

Радикалы не смогли добиться отставки Сьюарда, но и вывод из состава правительства Блэйра в значительной мере способствовал преодолению противоречий внутри республиканской партии. Восстановление единства партии создало необходимые предпосылки для ведения во всех штатах Севера энергичной кампании за избрание Линкольна. В эту кампанию активно включились лидеры радикалов, которые в течение нескольких недель, оставшихся до выборов, совершили пропагандистские поездки во многие

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1864 г., д. 150, лл. 225 — 226.

² J. Randall, D. Donald. Op. cit., p. 475.

³ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 9, p. 335.

⁴ B. Thomas. Op. cit., p. 449.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1864 г., д. 150, л. 226.

штаты, сыгравшие важную роль в мобилизации сил республиканцев в поддержку кандидатуры Линкольна.

8 ноября 1864 г. состоялись выборы президента. Выборы свидетельствовали о резком обострении классовой борьбы на Севере. Демократы, столкнувшись с единым фронтом республиканцев, не могли рассчитывать на победу, пустили в ход все средства вплоть до провоцирования вооруженных столкновений.

Исход выборов показал, что все усилия демократов не допустить победы Линкольна потерпели крах — кандидат республиканцев был переизбран президентом США.

Результаты голосования свидетельствовали о том, что за Линкольна было подано 2 203 943 голоса, что составило 55,09% всех избирателей, участвовавших в голосовании. Макклеллан получил 1 796 562 голоса, 44,91 % всех голосов. Итоги выборов показали, что позиции Линкольна усилились по сравнению с выборами 1860 г., когда кандидат республиканцев получил 1 864 523 голоса, т. е. 48,2 % всех голосов, а противники Линкольна собрали 2 004 093 голоса, 51,8 %. В 1864 г. Линкольн одержал победу во всех штатах за исключением Кентукки, Делавэра и Нью-Джерси. Линкольн получил голоса 213 выборщиков, Макклеллан — только 21¹.

На результатах голосования безусловно сказалось то, что сотни тысяч рабочих, фермеров, ремесленников, составлявших основной контингент избирателей, находились в действующей армии и не смогли принять активного участия в голосовании. Армия с огромным энтузиазмом голосовала за Линкольна². Многие тысячи солдат находились в бою, на марше, многие не смогли участвовать в голосовании, так как власти штатов не предоставили им этого права. Всего в голосовании приняло участие 150 635 военнослужащих, из которых 116 887 проголосовали за Линкольна и только 33 748 — против³. Избирательная кампания оправдала прогноз, данный «Нью-Йорк дейли трибюн», которая писала о солдатах: «Они будут голосовать так же, как и сражаться, а сражаясь они, как боги»⁴.

Число голосов, поданных за Линкольна, могло быть несравненно больше, если бы на протяжении почти всей избирательной кампании радикалы не вели против его кандидатуры самой энергичной агитации. За несколько недель до дня голосования радикалы выступили в поддержку Линкольна, но время уже было упущено. Широкие круги избирателей были дезориентированы пер-

¹ «New York Daily Tribune», 29. XII 1864; J. Barrett. Op. cit., p. 661; «Congressional Globe», 38-th Congress, 2-nd Session, p. 669.

² P. Angle and E. Miers (ed.). Op. cit., Vol. II, p. 919 — 920.

³ J. Morse. A Lincoln. Boston and New York, 1921, p. 293

⁴ «New York Daily Tribune», 22. X. 1864.

воначальным политическим курсом радикалов, что не смогло не оказать влияния на исход голосования.

На результаты голосования несомненно оказала влияние и тяжелая усталость населения Севера от войны. Под воздействием пропаганды демократов часть избирателей проголосовала против Линкольна, которого реакционные круги безосновательно обвиняли в преднамеренном затягивании войны.

Линкольн, верный своим правилам, не принимал какого-либо активного участия в избирательной кампании, считая неэтичным агитировать избирателей за свою собственную кандидатуру. Он не выступал в прессе, отказывался от приглашений принять участие в избирательных митингах. Но президент не скрывал своего удовлетворения результатами выборов. Вечером 10 ноября 1864 г. большая толпа с факелами, фонарями, знаменами и транспарантами собралась у Белого дома, чтобы приветствовать вновь избранного президента. Появление Линкольна на балконе было встречено громом аплодисментов. Обращаясь к присутствующим, президент сказал: «На протяжении длительного времени перед нами стоял важный вопрос: может ли правительство, которое не очень соблюдает свободы народа, оказаться достаточно сильным, чтобы сохранить свое существование во время тяжелых испытаний. С этой точки зрения мятеж поставил нашу республику перед тяжелым испытанием, а президентские выборы, происходящие в указанный срок в условиях мятежа, немало усугубили эти трудности». Указав, что отказ от выборов или их отсрочка означали бы признание внутренней слабости страны, Линкольн подчеркнул большое политическое значение закончившихся выборов, которые «продемонстрировали, что народное правительство в состоянии провести национальные выборы в разгар тяжелой гражданской войны. До сих пор мир не знал, что это можно сделать. Выборы также показывают, насколько мы все же здоровы и сильны... Они также доказывают, что за нами идет больше людей, чем тогда, когда началась война». Высказав свое искреннее удовлетворение переизбранием на пост президента, Линкольн заверил собравшихся, что он сделает все возможное для скорейшего разгрома мятежников и призвал народ «объединить свои усилия для спасения страны»¹.

В армии и в тылу результаты выборов были восприняты как победа огромного значения. 10 ноября 1864 г. Грант телеграфировал из Сити-Пойнт: «Эта победа имеет для страны большее значение, чем выигранное сражение»².

«Нью-Йорк дейли трибюн», подводя итоги выборам, писала:

¹ «Collected Works», Vol. VIII, p. 100 — 101.

² J. Barrett. Op. cit., p. 663.

«Избранием Линкольна и Джонсона народ решил, что нация будет жить, а рабство умрет»¹.

Переизбрание Линкольна вызвало многочисленные положительные отклики русской прессы. «Русское слово» писало: «Самое важное событие настоящего года и, может быть, самое замечательное в нашем веке — это восторжествовавшее вторичное избрание президента Линкольна... Без преувеличения можно сказать, что значение только что одержанной победы необыкновенно важно; дело, которое восторжествовало в Соединенных Штатах, есть дело, дорогое сердцу всех в мире, кто только высоко ставит свободу человека»².

Высокую оценку переизбрания Линкольна давал «Современник»: «Торжество Линкольна равносильно заявлению американского народа, что он, несмотря на все тягости войны, готов принести всевозможные жертвы имуществом и кровью своей для сохранения нераздельности национального союза и для совершенного уничтожения невольничества, корня восстания и всякого зла»³.

В комментариях русской прессы отмечалось, что переизбрание Линкольна, баллотировавшегося на качественной новой политической платформе, знаменует собой резкое углубление революции. Русский журнал писал, что «президент Линкольн в этом втором избрании является представителем гораздо более широкого принципа, чем в первое избрание. В 1860 г. он был кандидатом партии республиканцев, то есть тех, которые не желали распространения рабства; в 1864 г. он избранник партии аболиционистов, то есть тех, кто стремится к безусловному и немедленному уничтожению рабства»⁴.

Прогрессивные силы Европы с большим удовлетворением восприняли известие о переизбрании Линкольна президентом США. Огромное значение этого события для Соединенных Штатов и для международного рабочего движения отмечалось в приветствии Международного Товарищества Рабочих Линкольну, написанном Марксом. В этом документе говорилось: «Мы шлем поздравления американскому народу в связи с Вашим переизбранием огромным большинством.

Если умеренным лозунгом Вашего первого избрания было сопротивление могуществу рабовладельцев, то победный боевой клич Вашего вторичного избрания гласит: смерть рабству!..

Рабочие Европы твердо верят, что, подобно тому как американская война за независимость положила начало эре господства

¹ «New York Daily Tribune», 10. XI. 1864.

² «Русское слово», 1864, № 11, Политика, с. 32.

³ «Современник», 1865, № 3, с. 195.

⁴ «Русское слово», 1864, № 11, Политика, с. 32 — 33.

буржуазии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса»¹.

Победа Линкольна на выборах свидетельствовала о серьезном изменении соотношения классовых и политических сил на Севере. Переход части промышленной и мелкой буржуазии в лагерь контрреволюции, голосование за демократов части трудового населения, уставшего от войны и дезориентированного пропагандой реакционеров, временный раскол республиканской партии — все эти политические перегруппировки не смогли задержать самого главного процесса в общественной жизни Севера — дальнейшего сплочения и укрепления антирабовладельческой коалиции. Эта коалиция, возглавляемая Линкольном, победив на выборах, выдержала самое серьезное испытание в борьбе с прорабовладельческими силами на политическом и идеологическом фронте. В избирательной кампании 1864 г. решался вопрос о власти, причем борьба велась не только с помощью избирательных бюллетеней. Своеобразие этой избирательной кампании заключалось в том, что она проходила в условиях ожесточения и гражданской войны и борьба вышла далеко за рамки избирательных участков. Вооруженные заговоры контрреволюционных сил, использование федеральных вооруженных сил для их подавления, выступления юнионистских лиг против реакционеров, нередко с применением оружия, — все это было проявлением ожесточенной классовой борьбы в тылу.

Победа в этой борьбе осталась на стороне антирабовладельческих сил, что создало необходимые политические предпосылки для нанесения последнего сокрушительного удара по мятежным рабовладельцам, по всей рабовладельческой системе.

3. Последние сражения гражданской войны.

Убийство Линкольна

Поражение демократов на выборах 1864 г. лишило мятежников последней надежды на заключение мира на основе признания независимости Конфедерации и сохранения рабства. Агентура мятежников на Севере была серьезно ослаблена и не имела уже никаких шансов в борьбе за власть. В тылу Конфедерации разрасталось антирабовладельческое движение, которое значительно расширило свою социальную базу за счет белого населения, пришедшего к выводу о полной бесперспективности дальнейшего продолжения войны. После победы Линкольна на выборах резко

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 17 — 18.

возросло дезертирство из армии мятежников, которое производило настоящее опустошение в рядах рабовладельцев. Многие солдаты-дезертиры присоединялись к партизанским отрядам, действовавшим в тылу Конфедерации, и с оружием в руках боролись против мятежников. Массовое дезертирство было доказательством серьезных социальных сдвигов в мятежных штатах, свидетельствовавших о политическом банкротстве рабовладельческой Конфедерации.

Победа республиканцев на выборах серьезно ухудшила международное положение мятежных рабовладельцев. Союзники Конфедерации в Европе не пожелали продолжать безнадежную игру и отказались от попыток открытого вооруженного вмешательства в гражданскую войну в США на стороне рабовладельцев. С каждым днем сокращались возможности оказания скрытой военной помощи «мятежникам из Европы», так как успехи федеральных военно-морских сил и оккупация важнейших портов Конфедерации все более суживали железное кольцо блокады вооруженных мятежных штатов.

Такова была обстановка, когда 4 марта 1865 г. Линкольн официально приступил к исполнению обязанностей президента США на второй срок. Вступительная речь президента в немногих словах характеризовала ход войны и положение воюющих сторон. Исключительно важное значение имела та часть речи, в которой излагалась программа нового правительства. Речь Линкольна рассеяла последние надежды мятежников и их сторонников на Севере на возможность спасти рабовладельческую Конфедерацию путем заключения мира.

Президент заявил, что «война должна продолжаться до тех пор, пока не будет истощено все богатство, накопленное на протяжении 250-летнего каторжного труда рабов, пока каждая капля крови, выжатая кнутом, не будет уравновешена кровью, пролитой мечом».

Приближался конец войны, и Линкольн обрисовал в своей речи задачи на мирный период: «Приложим все силы, чтобы закончить наше дело, залечить раны, нанесенные войной, проявить заботу к тем, кто вынес на себе тяготы войны, позаботиться о вдовах и сиротах». И в заключение своей речи Линкольн завещал американскому народу жить в мире и дружбе со всеми народами; президент призывал «сделать все для того, чтобы добиться и поддерживать длительный и справедливый мир в нашем народе и со всеми народами мира»¹.

Конфедерация доживала последние дни. Мятежники с отчаянностью обреченных продолжали оказывать ожесточенное со-

¹ «Collected Works», Vol. VIII, p. 333.

противление, но огромный перевес вооруженных сил Севера и энтузиазм федеральных солдат, воодушевленных революционными целями войны и перспективой ее быстрого окончания, сделали безнадежными все попытки конфедератов сохранить хотя бы важнейшие стратегические рубежи.

Федеральные вооруженные силы неудержимо продвигались вперед. Операции армии Шермана, начавшиеся в мае 1864 г. у Чаттануги (штат Теннесси), продолжали успешно развиваться. Захватив в сентябре Атланту, армия Шермана несмотря на огромные потери и ожесточенное сопротивление рабовладельцев, успешно продолжала наступление и 21 декабря, выйдя к морю, заняла важный стратегический пункт мятежников г. Саванну¹. Остатки армии мятежников отступили к Чарлстону.

Успешные действия армии Шермана в канун нового, 1865 года вызвали огромный энтузиазм на Севере. Народные массы восприняли это как свидетельство скорого разгрома рабовладельцев и завершения войны². Накануне Нового года Шерман сообщал Линкольну: «Прошу Вас принять в качестве рождественского подарка город Саванну со 150 тяжелыми орудиями, большим количеством боеприпасов и 25 тыс. кип хлопка»³.

Победы Шермана были одной из наиболее важных операций гражданской войны. Они явились следствием новой революционной стратегии, отражавшей социальные и политические сдвиги, происшедшие на Севере на втором этапе войны. Завершение похода Шермана через Джорджию подтвердило предвидение Маркса о том, что удар в этом направлении будет иметь огромный военный, экономический и политический эффект.

И действительно, опустошив Джорджию, армия Шермана нанесла удар по самому главному жизненному центру рабовладельческой Конфедерации. «Марш к морю» освободил десятки тысяч рабов, находившихся в этом важнейшем хлопководческом штате Юга, и стимулировал дальнейшее развитие негритянского антирабовладельческого движения в мятежных штатах.

В результате успешных действий армии Шермана рабовладельцы не только понесли большие и невосполнимые потери в живой силе, потеряли важные стратегические позиции, но и лишились своего последнего источника снабжения.

После взятия Саванны Шерман, переформировав свою поредевшую армию и дав небольшой отдых уставшим в непрерывных боях солдатам, двинулся на Север на соединение с главными силами федеральной армии, готовившимися к штурму Ричмонда.

Новая операция, начатая Шерманом, проходила в не менее

¹ J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 9, p. 289, 493.

² J. Barrett. Op. cit., p. 729.

³ J. Rhodes. History of the United States..., Vol. V, p. 29.

трудных условиях, чем «марш к морю». Предстоял длительный переход с непрерывными боями, с форсированием рек, болот, топей, без постоянных источников снабжения, в полном отрыве от главных вооруженных сил Союза.

Шерман начал свой новый поход 1 февраля 1865 г., когда авангард его армии вышел из Саванны, а уже 17 февраля войска Шермана заняли город Колумбию, столицу Южной Каролины. На следующий день, 18 февраля, армия Шермана вступила в Чарлстон, а в конце марта, выиграв несколько кровопролитных сражений, соединилась в Северной Каролине с передовыми частями федеральной армии, занявшей исходные позиции для штурма столицы Конфедерации.

Накануне решающего сражения в действующую армию прибыл Авраам Линкольн. Утром 28 марта состоялось совещание, в котором, помимо Линкольна, участвовали Грант, Шерман, Мид и ряд других ведущих генералов федеральной армии. Военный совет принял решение о штурме Ричмонда¹.

Началось одно из самых тяжелых и кровопролитных сражений гражданской войны. Мятежники сражались с яростью обреченных, но это была уже агония, бессмысленное кровопролитие, которое не могло изменить хода войны. Под натиском превосходящих сил Союза армия рабовладельцев сдавала одну позицию за другой, и 3 апреля 1865 г. передовые части федеральной армии ворвались в разрушенный и горящий Ричмонд.

Но и после падения столицы Конфедерации армия мятежников под командованием генерала Ли продолжала сопротивление, отступая с боями на Запад. И только когда стала очевидной полная бесполезность продолжать борьбу, 28-тысячная армия Ли вместе со своим командующим капитулировала перед войсками Гранта. Это произошло 9 апреля 1865 г. в Аппоматоксе². Вскоре после этого капитулировали остатки армии мятежников, спасшиеся от разгрома под Ричмондом. 18 апреля генералу Шерману сдалась армия мятежников под командованием генерала Джонстона, 8 мая в Алабаме капитулировала армия Тейлора. Общая численность сдавшихся в плен солдат и офицеров мятежников составила 175 тыс. человек³.

14 апреля 1865 г., ровно через четыре года после начала гражданской войны, над фортом Самтер генерал-майором Андерсоном торжественно был поднят тот самый флаг, который был спущен им 14 апреля 1861 г. во время капитуляции форта⁴.

Эта торжественная церемония ознаменовала окончание воен-

¹ C. Sandburg. Abraham Lincoln..., Vol. IV, p. 157 — 158.

² J. Nicolay and J. Hay. Op. cit., Vol. 10, p. 195.

³ C. Fish. The American Civil War, p. 299.

⁴ H. Commager (ed.). The Blue and Gray..., Vol. II, p. 1147 — 1149.

ных действий, разгром вооруженных сил мятежников, но ни в коей мере не окончание борьбы. В тот же день, когда в форте Самтер прогремел торжественный орудейный салют в честь окончания гражданской войны, в театре «Форд» в Вашингтоне раздался выстрел, оборвавший жизнь Авраама Линкольна.

Воспользовавшись преступной халатностью охраны, актер Джон Бутс проник в ложе президента и в упор выстрелил ему в затылок. Рана была смертельной, на следующее утро, не приходя в сознание, президент скончался.

Бутс был фанатичным сторонником рабовладения. Как показало следствие, он давно и тщательно готовил свой террористический акт. Но результаты расследования убийства Линкольна доказывают, что руку убийцы направляли не только рабовладельцы, но и их сторонники на Севере. Многое было и осталось загадочным в этом убийстве. И поразительная халатность охраны, и тот факт, что после убийства были перекрыты все дороги, ведущие из Вашингтона, кроме той, по которой бежал убийца, и то, что, несмотря на прямой приказ взять Бутса живым, он был убит во время перестрелки, — все это свидетельствовало о том, что не последнюю роль в этом страшном деле сыграли те силы Севера, которые были не меньше рабовладельцев заинтересованы и в убийстве Линкольна, и в том, чтобы скрыть от народа вдохновителей и организаторов этого преступления.

Совершив свой террористический акт, Бутс прыгнул из ложи на сцену и громко выкрикнул в оцепеневший зал: «Так погибают тираны. Юг отомщен!» Но это не был акт бессмысленной мести поверженных рабовладельцев. Это было политическое убийство, рассчитанное на устранение государственного деятеля, который мог оказать серьезное противодействие планам восстановления позиций плантаторов, потерянных в гражданской войне. И в осуществлении этих планов не в меньшей степени были заинтересованы реакционные круги буржуазии Севера, которые вместе с плантаторами направляли руку убийцы.

Торжественно и с глубокой печалью провожал народ в последний путь Авраама Линкольна. Нескончаемым потоком проходили люди через Восточный зал Белого дома, где был установлен гроб с телом президента. Первыми пришли проститься с Линкольном ветераны войны. Солдаты и офицеры на костылях, с пустыми рукавами мундиров, с изуродованными тяжелыми ранами лицами в скорбном молчании проходили мимо гроба.

Известие об убийстве Линкольна потрясло армию и вызвало страшный взрыв негодования среди солдат. Во многих частях раздавались призывы громить рабовладельцев, отомстить за смерть Линкольна. Солдаты армии Шермана заявили, что они сожгут

дотла город Рали, и только вмешательство командиров предотвратило побоище.

Любая попытка сторонников рабовладельцев на Севере высказать свое удовлетворение в связи с убийством Линкольна вызвала бурю негодования со стороны населения. В ряде городов полиции пришлось спасать от разъяренной толпы тех, кто имел неосторожность одобрять действия Бутса или оскорблять память покойного президента.

На много дней вся страна погрузилась в траур, сотни тысяч людей встречали и провожали траурный поезд, который вез тело президента через всю страну на Запад, туда, откуда он пришел четыре года назад, чтобы занять в Вашингтоне место, на которое его избрал народ.

Никогда, ни до Линкольна, ни после его смерти, страна не переживала такого глубокого траура, не знала такого искреннего, сердечного проявления народной любви. Это была дань уважения народа человеку из народа, который завоевал это уважение не только своей дальновидностью, прозорливой деятельностью в годы самых тяжелых испытаний в истории страны, но и своей неразрывной связью с народом, простотой, сердечным отношением к людям.

Из соотечественников Линкольна эту его глубокую, неразрывную связь с народом лучше всех охарактеризовал Эмерсон: «...Для своего времени он — правдивая история американского народа. Он шел впереди своего народа на шаг, на два; он замедлял движение, когда народ медлил, и ускорял свои шаги, когда народ устремлялся вперед. Он был настоящим представителем этого континента, он полностью принадлежал народу — он был его отцом»¹.

Смерть Линкольна вызвала глубочайшую скорбь во всем мире. Конгресс получал соболезнования от парламентов всех стран мира, от правителей всех монархических государств. Если в ряде случаев, в частности со стороны государств, поддерживавших рабовладельческую Конфедерацию, это зачастую был только акт дипломатической вежливости, то безусловным свидетельством огромной популярности и величия Линкольна были соболезнования от организаций многих стран мира, объединявших рабочих, молодежь, интеллигенцию.

Признанием большого прогрессивного значения деятельности Линкольна явилось обращение Международного Товарищества Рабочих к Эндрю Джонсону, занявшему пост президента США

¹ Сэндберг К. Указ. соч., с. 682.

после смерти Линкольна. В этом документе, написанном Марксом, говорилось:

«Даже наемные клеветники, которые из года в год, из дня в день упорно вели Сизифову работу по моральному убийству Авраама Линкольна и возглавляемой им великой республики, стоят теперь, пораженные ужасом, перед этим всеобщим взрывом народного негодования и соперничают друг с другом, осыпая цветами красноречия его открытую могилу. Они теперь поняли, наконец, что это был человек, которого не могли сломить невзгоды и опьянить успехи, который непреклонно стремился к своей великой цели, никогда не компрометировал ее слепой поспешностью; спокойно соразмерял свои поступки, никогда не возвращался вспять, не увлекался волной народного сочувствия, не падал духом при замедлении народного пульса, смягчал суровость действий теплотой доброго сердца, освещал улыбкой юмора омраченные страстью события... словом, он был одним из тех редких людей, которые, достигнув величия, сохраняют свои положительные качества. И скромность этого недюжинного и хорошего человека была такова, что мир увидел в нем героя лишь после того, как он пал мучеником»¹.

В откликах русской прессы на смерть Линкольна отмечались его глубокий государственный ум, способность сплотить на борьбу с мятежниками всех противников рабства, умение просто и доходчиво объяснить народу цели великой борьбы, руководителем которой он являлся. Русские газеты подчеркивали, что в эпоху самых тяжелых испытаний, которые переживала страна, Линкольн не допускал неоправданных жестокостей, всегда стремился к скрупулезному соблюдению законности.

«Если бы на его месте в эти истекшие четыре года, — заявляла русская газета, — стоял какой-нибудь дерзкий честолюбец, может быть, и демократическая Америка не избежала бы общей судьбы, — может быть, и она имела бы своего Наполеона со всеми последствиями, к которым ведет появление Цезарей в свободной стране.

Соблюдение покойным президентом Линкольном самой строгой законности, в эпоху трудной и страстной борьбы, останется лучшей памятью его имени, величайшим правом его на историческую знаменитость, на благодарную память потомства»².

Русская прогрессивная общественность расценивала гибель Линкольна как величайшую утрату не только для американского, но и для всех народов мира. Лев Толстой высоко оценивал место и роль Линкольна в мировой истории. Карл Сэндберг пишет:

¹ Маркс К. и Энгельс. Ф. Соч., т. 16, с. 98 — 99.

² «С.-Петербургские ведомости», 14. IV. 1865.

«Ничто не было более пленительным, чем слово Льва Толстого, прозвучавшее из России, из Ясной Поляны: «Если кто-либо хочет понять величие Линкольна, он должен выслушать рассказы о нем равных народов. Я бывал во многих медвежьих углах. Но и там слово «Америка» произносится с таким трепетом, как будто это какой-то рай на земле или, может быть, ад. Но даже самые необразованные люди говорили о Новом Свете с уважением только в связи с именем Линкольна. Самые примитивные народы Азии говорят о нем, как об удивительном герое»¹.

Толстой рассказывал, что в затерянном в горах чеченском ауле он беседовал с горцами, которые поразили его тем, что они слышали о Линкольне, и проявили огромный интерес к его рассказам о выдающемся американском президенте. Линкольн представлялся горцам в образе эпического героя, человеком огромной силы и мудрости, величайшим полководцем и правителем.

Отклики на гибель Линкольна показали, что он принадлежал не только Америке. Все прогрессивное человечество рассматривало его жизнь и деятельность как важный вклад в борьбу за уничтожение рабства в Америке, за установление демократических традиций в общественной и государственной жизни.

¹ Сэндберг К. Указ. соч., с. 678 — 679.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Соединенных Штатов в период, предшествовавший гражданской войне, дает примеры довольно многочисленных компромиссов, с помощью которых буржуазия и рабовладельцы пытались разрешить свои противоречия. Однако весь ход исторического развития страны показал, что путем компромисса нельзя решить коренные проблемы, связанные с борьбой за власть между классами, с борьбой классов за свое существование.

Гражданская война в США 1861 — 1865 гг. явилась закономерным результатом резкого обострения экономических и политических противоречий между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом.

К середине 50-х годов XIX в., когда в США начала складываться революционная ситуация, стала очевидной неизбежность «неотвратимого конфликта», неизбежность перерастания противоречий двух социальных систем в вооруженную борьбу за власть, за торжество одной из систем в экономической и политической жизни страны.

Победа республиканцев на выборах в 1860 г. и избрание президентом США кандидата республиканской партии Авраама Линкольна послужили сигналом к давно подготовлявшимся планам выхода рабовладельческих штатов из Союза.

Сецессия и развязывание гражданской войны были для рабовладельцев единственным средством удержать свои позиции в южных штатах, единственным средством, с помощью которого они пытались вернуть себе власть в Союзе, потерянную на выборах 1860 г.

В избирательной кампании 1860 г. буржуазия пришла к власти, используя голоса рабочих, фермеров, ремесленников. Это был конституционный путь к кормилу власти, путь без революции, без ожесточенной вооруженной борьбы, без каких-либо серьезных социальных потрясений.

Завоевание власти конституционным путем, выработанная на протяжении многих десятилетий привычка к компромиссу с рабовладельцами, страх перед перспективой вовлечения широких народных масс в разрешение «семейной ссоры» с рабовладельца-

ми — вот причины, заставившие буржуазию придерживаться так называемого конституционного ведения войны на протяжении 1861 — 1862 гг.

В этот период войны во главе армий Союза стояли генералы, даже не считавшие нужным скрывать свои симпатии к рабовладельцам. Армии Севера принимали участие в позорных полицейских операциях по вылавливанию беглых рабов, которых передавали в руки рабовладельцев. В тылу была предоставлена почти полная свобода деятельности прорабовладельческим элементам, которые вели активную работу с целью всемерного ослабления Севера. Война, несмотря на огромное превосходство военно-экономического потенциала Севера, велась вяло, безынициативно, носила со стороны Севера оборонительный характер.

Маркс, внимательно следивший за развитием событий в Америке, писал в августе 1862 г., что народные массы заставят правительство Линкольна пересмотреть свою позицию, что «второй акт — ведение войны *по-революционному* — еще впереди»¹. Этот прогноз оправдался. Под давлением народных масс и радикальных республиканцев правительство Линкольна перешло к революционным методам ведения войны, обеспечившим возможность уничтожения рабства и военного разгрома рабовладельческой Конфедерации.

Новый этап войны, начавшийся в 1863 г., наложил отпечаток не только на стратегию и тактику федеральной армии, которая перешла к активным наступательным операциям, но и на весь ход политической жизни на Севере. В северных штатах возросла политическая активность народных масс, активизировалась борьба с контрреволюционными силами, были произведены многочисленные аресты прорабовладельческих элементов, федеральные власти закрыли ряд контрреволюционных газет. Армия была очищена от генералов и офицеров, симпатизировавших мятежникам. Федеральные вооруженные силы пополнились негритянскими и новыми рабочими полками, окрепли позиции радикальных республиканцев, которые фактически сосредоточили в своих руках все руководство гражданскими и военными властями.

Гегемоном революции, ее руководящей силой были революционные круги буржуазии. В рядах буржуазии не было единства экономических и политических интересов. На крайнем правом фланге класса буржуазии находились крупные финансисты и торговцы, представители промышленного капитала, которые были экономически связаны с рабовладельцами и являлись их агентурой на Севере.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф.. Соч., т. 15, с. 542.

Центр занимали представители тех слоев буржуазии, которые не имели тесных экономических связей с рабовладельческими штатами, но были противниками революционного ведения войны. Они опасались вовлечения в борьбу широких народных масс, капитулировали перед священным для них принципом частной собственности, хотя эта собственность была вражеской и распространялась на живых людей в лице негров-рабов.

Это была неустойчивая часть буржуазии, колебавшаяся при каждом повороте революции и нередко становившаяся резервом, откуда черпала свои силы контрреволюция.

Во главе левых революционных кругов буржуазии стояли радикальные республиканцы, выступавшие за освобождение рабов и полный военный разгром мятежных рабовладельцев. Среди радикалов были деятели, являвшиеся убежденными сторонниками равенства всех рас и народов, независимо от цвета кожи и вероисповедания. Самым последовательным среди них был Тадеуш Стивенс, выступавший за полное равноправие негров, требовавший предоставления бывшим рабам не только политических и гражданских прав, но и конфискации земель мятежников, ее бесплатного распределения среди негров.

Однако большая часть радикалов руководствовалась в своей деятельности отнюдь не симпатиями к неграм, а трезвым учетом реального соотношения классовых и политических сил в стране. Радикалы поняли раньше, чем остальные круги буржуазии, что в борьбе за власть с рабовладельцами класс буржуазии может рассчитывать на победу только при условии вовлечения в эту борьбу самых широких народных масс, в том числе и негров. Вот почему они выступали за освобождение рабов, за призыв негров в армию, за ведение войны революционными методами.

Радикалы были буржуазными революционерами и в их деятельности не только проявлялась революционность, присущая классу буржуазии, который ведет борьбу за власть, но и ограниченность, характерная для всех буржуазных революционеров.

Только немногие радикалы выступали за конфискацию земель рабовладельцев и ее распределение среди негров и неимущих слоев белого населения Юга. Причем после окончания гражданской войны, когда буржуазия добилась выполнения своей главной задачи — установление ее гегемонии во всех областях экономической и политической жизни страны, число сторонников конфискации земель рабовладельцев резко сократилось. В период реконструкции (1865 — 1877 гг.) негры вели на Юге ожесточенную борьбу за землю. Выполнение требований негров и белых бедняков в аграрном вопросе не выходило за рамки буржуазно-демократической революции и тем не менее радикалы ничего не сделали для удовлетворения этого требования. Подобная позиция

доказывала ограниченность радикалов, которая была характерна для них и в годы гражданской войны.

В избирательной кампании 1864 г. решалась судьба республиканского правительства и в значительной мере судьба гражданской войны. В этих условиях радикалы нашли нужным включить в избирательную программу, принятую на съезде радикальных республиканцев, обещание добиваться конфискации земель плантаторов, но ничего не было сделано для реализации этого программногo требования.

Ограниченность радикалов сказалась и на их позиции в годы гражданской войны в вопросе об отношении к фермерам, ремесленникам и в первую очередь к рабочим. Радикалы были представителями класса буржуазии и их симпатии и поддержка были на стороне имущих классов. «Радикалов мало беспокоили огромные трудности, которые переживали рабочие и другие трудящиеся классы в годы войны. Редко можно было услышать от их лидеров осуждение вакханалии наживы, охватившей буржуазию Севера, радикалы не часто протестовали против роскоши, в которой жили имущие классы, и страшной нищеты масс. И, главное, они ничего не предпринимали для практического разрешения этой злободневной социальной проблемы. В вопросе о забастовочном движении рабочих, которые вынуждены были сопротивляться наступлению предпринимателей, радикалы поддерживали капиталистические круги Севера.

Ограниченность радикалов сказалась и в таком важном политическом вопросе, как переизбрание Линкольна на пост президента в 1864 г. Лидеры радикалов неправильно поняли соотношение классовых и политических сил в стране, не увидели, что симпатии народных масс были на стороне Линкольна, не поняли, что только вокруг кандидатуры Линкольна можно было сплотить антирабовладельческие силы Севера. Радикалы пошли на прямой раскол республиканской партии и антирабовладельческой коалиции, выдвинув своего кандидата в президенты. И только за несколько недель до дня выборов, опасаясь победы демократов, они выступили за переизбрание Линкольна.

В этой ограниченности радикалов сказалась ограниченность всего класса буржуазии, которая была достаточно революционна для того, чтобы возглавить народные массы в борьбе с рабовладельцами, но была уже слишком консервативна, чтобы последовательно довести эту борьбу до победного конца. В годы гражданской войны американская буржуазия находилась в той стадии развития, когда резко проявились ее противоречия с трудящимися массами, что не могло не наложить отпечаток на всю политическую линию класса буржуазии, в том числе и ее левого революционного крыла в лице радикалов.

Самым революционным и последовательным борцом против рабства были трудящиеся массы — рабочие, фермеры, ремесленники, рабы и свободное негритянское население. Трудящиеся массы были главной движущей силой в гражданской войне. Простые труженики Америки составили подавляющую часть армий Севера, сражавшихся на фронтах, ковали оружие в тылу, боролись с контрреволюцией, их голоса сыграли решающую роль в победе республиканцев на выборах в 1860-м и 1864 гг.

Трудящиеся массы Севера не представляли собой какой-либо сплоченной левой группировки, всегда и во всех случаях выступавшей за самое радикальное, революционное решение вопросов, которые выдвигала жизнь. Часть трудящихся, уставших от войны, озлобленных роскошью, в которой жила буржуазия, дезориентированных пропагандой реакционных сил, нередко голосовала за демократов, не оказывала поддержки политическому курсу правительства Линкольна.

Но в целом большинство трудящихся безусловно находилось в лагере антирабовладельческой коалиции. Трудящиеся массы явились той главной силой, которая обеспечила военный разгром рабовладельческой Конфедерации и возможность уничтожения рабства.

Гражданская война в США была одной из самых кровопролитных и дорогостоящих в мировой истории. Север потерял убитыми и погибшими от ран и болезней 360 тыс. человек. Потери Юга составили не менее 250 тыс. человек, миллион солдат и офицеров Севера и Юга были искалечены. Прямые военные расходы только федерального правительства достигли 3 млрд. долл., без учета расходов отдельных штатов и учреждений и выплаты пенсий ветеранам войны и их семьям. Огромные убытки, связанные с уничтожением заводов, фабрик, железных дорог, ферм и пр., остались неподсчитанными. Национальный долг за годы войны возрос до 3,5 млрд. долл., что было по тем временам огромной суммой.

Но эти жертвы не были напрасны, так как уничтожение рабства было событием исключительно большого прогрессивного значения.

Оно создало необходимые условия для исключительно быстрого экономического развития страны. В ближайшие годы после окончания гражданской войны полностью подтвердилась справедливость слов Энгельса, который писал в 1864 г.: «Как только будет взорвано рабство, — это величайшее препятствие, сковывающее политическое и социальное развитие Соединенных Штатов, — страна переживет такой подъем, который в кратчай-

ший срок обеспечит ей совершенно иное место в мировой истории...»¹

И действительно, после гражданской войны США в своем экономическом развитии устремились вперед такими бурными темпами, которых не знала до этого ни одна страна мира. В кратчайшие исторические сроки Соединенные Штаты превратились в самую мощную индустриальную державу мира. Параллельно с процессом роста экономики страны быстрыми темпами развивалось рабочее и фермерское движение, которое достигло высокого уровня. Не случайно, что именно после гражданской войны в США огромный размах приняло движение за 8-часовой рабочий день, сыгравшее важную роль в развитии рабочего движения.

Свержение власти рабовладельцев, уничтожение рабства было совершено революционным путем. Гражданская война пробудила к активности и привела в движение многомиллионные массы трудящихся, которые наложили глубокий отпечаток и на ход борьбы, и на ее результаты. Гражданская война в США была своеобразной формой буржуазно-демократической революции. «Эта революция была буржуазно-демократической революцией, потому что основной удар был направлен на уничтожение рабства, а также потому, что негритянский народ, мелкие фермеры и рабочий класс сыграли решающую роль в обеспечении победы в гражданской войне»².

Основным вопросом всякой революции является борьба за власть. В гражданской войне борьба за власть велась между рабовладельцами и буржуазией, которая возглавила коалицию антирабовладельческих сил Севера. Итогом этой борьбы явилось утверждение буржуазии у власти, которое было достигнуто насильственным, революционным путем.

Гражданская война привела не только к уничтожению рабства, но и преобразовала весь государственный и социально-политический уклад страны, вся полнота государственной власти перешла в руки буржуазии.

Восстановление единства страны, уничтожение рабства и принятие закона о гомстедах создали все необходимые условия для развития единого емкого национального рынка, без которого невозможно было быстрое экономическое развитие страны.

Таким образом, буржуазия добилась осуществления своих целей; в результате гражданской войны в ее руки перешел полный контроль над всей экономической и политической жизнью страны.

Окончание гражданской войны ознаменовало начало нового

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXV, с. 424.

² Фостер У. Очерк политической истории Америки, с. 388 — 389.

этапа в политической жизни страны. Реакционные тенденции, характерные для позиции буржуазии в годы гражданской войны, после ее окончания превратились в основу политического курса класса буржуазии. Капитуляция рабовладельцев при Аппоматоксе означала для буржуазии завершение революции. Крупные предприниматели и торговцы, финансисты и биржевые маклеры, утвердившиеся у власти, взяли курс на восстановление «классового мира» в стране, на выработку приемлемого соглашения с бывшими рабовладельцами.

Ясно обозначилась линия на заключение классового союза между буржуазией и плантаторами, союза, направленного против рабочих, фермеров, негров, которые боролись за свои экономические и политические права и которые упорно сопротивлялись наступлению предпринимателей Севера и плантаторов Юга на их жизненный уровень.

Для заключения такого союза имелись необходимые исторические предпосылки: значительная часть торговой и промышленной буржуазии давно имела тесные экономические связи с плантаторами. Еще в годы войны на Юге начался процесс перераспределения земельной собственности, в результате которого буржуазия становилась крупнейшим земельным собственником в бывших мятежных штатах. Это также серьезно способствовало установлению взаимопонимания между побежденными рабовладельцами и победившей буржуазией. Оба класса были заинтересованы в том, чтобы обеспечить свои плантации дешевыми рабочими руками, а для этого надо было превратить негров в безземельных сельскохозяйственных рабочих, лишить их всех экономических и политических прав.

Такова была экономическая и политическая база, на которой началось формирование реакционного блока буржуазии и бывших рабовладельцев. Это был классовый союз эксплуататорских классов против широких трудящихся масс Севера и Юга.

В ходе гражданской войны 1861 — 1865 гг. буржуазно-демократические преобразования не были доведены до конца. Негры и белые бедняки Юга не получили земли. Негритянское население южных штатов не получило никаких экономических, политических и гражданских прав. На Юге не были полностью ликвидированы крупные латифундии. Не была решена задача демократизации общественной и политической жизни страны. Более того, после окончания войны буржуазия предприняла наступление на экономические и политические права трудящихся.

Политическая реакция, начавшаяся в стране после окончания гражданской войны, проявилась и в резкой активизации реакционных сил на Юге. Плантаторы развернули в южных штатах знамя

расовой войны, организовали многочисленные кровавые негритянские погромы.

Революционная гражданская война пробудила энергию широчайших народных масс. После окончания гражданской войны на Севере развернулось мощное рабочее движение, росли и крепели профсоюзы, на новый этап поднялось фермерское движение, которое впервые в истории страны стало принимать общенациональный характер.

На Юге развернулись настоящие сражения негров с бандами террористической организации ку-клукс-клан, основанной плантаторами в 1866 г. Борьба негров за равные с белыми экономические и политические права отличалась наступательным, революционным характером.

Массовые народные движения на Юге и на Севере были откликом гражданской войны, борьбой за разрешение тех задач, которые не были решены в ходе войны. «Начинается новый этап классовой борьбы в США — на суженной базе и главным образом на Юге. Революция, достигнувшая высшего подъема в 1863 — 1865 гг., идет по нисходящей линии»¹.

Этот новый этап классовой борьбы в США охватил значительный отрезок времени — 1865 — 1877 гг., который получил наименование периода реконструкции. Реконструкция была продолжением гражданской войны, вторым этапом американской буржуазно-демократической революции 1861 — 1877 гг.

Помимо огромного влияния на всю последующую историю Соединенных Штатов, гражданская война имела и большое международное значение. В 1918 г. в письме к американским рабочим В. И. Ленин указывал на «величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863 — 1865 годов в Америке!»²

Гражданская война в США способствовала развитию освободительного движения во многих частях мира, оказала большое влияние на рост классового самосознания рабочих Англии, Франции и других стран, способствовала росту интернациональных связей рабочего класса, что проявилось в активной борьбе рабочих европейских стран против подготовки вооруженной интервенции европейских держав в помощь рабовладельческой Конфедерации. Важное значение для укрепления интернациональных связей пролетариата имело участие в гражданской войне в США десятков тысяч рабочих разных национальностей, которые внес-

¹ Ефимов. А. В. Введение. — В сб.: «К столетию гражданской войны в США», с. 17.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 51.

ли большой вклад в борьбу за уничтожение рабства в США и разгром рабовладельческой Конфедерации. Гражданская война в Соединенных Штатах усилила интернациональные связи рабочего класса Европы и Америки.

В эпоху грозных потрясений, происходящих во время революций, народы за короткий исторический период проходят путь, равный многим десятилетиям спокойного мирного развития. И эти немногие революционные годы оставляют глубочайший след в истории страны, в сознании народа. Традиции революционного периода передаются из поколения в поколение, на них учатся, из них извлекают уроки будущие поколения борцов за интересы народа. Революционные традиции — это нержавеющее оружие народных масс, которое используется и совершенствуется в новых социальных битвах.

Носителем революционных традиций и демократических идей являются народные массы и их выдающиеся руководители. Одно из самых почетных мест среди этих руководителей принадлежит великому гражданину Америки Аврааму Линкольну. 21 сентября 1959 г., выступая в Сан-Франциско, Н. С. Хрущев говорил: «Лучшие люди вашей страны боролись за демократические идеи, которые нес Линкольн, и они победили»¹.

Имя Авраама Линкольна неразрывно связано с гражданской войной 1861 — 1865 гг., бурные революционные потрясения которой выдвинули его в ряды величайших деятелей американской демократии. Выходец из семьи простого фермера-пионера, Линкольн прошел большой трудовой путь, прежде чем занял пост президента США. Многие годы физического труда, общение с простыми тружениками — все это наложило отпечаток на его характер и политические взгляды. Линкольн всегда питал искренние симпатии и расположение к людям труда.

Линкольн пришел к власти не как представитель трудящихся масс. На посту президента он был выразителем интересов прогрессивной части буржуазии северных штатов. На политику Линкольна значительное влияние оказывали его тесные связи и с мелкобуржуазными элементами страны. Все это надо иметь в виду, чтобы дать правильную оценку классовой сущности сложной и зачастую противоречивой деятельности Линкольна.

Важнейшим критерием в оценке любого политического и государственного деятеля США того периода являлось его отношение к проблеме рабства. Еще задолго до гражданской войны Линкольн неоднократно выступал, хотя и не всегда последовательно, с осуждением рабства. Противоречивость в вопросе о рабстве

¹ «Правда», 24. IX. 1959.

была характерна и для его деятельности в первый период гражданской войны — до издания предварительной Прокламации об освобождении рабов от 22 сентября 1862 г. Причина подобной позиции Линкольна в главном вопросе гражданской войны, которым являлась борьба за освобождение рабов, заключалась не в личных качествах и не в его взглядах на эту коренную проблему войны.

Линкольн занимал пост президента в годы революционных потрясений, когда классовая борьба достигла величайшего размаха и переросла в ожесточенную гражданскую войну между сторонниками и противниками рабства. Главным преимуществом Севера в этой борьбе было не его превосходство над Югом в военно-экономическом потенциале, а поддержка правительства Линкольна в борьбе с рабовладельцами самыми широкими народными массами. На Севере сложилась антирабовладельческая коалиция, возглавляемая Линкольном, которая явилась важнейшей силой, обеспечившей возможность уничтожения рабства и военного разгрома рабовладельцев. Но по своему классовому составу эта коалиция была чрезвычайно разнообразная, и она не имела единой, четко сформулированной программы в вопросе о рабстве.

Линкольн был главой буржуазного правительства и в своей деятельности отражал колебания и противоречия, свойственные политике буржуазии в вопросе о рабстве. Президент испытывал огромное давление со стороны умеренных и реакционных кругов буржуазии, которые выступали против освобождения рабов и ведения войны по-революционному. И это накладывало отпечаток на его политику в вопросе об освобождении рабов. Однако это давление не было определяющим — Линкольн никогда не был на правом фланге буржуазной республиканской партии.

Позиция Линкольна в вопросе о рабстве претерпевала постоянное изменение. Линкольн, как политический деятель, рос вместе с революцией, по мере углубления революции под влиянием широких народных масс он постепенно пересматривал свою позицию и в конце концов выступил за принятие закона о гомстедах, за освобождение рабов, за ведение войны революционными методами.

Огромной исторической заслугой Линкольна является то, что он умел прислушиваться к голосу народных масс и перестраивал свою политику с учетом требований народов.

Убедившись в правильности какого-либо решения и приняв его, Линкольн настойчиво и последовательно добивался проведения его в жизнь. Так было и с вопросом об уничтожении рабства. Президент проявил колоссальную силу воли и решительность, отражая настойчивые атаки реакционных кругов буржуазии, пытавшихся не допустить претворения в жизнь Прокламации об освобождении рабов.

Опубликование Прокламации об освобождении рабов явилось поворотным пунктом в государственной и политической деятельности Линкольна. Это событие ознаменовало завершение эволюции политических взглядов великого президента, который от политики ограничения рабства занимаемой территорией пришел к признанию и практическому претворению в жизнь доктрины аболиционистов — уничтожить рабство.

Освобождение рабов явилось крупнейшим прогрессивным событием в истории всего американского народа, положившим начало новому этапу в развитии страны. И это величайшее прогрессивное событие неразрывно связано с именем Авраама Линкольна.

Глубокие симпатии сохранили к Линкольну простые люди США и других стран. Причина этого заключается в глубокой, искренней демократичности великого президента, его простоте, доступности, горячей любви к простым труженикам, из среды которых он вышел и с которыми никогда не порывал связи. Линкольн понимал нужды и запросы простых людей, высоко ценил их роль и место в обществе.

Авраам Линкольн был горячим патриотом своей родины и проявлял глубокое беспокойство за ее судьбу, видя угрозу демократическим институтам страны в жажде буржуазии к обогащению, в коррупции, которая уже в то время как ржавчина разъедала весь государственный аппарат страны.

Линкольн был решительным противником войн, но ему пришлось быть руководителем государства в годы самой ожесточенной войны в истории страны. Линкольн видел огромные жертвы и страдания, которые приносит народу война. И он призывал своих соотечественников «сделать все для того, чтобы добиться и поддерживать длительный и справедливый мир в нашем народе и со всеми народами мира»¹.

Путь к достижению этой цели великий президент видел в укреплении дружбы и взаимопонимания между народами. Линкольн говорил, что «сильнейшей связью между людьми, помимо семейных отношений, должна быть связь, объединяющая трудящихся всех наций, языков и племен»².

Эти слова великого гражданина Америки не только не потеряли своей актуальности в наши дни, но и приобрели особый смысл в современных условиях, когда все прогрессивное человечество видит свою главную задачу в борьбе за предотвращение новой мировой войны.

¹ «Collected Works», Vol. VIII, p. 333.

² «New York Daily Tribune», 23. III. 1864.

Место и роль государственного деятеля в истории определяется тем, насколько его практическая деятельность отвечала интересам народных масс, выдержала ли эта деятельность проверку временем, которое является самым беспристрастным и объективным судьей. Столетие отделяет нас от той эпохи, когда протекала жизнь и деятельность Авраама Линкольна. И сейчас, оглядываясь назад, можно с полным основанием сказать, что деятельность Линкольна на посту президента США в бурные годы гражданской войны ознаменовалась величайшим прогрессивным завоеванием американского народа — уничтожением рабства, открывшим новую эпоху в развитии страны.

Линкольн, воплощавший в себе лучшие черты своего народа, пользовался огромным авторитетом у трудящихся масс. Этот авторитет не могли подорвать никакие происки реакционных сил, которые в борьбе с Линкольном широко использовали ложь, клевету, провокации и не остановились даже перед тем, чтобы уничтожить его физически.

Почти столетие отделяет нас от дня гибели Авраама Линкольна, но борьба вокруг его имени и великих событий, связанных с ним, продолжается и в наши дни. Для всей передовой Америки Линкольн остается национальным героем, воплощением революционных традиций, которые и сегодня находятся на вооружении прогрессивных сил США, борющихся за демократические права народа.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	
СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЛИНКОЛЬНА	5
Глава вторая	
НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	26
Глава третья	
ИЗБРАНИЕ ЛИНКОЛЬНА ПРЕЗИДЕНТОМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.	71
Глава четвертая	
ВЫХОД ЮЖНЫХ ШТАТОВ ИЗ СОЮЗА И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	119
Глава пятая	
СООТНОШЕНИЕ СИЛ И ЦЕЛИ ВОЙНЫ	164
Глава шестая	
ПЕРВЫЕ КРУПНЫЕ БОИ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ	197
Глава седьмая	
НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕХОДА К РЕВОЛЮЦИОННЫМ МЕТОДАМ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.	243
Глава восьмая	
ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОВ.	280
Глава девятая	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВТОРОГО ЭТАПА ВОЙНЫ	332
Глава десятая	
ПЕРЕИЗБРАНИЕ ЛИНКОЛЬНА ПРЕЗИДЕНТОМ США. ОКОНЧАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	388
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	435

Иванов Роберт Федорович

АВРААМ ЛИНКОЛЬН И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США

Ответственный редактор *П. Ульяшов*
(контактный тел. 929-93-02)

Художественный редактор *М. Левыкин*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Г. Павлова*

Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Издательство «Эксмо».

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Минуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет

весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий
ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»

в Нижнем Новгороде и Челябинске:

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.

ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (3512) 62-22-18.

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.12.2003.

Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 23,52 + вкл.

Тираж 3100 экз. Заказ № 2289.

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ЭКСМО

ИСТОРИЯ США В ЛИЦАХ

Гражданская война в США 1861–1865 годов – крупнейшее событие в истории этой страны, она наложила глубокий отпечаток на все последующее развитие Соединенных Штатов Америки. В ходе кровопролитных сражений в США было уничтожено рабство негров. Выдающуюся роль в борьбе за уничтожение рабства сыграл великий гражданин Америки Авраам Линкольн.

Книга основана на анализе широкого круга источников: неопубликованных архивных материалов, документов конгресса США, прессы, работ зарубежных и отечественных историков.

ISBN 5-699-04561-9

9 785699 045617 >